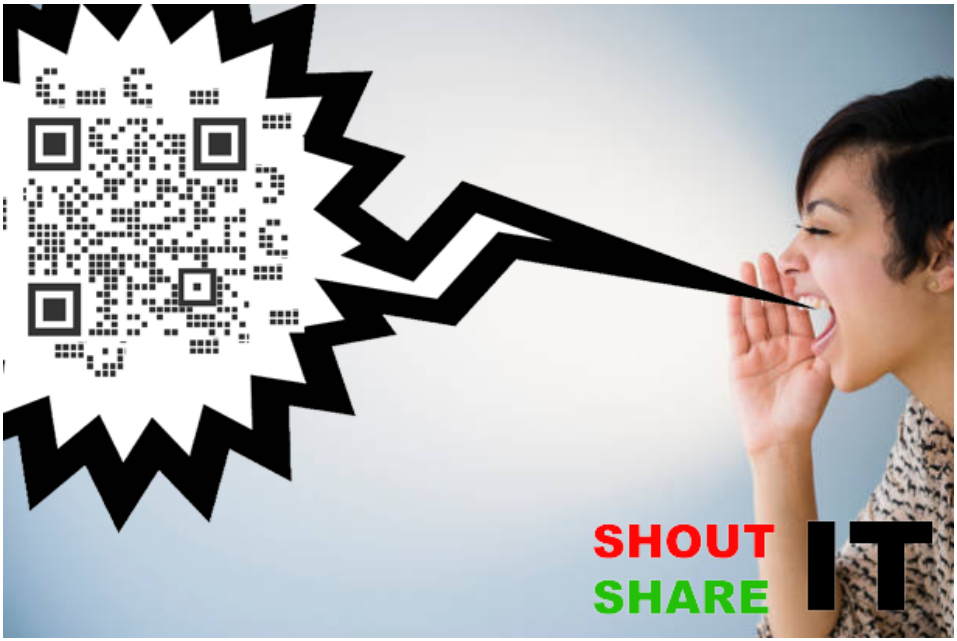
МАЙКЛ ДЖЕКСОН

(1958-2009)

РЭНДИ ТАРАБОРЕЛЛИ

ЖИЗНЬ КОРОЛЯ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вся жизнь Майкла Джексона сопровождалась сплетнями и мифами. Не меньшей загадкой стала и внезапная смерть короля поп-музыки. Звезда популярности Майкла Джексона взошла, когда ему было всего лишь пять лет, и не закатилась даже с его смертью.

Чтобы стать королем поп-музыки, Майкл воспользовался всеми достижениями своего века. Он совершил прорыв как в области музыки и танцевальной техники, так и в сфере пластической хирургии.

Скандалы, связанные с личной жизнью Майкла, прокормили уже не одно поколение работников желтой прессы. На его музыке выросло не одно поколение артистов. Миллионы поклонников никогда не забудут его лунную походку. Его песни всегда будут звучать актуально!

- Рэнди Тараборелли
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- ЭПИЛОГ
- Приложение

- Примечания
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Рэнди Тараборелли
Майкл Джексон (1958-2009). Жизнь короля

ПРЕДИСЛОВИЕ

На сцене Пасадена Сивик Центра двадцатичетырехлетний Майкл Джексон... Звезда представления на 25-летнем юбилее фирмы грамзаписи Motown. Он и его братья — Джек-ки, Тито, Джермен, Марлон и Рэнди только что исполнили ностальгическое попурри. Нынешний вечер стал символом воссоединения группы «Пятерка Джексонов». Теперь Майкл один на сцене.

Много лет прошло с момента его последнего телевизионного выступления. Он выглядит совсем по-другому — стройный, почти прозрачный. Прямой нос, узкий, тонко изваянный стараниями его пластического хирурга — Микеланджело XX века. Макияж наложен мастерски — миндалевидные глаза обведены черным и слегка оттенены, тонкие брови. Высокие скулы выделены едва заметными румянами. На губах легкий блеск. Вместо прежней африканской шапки волос — мягкие локоны, которые обрамляют его лицо. Прожекторы высвечивают переливающийся черный пиджак, серебристую рубашку и надетую на левую руку перчатку, усыпанную тысячью двумястами искусственных бриллиантиков. Черные ботинки и ослепительно белые носки тоже сияют.

Музыка начинает вибрировать, Майкл недвижим — его правая рука сжимает черную широкополую шляпу, левая нога чуть согнута. Эта поза напоминает Боба Фосса или Сэмми Дэвиса-младшего. Но у Майкла в ней своя магия. Хотя аудитория бушует, он безучастен. Большинство артистов выступают для своей аудитории, Майкл делает это для себя. Это его катарсис, его способ справляться с личной болью, его путь изгнания бесов из собственной жизни.

Он отбрасывает шляпу в сторону, он постоянно в движении. Даже когда замирает, кажется, что движение продолжает литься.

Слова, музыка, движения, эмоции.

«Билли Джин не моя девушка», — поет Майкл с болью на лице. «Она просто девушка, которая говорит, что я тот самый. Но ее ребенок не мой сын». Эту глубоко личную песню Джексон написал об отцах и сыновьях, об отверженных, о лжи, о том, как подходишь к самому краю сумасшествия.

Все его выступления завораживают, но потрясающий каскад движений под звуки короткой инструментальной интерлюдии Billie Jeen навсегда закрепил за ним славу легендарного танцора. Каждое длится доли секунды, Майкл молниеносно пересекает сцену, замирая и вновь двигаясь вперед и назад практически одновременно. Никто не может в точности повторить это чудо, аудитория взрывается аплодисментами.

В зале хаос. Люди танцуют в проходах, мужчины развязывают галстуки, женщины в вечерних платьях взбираются на стулья.

С детства, когда Майкл был солистом семейного ансамбля «Пятерка Джексонов», он обладал удивительной способностью заводить публику своим пением и танцами. На этот раз что-то было по-другому. Сегодня аудитория потрясена как силой его личности, так и его голосом, изысканным танцем. Минуты на сцене Пасадена Сивик Центра были огромным скачком в его карьере. После этого вечера и личная, и профессиональная жизнь Майкла очень изменилась.

Когда представление окончилось, казалось, он удивлен, и даже сделал еще полшага, прежде чем понял, что музыка смолкла. А может быть, это его собственный жизненный ритм продолжал двигать его вперед. Зал сотрясался от аплодисментов. Майкл поклонился, потом выпрямился и поднял руку. Его взгляд был устремлен вперед, тело замерло, он не улыбался и никак внешне не реагировал на этот волшебный миг.

За кулисами его ждали братья — 32-летний Джекки, Тито (30), Джермен (29), Марлон (25) и Рэнди (25). Они бросились обнимать Майкла.

«Вот это работа!» — воскликнул Джекки.

«Никогда не видел ничего подобного», — добавил Джермен.

Все говорили одновременно, перебивая друг друга. То, что сделал Майкл во время своего сольного выступления, для всех было сюрпризом — он решил никому заранее не расска-

зывать, каким будет его номер. Не хотел больше ни с кем делиться своей карьерой, секретами успеха.

В течение пятнадцати лет Майкл был частью семьи, которую окружающие считали идеальной. Поддерживать это впечатление было нелегко для них всех. По правде сказать, семья Джексонов была далека от совершенства. И дети, и родители переживали столько же сердечной боли и несчастий, очень часто — друг от друга, сколько и успеха.

В годы, последующие за этим выступлением, Майкл станет одним из наиболее известных людей в мире. По числу продажи его альбом Thriller превзойдет любые другие в истории популярной музыки. Он будет занесен в Книгу рекордов Гиннесса как наиболее успешный артист всех времен. Хотя его история на самом деле не только история триумфального успеха и исполнения желаний, но и бесконечно грустное повествование предательств и эксплуатации. И хотя он выступал для миллионов людей, жизнь его полна одиночества и отчаяния. А самое главное — это история, которая до сих пор никогда и никому не была рассказана.

Глава 1

Городку Лос-Оливос в провинции Санта-Барбара немногим более ста лет. Таверна «Матей», открытая в 1886 г., была в то время постоялым двором. Позднее она превратилась в станцию узкоколейной железной дороги «Пасифик Кост» (Pacific Coast). То, что сейчас Лос-Аламос Каунти Парк, когда-то было прибежищем бандитов. В начале девятисотых годов большая железнодорожная ветка была проведена на тридцать миль ближе к побережью. Она прошла мимо Лос-Оливос, и население этого когда-то процветающего городка уменьшилось. Но ему суждено было пережить второе рождение. То, что когда-то было всего лишь таверной, теперь престижный ресторан. Художественные галереи, антикварные лавки, магазины подарков в отреставрированных зданиях — все это благодаря наплыву туристов.

Триста пятьдесят человек называют сейчас своим домом Лос-Оливос. Один из них — Майкл Джексон.

В долине Санта-Инес рядом с Лос-Оливосом горная дорога Фигуэроа взбегает вверх по зеленым холмам, поросшим дубами и кленами. В полмиле от дороги за дубовыми воротами расположился фермерский дом в голландском стиле. Его кирпичные стены перекрещивают деревянные балки. На первом этаже — 17 комнат, на втором — 16. В доме традиционная обширная столовая, винный погреб, в каждой спальне — камин. Во дворе за кухней большая площадка для барбекю. К дому пристроены несколько флигелей для гостей. Когда-то эта усадьба называлась «Сикаморе Рэнч» («Платановое ранчо»). Купив Never Land Valley (это значит также — Страна вечного детства. — Прим. ред.), Майкл переименовал ее в «Долину, где сбываются мечты».

Сейчас Майкл строит в своей усадьбе парк аттракционов с каруселью, огромной горкой и чертовым колесом.

При усадьбе в две тысячи семьсот акров земли, когда-то предназначавшейся для выращивания овса и разведения домашнего скота. Тысячи дубов оттеняют теперь прекрасный ландшафт с большим искусственным озером с водопадом и каменный мост. Усадьба была выставлена на продажу за тридцать пять миллионов долларов. Майкл купил ее 2 мая 1988 года за семнадцать миллионов.

В двух тысячах миль к востоку от этих мест в сером индустриальном городе Гэри, штат Индиана, на углу Джексон-стрит под номером 2300 стоит маленький трехкомнатный кирпичный домик. Площадь его — примерно сто футов в длину и

пятьдесят в ширину. Нет ни гаража, ни красивого вида из окон и практически никакой зелени. Окружающие улицы довольно чистые, но район по всем признакам мало привлекательный. Прямо за домом — футбольное поле средней школы им. Рузвельта и заасфальтированная площадка для игры в баскетбол.

Это первый дом, в котором в детстве жил Майкл Джексон с отцом Джозефом, матерью Кэтрин, братьями Джекки, Тито. Джерменом, Марлоном, Рэнди и сестрами Моурин, Ла-Тойей и Джанет.

Джозеф и Кэтрин ничем не отличались от любых других родителей. Как и все, они хотели для детей самого лучшего в жизни. В начале 50-х это означало жить в доме, где было бы больше чем три комнаты и одна ванна на 11 человек. Они могли бы позволить себе иметь одежду и ботинки, купленные в приличном магазине, а не на распродаже, почти новый микроавтобус и хотя бы раз в неделю поесть в дешевом ресторане. Это предполагало также, что когда дети закончат среднюю школу, они найдут себе постоянную работу, и желательно — не в заводских цехах.

Когда отец и мать обнаружили музыкальный талант у детей, они стали мечтать о большем. Они грезили о том, что их дети выиграют музыкальные конкурсы, что их заметят.

Когда мальчики выпустили первую пластинку, родители начали представлять в мечтах большой дом в Голливуде с бассейном и слугами, собственную машину для каждого члена семьи, и чем роскошнее, тем лучше, костюм-тройку и бриллиантовое колечко на мизинец для Джозефа, норковую шубку для Кэтрин. Они мечтали о том, чтобы, включая телевизор, могди видеть на экране своих детей; чтобы их семью узнавали на улице и просили автографы. Они бы встречались со знаменитыми людьми, может быть, даже с президентом Соединенных Штатов или английской королевой.

Старшие Джексоны хотели всего самого лучшего в жизни для своих детей, но, конечно, и для себя. Они мечтали о славе и богатстве. Но, как говорится в мудрой поговорке, «будь осторожен со своими мечтами, ведь они могут сбыться».

Джозеф Уолтер Джексон родился 26 июля 1929 г. Его родители Сэмуэл и Кристел Джексон жили в городке Фаун-тейн-Хилл в штате Арканзас. Сэмуэл был школьным учителем, Кристел — одной из его учениц. Джозеф был старшим из пятерых детей. Сестра Верна умерла, когда ей исполнилось 7 лет. Сэмуэл, будучи строгим и упрямым человеком, держал детей в ежовых рукавицах. Им было запрещено общаться с детьми на улице. «В Библии сказано, что дурные сообщества развращают добрые нравы», —

говорила мать Джозефа.

«Сэмуэл любил свою семью, но держался от родственников на расстоянии и к себе близко тоже никого не подпускал», — вспоминает один из его близких. Он не был теплым человеком. Очень редко выказывал семье свое расположение, и поэтому его не очень-то понимали. Люди думали, что он вообще бесчувственный, но это не так. Он был довольно эмоциональным человеком, но не умел это выражать. Джозеф очень многое перенял от своего отца.

Сэмуэл и Кристел развелись, когда Джозеф был подростком. Отец с сыном переехали в Окленд, Кристел с другими детьми направилась в Восточный Чикаго. Когда Сэмуэл женился в третий раз, Джозеф решил переехать в Индиану к матери. В 11-м классе бросил школу и стал боксером, получив звание Золотая Перчатка. Вскоре он познакомился с Кэтрин Эстер Скруз. Она была очаровательной изящной женщиной и привлекла его приветливым нравом и теплой улыбкой.

Кэтрин родилась 4 мая 1930 г. и была крещена как Кэтти Б. Скруз в честь тети со стороны отца (в детстве ее называли Кэйт, близкие до сих пор ее так зовут). Родителями ее были Принц Альберт Скруз и Марта Апшоу. Родилась она в провинции Барбор (штат Алабама) в сельской глубинке, которая была родиной многих поколений ее семьи. В 1931 г. родилась сестра Хатти.

Принц Скруз работал на железной дороге Семинол, а также занимался фермерством, выращивал хлопок, как дед, как прадед Кэтрин — Кэндел Браун. Браун, который каждое воскресенье пел в церкви провинции Рассел и был знаменит своим голосом, когда-то был рабом алабамской семьи Скру-зов, чье имя впоследствии и получил.

«Люди говорили мне, что когда окна в церкви были открыты, голос моего прадеда был слышен по всей долине, — вспоминала Кэтрин. — Когда я это узнала, подумала — может, это у нас в крови?»

Когда Кэтрин было 1,5 года, она заболела полиомиелитом, который в то время часто назывался детским параличом, им страдало очень много детей. В то время против этой болезни не было вакцины, и многие малыши умирали, как, например, сестра Джозефа Верна, или становились инвалидами.

В 1934 году Принц Скруз переехал в Чикаго (штат Индиана) в поисках постоянной работы. Сначала пошел на сталепрокатный завод, а потом стал проводником в пассажирском поезде на центральной Иллинойской железной дороге. Не прошло и года, как Принц и Марта развелись. Марта осталась в Восточном Чикаго с маленькими дочерьми.

Из-за болезни Кэтрин стала застенчивым и скрытным ребенком, над ней насмехались одноклассники. Поскольку ей приходилось постоянно лечиться в больнице, она не смогла вовремя окончить среднюю школу. Взрослой, ей пришлось оканчивать вечерние курсы, чтобы получить школьный аттестат. До 16 лет она ходила на костылях, да и до сих пор прихрамывает.

Единственные приятные воспоминания о детстве — музыка. Все детство сестры слушали музыкальные радиопрограммы и обожали таких звезд, как Хэнк Уильяме и Эрнест Таббс. Девочки играли в школьном оркестре, пели в молодежном церковном и школьном хоре. Кэтрин, которая также пела в местной баптистской церкви, мечтала о карьере актрисы или певицы.

Она влюбилась в Джозефа с первого взгляда. Но он женился на другой. Вероятно, не очень удачно, уже через год последовал развод. Тогда Джозеф и Кэтрин начали встречаться и очень скоро обручились. Оба были музыкальны: он обожал блюзы, которые исполнял на гитаре, она любила мелодии вестерн-кантри, играла на кларнете и фортепиано. До замужества они часто гуляли в холодные зимние ночи, распевали рождественские песни. Вместе их голоса звучали великолепно благодаря замечательному сопрано Кэтрин. Майкл считает, что унаследовал способность к пению от матери. Одно из его ранних детских воспоминаний — она обнимает его и поет «Ты мое солнышко» (You Are My Sunshine) и «Хлопковые поля» (Cotton Fields).

5 ноября 1949 года в городке Кроун Пойнт (штат Индиана) состоялась церемония бракосочетания 20-летнего Джозефа Джексона и 19-летней Кэтрин Скруз. Развод ее родителей был огромным потрясением для нее. Она поклялась, что ничего подобного никогда не увидят ее дети. Она сказала себе, что с человеком, который станет ее мужем, никогда не разведется, несмотря ни на что.

«Кэтрин безумно любила Джозефа, — вспоминает Инна Браун, дальняя его родственница. — Любить было нелегко, он близко подпускал к себе только перед тем, как уйти от тебя. Но я слышала, что она находила ключики к нему. Говорили, что с самого начала их отношений подозревала, что муж порой изменял ей, но это не имело для нее никакого значения».

«Он был неуправляемым парнем, — говорила мать Джозефа. — Ему нравилось, когда вокруг него было много девушек. Я была очень рада, когда он завел семью с такой чудесной женщиной, как Кэтрин. Я была уверена, что она окажет на него хорошее влияние».

Новобрачные поселились в г. Гэри (штат Индиана). Это был задымленный, темный индустриальный городок с торчащими в

небе фабричными трубами, извергающими в воздух грязные клубы дыма. Их первая дочь Морин, которую они ласково называли Риби, родилась 29 мая 1950 г. Следующие дети шли один за другим. 4 мая 1951 г. в день, когда Кэтрин исполнился 21 год, она родила Зигмунда Эско, которого они ласково называли Джекки. Через два года, 15 октября 1953 г., родился Тариано Адарил — его называли Тито. Следующим был Джермен Лахуан — он родился 11 декабря 1954 г. ЛаТойя Ивон — 29 мая 1956 года, Марлон Давид — 12 марта 1957 г. (он был одним из близнецов, второй близнец Брэндон умер через сутки после рождения), Майкл Джозеф появился на свет 29 августа 1958 г. («с забавной головкой, большими карими глазами и длиннющими руками», — говорила его мать); Стивен Рэндол — 29 октября 1961 г., и последняя Джанет Да-мета — 16 мая 1966 г.

Семья из 11 человек жила в маленьком трехкомнатном домике по адресу: 2300 Джексон-стрит, в районе, где обосновались только негры. В доме была одна ванная комната, гостиная, кухня и маленький погреб. Кэтрин и Джозеф купили его в 1950 г. за 8,5 тыс. долларов с первым взносом в 500 долларов, ежемесячная плата за дом — 60 долларов. «Пяти шагов было достаточно, чтобы обойти, — вспоминал Майкл. — Он действительно был не больше, чем гараж».

Одна комната предназначалась для родителей. Мальчики спали в другой, на трехэтажной кровати: Тито и Джермен — вдвоем наверху, Марлон и Майкл посередине, Джеси внизу. Три девочки спали на раскладном диване в гостиной; когда родился Рэнди, его укладывали на втором диване. В холодные зимние месяцы семья собиралась на кухне у открытой духовки.

«У каждого из нас было свое задание, — вспоминает Джермен. — В доме всегда было чем заняться — драить пол, мыть окна или делать что-то в саду. Тито мыл посуду после обеда, я вытирал. Четверо старших гладили белье — Морин, Джекки, Тито и я. Нас не выпускали из дома, пока мы все не закончим. Мои родители воспитывали нас трудом, и очень рано мы научились чувствовать удовлетворение от работы».

Отец работал в вечернюю смену крановщиком на сталелитейном заводе «Инланд» в Восточном Чикаго. Одно из ранних воспоминаний Майкла — его возвращение с работы с огромным пакетом пончиков для всех. «Работа была тяжелой, но постоянной, поэтому я не мог жаловаться», — говорил Джозеф. Денег всегда не хватало — в начале шестидесятых он редко зарабатывал более шестидесяти пяти долларов в неделю, хотя часто работал сверх нормы, поэтому семья научилась обходиться малым. Школьных фотографий детей Джексонов почти нет, у

семьи не было денег выкупить готовые снимки. Первые пять лет жизни на Джексон-стрит обходились без телефона. Когда Джермен заболел нефритом, это было тяжелым потрясением для семьи, не только эмоциональным, но и финансовым. Кэтрин сама шила одежду для детей или приобретала ее в магазине Армии Спасения.

Питались они очень скромно — яичница с беконом на завтрак, бутерброд с яйцом и колбасой, иногда томатный суп на ланч, рыба с рисом на обед и практически каждый вечер — картошка. Кэтрин любила печь персиковые и яблочные пироги на десерт. Когда Джозефа увольняли с работы, он нанимался на картофельные поля, в это время семья выживала исключительно на картошке в любом виде — жареной, вареной или печеной.

«Все это меня не устраивало, — вспоминал Джозеф. — Что-то внутри меня говорило, что в жизни есть нечто большее, чем это. Чего я действительно хотел больше всего на свете — это найти путь в мир музыкального бизнеса. Я хотел выступать, и мы с братом создали группу».

Он, его брат Лютер и еще три человека организовали ритм-и-блюз группу и назвали его «Фэлконы» (Falcons). Она выступала в маленьких клубах и барах. Это приносило дополнительный доход семье.

Три старших сына Джозефа — Джекки, Тито и Джермен были заворожены музыкой отца и непременно были дома во время всех репетиций. Майкл совсем не помнит этот ансамбль.

В конце концов он развалился, и Джозеф запрятал свою гитару в шкаф в спальне. Инструмент был единственным свидетелем его затянувшейся мечты, и он не хотел, чтобы кто-либо из детей прикасался к нему. Майкл говорит об этом шкафе как о «священном месте». Кэтрин часто брала гитару с полки и играла для детей. Они собирались вместе в гостиной и пели ее любимые песни кантри.

Гэри был криминальным городом, район, где жили Джексоны, был довольно опасным. Кэтрин и Джозеф жили в постоянном страхе за детей. «Наши родители всегда очень оберегали нас, — вспоминает Джекки. — Нам никогда не разрешали играть на улице, как другим детям. Нас держали в строгости. Только в школе мы могли играть со сверстниками. Мы любили школу за то, что там мы могли общаться».

Джозеф был таким же строгим воспитателем, как его отец. Он не задумываясь наказывал детей, если считал, что они этого заслужили. Хотя в отличие от своих детей говорил, что не помнил, чтобы его особо жестоко избивали. Но даже если у них не осталось особенно заметных физических рубцов, то души их

были глубоко ранены теми мерами воспитания, которые к ним применялись. Джермен, который особенно болезненно воспринял «воспитание» своего отца, заикался в детстве и в юности.

Кэтрин, человек очень религиозный, играла большую роль в детстве Майкла. Сначала она была баптисткой, потом стала лютеранкой, но отошла от обеих религий по одной и той же причине - узнала, что у обоих ее духовников были внебрачные связи. Когда Майклу исполнилось пять лет, она вступила в Общество Свидетелей Иеговы. В 1963 году приняла крещение в бассейне средней школы имени Рузвельта в Гэри. С тех пор мать требовала, чтобы каждое воскресенье вся семья надевала свою лучшую одежду и шла вместе с ней в Киндом-Холл — место их собраний. Джозеф, воспитанный в лютеранских традициях, сходил вместе со всеми пару раз, исключительно ради жены, но бросил это занятие, когда дети были еще маленькими, «потому что это было очень скучно», вспоминает Марлон. Между тем со временем ЛаТойя, Морин и Майкл стали очень серьезно относиться к своей религии. Впрочем, если бы он исповедовал любую другую, он наверняка вырос бы совсем другим человеком.

Свидетели Иеговы настолько отделены от главного течения протестантства, что их считают сектой. Международные ученики Библии (как они называли себя до 1931 года) были организованы Чарлзом Тейзом Расселом в 1872 г. К 1976 г. последователи Свидетелей Иеговы были уже более чем в двухстах странах. Независимо от того, где они живут, ни один из них не будет салютовать флагу (они считают, что это идолопоклонничество) или служить в армии. По их понятиям, Рождество и Пасха — языческие праздники. Они никогда не сделают пожертвований ни в одну церковь, т.к. полагают, что пение псалмов — единственное достойное действо. Периодически новости о Свидетелях Иеговы появляются в прессе, т.к. они отказываются, например, от переливания крови как им самим, так и их детям, независимо от того, насколько серьезно они могут в этом нуждаться.

«Я не помню, чтобы они обсуждали вопросы своей религии где-то кроме семейного круга, — вспоминает Инна Браун. — Я знаю, что Джозеф совсем этим не интересовался. Но Кэтрин настолько рьяно защищала свои религиозные убеждения, что он никогда не мог ее ни в чем разубедить. Она хотела, чтобы все дети следовали этому учению, отец не противоречил. Ему было все равно, что она делает, только бы не заставляла его присоединиться ко всему этому. Он уважал религию за ее строгость, но ему нравились религиозные законы, а не духовность».

Свидетели Иеговы прилагают много усилий, чтобы

отгородить себя ото всех других религиозных направлений. Они даже время от времени меняют церковную терминологию, чтобы только истинные их приверженцы могли правильно понимать слова. «Конечно, — говорит Инна Браун, — у Кэтрин не было настоящих друзей на стороне». Джозеф по натуре был довольно замкнутым человеком. Их никак не назовешь общительной семьей».

«Многие соседи думали, что они немножко странные. Они считали себя выше других, — вспоминал другой дальний родственник — Джонни Джексон. — Когда люди узнали, что они Свидетели Иеговы, многие стали их бояться. Никто, конечно, не понимал толком, кто такие эти «свидетели». Кэтрин ходила от дома к дому, проповедуя свою веру. Иногда брала с собой детей. Тем не менее ни один человек так и не мог понять, о чем она говорит. А те, кто понимач, были испуганы до смерти и говорили, что это очень страшная религия».

Свидетели Иеговы считают себя овцами, а всех остальных — козлами. Когда будет великое сражение Армагедон, а оно ожидалось сначала в 1972-м, потом в 1975 г., все козлы будут немедленно уничтожены, а овцы спасутся. Они останутся жить на земле под покровом Христа, избранные — 144 тыс. человек — вознесутся на небеса и будут рядом с Господом. По истечении тысячи лет на землю придет сатана и будет искушать живущих на земле. Те, кто соблазнится на его обман, будут немедленно уничтожены, остальные же будут жить в небесном мире.

«Они никого не подавляли своими убеждениями, — говорила Глэдис Джонсон, директор начальной школы Гарнетт, где учились дети Джексонов. — На Рождество, Пасху или какой другой праздник они просто не приходили в школу. Конечно, мальчики никогда не вставали при поднятии флага, но при этом они вели себя настолько тихо, что это оставалось почти незамеченным».

На первый взгляд кажется удивительным, что у Свидетелей Иеговы так много черных последователей — 20—30 процентов членов этого религиозного течения. Но когда людей, вынужденных заниматься неблагодарной работой и не имеющих практически никакой надежды получить что-то лучшее из-за цвета их кожи, спрашивают: «Вы хотите жить в мире и счастье? Заслуживаете ли вы хорошего здоровья и долгой жизни для вас самих и тех, кого вы любите? Почему мир так полон бедами?» — они иногда начинают слушать. И тогда начинают понимать, что Свидетели Иеговы ценят друг друга только по их душевным качествам, а не по тому, какие у них новые машины, большие дома, дорогая одежда. Будучи приверженной ценностям, которые она проповедовала, Кэтрин научилась удовлетворяться тем, что

имела в Гэри.

Но Джозеф, который теперь в ночную смену работал на сталелитейном заводе «Инланд», а в дневную — на «Амери-кэн Фаундриз», мечтал о большем для себя и своей семьи.

Это было в начале 60-х. «Все, кого мы знати, пели в каких-нибудь группах, — вспоминает Джекки. — Это и было правильно — пойти и вступить в какую-нибудь группу, инструментальную или вокальную. Я хотел быть в вокальной, но нам не разрешали общаться с другими детьми, и мы начали петь вместе просто у нас в доме. Когда у нас ломался телевизор, мама собирала нас, и мы пели все вместе. А потом случилось вот что: когда наш отец уходил на работу, мы проникали в его комнату и брали заветную гитару».

«Я играл на ней, — продолжал Тито. — Я, Джекки и Джер-мен пели и разучивали новые песни... Однажды наша мать зашла в комнату, и мы замерли от ужаса, но она ничего не сказала. Просто позволила нам играть дальше».

«Я не хотела прерывать их, потому что видела — они очень талантливы», — объясняла Кэтрин позднее.

Это продолжалось несколько месяцев, до тех пор, пока однажды Тито не порвал струны на гитаре. «Я знал, что мне здорово влетит, — говорит он. — Нам всем сильно попадет. Наш отец был очень строгий, мы его жутко боялись. Я положил гитару на место в шкаф и надеялся, что он ничего не заметит. Но — заметил и выпорол меня. Просто выдрал как Сидорову козу, хотя мать соврала ему, что это она разрешила мне играть на гитаре, не хотела, чтобы отец меня порол. Когда он остыл, пришел в комнату, я все еще плакал в кровати и сказал ему: «Ты знаешь, что я умею на ней играть». Он посмотрел на меня и сказал: «Ну ладно, посмотрим, на что ты способен, умник». И я сыграл. Джермен и Джекки подпевали. Он был поражен. Он даже не мог представить ничего подобного, потому что мы дико его боялись и тщательно скрывали все от него».

Когда Джозеф обнаружил таланты своих детей, он почувствовал невероятный подъем. «Я решил, что оставлю музыку своим сыновьям, — скажет он позже. — Я стал мечтать об этом. Представлял, как мои дети делают счастливыми зрительскую аудиторию своим талантом, который они, возможно, унаследовали от меня. Я хотел, чтобы они что-то представляли собой».

На следующий день он вернулся с работы, пряча что-то за спиной. Позвал Тито и протянул ему сверток. Тито открыл его — это была красная электрогитара. «Ну, ребята, давайте репетировать», — предложил отец. Он собрал своих трех сыновей

— девятилетнего Джекки, семилетнего Тито и шестилетнего Джермена, и они начали заниматься. «Мы никогда не были так близки друг к другу, — вспоминает Тито. — Мы чувствовали, будто наконец нашли что-то общее. Марлон и Майкл сидели в углу и наблюдали за нами. Мама кое-что нам подсказывала. Родители были счастливы, мы все были счастливы. Мы нашли что-то особенное».

Джозеф учил детей блюзовым песням, которые очень отличались от песен в стиле кантри, которым их уже научила Кэтрин. Они репетировали не менее трех часов каждый день. «Когда я узнал, что мои дети хотят стать артистами, я серьезно стал заниматься с ними, — рассказывал Джексон журналу «Тайм». — В то время как другие дети болтались на улице, мои ребята работали в доме — старались научиться тому, как быть кем-то в этой жизни».

«Дом на Джексон-стрит просто разрывался от музыки», — вспоминает Майкл.

Музыка объединила Джексонов как семью, но еще дальше удалила их от остального мира. «Итак, люди думали, что мы немножко странные, — вспоминал Джекки, — но теперь они были в этом абсолютно уверены. «Эти Джексоны уж больно много о себе возомнили», — говорили они. — Понимаете, все болтались на улице и на каждом углу пели под гитары, а нам это не разрешали. Мы должны были учиться играть дома. И все ребята думали, что мы считали ниже своего достоинства — петь на углах».

В 1962 г. пятилетний Марлон тоже присоединился к группе. Он играл на бонго и пел в основном фальшиво. Марлон не умел ни петь, ни танцевать, но по настоянию Кэтрин ему все равно разрешили присоединиться к группе. Однажды, когда дети занимались музыкой, а Джозеф был на работе, мать заметила, как Майкл, которому в то время было 4 года, начал подражать Джермену, поющему песню Джеймса Брауна. Малыш пел таким чистым и сильным голосом. Она была абсолютно поражена. Как только муж вошел в дом, она бросилась к нему со словами: «Я думаю, у нас появился новый солист».

Маленький Майкл был удивительным ребенком. «С самого раннего возраста он очень отличался от всех остальных детей, — говорила Кэтрин. — Я не верю в реинкарнацию, но вы же знаете, как неуклюже двигаются малыши? Так вот у Майкла никогда этого не было. Когда он танцевал, казалось, будто танцует взрослый человек».

Майкл всегда был очень развитым ребенком. Когда ему было полтора года, вспоминает его мать, он держал свою бутылочку и

танцевал под ритм стиральной машины. По словам его бабушки Кристел Джонсон, внук начал петь, когда ему было около трех лет. У него был настолько красивый голос, говорила она, что даже тогда было наслаждением слушать его. Но иногда он был очень непослушным.

Тито вспоминает, что Майкл был «таким проворным, что когда мать или отец замахивались на него, успевал увернуться».

Майкл не терпел, когда его воспитывали. Однажды, когда ему было три года, Джозеф отшлепал его за что-то. Он снял с ноги ботинок и швырнул им в отца. Тот уклонился, но озверел, схватил за ногу, и «устроил ему такую встряску, которую тот, видимо, запомнил на всю жизнь. Но он это заслужил».

Каждый раз, когда отец его ударял, Майкл кричал так, будто его убивают.

«Он совершенно не мог смириться с тем, что отец распускал руки, — отмечал один из друзей семьи. — Конечно, что может сделать ребенок. Но, во всяком случае, в то время как другие дети терпели такое отношение к себе, Майкл никогда этого не допускал. Кэтрин тоже могла позволить себе дать пощечину детям. У нее тоже был темперамент. Но она могла найти баланс между раздражением и любовью, а Джозеф — нет. Сначала Майкл боялся отца, но после многих лет насилия начал ненавидеть его. В том, как Джозеф обращался с Майклом, когда он был ребенком, таились корни ненависти сына к отцу».

Майкл позже скажет: «Отец всегда был загадкой для меня, и он знает об этом. Наверное, больше всего я жалею о том, что никогда не мог быть по-настоящему близок с ним». Никто из детей Джексонов не имел тесных отношений с Джозефом. Да и сам он никогда не проявлял особо теплых чувств. Иногда ходил с ребятами в походы или на рыбалку, или учил их боксу в целях самозащиты. На девочек вообще не обращал никакого внимания. Когда Джанет была совсем маленькой, она любила заползти в кровать к родителям, но всегда должна была ждать, когда Джозеф проснется. Отец пугал до полусмерти мальчиков, когда они были совсем маленькими, залезая в окно из спальни в какой-нибудь страшной маске. Он говорил, что хотел показать им, почему следует закрывать окна на ночь. Повторял он это неоднократно.

Майкл постепенно отдалялся от отца и все больше сближался с матерью, которую обожал. «Несмотря на то что нас было у нее 9 детей, она относилась к каждому из нас как к своему единственному ребенку, — вспоминал он. — Кэтрин была настолько деликатной, теплой и внимательной, что я не могу представить, как это — вырасти без материнской любви. Мы очень ценили то, чему она нас учила. Доброта, любовь и

внимание к другим людям были на первом месте».

В 1963 г. в 5 лет Майкл пошел в начальную школу. Его мать говорила, что он был чересчур щедрым. Например, брал украшения из ее шкатулки и дарил учительницам. Будучи упрямым ребенком, продолжал делать это после того, как мать строго наказала его за то, что он раздает ее вещи. Одно из первых воспоминаний Майкла — выступление перед своим классом в первый год учебы. Он пел песню из кинофильма «Звуки музыки» (Sound of Music) и произвел большое впечатление на детей уверенной манерой держаться и своим голосом. Сверстники аплодировали ему стоя. Учительница плакала. Кэтрин была там вместе с отцом мужа Сэмуэль — человек отнюдь не сентиментальный, но и он плакал. «Я не знаю, откуда в нем это взялось, — говорила Кэтрин. — Он был так хорош, такой живой. Просто некоторые дети бывают особенными. Майкл был особенным».

Пятилетний Майкл был настолько энергичным, что Джек-ки, которому было 12 лет, решил, что его младший брат станет их лидером. Майкл не возражал — ему нравилось быть в центре внимания. А вот Джермен обиделся. Сначала он был солистом группы, теперь оказалось, что недостаточно хорош. Некоторые в семье полагали, что причина его заикания — отсутствие уверенности в себе с детства. Но и он тоже согласился с общим решением, так как было очевидно, что Майкл — прирожденный артист.

«Он стал потрясающим маленьким имитатором, — вспоминат Джермен. — Увидит что-нибудь, — например, как танцует другой ребенок, или выступление Джеймса Брауна по телевизору, и с ходу Майкл уже все запомнил и точно знает, как это все воспроизвести. Танцевать он тоже очень любил. Вообще-то Марлон был хорошим танцором, может быть, даже лучшим, чем Майкл. Но Майкл больше любил танцевать. Он всегда танцевал дома. Часто можно было заметить его танцующим перед зеркалом. Иногда он уединялся и разучивал новые движения, потом показывал их нам, и мы включали их в наше представление. Майкл стал хореографом нашего шоу».

«Наконец настало время принять участие в конкурсе талантов, — вспоминает Майкл. — Я помню это так отчетливо, будто это случилось только вчера. Все, кто жил в нашем квартале, хотели принять участие в конкурсе талантов и выиграть приз. Мне было тогда 6 лет, но уже тогда я понял, что ничто не дается просто так. Ты должен победить. Или, как сказал Смоки Робинсон, «ты должен это заработать». Мы приняли участие в конкурсе талантов в школе им. Рузвельта в Гэри. Пели песню Му

Girl группы Temptations. Джермен солировал. Мы выиграли первый приз».

Мальчики также исполняли свой вариант хита Роберта Паркера Barefootin. Посреди песни во время музыкальной паузы маленький Майкл скинул ботинки и исполнил на сцене свой босоногий танец к огромному восхищению толпы.

«После этого мы начали выигрывать все конкурсы талантов, в которых принимали участие, — рассказывал Майкл. — Дом был полон призов, мой отец был страшно этим горд. Я вам передать не могу, насколько горд он был. Наверное, никогда мои родители не были более счастливы, чем тогда в городке Гэри, когда мы выигрывали эти состязания. Это было время, когда мы были наиболее близки друг другу. Тогда, в самом начале, когда у нас ничего не было, кроме нашего таланта».

Первое неконкурсное выступление группы произошло в 1964 г. в супермаркете «Биг Топ». Вот как Майкл об этом вспоминает: «Люди приходили в магазин, чтобы что-нибудь купить, может быть, какую-нибудь присыпку для ребенка или еще что-нибудь в этом роде». Иногда группа называла себя Ripples and Waves + Michael. В 1965 году они выиграли первый городской конкурс талантов в Гэри. «Тогда-то наш отец понял, что мы далеко пойдем, — вспоминает Майкл, — а я осознал, что нас ничто не сможет остановить».

В 1965 г. Джозеф зарабатывал на заводе только около 8 тыс. долларов в год, работая на полной ставке. Кэтрин работала на полставки продавщицей в магазине готового платья. Когда отец захотел тратить больше денег на группу — на музыкальное оборудование, усилители, микрофоны, — она заволновалась.

«Я боялась, что мы не вытянем, — вспоминает Кэтрин. — Но Джозеф убедил меня, что мальчики наши стоили этого. Думаю, что никто на свете не верил в своих сыновей больше, чем мой муж, который часто говорил мне: «Если бы потребовалось, я бы отдал за этих ребят последний цент».

«Понимаете, я видел огромный потенциал в моих сыновьях, — признавался он. — Нуда, я действительно превышал свои возможности, вкладывал очень много денег в инструменты, и это были те деньги, которых у нас просто не было. У нас с женой были жуткие споры на тему «пустой траты денег», как она это называла. Она кричала, что деньги надо было тратить на еду, а не на гитары и барабаны, но я был главой семьи, и мое слово было последним».

«Черные привыкли к тому, что надо бороться за существование, в этом не было ничего нового ни для меня, ни для кого из нас. Мои дети научились экономить — у них не было

другого выбора. Мы ели очень дешевую и простую пищу».

Вскоре Джозеф повез своих детей в Чикаго, чтобы там они приняли участие в конкурсе талантов. Чикаго в 60-е годы был полон таких талантов в музыке соул, как Кертис Мей-филд, группа Impressions, Джерри Батлер и Мэйджер Лэнс. И хотя Джозеф не был шоуменом, он прекрасно знал, как сделать представление. Он учил своих мальчиков всему', что знал сам по опыту, по наблюдениям, и тому, что чувствовал инстинктивно, как завоевать признание публики. «Это было поразительно, как иногда он был прав в некоторых вещах. Он был лучшим учителем, который у нас когда-либо был», — скажет Майкл.

«Однако с ним было нелегко», — добавит он в другом интервью с журналистом Гэрри Хирши. — Это неправильно, это надо делать вот так, — говорил он. Нам нравилось петь, но он никогда нас не хвалил, никогда не говорил нам «О, как чудесно». Чаще звучало: «Вы должны это делать правильно». Но мы все равно очень любили заниматься всем этим. Он научил меня, как работать на сцене, как обращаться с микрофоном и какие делать жесты и все остальное».

«Я стал настоящим разведчиком, — рассказывает Джозеф. — Я обязательно ходил на все представления всех музыкальных групп, приезжавших в Гэри. Брал блокнотик и записывал все, что, как мне казалось, могло быть интересным. Мне нравились все эти группы, хотя все они выглядели одинаково. Один певец был солистом, он стоял впереди. Например, три других певца стояли немножко поодаль сбоку и исполняли прекрасно отрепетированные хореографические композиции и одновременно подпевали солисту. Их голоса сливались, особенно если все они были членами одной семьи. Я взял на заметку кое-какие элементы, прибавил некоторые собственные идеи и таким образом вывел формулу исполнения для моих ребят».

Когда группа впервые давала представление в ночном клубе в Гэри, он изменил ее название — теперь это были «Братья Джексоны» (Jackson Brothers). На этом они заработали 7 долларов. Когда мальчики стали выступать в других клубах, зрители кидали на сцену монеты и купюры. «Деньги оттягивали мои карманы, рвали их, — вспоминал Майкл, — брюки на мне просто не держались. Потом я шел и покупал конфеты для себя и всех остальных».

Многие соседские мальчишки время от времени сопровождали группу Джексонов, в 1966 г. Джонни Портер Джексон (он не был их родственником) присоединился к ней как постоянный барабанщик. Его семья была дружна с Джексонами, и они со временем начали считать его своим «кузеном». К группе

присоединился также клавишник Ронни Ренсифер. Мальчики играли в клубах Гэри и даже в Чикаго. Майклу было 8 лет. Он был солистом. Тито играл на гитаре, Джермен на бас-гитаре, Джекки на маракасах и Джонни Джексон на барабанах. Марлон пел гармонию и танцевал.

«Мы все заработаем кучу денег, ребята», — обещал им Джозеф. Он репетировал с ними каждое утро перед школой, когда возвращались, была еще одна репетиция. «Никто не хотел так тяжело работать, но у нас не было выбора», — отмечал Марлон.

Кэтрин была столь же воодушевлена успехом своих мальчиков, как и ее муж. По рассказам, она выглядит как женщина, стоящая в стороне и наблюдающая, как он занимается с детьми, готовит их к будущей карьере. Но это не так. Мать также жаждала увидеть своих детей знаменитыми. Ей очень нравилось для них шить костюмы, быть шофером, когда они ездили на концерты, и делать все, что от нее могло потребоваться.

Иногда, правда, с ней возникали трудности. Духовные ценности семьи стали меняться. Если раньше музыкой семья занималась только ради удовольствия, то теперь появилась и тема финансов. Оказалось, что, раз заработав денег, хочется получать их еще и еще. Но если Свидетели Иеговы подчеркивают, что хорошая работа гораздо важнее, чем деньги, так почему же деньги вдруг стали так важны? Она была обеспокоена тем, как счастливы были дети, когда возвращались домой с карманами, набитыми долларами. «Это неважно», — говорила она им. Но какой ребенок поверил бы ей, она сама подталкивала их выигрывать больше конкурсов талантов и тем самым зарабатывать больше денег. Она аккуратно вырезала из газет все заметки об их победах и вклеивала их в специально заведенный для этого альбом. Очень волновалась, что мальчиков не «откроют» вовремя и всячески подталкивала Джозефа, чтобы он позаботился об этом.

В пять часов утра в понедельник микроавтобус Джексонов доползал до дома 2300 по Джексон-стрит после субботних и воскресных выступлений. Пока Кэтрин готовила завтрак, мальчики пару часов могли поспать. Потом — проглатывали завтрак и бежали в школу, как и все остальные дети, живущие по соседству.

«Мы должны получить для них контракт на звукозапись, пока они еще не выросли», — сказала Кэтрин. Муж отослал пленку с записью их песен в Motown Records, но не получил ответа. «Тогда попробуй другую компанию», — настаивала она.

В торговом центре в Гэри группа получила новое название. «Я разговаривал с одной женщиной, ее звали Эвелин Личи, —-

вспоминает Джозеф. — Она была очень красивая. Раньше работала манекенщицей и разъезжала по всем Штатам. Ребята давали представление в универмаге, и она сказала мне после шоу: «Мне кажется, что «Братья Джексон» звучит несколько старомодно. Почему бы тебе не назвать их «Пятерка Джексонов» Jackson Fine? Мне понравилось это — «Пятерка Джексонов». С тех пор мы так и стали их называть». (В своем интервью Кэтрин утверждает, что это у нее состоялась такая беседа. Она говорит, что Эвелин вместе с ней придумала это название, а Джозеф при этом не присутствовал.)

Скоро группа стала часто выступать в клубах в соседних городах во время выходных. Отец установил багажник для музыкального оборудования на крыше семейного автобуса, так как группа уже начинала выступать в больших аудиториях на две-три тысячи мест в таких городах, как Кливленд и Вашингтон. Это были смешанные концерты, в которых принимало участие много артистов, известных и совсем новичков, как, например, группа «Пятерка Джексонов». Такие концерты давали хорошую возможность начинающим поучиться у именитых исполнителей. Обычно после своего выступления братья Майкла уходили из зала, он же стоял за кулисами и внимательно наблюдал за работой других артистов. Если кто-то искал восьмилетнего Майкла, они всегда знали, где найти его — за кулисами, он запоминал «каждый шаг, каждое движение, каждый поворот, каждую эмоцию».

Это время было очень ценным для обучения Майкла. Вскоре он стал использовать некоторые элементы, которым научился у других артистов, например Джеймса Брауна, которого, по его словам, мог смотреть до бесконечности. После окончания концерта Майкл доставал блокнот и записывал туда все новое, что смог запомнить, и потом пытался использовать это в выступлениях Джексонов.

«Джеймс Браун научил меня некоторым вещам, которые он делает на сцене, — вспоминал Майкл в 1970 году. — Это было несколько лет назад. Он научил меня, как выпускать микрофон из рук и подхватывать его как раз за мгновение до того, как он коснется пола сцены. Чтобы научиться этому трюку, у меня ушло всего полчаса. Это, может быть, выглядит трудно, но на самом деле очень легко. Больше всего на свете в то время я мечтал о таких кожаных ботинках, как у Джеймса Брауна, но их не выпускали в детских размерах».

Джексоны выиграли конкурс непрофессионалов в театре Регал в Чикаго. Публика там была столь же взыскательной, как и в театре Аполло в Гарлеме. Братья становились все более

опытными, их исполнение более отточенным, а их солист Майкл — более профессиональным. Они выступали в городах

Сан-Луис, Канзас-Сити, Бостон, Милуоки и Филадельфия. Они не только познакомились, но и подружились с группами Temptations, Emotions, O'Jays, Sam and Dave, Vancouvers и Бобби Тайлер. Эти артисты многое рассказали им о мире шоу-бизнеса.

Однажды перед одним из конкурсов талантов кто-то из участников сказал, что надо опасаться Джексонов, «потому что с ними выступает карлик, которого они используют в роли своего солиста». Джекки случайно услышал это и не мог удержаться от смеха. Потом он рассказал об этом Джозефу, и тот тоже хохотал до упаду.

Но Майкл, узнав об этом, очень обиделся и, плача, буркнул: «Ну что же я могу поделать, если я самый маленький?»

Отец отвел его в сторонку и сказал, что он должен гордиться тем, что о нем говорят конкуренты. «Это значит, что ты на правильном пути», — заметил он.

«Но все равно мне это было неприятно, — вспоминает Майкл много лет спустя, — даже тогда мне не нравилось, если люди обо мне плохо говорили».

В августе 1967 года Джексоны выступали в знаменитом Аполло, в Гарлеме. Это было шоу непрофессиональных музыкальных групп. Джозеф и друг семьи Джек Ричардсон повезли мальчиков в Нью-Йорк на семейном микроавтобусе. В то время Джекки было шестнадцать, Тито — тринадцать, Джермену — двенадцать, Марлону — десять, а Майклу только что исполнилось девять лет. Они приняли участие в конкурсе «Супердог», это была наиболее престижная категория.

Аполло известен во всем мире. Выступать в этом зале было мечтой всех молодых черных исполнителей того времени.

Майкл вспоминал: «Этот Аполло был самым трудным местом для исполнителей. Если ты там понравился, тебя действительно вознесут до небес, но уж если не понравился... просто сметут с лица земли. Но мы не боялись. Мы знали, что были хорошими исполнителями. Вы знаете, в других местах, где мы выступали, публика просто падала к нашим ногам. Когда я пел на сцене, я обычно посматривал на Джермена, и мы перемигивались. Мы всегда были в себе уверены».

За сценой в Аполло Джексоны увидели кусочек дерева, установленный на пьедестале по легенде от древа надежды, которое росло напротив ресторанчика-барбекю в Гарлеме. В нем были репетиционные залы, где занимались великие Луи Армстронг, Каунт Бази и Кэб Колловэй. Неподалеку находилась таверна «Конни», там Армстронг исполнял свою версию «Горячего

шоколада» Фетса Уоллера. Стоя под этим деревом, можно было слышать, как работал Сачмо (так называли Армстронга). В течение многих лет сотни исполнителей подходили к этому дереву и дотрагивались до него на счастье. Это стало традицией.

Но город рос, и древо надежды срубили. Никто не помнит, как это случилось. Но кто-то сохранил чудом маленький кусочек древа и принес в Аполло. Сложилось поверие, что новичок, который дотрагивался до него, будет иметь успех. Он присоединится к тем великим черным артистам, которые добились того, чтобы их мечта стала реальностью, завоевали уважение, с триумфом привнося в американскую поп-культуру наследие своего народа. Пьедестал находился не на сцене, а в кулисах, но так, чтобы из зала было видно, как артист перед выходом к зрителям прикасается к талисману. Это было вечером в среду. Джексоны принимали участие в концерте вместе с группой Impression. Один из ее музыкантов Фред Кеш рассказал Майклу о поверий.

«Эй, ребята, вы что-нибудь слышали об этом? — спросил он братьев. — Давайте дотронемся до этого дерева, и у нас будет удача». «Не-е-е... Я не верю в удачу», — сказал Тито. «А я верю, — заметил девятилетний Майкл. — Жаль, я не могу забрать этот кусочек дерева домой. Тогда бы уж у меня всегда была удача».

«Дамы и господа, — объявил конферансье, — «Пятерка Джексонов!» Представление началось. Огни зажжены. Наступило время для братьев занять свое место в истории. Джозеф с гордостью смотрел, как каждый из его сыновей погладил дерево. Сначала Джекки, потом Тито, Джермен, Марлон и, наконец, кузен Джонни. Потом группа выбежала на сцену под сдержанные аплодисменты публики. Майкл появился последним.

Он решил еще раз сбегать к заветному древу надежды, чтобы быть совсем уверенным, что оно поможет.

Глава 2

После того как Джексоны выиграли конкурс непрофессионалов в театре Аполло, мальчики почувствовали вкус успеха, и девятилетний Майкл понял, что есть некоторая прелесть в том, чтобы быть известным. «В Аполло девочки покупали нам всякие штуки, — говорил Майкл в 1970 г. — Ну, вы знаете, часы, колечки и разные другие безделушки. Мы и не просили их об этом. Мы даже не знали, что они придут. Я имею в виду, мы вовсе не были с ними знакомы, а они дарили нам часы».

Джозеф и ребята были в полном восторге от своей удачи. «Я чертовски счастлив, могу просто на крыльях долететь до Гэри без всякого самолета», — говорил отец, улыбаясь до ушей. Он гордился сыновьями и был готов сделать все, чтобы укрепить их успех в суровом и высококонкурентном шоу-бизнесе. Первым делом решил работать на сталелитейном заводе «Инланд» на полставки, чтобы иметь возможность посвящать больше времени карьере детей. За 1968 г. старший Джексон заработал только 5100 долларов вместо обычных 8— 10 тысяч. Он отказался от более или менее надежной финансовой ситуации в пользу довольно «призрачной» игры на карьере своих детей. Но те уже зарабатывали 60 долларов за концерт, можно сказать, что тяжелая работа начала давать свои плоды. Получив эти деньги, родители могли теперь переоборудовать дом и купить свой первый цветной телевизор.

Репетиции все так же проходили дважды в день — перед школой и после нее. Соседские ребята считали, что Джексоны понапрасну тратят время. На репетициях часто с улицы доносились голоса: «Эй вы, вы ничего из себя не представляете!» Камни летели в гостиную через открытое окно. Привыкшие к тому, что их считают несколько странными, братья научились не обращать на это внимания и продолжать свою работу. Однажды Джозеф попытался убедить Майкла исполнить определенные движения так, как он хотел. Тот не послушался. По воспоминаниям Джонни Джексона, отец ударил сына по лицу. Отшатнувшись, он упал и сильно ударился об пол.

«Ну, теперь ты будешь делать, как я тебе сказал! Ты слышишь меня?» — кричал Джозеф на девятилетнего мальчика.

Майкл заплакал, щека его покраснела и очень болела. «Ни за что», — отрезал он. Сверкнув глазами, отец шагнул к нему, его рука поднялась для следующего удара. Но сын вскочил с пола и увернулся. «Ну ты, не смей меня бить! — сказал он решительно. — Если ты еще хоть раз когда-нибудь дотронешься до меня,

больше никогда меня не увидишь, учти это!»

Видимо, это были какие-то волшебные слова. Отец повернулся и ушел.

Майкл вспомнил, что с возрастом Джозеф становился все более суровым: «Если ты что-нибудь не так сделаешь на репетиции, обязательно тебя накажет. Иногда он лупил нас ремнем, иногда кнутом. Меня обычно бил за мои проделки, которые случались не на репетиции».

Чем больше отец бил его, тем злее Майкл, по его словам, становился, с большим неприятием относился к нему. И тем сильнее Джозеф бил его за это. Кэтрин безуспешно пыталась разорвать замкнутый круг. Она никогда не рассказывала мужу о шалостях сына. Тем не менее братья и Морин говорили, что Майклу попадало за то, что он плохо вел себя на репетициях. Мальчик понимал, что стал незаменимой частью группы и вел себя как капризный испорченный ребенок. Но какая бы причина ни была для битья, наказания были жестокими.

«Я пробовал отвечать ему. — вспоминал Майкл. — Я размахивал в воздухе кулаками. Поэтому я и получал больше, чем все мои братья, вместе взятые. Я отвечал, и отец мой буквально разрывал меня на части».

Майкл признавал, что никогда не понимал своего отца и, сколько помнит, всегда его боялся. «Сын понимал, что отец желал ему добра, но не мог взять в толк, почему он бил их, — говорил один из друзей семьи. — Для девятилетнего мальчика рука отца — очень страшное оружие. Джозеф распускал руки больше, чем того требовалось. Кэтрин говорила с ним об этом, но чаще считала, что мудрее — не вмешиваться. Однажды я слышал, что Майкл опоздал на репетицию. Когда он вошел, отец подошел к нему сзади и толкнул на инструменты. Тот упал на барабаны и больно ушибся. Может быть, Джозеф и не хотел этого, просто не рассчитал силы... Но я точно знаю, что мальчик начал ненавидеть отца в очень раннем возрасте. Если остальные могли хоть как-то переносить его характер, Майкл абсолютно не мог воспринимать его».

Была еще одна проблема, которая осложняла их отношения: сын не мог понять отказ отца от принятия религии. Мальчик был воспитан в традициях Свидетелей Иеговы и не мог уяснить себе, почему он не хотел быть спасенным так же, как остальные члены семьи. Джозеф всегда говорил о необходимости быть единой семьей, когда это касалось выступлений. Но коль скоро это столь важно, рассуждал Майкл, почему же он не ходил вместе с ними по воскресеньям в молитвенный дом.

Майкл отдалялся от отца и все больше сближался с матерью.

Примерно в это время, в 1968 г., когда ему было почти 10 лет, в семье Джексонов наступил кризис. Восемнадцатилетняя Морин влюбилась в Натаниэля Брауна, приверженца Свидетелей Иеговы. Она объявила, что выходит замуж за него и переезжает в Кентукки. Кэтрин была счастлива за дочь и благословила ее на замужество. Она высоко ценила семью, считала очень важным найти в жизни человека, с которым ты можешь остаться навсегда.

Но Джозеф был категорически против замужества. «Это все было сфабриковано Моран и ее матерью, — говорил он. — Мне совершенно не нравилось все это».

Желание детей жениться против воли отца было лишь началом семейного краха. У Морин был красивый голос, и отец хотел, чтобы дочь стала профессиональной певицей. Он понимал, что, выйдя замуж и начав заниматься семьей, та никогда не сможет посвятить себя шоу-бизнесу. Но сама она, хотя и занималась в детстве танцами и фортепиано, никогда не думала всерьез о музыкальной карьере, предпочитая комфорт и прочную счастливую семейную жизнь нестабильности шоу-бизнеса.

Однако главной проблемой было не равнодушие ее к карьере профессиональной певицы. Важнее, что она настаивала на своем замужестве, несмотря на возражения отца, который не привык к такому отпору со стороны детей. Споры продолжались неделями, до тех пор, пока он наконец не согласился. Дочь могла выйти замуж, раз уж она так настаивала, но последнее слово оставалось за Джозефом. Он не хотел ее терять.

После победы на конкурсе талантов в школе Бэкман Джуниор в Гэри (штат Индиана) на братьев обратил внимание Гордон Кейт, владелец небольшой местной студии грамзаписи Steeltown Records. Он подписал с ними небольшой контракт. Однажды воскресным утром Джозеф привел детей в студию. Мальчиков провели в маленькую застекленную комнату. Майклу дали пару больших металлических наушников. Когда он надел их, они сползли почти до плеч. Его братья подключили свои инструменты к усилителям. Сзади стояла подпевка. Это был настоящий шоу-бизнес. Наконец-то! Ребята были счастливы, Джо, конечно, тоже, но старался этого не показывать. На запись первой песни ушло несколько часов. После этого каждую субботу они приходили в студию и записывали песни.

Наконец в 1968 г. в Steeltown вышли два сингла. Оба были очень средненькие и даже отдаленно не представляли вокального таланта Майкла, но ребята были в восторге. Вся семья собралась около радиоприемника, чтобы услышать первую трансляцию своих песен. Они внимательно прослушали музыку и, когда она смолкла, бросились обнимать друг друга. Все поняли, что

прорвались.

Бен Браун, один из бывших главных менеджеров компании Steeltown, вспоминает день, когда Джексонов снимали для прессы в марте 1968 г. «Когда фотограф расставил мальчиков, Майкл вышел из середины и встал сбоку: «Это не будет выглядеть, как фото для прессы. Это будет, как семейный портрет». — «Ну хорошо, сделай по-своему», — сказал Джо. Тогда Майкл переставил всех на свой лад, встал впереди на одно колено и сказал: «Ну давай, теперь снимай!» И знаете что — это был прекрасный снимок».

В мае 1968 г. группу опять пригласили в Апомо. Они выступали вместе с Эттой Джеймс, Джо Симоном и еще с одной семейной группой «Пять ступенек и Куби», (Five Stairsteps and Cubie), которой было всего 2 года.

«Майкл был великим трудягой, — вспоминал блюзовый певец Джо Симон. — Такое же мнение было у всех, кто когда-либо работал на сцене с молодой звездой Джексоном. Что-то во мне говорило, что он был карликом. Я слышал, что его отец был ловким бизнесменом, выдать карлика за ребенка было бы совершенно в его духе. Помню, как я очень близко подходил к Майклу, рассматривал его и думал: ребенок все же это или карлик. «Слушай, прекратишь ты на меня пялиться?» — возмущался он».

«...помню, он был очень талантливый, — отмечала Этта Джеймс, — но также он был очень вежливым и весьма любознательным. Однажды на концерте я исполняла песню «Скажи, мама» (Tell Mama) и вдруг вижу этого черного малыша, наблюдающего за мной из-за кулисы. Я подумала, чей это ребенок? Он мне мешает. В перерыве между песнями, когда публика аплодировала, подошла к нему и сказала: «Слушай, парень, отвали, ты отвлекаешь меня. Иди смотри из зала». Я его испугала до смерти, его огромные карие глаза стали еще больше, он убежал. Через 10 минут я опять увидела его. Теперь он стоял перед сценой, немного в стороне, и наблюдал за моей работой».

Этта вспоминает, как однажды сидела в своей уборной, снимая грим, вдруг в дверь постучали.

— Кто там? — спросила она.

— Это я.

— Кто я?

- Майкл, — ответил юный голос, - Майкл Джексон.

— Не знаю я никакого Майкла Джексона, — сказала Этта.

— Нет, знаете. Я тот самый мальчик, которому вы велели проваливать.

Этта, дородная черная женщина с крашеными белыми

волосами и сильным низким голосом, распахнула дверь и взглянула вниз. Перед ней стоял девятилетний мальчик с огромными любопытными глазами.

— Ну что тебе, парень? — спросила она.

Без тени стеснения Майкл ответил:

— Мисс Джеймс, мой отец велел мне прийти сюда и извиниться перед вами. Простите меня, мадам, но я просто наблюдал за вашей работой, вы так великолепны. Я действительно думаю, что вы великолепны. Как вам это удается? Как вы заставляете публику желать слышать вас снова и снова? Я никогда не видел, чтобы люди так аплодировали.

Польщенная Этта заулыбалась и потрепала мальчика по голове.

- Ну, проходи и посиди со мной, — сказала она дружелюбно. - Давай поговорим, я могу научить тебя кое-каким трюкам.

— Правда? — удивился Майкл.

— Да, конечно,

«Я не помню, что я ему рассказывала, — вспоминает Этта, — но помню, что, когда он уходил, я подумала: этот мальчик хочет учиться у лучших, значит, однажды он и сам станет лучшим».

Как-то, когда Джозеф в Американской федерации музыкантов в Нью-Йорке заполнял документы для концерта в Аполло, он познакомился с молодым белым юристом, которого звали Ричард Ароне. Уже через несколько минут он предложил Аронсу помогать ему управлять группой. Уже тогда его привлекала идея иметь белого менеджера для своих сыновей, однако этот выбор впоследствии принес ему много проблем. Когда Ричард посмотрел концерт с участием мальчиков, он согласился работать с ними неофициально.

Совместно они продолжали устраивать концерты для группы, но Джозеф не оставлял попыток заинтересовать студии звукозаписи. Он искал контакта с Берри Горди, но безуспешно. Послал кассету с записями некоторых песен в исполнении сыновей в Motown, опять никакого ответа. В 1968 г. Джексоны давали концерт в Регал в Чикаго. Певица Глэдис Найт пригласила одного из директоров Motown (но не Берри) посмотреть их. Он заинтересовался, и, возможно, его мнение о таланте братьев дошло до Берри. Сейчас уже трудно восстановить, как все это было, даже сам Берри не помнит.

В июне 1968 года, когда Джекки было 17 лет, Тито — 14, Джермену — 13, Марлону — 10, а Майклу — 9, группа принимала участие в концерте в Хай Чепперел клубе в Чикаго. Они открывали шоу с участием Бобби Тайлера и группы Vancouvers. В то время Бобби Тайлеру и «Vancouvers» популярность принесло

исполнение хита о межрасовых отношениях «Знает ли обо мне твоя мама?» (Does Your Mama Know About Me?).

Бобби Тайлер позвонил Ральфу Зельцеру, который был главой творческого отдела фирмы Motown, а также главой юридической службы этой компании, и предложил ему пригласить Джексонов на прослушивание. Зельцер проконсультировался с одним из продюсеров компании Рейнардом Минером, который уже слышал о Джексонах и был вполне согласен с оценкой, которую давал им Бобби.

«Но все равно у меня были серьезные сомнения по поводу этой группы юнцов, — вспоминает Ральф Зельцер. — Если не говорить о творческой стороне, у меня были большие сомнения в связи с их возрастом и переменами во внешности и голосах, которые будут с ними происходить, когда они будут взрослеть. Но что-то в них было привлекательное, и я сказал Бобби Тайлеру, чтобы он привез их в Детройт».

Всего за несколько часов до того, как Джексоны должны были уехать из Чикаго в Нью-Йорк, Бобби Тайлер убедил Джозефа все-таки повезти ребят в Детройт. Он договорился, что прослушивание будет снято на кинопленку. Ральф Зельцер решил, что, если прослушивание пройдет успешно, он перешлет эту пленку Берри Горди в Лос-Анджелес.

Кэтрин позвонила в клуб, чтобы поговорить с мужем, но ей ответили, что он уехал в город моторов. «Детройт? — спросила она удивленно. — Вы хотите сказать мне, что они отказались от телевизионного шоу, чтобы поехать в Детройт? Но зачем?»

«Motown, — сказал голос на другом конце. — Они поехали в Motown».

К 1968 г. Берри Горди произвел неизгладимое впечатление на мир шоу-бизнеса своей компанией звукозаписи, расположенной в Детройте. Motown располагалась в нескольких небольших домиках на Вест Гранд Бульвар. После стачек в Детройте в июле 1967 г. компания переехала в десятиэтажный высотный дом на Вудвард-авеню в самом центре города (некоторые офисы и студии остались по старому адресу, сейчас там находится музей Motown).

Легендарный Берри Горди-младший был третьим человеком, носящим это имя. Его прадед Джим Горди был белым рабовладельцем, у которого от союза с Эстер Джонсон, черной рабыней, в 1954 г. родился сын, которого назвали Берри.

Он женился на Люси Хеллум, в которой текла негритянская и индейская кровь. У них было 9 детей, включая сына, которого они тоже назвали Берри, родившегося в июле 1888 г. Первый Берри — амбициозный, предприимчивый человек, занимался фермерством

и владел 268 акрами земли в Окони Каунти, штат Джорджия. Под его влиянием сын стал жестким бизнесменом. Семейное дело перешло к нему после того, как отец был убит молнией. Младший Берри женился в 1890 г. на школьной учительнице Берте Иде Фуллер. У них было трое детей — Эстер, Фуллер и Джордж. Когда они переехали в Детройт, у них родился сын Берри — это произошло 28 ноября 1929 г.

В Детройте в семье появились еще три дочери — Гвен, Анна, Лойс и сын Роберт.

Берта Горди, трудолюбивая, привыкшая к тяжелой работе женщина, окончила Детройтский институт коммерции. Она также изучала бизнес в университете. Ее муж, ловкий бизнесмен, был владельцем типографической, штукатурной и столярной компаний. Амбиции и семейная солидарность были отличительной чертой клана Горди, Попе Горди (как его называли) и Берта продолжили воспитывать своих детей на тех же ценностях.

Их сын Берри Горди-младший бросил школу в 16 лет, когда учился в 11-м классе, и стал профессиональным боксером. В 1951 г. его призвали в армию, где он и получил школьный аттестат. Через несколько месяцев после демобилизации из армии в 24 года он женился на 19-летней Телме Луизе Ко-леман. У них родилось трое детей: Хэзл, Джой, Берри 4-й и Терри. В 1955 г. после неудачной попытки открыть свой магазин по продаже пластинок Горди устроился на конвейер на одной из фабрик Форда. Он зарабатывал 86 долларов в неделю. Через год брак с Телмой распался. Берри Горди начал сочинять песни и в 1957 г. написал Reet Petite для Джеки Уил-сон. Песня стала блюзовым хитом, успех не оставлял Уилсон. Берри Горди нашел свою нишу как яркий, чувствующий свою аудиторию автор.

В 1958 г. он познакомился с Раймоной Лайлз. Они стали партнерами по бизнесу и открыли музыкальную компанию, которая специализировалась на дешевых пластинках. Лайлз вспоминает, что Берри очень безвкусно одевался, пользовался дешевыми духами, и его стрижка оставляла желать лучшего. Она считает, что время их знакомства было тяжелым периодом в его жизни. Ему нужно было определиться, и она помогла ему это сделать.

12 января 1959 г., заняв 800 долларов у своей семьи, Горди и Лайлз открыли компанию Tamla Records. Горди тем не менее до сих пор настаивает, что Раймона не имела никакого отношения к основанию этой компании или Motown. «Знаете, очень интересно, что она претендует на все это, — сказал он, когда его спросили о недовольстве Раймоны тем, что он не признает ее вклада в эти

компании. — Да потому, что она здесь совершенно ни при чем».

Компания, известная под названием Hitsville USA, вскоре переехала в бунгало на Вест Гранд Бульвар. Горди заплатил первый взнос — 3 тыс. долларов, ежемесячная плата за дом составляла 140 долларов. Это было первое пристанище Motown. Вскоре компания стала занимать и другие дома в этом квартале для офисов и студии звукозаписи. Практически вся семья Горди работала в компании Talma, которая вскоре стала дочерней у крупной Motown.

Родители Берри Горди воспитывали в детях любовь к своей семье. Они всегда были очень преданы друг другу. Но Берри никогда не придерживался семейных обычаев. В 1960 г. 30-летний Горди женился на 23-летней Раймоне Лайлз. К тому времени у них уже был годовалый сын Керри. Как рассказывает Лайлз, Горди покинул ее в первую брачную ночь и ушел спать с 17-летней девочкой Маргарет Нортон Когда 1 орди и Лайлз развелись, через год у него и Нортон уже был ребенок. Хотя много лет было известно, что Горди и Нортон женаты, Лайлз говорила, что Нортон однажды призналась ей, что этого никогда не было.

У Берри Горди было еще два внебрачных ребенка Он отец первой дочери Дайаны Росс - Ронды Сюзан, которая появилась на свет в 1971 г. (когда Росс вышла замуж за другого имя отца этого ребенка держалось в строгом секрете почти 20 лет) В 1976 г. у Горди и Нэнси Лейвиска, привлекательной блондинки, бывшей служащей Motown, родился сын.

К концу I960 г. у Горди в мире музыкального бизнеса солидная репутация. Он прославился своими удачными пластинками групп Marvelettes Miracles и Mary Wells. Хиты были популярны на протяжении многих лет. Берри Горди - прирожденный лидер. Его успех в большой степени обеспечивало его великолепное умение окружать себя талантливыми авторами, продюсерами и артистами, которые жили в Детройте «Эти молодые ребята должны были обладать тремя качествами: талантом, желанием быть суперзвездой и характером - вспоминала сестра Берри, - многие из них были из неблагополучных семей или вообще не имели родителей. Стиву Уан-деру было десять с половиной лет, когда он впервые пришел в Motown. Его мама всегда плакала, думала, что, когда он вырастет, ему придется продавать карандаши и яблоки чтобы зарабатывать себе на жизнь».

Supremes и Tempiations, Мэри Уэлс, Смоки Робине и Miracles, Стив Уандер, Марта и Vandellas Marvelettes бьпи молодыми, полными надежд черными исполнителями некоторые с не очень

большим талантом, которых Горди подобрал на углах городских улиц и сделал из них мировых звезд

К 1968 г. после 9 лет работы Горди вместе со штатом своих журналистов и продюсеров создал заразительный оригинальный музыкальный стиль, пластинки продавались милти-онами. Это называлось Motown Sound.

Смоки Робинсон объяснял в интервью в 1990 г • «У Берри была своя формула. Он хотел хорошо записывать хорошие песни с хорошей музыкой, но главное - хотел, чтобы в песнях были сюжеты. Все, что мы делали, - это хорошо записывали хорошие песни - песни, которые были близки каждому»

Успеху многих артистов Горди содействовал отдел Ар-шетического развития компании, который был основан в 1965 г. Берри нанял профессиональных преподавателей по к-атральному искусству, этикету, танцу и музыке для молодых звезд (большинству из них было около 20 лет), чтобы они могли выступать не только во второстепенных концертных uuiax, но и в престижных — белых — ночных клубах, таких, как «Копакабана» (Copa-cabana) в Нью-Йорке. Выступление him Supremes в июле 1965 г. стало поворотным моментом для всей компании. Успех этой группы открыл двери для столь же триумфальных концертов других ее исполнителей. Вскоре звезды Motown исполняли хиты со своих пластинок не только для своих юных поклонников, но также для аудитории, состоявшей из их родителей.

Благодаря множеству книг, написанных в последние годы о Берри Горди и звездах Motown, он больше не загадка. Безусловно, что часто отмечалось, он был большим мастером в создании жесткой конкуренции между его группами, писателями и продюсерами. Парадоксально, но он также прививал чувство семейственности сотрудникам и артистам, работающим в компании Motown. Существует мнение, что эта идея семейственности была хитрой уловкой, чтобы контролировать своих сотрудников. Он даже попросил Смоки Робинсона написать гимн Motown, который исполнялся на всех творческих встречах. Пока сотрудники верили в девиз «Один за всех и все за одного», все было хорошо, они многое делали для своей компании.

В Берри Горди сочеталось множество различных качеств, но чего в нем не было — это идеализма и сентиментальности. Больше всего критиковали Берри Горди — сначала посторонние, а потом и сами артисты — за то, что он абсолютно все подчинял своему контролю и власти. Практически ни один из артистов не имел ни малейшего представления, сколько денег он приносил компании. Всем всячески давалось понять, чтобы они не задавали подобных вопросов. В книгах, написанных основателями групп

Temptations и Supremes, подчеркивалось, что большинство артистов, которые записывались для Горди в 60-х, зарабатывали очень мало для себя, если вообще зарабатывали.

«Впервые я увидела бумаги из налогового управления в 1979 г., — рассказывала Дайана Росс, которая работала по контракту у Горди с 1960 г. — Берри был таким ментором и сильной личностью, что ты совершенно полагался на него. Ты не рос».

Сейчас, когда Motown готовит телевизионную программу о юбилее компании, Сюзан де Пасс, нынешний ее президент, должна умолять бывших звезд принять участие в шоу. Не менее трудно убедить и тех, которые до сих пор работают с ними, принять участие в этом представлении. «Это больше не имеет никакого значения, — говорит один из представителей компании. — Никто не верит больше в эту чушь о «семье Motown», и это факт».

Большинство артистов давно забыли, сколько хорошего Берри для них сделал. Они помнят только о плохом. Как однажды сказал Флоренс Баллард, «вы надеетесь, что все можете оставить позади и начать заново, но это невозможно. Невозможно забыть, что могло бы быть, если бы твоя собственная семья не испортила твою жизнь».

Джозеф Джексон, который в 1968 г. как раз был на пороге того, чтобы соединить своих беспокойных, но талантливых отпрысков с Motown, сказал однажды: «Никто — ни друг, ни партнер по бизнесу, ни один человек во всем мире — не сможет обидеть тебя так, действительно сильно обидеть, как член твоей собственной семьи».

Глава 3

Без десяти десять утра 23 июля 1968 г. микроавтобус семьи Джексонов медленно заехал в гараж в Детройте напротив маленького белого бунгало возле Хитс-Вилл. Джо Джексон и Джек Ричардсон, близкий друг семьи, который путешествовал с ними, сидели на передних сиденьях, сзади теснились восторженные ребята вместе с инструментами, усилителями и микрофонами, которые не поместились в багажнике на крыше автобуса. Там же лежали термосы и бутерброды, которые Кэтрин приготовила для мальчиков перед отъездом из Гэри. «Вам совсем не обязательно быть голодными», — сказала она сыновьям.

«Вылезайте и стройтесь для проверки», — приказал отец.

Мальчишки проглотили остатки завтрака и высыпали на уже теплые улицы Детройта. Они встали в ряд по возрасту: 17-летний Джекки, 14-летний Тито, 13-летний Джермен, 10-летний Марлон и 9-летний Майкл. 17-летний Джонни Джексон присоединился к группе, хотя они не были в родстве. Джозеф относился к нему, как к сыну, и Джонни быстро к этому привык. «Так, — скомандовал он, — 10 часов, пошли. Помните обо всем, чему я вас учил, и не открывайте рта, кроме тех моментов, когда поете или когда к вам обращаются».

Они вошли в главное здание. Первым их приветствовал хорошо одетый чернокожий мужчина. Когда он спросил, чем может быть им полезен, Джозеф объяснил, что они семья Джексонов из Гэри и им назначено прослушивание. Мужчина сказал, что ждал их. «Ты, видимо, Майкл», — сказал он, обращаясь к младшему из них, а потом, указывая поочередно на каждого, правильно назвал всех по имени. «А вы, сэр, вероятно, Джозеф», — продолжал он, пожимая руку главе Джексонов. Ребята, пораженные, переглянулись.

Мальчиков провели в маленькую студию. Войдя, они заметили, что кто-то устанавливал там кинокамеру. Перед небольшой деревянной платформой, которая служила сценой, стояли 10 складных стульев. Сюзанн де Пасс, художественный ассистент президента компании Берри Горди, вошла в студию в синей мини-юбке и желтой блузке. Постукивая высокими каблучками, подошла к группе познакомиться. Это была привлекательная чернокожая женщина с мягкими волосами до плеч и дружелюбной улыбкой. Ребята вспоминали, что она сразу им понравилась. Потом появился Ральф Зель-цер. Он был главой юридического и творческого отделов компании. Этот высокий белый мужчина в сером костюме со строгим галстуком и

выглядел гораздо строже. Он пожал руку каждому из ребят и сопровождавшим их взрослым Джо и Джеку.

После того как все оборудование было выгружено из автобуса и установлено, еще 8 сотрудников, которые не представились, вошли в студию.

«Первая песня, которую я бы хотел исполнить, I Got The Feeling, — объявил Майкл. — Хорошо? Начинаем». Он отсчитал «и — раз, и — два, и — три», и Тито на гитаре, Джермен на бас-гитаре, Джонни Джексон на барабанах начали играть. «Беби, беби — ба-а-ба, беби-беби ба-а-ба, беби беби», — пел Майкл. Он гримасничал и подхрюкивал, имитируя Джеймса Брауна, скользил ногами по полу из стороны в сторону, как это делал тот. «Мне так хорошо!» - пронзительно выводил Майкл с плутовской улыбкой.

Сюзанн де Пасс и Ральф Зельцер переглянулись улыбаясь, и кивнули друг другу. Джозеф стоял в углу, скрестив руки на груди и одобрительно поглядывая.

Когда мальчики закончили, никто в аудитории не аплодировал. Все лихорадочно что-то записывали в блокнотах.

Братья были в замешательстве и посмотрели на отца не зная, что им делать. Он подал знак рукой, чтобы они продолжали следующую песню.

«Спасибо большое, - сказал Майкл, как будто отвечая на овации, - мы очень признательны». Затем представил группу так как он делал это обычно на концертах. Потом они спели «Табачную дорогу» (Tobacco Road), и опять никаких аплодисментов, только снова записи в блокнотах.

«Следующая песня, которую мы хотели бы исполнить песня Motown, - объявил Майкл. Он сделал паузу, ожидая улыбок одобрения, но их не было. - Эта песня Смокки Робинсона Who's Loving You? Хорошо? Начали: и - раз и - два, и — три...»

Они закончили песню на высокой ноте и ожидали реакции сотрудников компании. Но опять все записывали.

- Эй, вы, ну что? - не сдержатся Майкл.

— Тс... — цыкнул на него Джермен.

- Эти ребята знают, что к чему. По-моему, они станут знаменитыми, - произнес кто-то в зале.

Майкл просиял.

Ральф Зельцер откашлялся и поднялся со своего места.

«Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы пришли к нам», - сказал он. По его голосу невозможно было угадать что он думал о прослушивании. Пожав руку каждому из мальчиков, он подошел к Джозефу и сказал, что компания разместит их в близлежащем отеле. «Я свяжусь с вами через два дня»

«Когда мистер Горд и вынесет свое решение» - закончил Джексон его фразу. Нельзя сказать, чтобы это звучало с надеждой.

Братья были явно разочарованы. Все молчали.

Они запаковали оборудование, сели в автобус и уехали.

Весь день они гуляли по Детройту. После обеда в кафе рано легли спать. Отец запер комнату мальчиков и ушел с Джеком Ричардсоном бродить по городу.

Через два дня Берри принял решение: «Да, безусловно. Заключите с этими ребятами контракт», — сказал он Ральфу Зельцеру.

26 июля Зельцер пригласил Джозефа и Джека Ричардсона к себе в офис в Motown. Мальчики ожидали в коридоре конца двухчасовой встречи. Зельцер объявил, что Берри Ворди заинтересован подписать контракт с «Пятеркой Джексонов», и рассказал, какие отношения компания надеялась установить с юными артистами. Он говорил о надеждах, о юм, что Горди рассчитывает, что их группа станет главной шездой компании. «Эти ребята будут великими, великими, великими», — повторял Зельцер с энтузиазмом. Он был гораздо более радушным, чем им показалось при первой встрече: «Поверь мне, если мистер Горди говорит, что они будут великими, они будут великими». Джозефу казалось, что это сон.

Зельцер вручил контракт с Motown и рассказал ему и Ричардсону, о чем говорилось на девяти страницах этого документа. Они кивали головами, будто понимали те юридические тонкости, о которых шла речь. Потом Джозеф позвал мальчиков в офис.

— Ну что ж, ребята, мы получили контракт, — сообщил он.

— Невероятно!

Мы в Motown! Нам удалось!

Они скакали как сумасшедшие и обнимались.

Ральф Зельцер дал контракт каждому из них. «Подпишите вот здесь, на этой линии».

Они посмотрели на отца. «Все в порядке, подписывайте». Хотя ни он, никто из ребят даже не прочитали контракта — они подписали его.

«А вот это договор для вас, мистер Джексон, — сказал Ральф Зельцер, протягивая Джозефу документ. — Это согласие родителей, в котором достаточно просто объясняется, что вы гарантируете выполнение вашими детьми всех условий контракта, который они только что подписали». Кэтрин тоже подписала такое же соглашение 17 октября 1969 г. Оказалось, что она даже не читала этого соглашения, т.к. в нем она и муж упоминались как родители Джона Портера Джексона. «Ни я, ни

моя жена не читали этого документа», — говорил Джо в феврале 1976 г. на суде, когда он и его семья судились с Motown.

Джозеф подписал договор

«Поздравляю, - с улыбкой сказал Зельцер и пожал ему руку. - Разрешите мне быть первым человеком, который приветствовал вас в Motown». р и при Джозеф повернулся к сыновьям и с широкой улыбкой

Джозеф повернулся к сыновьям и с широкой улыбкой поздравил их. Потом были рукопожатия, похлопывания по плечам - в общем, это был очень счастливый момент.

Позднее Джозеф, глава семьи, вспоминал: «Ни я ни мои сыновья не читали этого договора потому, что он был предложен на условиях «или соглашайтесь - или убирайтесь». Мои сыновья только начинали свой путь в шоу-бизнесе, и мы подписали этот контракт просто из доверия к Ральфу Зельцру».

Однако тот позднее заявил, что не припоминает, чтобы когда-либо говорил Джозефу Джексону или его сыновьям, что договор, предложенный Motown, обещал хорошие условия.

Выйдя из офиса Зельцера, Джозеф позвонил Ричарду Аронсу, который в то время был его адвокатом и неофициальным помощником менеджера группы. Аронс сетовал «Он позвонил мне и сказал, что подписал контракт с Motown, но я уже ничего не мог сделать».

Кроме всего прочего, в третьем пункте контракта говорилось, что компания не берет на себя никаких обязательств записывать или пропагандировать музыку группы в течение пяти лет. Хотя контракт был подписан только на год. Если бы Джозеф внимательно прочитал его, он вполне мог подвергнуть сомнениям и многие другие положения. Motown имела право выбирать песни, которые записывала группа и мальчики должны были записывать каждую песню до тех пор, пока компания захочет этого.

Тем не менее Motown «не обязана выпускать ни одну из этих пластинок», т.е. хотя песня была записана, это совсем не означало, что ее когда-либо услышит публика. Группе платили 12 долларов 50 центов за «мастера» - полностью записанную песню. Но чтобы запись могла считаться «мастером», она должна быть выпущена. В противном случае им ничего не платили.

Писали, что Джексоны получали 2,7 процента потиражных, исходя из оптовой цены. Это была стандартная гонорарная ставка Motown в 60-е годы. Однако, в соответствии с контрактом мальчики должны были получать 6 процентов от 90 процентов оптовой продажи любого сингла или альбома, который выпускался. Эта сумма должна была быть разделена на 5 частей

между братьями. Другими словами, Майкл должен был получать немногим меньше половины цента за любой сингл и около двух центов за альбом.

В контракте говорилось, что Motown также берет на себя обязательство покрывать все расходы по организации, тиражированию, аккомпанементу и другие, касающиеся записей независимо оттого, будет ли песня выпущена или нет, но эти, а также другие траты будут вычтены из суммы от их продажи. Такие условия контракта вызывали недовольство артистов, и для Джексонов это стало большой проблемой, которую Джозеф мог предотвратить, если бы понял контракт. Но он никогда не мог представить себе, что группа будет записывать столько песен, которые никогда не будут выпущены. Некоторые пункты контракта были просто смехотворными. Например, Motown имела право отвечать на любую почту, полученную от поклонников Джексонов, «в любой манере, устраивающей компанию», ставить под своими ответами и фотографиями их подписи. С другой стороны, компания не была обязана отвечать ни на какую почту и ставить какие-либо подписи, если она этого не хотела.

Если Майкл или любой из братьев решили бы уйти из группы, у них не было права когда-либо упоминать, что они были членами группы Джексонов, «у них не было права использовать ее название ни в каких целях». Motown же в любое время могла заменить любого члена группы человеком, которого бы выбрала. В контракте был и еще один, еще более ограничивающий пункт под номером 16, где говорилось: Motown обладает всеми правами, касающимися названия Jackson Five.

Мелким, неразборчивым почерком самый юный из них подписал контракт: «Майкл Джо Джексон». Конечно, его подпись ничего не значила, в 9 лет он был несовершеннолетним. Под подписью Майкла как гарант подписался Джозеф Джексон. То, что братьям предложили подписать контракт, оыло сделано только для того, чтобы они могли почувствовать себя частью семьи Motown.

Джексоны сразу начали записываться в студиях компании под руководством Бобби Тайлера. В течение следующих нескольких месяцев будние дни они проводили в Гэри, ходили в школу, а субботу и воскресенье, да и много недель - в Детройте, где спали на полу в квартире Бобби. Представители Motown уговорили его жену уйти с работы, чтобы говить и убирать для Джексонов. За это она никогда не получила ни единого цента.

В Детройте мальчики записали 15 песен, большинство из которых позднее стали названиями их альбомов. По словам

Тайлера, за эти сессии звукозаписи ему так никогда и не

заплатили. «Мне было бы приятно, чтобы меня отблагодарили за то, что я открыл «Пятерку Джексонов», - вспоминал он. - Но, как говорится, признанием не оплатишь счета».

Однажды, когда Берри Горди и Тайлер разговаривали о мальчиках, Бобби сказал, в каком восторге был от того, что присутствовал при начале пути такой восхитительной группы.

«Знаешь, Тайлер, послушай меня, - сказал Берри - как только они разбогатеют, они тут же забудут о тебе».

27 сентября 1968 г. Motown включила Джексонов в благотворительный концерт на стадионе Гилрой в Гэри. Его целью был сбор средств для избирательной кампании Ричарда Хатчера, который баллотировался на пост мэра. В концерте принимали участие артисты компании - Глэдис Найт и группа Pips, Шорти Лонг, Бобби Тайлер и Vancouver. Джексоны открывали шоу. В следующие годы представители компании рассказывали в своих публичных выступлениях, что это был тот самый концерт, на котором Дайана Росс впервые увидела мальчиков, «открыла их» и познакомила с Горди. На самом деле они уже работали с Берри Горди. Более того, Дайаны Росс в то время не было в Гэри. Она в Лос-Анджелесе репетировала свое выступление в Coconut Grove, которое должно было состояться 1 октября.

В Рождество Берри Горди устроил вечеринку в своем доме в Детройте, который он купил в 1967 г. за миллион долларов. (Хотя он переехал на Западное побережье, он все равно сохранял этот дом.) Джексонов попросили выступить для артистов Motown и других друзей Горди. В трехэтажном доме был бальный зал с мраморным полом и колоннами, олимпийских размеров бассейн, бильярдная, две дорожки для боулинга, театр, который соединялся туннелем с главным зданием и настоящая пивная в классическом стиле, обстановка мебель для которой была привезена из Англии. Все комнаты были обиты золотой парчой и украшены пластинками с расписных потолков свисали изысканные хрустальные люстры. Дорогие портреты друзей и семьи Горди, написанные маслом, украшали прихожую. Большинство гостей были в очень дорогих нарядах. Дайана Росс в великолепном шелковом вечернем платье, с волосами, стянутыми в тугой пучок на затылке, была потрясающе красива. Берри Горди и некоторые другие директора компании были в смокингах. Подобные дома Джексоны видели только в фильмах об аристократии — белой аристократии.

«Черные люди так живут? — удивился Джозеф, обращаясь к самому себе, оглядывая этот дворец и качая головой. — Я просто не могу поверить, что такие вещи возможны». Когда Горди

случайно услышал это, он положил руку на его плечо и шепнул что-то ему на ухо, от чего тот заулыбался. Они пожали друг другу руки, и Горди провел его в гостиную.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спросил он, показывая на огромное полотно, подарок его сестры Эстер, где он был изображен в мундире Наполеона Бонапарта.

— Боже, что я могу сказать? — воскликнул Джозеф. — Это ты? Просто невероятно.

— Ну так тебе нравится? — настаивал Горди.

— Я... эээ... ты - эээ... — мямлил гость.

В этот момент к нему подбежал Майкл. «Эй, кто этот дурак на картине?» — воскликнул он. Джозеф съежился и грозно взглянул на сына. Горди великодушно улыбнулся.

«Я никогда не забуду этот вечер, — говорил Майкл. — Там было столько прислуги, и все были такие вежливые. Повсюду были звезды Motown. Там был Смокки Робинсон. Тогда я встретил его впервые. Там были Temptations, мы пели их песню и, конечно, очень из-за этого нервничали. Я посмотрел на публику и увидел Дайану Росс. Я чуть не потерял сознание».

После выступления Берри Горди впервые представил ей мальчиков.

— Я слушала вас с огромным удовольствием! — сказала она, пожимая им руки. — Мистер Горди сказал мне, что мы будем вместе работать.

— Правда? — воскликнул Майкл, и глаза его стали огромными, как блюдца.

— Да, правда, — сказала Дайана. Улыбка ее сверкала так же, как бриллианты в ее ушах и на шее. — Я просто не могу этого дождаться. Я готова сделать для вас все, что в моих силах.

- Мисс Росс, мы так вам благодарны, - только и смог выдавить из себя Джозеф. Ему, обладавшему прекрасным даром красноречия, в этот вечер было непросто.

- Не стоит благодарности, - сказала Дайана. Улыбка ее была теплой и доброжелательной. Она повернулась к Майклу:

- А ты, ты такой прелестный.

Когда она потрепала его по щеке, он покраснел.

Мальчики онемели.

Следующие восемь месяцев были трудными. Берри Горди считал, что «Пятерка Джексонов» еще не готова к выпуску; он не был удовлетворен ни одной песней, которую они за это время записали. У всей семьи терпение было на исходе. Особенно потому, что условия в Гэри становились все хуже. Там появлялось все больше и больше уличных банд которые терроризировали окружающих. Однажды Джозефа ограбил один из главарей

бандитов, угрожал юному Тито ножом Кэтрин спешила навсегда уехать их этого города. Она говорила мужу, что он должен попробовать разорвать контракт с Motown и найти другую компанию

«Мне надоело ждать, когда они выпустят сингл, - жаловалась она. - Мы должны немедленно уехать из Гэри». Каждый день в доме ждали, что кто-нибудь из Motown позвонит им и скажет, что же станет следующим шагом в их жизни.

11 марта 1969 г. наконец контракт с Motown был подписан. Отсрочка была вызвана тем, что «Пятерка Джексонов» как обнаружил Ральф Зельцер, была все еще связана обязательствами со Steeltown Records, несмотря на усилия Ричарда Аронса освободить их от этой сделки. Motown должна была заключить определенный договор с этой компанией, заплатив им некоторую сумму. К тому времени, по Утверждениям Ральфа Зельцера, они уже истратили 30 тыс. долларов на мальчиков - их жилье, записи, и эта сумма не включала денег, которые были заплачены Steeltown. Горди не терпелось возместить убытки. приелось

Наконец в августе 1969г. Джексонам позвонили из Motown. Горди хотел, чтобы Джозеф и его пятеро сыновей Джонни Джексон и Ронни Ренсифер переехали в Лос-Анджелес. Там бы они ходили в школу и записывались на новой студии Motown в Голливуде. Со временем вся компания переехала в Калифорнию.

Хотя Горди не был в особом восторге ни от одной песни Джексонов, ему, безусловно, нравился юный Майкл. «Он был прирожденной звездой», — отмечал Берри в своем интервью в 1990 г. — Он был классическим примером все понимающего человека. Я почувствовал в нем потрясающую глубину. Когда я впервые увидел его, понял, что это был особенный ребенок».

Джозеф, Тито, Джек Ричардсон, барабанщик Джонни, Джексон и клавишник Ронни Ренсифер поехали в Лос-Анджелес на новом семейном макси-вэне «Додж». Джекки, Джермену, Марлону и Майклу Motown оплатила перелет, они прибыли туда несколькими днями позднее. Джозеф решил не перевозить сразу всю семью из Гэри в Лос-Анджелес, пока не убедится, что их жизнь в Голливуде будет надежной. В конце концов, все могло случиться, и Берри Горди мог ошибаться, что группа не провалится и что им не надо будет начинать все заново. Джанет, Рэнди и ЛаТойя остались с Кэтрин в Гэри.

«Джанет, наверное, тоже когда-нибудь станет певицей, — говорил тогда отец. — Она уже сейчас пытается петь, хотя ей всего 4 года. Рэнди 8, и он тоже хочет стать участником группы, но пока только учится играть на барабанах. Когда у него будет

лучше получаться, он присоединится к группе. 14-летней ЛаТойе нравится шоу-бизнес, но она совсем не хочет выступать. Она отвечает на письма поклонников. Видимо, скоро она станет одним из менеджеров группы».

Майклу во время переезда было 11 лет, и он, пожалуй, переживал его больше, чем другие, потому, что был оторван от матери, с которой у него были очень близкие отношения. Это расставание было очень болезненным для Майкла, — говорила Кэтрин. — Он был таким чувствительным мальчиком».

Несмотря на то что Горди был достаточно уверен, что семья Джексонов в будущем принесет Motown большие деньги, он был осторожен. Тогда он старался тратить на них как можно меньше. У Джекки и Тито не было верхних передних зубов, это было очень заметно. Но Горди решил временно отложить посещение дантиста. На рекламных фотографиях зубы были дорисованы. У Джермена был шрам на глазу, когда-то он разбился, столкнувшись с игроком на бейсбольном поле. Ходили разговоры о пластической операции. «Слишком рано, — говорил Берри Горди. — Никто не заметит (лот шрам так никогда и не был удален)».

Горди поселил их в одном из самых обшарпанных мотелей в Голливуде — «Тропикано» на Санта Моника Бульваре. Майкл, Марлон и Джермен жили в одной комнате, Гито и Джекки — в другой. У отца был свой номер. Семья практически не бывала дома. Продолжались школьные каникулы, и мальчики проводили почти все время в студиях Motown в Голливуде, делая пробные записи и репетируя попью песни. Наконец Горди перевез их из «Тропиканы» поближе к центральному офису компании в мотель «Голливуд». Это было ужасное место, проститутки и сутенеры использовали сю для своих дел.

Никто из Джексонов не обращал на это внимания. Главное, что они жили в Калифорнии. Даже если бы они не встречали кинозвезд на каждом углу, как мечтали, Лос Лнджслсс был раем по сравнению с Гэри. Майкл никогда до лого не видел настоящей пальмы, «а здесь они тянулись рядами вдоль всех улиц», — вспоминал он. И роскошные машины. Казалось, все носили солнечные очки, даже и те дни, когда солнце появлялось только к полудню. Юные Джексоны были удивлены, что многие носили солнечные очки даже ночью или по вечерам, когда солнце давно скрылось.

Когда братья пошли на берег, они увидели серферов, поджидающих «правильную волну». С таким же интересом они наблюдали за сверстниками, которые катались на скейтбордах и юрко прошмыгивали между пешеходами. Около китайского

театра Грауман на Голливуд-бульвар они сравнивали отпечатки своих ладоней и ступней с отпечатками кинозвезд, которых обожали, и тех, о которых никогда не слышали. Иногда им казалось, что они во сне.

«Иногда мы так жалели тех, кто не жил в Лос-Анджелесе», — говорил Джермен.

В редкие свободные дни Джозеф брал в аренду машину и вез мальчиков в Диснейленд и другие парки аттракционов. Они купили «Карту звезд» и старались найти на ней дома любимых артистов. «Это были замечательные дни», — отмечал Майкл.

Сразу после прибытия Горди устроил им встречу с Дайа-ной Росс в ее доме. Это была их первая встреча после выступления в особняке Горди в Детройте прошлой зимой. Жилье Дайаны Росс не было шикарным по голливудским стандартам — она была одинокой женщиной, и пока что у нее была всего лишь 4-комнатная квартира на Голливуд-Хиллз, но уже шла речь о покупке дома побогаче в Беверли-Хиллз. Но когда пятеро мальчиков Джексонов и их отец сравнивали ее квартиру с их крошечным домом в Гэри, им было о чем задуматься.

Майкл вспоминает, что Горди посадил их в гостиной в доме Дайаны и начал с ними разговор. «Я прославлю вас на весь мир, — сказал он им. — У вас будут три хита подряд. О вас будут писать в книгах. Так что будьте готовы, потому что это уже на подходе».

Это было то, что они, а особенно их отец, хотели услышать. Больше всего на свете Джозеф мечтал об успехе своих сыновей и велел им делать все, что Горди хотел от них. Он относился к Берри с благоговением и страхом. «Этот чернокожий заработал миллионы долларов в шоу-бизнесе, — восхищался Джозеф. — Если бы я только мог научиться некоторым вещам у этого парня, я бы тоже заработал».

Как только встреча закончилась, Дайана стремительно вошла в комнату. Выглядела она великолепно в черном атласном брючном костюме, с огромной шапкой волос и золотыми кольцами в ушах. «Она всегда выглядела как богиня, — вспоминает Джермен. — Я помню, когда она вошла в комнату в тот день, у нас у всех отвисли челюсти». Хотя ребята уже встречались с ней раньше, они благоговели перед ней. Джозеф лез из кожи вон, чтобы произвести на нее впечатление.

«Я только еще раз хочу сказать вам, ребята, что я здесь для того, чтобы помочь вам, — сказала она. — Если я хоть что-нибудь могу сделать для вас, пожалуйста, скажите мне об этом».

«Нам казалось, что она была довольно откровенна, — делился позже Джермен. — Мы с трудом могли поверить, что она

говорила нам такие слова, я имею в виду, чем мы заслужили ее помощь?»

Наиболее яркое воспоминание этого дня у него — телеграмма, которую Дайана показывала им. «Это от меня многим и многим людям», — объясняла она, вынимая телекс из конверта и протягивая Майклу. Говорилось: «Пожалуйста, присоединитесь ко мне в приветствии великолепной музыкальной группы «Пятерка Джексонов» в понедельник 11 августа с 6.30 до 9.30 вечера в Дейзи по адресу: Норт Родэо Драйв, Беверли-Хиллз. «Пятерка Джексонов» с восьмилетним сенсационным солистом Майклом Джексоном будут давать концерт на вечеринке. Дайана Росс».

«Ты ошиблась, — вспоминал Майкл много лет спустя, — мне не 8, а 10». Берри терпеливо объяснял ему, что то, чем занимались на этой встрече, не было ложью, а просто рекламным трюком...

Затем с мальчиком проведи беседу об искусстве отношений с публикой, ему напомнили, что для прессы Дайана Росс всегда должна была выступать в роли человека, который привел его и его братьев в Motown. Он всегда должен об этом помнить, потому что, как объяснила ему она, «это все для твоего имиджа».

«Я понял в очень раннем возрасте, — подчеркивал Майкл, — что если кто-то что-то сказал обо мне лично, что не соответствовало действительности, — это была ложь. Но если кто-то что-то сказал о моем имидже, что не было правдой, — это было нормально. Потому что это не было ложью — это был пиар».

Майкл был способным учеником.

Дайана Росс познакомила своего протеже с роскошью и великолепием, которыми обычно сопровождались большие дебюты в Голливуде. Триста «ближайших» друзей и партнеров по бизнесу Горди и Дайаны собирались в шикарном частном клубе «Дэйзи» в Беверли-Хиллз. Все они были лично приглашены ее телеграммами. Они стоя приветствовали Майкла и «Пятерку Джексонов», как Дайана представила их, пока они исполняли старые песни Motown. Ребята были одеты в одинаковые зеленые костюмы и золотистые рубашки, на ногах у них были зеленые сапожки в тон костюмам. Каждое движение было тщательно продумано и отрепетировано в традициях компании. Аннотация о группе была вручена всем присутствующим. К удивлению, возраст каждого из мальчиков был уменьшен на два года.

«Они завоевали любовь всех зачерствевших, пресытившихся старых охотников за новостями, — вспоминала Джуди Спигельман, которая в то время писала для журнала Soul, и первая опубликовала статью о группе. Эта публикация обратила

внимание всей страны на братьев. — Я, впрочем, как и все остальные, просто влюбилась в Майкла Джексона — восьмилетнего ребенка, который превращался во взрослого мужчину, когда брал в руки микрофон».

Сияя от гордости, Горди объявил, что Джексоны будут участвовать в концерте с Дайаной Росс и группой Supremes в Форуме через пять дней, 16 августа, а также в октябре в телевизионном шоу в Голливуд Палас, которое будет вести Дайана Росс.

Она представила журналистам каждого из мальчиков: «Это Майкл, не правда ли, он восхитителен! А это Джер-мен — он просто прелесть! А там Джекки — посмотрите, какой он высокий!» и так далее.

Джуди Спигельман говорила: «На меня произвело большое впечатление, как вежливо и дружелюбно ребята вели себя. В конце концов, они были всего лишь детьми и уж совсем не привыкли к такому вниманию».

Паулин Дунн, репортер Sentinel негритянской газеты Лос-Анджелеса, подошла к Майклу:

— Как ты чувствуешь себя в роли звезды? — спросила она.

— Честно говоря, я уже было потерял надежду, — произнес мальчик с улыбкой. Черная бейсболка была надета поверх его африканской прически. — Я уж думал, что состарюсь, прежде чем меня заметят, — произнес он трагическим тоном. — Но тут появилась мисс Дайана Росс и спасла мою карьеру. Она «открыла» меня.

— Прости, а сколько же тебе лет? — спросила журналистка. Майкл посмотрел на Дайану, которая с гордостью стояла

за его спиной, положив руку ему на плечо. Берри Горди стоял рядом.

— Восемь, — поспешно ответил Майкл.

— А я думала, ты старше, что тебе одиннадцатый год, — настаивала подозрительная корреспондентка.

— Нет, восемь.

— А я слышала...

— Ему восемь, понятно? — вмешался Горди. — Следующий вопрос.

— Следующий вопрос, пожалуйста, — поправил Майкл. Он улыбнулся и подмигнул Паулин Дунн, будто говоря: таковы правила нашей игры.

В статье в газете Sentinel она написала, что Майклу восемь лет.

Глава 4

Начало 70-х — время наиболее значительных преобразований в Motown Records с момента основания. Хотя компания еще выпускала первоклассную поп-музыку и блюзы, та схема, по которой она до сих пор работала и добивалась успеха, начинала мешать ее исполнителям.

Некоторые известные артисты между собой жаловались на конвейерный метод записи хитов. Конец 60-х был, безусловно, временем перемен как социальных, так и политических, и это не могло не отразиться на поп-музыке. Чтобы идти в ногу со временем, многие компании постепенно разрывали договоры со своими штатными сочинителями и заключали новые с модными певцами и группами, которые писали и исполняли собственную музыку, отражавшую свободу, которую принесла новая эпоха.

Некоторые исполнители Motown жаждали творческой свободы. Стив Уандер и Марвин Гэй были главными зачинщиками. Оба не хотели мириться с тем «производством» музыки, которое предлагала Motown: исполнять песни штатных сочинителей и продюсеров, таких, как Смоки Робинсон и Норман Витфилд. Они получали огромные суммы с потиражных, хотя им совсем не приходилось маяться по гастролям.

Музыка вовсе не была основной причиной, по которой глава Motown решил перевести свою компанию из Детройта в Лос-Анджелес. Горди уехал так далеко от своих мичиганских корней потому, что его манил к себе серебряный жран. Он хотел попасть в кинематограф, его протеже Дайана Росс-должна была стать его «входным билетом».

Детально продумывая свой переезд на запад, Горди был верен себе. Он воспользовался возможностью «почистить» дом. Сотрудники компании, считавшиеся «мертвым грузом», должны были остаться в Городе моторов, лучшие могли сохранить свои должности, но только если были согласны отправиться в Лос-Анджелес.

Многим казалось, отправиться в Лос-Анджелес — что лететь на Луну. Безусловно, между Детройтом и городом Ангелов была большая разница. Детройт тогда, впрочем, как и сейчас, был рабочим городом. Независимо от того, какую известность обрела Motown, в основном ее музыканты играли ради любви к искусству, а не ради славы. Признаком успеха в жизни — был двухэтажный кирпичный дом с припаркованными рядом машинами последних моделей. В Лос-Анджелесе дом, стоящий на склоне Голливуд-Хиллз или на побережье, и купленный в

рассрочку «Мерседес» могли считаться признаком, весьма умеренного успеха.

Хотя кинематограф соблазнил Горди переехать на Западное побережье, наболевший вопрос о развитии в деятельности компании музыкального направления стоял остро. В 60-е годы Motown была достаточно мощной, и это позволило ей с успехом перейти в следующее десятилетие, чего совсем нельзя сказать о годах 70-х, которые принесли Берри Горди много трудностей. Новый стиль группы Sly Stone's оказал большое влияние на черную музыку и даже стала перенимать его. К тому же они просто старели, уже больше не были модными. Дела расстроились. Дайана Росс серьезно готовилась к личной карьере, что не предвещало ничего хорошего для Supre-mes. Многие звезды Motown были оставлены в Детройте. Сейчас больше чем когда-либо компания нуждалась в «притоке свежей крови», нужно было предпринимать что-то, соответствующее духу времени, но не противоречащее ее традициям.

Когда Берри Горди увидел запись, сделанную в Детройте на прослушивании Джексонов, он понял, что это как раз «то, что доктор прописал». С этой группой Motown сможет вступить в новую музыкальную эру, где будет место хитам, которые пишут штатные сочинители компании. Эти ребята не хотели писать собственных песен, она мечтали быть просто звездами. Горди так скучал по недавним еще временам, когда Стив Уандер думал только о том, чтобы петь, а не о том, чтобы публиковать свои произведения.

Заключение контракта с группой, которая бы полностью зависела от материалов, предоставляемых ей Motown, оправдало бы старания Горди по крайней мере еще на несколько лет.

К 1969 году отделение компании на Западном побережье работало под руководством штатного автора и продюсера компании Дека Ричардса. Среди его обязанностей был поиск новых талантливых авторов и исполнителей. В этом году партнеры Берри Горди познакомили Ричардса с двумя молодыми сочинителями — это были Фредди Перрен и Фоне Ми-зелл.

«В то время я много думал о том вкладе, который внес в Motown», — говорил Ричарде. Он написал и выпустил многие лучшие вещи Дайаны Росс и Supremes, Temptations и Марта и Vandellas. «Я не был единственным белым человеком в компании, были еще двое, но я был единственным, кто работал на себя, а не на кого-то другого. Как и в любой компании звукозаписи, у нас было много мелких интриг, сколько я видел разного в отношениях между черными и белыми партнерами. Оглядываясь назад, я думаю, что было бы гораздо лучше, если бы мне

предоставили возможность просто работать в полную силу и оценивали бы меня только по моей работе, а не вынуждали принимать участие во всей этой политике».

Дек Ричарде услышал, что Бобби Тайлер «открыл» молодежную группу и записывал ее в Детройте. Тайлер делал в то время хорошие песни, но не было среди них хита. «Мы пробовали много всякого разного, но никак не могли найти правильного направления, — вспоминал Бобби. — Я пытался сделать с ними несколько песен группы Temptations, некоторые песни Стива Уандера и кое-что еще. И песни были хорошие, и ребята талантливые, но что-то не получалось — хита не выходило».

Дек Ричарде и Берри Горди были довольно близкими друзьями на протяжении последних нескольких лет. У Ри-чардса даже была специальная телефонная линия, которой мог пользоваться только Горди. Всегда переполненный новыми идеями, он мог позвонить в любое время суток.

Ричарде был частью коллектива сочинителей-продюсеров Motown, который назывался Клан. Клану принадлежали такие известные хиты компании, как, например, «Ребенок любви». Насколько высоко ценил Горди работу, которую выполнял Клан, настолько он был утомлен бесконечными конфликтами, возникавшими при сотрудничестве одаренных авторов и продюсеров. Когда Ричарде предложил объединить Мизелла и Перрена в одну группу с Холландами и Дозье, Берри не пришел в восторг от этой идеи. Последние и Motown вели в это время дорогостоящую судебную тяжбу. Автор-ско-продюсерская группа считала, что ей должны были дать часть акций компании, так как ей принадлежало авторство многих наиболее известных хитов. Но рядом с ними работали и другие авторы и продюсеры, которые также вложили много труда в развитие Motown, и никто из них не имел акций.

«Горди не хотел появления никаких новых закулисных суперзвезд», — считал Фредди Перрен.

Наконец Горди смягчился и на протяжении следующих трех месяцев Ричарде, Перрен и Мизелл вместе работали над песней I Want To Be Free для Глэдис Найт и группы Pips. Ричарде был первым продюсером, записавшим их в 1967 году, когда они заключили контракт с Motown, но эти песни никогда не вышли в свет.

«Дек сказал, — отмечал Фредди Перрен, — что один из способов сразу попасть в центр внимания в Motown — найти исполнителя, находящегося в простое, и написать хит для него. Так мы и решили сделать». На протяжении достаточно длительного времени у Глэдис не было хитов.

Тем временем Берри пригласил Дека на шоу «Пятерки Джексонов» в Дэйзи. Это произвело на него большое впечатление. Судьба начала поворачиваться лицом. Когда Дек сыграл Берри мелодию из I Want To Be Free, ему она очень понравилась. «Это могло бы идеально подойти «для ребят из Гэри», — сказал он. «Берри некоторое время думал об этом номере, - вспоминал Дек. - Он начинал нравиться ему. Я хотел вовлечь в это Берри по двум причинам. Во-первых, потому, что он был великолепным композитором, во-вторых — у него было некоторое влияние на компанию. Он был постоянно занят творчеством. Наконец я сказал: «Послушай, Берри, почему бы тебе действительно не включиться в это дело?» Он ответил: «Хорошо. Кое-что я сделаю. Я прослушаю и выскажу свое мнение». Это было как раз то, что нужно. У Берри был очень богатый опыт, и теперь он был к нашим услугам».

Дек решил сделать группу, в которую входили Мизелл, Пиррен, он сам и Горди, корпорацией, что будет поддерживать демократическое начало, исключать возможность личного влияния. И гарантирует ко всем справедливое отношение. Доход был поделен так: Ричарде получает 50%, так как это была его идея, кроме того, он был не только композитором, но и продюсером; Фредди и Фоне делят поровну 40%, Берри получает 10%. К сожалению, в последующие годы большинство лучших работ Дека Ричардса выходило под именем корпорации, что означало, что он лично никогда не получил должного признания за свои лучшие произведения. «Когда запись инструментовки была практически закончена, — вспоминает Ричарде, — пришло время репетировать вокал с ребятами, чтобы подготовиться для записи. Мальчики пришли в дом к Берри, чтобы наладить отношения, поговорить о песне. Потом начали репетировать в моей квартире в Вест-Голливуд. Они невероятно упорно работали над этим номером — от шести до двенадцати часов в день. Я привозил их к себе и отвозил домой. Это была тяжелая работа».

Майкл рассказывал, что, когда ему было 11 лет, он иногда садился на скамейку и наблюдал за детьми, играющими в парке напротив Motown. «Я смотрел на них с огромным удивлением. Я даже не мог представить себе такую свободу, возможность столь беззаботно проводить время, и больше всего на свете мечтал я о такой свободе, о том, чтобы просто уйти и быть таким, как они. Когда ты маленький и тебе приходится работать, мир может показаться очень несправедливым», — подчеркивал он.

Но и работая, Майкл не лишал себя развлечений в студии, когда ему это удавалось. «Майкл был во многом похож на других детей, — отмечает Фредди Перрен. — Например, иногда брал

лист бумаги с прикрепленным к нему скотчем, подходил к тебе со словами «Привет, как дела», а сам в это время приклеивал к твоей спине этот листок с надписью «Дай мне под зад» или что-нибудь в этом роде».

«После того как я отвозил ребят домой, — рассказывал Дек, — я прослушивай запись сегодняшней работы вместе с Берри, он давал комментарии и советы. Потом мы дорабатывали материал. Работа велась очень тщательно. В результате мы переименовали песню в I Want To Be Free.

Самая большая проблема с Джексонами была не в их желании или нежелании работать. Работать они хотели всегда и делали это с удовольствием. Трудность была в том, что ты должен был быть для них преподавателем фонетики и английского языка, правильное произношение слов было для них весьма сложным. Мы должны были многократно повторять слова, одно за другим. Майкл, как и его братья, проглатывали звуки, произносили нечетко. Он больше думал о танцах или о чем угодно, но только не о словах. Я говорил ему: «Майкл, мне нужны все эти ноты, каждая из них». Что касается пения, мелодии, он был замечателен. Мы оказывали на него давление, потому что когда тебе попадается такой потрясающий ребенок, ты хочешь, чтобы он был еще лучше. Я думал, если в «сыром» виде он столь великолепен, какой же он будет, если его «отполировать».

«Я помню, что Дек Ричарде был одним из первых моих учителей, — говорил Майкл. — Боже мой, мы потратили столько времени на эту песню. Он был со мной очень терпелив, со всеми нами. Снова, и снова, и снова — я думаю, мы переписывали эту песню раз сто. Я даже не представлял, что запись может быть такой тяжелой работой. Помню, как я засыпал у микрофона. Я уже не верил, что это когда-нибудь может закончиться. Когда у меня возникла надежда, что мы закончили, оказывалось, что мы опять должны что-то переделывать».

«Это было время, когда я начал понимать философию Motown — записывать песню до тех пор, пока она не будет доведена до идеального качества. — Джермен добавил: — Мы все говорили друг другу: «Ну хватит, песня уже достаточно хороша». Но компания никогда не была удовлетворена, до тех пор, пока песня не была доведена до совершенства. Когда мы закончили I Want To Be Free, она была более чем идеальной. Она была невероятной».

Заключительный этап записи этой песни продолжался до двух часов ночи. «По всей видимости, это был самый дорогой сингл в истории Motown, — напомнил Дек Ричарде. — Он стоил порядка 10 тысяч долларов. В то время затраты на один сингл в Компании составляли в среднем 2—3 тысячи. Мы продолжали

прибавлять и вычитать до самого конца. Мой личный вклад в песню начался с гитары, но в последний момент я захотел добавить фортепиано. Я обратился к Фредди и Фонсу, чтобы они приняли участие и пробежались пальцем по клавиатуре — тогда песня по-настоящему оживет».

Наконец запись была завершена. 2 октября 1969 г. после заключительного монтажа песни Берри спросил Дека, как лучше написать название группы на обложке пластинки. Дек считал, что группа должна называться Jackson 5, и пятерка должна быть написана цифрой. Берри согласился, что отныне группа так и должна называться. В это время Джекки было 18, Тито 15, Джермену 14, Марлону 12, а Майклу 11 лет.

«Я был в восторге от песни I Want To Be Free, — говорил Дек, — никогда не забуду, что первым человеком, которому я дал послушать ее, был Стив Уандер. Я относился к нему с большим уважением, мы были друзьями. Все остальные находились под слишком сильным влиянием Берри, и я не мог им доверять по-настоящему. Стив внимательно послушал и сказал: «Знаешь, мне не понравились барабаны». Я засмеялся — на всех не угодишь».

Пока отец и братья Майкла переезжали из отеля в отель, сам он в октябре 1969-го жил в доме Дайаны Росс.

«Все было просчитано. Я хотел, чтобы Майкл был рядом с ней, — объяснил однажды Берри Горди. — Люди думают, что он случайно оказался там, но это совсем не так. Я хотел, чтобы Дайана научила мальчика всему, чему могла. Я не рассчитывал, что она уделит Майклу много внимания. Она была очень занята в то время — много гастролировала с Supremes. Дайана — человек, который оказывает на окружающих большое влияние. Я знал, что Майкл научится чему-нибудь в любом случае, только оттого, что находится рядом с ней, когда она дома.

Дайана говорила, что Майкл чем-то напоминал ей ее саму в 11 лет. Он был столь же любознателен, сколько и талантлив. Она была такой же, когда я встретил ее. Тогда ей было 16. Когда я спросил ее, можно ли Майкл поживет у нее, она сразу согласилась и сказала, что ей будет приятно заботиться о ком-то, кроме себя самой».

Так же, как Джозеф был подвержен влиянию Берри, его сын во всем учился у Дайаны Росс. Она очень хотела помочь, но настолько была занята своей карьерой, что едва ли была в состоянии исполнять роль приемной матери. Единственное, что имело значение в ее жизни и окружении, — шоу-бизнес. «Ты будешь великой звездой», — постоянно повторяла она Майклу. Мальчик очень нравился ей, и она произносила эти слова с самыми лучшими намерениями. Но желание стать звездой,

настоящей звездой слишком долго было главной целью ее жизни. Она, к сожалению, не была тем человеком, который мог показать ему подлинные жизненные ценности.

Весь октябрь Дайана оставалась дома, но была очень занята. Она терпела присутствие Майкла в своем доме только потому, что Берри попросил ее об этом. Для нее это было очень беспокойное время. Она собиралась уйти из группы Supremes и начать самостоятельную карьеру. Она работала над этим долгие годы, и теперь ей не терпелось внести личный вклад в шоу-бизнес. В это время у нее был очень сложный роман с Берри. Майкл, безусловно, слышал множество ссор

между ними, а потом видел, как они улыбались и любезничали друг с другом перед репортерами. Он многое узнавал о кухне шоу-бизнеса, но только время покажет, как это отразилось на нем.

Днем Майкл ходил в школу, а по вечерам до поздней ночи записывался в студии. Теперь он настаивает, чтобы, когда жил у Дайаны, она вводила его в мир искусства. На самом деле Кэтрин вдохновила его на занятия рисованием. Когда она бьь.а маленькой, то научилась делать зарисовки, писать этюды, чтобы хоть как-то скрасить свою трудную жизнь, когда она болела полиомиелитом.

«Почти каждый день мы ходили покупать карандаши и краски, — писал Майкл о Дайане в автобиографии, хотя на самом деле это мало походило на правду. — Если мы не рисовали, то ходили в музеи».

Майкл говорит, что Дайана познакомила его с работами Микеланджело и Дега, что и стало началом его огромного интереса к искусству.

«Она никогда даже не слышала ни о каком Микеланджело, пока не вышла за меня замуж в 1971 году», — заявил однажды Боб Зильберштейн, ее бывший муж.

Возможно, Майкл просто принял невнимание к себе за интерес («Вот краски, мальчик, иди порисуй, не мешай мне»).

«Майкл, видимо, действительно считал, что именно Дайана научила его рисовать, — сказала однажды Вирджиния Хар-рис, близкий друг семьи Джексонов, которая когда-то была хорошо знакома с Дайаной Росс. — Это было очень великодушно с ее стороны разрешить Майклу жить у нее в доме. Марлон тоже провел там неделю. Но даже теперь, спустя много лет, Майкл все еще хочет верить, что они с Дайаной были большими друзьями. Когда он был маленький, он очень идеализировал ее. Он не хочет расстаться со своими фантастическими воспоминаниями,

несмотря на то что для них нет никакого основания».

Очарованность Майкла Дайаной продолжалась долгие годы. Она была звездой, и он постоянно учился у нее. «Я помню, как просто сидел в углу и наблюдал за ее движениями, — вспоминал Майкл. — Она владела искусством движения. Вы когда-нибудь видели ее жесты, как работают ее руки? Я был... — запнулся он, пытаясь подобрать правильное слово, — я был заворожен ею. Целыми днями, когда не репетировал свои песни, я слушал ее. Однажды наблюдал, как она репетировала перед зеркалом. Она не заметила этого. Я изучал ее - как она движется, как поет и, вообще, какая она. Потом я ей сказал: «Дайана, я хочу быть таким, как ты». А она ответила: «Будь самим собой, и ты будешь великой звездой».

Одиннадцатилетний Майкл чувствовал себя очень одиноко во время своего месячного пребывания в доме Дайаны Росс. Он очень скучал по матери и без конца звонил ей.

«Кэтрин очень волновалась, когда Майкл жил у Дайаны, — рассказывает приятельница его матери, пожелавшая не называть себя. — Кэтрин беспокоилась из-за образа жизни, который вела певица. Она боялась, что это может оказать плохое влияние на сына. Кроме того, Кэтрин очень мало знала о Росс, только как о звезде с репутацией эгоистки, и могла только фантазировать, как проходит жизнь ее сына в ее доме и как он с этим справляется. Она должна была быть святой, чтобы не думать о том, каким жизненным ценностям учит ее сына Дайана».

Более того, Росс не очень хотела говорить с Кэтрин напрямую. Когда та звонила, чтобы узнать, как сын, ей приходилось беседовать с кем-нибудь из прислуги, если Майкл не мог подойти к телефону. Дайана обычно не брала трубку. В то время у нее еще не было собственных детей, ей было трудно понять материнское беспокойство.

Волнения Кэтрин о буйных вечеринках в доме Дайаны были напрасны. Она в то время практически ни с кем не общалась, рано ложилась спать и рано вставала, чтобы успеть сделать все дела. Возможно, она не уделяла Майклу достаточного внимания, когда он жил у нее, но не могла сделать мальчику ничего плохого.

Звездный час Майкла и его братьев был близок. I Want You Back была выпущена в октябре 1969-го. Нельзя сказать, чтобы эта песня сразу стала хитом. В рейтинге ста лучших песен она заняла 90-е место. Motown пришлось хорошо поработать, чтобы диск-жокеи начали активно крутить магазины продавать пластинки.

Через десять недель, 31 января 70-го года, песня вышла на первое место. Это был прорыв для Майкла и его старших братьев — они завоевали любовь и восхищение в сердцах белых

американцев среднего класса. Среди черного населения песня тоже пользовалась большой популярностью.

Так же, как Supremes в шестидесятых, Джексоны представляли чистую, задушевную негритянскую музыку соул, которая легко воспринималась и запоминалась.

Пластинка продержалась на первом месте всего неделю, но продолжала пользоваться успехом: в США было продано 2 060 711 штук, четыре миллиона — за границей.

«I Want You Back, вероятно, лучшая поп-пластинка, когда-либо выпущенная Motown», - писал Дон Вэйлер в своей книге «История Motown».

По словам Майкла, им говорили, что ни одна группа не начинала так здорово, как они.

Когда появилась эта песня, группа изменила свой имидж. Сюзанн де Пасс, которая теперь была президентом Motown по продукции, отвечала за новые костюмы и прически мальчиков. Лучшие стилисты работали над внешностью каждого из братьев. Знаменитой школы мастерства, в которой раньше обучали уличных мальчишек изысканным манерам, больше не было после переезда компании в Лос-Анджелес.

18 октября 1969 года был знаменательным днем для группы — Джексоны впервые появились на национальном телевидении в передаче The Hollywood Palace, которую вела Дайана Росс. За сценой, как всегда, отец напутствовал сыновей. Майкл вспоминал, что Джозефа можно было очень легко вывести из терпения, он всегда повторял одно и то же по тысяче раз. В этот вечер, рассказывал Джек Луис, художник по декорациям канала Эй-би-си, глава семьи был более возбужден, чем обычно, он метался по сцене, как лев. «Я не сомневаюсь^ что он нервничал больше, чем ребята. Они были в полном восторге от того, что прорвались. Дайана Росс все время уходила за сцену и беседовала с Майклом наедине.

Она часто поглаживала его по голове, и я заметил, что это его раздражало. Горди тоже был за кулисами. Перед выходом ребят на сцену он подошел к ним, обнял всех вместе и что-то сказал им. Вслед за ним то же самое сделал Джозеф. Жизнь мальчиков была отрепетирована до мельчайших подробностей».

Ребята были одеты в одинаковые костюмы, те самые, в которых выступали на своем дебюте в Daisy: бледно-зеленые двубортные жилеты и расклешенные брюки такого же цвета, на ногах — замшевые сапоги в тон костюму. Многие зрители полагали, что костюмы были куплены фирмой Motown, на самом деле их приобрели для сыновей родители в Гэри.

Стоя за занавесом, братья слышали, как Дайана говорила

публике: «Сегодня я с удовольствием представляю вам юную звезду, которая тем не менее выступает уже всю свою жизнь. Он работает со своей семьей. Когда он поет и танцует, сцена начинает светиться». В этот момент Сэмми Дэвис-младший вышел, кланяясь, на сцену. Он, видимо, думал, что Дайана представляла его, но она уточнила, что имела в виду группу Джексонов и ее солиста Майкла Джексона.

Занавес раскрылся, братья пели Sing a Simple Song.

«Тем временем, — продолжает Джек Луис, — Джозеф и Берри Горди горячо спорили за сценой.

— Что значит «Майкл Джексон и Джексон 5»? Я желаю знать, — настаивал Джо. — Никто мне об этом не сказал. Никто со мной этого не обсудил.

Берри пожал плечами:

— Это не то, что было написано в приглашениях, — сказал он. — Дайана сделала это от себя лично. Это был ее экспромт.

— Мне это не нравится, — кипел Джо. — Все ребята равны. Мы не выделяем Майкла. Это только создаст проблемы.

— Но ведь совершенно очевидно, что Майкл — звезда группы, — пытался объяснять Берри.

— Они все звезды, — возразил Джо.

— В любом случае теперь уже слишком поздно, — сказал Берри.

Они оба досмотрели представление. Когда братья исполнили песню Can You Remember и I Want You Back, Дайана начала неистово аплодировать, и вслед за ней взорвался весь зал. Потом она танцевала с Майклом. «Ты уверена, что Сэмми Дэвис начинал именно так?» — спросил ее мальчик. Дэвид услышал свое имя, вышел на сцену и присоединился к танцу. Он обнял Дайану, делая вид, будто огорчен, что Майкл «обошел» его.

Юный певец, не обращая на него внимания, продолжал танцевать, пока Сэмми не схватил его и не уволок со сцены: «Я посажу тебя в мешок! Ты, восьмидесятиоднолетний карлик». Эти слова были произнесены в шутку, но доля правды в них была. Майкл уже стал любимцем публики, и каждый артист, который выступал вместе с ним на сцене, должен был быть настороже, чтобы не только ему достались симпатии зрителей.

После шоу за сценой был настоящий праздник. Ребята хохотали, прыгали, похлопывали друг друга по спинам. Отец, конечно, был с ними: он праздновал победу своих сыновей.

Дайана вышла за сцену и направилась к Майклу. «Я так тобой горжусь, — сказала она и крепко обняла его. — Ты — лучше всех. Ты просто самый лучший. Ты будешь огромной, огромной звездой!»

Потом, отвернувшись от Майкла, она бросила, ни к кому не обращаясь: «Принесет мне наконец кто-нибудь полотенце? Оно где-то там, за сценой!» — повторила она громче. «Я принесу, — предложил Майкл. Он исчез на мгновение и вернулся с большим белым пушистым полотенцем. — Вот оно, мисс Росс»? — сказал он. Дайана улыбнулась. «Спасибо, Майкл, — погладила она его по голове. — Называй меня просто Дайана, хорошо?» Он просиял и убежал.

Берри подошел к Дайане: «Почему ты их так представила -- Майкл Джексон и Джексоны 5»?

Она посмотрела на него с вызовом: «Я так решила».

«Я знаю, но отец был просто разъярен», — не успокаивался Берри.

Дайана посмотрела на него так, будто хотела сказать: «Ну и что? Тебя это волнует?» Вслух же произнесла: «На вот, возьми», — и протянула ему полотенце.

«Действительно, — согласился Берри и перекинул полотенце через плечо. — Подумаешь...»

Никто еще со времен Сэмми Дэвиса-младшего не видел мир ребенка с таким врожденным чувством сцены. И в танцах, и в пении Майкл Джексон проявлял невероятный талант. После того как он записал в студии Motown песню Who's Loving You Смокки Робинсона, сотрудники компании удивленно спрашивали друг друга: «Где этот ребенок мог научиться таким чувствам?» Ответ был прост: нигде, они просто жили в нем.

«Я скажу вам, как перед богом. Я никогда не знал, что делал в мои ранние годы, — признался однажды Майкл Джексон. — Все получалось как-то само собой. Я никогда не знал, как на самом деле надо петь. Я никак не контролировал это. Оно просто возникало во мне само по себе».

Продюсеры Motown поражались тому, что Майкл любил играть во все игры, которыми увлекались его сверстники, — карты, прятки. Играл в перерывах между записями песен. Но как только выходил на сцену, брал в руки микрофон и начинал петь, его охватывали эмоции, которые могли быть только в глубоко чувствующем сердце и много познавшей душе. Когда ему говорили, что он должен петь, как отвергнутый влюбленный, никто и не ожидал, что он сможет это сделать, никто не мог представить, что он может испытывать такие чувства. Откуда бы им в нем взяться? В конце концов, в то время он был одиннадцатилетним мальчиком, которому слишком рано петь такие песни и вообще стоять перед микрофоном.

Майкл был такого маленького роста, что продюсер Дек Ричарде обычно сажал его на перевернутое мусорное ведро,

чтобы он мог достать до микрофона. Джермен и Джекки обычно стояли по обеим сторонам от него, Марлон и Тито редко принимали участие в таких записях. Перед Майклом стояла подставка с нотами. Джермен и Джекки постукивали по краям ведра, на котором он сидел. И в таких условиях от него ожидали таких серьезных эмоций?

Конечно, Майкл Джексон не был первым сольным юным исполнителем, которого услышала Америка. Манера пения черного Френки Лимана, солиста группы The Teenagers в 50-е годы, тоже не соответствовала его возрасту. Корни вокального мастерства Майкла можно проследить в традиционном черном госпеле — духовном песнопении американских негров, хотя он никогда не пел в хоре. Джексон был гораздо более изобретательным и изощренным в танцах, чем Френки.

Когда Майкл и его братья стали профессиональными артистами, вероятно, существовали тысячи подростков с не меньшим танцевальным талантом. Но было у Майкла одно качество, которое резко отличало его от других сверстников, мечтающих стать артистами. Он был очень настойчивым и внимательным и все годы, что выступал, тщательно наблюдал за работой всех артистов, принимавших участие в концертах, в программе которых была и группа «Джексон 5». Майкл мог прекрасно выделить моменты, приемы, которые, очевидно, будут хорошо приняты публикой. У одного он учился драматическому искусству, у другого перенимал, как играючи перекидывать микрофон из руки в руку, у третьего — как делать скользящие шаги.

Например, у Джеймса Брауна научился и усовершенствовал его знаменитое вращение, позаимствовал так называемую верблюжью походку, которую тот популяризировал. Когда Майкл впервые продемонстрировал это на сцене American Band Stand, публика приняла его с восторгом. Между тем аудитория на этом концерте была весьма придирчивой, и в основном белокожие тинейджеры.

Майкл учился не только у мужчин. У Дайаны Росс он заимствовал не только чувство стиля, но и умение показать свою внутреннюю силу. У Дайаны Росс была так называемая «тихая власть, сила присутствия». Майкл наблюдал за тем, как люди реагировали на нее, когда она входила в комнату. Она притягивала внимание. В ней был какой-то магнит, и ему это нравилось. И еще одному научился он у Дайаны. В своих ранних песнях он периодически вставлял некий звук у-у-... Не длинное, печальное у-у-у-у, а скорее выкрики, восклицательные знаки. Дайана использовала этот эффект во многих песнях, которые

исполняла с группой Supremes. Майкл обратил на него внимание, адаптировал для своего пения и, так сказать, положил в «багаж влияния». Каждое маленькое «у-у» помогало.

«Майкл был одержимым, он был предан своему делу, был самым большим талантом, который мы видели после Дайаны Росс, — отмечал Смокки Робинсон в беседе с писателем Дэвидом Риц, соавтора его автобиографии, вышедшей в 1989 году. — Аккомпанемент его братьев, которые не были одарены в такой же степени, способностями ни к пению, ни к танцам, только дополнял выступление».

29 октября 1969 года Ральф Зельцер подал прошение в Верховный суд Калифорнии для пересмотра контракта Motown, чтобы удостовериться, что его условия соответствуют законам штата о труде, как братья Джексоны теперь собирались там. Адвокат сделал это, чтобы избежать потенциальных проблем и чтобы семье Джексонов никогда не пришлось обращаться в суд из-за того, что условия контракта недействительны, не соответствуют законам о детском труде. Зельцер, который находился в Детройте, не присутствовал на заседании суда. Motown на суде представляла Сюзанн де Пасс. На суд пришли мальчики Джексоны и их отец. Судебный клерк спросил каждого члена группы и Джозефа, были ли они удовлетворены условиями контракта и были ли эти условия им полностью объяснены.

Все ответили утвердительно. Были ли у них какие-нибудь вопросы к контракту? Нет, сказали они, никаких. «Я думаю, это хороший контракт, — сказал одиннадцатилетний Майкл, который даже не читал его. — Я действительно так думаю. У меня нет никаких претензий к этому документу».

Судья Лестер Олсон прочитал контракт, казалось, он настроен несколько скептически относительно справедливости некоторых его пунктов. Но в его обязанности не входило принимать какие-либо решения по таким вопросам. Его целью было только удостовериться, что контракт соответствовал законам о детском труде. Суд решил, что 25% заработанных Майклом и его братьями денег, поскольку все они были несовершеннолетними, будут положены на счет Джозефа Джексона, который станет доверенным лицом. Это было обычное решение таких вопросов в соответствии с актом Когана от 1939 года. 75% от заработка мальчиков могли быть истрачены их родителями по своему усмотрению. Также судья решил, что если один из братьев захочет записать сольный сингл или альбом, он должен будет делиться своим доходом с братьями.

Через 6 лет, когда Джексоны подали в суд на Motown, Сюзанн де Пасс вспоминала: «Никто из группы Джексонов, ни Джозеф не

выражали никаких недовольств в связи с контрактом. Напротив, как они заявили на суде, все его условия их полностью устраивали».

В начале ноября 1969 года Берри Горди снял квартиру для семьи Джексонов на Квинз-роуд в Лос-Анджелесе. Майкл переехал в этот дом вместе с отцом и братьями. К этому времени старшие мальчики поступили в Fairfax High Shcool. Сузи Джексон (ее девичья фамилия Смит), которая училась там же, а впоследствии вышла замуж за Джонни Джексона, вспоминает: «Моя сестра-близнец, я и еще одна наша подруга были представлены Джекки, Тито и Джонни. Нам сказали, что эти ребята работали с Motown.

«Подумаешь... Все, кто приезжает из Детройта, говорят, что работают на эту компанию, — отметила я про себя. — Помню, что даже тогда у них был телохранитель, которого звали Джек Ричардсон. Он был очень близким другом семьи и правой рукой Джозефа. Все называли его дядюшка Джек.

Он каждый день встречал их после школы и отвозил в автобусе, на дверце которого было написано «Джексон 5». Однажды ребята подвезли нас до дома, а потом поехали дальше, к себе. Джекки понравилась моя сестра, Тито — моя подруга, а Джонни — я».

Однажды в субботу мы незаметно выскользнули из дома и пошли к ребятам в их большой розовый дом на Квинз-роуд. Мы очень волновались и боялись идти — незваные гости туда не допускались. Джозеф был весьма строгим отцом, — продолжает Сузи. — Когда мы подошли к дому, мальчики репетировали песню I Want You Back. Мы не знали ее. Мы слушали, как пел Майкл. Даже тогда было очевидно, что он — настоящая звезда. В нем было что-то необыкновенное. Мы безумно жалели, что он был еще совсем мал. «Был бы он хоть чуточку постарше, как его братья», — мечтали мы. В наших беседах часто речь шла о том, что эти ребята добьются большого успеха. Однажды они пригласили нас на прогулку в горы, показывали дома всех знаменитостей. Вдруг я почувствовала острую боль в боку. Через пять дней у меня случился приступ аппендицита, мне сделали операцию. На следующий день Джонни передал мне три дюжины красных роз. Моя мама потребовала, чтобы я сказала, от кого они, а когда узнала, что букет мне прислал Джонни Джексон, разразился колоссальный скандал — я еврейка, а он черный.

Пока я лежала в послеоперационной палате, — вспоминает Сузи, — Джозеф звонил в клинику узнать, как я. Однажды моя мама говорила с ним по телефону. Он рассказал ей, как мы пробрались к ним в дом и вид у нас при этом был самый

отчаянный».

В декабре 1969 года Кэтрин, Джанет, ЛаТойя и Рэнди присоединились к семье в Лос-Анджелесе. Motown оплатила их перелет. Это был первый полет в их жизни.

Кэтрин почувствовала облегчение от того, что ее семья покинула Гэри. Многие годы она ждала этого. Муж и Джек Ричардсон встретили ее в аэропорту. Возможно, она была расстроена, что мальчики не пришли, но вида не показала. После столь долгого расставания еще какие-то полчаса не имели значения. Джозеф попытался обнять жену, но ему это не удалось — Кэтрин была занята своими восторженными детьми. Джозеф рыкнул на них, чтобы прекратили прыгать и кричать, но это длилось недолго. «Добро пожаловать в Калифорнию, Кэт, — сказал он. — Долго же ты собиралась».

Когда машина подъехала к дому, мальчики уже стояли на улице в ожидании. Майкл первый бросился в объятия к матери. «Боже мой, боже мой, как ты вырос!» — сказала она. Потом обнимала по очереди всех своих сыновей, и слезы катились по ее щекам. Джекки схватил Марлона и подкинул его в воздух. «Я следующая, я следующая!» — запищала трехлетняя Джанет.

Кэтрин вспомнила, что, как только вошла в дом, она стала оглядывать гостиную и была поражена: она была такая огромная, в два раза больше, чем весь их дом в Гэри. «Да-а, это тебе не Гэри, это точно!» — сказал Джозеф с гордой улыбкой. Потом попросил, чтобы жена закрыла глаза, и вывел ее в садик за домом. «Теперь можешь открывать», — сказал он. Потрясающая панорама ночного Лос-Анджелеса открывалась с холма, на котором стоял их дом. Тысячи, миллионы огней мерцали, как падающие звезды. «Я думаю, так выглядит рай!» — воскликнула Кэтрин, когда дар речи вернулся к ней. — Я никогда не видела ничего подобного, такой красоты». — «Теперь будешь видеть это каждый вечер», — сказал Джозеф.

Кэтрин попросила, чтобы ее ненадолго оставили одну. Позднее она говорила, что стояла там, то и дело встряхивая головой, боясь, что все это может внезапно пропасть, как прекрасный сон, откроет глаза и опять окажется в своей постели в Гэри. «Красиво?!» — она обернулась на звук незнакомого женского голоса, но, прежде чем смогла что-то ответить, к ней подбежал Майкл. «Мама! Это она! Это Дайана Росс! Правда, она очень красивая? Очень, очень красивая!»

Позднее, рассказывая кому-то из друзей об этом, Кэтрин вспоминала, что на улице было довольно темно, и она не могла как следует рассмотреть Дайану, но отметила, что та была такой же молодой, красивой и стройной, как на телеэкранах. В тот

момент женщина с болью думала, как она сама выглядела в глазах великолепной Дайаны. К большому ее удивлению, знаменитость была дружелюбна. Она поздоровалась за руку: «Миссис Джексон, я очень рада, что наконец встретилась с вами. Ваши дети так много мне о вас рассказывали. У вас великолепные дети». Хотя Кэтрин было приятно услышать такой лестный отзыв о своих сыновьях, ее преследовала мысль, почему там была Дайана и когда она приехала. «Я просто зашла в гости», — видимо, почувствовав этот молчаливый вопрос, попыталась объяснить она и, ласково обняв, поцеловала ее в щеку.

Кэтрин сказала Дайане, что очень благодарна ей за все, сделанное ею для мальчиков и особенно для Майкла, что счастлива заняться наконец их воспитанием. В этот момент ей показалось, что Дайана как-то неловко себя почувствовала. Ее поведение вдруг резко изменилось. «Я очень рада за вас и хотела бы поговорить с вами более обстоятельно, но, к сожалению, не могу, сильно занята». — «Но, может быть, останетесь на чашечку кофе?» — предложила Кэтрин. «Нет-нет, я действительно должна сейчас же бежать. Надеюсь, вы не обидитесь на меня». — «Да, конечно, конечно, я понимаю», — сказала Кэтрин. Не произнеся больше ни единого слова, Дайана повернулась и скрылась в темноте.

«Пока!» — крикнул Майкл, но она не ответила.

Кэтрин обняла сына, и так, обнявшись, они вошла в дом, чтобы начать там новую жизнь.

Глава 5

К концу 1969 года Майкл наконец снова был со своей матерью. Радостный, энергичный, счастливый мальчик. «Единственное, что я хочу сейчас знать — как долго мы сможем сохраниться как семья, — сказал Майкл корреспонденту журнала Soul Джуди Спигельман. — Мне нравится шоу-бизнес, Голливуд, все то, что такие люди, как, например, Берри Горди, делают для меня. Я действительно в полном восторге от этого».

В декабре фирма Motown Records выпустила первый альбом братьев. Он назывался Diana Ross Presents The Jacksons. Тираж продаж — 629 363 экземпляра — был весьма необычен для такого рода дебюта.

«Слово «честность» всегда имело для меня особое значение, — писала Дайана Росс. — Мое представление о честности что-то очень открытое, что называется «все, как на ладони». Такие чувства я испытываю к группе Джексонов, к пятерым мальчикам, носящим эту фамилию, которых я открыла в городе Гэри, штат Индиана. У них огромный талант, и кроме того — они честные».

Майкл, его братья и представитель Motown вместе смотрели пробный экземпляр обложки нового альбома. «Они не разрешили нам играть на наших инструментах в этом альбоме, — проворчал Тито. — Но здесь, на картинке, мы с ними, будто на них играем. Что-то здесь не так. Не нравится мне все это».

Тито и Джермену не разрешили играть на своих гитарах на записи в Motown. Вся инструментальная часть номера была записана еще до того, как они пришли в студию. Им пришлось научиться и имитировать игру на инструментах, когда они выступали на концертах. «Я думаю, мы сами должны играть на этой записи», — сказал Тито. Майкл выкатил глаза: «Ну, и что дальше?» — «А то, что все это ложь», — сказал Тито. «А это еще что такое?» — спросил Джермен, глядя через плечо Майкла. Он показал на строчки на обложке, где Дайана пишет, что она «открыла» их группу. Майкл пожал плечами: «Это называется реклама, — сказал он. — Ребята, давайте закончим с этим».

«С довольно раннего возраста он уделял много внимания имиджу, — рассказывал Стэн Шерман, который присутствовал при этой перепалке. — Остальные... как бы сказать, их коробила вся эта ложь. Но не Майкла. Когда ему все объяснили, он не только согласился, но, мне кажется, стал во все это верить. Меня это испугало, казалось, что он слишком охотно принимал все эти фантазии».

14 декабря 1969 года Джексоны приняли участие в шоу Эда

Салливана. Спустя два месяца после первого выступления по национальному телевидению в передаче The Hollywood Palace, в октябре быть приглашенным в это шоу было огромным шагом в их карьере. Эта престижная программа впервые появилась на экранах в июне 1948 года. Тогда она называлась Toast Of The Town, в 1955 году была переименована в The Ed Sullivan Show и появлялась на экранах каждую неделю до июня 1971 г. Канал CBS с восьми до девяти вечера по воскресеньям стал для эстрадных артистов настоящей телевизионной Меккой. Такого успеха программа достигла отнюдь не благодаря своему ведущему.

Малоподвижный и неулыбчивый Салливан, журналист газеты New York Daily News, не делал практически ничего, только представлял своих гостей, чьи имена обычно произносил неправильно или совсем забывал. Но участников программы это не очень беспокоило. Новички, попавшие сюда, знали, что это их выигрышный билет. Для известных артистов побывать на этом шоу означало, что тебя еще помнят. Эд никогда не приглашал исполнителей, которые уже не пользовались популярностью.

Салливан наблюдал, как мальчики, уже переодетые в сценические костюмы, репетировали. Это произвело на него большое впечатление. Он подошел к Майклу, взял за руку и сказал: «Никогда не забывай, откуда у тебя талант. Твой талант — это дар божий».

Как только Салливан представил «сенсационную группу», Марлон, Джекки и Майкл в сопровождении Тито и Джермена начали исполнять в своей интерпретации песню Sly Stone, песню Stand. Они были в модных костюмах, которые купила для них Сюзанн де Пасс.

В некотором смысле выглядели они довольно странно. Тито будто хотел показать, что находился сейчас где-то далеко отсюда, совсем в другом месте. Джермен звучал громко и несколько фальшиво. Джекки был не очень хорошо виден за спинами своих братьев. Нельзя сказать, что он был совсем плохим танцором, но в нем скорее было больше энергии, чем изящества. На фоне братьев он выглядел неуклюжим гигантом, отсчитывающим ритм, чтобы не сбиться в танце, — раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три. Майкл же, как всегда, был явной звездой. Когда он пел, глаза его сияли. Он был восхитителен в ковбойской шляпе. Каждый, кто видел это выступление, наверняка запомнил, до чего мил был этот маленький мальчик.

Уже тогда он был настоящим большим артистом, странным сочетанием театральности Джеймса Брауна и очарования Дайаны Росс. Когда он пел Can You Remember, голос его был очень чистым, а тембр невероятным для его возраста. Когда мальчики

заканчивали выступление песней I Want You Back, публика была уже полностью завоевана ими.

Обычно после выступления Салливан немного беседовал с артистами, на этот раз он довольно быстро переключил внимание на человека в зале, «открывшего» Джексонов, — Дайану Росс.

В розовом платье, чем-то напоминавшем детский праздничный наряд, она встала и скромно поклонилась. Потом Салливан прошел по кругу и каждому участнику шоу пожал руку, а Джексонов проводил за сцену.

Само появление его в шоу было большой удачей. А шквал аплодисментов был верным знаком ожидавшего их успеха.

Между тем Джо и Кэтрин стали всерьез задумываться, так ли умно с их стороны терпеть, что имена Берри Горди и Дайаны Росс так тесно связывают с успехом их детей. Родители мальчиков считали, что именно они причастны к достижениям группы. Им было неприятно, когда Motown упоминала имена Берри и Дайаны как тех людей, которые внесли большой вклад в победы их детей, особенно раздражали подобные высказывания в газетных и телевизионных интервью.

Вскоре Джозеф стал организовывать интервью сам — для себя и жены. Далеко не всегда информация, которую получали журналисты от них, совпадала с полученной от Motown, особенно от Горди, который считал, что родители мальчиков недостаточно образованны, интеллигентны, чтобы справляться с задачами, которые поставила компания, представляя юных исполнителей в прессе. Однако ни Motown, ни Горди не могли больше препятствовать отцу и матери, которые не хотели больше оставаться в тени. «Ладно, пусть говорят, что хотят, — решил Горди на одном из собраний сотрудников. — Но, пожалуйста, сообщайте мне обо всех их выступлениях». Он всегда был сторожевым псом компании и был готов защищать ее интересы от любых вмешательств, от кого бы то ни было, включая родителей Джексонов.

Предстояло решить одну трудную задачу. Надо было выпустить новую пластинку, ничуть не хуже, чем первая. Берри Горди поручил написать новую песню для Джексонов Деку Ричардсу и корпорации. Это была его политика — давать возможность автору песни, которая стала хитом, проявить себя столь же удачно еще раз.

«Однажды вечером я был в доме Фонса Мизелла и Фредди Перрена, мы валяли дурака, наигрывая какие-то мелодии на их электропианино, — вспоминает Дек Ричарде. — Я думал о том, как Холланд и Дозтер использовали в новых песнях «музыкальные цитаты» из своих прежних сочинений. Они как бы вывели

формулу «проверенного хита». И я решил взять для новой песни кусочек из принесшей успех Джексонам I Want You Back фрагмент, где группа поет хором.

Я сидел у пианино, что-то наигрывал, и вдруг пришли слова к песне «ABC». Ребята посмотрели на меня как на сумасшедшего. «А дальше?» — «Может быть — раз, два, три?» Тут ребята решили, что я совсем спятил. Тогда я выдал следующую строчку: «До, ре, ми» и закончил ее грандиозными словами «You and Me» (ты и я)».

«Ну вот и все, — сказал им Дек. — Это хит. Теперь работайте над ним, а потом придете ко мне». Когда Дек придумал основную мелодию песни, главное было написать подходящие слова. Вскоре Дек, Фоне и Фредди были уже в студии, записывая песню «ABC» с Майклом и его братьями.

«ABC» была единственной пластинкой Джексонов, когда был использован тот самый аккомпанемент, который был записан на сессии в студии и позже ничего не менялось.

«Мне «ABC» понравилась сразу, как только я ее услышал, — говорил Майкл. — Понравилась гораздо больше, чем I Want You Back. Это было как раз то, что нужно. Замечательная песня, замечательные идеи и прекрасная музыка. У меня не хватало терпения, чтобы дождаться, когда можно будет приступить к записи. Помню, как Дек Ричарде и другие авторы работали над ней. Они делали это прямо там, в студии — искали слова, сначала одни, потом другие... Знаете, я всегда удивлялся, как такие вещи делаются, и не мог поверить, что все это можно просто придумать в последнюю минуту. Мне всегда было интересно, сколько стоила запись песни «ABC». Я думаю, невероятных денег, потому что мы потратили на эту запись очень много времени».

Когда, наконец, она была закончена. Дек проиграл ее Берри. «О боже! Ты все испортил, — сказал он. — Ты действительно все испортил». — «Что ты имеешь в виду?» — спросил Дек. «В своих стихах ты говоришь — ABC — это так же просто, как раз, два, три. Но это неправильно. Должно быть как раз все наоборот — раз, два, три — это так же просто, как ABC. Начни песню со слов раз, два, три. И вообще ты должен переименовать песню. Она должна называться «Раз, два, три». — «Раз, два, три? — Нет, никогда. Никогда», — спорил с ним Дек. Сейчас все это звучит смешно, весь этот дурацкий спор. Но если помнить, что в карьеру Джексонов были вложены огромные деньги и их успех был возможен в значительной степени благодаря Берри, его интуиции, которая на протяжении многих лет не подводила его, Дек должен был прислушаться к нему.

Берри был непреклонен, и Деку пришлось вернуться в студию

и вместе с мальчиками переписать слова так, как настаивал Горди. После того как они закончили запись, он еще раз дал прослушать ее Берри. Тот покачал головой и засмеялся: «Слушай, мужик, а ведь ты действительно был прав. И впрямь должно быть ABC, а не «Раз, два, три». Прости меня, но тебе придется еще раз ее переписать. «Нет, мне не придется», — сказал Дек с усмешкой, потому что я ее не стер. Я все-таки надеялся, что ты поймешь, что я прав». Берри рассмеялся.

В феврале 1970 года Motown выпустил «ABC» — второй сингл Джексонов. Как и предсказывал Дек Ричарде, Корпорация Горди выработала формулу успешного хита для мальчиков, которая очень напоминала ту, что Холланд использовал для группы Supremes. Шесть недель новый сингл занимал место в десятке хитов, вытесняя Let It Be группы Beatles.

«Они просто хотели развлекать публику, — говорил Джозеф о сыновьях, когда их сингл занял первое место. — Я думаю, они не ожидали, что все это случится с ними так скоро. Я хотел, конечно, чтобы они сразу достигли вершины. Это то, к чему я стремился сам и подталкивал своих ребят. Это их путь, и они доберутся до своей цели. Они будут суперзвездами, запомните мои слова».

Фредди Перрен вспоминает: «После этих двух синглов Берри Горди постоянно повторял: а что же дальше, что последует за этим? Он не беспокоился, но он очень хотел, чтобы как можно быстрее вышла третья пластинка». Мы занимались монтажом на Саунд Фектори в Голливуде. Берри обычно никогда не приходил на монтажные сессии, но в этот раз пришел. Мы еще не закончили. Он стоял и слушал минут пятнадцать, потом сказал: «Все в порядке. Вы, ребята, сделали хит, теперь я не беспокоюсь». И ушел. Тогда мы действительно были уверены — сделано то, что надо».

The Love You Save была выпущена в мае 1970 г. Это был еще один превосходный хит с захватывающим соло Майкла и множеством музыкальных цитат из песен I Want You Back и «ABC», хотя было продано 1 948 761 копии, чуть меньше, чем двух предыдущих синглов. Горди хотел, чтобы у группы было три хита, занявших первое место, и, как всегда, он получил желаемое. С The Love You Save The Jackson 5 стала первой группой в истории рока, у которой все три первые песни были на вершине списка хитов. Снова они превзошли Beatles, сместив с первого места их песню The Long and Wineting Road.

Впервые группа Джексонов выступила с концертом на представлении Motown в Филадельфийском Конвеншен Центре субботним вечером второго мая. Несмотря на потрясающую продажу их пластинок, никто не мог предположить, что группа

всего за пять месяцев приобрела такую огромную популярность. Более трех с половиной тысяч ликующих фанов прибыло в Филадельфийский международный аэропорт в надежде увидеть юных братьев. Огромными усилиями полиция защитила Джексонов от толпы. Истерические фанаты прорвались сквозь заграждения, чтобы встретиться с группой. Такая же сцена повторилась на следующий вечер на концерте. Сотни полицейских вновь и вновь оттесняли от сцены многочисленных зрителей. После концерта три мотоцикла сопровождали машины Джексонов до отеля. Когда Майкл добрался до своей комнаты, он разрыдался от усталости и напряжения.

«Ему тогда было одиннадцать лет, он был напуган до смерти, — говорил Джермен. — Другие братья были скорее удивлены, чем испуганы, а Майкл действительно жутко боялся всего происходящего». — «Я не знаю, смогу ли я всегда заниматься этим, — говорил он. — Может быть, еще немного, но не всю же жизнь».

Происшедшее послужило предупреждением для Motown, чтобы к следующему выступлению братьев компания была подготовлена лучше.

В тот же месяц вышла вторая пластинка Джексонов. Ее успех превзошел дебютный — было продано 867 756 копий. Пока группа позировала для обложки пластинки на берегу Санта-Моника, одна из подруг Берри Горди — Крис Кларк — нашла в кустах змею. Майкл был в восторге. Он поймал ее, когда она уже собиралась скрыться в норку, и принес домой. Так она и жила у него. Это положило начало увлечению Майкла змеями.

Берри Горди организовал переезд семьи Джексонов из дома на Квинз-роуд в более просторный дом на Бау Драйв. Рядом с ними жили Либерейс и Дэви Джоунс из группы Monkees. «Джексонов выгоняли из нескольких домов, — объяснял Горди Майклу Голдбергу в интервью для журнала Rolling Stone. — Понимаете, они были слишком шумными. Они же были группой». Мы селили их в какой-нибудь дом, они начинали репетировать, и их выгоняли. Мы нанимали другой, но там все повторялось, и опять их выгоняли.

Современный репортер, описывая дом на Бау Драйв для журнала Crawdaddy, назвал его «Мотелем Джексонов». «Вы могли проехать прямо под дом, остановиться, отметиться у портье, — писал он, — потом объехать вокруг и припарковаться в большом гараже, который легко вмещал пятнадцать машин. Дом был массивный, невыразительный и квадратный. Полы сплошь покрыты коврами, мебель пластиковая, на стенах награды. Немецкая овчарка, которую звали Лобо, охраняла территорию.

Обычно друзья семьи, прежде чем войти в дом, кричали в окно Джексонам, чтобы узнать, где Лобо».

«Это была странная собака, — говорил Майкл. — Стоило только повернуться к ней спиной, она сразу бросалась на тебя. На прошлой неделе прыгнула на Тони Джонса, одного из менеджеров Motown. Мы вовремя подскочили, чтобы оттащить ее».

Вскоре после того, как семейство переехало в новый дом, они с удивлением обнаружили, что их адрес есть в справочнике «Карта к звездам», который продавался в сувенирных лавках практически на каждом углу. Не случайно фаны часто навещали их, молодые девушки то и дело заглядывали к ним в гараж. Если Кэтрин кто-то из них казался симпатичным, она могла пригласить на обед. Несмотря на то что теперь Кэтрин жила в роскошном доме на горе, сердце ее оставалось таким же добрым, как и прежде. Она была приветлива и дружелюбна со всеми.

«Жить здесь для нас странно, — говорил Джермен журналисту Тиму Тиллеру из журнала Creem. — Ближайший магазин в пяти милях отсюда». Майкл как-то обмолвился: «Мы сами должны стелить себе постели. У нас нет здесь никакой прислуги».

В июле 1970 года The Jackson 5 выступала в зале Форум в Лос-Анджелесе. На концерт было продано 18 675 билетов, выручено 105 тысяч долларов. «Я был там вместе с Берри и Дайаной, — рассказывал продюсер группы Дек Ричарде. — Меня чуть не задушили до смерти. Перед тем как ребята начали песню The Love You Save, Майкл сказал что-то вроде «Вот это та самая, которая вытеснила песню Битлз». Это заявление вызвало невероятную реакцию. Мы сидели в третьем ряду. Во время исполнения вдруг мы услышали какой-то рокочущий звук, который приближался к нам, ряды стали наплывать один на другой. Люди падали, другие шли через них. Кто-то вскочил на сцену и вытолкнул оттуда ребят. Они даже не успели закончить песню. Берри, Дайана и я с трудом выбрались из своего ряда. В этот момент его захлестнуло волной бегущих фанатов, пытающихся прорваться ближе к сцене».

Через месяц компания выпустила первую балладу Джексонов. Она называлась I'll be There. Переход от легких песен к балладе казался Горди логичным шагом. Трудность состояла в том, что песня должна была быть по-настоящему хорошей, чтобы фаны, привыкшие к легкой ритмичной музыке, приняли ее.

«Пришло время перемен, — говорил Дек Ричарде. — И неважно, что лично я не принимал участия в работе над этой песней, она получилась».

В течение пяти недель I'll be There занимала первое место в списке хитов. Ее автор Вилли Хач вспоминает: «Берри и я сочинили эту песню для ребят. Продюсером был Хэл Дэвис. Мы записали Майкла в более высокой тональности, чем обычно, голос его звучал просто ангельски. Помню это потрясающее пение. Нам обоим хотелось плакать. И Берри, и я довольно сильные люди, из нас не так просто выдавить слезу, но этот мальчик обладал какой-то удивительно трогательной силой».

В компании у Берри работала девушка — Сузи Икеда. Она обычно находилась в студии с Майклом. Помогала ему репетировать, старалась объяснить, как сделать лучше исполнение. Она обдумывала каждое слово песни, говорила, как его донести до зрителя. Все в Motown делалось с особой тщательностью. Каждая песня, каждое слово в ней были скрупулезно продуманы. Многие полагали, что песня Г И be Three не завоюет большой популярности. Но Берри верил в эту пластинку. И, как всегда, был прав. В течение трех дней было продано более двух с половиной миллионов копий. Она вытеснила песню Chackling Rosie в исполнении Нейла Даймондса с первого места в десятке поп-хитов и стала наиболее продаваемой пластинкой Motown за всю его историю. Компания заявила, что было продано более четырех миллионов копий. На самом деле — на восемьсот тысяч меньше, то есть 3 178 523.

Группа Джексонов стала первой в истории поп-музыки, у которой все четыре первых сингла заняли лидирующее место в десятке хитов.

Майкл говорил: «Становится все лучше и лучше».

В октябре 1970 года братья начали гастроли на Западном побережье. Директора Motown поняли, что даже самое тщательное планирование не может быть точным, поскольку невозможно предвидеть ряд обстоятельств, особенно энтузиазм фанов. Один из работников компании Боб Джонс вспоминал выступление группы в концертном зале Boston Garden девятого октября: «Прежде чем они смогли закончить свою последнюю песню, мы должны были быстро эвакуировать их со сцены. Несмотря на огромное количество охраны и сцену высотой в двенадцать футов, на группу налетела толпа фанов. На следующий день мальчики должны были выступать в городе Цинциннати в концертном зале Gardens Stadium. Власти города приготовились к самому худшему. Была построена сцена высотой в четырнадцать футов, перед ней барьер для защиты от фанов. Удвоенные силы полиции и специальной охраны также были подготовлены к концерту. Билеты были проданы в мгновение ока, но тысячи желающих так и не смогли попасть на концерт. Когда

Джермен пел песню I Fa-und That Gire, четырнадцать девушек упали в обморок».

После коротких гастролей в пяти городах Боб Джонс писал: «Когда были подсчитаны доходы, принесенные этими гастролями, все в Motown были поражены. На концертах Джексонов побывало сто тысяч человек, сбор пятьсот восемьдесят тысяч долларов. Вернувшись домой в Лос-Анджелес, один день ребята отдыхали и подлечивали натруженные горла. А потом отправились в частную школу... и стали серьезно обдумывать, как они нарядятся на праздник Хэллоуин».

В ноябре 1970-го три концерта, намеченные в Техасе, были поставлены под угрозу. Члены Южной христианской организации Breadbasket выступили против проведения в Техасе концертов группы Джексонов. Рекламной кампанией группы в это время занимался Дик Кларк, члены Breadbasket считали, что Motown должна была нанять на это место негра. «Это просто идиотизм, — сказал Берри Горди. — Черные, белые — какая разница, что за бред. Если это приносит деньги, неважно, белые этим занимаются или черные». Тем не менее протестующие напечатали листовки и собрались пикетировать концерты. Пресса ожидала скандала.

«Это как раз то, что нам необходимо сейчас, — сказал Берри. — Отменить! Скажите Кларку, отменить всю программу к чертовой матери! Они увидят Джексонов, когда немножко поумнеют». Концерты были отменены.

Глава 6

«Не думай, что тебя ждут сплошные игры и развлечения, — говорила Дайана Росс Майклу Джексону, — у тебя будет очень много тяжелой работы».

В январе 1971 г. ему двенадцать лет. Он уже понял, что работа на эстраде — тяжелый бизнес. В этом он лично убедился за несколько лет выступлений, но тем не менее легко переносил все нагрузки, связанные и с работой в студии, и поездками по стране, и выступлениями на телевидении. «Это лучшее, что есть у нас в жизни, — сказал как-то Майкл о пути, избранном его семьей. — Дайана предупредила меня, что людям, работающим в шоу-бизнесе, нередко наносят душевные раны, но я, честно говоря, не знаю. Возможно, когда-нибудь пойму, что она имела в виду, но по правде сказать — сомневаюсь».

Этот год начался с сентиментальной ноты. 31 января братья прибыли в Гэри, их родной город. В это время Джекки было 19, Тито — 17, Джермену — 16, Марлону — 13, Майклу — 12 лет. Группу пригласили выступить в Westside High School в честь перевыборов мэра города Ричарда Гордона Хэтчера. Расстояние между Гэри и Лос-Анджелесом может быть измерено в милях, расстояние между Гэри и звездами — только в световых годах. Джексоны вернулись в свой город звездами. Их появление соответствовало их новому образу жизни. Они прилетели на вертолете, их приветствовали тысячи студентов.

Все билеты на оба концерта были проданы. Пятнадцать тысяч счастливчиков пришли, чтобы увидеть земляков. Два года назад соседские мальчишки швыряли камни в окна Джексонов во время репетиций, теперь те же люди казались лучшими друзьями.

Как только прожектора осветили на сцене Джексонов, фаны завизжали от восторга. Зал был набит до отказа. Вероятно, это была самая шумная аудитория, которую мальчики когда-либо встречали. Группа прекрасно выступила, несмотря на помехи, которые могли бы сбить и более опытных артистов. За спинами у них громко играл оркестр, а перед сценой непрерывно раздавались возгласы фанов, такие громкие, что исполнители с трудом слышали друг друга. Но они продолжали петь. Их родной Гэри был горд ими и хотел им это показать.

После концерта мэр проводил семью к их бывшему дому на Джексон-стрит, которая на один день в их честь была переименована в бульвар «Пятерки Джексонов». Перед домом висел плакат «Добро пожаловать домой, «Пятерка Джексонов» — обладатели мечты!» Фаны не отрывали лиц от стекол медленно

отъезжающего лимузина. Следующая остановка была возле здания мэрии. Там знаменитым уроженцам Гэри вручили символические ключи от города. Церемония проходила под звуки их нового сингла Mama's pearl. Джексоны вернулись в свой родной город как герои и символы надежды. Мэр Хэтчер отметил, что они пронесли имя Гэри через всю страну, через весь мир и им можно гордиться. «Мы очень рады быть опять дома, — сказал Тито. — Нет такого другого места, как дом».

Во время их короткого пребывания в Гэри один из родных устроил для них вечеринку в своем доме. Мальчики смогли познакомиться с близкими, которых прежде никогда не знали. Все принесли с собой пироги, жареную курицу и смотрели на них как на принцев. Но их пребывание в королевском звании было временным. Возвращение в Лос-Анджелес опять означало школу и работу.

Новый хит Джексонов — Mama's pearl (1971) был удачным, но на этот раз он не занял первого места — только второе. В этом сингле Майкл опять солировал, братья лишь иногда подпевали и подыгрывали на гитарах. С самого начала песня вызывала некоторые сомнения. Дек Ричарде решил, что Фоне Мизелл и Фредди Перрен будут работать с Джексонами без него. Они написали песню, которая называлась Guess Who Making Whoopie. Зайдя в студию, Дек увидел Майкла, который сидел на помойном ведре и пел в микрофон строчку из песни: «То, что твое, — твое, и то, что мое, — твое». Песня была о девушке, образ которой вовсе не подходил для юных исполнителей. Ричарде предложил авторам переделать слова. Так они написали Mama's pearl на ту же мелодию. Хотя пластинка заняла только второе место в списке хитов, она принесла огромный доход, Берри был доволен.

Это время — пик продаж Motown пластинок Джексонов. В своей книге Trapped писатель Дейв Марш говорил: «Горди понял, что возрастающая ассимиляция черного среднего класса и влияние черных квалифицированных рабочих, таких, как работники профсоюзов на шахтах в Гэри и автомобильных фабриках в Детройте, создала рынок черных тинейджеров, которые могли бы истратить столько же денег на покупку пластинок, как и их белые сверстники». К сожалению, в это время никто не изучал, что нужно им, чего они хотят — не было музыкальных кумиров, обращающихся именно к ним. Temptations, Miracles, Four Tops уходит в прошлое.

Берри Горди понял, что появилась необходимость в музыкальных кумирах для черных подростков, и решил создать их. Он нанял Фреда Раиса, специалиста по маркетингу в шоу-бизнесе, чтобы тот организовывал выпуск плакатов, значков с

изображением пятерки Джексонов. Райе уже делал это и очень успешно для Beatles и Monkees. «За двадцать четыре года работы в шоу-бизнесе я впервые сталкиваюсь с чем-то подобным, — отмечал он. — Я называю их черные Beatles. Они настоящие герои. Это невероятно. Конечно, сначала мы испытали рынок, так сказать, бумагой — плакаты, наклейки с изображением ребят. Когда убедились, что они хорошо раскупаются, стали выпускать игрушки, одежду, значки и все прочее. Сейчас начали делать одежду, на которой фаны увидят своих любимцев, мы ведем переговоры о производстве лака для волос Jackson 5, а также часов с таким названием».

Ажиотаж вокруг всего этого напомнило время, когда Supremes подписала контракт с кока-колой и когда они дали разрешение выпускать белый хлеб названием своей группы в Детройте. «Мы заработаем кучу денег, — говорил Горди коллегам в Motown. — Мы заработаем невероятное количество денег на этих ребятах!» Энтузиазму Фреда Раиса не было конца. Он говорил репортерам журнала Creem: «На всех вещах мы ставим эмблему — сердечко, из которого растет буква Дж и цифра 5. Иногда сердечко обведено кружком — это означает душу. Я собираюсь выпускать журнал о Джексонах. Он будет называться «Ти-си-би» и будет выходить ежеквартально.

В нем будет публиковаться вся статистика об этой группе, цветные фотографии и слова песен. Мы делаем все возможное.

Ребята абсолютно завоевали рынок подростков. Двенадцати, тринадцатилетние девочки сходят с ума от Джермена, и сейчас такая же лихорадка начинается вокруг Майкла. Сверстники просто обожают ребят. Раньше такое бывало только с фильмами. Сейчас это пластинки, поскольку фильмы слишком дороги, в наше время музыка — более экономный путь для развития молодого дарования». Райе также выпустил в Motown пластинку Jackson 5 Rapping. На ней не звучит музыка, просто братья рассказывают о себе.

С самого начала владельцы компании уделяли большое внимание рекламе. Берри Горди проводил специальные занятия со своими артистами, звездами Motown, такими, как Дайана Росс, Supremes и Temptations. Он учил их, как давать интервью, как быть осторожными, чтобы не сказать ничего, что могло бы повлечь неприятные последствия. Он рекомендовал им всегда с подозрением относиться к репортерам, уметь защищать себя. Артистам рекомендовали не распространять информацию, которая могла бы повредить их творческой репутации. Например, один из членов группы Temptations был наркоманом, это, конечно, могло сильно повредить ему.

Эту информацию нужно было скрывать от публики. Исполнителям предлагалось умалчивать кое-что об их повседневной жизни, представлять некоторые моменты их жизни более важными, чем они были на самом деле. Например, Дайана Росс настаивала на том, что выросла в трущобах. На самом деле это был обычный район, где жили люди среднего класса. В ее версии она выглядела современной Золушкой.

С тех пор как десятилетнему Майклу Джексону велели на два года уменьшать возраст, он знал, что ему нужно поддерживать и защищать свой имидж. Знал, что пресса охотится за ним и что в этой борьбе каждый, будь то взрослый или ребенок, стоит сам за себя. Сотрудники пресс-службы Motown засыпали группу вопросами, которые им могли задать корреспонденты, и заставляли запоминать правильные ответы. Майкл столько раз повторял заученную историю о том, как его открыла Дайана Росс, и делал это с таким чувством и уверенностью, что будто он и сам поверил, что это правда.

Пресс-служба Motown настояла, чтобы любой репортер, который собирался взять интервью у Джексонов, согласился не задавать им вопросы о политике или наркотиках. Впрочем, Майкл редко находил время для репортеров. Ни одному не удалось выжать ответы на интересующие их вопросы ни из него, ни из его братьев.

Вначале Motown была озабочена тем, чтобы сохранить благожелательную атмосферу вокруг них. Их учили давать зазубренные, заученные наизусть ответы на шаблонные вопросы. Но никогда им не предлагали анализировать их музыкальные успехи. Никто из них, особенно старшие, не имели понятия о том, как звучали на пластинках компании их песни, какое влияние они оказывают на других музыкантов, музыкальный мир в целом, какое важное место стали занимать в мире поп-музыки. Порой, когда им задавали самые простые вопросы, они принимали их за критику и реагировали очень агрессивно. Джексоны очень устали от того, что к каждому их шагу было приковано пристальное внимание, и старались говорить о себе как можно меньше в тех интервью, которые вынуждены были давать.

То, что сыновья выглядели скованными, Джозефа совсем не беспокоило. Он держал семью в ежовых рукавицах и давал мальчикам очень мало свободы. Отец гордился тем, какими они выросли: «Понимаете, моим сыновьям никогда не позволялось шляться по улицам, как это делали другие ребята. Они должны были являться домой, как только начинало темнеть. Мы, родители, всегда знали, в любое время, где находятся наши дети. Они никогда не катались в машинах с другими парнями и

никогда не влипали ни в какие истории. Их репутация до сих пор была безупречной и, надеюсь, так будет и впредь. Задача отца в том, чтобы всегда стоять за спиной своего ребенка, всегда оказывать ему поддержку, разговаривать с ним, помогать разобраться в том, что правильно в жизни, а что нет. Мы — крепкая семья. Мои мальчики прекрасно себя ведут. И так было всегда, с тех пор, когда они сделали свои первые шаги. Я намереваюсь все это сохранить».

Джозеф считал, что правильно поступил, когда сам принимал все решения за ребят. Но в результате он нанес большой вред сыновьям. На протяжении многих лет каждая минута их была под контролем — Motown и отца. Кто-то всегда говорил им, что надевать, что говорить, что петь и о чем думать. Крайне редко им позволялось попытаться осуществить какие-то свои замыслы, как личные, так и профессиональные. Повзрослев, они обнаружили, как непросто складываются взаимоотношения между людьми, сколько сложностей в финансовых проблемах. Джозефа однажды спросили, как он наказывал сыновей. «Прежде всего я не давал им их еженедельных карманных денег, если хотел проучить их, они это прекрасно понимали, — ответил он. — Я, конечно, распоряжаюсь их деньгами, но у нас всегда была строгая система личных денег. Если ребята ведут себя не так, как я бы того хотел, я лишаю их этих денег».

«Не знаю, каким отцом был Джозеф, но я прекрасно помню Майкла, чудесного, очень милого ребенка, который всегда замечательно себя вел, - отмечал Эдди Кэролл, парикмахер, который много лет занимался прическами Джексонов. Эту работу оплачивала Motown. - Когда этот мальчик приходил в парикмахерскую, все просто сходили с ума. Всем хотелось посмотреть, как я его подстригаю. Если кто-то просил автограф, он вставал с кресла, не обращая внимания на то, что я в этот момент привожу в порядок его волосы, шел к нему, чтобы написать свое имя. Он совсем не был стеснительным или скрытным ребенком, а очень открытым и дружелюбным. В парикмахерскую его привозили на лимузине, когда стрижка была закончена, эта машина отвозила его домой».

Популярность Джексонов вдохновила многие семьи последовать их примеру, но никто не достиг такого успеха, как группа Osmonds. Она была создана в 1959 году, как квартет парикмахеров. Сыновья Джорджа и Оливии Осман сначала пели в церковном хоре в их родном городе Огден, штат Юта. В декабре 1962-го группа впервые появилась в ток-шоу Энди Вильямса. На протяжении пяти лет его существования они были там постоянными гостями. Тони присоединился к ним, когда ему

было шесть лет. В 1971 г. в Osmonds входили Аллен (22), Вейн(20), Мэри (17), Джейн (16) и Дони (14).

В 1970 году некий Джордж Джексон предложил Берри Горди свою песню для Джексонов. Песня не понравилась, он отверг ее. Спустя год Osmonds подписали контракт с Майком Кербом в компании MGM Records. Керб считал эту группу своим ответом на Джексонов. Продюсер Рик Холл записал с ней песню, от которой отказался Горди. Osmonds звучали невероятно похоже на знаменитых братьев. Пластинка, которая называлась One Big Apple, продавалась миллионами экземпляров. Песня в течение пяти недель занимала первое место в списке хитов. По воспоминаниям коллеги Берри — Нэнси Левиска, когда он узнал об этом, потер лоб и сказал: «Боже мой, кто же мог предположить!»

Джозеф Джексон был не столь спокоен и впервые подверг сомнениям суждения Берри. «Горди отдал этим белым ребятам песню, которую мы должны были записать, — говорил он репортерам в неофициальном интервью. — Черт бы их подрал, это просто невероятно. Каждый раз, когда я слышу, как эти ребята просто имитируют моих сыновей, я прихожу в ярость».

Хотя Майклу в то время было 12 лет, он понимал, что такая имитация вовсе не лучший комплимент для Джексонов. «Эта пластинка звучит абсолютно, как мы. Не просто абсолютно, а вообще один в один. Они могли бы быть пооригинальней, — говорил Майкл. — Даже наши родственники думали, что One Big Apple — наша песня».

В семье Османов, как у Джексонов, было девять детей. Они продолжали выпускать пластинки, наподобие джексо-новских. Их первый альбом, записанный в компании «MGM», включал попурри из песен группы Temptations.

«Проблема была в том, что Osmonds состояла из белых ребят, а Джексоны были черными, — считал Дек Ричарде. — Если родители в американских семьях среднего класса видели, что их детям одинаково нравятся обе группы, они все же предпочитали, чтобы они смотрели на пятерых белых ребят, а не на пятерых черных».

Вице-президент Motown Эверт Эбнер официально заявил по поводу группы Osmonds: «Это одна из давних белых групп. Они выступают на протяжении долгого времени и наконец достигли коммерческого успеха. Наша компания ни на кого не точит зуб. Мы желаем им удачи. Мы просто продолжаем заниматься нашим делом, в то время как они тоже занимаются нашим делом».

Следующий сингл Джексонов Never Can Say Good-bye вышел в марте 1971-го и через месяц занял второе место в десятке хитов.

Ее автор актер Клиф Дэвис вспоминает: «Эта песня очень много значила для меня. Когда я ее писал, я сам хотел ее исполнить. Но Майклу я не мог отказать. В то время это и был один из лучших голосов, а Motown одной из самых сильных компаний. Конечно, я волновался, что мальчик не совсем поймет боль разбитого сердца. Однажды он меня спросил, что означает в песне слово - «мука»! Я объяснил ин пожал плечами и просто спел эту строку - «это мука это те сомнения...» — и я ему поверил».

Motown считала, что, несмотря на колоссальный успех Джексонов им нужно увеличить продажу дисков. Было продано I 213 000 копий сингла Never Can Say Good-bye по неофициальным данным компании. Через некоторое время эта цифра поднялась почти до двух миллионов. Джексоны были невероятно удачным коммерческим предприятием

В марте группа начала очередной большой гастрольный тур. Помимо Джозефа, Джонни Джексона и Ронни Ренисфе-ра, который играл на барабанах и органе, в турне отправились менеджер Motown, три фотографа, киногруппа из пяти человек, которую нанял Горди, шофер Джексонов, сотрудник пресс-службы компании и учитель, который сопровождал мальчиков во всех их поездках. Мальчики выступали в Шривпорте, Новом Орлеане, Тампе, Джексоне. Турне закончилось первого апреля в Мемфисе.

Сюзанн де Пасс, нынешний президент Motown Productions, была в то время менеджером этого турне. «Мне было всего на пять лет больше, чем старшему из Джексонов -Джекки. Ему был 21 год. Я отвечала за 19 человек, а меня даже не пропускали за сцену, потому что охранники думали что я просто одна из поклонниц. Турне было замечательное' Мы очень веселились - дрались подушками, прятали ботинки друг у друга, играли во всякие игры. Майкл был большим мастером на каверзные шутки».

18 апреля Джексоны появились вместе с Дайаной Росс в ее первом сольном телевизионном шоу, которое носило ее имя. Для мальчиков всегда было трудно выступать в комедийных сценках. Так было и на этот раз. После того как братья закончили выступление, Майкл снова вышел на сцену Он был в смокинге, через плечо переброшен плащ, серая фетровая шляпа кокетливо сдвинута набок. Его появление a la Фрэнка Синатра вызвало взрыв смеха в зале. Его голос звучал чисто, как колокольчик, и это придавало исполнению неожиданный эффект. Майкл повернулся к двадцатисемилетней Даиане. Она сидела за столиком, в серебристом платье на плечи накинута шиншилловая шубка, в руке она держала длинный мундштук. н

— Дорогой, я получила твою записку, — сказала она, — у

тебя прекрасный почерк.

— Я знаю, — сказал Майкл, пугливо озираясь. Пока он пел, был неотразим, но когда дело доходило до диалогов, это было не так здорово. Комедия продолжалась. Майкл заявил Дайане, что их отношения окончены, та была в отчаянии.

— Боже мой, я никогда уже не встречу такого очаровательного, такого остроумного человека и с такими губами, — заплакала она.

— Да. Конечно. Такого ты не встретишь, но все равно держись, — сказал Майкл и шутливо ущипнул ее за руку.

— Все мужчины одинаковые — грубые, бессердечные эгоистичные.

— Ты ничего не добьешься своими комплиментами — сказат Майкл.

Публика рассмеялась, и он понял, что это все действительно выглядит смешно. Но по его лицу было видно, что сам-то он шутки этой совсем не понимает, что единственная его мечта — быть как можно дальше отсюда.

Через месяц Джексоны переехали в большой дом в Энси-но, штат Калифорния. Родители купили его 25 февраля 1971 года за 250 тысяч долларов. Переехали они 5 мая 1971 года, на следующий день после дня рождения Кэтрин - ей исполнялся 41 год. Она попросила мужа, чтобы он не продавал их маленький дом в Гэри, на всякий случай, если судьба вдруг перестанет улыбаться им и придется вернуться в Индиану. Джозеф не думал, что что-то плохое может с ними случиться, но тем не менее решил не продавать этот дом, а просто сдать в аренду. (Сейчас он стоит примерно 50 тысяч долларов, двадцать же лет назад, вероятно, менее половины этой суммы.) Супруги Джексоны никогда еще не дел&чи таких крупных приобретений и не очень понимали, как со всем справляться.

Сначала Джозеф хотел заплатить наличными, но у него не нашлось столько денег. Горди предложил взаймы на первый взнос, но получил отказ. «Если мы собираемся жить в этом доме, он должен быть нашим», — сказал Джексон. По его мнению, Горди уже имел слишком большой контроль над его детьми, и совсем не хотел, чтобы у того был шанс как-то контролировать и их дом.

Но обойтись без Берри не удалось. Собственных денег не хватало, пришлось брать кредит в банке. Джозефу удалось получить сто тысяч под залог большой суммы из будущих доходов его сыновей. Это поручительство дал ему Горди.

Энсио находится в 35 минутах езды от центра Лос-Анджелеса. Это очень богатый район Южной Калифорнии, где живут многие

знаменитости. На территории в два акра росли 18 цитрусовых деревьев и множество экзотических растений. Там были домики для гостей и для игр, помещение для прислуги. «В доме было пять ванных комнат и шесть спален, — вспоминает Сюзи Джексон. — Джекки и Рони жили в одной комнате, Тито с Джонни Джермен и Марлоном, Майкл с Рэнди, ЛаТойя с Джанет. Одна комната предназначалась родителям, так что вы видите, что в этом доме было много народу».

В саду был огромный бассейн, баскетбольная площадка, студия звукозаписи стоимостью в сто тысяч долларов и фотостудия, ее оценили в 25 тысяч долларов. Друзья мальчиков называли это место Большой Дом, потому что он был сколько домом, столько и тюрьмой для всей семьи.

«Датсун 240», принадлежащий Джекки, обычно был припаркован на дороге рядом с новым «Ауди Кэтрин», золотым «Мерседесом 300», на котором ездил Джозеф, и огромным семейным автобусом.

В гостиной стоял круглый диван, на стенах — множество золотых и платиновых пластинок, символизирующих миллионные продажи синглов и альбомов. Кто-то из репортеров заметил, что комната напоминала нечто среднее между вестибюлем мотеля и фойе компании звукозаписи.

Джонни Джексон и Ронни Ренсифер, барабанщик и органист группы Джексонов, поселились в доме вместе со всей семьей. Джозеф и Кэтрин беспокоило влияние, которое они, особенно Джонни, оказывали на их сыновей. Оба молодых человека предпочитали тратить все свои деньги, а не копить их. Они курили и выпивали. Джозеф даже хотел расстаться с ними, но решил, что это будет нечестно по отношению к ним, ведь они были частью группы с первых дней в Гэри.

Джонни получил столько же денег, сколько и остальные члены группы, когда они только начинали свою музыкальную карьеру в родном городе и назывались «Пятерка Джексонов плюс Джонни». Motown представляла его как двоюродного брата Джексонов. На самом деле у них не было родственных связей, но он был очень близок с семьей. Джозеф даже был его законным опекуном. Когда Джексоны стали знаменитыми, Джонни был отодвинут на задний план вместе с остальными музыкантами.

Фоки Джексон, его дед, который его вырастил, рассказывал в интервью, что Джонни часто звонил домой и просил денег, жаловался бабушке и дедушке, что к нему относились нечестно, не платили тех денег, которых он заслуживал. Когда его бабушка попыталась разобраться в этом вопросе, юристы Motown объяснили ей, что, если она не прекратит совать нос в эти

вопросы, Джонни вообще выкинут из группы.

Джонни, как и братья Джексоны, подписал контракт с компанией. Джозеф уверял, что произошла «ошибка» и послал своего партнера по бизнесу и адвоката Ричарда Аронса в Гэри, чтобы убедить Фоки уговорить внука отказаться от договора. Тот был огорчен, но в конце концов Джонни согласился отказаться от контракта при условии, что он будет по-прежнему членом группы. В отчаянии он умолял дедушку и бабушку оставить его в покое и дать ему возможность продолжать свою карьеру. Многим наблюдателям казалось, что семья Джексонов была заинтересована в том, чтобы держать все деньги, заработанные группой, в своей семье и не делиться ни с какими «родственниками».

В 1972 году, когда умерла бабушка, Джонни, по рассказам деда, полностью порвал отношения со своей семьей. Фоки перенес инсульт, был парализован, страдал от высокого давления. Он жил на пенсию и государственное пособие в грязной квартире в подвале, которая стоила 125 долларов в месяц. По его словам, внук не мог помочь ему деньгами, так как сам едва сводил концы с концами, несмотря на известность группы Джексонов. И хотя в стенах его комнаты жили крысы, Фоки отказывался переехать в другое место, так как боялся, что внук не сможет найти его и он совсем потеряет с ним связь.

Джонни Джексон любил семью Джексонов, как свою собственную, и Джексоны говорили, что считали его членом своей семьи. Однако его бывшая жена Сули настаивает, что ему никогда не платили честно.

«Но в Большом Доме мы жили очень весело, — говорила она. — Я не могу сказать, что все это было сплошная драма и удары в спину. В доме устраивалось множество вечеринок, и вначале мне казалось, что у нас была какая-то особенная близость. Помню много замечательнв1х моментов, когда они только переехали в этот дом».

Кэтрин очень нравился новый дом, она очень скучала по Гэри, хотя в свое время она мечтала уехать оттуда. Сейчас, когда она наконец покинула этот город, все было не так безоблачно, как ей представлялось. Больше всего скучала по старым друзьям и родным. Только когда кто-нибудь из них мог приехать к ней в гости, Кэтрин ощущала себя по-настоящему счастливым человеком.

Несмотря на то что Южная Калифорния стала теперь ее новым домом, Кэтрин всячески сопротивлялась влиянию окружающих на нее и ее семью. Она не хотела, чтобы семья переняла несвойственные ей нарочитые манеры, и предпочитала

простые человеческие отношения с домочадцами. Я всегда говорила своим мальчикам, чтобы они, несмотря ни на какие удачи и успех, не позволяли себе смотреть свысока на других людей, — разъясняла она президенту клуба фанов Джексонов Стиву Мэнингу. — Одни и те же люди попадутся вам и на пути наверх, и по дороге вниз, поэтому относитесь ко всем с уважением.

В доме я не держу прислуги, у меня есть домработница, которая помогает мне, — убирает, стирает белье. Вечером я всегда сама готовлю обед для семьи. Иногда ЛаТойя (15 лет) помогает. Мальчики любят простую еду, ее я и готовлю. Иногда им хочется поесть чили и тогда их ждет эта острая приправа. И знаете, я заметила, что по крайней мере раз в неделю я готовлю огромное количество тако — свернутых маисовых лепешек с начинкой из рубленого мяса, сыра, лука и бобов с острой приправой».

В то время, как Кэтрин говорила с президентом клуба фанов, 13-летний Майкт зашел в комнату и сказал, что идет за покупками, «Если ты сегодня истратишь слишком много денег, имей в виду, что на этой неделе ты больше не получишь, тебе придется ждать до следующей недели, — сказала она сыну. — Внимательно думай, что покупаешь».

Номер телефона Джексонов ежемесячно менялся, чтобы посторонние не могли его узнать. Но все равно узнавали. Однажды девушка из Ньюарка позвонила Майклу в два часа ночи — на следующий день после того, как появился новый номер. Джозеф всегда ограничивал время звонков до пяти минут и строго соблюдал это по отношению ко всем членам семьи за исключением Кэтрин. Мягко говоря, детей держали в суровой дисциплине. В голливудских кругах шоу-бизнеса мальчики славились своим прекрасным воспитанием. «Иногда казалось, что они были слишком хороши, — отмечал один из репортеров, — казалось, что-то в них было пугающее».

«Когда семья переехала в Энсино, — вспоминал Джер-мен, — мы будто стали отдаляться друг от друга, мы были очень близки, когда жили в других домах, перед тем, как переехали сюда. В Гэри у нас было всего две спальни — одна для родителей и одна для всех нас. Мы вынуждены были быть близкими друг к другу, чувствовали эту семейную близость. Дом в Энсино был таким огромным, мы заранее должны были договариваться, чтобы увидеться. Мне кажется, Майкл чувствовал себя особенно несчастным здесь. Он, как и я, считал, что мы теряем связь друг с другом».

«В этом доме совсем нет уюта», — писал корреспондент

журнала Time Тим Тайлер.

В июне 1971 года Джексоны выпустили свой следующий сингл. Вспоминает Дек Ричарде: «Сэм Дэвиде только что получил новый контракт, и Берри хотел, чтобы я занимался им, я проводил с ним много времени, он нравился мне, я хотел написать для него прекрасную песню, чтобы она напоминала музыку старой группы Delphonics, но в то же время звучала современно. Закончив ее, я в пять часов утра позвонил Берри.

— Я написал для Сэмми что-то сногсшибательное, это — хит.

— Давай быстро ко мне», — сказал он.

Горди в халате открыл мне дверь, я сразу направился к пианино. Солнце всходило, я запел: «Я не знаю, сколько звезд в этом райском небе...» Берри был потрясен.

— Это умопомрачительно, — закричал он, когда Дек закончил балладу. — Но мы не можем дать ее Сэмми. Мы должны отдать ее Майклу и пятерке Джексонов.

— Берри, ты меня сводишь с ума, — ответил Дек. — Эта песня как раз для Дэвис.

— Ни за что, — настаивал Горди. — Это песня Майкла, поверь мне.

Дек и Джексоны записали песню Maybe Tomorrow. Было продано 830 794 копии пластинки. Не так много, как предыдущих, но все же достаточно внушительно.

Девятого и десятого июля группа записалась в телевизионной программе компании ABC «Возвращаясь в Индиану» (Goin Back To Indiana). (Она была показана 19 сентября.)

Между июлем и сентябрем группа дала 50 концертов. Тур начался в зале Coliseum в городе Шарлот, Северная Каролина, 20 июля. Последний концерт состоялся 12 сентября в зале Arena в Гонолулу.

«Я мечтаю, чтобы хотя бы раз нам удалось окончить шоу, а не сбегать до его завершения из-за толп, рвущихся на сцену, — жаловался Майкл. — У нашего шоу очень красивый конец, но нам никогда не удается исполнить его».

В августе в Madison Square Garden шоу вынуждены были остановить через 2 минуты после начала — публика буквально штурмовала сцену. «Пожалуйста, вернитесь на свои места!» — умолял Майкл. В результате группу пришлось спасать от разбушевавшейся толпы. Когда публика успокоилась, концерт был продолжен. Через час, когда концерт закончился, Джексоны стремглав бросились к ожидающим их лимузинам (как всегда не успели закончить последний номер), чтобы как можно быстрее скрыться. Зрители неистовствовали.

Когда фаны поняли, что ребятам удалось сбежать, они

устремились на сцену, как стремительный поток. Сметая на своем пути полицию и охранников, ворвались в гримерную в поисках своих идолов. Лайонел Риччи заметил как-то: «Единственное, что я помню об этом турне, — орущую толпу и как потрясающ был Майкл, поражало, что столь юный, он был настоящим артистом. Никогда не было заметно, что выступление требует от него каких-либо усилий.

Он был абсолютно бесстрашен. Остальные братья немного боялись толпы, Майкл был готов выйти к ней и петь для нее, но ему, конечно, не позволяли этого сделать. Поклонники растерзали бы его. К сожалению, позднее я узнал, что у Майкла развилось чувство страха в подобных ситуациях, но тогда ему все это очень нравилось.

Еще помню, как юный Майкл великолепно подражал Сиднею Пуатье, показывая сценки из Blackboard Jangle: не забыть, как он показывал Джонни Мэтьюса с песней Stormy Weather. Я смотрел на этого ребенка, и, клянусь, у меня было впечатление, что передо мной карлик. Взрослый карлик. Ребенок просто не мог быть настолько талантливым».

Турне принесло большой доход. Когда репортер Los Angeles Herald-Examiner спросил 14-летнего Марлона. что они делают с деньгами, он сказал: «Мы зарабатываем на будущее. Но потом нам придется потратить эти деньги, чтобы заработать еще. Так и должно быть. Возможно, мы купим Говард Джонсон или какой-нибудь другой отель, который будет приносить нам доход, в том случае, если мы истратим наши деньги».

Это было прекрасное время для братьев из Гэри, и никогда потом они уже не были так близки друг другу. Им приходилось постоянно разъезжать, поэтому трудно было заводить друзей. Motown и их отец охраняли их от влияния посторонних, единственными их приятелями были они сами. В свободное время любили наполнять воздушные шарики и бумажные пакеты водой и бросать их из окон отеля; дрались подушками, играли в скрэбл, в слова, монополию и карты. Майкл вспоминал о сражениях с братьями, когда они были заперты в отелях, где их «оружием» был крем для бритья.

Он вспоминает, как они бегали наперегонки по коридорам отеля, когда охранники Motown засыпали. Майкл, которому было 12 лет, любил позвонить в ресторан и заказать огромный обед в номер к незнакомым людям. Он был большим шутником. Особенно любил поставить ведро с водой над дверью номера, где жили он и Джермеи (они всегда селились в одной комнате), и с нетерпением ждал, кто же первый войдет в комнату.

«Майкл всегда сваливал все на меня, — рассказывал позже

Джермен. — Он любил рискованные шутки, например, вытолкнуть нас из комнаты в нижнем белье и запереть дверь или облить нас из водяного пистолета. Почти всегда эти шутки были его идеей».

Майкл проводил много времени, рисуя портреты братьев, а потом бросал их фанам, которые встречали мальчиков в аэропортах. Motown всегда прекрасно организовывала концертные турне Джексонов. Все детали были проработаны заранее так, чтобы не было никаких накладок. Ребят приходилось постоянно тайно переправлять с одного места на другое, чтобы спрятать от вечно ожидавшей их толпы фанов. «В Детройте нам пришлось выпрыгивать из самолета, не дождавшись, когда подвезут трап, потому что толпа фанов уже начинала окружать нас», — говорил, слегка преувеличивая, Джеккм.

«Основной заботой во время турне была охрана, — вспоминает Боб Джонс, сотрудник пресс-службы Motown, который сопровождал группу во время поездок. — Время полетов и отели, где останавливалась группа, всегда держались в секрете. Перед тем как выехать, мы всегда планировали на схеме концертного зала отступные пути со сцены, чтобы, если публика станет атаковать ее, ребята знали, куда бежать».

Джексоны были поражены маниакальным энтузиазмом своих фанов. Майкл говорит, что никогда не забудет маленькую девочку в Детройте, в Охайо, которая пришла к нему и Марлону в номер отеля, чтобы встретиться с ними, потому что выиграла так называемый конкурс «Мамина жемчужина» (Mamy's pearl). Когда она увидела ребят, она не могла вымолвить ни слова, просто сидела и дрожала.

«Однажды мальчики выступали в моем шоу. Майклу было тогда 9 или Шлет, - вспоминает Лерри Кинг об интервью которое он брал у него. На самом деле ему было 12 лет - Все пятеро выступали в моем шоу, но, конечно, все внимание было обращено на Майкла... Мы были в ресторане, и все вокруг восклицали: «Вот этот прелестный мальчик». Без всякого стеснения он бегал по ресторанному залу и ел рулетики Все кричали на него: «Майкл, прекрати, нам сейчас выступать». Но как только наступало время эфира, он тут же менялся и становился настоящим главой группы».

Безусловно, успех был приятен братьям. «У нас нет золотых пластинок, - говорил Майкл с грустным лицом удивленному репортеру, а через мгновение добавил: - Они все платиновые!» И все смеялись. Это стало любимой шуткой так же как и все остальные отрепетированные сценические приемы Все это было добро и весело.

Куда бы ребята ни отправлялись, всегда какая-нибудь девушка из фанов сопровождала их. Но обычно в то время они игнорировали девушек - все братья были слишком застенчивы, только улыбались и краснели, это все, на что они были способны. Джексоны просто не привыкли к столь большому вниманию. Пока не привыкли.

Время от времени один из Джексонов мог проявить интерес к противоположному полу. Однажды, когда группа выступала в концертном зале Hollywood Dowl, Джо вышел за сцену и увидел, что единственная дочь Берри Горди, Хейзл, кото-рои было 16 лет, обнимала Джермена, своего ровесника Отец сначала наблюдал за этой сценой с большим интересом потом подошел и оттолкнул Джермена. «Что у тебя с ней'» - хотел он знать. «Я не знаю, — сказал сын, пожимая плечами. — Я думаю, что нравлюсь ей».

Джозеф задумался и одобрительно кивнул головой. «Дочка Берри, — пробормотал он про себя. — Хмм... Неплохо... совсем неплохо».

Во время концерта Джермен решил посвятить свою сольную песню Bridge over Troublet water Хейзл в честь ее дня рождения. Публика встретила эти слова с прохладцей. Обычно после исполнения этого номера публика вставала и одаривала его бурными овациями. На этот раз женской части фанов не понравилось его честное заявление о дружбе с Хейзл.

«Я помню, отец потянул меня в сторону и сказал: «Слушай, больше так никогда не делай». — «Ты прав, — согласился я. — Этого больше никогда не было».

1 сентября по телевидению начался показ сериала мультфильмов The Jackson 5 Show. Он шел каждое субботнее утро. Благодаря ему популярность группы продолжала невероятно расти. В фильме песни исполняли сами братья, диалоги озвучивали молодые черные актеры. Motown заключила контракт о производстве этой серии с киностудией Videocraft. Ни Джозеф Джексон, ни его сыновья не имели ни малейшего представления, сколько денег компания получала за этот проект. Они только знали, что им платили 3 500 долларов за одну серию. Эта сумма должна была быть поделена между членами группы минус проценты Джозефу. Это был минимум, который группе могли платить по законам гильдии киноактеров.

Джанет Джексон, которой в то время было 5 лет, помнит, как она смотрела этот сериал: «Их (ее братьев) не было в городе, они куда-то уехали. Было субботнее утро, я только встала и в пижаме сидела на полу в спальне мамы и ждала, когда начнется мультфильм. Увидев первые кадры, я начала визжать и прыгать по комнате».

Однажды после выхода мультфильма на экраны Майкл давал интервью по окончании концерта, и случайно у него вырвалось: «В будущем мы хотели бы заниматься самыми разными вещами. Отец говорит, может быть, даже организуем корпорацию. Не исключено, что сами будем менеджерами». Мгновенно поняв, что сболтнул лишнее, Майкл прикрыл рот ладонью. Эти слова, безусловно, не были частью отрепетированных ответов. Сотрудники Motown тут же взяли их на заметку.

В июне 1971 г. студия звукозаписи MGM Records выпустила сингл в исполнении Донни Осмонда Sweetand Junocent. Это была первая его сольная пластинка. Ее успех гарантировал ему статус звезды в журналах для белых подростков. Большинство репортеров были согласны, что, несмотря на огромный успех и приятную внешность, из-за цвета кожи Джексоны никогда не могли стать кумирами в этих изданиях.

Хотя их фотографии иногда появлялись там, Османы и другие белокожие звезды всегда доминировали на их страницах. Если бы не Soul, развлекательный журнал, ориентированный на черную часть населения, и некоторые другие такого же направления, возможно, Джексоны и не стали бы кумирами черных подростков.

После того как вышел первый сингл Донни Осмонда, Джозеф решил, что и Майклу пора записать свой диск. В июле они с Горди решили, что Got To Be There будет выпущен как первый сольный диск Майкла, а не станет очередной пластинкой группы, как планировалось. Майкл останется членом группы, так же, как и Донни Осмонд в своей. Таким образом, мы все сможем заработать, заключил Джозеф. Got To Be There вышла в октябре. Номер был прекрасно оркестрован. Плавная лирическая мелодия стала прекрасным началом сольной карьеры Майкла.

Это, безусловно, одна из наиболее красивых песен из каталога Motown. О такой мог мечтать любой певец. Она легко могла попасть в репертуар Supremes и Temptations. Однако досталась и без того весьма популярному лидеру группы Джексонов, который вместе с братьями только что занял первое место в двадцатке лучших хитов. Это была баллада May Be Tomorrow. Got To Be There разошлась тиражом в 1 583 850 экземпляров.

Джексоны установили хорошие отношения с местными жителями. В начале декабря они дали концерт в Лос-Анджелесе в школе для слепых. 23 декабря, вместо того чтобы принять участие в ежегодной рождественской вечеринке, которую устраивала Motown, Берри Горди пригласил 700 детей из бедных семей. Это был благородный жест. Один из членов группы Supremes

развлекал детей до приезда группы Джексонов, каждый из которых был одет в костюм Санта-Клауса с бородами и мешками с подарками и пластинками, которые они дарили детям.

Сразу после Рождества Motown объявила, что пластинка Майкла Got To Be There стала номером один по продажам всего за 6 недель после ее выпуска. Группа отправилась в турне по югу страны. 28 декабря журналист из Далласа договорился об интервью в номере отеля, где она остановилась. Фаны уже собрались у двери, выкрикивая «Майкл, Майкл». Тито вышел в холл, надеясь успокоить их. Когда он открыл дверь, несколько девушек ворвались в комнату и начали целовать и обнимать младшего из братьев, не обращая внимания на остальных.

У братьев не было ревности, наоборот, они использовали этот случай, чтобы поиздеваться над ним. «Увидишь еще, что будет, когда я выпущу свою сольную пластинку, — говорит Джермен. — Тогда я буду здесь дамским любимцем». «Но пока Майкл настоящий дамский любимец», — сказал Джек-ки, когда охранники выпроваживали девушек из комнаты. «Кончайте, ребята», — бросил Майкл. «Да, Майкл, конечно, ты сейчас любимчик, — не унимался Джермен. — Но это ненадолго...»

Потом все четверо бросились к Майклу, стали щекотать его и вместе повалились на пол, шутя тузили друг друга.

Хохот разносился по всей гостинице.

Глава 7

По мере того как росла популярность Джексонов, их жизнь становилась все более напряженной. Мальчики взрослели, возникали реальные проблемы. Мало у кого из детей-артистов переходный возраст обошелся без трудностей.

Взрослые исполнители сами выбирают свой образ жизни. Но такие юные звезды, как мальчики Джексоны, обычно бывают буквально вытолкнуты родителями в центр внимания до того, как сами смогут принимать решения. Многие такие родители (либо сами артисты, либо, как Джозеф, — неудачники) используют детей как главный источник дохода, если ребенок добивается успеха (так поступали Джозеф и Кэтрин). Это непосильное бремя для ребенка — ощущать ответственность за финансовое благополучие семьи. Он не может распоряжаться чековой книжкой, но ему постоянно напоминают, что, если он не будет работать, семья станет голодать, или, что еще хуже, родители его больше не будут любить. Такое родительское давление равносильно жестокому обращению с детьми.

Стереотип властной артистки-матери хорошо известен, но сейчас чаще отцы берутся за театральную карьеру своих детей.

По словам Андреа Дарви, автора книги «Взгляд изнутри на мир ребенка — звезды Голливуда», «отцы-артисты часто развивают у детей обостренное чувство неуверенности, которое ведет к компенсирующей чрезмерной настойчивости и безжалостности. Отцы доминируют и распоряжаются ребенком». Джозеф был таким отцом. Когда он понял, что у сыновей есть талант, то настоял, чтобы они занимались каждый день. Они могли слышать, как другие дети играют на улице, но им не разрешалось присоединиться к ним. «Другие дети смеялись над нами, — вспоминает Майкл. — Мы хотели играть, но не могли. Мы должны были репетировать. Они говорили: «Эти Джексоны немного стоят». Я хотел выступать, но я хотел, чтобы у меня были друзья. А мы не могли иметь и то и другое».

У старших братьев было несколько лет детства. У Майкла его не было вообще: ему едва исполнилось пять лет, когда он оказался в центре внимания.

Детей-звезд отделяли от остальных не только огромные суммы денег, которые они получали. Большинство детей-артистов ограничены в своем образовании. Лишь немногие из них регулярно ходили в обычную школу. В киностудии они учатся среди декораций. У студии «Метро-Голдвин-Майер» даже была школа для молодежи, которая работала на съемках. Хотя

предполагалось, что дети будут учиться определенное количество часов каждый день, кино часто брало верх над уроками.

Хотя они и не получают достаточно книжных знаний, дети-артисты хорошо изучают социальные навыки — искусство общаться с людьми. Дети, с которыми они общаются, обычно находятся в той же среде шоу-бизнеса. Одно из самых счастливых воспоминаний Джуди Гарланд относится ко времени, когда ее карьера временно прервалась. Она оставила студийную школу и была зачислена в Голливудскую среднюю школу, где скрывала от друзей-однокашников свое прошлое и наслаждалась жизнью (этот счастливый период закончился, когда заместитель директора сказал ей, что она не должна учиться вместе с «нормальными людьми»).

Пару лет, которые мальчики Джексоны провели в обычных школах, они вспоминают как лучшее время их жизни. Майкл ходил в шестой класс начальной школы на Гарднер-стрит в Лос-Анджелесе, хотя и не слишком постоянно из-за своего рабочего графика, но, видимо, так часто, как мог. «Он никогда не говорил о себе, — вспоминает его учительница Лора Джерсон. — Он просто был одним из детей. Однажды он исчез и появился на телевидении». [1]

В седьмом классе Майкл присоединился в Арлону в средней школе Эмерсон Джуниор. Но в это время договор группы с Motown лишил их неизвестности, и через две недели они были вынуждены покинуть это учебное заведение. «Толпы людей стояли в коридорах, заглядывая в классы, — вспоминает Майкл. — Это очень мешало учиться». И пугало не меньше. В последнюю неделю пребывания Джексонов в школе поступили угрозы в адрес Майкла. Джозеф и Кэтрин были так расстроены, что забрали обоих мальчиков из обычной школы навсегда.

Их перевели в частные школы. Закон Калифорнии требует, чтобы несовершеннолетние учились минимум три урока в день, пока они работают. Учителем всех младших Джексонов стала Роуз Файн, уполномоченная штатом «наблюдать за благополучием детей». Большую часть времени, проведенного в дороге, они готовились к тестам, которые им устраивали, едва они регистрировались в гостинице. Джексоны были очень заняты учебой, репетициями, концертами.

Майклу не нравились частные школы, ему было скучно учиться, он отказывался делать домашнее задание. Во время уроков рисовал животных и монстров, вместо того чтобы слушать учителя. Когда его вызывали отвечать, не знал, о чем идет речь, да и не хотел знать.

Джекки и Тито ходили в обычную среднюю школу Лос-

Анджелеса в то время, когда Джексоны еще только становились знаменитыми. У них сохранились горькие воспоминания об этом времени. Поскольку требования карьеры делали почти невозможным нормальный образ жизни, они не могли участвовать ни в одной из спортивных команд — особенно обидно это было для Джекки, который любил бейсбол. С ростом славы популярности стало больше внимания одноклассников, которые раньше их игнорировали, и братья стали сомневаться, кто из их друзей бескорыстен. Но Джекки и Тито могли, по крайней мере, вспомнить время, когда они общались с людьми не из шоу-бизнеса. Майкл, Марлон и Джер-мен — нет.

Джекки и Тито закончили школу в восемнадцать. Джер-мену, Марлону и Майклу выдала дипломы, эквивалентные аттестату средней школы, Роуз Файн, которая имел право на это. Что касается полученных знаний, то их было явно недостаточно.

Трудно сказать, знает ли Майкл о том, как его жизнь схожа с жизнью Джеки Кугана, актера, который стал известным в шесть лет, в 1920 г. после роли в фильме The Kid с Чарли Чаплиным. Обаяние Кугана было так велико, что в 1923 году при переходе из Первой национальной студии в Metro он получил премию в 500 тысяч долларов и контракт на четыре картины в течение двух лет на общую сумму в миллион долларов плюс проценты от доходов.

Хотя его мать утверждала, что Джеки вел «нормальную жизнь» — как делала и Кэтрин, — его детство было каким угодно, только не нормальным. Однажды, когда он был на вершине славы, Куган пошел с матерью в магазины в деловую часть города. Там их окружила трехтысячная толпа, и только вмешательство полиции спасло их. С тех пор он стал очень осторожен, выходя на люди. Впрочем, напуганный окружающим миром, он больше оставался дома, окруженный трехметровым забором.[2]

Майкл однажды переживет нечто подобное. А 1972 году, когда ему едва исполнилось четырнадцать, он вел себя не так, как остальные братья. Те спокойно несли бремя успеха (оно причиняло страдания Майклу). «Он просто более чувствителен, чем остальные», — объясняла это Кэтрин. Билл Брей (начальник службы охраны «Пятерки Джексонов» и по нынешний день работающий на Майкла) часто помогал ему воспользоваться грузовыми лифтами отелей, чтобы не подниматься вместе с «нормальными людьми», как Майкл их называл.

Годом раньше он говорил Джуди Шпигельман из журнала Soul: «Я такой же, как все остальные дети». Теперь осознал, что это не так. Другие члены группы, казалось, не возражали против «нормальных людей» — если это не была ошалевшая толпа

поклонников. Но этот мальчик всегда привлекал всеобщее внимание. Если он входил в комнату вместе с любым из братьев, то именно к нему устремлялись поклонники.

Когда остальные шли прогуляться и посмотреть достопримечательности, Майкл предпочитал оставаться в номере. «Он был интравертом, — вспоминает Боб Джонс, бывший глава отдела рекламы Motown. — После выступления шел в отель, надевал халат и отдыхал в номере, читая и рисуя. Он возил с собой мольберт и бумагу. В то время как остальные братья гуляли, играли в мяч или развлекались чем-нибудь еще, Майкл предпочитал заниматься творчеством для себя, в одиночестве. Он был звездой, и все крутилось вокруг этого. Он был ключевой фигурой в группе Джексонов, и все чересчур его опекали».

Брат Майкла — Тито, задумчивый, тихий восемнадцатилетний парень, женился первым из братьев. Его невестой была семнадцатилетняя Делорес (Ди-Ди) Мартес. Они поженились 17 июня 1972 года, через семь месяцев после тайной помолвки. Видная, привлекательная Ди-Ди выросла в Гарлеме в Нью-Йорке. В 1968 году ее семья перебралась в маленький дом в Уотсе. После переезда в Голливуд она училась в средней школе, где в 1969 году встретила Тито — за три месяца до того, как группа прославилась.

Джо и Кэтрин были против этого союза, но поняли, что если не дадут разрешения на свадьбу, Тито может сбежать с девушкой, а это плохо отразилось бы на имидже семьи. С неохотой они согласились.

«Тито хотел вырваться из дома, — говорит Сузи Джексон, бывшая жена Джонни Джексона. — Когда он влюбился в Ди-Ди, то решил, что они поженятся, что бы ни думали его родители. Они не любили Ди-Ди, потому что она была мексиканкой из Доминиканской Республики, которая родилась в гетто. Грустно, но это правда. Они боялись, что она окажется охотницей за богатством».

Джозеф дал понять одному журналисту, что были приняты, как он это называл, «специальные меры защиты» для «мальчиков, когда они женятся. Пока жены ребят с ними, помогают им и радуются совместной жизни, все в порядке. Мы только хотим, чтобы наши мальчики были счастливы».

«Они заставили Ди-Ди подписать брачный договор, — продолжала Сузи Джексон. — У нее не было выбора, если она хотела выйти за Тито. Он так же, как и его родители, хотел подписания брачного договора. Ди-Ди хорошая девушка, она любила Тито и сделала бы все, что он попросил».

Полин Пауэлл, друг семьи, вспоминает: «Свадьба Тито была

тихой, она проходила в церкви в Инглвуде (Калифорния) и была совсем не похожа на то, чего все ожидали от Джексонов в то время. Всеми приготовлениями занималась мать невесты. Там были все братья и другие родственники жениха, бабушки и дедушки. Гостей принимали в Инглвуд-ском женском клубе, не самом роскошном месте на земле. Единственной знаменитостью был Дик Кларк. У них, насколько мне известно, не было медового месяца. Их первый ребенок — сын, названный в честь Тито, родился почти год спустя (август 1973 года). Тито был в поездке, так что подготовкой к родам с Ди-Ди занималась ЛаТойя. Ди-Ди очень хорошая. Они ведь до сих пор женаты. Может быть, это потому, что они посетили консультацию по вопросам семьи еще до свадьбы. Они были молоды, но разумны».

Тито не возражал против маленькой, скромной свадьбы. «Я не тот человек, который воображает себя особенным или покупает «Кадиллак» только потому, что богат, — сказал он тогда автору журнала Soul Уолтеру Баррелу. — Для меня неважно, принадлежат ли мои друзья к высшему обществу, богаты ли они. Я не забыл, откуда я вышел и каково нам приходилось».

Но в Тито было что-то от отца. «Ди-Ди иногда слишком командует, — говорил он позже. — Но мужчина в доме я. Должен быть я. Иначе я надену женское платье и выйду так на улицу».

Тито теперь жил семейной жизнью, но его братья были еще свободны. Слава Джексонов приводила толпы девушек к их дверям. Молодые поклонницы не останавливались ни перед чем, чтобы вступить в интимные отношения с симпатичными братьями, и Джермен и Джекки начали вести себя безответственно. Когда множество женшин или даже молодых девушек были у их ног, братья не видели смысла не воспользоваться ситуацией.

Журналист Грэг Шоу спрашивал Майкла о его личной жизни, когда тому было тринадцать, для рассказа в журнале Crawdaddy. Это выглядело примерно так: «Ты куришь7» — «Не-а». - «Пьешь?» - «Не-а». - «То, что ты стал суперзвездой, изменило твою сексуальную жизнь?» (Майкл хихикнул и ушел от вопроса.) - «У тебя есть девушка?» - «Нет» -«А тебе хотелось, чтобы она была?» - «Я еще недостаточно взрослый». - «Если бы у тебя была девушка, какой бы ты хотел, чтобы она была?» - «Симпатичной и тихой».

Майкл признается, что в его обязанности по дому входило вытирать пыль в гостиной и поддерживать чистоту в своей спальне. (Кэтрин повесила там призыв: «Сохрани Америку красивой - уберись в комнате».) Он был типичным подростком, который тратил свои карманные семь долларов на жвачку и принадлежности для рисования, любил свою немецкую овчарку

Лобо и доброжелательно махал рукой девушкам, которые собирались перед главным входом его дома. Он, возможно, ждал какую-то «симпатичную и тихую», но к' 1972 году его братья оставляли за собой длинный шлейф разбитых сердец, переезжая с концертами из города в город.

Тридцатишестилетняя разведенная мать троих детей Ронда Филипс живет в Лонг-Бич, Калифорния, в скромном доме с двумя спальнями. Ей было восемнадцать, когда она встретилась со своим кумиром, Джекки Джексоном, которому в то время было двадцать один год. На одну ночь Филипс стала частью «мира» Джексонов. Она живо вспоминает все подробности: «Был конец августа 1972 года, и «Пятерка Джексонов» давала концерт в Инглвуде (Калифорния). Моя пятнадцатилетняя сестра и я были их страстными поклонницами. У меня были все их записи, я слушала их каждый день Мне все было мало. Мы привыкли собирать все плакаты из молодежных журналов и считали Джексонов восхитительными. Мне нравился Джекки, а моей сестре — Джермен.

Они были такие добрые. Я помню, они дали сотни билетов на концерт бесплатно для детей из бедных районов, которые не могли иначе увидеть шоу. В Филадельфии посетили две детские больницы, раздавая копии своего последнего альбома и подписывая их для пациентов. Я мечтала ближе познакомиться с ними.

Когда билеты поступили в продажу, я попросила денег у родителей и купила билеты себе, своему другу, сестре и ее приятелю. Мне достались места в первом ряду.

На концерт Ронда заплела волосы и надела красные обтягивающие брюки и облегающую майку. «В то время у меня была хорошая фигура», — вспоминает она грустно. Она прицепила значки с фото Джексона на майку. Даже надела серьги со значком «Пятерки Джексонов». Сестра Ронды принесла бинокль — как будто они и так были недостаточно близко — и даже пыталась пронести камеру.

«Шоу было сенсационным, — вспоминает Ронда. — Несмотря на то что мы не слышали их голосов из-за криков поклонников. Помню, это было одно из первых выступлений Рэнди с группой, он играл на барабане «конга». Майкл, которому только исполнилось четырнадцать, был очень заметен, было очевидно, что он звезда шоу, настоящий центр внимания».

Во время концерта Ронда заметила, что Джекки вроде бы смотрит на нее. Подумала, что ей кажется. Но сестра подталкивала ее, как будто бы говоря: «Он смотрит на тебя! Он смотрит на тебя!»

«После шоу мы собирались выйти из зала, и тут ко мне подошел какой-то черный парень. «Джекки Джексон хотел бы встретиться с вами, мисс», — сказал он мне. «С кем, со мной?» — спросила я. В зале было восемнадцать тысяч человек. Почему именно я? Моя сестра со своим другом и мой бой-френд ушли. Я не думала о том, как доберусь домой. Я просто хотела встретиться с Джекки Джексоном».

Ронду провели за кулисы. «Я нервничала. Я видела их всех вокруг меня — Джермена, Марлона, Майкла, Тито. Это было как во сне. Они были потные после сцены, на плечи были наброшены белые полотенца. Меня кто-то шлепнул, я обернулась. Это был Джекки. Он был такой симпатичный, просто великолепный, самый красивый из всех. Он был будто выточен из мрамора, настоящее произведение искусства.

Глаза были темные и глубокие, зубы белые. У него был массивный подбородок, волосы аккуратно уложены.

Помню, его рука была большая, мягкая и теплая, когда я пожимала ее. Меня поразил его высокий голос, что контрастировало с его мужественной внешностью. Он сказал, что хочет узнать меня лучше, я не знала, что он подразумевает, но мне было все равно. Я почти лишилась чувств, так я волновалась и трепетала перед этим человеком. Я не могла поверить, что стою рядом с ним».

Джекки дал Ронде листок бумаги с адресом и сказал, что они увидятся там в течение часа.

Ронда рассказывает, что она стояла в холле, пытаясь решить, идти ли на встречу, когда почувствовала, что рядом есть кто-то еще. Она обернулась. Это был Майкл. Он представился, они пожали друг другу руки. «Он был просто симпатичный паренек, — рассказывает Ронда, — у него были большие зубы, широкий, плоский нос, хорошо уложенные волосы; он выглядел как любой симпатичный четырнадцатилетний черный подросток. Он заметил листок бумаги у меня в руке».

«Это тебе Джермен дал?» — спросил он. «Нет, Джекки».

По словам Ронды, было похоже, что Майкл знал, что написано на листке. «Он хочет встретиться с тобой, да?» — спросил он.

«Да, — ответила Ронда. — Я не знаю, нужно ли мне идти». Майкл прервал ее: «Не ходи». Это звучало как предупреждение: «Я не думаю, что тебе нужно с ним встречаться».

«Но ему только четырнадцать, помню, подумала я, — говорит Ронда. — Что он может знать?»

Ронда спросила Майкла, почему она не должна идти. Она помнит его ответ: «Мои братья не всегда хорошо обращаются с

девушками. Они могут вести себя нечестно. Я не знаю, почему, но это так. Пожалуйста, не ходи».

Ронда сменила тему и попросила у Майкла автограф. Она дала тот листок, который ей передал Джекки, Майкл что-то написал на нем и вернул ей: «Не забудь, что я сказал. Просто иди домой, ладно?» Кто-то позвал его, и он обернулся. Это был Джермен, сообщавший, что лимузин готов везти их назад в Энсино. Он подошел и поздоровался с Рондой. «Ты занята сегодня вечером?» — спросил он ее. Майкл закатил глаза, как будто ему было противно это слышать от брата. «Ладно, Джермен, пойдем», — сказал он нетерпеливо и потянул его за локоть. «Подожди, Майкл, — запротестовал Джермен. Уходя, он обернулся через плечо к Ронде: - Может, еще увидимсяˆ милашка», — подмигнул он ей.

Представитель группы заказал машину для Ронды. «Я была слишком возбуждена, чтобы подумать, что я делаю, — вспоминает она. — Я думала, у нас будет чудесный романтический ужин. Я хотела бы помнить наизусть все «можно» и «нельзя», опубликованные в одном из журнальных статей для фанатов «Как быть девушкой Джекки» («девушка, оказавшаяся рядом с Джекки, должна быть счастливой и должна стать ему хорошим другом. Если она хорошо выглядит, у нее есть шанс стать девушкой Джекки Джексона»).

«Всю дорогу в такси я мечтала о помолвке и затем свадьбе с Джекки Джексоном, о наших детях. Я повторяла себе: «Ронда Джексон, Ронда Джексон. Самое лучшее имя в мире. Миссис Ронда Джексон — из «Пятерки Джексонов».

Ронда Филипс обнаружила, что на бумажке был адрес дома в Энсино, в часе езды от Инглвуда. Когда машина подъехала, она развернула листок и обнаружила, что Майкл написал не только свой автограф. Там было послание: «Надеюсь, ты не поедешь», — говорилось в нем. И подпись: «Майкл Джексон». Когда она вышла из машины, человек, представившийся сотрудником Motown, ждал ее на тротуаре. Он привел ее к квартире.

«Ты понравилась Джекки», — сказал он ей. «Я очень на это надеюсь», — ответила Ронда.

Она постучалась. Дверь была приоткрыта, она вошла.

«Внутри было темно, — рассказывает Ронда. — Только свеча горела на столе. Я неуверенно шла. Мне было больше любопытно, чем страшно. Вдруг я услышала голос из темноты: «Рад, что ты пришла». Это был Джекки. Он вышел из тьмы только в белых трусах и белых носках. Я почувствовала головокружение. Вид его мускулистого коричневого тела в свете свечи был для меня пределом мечтаний.

«Ты наша поклонница, да?» — спросил он.

Я сказала, что да, я почти не могла говорить.

«Спасибо за то, что покупаешь мои записи», — сказал он.

Я ответила, что это не стоит благодарности.

Он подошел ко мне, обнял и прижал к себе. Его тело было таким теплым. Мне было очень уютно с ним.

«Мы бы никогда не смогли этого без таких поклонников, как ты, — сказал он. — Я действительно ценю это. Мне нравятся твои серьги с «Пятеркой Джексонов». Они классные». Потом он поцеловал меня, и ноги у меня сделались ватными.

«Ты знаешь, мы не сможем больше видеться», — сказал он мне после. Я предчувствовала это. Я заплакала, вдруг мне стало стыдно. Он немного подержал меня в объятиях, а потом сказал, что человек из Motown ждет меня снаружи, чтобы отвезти домой. Он нежно меня поцеловал, и я ушла. Все это заняло меньше получаса.

Когда Ронда шла по улице, белый «Роллс-Ройс» подъехал к дому. В нем сидели Майкл и Марлон. Марлон вошел в дом а Майкл подошел к Ронде. «Что ты здесь делаешь? - спросил он. — Ты была с Джекки?» - «Да», — ответила она. «И что же вы делали?» — «У нас было свидание». — «Что значит у вас было свидание? Ты что, спала с Джекки?» - Майкл подозрительно посмотрел на Ронду. Она заплакала. Майкл грустно покачал головой. «Он смотрел на меня грустными, понимающими глазами, - вспоминает Ронда. «Извини. Он тебя заставил?» - «Нет, я сама хотела». - «Ты сама? - Он казался изумленным. — Но почему ты этого хотела?»

Ронда села в машину. Водитель на нее не оборачивался. Она открыла окно, Майкл все еще стоял на тротуаре. «Никогда больше этого не делай, поняла? - сказал он. - С тобой все нормально?» — «Да, все хорошо».

«Но теперь я уже рыдала, - говорит Ронда. - Потом я заметила, что у Майкла тоже слезы на глазах. Я подняла стекло, и машина поехала. Я смотрела назад, и последнее, что я видела, — Майкл Джексон, который машет мне рукой.

Больше я не виделась ни с ним, ни с его братьями».

Глава 8

«Самое главное, мы не должны предавать или использовать наших поклонников, — сказал Майкл в августе 1972 года, когда ему исполнилось четырнадцать. — Ненавижу, когда артисты плохо относятся к своим почитателям. Мне от этого нехорошо становится. Я однажды видел знаменитость — не скажу, кто это был. Он заставлял девушек приходить к нему на свидания благодаря тому, что он был тем, кем был. Я думаю, вся моя семья должна быть благодарна поклонникам за успех. Мне кажется, что это так и есть, по крайней мере, я надеюсь на это».

«Я думаю, Майкл слишком серьезно относится к таким вещам, — заявил шестнадцатилетний Джермен Уолтер Барре-лу из журнала Soul. — Он очень серьезен и чувствителен в этом плане. Мы ценим свой успех, да. Я думаю, мы показываем это, когда есть возможность».

Действительно, семья Джексонов не упускала шанса показать свою благодарность людям, которые помогали им. Маленьким интимным встречам они предпочитали большие вечеринки напоказ, где главным было количество гостей. Вместо пива с солеными крендельками на задней веранде Кэтрин затевала роскошные пиршества в семейной усадьбе. Всегда радушная хозяйка, она каждому давала почувствовать себя уютно. Было заметно, как Джозеф гордится домом, устраивал экскурсии для желающих. В сентябре 1972 г. после выступления в Форуме в Лос-Анджелесе старшие Джексоны устроили прием примерно для пятидесяти друзей из мира прессы и шоу-бизнеса. Они не разочаровали гостей. Стол длиной в четыре метра был заставлен гамбургерами, жареным мясом, чили, свежими охлажденными фруктами и дарами моря. Кондитерские изделия были привлекательны в тележке, украшенной желтыми и красными розами. В центре бассейна плавал огромный логотип группы Джексонов, сплетенный из роз и гвоздик. Для развлечения они пригласили на товарищеский матч по баскетболу Temptations. (Джексоны выиграли.)

К этому времени компания Motown выпустила еще два сольных сингла Майкла. Rockin Robin, пустая песенка, о которой многие говорили «нелепая трата времени», принесла ему популярность. Пока он щебечет, как птичка, пианист бренчит нехитрый мотив. Это была песня «для белых» еще в 1958 году, когда ее записал Бобби Дэй, и было странно, что компания заказывает ее исполнение своему молодому начинающему певцу в ранних семидесятых, котда проблема расизма еще стояла на

повестке дня.

Как ни странно, Rockin Robin пользовалась большим успехом, чем Got To Be There. Песня принесла Майклу, как и Бобби Дэю четырнадцать лет назад, второе место в хит-парадах. Еще одна песня, вызывавшая смешки, Ben из одноименного фильма. Ее слова превозносят дружбу, и нет никакого намека на то, что она — про грызуна (в фильме маленький мальчик дружит с крысой по имени Бен). Майкл поет под аккомпанемент гитары на фоне нежной оркестровой пьесы. Песня явно была самостоятельной, ее можно было использовать отдельно от фильма. Было продано 1 701 475 экземпляров. Но, как говорит Дек Ричарде, ее продюсер, «ее не слушали в Лос-Анджелесе, пока она не стала главным хитом по всей стране. Руководству главной радиостанции города так не нравилось содержание песни, что они не хотели, чтобы она звучала».

Ben не только стал главным сольным хитом Майкла, но был номинирован на премию «Оскар».

Майкл видел фильм про Бена несчетное количество раз, сидя на задних рядах кинотеатра, чтобы услышать свою песню и потом увидеть свое имя в титрах. В детстве он любил крыс. Однажды Кэтрин ужаснулась, увидев тридцать крыс в клетке в его спальне. Он любил грызунов, пока в один прекрасный день не обнаружил, что они едят друг друга. После этого выбросил клетку.

В дополнение к сольным, Майкл начал записывать групповые песни отдельно от братьев, накладывая ведущий голос на пленку. Потом приходили братья и записывали бэк-вокал. Часто привлекались и другие, анонимные певцы. В 1967 году Дайана Росс часто так делала, оставляя запись остальных голосов на потом.

Майклу не нравилось, как его тогда записывали, он устал от того, что нужно петь так, как требовали продюсеры Motown. Чувствовал, что заслуживает большего уважения. В конце концов, мог выучить три песни меньше чем за полчаса. «Я сам знаю, что мне делать», — говорил парнишка. Однажды он позвонил Берри Горди во время записи Lookin Through The Windows и пожаловался: «Они не дают мне петь так, как мне хочется». Берри поспешил на студию и настоял, чтобы продюсер Хэл Дэвис предоставил Майклу больше свободы в студии. Однако ограничения в творчестве оставались проблемой для него, несмотря на его юный возраст (ему было четырнадцать). «Я всегда знал, как хочу сделать песню, но Motown редко мне это позволяла», — заметил он позже.

В ноябре Джексоны предприняли стремительный двенадцатидневный тур по Европе, который начался с

выступления перед королевой Елизаветой. Британские подростки собрались толпой в аэропорту Хитроу, чтобы приветствовать их. Ревущая толпа напоминала ту, что сопровождала Beatles в зените славы. Это называлось «битломания».

«У Джермена любители сувениров вырвали большие пучки волос из его африканской прически, — сообщал пресс-релиз Motown от 22 ноября. — Шум стоял такой, что заглушал рев реактивных двигателей; Майкл и Марлон плакали. Тито наставили синяков в бестолковой суете толпы. Рэнди был в панике, когда неистовые поклонницы осыпали его мокрыми поцелуями. Джекки казался невозмутимым, но слегка тревожился. Это был ад кромешный. Хаос. Это было пугающе. Это было ДЖЕКСОМАНИЯ».

Motown не преувеличивала. Толпы поклонников, встретившие группу в аэропорту, вышли из-под контроля, братья судорожно метались в поисках лимузина. Майкл потерял ботинок. Его чуть не задушили. «Они тянули за концы шарфа, затягивая его на шее брата. Он просунул под него руку и кричал», — вспоминал Джермен.

Майкл с тех пор не выносил толпу. По его словам, у него на теле остались шрамы, и он может сказать, в каком городе получил ту или иную отметину. Он проходил через толпу кричащих девушек, закрывая лицо руками, чтобы они не оцарапали его, прят&пся в туалете, чтобы пробежали мимо. «Ты чувствуешь, что будешь задушен или разорван на куски», — говорил Майкл.

Фанаты буквально забаррикадировали вход в гостиницу «Черчилль» в Лондоне, где жила группа, не давая им выйти, чтобы ехать на выступление перед королевой. Джозеф вызвал полицию, которая прибыла с пожарными шлангами, которыми разогнали толпу. На следующий день девятилетняя девочка угрожала ножом огромному сотруднику охраны отеля, пока он не пропустил ее в комнату Майкла. Только полиция справилась с ней. «Роллс-Ройсу», на котором ездила группа, был нанесен ущерб на двенадцать тысяч долларов — он был помят и поцарапан девушками, которые пытались дотянуться до своих кумиров.

Пока Джексоны выступали в ночном клубе «Разговор города», лимузин был ободран любителями сувениров так, что осталась лишь груда железа. К тому же кто-то из конкурирующего лагеря решил заказать тот же отель для группы Osmonds. Это привлекло еще сотни фанатов, некоторые были вооружены ножами, один пришел с кувалдой. Толпы на улицах, примыкающих к отелю, становились все возбужденнее, руководство попросило Джексонов дать концерт — экспромтом с крыши отеля, чтобы успокоить

неистовствующую толпу. В Амстердаме голландские поклонники устроили беспорядки на улицах, узнав, что Джексоны дают всего один концерт. Группа также посетила Брюссель, Мюнхен, Франкфурт и Париж.

По возвращении в США они начали сниматься во втором проекте для Си-би-эс. Джил Эски, музыкальный директор проекта, заметил: «К этому времени мальчики изменились. Не было прежнего энтузиазма к работе, они были заняты другими делами — девушки, например. Кроме Майкла. Его интересовала только работа».

17 апреля 1973 года Джозеф получил плохие известия. Арестовали Тито. Как заявили в полиции Лос-Анджелеса, он и барабанщик группы Джон Джексон (не родственник Джексонов) были замешаны в покупке краденых телевизоров и кражах в пятидесяти квартирах в одном из районов Лос-Анджелеса в феврале и марте. В этом участвовала также неизвестная семнадцатилетняя девушка. Джонни Джексону было предъявлено одно обвинение, Тито — два. Оба были отпущены под залог в две тысячи долларов. Что произошло на самом деле, неизвестно, но было ясно — эти двое связаны с криминалом. «Они просто купили эти вещи у кого-то, не зная, что они краденые, — объясняла Сузи Джексон. — Потом я узнала, что они арестованы». Отец был очень расстроен таким поворотом событий: плохо, что Тито попался, еще хуже, что на такой мелочи.

Джозеф знал, как публика отреагирует, услышав, что один из богатых и знаменитых Джексонов скупал краденую технику. Если бы Тито попался на наркотиках, можно было рассчитывать на симпатию общественности. Но скупка краденого выглядела как проявление алчности и глупости, публике трудно это принять. Уолтер Джексон (не родственник), бывший друг Тито, рассказывает о тех днях: «Главной мыслью Джозефа было: «Как Тито мог позволить себе ввязаться в то, что может погубить репутацию группы?» Семья держала в секрете правду о Тито. В том, что случилось сказал мне Майкл, не было вины Тито, и они надеются что все обойдется.

Я так же слышал, что Горди разговаривал с Джозефом по телефону сразу после ареста сына, обсуждая, что можно сделать. Это был серьезный удар по имиджу группы. Было решено хранить арест в тайне, Motown каким-то образом обеспечила отсутствие огласки в прессе».

«Мусор замели под ковер», - заключает Сюзи Джексон. - «Как всегда».

3 октября 1973 года Тито предъявили обвинение. На этот раз сохранить слушание в секрете было невозможно. Пресса явилась в

суд, как только прошел слух, что там находится Тито Джексон. «У меня нет комментариев!» - отвечал он на вопросы журналистов. «Да, ему нечего сказать», вторил Джозеф.

Все обвинения с Тито были сняты в феврале 1974 года, четыре месяца спустя после того, как Джонни Джексон признал себя виновным. Говорили, будто взял на себя его вину, но Джонни никогда это не обсуждал.

Летом 1973 года Джексоны совершили тур по Японии. На этот раз Кэтрин тоже поехала с сыновьями и мужем. Боб Джексон из отдела прессы Motown сопровождал группу вместе с внушительной командой охраны, музыкантов и техников. В Японии семья посещала буддистские храмы, музеи чайные домики и Восточные сады «Таканава Принс Отеля», где был штаб группы. Они проехали на скоростном поезде (150 миль в час) из Осаки в Токио, наслаждаясь природой страны. «Это было гораздо лучше, чем в школе, - сказал потом Майкл. - Я думаю, это была самая интересная учеба, о которой только можно мечтать. Мы видели столько всего чего наши сверстники никогда не представляли. Майкл, Джермен, Марлон и Рэнди многому учились, пока путешествовали за морями».

В Токио они приняли участие в шоу Сэмми Дэвиса младшего. «Он самый занятный артист на планете, - отмечал Майкл. - Я очень многому научился, просто наблюдая, как он относится к аудитории».

Они были в стране, в культуре которой очень много внимания уделялось вежливости, и Джозеф заставил сыновей выучить несколько японских фраз, с которыми они обращались к публике во время концертов. Это помогло японскому турне завоевать оглушительный успех.

После Японии мальчики путешествовали по Австралии выступали в Брисбане, Мельбурне, Перте, Аделаиде и Сиднее. В Перте концерт проходил холодным вечером, под открытым небом. Слушатели сидели впереди и позади сцены отделенные от нее бассейнами. Когда Майкл пел Ben, внезапно погасли огни, и он услышал странные звуки. Свет быстро зажгли, оказалось, что поклонницы прыгают в ледяную воду и плывут к нему с двух сторон. Майклу пришлось срочно покинуть сцену.

Несмотря на популярность группы, исподволь зрела проблема с продажей записей. Из-за избытка или недостатка рекламы у группы Джексонов не было больше рекордного числа продаж. Спад начался в апреле 1972 года, когда была выпущена Little Bitty Pretty One в стиле ритм-энд-блюз впервые записанная Бобби Дэем в 1958 году и позже Торст'оном Харрисом. За исключением Santa Clans Is Coming To Town, этот сингл был весьма неудачным по

числу продаж — всего 590 629 копий. Его последователь, записанный, впрочем вслед за ним, Looking Through The Windows был еще хуже: 581 426 копий. Но и его превзошел Cornor Of The Sky — 381 426 копий. [3]

«Что, черт возьми, происходит?» - злился Джозеф. Он начал обвинять Motown, изводя промоутеров, которые были абсолютно беспомощны, потому что получали указания от Эварта Эбнера. Его назначил Берри Горди, поскольку сам он посвящал большую часть своего времени расцветающей карьере Дайаны Росс. Хотя он все еще был председателем совета директоров компании, но, похоже, интересовался только Голливудом и производством фильмов. Фильм Mahogany с Дайаной в главной роли был тогда в работе, и это отнимало все его время.

Motown осознавала необходимость новой музыки, возможно, и аудитория братьев Джексонов хотела иных песен чем простенькая Hallelujah Day, выпущенная в феврале 1973 года. Это был провал — продали менее четверти миллиона дисков. Чем больше Джозеф жаловался Эбнеру или Берри Горди, когда мог его застать, тем хуже шли дела. Эварт Эбнер вел только основную линию компании, его ничто не интересовало. Если цифры продаж были низкими и Джексоны теряли слушателей, это была неудача самой группы, а не Motown. «У них уже даже свой мультфильм есть, зачем тратить на них еще деньги?» — спросил он. Эварт и Джозеф стали врагами.

Сингл The Boogie Man был запланирован, но так и не выпущен. Альбом Sky Writer вышел в марте, но продано было всего 115 045 копий — такого еще не было.

Джозеф твердо верил, что все провальные записи могли иметь успех, если бы Motown просто раскручивала их — заинтересовывала руководство радиостанций, чтобы они включали их в программы; заказывала достойную рекламу в товарных каталогах Billboard и Cash Box, чтобы группа была представлена в индустрии; активнее организовывала участие группы в телепрограммах, чтобы они могли петь в эфире и тем самым увеличивать продажи.

Главный вопрос касался команды, которая писала песни для группы. Корпорация (Дек Ричарде, Фоне Мизелл, Фредди Перрен и Берри Горди) была распущена, причинами стали разногласия после того, как Corner Of The Sky был выпущен без участия Мизелла и Перрена. Сюзанна де Пасс передала этот проект Ричардсу и сказала, что обсудит его с остальными двумя членами корпорации, но не сделала этого. Команда распалась. Джексоны пострадали от этого так же, как Supre-mes и Four Tops в шестидесятых, когда Holland-Dozier-Hol-land перестали с ними

работать.

«Это было началом конца работы Джексонов с компанией Motown, — отмечал Дек Ричарде. — Не было единой концепции работы. Я надеялся на отдельную работу с Майклом, Джерменом и Джекки, хотел сделать сольный гитарный альбом для Тито и вокальный — Марлона. Он был слабоват, но я чувствовал, что мог бы что-то сделать из него. Но было слишком поздно что-то предпринимать. Джекки, Марлон и Тито не были большими талантами, и, если честно, никому не были интересны в качестве отдельных певцов, их могли приглашать только как членов группы Джексонов. Другими словами, мечта умирала».

Когда Джозеф забеспокоился о спаде продаж записей группы, продюсер Хэл Дэвис сделал потрясающий трек для группы, названный Get It Together, — стройная, хорошо выдержанная работа. Музыка, бэк-вокал и ведущий голос Майкла отлично выглядели в этой песне, которая не была похожа на сладкую поп-музыку, обычно ассоциирующуюся до сих пор с группой.

Мальчики Джексоны жаловались продюсерам, что на вечеринках никогда не слушают их записи. Друзья, говорили они, не танцуют под их музыку, потому что она недостаточно ритмична. Если это было действительно так, Get It Together меняла ситуацию. Выпущенная в августе 1973 года, она была хорошо продана — 700 000 экземпляров. Хотя до миллиона не дошло, Джозеф снова поверил в своих сыновей. По его мнению, «Пятерка Джексонов» еще не завершила свой путь. Скорее он был готов закончить работу с Motown. Назревал бунт.

Глава 9

Большинство свадеб имеют привкус горечи. Не считая жениха и невесты, которые заняты только друг другом, остальные гости невольно пребывают в размышлениях: воспоминания о прошедшей любви и мысли о том, как это непохоже на реалии жизни, надежды на будущее, слезы радости и слезы печали часто смешиваются. Свадьба единственной дочери Берри Горди Хейзл и Джермена Джексона не была исключением.

Она состоялась 15 декабря 1973 года. «Если моя дочь собирается замуж, — сказал Берри, — свадьба должна быть шикарной». Организовать ее он поручил Майклу Росмонду, одному из руководителей Motown, и Бобу Джонсу, шефу отдела рекламы. «Вы ограничены только небесами», — сказал он. В общей сложности свадьба обошлась в 234 000 долларов (как будто, чтобы предотвратить недовольство в «черной» среде, Горди внес чек в Авалон Карвер Комьюнити Сеттл-мент Хаус в Лос-Анджелесе на сумму, «позволяющую тысяче двумстам нуждающихся черных семей справить Рождество». Но сумма взноса не оглашалась).

Это было достаточно заметное событие — союз симпатичного сына бывшего рабочего-строителя, ставшего известной персоной в музыкальной индустрии, и красивой дочери служащего сборочной линии, управлявшего теперь империей шоу-бизнеса. Жених и невеста были молодыми — Джермену за четыре дня до свадьбы исполнилось девятнадцать, столько же было Хейзл, и черными, что делало торжество более интересным для черной прессы. Журнал Ebony назвал это «свадьбой века». Гости между собой сравнивали ее с королевской свадьбой в Лондоне, когда месяцем ранее принцесса Анна, дочь Елизаветы II, выходила замуж за капитана Марка Филипса.

Эйб Ластфоджел, основатель «Уильям Моррис», назвал это «самым роскошным бракосочетанием, которое я когда-либо видел». Чтобы быть уверенными в том, что пресса правильно изложит подробности, Motown выпустила пресс-релиз для приглашенных журналистов. Шестнадцатилетний Марлон был шафером. Пятнадцатилетний Майкл с братьями Джекки (22), Тито (20) и Рэнди (11) были провожающими. Обязанности Майкла в тот день были несложные: провожать гостей к их местам перед церемонией, а после нее сопровождать одну из подружек невесты. Однако люди, близкие семье Джексонов, отмечали, что Майкл был очень задумчив в этот день. Джермен, который всегда был его любимым старшим братом, женился. Все

менялось.

«Сначала Майкл думал, что это ничего не значит, — говорит один из близких друзей семьи. — Тито женился, а группа Джексонов продолжала свое дело. Его жена была милой и наивной, она не вникала в их дела или в политику. Но Джермен женился на Хейзл, дочери босса, женщине со своим мнением, которая привыкла поступать по-своему. По мере приближения дня свадьбы Майкл не мог не заметить, что брат начинает смотреть на вещи по-другому — глазами невесты. Он стал в меньшей степени лучшим другом брата и в большей — мужчиной Хейзл. Майкл должен был остро чувствовать потерю.

На репетиции группы незадолго до свадьбы братья пытались решить проблему с хореографией вместе с Сюзанной де Пасс, служащей Motown, которая занималась репетициями Джексонов. Наконец было найдено приемлемое решение, с которым были согласны все. Но потом Хейзл, которая стала присутствовать на репетициях, отвела Джермена в сторону и что-то прошептала ему на ухо. Он выслушал ее, кивнул и вернулся в братьям. «Я думаю, мы должны кое-что изменить», — объявил он. «Но почему? — запротестовал Майкл. — Так очень хорошо».— «Потому что у Хейзл есть замечательная идея. Смотри, Майк (иногда семья называла Майкла Майком), ты стоишь здесь, Тито здесь, Марлон там, а Джекки вон там», - Джермен продемонстрировал ее братьям.

Сюзанна де Пасс посмотрела новые движения, потом взглянула на Хейзл, которая невинно улыбалась. Поскольку она была дочерью Берри Горди, выхода не было. «Выглядит хорошо, ребята. Давайте так оставим». - «Мне это все не нравится, - протестовал Майкл, глядя на Джермена. - Ну же, я считал, мы уже все придумали». Брат отвел глаза.

Остальные старались проигнорировать происшествие «Это неважно», - сказал Тито. «Я-то думаю, что это важно, - заметил Майкл, сдаваясь. - Но поступайте как знаете» Он посмотрел на Джермена, который опять шептался с Хейзл, покачал головой.

День 15 декабря 1973 года начался пасмурно, но к полудню температура поднялась до 33 градусов, светило солнце Неважно, какая температура была на улице, - для сотни гостей, приглашенных на церемонию, и еще пятисот - на прием и ланч, была чудесная зима в эксклюзивном «Беверли-Хиллз Отел». Покрытые искусственным снегом сосны 175 белых голубей в клетках и тысячи белых камелий, хризантем и гвоздик украшали комнаты, где проходили торжества.

В соответствии с зимним убранством невеста была в платье из белого атласа, с манжетами и подолом, отделанными мехом

белой норки. На платье и трехметровом шлейфе также украшенном белой норкой, сияли семьсот пятьдесят нашитых вручную жемчужин. Короткая фата ниспадала с головного убора, на нем тоже блестела норка. Когда Хейзл появилась в проходе между рядами под руку с сияющим отцом раздались восхищенные возгласы. Когда они дошли до алтаря Ьерри Горди поднял фату, поцеловал дочь и началось венчание

Жених был столь же ослепителен в белой визитке украшенной бусинами, нашитыми на лацканы и лампасы, и белой бархатной бабочке. Марлон, его шафер, и все братья включая Джекки, Тито, Майкла и Рэнди, были в серых визитках с бархатными лацканами и кантом из серого атласа Отец - в сиреневой рубашке и серой визитке, мать - в сапфирово-синем шифоновом одеянии.

После церемонии на «Веранде» был прием, за которым последовал ланч в «Хрустальной комнате». Знаменитости шоу-бизнеса, включая Смокки Робинсона, Дайану Росс, Лолу Фалана, Дайет Кэрролл и Билли Уильямса, были рядом с такими известными людьми, как Коретта Скотт Кинг, мэр Том Брэдли с женой, суперагент Су Менгерс. Пока гости потягивали коктейли из шампанского 1966 года «Мо и Шандо» и пробовали икру, струнный оркестр играл отрывки из произведения Шопена и Чайковского, темы песен из Love Story, Doctor Zhivago и Jigi. Поскольку это была свадьба Хейзл Гор-ди, чей отец устанавливал музыкальные стандарты для целого поколения, и Джермена Джексона, имя которого было теперь синонимом современной музыки, выбор этих мелодий вызывал улыбку.

Хейзл попросила Смокки Робинсона написать песню по случаю свадьбы, потому что «он и его жена Клодетт женаты так много лет и так счастливы, они вдохновляют все супружеские пары шоу-бизнеса». Песня называлась From This Time And Prace. Когда Смокки начал мурлыкать слова «Мы напишем книгу о счастье», слезы заструились по его лицу. Клодетт, с которой они были женаты пятнадцать лет, с их шестилетним сыном Берри на коленях тоже плакала.

Жених и невеста зарделись, когда Смокки пел о вечной любви. «Слезы были у меня на глазах, — вспоминает он это выступление. — Я пел о юной любви, старой любви, потерянной любви и любви обретенной». Позже друзья узнали, что в это время у него был роман с восемнадцатилетней танцовщицей из Sonl Train, которая утверждала, что ей двадцать один год и она заинтересована только в учреждении фан-клуба Смокки. «Такова природа мужчин», — объяснил он Клодетт. И хотя говорил, что действительно привязан к жене, все еще не прервал неудачный

роман с девушкой из Playboy по имени Кэнди.

Пытаясь разобраться в своих чувствах, Смокки уехал из дома. «Нелегко для женщины быть замужем за человеком из шоу-бизнеса», — сказал Берри Горди о своей дочери. — Я молюсь, чтобы у нее это вышло лучше, чем у некоторых моих друзей».

Смокки и Клодетт были не единственной семейной парой, которая разошлась. Кэтрин и Джозеф тоже переживали сложный период в это время. Кэтрин обнаружила, что муж был ей неверен — «доброжелатель» сообщил ей это по телефону. Ее давние подозрения подтвердились, она решила действовать, поскольку не могла поверить, что он может рискнуть всем, что делали вместе. Старшая дочь Морин, которой было двадцать три года, не могла находиться в одной комнате с отцом, когда узнала об измене, и пыталась убедить мать оставить его. Кэтрин позже сказала, что не могла заставить себя начать дело о разводе, хотя была «опустошена» поступками мужа.

На самом деле она подала на развод 9 марта 1973 года в Лос-Анджелесе, но столкнулась с проблемой, когда она и юридическая фирма из Беверли-Хиллз, которую она наняла заполняли документы. Мать семейства понятия не имела о стоимости или размере собственности, которую они нажили вместе. Не представляла себе, сколько ее муж - или дети - зарабатывают. Даже не знала номер страховки Джозефа. Пришлось оставить две страницы вопросов без ответа. Ее адвокат, Нил С. Ньюсон, напечатал на документах: «Требуемая информация в настоящее время уточняется. Будет приложена отдельная финансовая декларация». Кэтрин заплатила ему 150 долларов и задумалась над тем, как ей необходимые сведения получить, о которых она никогда не задумывалась. Она никуда не уехала, Джозеф тоже остался.

«Когда в Motown узнали, что Кэтрин подала на развод начался ад, - вспоминает друг семьи. - Это могло все разрушить, все рассказы о том, как они близки, какая это любящая семья, могло привести к катастрофе в общественном мнении Никто не должен знать, что они разошлись. Это была тщательно охраняемая тайна. Кэтрин постоянно изводили сотрудники компании, которые назывались ее друзьями и пытались убедить ее помириться с мужем для спасения имиджа семьи. Это давление в сочетании с неприятной необходимостью заполнить документы вынудило ее просто бросить затею с разводом, к большому облегчению Motown.

Но затем, незадолго до свадьбы Джермена, Кэтрин внезапно уехала из города. «Дети были удручены происходящим особенно Майкл, поскольку он был очень близок с матерью, - вспоминает

Джойс Джиллсон, бывшая ее подруга. -Он сказал, что тоже хочет ехать с ней, но она запретила «Если ты уедешь, я тоже уеду, - сказал он ей. - Я не позволю тебе уехать без меня». Майкл не хотел оставаться в доме с братьями и отцом. Мать была для него единственным образцом здравомыслия. Но теперь и она стала непредсказуемой

Кэтрин никогда не делала ничего подобного. Видимо, у нее действительно была на то веская причина, поскольку она никогда раньше не разрушала семью».

«Я думаю, потом она просто передумала, — заключает Джиллсон. — Время было неподходящее. Кэтрин любила Джермена и хотела быть на его свадьбе. Кроме того, она знала, что к свадьбе приковано внимание общественности, и если ее там не будет — по любой причине, — это разожжет пламя сплетен, что повредит ее детям». Журналист из Soul уже получил анонимный телефонный звонок с намеком, что Кэтрин уехала из дома из-за проблем с Джозефом. Источник сообщил, что она повздорила с какой-то женщиной. Репортер начал было расследование, но решил, что лучше бросить это, чем портить отношения с Берри Горди, который обещал заказы на рекламу в будущем.

Когда Кэтрин услышала от друзей, что журналист знает о ее отъезде, она передумала. Кто знает, сколько еще журналистов, не так дружественно настроенных к Motown, тоже промолчали о том, что было известно.

Кэтрин сделала лучшее, что было возможно, — простила Джозефа. Она вернулась домой через несколько дней; неизвестно, где она находилась это время, но едва ли это имеет значение. Сузи Джексон, бывшая жена Джонни Джексона, заметила как-то: «Она любила мужа и просто надеялась, что он перестанет гулять налево».

На свадьбе Джермена и Хейзл Кэтрин заставила себя вести так, будто все в порядке в ее семейной жизни, хотя она была очень несчастлива. Как она ни старалась делать вид, что все хорошо, печаль ее была заметна. Когда фотографы закончили снимать ее с мужем, она сразу отошла от него, казалась занятой своими мыслями. Майкл спросил мать, когда она смотрела поверх его головы на Джозефа, не хочет ли она стакан пунша, она невпопад ответила: «Что-то мне не хочется танцевать, милый». Майкл посмотрел покрасневшими глазами, как она повернулась и пошла к гостям. Даже для случайного наблюдателя было заметно, как ей одиноко.

Однако журналистам было кем заняться. Один из них спросил Горди, почему он позволяет девятнадцатилетней дочери,

которая училась в колледже Пепердин, выйти замуж за человека со средним образованием. Горди в ярости посмотрел на него, но взял себя в руки, понимая, что другие репортеры тоже ждут ответа. «Сначала думаешь о враче, юристе или другом профессионале для дочери, - начал он дипломатично. - Но потом все это сводится к человеческим ценностям и тому, что важно в жизни, - счастью, довольству, желанию что-то достичь. Джермен хороший человек. Из всех людей которых она могла полюбить, она выбрала того, который мне очень нравится». (Хейзл Горди, выпускница средней школы Беверли-Хиллз, посещала некоторое время колледж Пепердин, но не закончила его.)

Джозеф Джексон, стоявший сзади Горди, внимательно слушал. Когда тот закончил, он пробормотал стоявшей рядом с ним женщине: «Какая куча дерьма, - не догадываясь что обращается к журналистке. - Этот человек - самый большой прохвост на свете».

Многие гости говорили, что Берри заботится о зяте Один из них отметил: «Последний раз на моей памяти он так смотрел на Дайану Росс. И видите, кем она стала».

Джозеф должен был быть в восторге. Он много потрудился, чтобы эта свадьба состоялась. Хейзл понравилась Джерме-ну с первой встречи, но гораздо меньше, чем он ей. Вскоре она призналась, что любит его, хотя он не был уверен что может ответить ей тем же. Он был кумиром подростков звездой и мог выбирать из дюжины молодых женщин, когда'только пожелает. Это накладывало свой отпечаток, и необходимость жить с одной женщиной, кем бы она ни была, казалась ограничением свободы.

«Джермен слишком любит девушек, чтобы жениться, — считал Майкл. - Я думал, он женится только после тридцати». Однако Хейзл была идеалисткой, которая хотела большего, чем просто выйти замуж и иметь семью. Ее отец трижды разводился, она также была свидетелем его безумного романа с Дайаной Росс, который длился много лет и так и не закончился браком, потому что Берри никак не мог решиться. Хейзл понимала, что настоящая любовь — иллюзия, хотя все же однажды заявила: «Я могу искренне сказать, что с тех пор как я полюбила Джермена, никогда не думала о других мужчинах». Джермен, плейбой в традициях своего отца, заметил-«Мне кажется, любой молодой человек, который женится в двадцать, думает, что он мог упустить что-то действительно особенное прямо тут, под носом».

Как заметил один из друзей семьи, «Берри Горди заваливал свою единственную дочь подарками с тех пор, как она себя помнит. Она сказала ему, что любит одного из Джексонов и хочет получить его. Ее чувства к Джермену были очень сильны, она

боялась упустить его и больше не встретить такого. Она ревновала, когда видела его с девушками-поклонницами. «У Майкла могут быть поклонницы, а у тебя нет!» — говорила она ему, что было совсем нелепо. Берри убедил ее, что она всегда может получить то, что хочет. Теперь она захотела Джермена».

Даже президент фан-клуба Джексонов Стив Мэннинг был убежден: «Причиной, по которой ни одна другая девушка не имела шансов на Джермена, было то, что она всегда была рядом с ним, что она богата и что Хейзл хочет, то получает, — в данном случае Джермена».

Сузи Джексон вспоминает: «Судя по тому, что я слышала от Джонни (Джексона), Берри дал Хейзл столько денег, сколько было у Джермена, чтобы они смогли начать совместную жизнь на равных. Поэтому ей не пришлось подписывать брачный договор — он был не нужен».

Но у Хейзл оказался неожиданный союзник в лице Джозефа, который не настаивал на брачном договоре. Он был уверен, что этот брак гарантирует клану Джексонов работу в Motown. Он сделал все, что мог, чтобы помочь женитьбе. Он подталкивал сына к этому, и скоро тот, назвав ее «моя Хейзл», говорил, что любит ее.

Подумай лучше, Джозеф, может быть, не был бы так уверен в мудрости своего плана. Сестра Берри Горди Анна вышла замуж за певца Motown Марвина Гэя, и этот брак никогда не давал ему особых привилегий в компании. На самом деле, по его словам, это только усложнило его жизнь и карьеру, поскольку Анна часто шпионила для своего брата, когда Марвин пытался защитить собственные интересы. Он редко мог предпринять что-то, чтобы Берри Горди об этом не узнал заранее. Кроме того, их интересы часто противоречили друг другу.

Марвин бойкотировала свадьбу. «Я отказался пойти, — сказал он позже в интервью. — Для меня было очевидно все происходящее. Меня заменяли. Джермен Джексон вошел в семью Горди, как я когда-то. Берри больше не думал обо мне. Он хотел нового, более молодого Марвина Гэя, и собирался сделать его новым «Принцем Motown». Я не собирался присутствовать на коронации».

Многие из гостей, очевидно, чувствовали то же, что и Марвин, что Берри холит Джермена, чтобы сделать его главным артистом Motown. Однако хотя две его сольных песни That's How Love Goes и Daddy's Home были успешными, у него не было такого диапазона голоса, как у Майкла. Некоторые критики находили большое сходство между вокальными данными Джермена и Марвина, но это было бы нечестно по отношению к последнему.

[4]

Стив Мэннинг в статье, которую он написал для журнала Ebony после свадьбы, подчеркнул: «Джермен может больше не беспокоиться о своем будущем, оно уже устроено. Группа Джексонов идет своим путем, Джермену можно ни о чем не думать. Он женился на дочери босса».

Джозеф был в полной уверенности, что этот брак позволит Джексонам иметь льготы в Motown. Но Берри Горди не должен вмешиваться в их семейные дела. Джексоны были прежде всего семьей, и как глава семьи Джозеф был уверен, что все будут его слушаться. Так всегда было, и не похоже, чтобы он понимал, почему что-то должно измениться. Но у Джермена теперь был могущественный тесть. Позже отец, наверное, пожалел, что не обдумал это все тщательнее.

Джозеф всегда старался выглядеть как человек, с которым следует считаться. На свадьбе Берри Горди разослал своих телохранителей по зданию, чтобы они следили за всем. Джозеф приложил собственных охранников, чтобы не ударить в грязь лицом. Когда пути охранников Горди и Джо пересекались, они злобно обменивались взглядами.

«Заметил ты телохранителей здесь повсюду?» — спросил Майкл Уолтер из Soul. Тот огляделся. «Вы имеете в виду этих ребят? Ха, а я думал, это гости», — сказал он и подмигнул.

Охранники были так заняты друг другом, что не заметили пожара. «Загорелось в центре толпы, — вспоминает Уолтер Баррел. — На обеденном столе, за которым я сидел, что-то вспыхнуло, взметнулся столб дыма. Примечательно, что когда мы за столом кричали, задыхаясь, официантам о помощи, они полностью нас игнорировали и продолжали подавать главное блюдо, не моргнув глазом и не пропуская ни одной тарелки, вонючего дыма они не замечали. Наконец официант постарше сбил пламя, и через несколько минут мы могли опять рассесться. Я, честно говоря, был ошарашен количеством всего. Особенно суммами денег, которые, видимо, были на это все затрачены».

Инцидент прошел незамеченным еще и потому, что репортеры были заняты интервьюированием гостей. Дайана Росс в светло-зеленом шелковом платье была в центре внимания. «Мисс Росс, как насчет фото вас с Клодетт?» — спросил фотограф. «О, конечно», — с готовностью ответила Дайана.

«Нет, не думаю, — возразила Клодетт. — Как насчет фото с этим парнишкой?» Она сгребла Майкла, который стоял сбоку. Майкл обнял Клодетт и послушно улыбался, пока мелькали вспышки. Дайана стояла здесь же, глядя на них. Когда фотографы закончили, она подошла и потянула Майкла к себе. «Я обратила

на него внимание мистера Горди, и вот где он теперь. Все хотят фотографироваться с симпатяшкой. Это так забавно», — Дайана обняла пятнадцатилетнего Майкла, будто он был призом. Потом она улыбнулась фотографам: «Разве он не милый? Посмотрите только на его костюмчик». Майкл вздрогнул при этих словах.

«Ты, наверное, очень благодарен мисс Росс?» — спросил его репортер. «Э-э, да», — согласился Майкл. Он удивлялся про себя, сколько еще будет жить ложь, что Дайана Росс «открыла» его. «Действительно, благодарен», — повторил он. «Разве он не хорошенький?» — проворковала Дайана.

Майкл быстро ускользнул.

Ему хотелось уйти в себя и разобраться в своих мыслях. Ему казалось, что, куда ни повернись, всюду с детства его окружало лицемерие. Майкл знал, что этот брак был заключен по любви настолько, насколько и по расчету. Деловые хитросплетения союза Горди — Джексона не могли пройти мимо него. «Люди подмигивают нам теперь, говоря, что мы хорошо устроились», — вспоминал он.

Пятнадцатилетние подростки многое знают. Майкл знал меньше, чем его ровесники, но и больше них. Может, он не так хорошо разбирался в баскетболе, бейсболе или других видах спорта, как другие мальчики, но знал, как заворожить аудиторию голосом и движением на сцене; знал, как записать песню, которая будет продана миллионам; знал, как избежать агрессивных поклонников, как принять удачную позу для фото на афишу, как быть кумиром молодежи. Но на приеме по случаю свадьбы его брата Джермена он не знал, как определить, что же идет не так. Он признавал позже, что должен был спросить, действительно ли его брат любит Хейзл или просто согласился на этот брак, чтобы сделать приятное отцу. Знал, что пышная церемония была скорее рекламой Motown, чем религиозным таинством. Что некоторые гости, многие из которых даже не были знакомы с молодоженами, смотрели на торжества как на шанс увидеть свое имя или фото в газетах. Что его собственные родители, которые однажды обещали любить, почитать и повиноваться друг другу, пока смерть не разлучит их, были в ссоре. Хуже всего, знал, что ничего не может изменить. Майкл присоединился к гостям и улыбался, глядя, как жених и невеста режут восьмиэтажный свадебный торт высотой больше двух метров. Он был с теми, кто пил за молодоженов из гравированных серебряных кубков, которые Берри подарил каждому гостю на память об этом дне. И, возможно, пожал плечами, когда Дайсен Кэррол, которая только что подписала контракт на запись с Берри, была остановлена служащим Motown на выходе с четырьмя кубками. Она

объяснила: «Но мы с Берри друзья, и я уверена, он не возражает». В конце концов, разве все они не были друзьями?

Глава 10

В феврале 1974 года, вскоре после того, как Джермен вернулся из свадебного путешествия в Швейцарию, Джексоны предприняли десятидневное турне по Сенегалу. Незадолго до того Стив Уандер объявил, что собирается переехать туда из США (позже он передумал). «Стив сказал мне, что собирается переехать сюда раньше, чем это было объявлено публике, — вспоминает Майкл. — Я спросил, почему, он ответил, что будет там чувствовать себя в безопасности, потому что это был его дом. Я мог бы жить там».

Когда группа прибыла в Сенегал на рассвете, длинная вереница пляшущих африканцев в национальных костюмах с барабанами приветствовала их. Они исполнили ритуальный танец в честь прибытия группы Джексонов в их страну. «Люди там добрые и радушные, — сказал Майкл об африканцах. — Я всегда думал, что черные как артисты — самая талантливая раса на Земле. Приехав в Африку, я еще больше в этом убедился. Они делают замечательные вещи, чувствуют ритм. Я действительно видел, откуда произошли барабаны. Я не хочу, чтобы черные когда-нибудь забыли, откуда мы все вышли, откуда наша музыка. Хочу, чтобы мы помнили».

Мальчики, особенно Майкл, были потрясены нищенскими условиями в городах, где они выступали. «Там много людей, которым нечего есть, — сказал позже он. — Перед тем, как выкинуть здесь еду, люди должны остановиться и подумать».

Условия для Джексонов были ужасными. В ванной не было воды, комнаты были отвратительными, они хотели домой.

Сенегал, страна размером со штат Небраска, расположен на западном побережье Африки, там живет этот народ с давней историей контактов с внешним миром. В десятом веке арабские караваны пересекали Сахару из Северной Африки, чтобы торговать и обращать народы в ислам. За первыми европейскими торговцами, португальцами в пятнадцатом веке последовали голландцы, французы и англичане, заинтересованные в золоте, слоновой кости и — рабах. Большую часть восемнадцатого и девятнадцатого веков Сенегал был центром работорговли. До получения независимости в 1960 году он оставался ядром западно-африканских колоний Франции. Несмотря на продолжительное иностранное влияние претензии порта Дакар быть одним из самых оживленных портов Африки, Сенегал сохраняет западно-африканское культурное наследие и в языке, и в укладе жизни.

Остров Баррен Гори находится в двух часах езды на пароме от столицы Дакара. Хотя он очень мал и по его узким улочкам можно пройти пешком за час, чтобы осмотреть все достопримечательности, он привлекает много туристов. Дом Рабов сохранен в том виде, в каком существовал в первые годы после его создания в 1776 году. С тех пор и до 1848 года, когда Франция отменила рабство, мужчин, женщин и детей загоняли в комнаты без окон в ожидании погрузки на корабль, который доставлял их в Северную и Южную Америку. Этот первый этап жизни в рабстве так ослаблял их, что многие заболевали и умирали на маленьких судах, увозивших их.

Поскольку младшие участники группы Джексонов не могли регулярно посещать школу из-за работы и учились только у учителей, ездивших вместе с ними, турне такого рода было лучшим образованием для них.

«Майкл и Марлон многое узнали, — вспоминает Джек-ки. — Я изучал историю в школе, но никогда не представлял, как это было на самом деле, пока не увидел своими глазами. Я не знал, что помещения для рабов были так малы, что их сажали на цепь».

По контрасту с грустным путешествием на остров Гори, в Дакаре произошло замечательное событие — Джозеф был награжден серебряной медалью за «вклад в искусство». Министр туризма сказал, что медаль символизирует «и возрождение черной культуры, и сближение черных с мировой цивилизацией». Последним американцем, удостоенным этой награды в 1966 году, был Дюк Эллингтон. Джексон произнес короткую благодарственную речь, призывая черных американцев и африканцев укреплять взаимные связи.

Африканское турне было незабываемым для всех Джексонов, напоминая о наследии предков и вселив в их семью уважение и гордость за их расу. В интервью Джермен подчеркивал: «Если черные американцы отправятся в Африку и помогут ей, я думаю, она сможет стать первой державой в мире. Эти люди здесь в Америке только кричат о «Черной власти», а надо подумать, как объединиться и сделать так, чтобы Африкой можно было гордиться. Стыдно видеть всех этих белых людей, гордых собой, ведь это они так обращались с рабами. Это огорчает меня. Мне не нравится, что это все было, и никогда не смирюсь с этим. Я пишу стихотворение об Африке, о маленьком африканском мальчике, который обращается к сверстнику — черному американцу: «Черный мальчик, вернусь домой, чтобы мы стали сильны».

«В книгах умалчивают о многом, касающемся черных американцев, — говорит Марлон после возвращения группы из Африки. — Например, написано, что первым отправился на

Северный полюс белый, но это не так. Они многое от нас скрывают. Нам говорили, что мы были только рабами, ничего не добились. Но мы знаем, что это не так. В Африке ты среди семьи, среди братьев и сестер, вы составляете единое целое».

Прессе мальчики заявляли о гордости черных и единстве, что не было в традициях Motown. Горди мирился с этим, надеясь, что они скоро сменят тему. Так и случилось.

Лично Джексоны, однако, были шокированы нищенскими условиями, в которых были вынуждены жить во время турне. Они привыкли к роскоши и не могли дождаться возвращения в Энсино. К концу поездки Джермен сказал Ричарду Аронсу: «Я точно рад, что белые люди привезли нас в Америку».

Вернувшись в США, группа Джексонов пережила свои трудности, связанные с семейными проблемами. Брак Джер-мена с Хейзл вызывал разногласия. Допуская, что все молодожены хотят быть все время вместе, им все же казалось, что невестка пытается вбить клин между братом и семьей. Один из друзей вспоминает: «Хейзл не хотела иметь ничего общего с семьей Джексонов. Ее главным интересом был Джермен, которого она безумно любила.

Похоже, что она не очень хорошо относилась к ЛаТойе. Та была красивой, а Хейзл очень беспокоилась о своей внешности, несмотря на то, что и так неплохо выглядела. У Хейзл были довольно хорошие отношения с Кэтрин, но она не общалась близко с Джозефом. Для нее Джермен был призом, наградой. Она не хотела делить его ни с кем, даже с его семьей».

Хотя и ходили слухи, любые разногласия в семье скрывались от прессы. Песня Wedding Belles Are Breaking Up That Old Gang Of Mike не должна была быть включенной в их репертуар — это не для публики.

Когда группа вернулась, Motown выпустила Dancing Machine, ритмичную песню Хэла Дэвиса. В то время, как наступление диско начало гомогенизировать поп-музыку ритм-энд-блюз, Джексоны использовали этот сингл, чтобы поддержать свою оригинальность, в то же время используя новые тенденции диско. Голос Майкла накладывался на протяжный хор его братьев под заразительный ритм. В мире поп-музыки Джексоны всегда были вместе с Temptations, Spinners и Four Tops, которые были не кумирами, а равными. Группа Джексонов много лет опережала время на пути к электрозвуку восьмидесятых; стиль Dancing Machine напоминает то, что через дюжину лет было известно как «тезно-поп». Песня стала вторым номером в чартах Биллборд и была продана в 2 170 327 экземплярах, самое большое число со времен Never Can Say Good-bye.

В это время группа выступала с Шер в ее телепередачах. Джексоны выглядели великолепно — от гофрированных рубашек и черных визиток с отделанными серебряным кантом лацканами и лампасами до белых танцевальных ботинок. Шер в обтягивающем брючном костюме напоминала колонну из серебра. Ее стриженые волосы стояли, будто пирамида. Гости и хозяйка отлично гармонировали.

Они выступали на огромной букве «C» (Cher), которая служила мини-сценой, обозначая территорию Шер. Во время попурри из хитов Джексонов она пела и танцевала, как ураган. Все, что мог Майкл, могла и она — по-своему. Ко времени, когда они добрались до последнего номера — Dancing Machine, во время которого они с Майклом изображали роботов, было похоже, что Шер устала. Но не ее волосы. Что бы она ни делала, ни единая прядь на ее голове не шевельнулась.

После попурри Шер и Джексоны с благодарностью приняли аплодисменты. За сценой она плюхнулась на стул.

— Господи, — сказала она, задыхаясь. — Вы, ребята, работаете чертовски тяжко. Как вы это проделываете каждый проклятый вечер? Хотела бы я это знать!

Кто-то дал ей сигарету. Сделав длинную затяжку, она воскликнула, оборачиваясь к своему ассистенту:

— Это же ментол! Он мне сожжет мои чертовы легкие!

У Майкла глаза стали как блюдца. Нечасто ему приходилось слышать, чтобы кто-то так выражался, тем более женщина.

— Э-э, ты очень хорошо выступала, Шер, — сказал он нерешительно, краснея. — Я имею в виду, танцевала и все такое.

Шер секунду наблюдала его смущение и, глотнув воды, ответила:

— Когда будете в следующий раз на моем шоу, я с тобой не танцую, Майкл Джексон. Забудь об этом. Черт! — Она явно видела, какое впечатление ее выражения производят на него.

— Ну, я, — начал заикаться Майкл. — Было бы здорово снова тебя увидеть, я должен идти. Джермен, подожди меня!

Когда Майкл торопливо ушел, Шер рассмеялась.

Джозеф, всегда стремящийся к соперничеству, особенно после свадьбы сына с дочерью Берри, решил побороться с Motown. Он основал свою компанию звукозаписи и подписал контракт с женским квартетом из Аштабулы, Огайо, которые назывались M.D.L.T. Willis. Компания и группа многого не добились, что только лишний раз убедило Горди в том, что Джозеф много говорит, но мало может.

Особенно он мечтал, и это не устраивало Берри, чтобы его сыновья вместо статуса молодежных кумиров заняли более

надежную нишу. Он понимал, что карьера большинства идолов подростков длится около двух лет, потом им на смену приходят новые звезды. Нужно было сменить имидж. Зимой 1974 года на семейном собрании он объявил: «Мальчики, мы будем играть в Лас-Вегасе». — «Только белые играют там, разве нет?» — поинтересовался Джекки.

«Братья считали, что будет невозможно жить в отелях с белыми, — вспоминает Майкл. — Но я хотел играть в Лас-Вегасе немедленно. Для меня это была традиция шоу-бизнеса. На том собрании отец пояснил нам две вещи: во-первых, он хотел показать миру, что мы не хуже Osmonds; во-вторых, рассказал нам о Сэмми Дэвисе, через что он прошел, чтобы такие, как мы, могли выступать там».

В 1945 году Сэмми Дэвис-младший, его отец Сэмми и дядя Уилл Мастин были приглашены в отель «Эль Ранчо Вегас» за пятьсот долларов в неделю. Лас-Вегас был новой Меккой шоу-бизнеса, El Rancho и Last Frontier — самыми роскошными отелями. Но хотя они были приглашены выступать на открытии в зале отеля, им не разрешили остановиться в гостинице из-за цвета их кожи. Они жили в бараке для прислуги. Их апартаментами была лачуга за городом, сделанная из деревянных ящиков и картона, — по двойной цене комнат в El Rancho. Даже такая величина, как Билли Экстайн, который тоже работал в Вегасе в то время, не мог остановиться в отеле, где выступал. Концертные залы и казино тоже были под запретом — черные могли развлекать, но не могли играть в казино и общаться с белыми.

Позже Сэмми Дэвис-младший сломал эти преграды своим талантом и настойчивостью. К 1970-м годам участник трио Уилла Мастина, он стал сольной звездой, которой в Вегасе платили больше 175 000 долларов в неделю. Пользуясь своей властью знаменитости и отказываясь принимать ответ «нет», Мистер Шоу-бизнес сделал так, что черные могли не только выступать, но и отдыхать и развлекаться в городе. Посещая встречи руководства гостиниц и сотрудничая с администрацией, вместо того чтобы бороться с ней, Дэвис добился к концу пятидесятых, чтобы больше черных приглашалось в Сэндх, где он выступал. Когда в мае 1990 года он умер, в его память в Лас-Вегасе на десять минут был погашен свет.

«Я больше всего хотел стать частью традиции, — скажет Майкл спустя шесть лет. Он восхищался Сэмми Дэвисом с десяти лет. — Это было важно для меня, огромный шаг вперед».

Берри Горди не испытывал энтузиазма, услышав о выступлении Джексонов в апреле 1974 года в Вегасе. Он узнал,

что Джозеф успел заключить сделку с Берни Роткопфом, шоу-директором отеля MGM Grand, самым новым и престижным в городе. Группа должна была выступать с популярным пародистом Фрэнком Горшином (Osmonds для разогрева публики использовали имитатора Рича Литтла).

«Если решитесь на это, будете делать все сами», — сказал Эверт Эбнер, высокопоставленный представитель Motown. — Компания не будет в этом участвовать. Эти дети не готовы для Лас-Вегаса».

Берри позвонил Джозефу, узнав о предстоящем выступлении: «Ты что, с ума сошел? Они не могут еще выступать в Вегасе». «Не вмешивайся! — прозвучал ответ. — Это мои дети. Вегас — хорошая традиция, я хочу, чтобы они об этом знали. Им пора расти».

Говорят, что когда Берри напомнил Джозефу, кто занимается карьерой Джермена, тот повесил трубку.

Конечно, Берри понимал важность и престижность появления Джексонов в Лас-Вегасе, потому что сам боролся за выступление Supremes там в 1966 году. Но только после многих лет оттачивания их мастерства. За год до выступления в Вегасе Supremes дали представления в клубе Copacabana в Нью-Йорке, чтобы показать себя белой взрослой аудитории и открыть двери на этот рынок другим исполнителям Motown. Берри хотел, чтобы его певцы выступали перед взрослыми, особенно перед белыми взрослыми, но не думал, что пора делать это Джексонам.

Успех в Лас-Вегасе был гарантией того, что певец будет всегда обеспечен работой, невзирая на положение в чартах. Но провал в Вегасе мог стать концом карьеры. Берри был уверен, что из-за недостатка опыта работы с материалом, который годился для придирчивой, в основном белой, аудитории, мальчики позорно провалятся. В конце концов, решил он, урок пойдет им на пользу.

«Пусть едут в Лас-Вегас, если хотят, — сказал Берри одному из помощников. Его задела реакция Джозефа. — Они там получат по рукам, и это будет хороший урок для их отца. Это будет такой провал, что они ко мне на коленях приползут».

Джозеф хотел преподать Берри свой урок. Вся семья объединилась, чтобы доказать, что он ошибается.

«Мы знали, что Motown в нас не верит, — вспоминает Джермен. — Отец из кожи вон лез, чтобы доказать свою правоту, и братья были за него на все сто процентов. Я разрывался между ними. У меня было подозрение, что Берри прав».

«Группа Джексонов была достаточно сильной, чтобы заинтересовать толпу туристов Вегаса, но для усиления Джозеф

решил последовать примеру Osmonds и привлечь остальных членов семьи. В номер включили младшего брата Джимми и сестренку Мэри для выступления в Caesar, Джозеф взял Ла-Тойю (семнадцать лет), Рэнди (двенадцать) и Джанет (семь) (ожидалось, что будет выступать и Морин, которая заявляла отцу, что намерена теперь самостоятельно петь, но она повредила ногу, и ее дебют в Чикаго был отложен на несколько месяцев, до июня).

«Папа спросил меня, хочу ли петь в Вегасе. Я была так застенчива в то время, я не могла поверить, что он спрашивает меня, — вспоминала Джанет в 1990 году. — Я вполне могла на всю жизнь испугаться сцены, стоя перед огромной аудиторией в первый раз, но, к счастью, этого не случилось. Я могла испортить все выступление».

Никто из новичков не был очень талантлив, но их способностей хватило, чтобы шоу прошло на высшем уровне. Кэтрин принадлежала идея, чтобы Рэнди и Джанет изображали Сонни и Шер, звезд ритм-энд-блюза Микки и Сильвию, и даже Джанет Макдональд и Нельсона Эдди. Джанет также изображала Мэй Уэст в платье из розового атласа и с боа, которое журнал Variety назвал потом «веселеньким».

ЛаТойя присоединилась к обычной подтанцовке во время Forty-second Street. С ней были проблемы, потому что она очень хотела петь соло, но не имела вокальных данных. «Она хотела быть в центре внимания, — отмечал ее друг. — И требовала этого не лучшим образом. Могла кричать и плакать, бросаться вещами. Джозеф сказал, что все, что ей будет позволено, — это беззвучно открывать рот среди остальной группы на сцене, как будто она поет. Ей это не понравится, но у нее не было выбора».

Оркестр отеля маячил на сцене позади Джексона. На большинстве сцен он не смог бы поместиться. Была добавлена маленькая группа музыкантов из Motown, чтобы помочь воспроизвести мелодию известных хитов группы. К восторгу аудитории яркие разноцветные дорожки фейерверком взорвались на бледно-голубом фоне, когда они появились.

Тонкий, как соломинка, Майкл был гвоздем представления со своими сольными песнями и имитациями (он почти копировал Дайану Росс). Как заметил Hollywood Reporter, «он — Дайана Росс среди Джексонов и явно предназначен быть соло-звездой».

«Когда мы начали выступать, я привык быть маленьким, хорошеньким, очаровательным, - сказал Майкл во время выступления. — Теперь я большой, хорошенький, очаровательный». Крутясь в сверкающем белом костюме на фоне большого симфонического оркестра среди своих братьев, он легко переходил от номера к номеру, меняя место, но все время

сохраняя гипнотизирующую улыбку, обращенную к аудитории, что очень важно для артиста. После каждой песни он подходил к краю сцены к аплодирующим зрителям.

Большинство репортеров и даже поклонники Джексонов были сбиты с толку новым выступлением в ночном клубе, боясь, что семья отказалась от черной аудитории в угоду новой, белой «денежной толпе». Майкл был так же изумлен их реакцией, как они — его выступлением. «Как они не понимают, — говорил он в то время. - Нет ничего плохого в том, чтобы пробовать что-то новое. Нет ничего плохого в росте». '

«Мы хотим быть, как Фрэнк Синатра, - сказал Джекки Винсу Алетти для Village Voice. Ему не надо выдавать хит, он может просто приехать в Вегас и всех сделать».

Для дебюта в Лас-Вегасе семья работала изо всех сил. Им не нужны были напоминания Джозефа, что их будущее в шоу-бизнесе зависит от этого выступления. Конечно, аплодисменты были после каждого номера. Кэтрин с друзьями и родственниками были среди зрителей и не щадили ладоней. Но когда сыновья-Джексоны вынесли сестер для финального поклона, зааплодировали не только семья и друзья. Когда все они - Джекки, Тито, Джермен, Марлот, Майкл, ЛаТойя, Рэнди и Джанет — взялись за руки и триумфально подняли их в воздух, аудитория взорвалась бурными аплодисментами и потом встала для оваций.

За кулисами, справа от сцены, Джозеф раскачивался на пятках, засунув сжатые кулаки в карманы, улыбаясь во весь рот. За исключением отсутствующей Морин, осуществилась его мечта: все его дети на сцене выступают вместе. «Они сделали это, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Они сделали это».

Слева за сценой, напротив Джозефа, стояли три сотрудника Motown, похлопывая друг друга по спине. «Они сделали это, - сказал один из них. - Теперь у нас в компании есть звезды Вегаса».

Когда Берри Горди узнал об успехе Джексонов, он направил несколько сотрудников компании в отель, чтобы продемонстрировать публике поддержку ребят. «Мы все были уверены, что у мальчиков все было для этого, — сказал он прессе в обращении, опубликованном в местной газете. — Это только верхушка айсберга их таланта». Отец прочитал текст сыновьям за кулисами. Это был его триумф, не Горди. Семья почувствовала себя обманутой. Дочитав, он смял газету и выбросил в урну.

Хотя они и были звездами вечером, юные артисты должны были днем учиться. Джанет (7), Рэнди (12), Майкл (15), Марлон (17) и ЛаТойя (17) учились у Роуз Файн. Днем, в соответствии с

законами о труде, у них должны быть три урока по школьным предметам и время для отдыха. «Уроки у нас были всегда, но вот отдых — редко», — вспоминает Майкл.

В переходном возрасте голос у него начал меняться. Исчез пронзительный подростковый, увековеченный в I Want You Back, ABC и The Love You Save, на смену ему пришло ясное, более изысканное звучание. «Это дни грустных размышлений и быстрых перестановок в чартах, — отмечал Бен Фонг-Торрес в обзоре выступлений Майкла в 1974 году для Village Voice. — Он управлялся с неустойчивостью голоса, меняя регистр в середине фраз, и изменив ключи большинства песен». «Меняется, и пусть меняется», - пожимал плечами Майкл в ответ на вопросы прессы. На самом деле он был озабочен. «Майкл не хочет остаться без голоса, - заметила ЛаТойя матери. — Он не хочет, чтобы он менялся. Я думаю, он боится того, что может случиться».

Группа продолжала выступать на телевидении, теперь в ее составе был и Рэнди, но название «Пятерка Джексонов» сохранялось. Неофициально они были известны как «Пятерка Джексонов плюс Один». С самого начала группа стала известной не только благодаря таланту Майкла," но и потому, что он был такой симпатичный. По мере того как мальчики взрослели (особенно Майкл), группа рисковала потерять большую часть привлекательности для аудитории. Чтобы противостоять этому, Рэнди стал Милашкой номер один. Стратегия явно работала, поскольку группа выступала в самом известном американском шоу того времени — особом проекте Боба Хоупа с Анн-Маргрет и Джоном Денвером.

На этот раз Джексоны выбрали костюмы бледных тонов, простых линий, без блесток, соответствующие прекрасно сшитому светло-серому костюму ведущего. После шоу — традиционный обмен остротами с Хоупом, который начал с комплиментов их выступлению, оценив его в «шесть целых и две десятых по шкале Рихтера». Когда один из мальчиков спросил, что это значит, Боб ответил: «Это значит, что теперь прекрасный центр Бербанка находится во Фресно». Это была одна из тех шуток, что нравились зрителям, но некоторые из Джексонов выглядели так, как будто не поняли, о чем речь (может быть, они никогда не были во Фресно).

Когда Боб сказал, что они еще очень молоды, они напомнили, что Джекки уже двадцать один, он достаточно большой, чтобы быть одним из Osmonds (на самом деле Джекки было двадцать три).

Хоуп посетовал на проблемы с молодыми, да ранними. «Ранними! - воскликнул Марлон. -Да мы неделями работали,

чтобы стать теми, кем стали». - «Так долго? - спросил Боб, присоединяясь к смеху аудитории. — И что же вас задержало?» — «Слишком много уроков», — ответил Рэнди. Его улыбка была неуверенной, как будто он сомневался, правильно ли ответил. Он был симпатичным, но не такими очаровательным, как Майкл в двенадцать лет.

После выступления в Лас-Вегасе Джозеф объявил, что его сыновья будут сниматься в кинофильме Jsoman Crass and Sons. Сценаристом, режиссером и продюсером картины был Рэймонд С. Жак. Сценарий рассказывал о семье рабов, которая в середине девятнадцатого века боролась за свободу. Там же должен был сниматься и отец мальчиков.

«У меня остались хорошие воспоминания, — вспомнил С. Жак о времени, проведенном с Джексонами. — Джозеф, насколько я помню, был сумасшедшим отцом. Он думал только о благосостоянии своих детей. Очень беспокоился о Майкле, который был особенно рад возможности сниматься, и глава семейства хотел убедиться, что все будет хорошо. Джозеф был способен на риск — он мог поставить на карту карьеру, если думал, что это окупится. Я уважал это в нем. В конце концов, разве не поэтому мальчики заняли первое место в Калифорнии? Я считал их хорошей, крепкой семьей. Гордился тем, чего они достигли.

Майкл очень старался, желая угодить отцу. Не делал ничего, не посмотрев сначала на него, чтобы убедиться, что делает правильно. Другие мальчики иногда выходили из-под контроля, думали о машинах, девушках и о чем там еще думают ребята. Но мое впечатление от Майкла — он думал только о шоу-бизнесе».

Горди не был в восторге от идеи фильма. Он не думал, что Джексоны смогут Играть, и был прав. Никто из них не проявил способностей в комедийных скетчах. Тем более Бер-ри не собирался позволить Джексонам появляться в роли рабов. «Скажите Джозефу, чтобы он забыл об этом, — говорил он. — Я не намерен даже рассматривать эту возможность». — «Да кто его спрашивает? — кипятился тот. — Важно, чтобы мальчики снимались в кино. Надо делать следующий шаг. Это лучше всего для них».

«Видимо, все же Горди настоял на своем, фильм так и не был снят», — отмечал С. Жак.

Для Джозефа казалось ясным, что Горди работает против него и его семьи. Иногда он побеждал, как в случае с Лас-Вегасом. Но потом Берри наносил удар, который сравнивал счет.

Летом 1974 года Джозеф сделал серьезную ошибку. Motown пришлось отменить турне по Великобритании, когда он, пытаясь

создать шумиху, обнародовал в британских газетах время прибытия самолета Джексона в Хитроу 9 июня. После того как сотни девушек пострадали (одна умерла) на концерте Дэвида Кэссиди на стадионе Уайт-Сити в Лондоне, британский промоутер, работавший с Motown, предупредил, что нужно будет усилить меры безопасности. Берри приказал отменить турне, к большой досаде Джозефа. «Берри хотел показать ему, кто из них босс», — сказал один из служащих Горди.

Альбомы стали выходить реже. Раньше Джексоны выпускали по три в год, в 1974-м — один Dancing Machine. Вышедшие к концу года два сингла Whatewer You Got Jwant и I Am Love были неудачными, и Motown отменила выпуск сингла Майкла Джексона Doggin around. Интересно, что компания тратила большие деньги, чтобы записать, выпустить и даже распространить песни непокорных певцов, чтобы затем саботировать продажу.

В то время Supremes боролась с Горди за раскрутку и авторские права на название группы, девушки из нее подозревали, что кто-то из Motown платил диджеям, чтобы они не включали их песни на радио. Это была на самом деле странная форма мести. Был ли кто-то из компании действительно замешан в такого рода делах, неизвестно, но цепь неудач обычно ставила рассерженных певцов на место, и у Джексонов была довольно неудачная полоса расположения в чартах.

В августе 1974 года группа Джексонов снова была приглашена в MGM-Grand в Лас-Вегас, но Майклу и братьям было трудно сконцентрироваться на выступлении из-за серьезных проблем дома между родителями. Пока братья работали в Вегасе, Кэтрин обнаружила, что у мужа роман с поклонницей Джексонов из Канзаса, двадцатишестилетней черной женщиной. Она, видимо, сначала обратила внимание на Джекки, но он проявил равнодушие, и она переключилась на Джозефа. Ходили слухи, что она беременна. Вопрос открыто не обсуждался; мальчики перешептывались об этом между собой. Главным было выяснить, чей это ребенок.

Мысль, что у его отца будет ребенок от другой женщины, должна была огорчать Майкла. Это было предательство матери. После одного из шоу в Лас-Вегасе Джозеф созвал группу на собрание, где хотел обсудить замечания, которые были у него к выступлению. Он был уверен, что шоу должно продолжаться, несмотря ни на какие личные проблемы в семье. Но Майкл решил бойкотировать собрание.

Позже глава семьи Джо нашел его, бесцельно слоняющимся в казино отеля. Он похлопал Майкла по плечу. Тот оглянулся,

увидел, кто это, и пошел быстрее. Отец взревел: «Какого черта!» и начал расталкивать людей, чтобы догнать сына.

«Я помню это, как сейчас, — вспоминал Стив Хак, поклонник Джексонов, который приехал в Вегас на шоу. — Майкл прятался от отца, виляя, пытаясь убежать. «Послушай меня», — требовал Джозеф. Потом схватил сына за руку. Я не знал, в чем дело, что происходит, так что мог только наблюдать». По словам Хака, Джозеф быстро и мягко говорил что-то Майклу на ухо. Тот равнодушно слушал. Потом, похоже, на середине предложения, он скинул руку отца и оттолкнул его. Никогда больше меня не трогай. Никогда! Слышишь? — Голос Майкла перекрывал грохот игральных автоматов. Люди поблизости стали оборачиваться, узнавали его, начали перешептываться. Никто не подошел.

«Никогда не представлял, что Майкл сможет повысить голос на отца, да и на кого-нибудь другого, — отметил Хак. — Я был шокирован. Похоже, он страдал. И когда закричал, это был странный звук. Как у раненого животного».

Джозеф казался потрясенным. Они смотрели друг на друга, потом отец вскинул правую руку, как будто собирался ударить сына. Это было бы не первый раз, но выражение лица Майкла ясно показало, что он будет последним. Юноша не отступил. Джо отодвинулся на два шага, не зная, что сказать.

Со слезами на глазах Майкл выбежал из переполненного казино.

Прошли годы, пока он узнал правду о романе отца и о своей единокровной сестре.

Что бы Кэтрин ни переживала в эти дни, она скрывала свои чувства, продолжала давать интервью и позировать для портретов счастливой семьи. Все Джексоны появились на обложке Ebony в декабре 1974 года. Внутри журнала фотографии запечатлели семью за завтраком, но без Джозефа. Мать выглядит несчастной; в этот период нет ее совместных с мужем фотографий. Статья отмечает, что она путешествует с группой почти везде, в то время как у ее мужа есть интересы, которые отнимают его время. Кэтрин сказала журналисту: «Семья очень сплочена между собой». «Семья должна быть сплоченной», — говорит Джо репортеру.

В это время двадцатитрехлетний брат Майкла Джекки заполнил заголовки газет, внезапно женившись на Энид Спэн, красивой девушке, частично кореянке, частично черной. Он познакомился с ней на дне рождения Хейзл Горди пять лет назад. Энид посещала школу Беверли-Хиллз (как и Хейзл), ей было всего пятнадцать, когда у нее начался роман с Джекки, который был старше на три года.

«Первый раз, когда Джекки должен был прийти ко мне домой,

он позвонил и сказал, что его поверенный Ричард Ароне будет с ним, — вспоминает Энид. — Ничего, если он придет со мной? — спросил Джекки. Я ответила: «Конечно». Они пришли, Ричард сдержанно взглянул на меня, потом осмотрел наш дом. «Прекрасный дом», — сказал он. Я поблагодарила его. Он спросил, в какой школе я училась, и захотел познакомиться с моей мамой. Я представила его. Можно было подумать, что я собралась на свидание с ним».

Потом Джекки, Энид и Ричард пошли в Хэйвензерт Хаус, где мальчики репетировали. Ричард отвел девушку в сторону и сказал: «Ты знаешь, Энид, девушка, которая выходит замуж за Джексона, должна подписать брачный договор».

Энид уставилась на него, не понимая, всерьез ли он. Он не шутил. «Ну и? — спросила она. — Почему ты мне это говоришь? Джекки и я еще даже не начали встречаться». Ароне ответил: «Просто на случай, если ты собираешься за него, ты должна знать». — «Позволь мне кое-что тебе сказать, — заявила девушка адвокату. — Если я когда и соберусь за Джекки замуж, в чем теперь сильно сомневаюсь, то если простой женитьбы ему недостаточно, он мне не нужен и я его не хочу». Ароне потерял дар речи.

«И еще, — сказала Энид. — На твоем месте я бы помолчала, потому что ты один из тех, кто живет за их счет».

Ароне закончил разговор и как можно скорее удалился. Потом он доложил о разговоре Джозефу, который не ждал от Энид ничего хорошего.

Энид вспоминает, что ей было неприятно подумать о семье Джексонов после этого. «Когда я рассказала маме, что случилось, она была очень расстроена. Нельзя было так поступать с пятнадцатилетней. С тех пор у нас с Джекки не очень тадилось. Я считала, что этот разговор был с его подачи. Потом наконец передала ему разговор с Ричардом. Джекки рассвирепел: «Как ты смел ей это говорить!»

Энид и Джекки начали встречаться и через пять лет поженились Их свадьба ничем не напоминала грандиозный праздник Джексонов - Горди. Джекки и двадцатилетняя Энид скромно поженились в его номере в «Метро-Голдвин-Майер-Гранде» в Лас-Вегасе во время очередного выступления группы. Джозеф противился браку, ему казалось, что у Энид есть скрытые мотивы выйти замуж за его сына, особенно с тех пор, как она, в отличие от жены Тито Ди-Ди, отказалась подписать брачный договор.

Он считал, что Энид слишком прямолинейна и независима пытался убедить Джекки, что она может создать проблемы. Но

Энид вспоминает, что они с Джекки очень любили друг друга и ей не было дела до его растущего богатства.

«Хоть я из семьи среднего достатка, - говорит она, - я никогда ни в чем не нуждалась. Мой отец всегда давал мне все самое лучшее. Он был таким человеком, что, если я покупала дешевую одежду, он мог выбросить ее и купить мне дорогую. Так что брак с Джекки не вызват культурного шока».

У Джозефа и его старшего сына не было серьезных проблем с тех пор, как Джекки в двадцать один год решил переехать из семейного дома. Отношения между ними накаливались из-за машины. Джекки купил свою первую машину и очень ею гордился. В феврале 1972 года они с другом катались и на скорости пятьдесят миль в час врезались в припаркованный автомобиль. Джекки ударился головой о лобовое стекло; он мог быть изуродован на всю жизнь, но, к счастью, оба отделались незначительными ушибами. Машину страховая компания списала, как не подлежащую восстановлению.

Вся семья была потрясена этим, Джозеф был разъярен. Он запретил Джекки покупать другую машину, что вызвало серьезный спор между ними. Джекки, старавшийся высвободиться из-под власти отца, ушел из дома. Но поскольку был еше и его менеджером, ему никогда не удавалось полностью освободиться от его власти, как и его братьям и сестрам.

Люди обвиняют Джозефа в том, что он был требовательным, неблагоразумным, упрямым, нетерпеливым и самонадеянным. И это правда, он был таким. Однако если бы он был другим человеком, возможно, группа Джексонов никогда бы не существовала. Неудавшийся артист, он реализовал свои мечты через детей - они преуспели там, где он провалился. Джо не был талантлив, но у него были амбиции, которые и привели к успеху его сыновей.

Однако он ошибался, слишком жестко ограничивая детей, и за это поплатился. Ту же ошибку совершил и Горди с исполнителями Motown - многие из них ушли из-за того, что Бсрри отказывал им в личной и творческой свободе. Но Джозеф был и отцом, и менеджером. И порой он не мог сказать, где заканчивается одна роль и начинается другая. Он обращается со своими партнерами по бизнесу так же, как со своими детьми, и вел переговоры, стуча кулаком по столу и перекрикивая всех.

В семье его считали тираном, который пытается контролировать все и вся. Его поведение пугало жену и дочерей, лишало мужества сыновей. Майкл боролся с этим, дистанцируясь от отца и открыто принимая сторону матери. Остальные мальчики рано женились, как будто говоря «Согласен» на брачной

церемонии, они подтверждали свою мужественность и становились способными бороться с отцом.

То, что он запретил Джекки жениться на Энид Спэн, только'подхлестнуло его на пути к алтарю. Для Джекки тот факт, что он соединяет свою судьбу с женщиной, с которой, возможно, проживет всю жизнь, значил меньше, чем то, что он бросает вызов отцу. Запись интервью для Soul 6 декабря 1974 года ясно свидетельствует о его равнодушии к женитьбе:

— Когда ты женился?

— Дней шесть назад.

— То есть ты не знаешь точной даты?

— Не-а.

— Это была суббота или воскресенье?

— По-моему, суббота.

— Кто был шафером?

— Друг.

— А кто был подружкой невесты?

— У нас всего этого не было. Там не было много народу. Я женился в спортивных туфлях и джинсах.

— А в чем была твоя жена?

— В том же.

В ноябре-декабре 1974 года, во время выступлении в Лас-Вегасе, Тереза Гонсалес, пятнадцатилетняя поклонница из Бостона, Массачусетс, впервые встретилась с Майклом Джексоном.

Она пару лет посылала письма ему, а потом начала переписку с восемнадцатилетней ЛаТоей, которая сообщила ей: «Майклу и мне нравятся твои письма, потому что ты пишешь о том, что нам неизвестно, — наркотики, уличная жизнь, вечеринки, мы ничего об этом не знаем».

Тереза в одном из писем известила Майкла, что собирается прилететь в Лас-Вегас на свой шестнадцатый день рождения и увидеться с ним. Ровесники подружились, но началась эта дружба с трудом. Тереза встретилась с ним в лифте после его второго шоу в MGM-Grand. «Он мне совсем не понравился, — говорит она. — Мое первое впечатление было: «Что за сноб!» Билл Брэй сказал ему: «Ну, Майкл, два с плеч и еще четырнадцать впереди», имея в виду, что два шоу они уже закончили, остается еще четырнадцать выступлений.

Майкл очень сухо ответил ему: «Слушай, отстань. Просто не трогай меня». Он действительно серьезно относился ко всему и был самым высокомерным парнем, которого я только видела. Потом жестко сказал Биллу: «Я жду тебя в своей комнате». Когда они вышли, я подумала: после стольких лет поклонения он мне

даже не нравится. Можно ехать домой».

Семья, однако, приняла Терезу с распростертыми объятиями, они были в восторге от того, что она сама проделала путь от Бостона до Лас-Вегаса. Кэтрин узнала у нее телефон матери и сказала, что позвонит Розетте и скажет, что сама присмотрит за девушкой. «Они все были очень милы, — вспоминает Тереза. — Особенно Джанет. Ей было только восемь лет, она выступала два раза за вечер. Мне никогда даже на мгновение не казалось, что она избалована. Восемнадцатилетняя ЛаТойя, напротив, была противной. Джозефа почему-то не было. Я не знаю, где он был, но мне сказали, что при нем семья не держалась бы так свободно.

Джексонов в то время огорчала жена Тито, Ди-Ди, им казалось, что она тратит слишком много его денег. Джекки и Энид только что поженились. С Энид было весело, ее вдохновляла роль молодоженов, но я думаю, она немного была смущена тем вниманием, которое оказывалось Джекки. Например, однажды я сидела вместе с ней и Кэтрин за столиком, наблюдая выступление мальчиков. Энид показала на двух девушек. «Видите их? Они всюду следуют за моим мужем.

Неважно, где он находится, они тоже там. Мне это не нравится. Я думаю, могут возникнуть проблемы».

Тереза пробыла неделю и посещала все шоу по приглашению семьи. В это время они подружились с Майклом. Он начал дразнить ее во время выступлений, корча рожи со сцены. Однажды за кулисами после шоу Джекки схватил Майкла и толкнул его к Терезе, пытаясь заставить их поцеловаться. «Он боялся поцеловать меня, и я тоже. Нам было всего по шестнадцать. Братья дразнили его из-за меня», — признавалась Тереза.

Семья часто приглашала ее к обеду — у нее до сих пор много фотографий с ними, но как она ни наслаждалась этим общением, все же мечтала остаться с Майклом наедине. Она осуществила свою мечту в последний вечер в Лас-Вегасе, когда Майкл решил, что не пойдет вместе со всеми в ресторан между выступлениями. «Это был мой шанс», — делилась она. Но когда все ушли, Майкл закрылся в спальне и начал читать Библию Свидетелей Иеговы. «Наконец он появился и пригласил меня войти», — вспоминает Тереза. — На одной стороне в его комнате висела картинка, на которой была нарисована луна, на другой — Солнечная система.

Показывая на картинку со звездами, он спросил меня: «О чем ты думаешь, когда смотришь на нее?» Я пожала плечами. Он сказал: «Это не заставляет тебя вспоминать о боге?» После нескольких минут молчания Тереза робко спросила, что он читает. Он подал ей Библию и показал послание от Матфея.

«Потом он объяснил мне, что скоро настанет конец света, и начал рассказывать, какие знаки будут предупреждать об этом. Я думала про себя: «Зачем он мне это рассказывает?» и испугалась».

«Ты веришь в дьявола?» — спросил ее Майкл.

«Я боялась ответить. Никто мне раньше не задавал такой вопрос», — говорит она.

Наконец, она смогла сменить тему. «Это было нелегко, единственное, о чем он соглашался говорить, был бог. Но потом мы начали говорить о нашей учебе. Он был вполне мил, мы проболтали два часа. Он был очень застенчивый. Я была удивлена его религиозностью. Об этом вообще не упоминалось в прессе, и я об этом не знала. Он не был нормальным ребенком, это уж точно. Но мне нравилось с ним. Мне нравилась его невинность. С тех пор я держалась от мальчиков подальше, так Майкл повлиял на меня в тот вечер. Я не верила в секс до свадьбы, мы говорили с Майклом об этом. Он сказал, что считает секс до свадьбы грехом, и был уверен в этом».

В январе 1975 года Motown выпустила четвертый сольный альбом Майкла — Forever Michael. Он не был успешным, став всего сто первым в чартах, восемью пунктами ниже, чем плохо продаваемый альбом 1973 года Music and Me. «Все! — решил Джозеф. — Больше Майкл не будет записывать сольные альбомы для Горди. Это разрушит его карьеру».

Джозеф был возмущен недостаточной рекламой со стороны компании и тем, что группа не могла сама писать и выпускать песни. Он верно сознавал, что его сыновья никогда не смогут делать большие деньги, пока не будут владеть правами на их публикацию. Если певец пишет свой материал, он получает не только как певец, но и как автор, поскольку ему тоже платят за каждую проданную копию. В то время ставка была — дополнительные два процента с копии, которые делились пополам с издателем песни.

Так что оборотная сторона пластинки, проданной в миллионе копий — сторона, которую редко, а то и вовсе никогда не крутят по радио, — может стоить до двадцати тысяч долларов. Джозеф утверждал, что уж хотя бы оборотную сторону диска мальчики могут писать сами.

Большинство авторов Горди работали с компанией Jo-bete, издающей песни Motown. Они делили эти два процента с Берри. Джозеф хотел, чтобы его мальчики организовали собственную издающую компанию, чтобы деньги оставались в семье. Чем больше он давил на это, тем больше Берри упирался.

Он всегда сопротивлялся тому, чтобы делить деньги, полученные за издательские права на песни Motown. В это время

Смокки Робинсон, близкий друг Берри, пытался убедить его позволить ему выпускать собственные песни. Jobet владела всеми песнями Смоки, и он, как и Джозеф Джексон, хотел получить кусочек пирога побольше. Но, по его словам, Берри решил, что законное беспокойство друга из-за публикации было «полным дерьмом», и сказал ему, чтобы тот «отстал от него». Берри ушел. «Я был обижен, расстроен и унижен, — вспоминает Смокки. — Берри был моим лучшим другом, а обращался со мной, как с грязью. Чертов ублюдок, думал я, выходя на улицу».

Наконец Берри разрешил Смокки получать часть издательских денег и извинился. Но этот конфликт произошел между лучшими друзьями. Что уж говорить о Джозефе, который точно не был другом Берри? У него с сыновьями было мало шансов получить издательские права, пока они работали с его компанией.

К этому времени Горди проводил все меньше времени в звукозаписывающем отделе и все больше в управлении компанией.

«Теперь Берри был председателем совета директоров всей компании, а не президентом Motown Records, — как говорит Дек Ричарде. — Берри отошел от дел. Он считал, что вся сложность была в том, что все могли попасть непосредственно к нему со всеми своими проблемами, он хотел это прекратить. Он сказал мне: «Я хочу изменить это, чтобы у меня была возможность больше времени уделять кино». Многим это не нравилось».

Теперь Motown практически управлял Эверт Эбнер, а Джозеф его очень не любил. Наконец он решил: группа Джексонов должна уйти из компании. Кэтрин колебалась. «Если ты уйдешь, мальчики могут остаться без работы», — предостерегала она. Группа еще не голосовала за решение, но Майкл признавался позже, что знал: братья согласны с отцом. Ему не нравилось положение дел, как и всей семье, но он чувствовал себя обязанным Берри Горди и иногда даже виноватым в том, что, несмотря на его упрямство в бизнесе, именно ему они были обязаны успехом. Теперь же они ищут другую компанию. Это было важное решение для Майкла, и он не хотел, чтобы оно было принято за него отцом, которому он больше не доверял из-за того, что тот предал мать.

Пришло время шестнадцатилетнему Майклу вырасти и взять дело в свои руки. Он взял телефон в своей спальне и набрал номер:

«Мистер Горди, я думаю, нам надо поговорить. Наедине».

Глава 11

Примерно к маю 1975 года все меньше стало взаимопонимания между 16-летним Майклом и его семьей. Другие Джексоны считали его застенчивым и замкнутым, что в основном соответствовало истине. Но он обладал такой незаурядной силой воли, что нечасто выставлял напоказ.

«Если возникала какая-то проблема, именно Майкл находил способы ее решения, — вспоминал Джил Эски, музыкальный постановщик многих спектаклей в Motown. — Я думаю, вряд ли кто-то подозревал подобные способности у него, поскольку его отец был очень проницательным человеком и обычно сам находил выход из затруднительных положений. Другие ребята полагались на Джозефа, но я точно знаю, что иногда Майкл поступал так, как считал нужным».

Никто из сыновей Джексона никогда не встречался лично с Берри Горди. До этого момента не было повода для такой встречи. Трудно представить, что тогда он согласился бы на встречу с Джекки, Марлоном, Рэнди или Тито. Но из чистого любопытства Берри захотел взглянуть на Майкла. Ведь именно благодаря ему группа Джексонов имела настоящий успех в Motown. Никто из братьев не обладал таким «коммерческим» голосом и поистине магической способностью производить эффект, поэтому Горди счел своим долгом увидеться и лично поговорить с подростком.

Майклу было безразлично, что думает отец о его намерении встретиться с Берри. На самом деле он даже не обсуждал это с ним. Он был все еще сердит на него, помня, как тот обошелся с Кэтрин, и сам принял решение. Более того, он никогда бы не рассказал братьям о своем секретном плане, зная, что они непременно попытаются отговорить его. В группе, которая гордилась тем, что действует по принципу «один человек — один голос», в таком случае могло бы возникнуть подозрение, что 16-летний брат начинает приобретать больше власти, чем ему положено по рангу.

Майкл позвонил Берри и договорился с ним о встрече в его поместье в Бел-Эйр 14 мая 1975 года. «Это был один из самых решительных поступков, которые я когда-либо совершал», — вспоминал он впоследствии.

Набравшись мужества, он прямо изложил свою позицию. «Мы все недовольны, мистер Горди, — сказал Майкл. — Вы что, хотите, чтобы мы все ушли из Motown?»

Имея многолетний опыт общения с вечно недовольными

артистами, Берри, очевидно, попытался определить истинные мотивы своего оппонента; ему не могло прийти в голову, что у того не было никакого скрытного подтекста. Своим вопросом он не собирался ставить его в тупик. У него даже и в мыслях не было проявлять какую-то хитрость. Он просто хотел услышать ответ, но прямого ответа от Берри ему тогда услышать не удалось. Хотя ему понравился Майкл, он показался ему застенчивым и мягким.

Майкл вспоминал позже, что тот сказал ему: «Такой сообразительный молодой человек, как вы, должен был бы знать, что без Motown Джексоны сидели бы сейчас в своем городке Гэри, в штате Индиана». «Но это не тот ответ на мой вопрос, мистер Горди», — возразил Майкл.

На той встрече, вспоминал он позже, речь шла о том, что Motawn не разрешает братьям писать и продюсировать собственную музыку, а также вести контроль за авторскими правами. Кроме того, авторские отчисления в размере 2,7 процента ничтожно малы. Он выразил также недовольство тем, что ему не дали возможности включить свои песни в последний альбом пятерки — Dancing Machine, хотя сам он считал, что его номера могли бы значительно укрепить проект. «Если бы у меня была возможность включить в альбом хотя бы одну из моих песен, — сказал тогда Майкл, — это было бы свидетельством того, что Горди доверяет мне не только как исполнителю, но и как автору».

Услышав это, Горди пришел в некоторое замешательство. «Я уже много лет слышу это от своих музыкантов, — сказал он. — Но мы это сможем уладить. Я смог договориться со Стивом Уандером и Дайаной Росс. Я не хочу, чтобы вы, ребята, покинули Motown после всего, что я сделал для вас. Если вы считаете, что сможете добиться для себя лучших условий где-то на стороне, поезжайте туда. Но это будет неправильно и нечестно с вашей стороны».

Для Майкла Берри Горди был героем. Он уважал его и восхищался тем, как тот превратил домашних мальчиков из группы Джексонов из Гэри в суперзвезд. Он считал его одним из самых ярких деятелей, которых когда-либо встречал, и преклонялся перед ним, так как Горди, работая с Motown, добился для нее всемирного успеха. Горди был источником вдохновения для юного Майкла, который считал, что трудная ситуация с компанией могла бы разрешиться, если бы его собственный отец не был стяжателем и не имел такого скверного характера.

«Джозеф так и не привык к тому, что Берри командовал ребятами и говорил, что им следует делать, — вспоминал Смокки Робинсон. — Он никогда не был бизнесменом, делал все так, как

считал нужным, и плевал на других людей. Никто не хотел иметь с ним никаких дел, и все это, конечно, накладывало отпечаток не только на Джексонов, но и на Берри и Motown. Если бы не вмешательство Джозефа, Берри уладил бы все дела с Джексонами так же, как он смог уговорить меня, Стива Уандера и всех других, кто не был доволен состоянием дел в компании, но в конечном счете решился остаться там».

— Позволь мне задать тебе вопрос, — сказал тогда Берри, по воспоминаниям Майкла. — Что заставляет тебя полагать, что ты можешь сочинить свой собственный хит?

— Я просто знаю, — ответил он.

Берри посмотрел на него с недоверием и произнес:

— Я не уверен, что это будет достаточно хорошо. Майкл на мгновение задумался и парировал:

— А что заставило вас думать, что вы сможете превратить Motown в столь гигантскую компанию?

Горди ничего не ответил.

— Ведь вы это просто чувствовали, не так ли? -- спросил Майкл.

Горди бросил на меня понимающий взгляд и, слегка улыбнувшись, кивнул, как бы давая понять, что я далеко пойду», — вспоминал он.

Встреча закончилась тем, что Горди подтвердил Майклу решимость оказывать ему отеческую поддержку, но одновременно дал понять, что он должен уважать и своего родного отца. Его последним напутствием Майклу были слова: «Я думаю, что ты поступишь наилучшим образом». При этом он заверил, что не сделает ничего, чтобы причинило вред ему или его семье.

Встреча с Берри Горди продемонстрировала не только инициативность, но и большое мужество Майкла. Она стала первым доказательством того, что это не был просто милый мальчик — солист семейной группы. В свои шестнадцать лет он обнаружил способности будущего бизнесмена. Он лучше отца понимал всю важность личных контактов и переговоров. По своей наивности Майкл смог разрушить закулисную тактику, царившую в звукозаписывающей индустрии.

Джозеф прослышал от своего друга в Motown, что Майкл договорился о встрече с Берри. Когда тот вернулся в Энсил, отец уже ждал его на пороге дома. Майкл так никогда и не раскрыл деталей спора, вспыхнувшего между ними, но нетрудно вообразить, что старший Джексон считал сына некомпетентным вести переговоры с самим Берри Горди. Но успокоившись, он не переставал втайне восхищаться его выдержкой и самообладанием, независимо от исхода его начинания.

«Майкл не должен был встречаться с Горди, — сказал позже один из братьев. — Было нечестно вести переговоры за нашей спиной. Мы все были просто взбешены. И чего он, в сущности, смог добиться?»

Возможно, Майклу действительно не удалось добиться многого, если иметь в виду будущее группы Джексонов в Motown, однако его встреча с Берри была для него важной вехой по целому ряду причин. Он добился того, что тот выслушал его, чего не удавалось даже его отцу. Он смог почувствовать уверенность в своих силах. И хотя ему не представилось возможности продемонстрировать свою обретенную уверенность еще в течение некоторого времени, семя упало на благодатную почву.

После встречи с Берри Горди Майкл не захотел покинуть Motown. Но, сохраняя преданность своим братьям, чувствовал, что у него нет другого выбора, как держаться вместе. Без Майкла ни одна звукозаписывающая компания не стала бы проявлять интерес к Джексонам. Его братья никогда бы не признались в этом, но в душе Майкл должен был сознаться, что, если бы не он, Джексоны никогда бы, вероятно, не добились такой популярности.

Несмотря на его убежденность в том, что группа совершает серьезную ошибку и что отцу следовало бы провести новую серию переговоров с Берри, Майкл по-прежнему считался самым важным звеном Пятерки. У него, по его же словам, всегда были собственные идеи относительно того, как вести дела. Он понимал, что братья с неодобрением относились к его доминирующему положению в квинтете. Но это была группа, а не его собственный проект, и у него в ней был лишь один голос.

В тот вечер Джозеф собрал в Энсино всех братьев, кроме Рэнди и Джермена. Он отдыхал в это время с женой Хейзл, но в любом случае его не позвали бы на это совещание, потому что, женившись на ней, он потерял доверие остальных. Четверо братьев — Джекки, Тито, Марлон и Майкл — решали вопрос, следует ли им покидать Motown. Решение об уходе было принято единодушно, несмотря на то, что у Майкла сохранялось еще двойственное отношение к такому шагу. «Я хочу, чтобы было принято честное решение», — сказал Майкл своим братьям, намекнув на то, что эта затея ему не по душе. Но братья проигнорировали его озабоченность.

«Этот Берри — порядочная сволочь. Пора и нам начать зарабатывать приличные деньги», — сказал тогда один из братьев.

Джозеф и его компания Ричард Ароне начали втайне готовить новый музыкальный проект, для чего встретились сначала с

представителями Atlantik Records, у которой был большой опыт в области ритм-энд-блюза. Однако президент компании Ахмет Эртегюн не проявил особого энтузиазма, исходя из того, что пластинки Джексонов продавались в Motown с переменным успехом. Джозеф не стал убеждать его в музыкальных способностях своих сыновей. Он уже был по горло сыт Motown и решил попытать счастья на стороне.

Как выяснилось, его больше интересовали контакты со звукозаписывающим отделением Си-би-эс, которая поощряла черных исполнителей. Компания эта была известна своим высоким профессионализмом в поддержке и распространении музыкальной продукции. Motown будет иметь бледный вид, когда узнает, что мы сотрудничаем с Epic, бывшим фактически филиалом Си-би-эс, считал он.

Действительно, Рон Алексенберг, президент Epic, бывший протеже Эверта Эбнера из Motown, был весьма заинтересован в Джексонах. Джозеф также уважал Алексенберга, под руководством которого Epic увеличила свою ежегодную прибыль с 10 до 100 миллионов долларов. Это был амбициозный лидер, державший руку на пульсе звукозаписывающей промышленности. Он считал, что Горди использовал лишь малую часть потенциала, заложенного в группе Джексонов. Он загорелся желанием выявить и реализовать оставшуюся его часть.

В то время в «Горячем списке» Epic значились такие имена, как гитарист Джефф Бек, рок-звезда Тед Наджент, поп-звезда Минни Риппертон, а также вокальное трио La Bell, возглавляемое Патти Ла Белль, которое незадолго до этого обошло всю страну своим хитом Lady Marmalad. До заключения контракта с Epic La Bell считалась посредственной группой, однако благодаря Алексенбергу обрела второе дыхание и зазвучало свежо, совсем по-иному. Это произвело большое впечатление на Джозефа, который считал, что Алексенберг может пробудить его группу к новой жизни.

В обойме Epic числились также такие певцы кантри, как Чарли Рич, Тэмми Винетт и Джонни Пейчек. Джозеф был восхищен таким разнообразием интересов Си-би-эс Records Group, но больше всего его привлекало выгодное сотрудничество компании с Кении Гемблом и Леоном Хаффом, продюсерами так называемого Philly Sound, которое буквально зажгли миллионы поклонников, выпустив пластинки с записями черных групп O'Jays, Three Degrees. У Гембла и Хаффа было свое отделение на Си-би-эс, которое они называли Philadelphia International.

Хотя Джозеф и считал, что ее масштабы недостаточны для Джексонов, он восхищался тем, что Си-Би-Эс была привержена

черным исполнителям, и надеялся, что однажды и у него будет там собственная марка.

Рон Алексенберг стремился как можно быстрее начать переговоры с Джозефом относительно участия Джексонов в проектах Epic. Он проинформировал президента Си-би-эс Records Уолтера Етникофф, что готов подписать контракт с группой немедленно. Тот не разделял его энтузиазма, по его словам, Джексоны давно не пользовались особо большим успехом. «Поверь мне, — сказал ему Рон Алексенберг, — эта группа еще не кончилась; она еще даже не начиналась».

Переговоры продолжались недолго, вскоре договор был подписан. В соответствии с ним группа должна была получать в качестве аванса 750 тыс. долларов и еще 500 тысяч специально для подготовки альбома. Им гарантировалась выплата по 350 тысяч за каждый альбом, что было намного больше того, что они зарабатывали в Motown (но на много миллионов меньше, чем Майкл начнет зарабатывать сам спустя несколько лет).

Деньги, полученные в качестве аванса от Си-би-эс, должны были быть возвращены из последующих отчислений от продаж, сами эти отчисления составляли 27 процентов. В Motown Джексонам платили всего 2,7 процента, что было сущим пустяком и просто несерьезно.

В 1975 г. розничная цена за альбом составляла 6,98 доллара, оптовая - 3,50. Таким образом, работая с Epic, Джексоны могли рассчитывать примерно на 94,5 цента за каждый альбом, проданный в США, и 84 цента - за границей За каждый проданный альбом в Motown они получали приблзительно 11 центов. В договоре было отмечено, что если общая сумма продаж каждого их альбома составит 500 тысяч долларов, отчисления группы возрастут до 30 процентов и составят 1,05 доллара за диск. Это было в пятьсот раз выгоднее чем условия, на которых работала группа в прежней компании.

И хотя Джозеф был вне себя от радости, новый договор не сулил каждому члену группы огромных денег, поскольку они должны были делиться между собой. По-настойшему большие деньги ожидали их только в случае, если бы они согласились давать концерты.

Однако на переговорах возникала проблема: Уолтер Етникофф отказался разрешить Джексонам писать, продюсировать и даже выбирать свой собственный материал. Он не испытывал доверия к ним как к авторам песен и продюсерам поскольку в Motown они не проявляли соответствующих способностей. Рон Алексенберг пытался убедить его в обратном, но Етникофф стоял на своем. Единственное, чего добился

Джозеф, - его сыновьям разрешалось выбрать максимум 3 песни для каждого альбома. И это было лучше того, чем братьям приходилось довольствоваться у Горди. Майкл был вне себя от радости. Он восхищался также упорством отца, без которого Джексоны скорее всего так бы и прозябали в полной безвестности в Motown. «Я должен признать, - заметит Майкл, - что отец проделал блестящую работу».

Однако реализация проекта привела Майкла в замешательство. Он разрывался между преданностью Motown и интересами бизнеса. Именно поэтому он решился на разговор с Дайанои Росс, которая фактически была его наставником. Ее трудно было поймать из-за плотного расписания, но когда это ему наконец удалось, он услышит от нее то, что ожидал. Она скажет, что не имеет никакого влияния на Берри (что было сущей правдой), и посоветует Майклу прислушиваться к его советам, потому что он лучше знал, что нужно его исполнителям.

«Я была убеждена, что ребятам следовало бы остаться в Motown, - вспоминала она в интервью, опубликованном в 1981 году. - В то время я сохраняла лояльность по отношению к Берри, и мне казалось, что и им следовало бы поступать так же. Я сказала Майклу, что самое главное - это преданность, а не деньги».

Однако в течение нескольких дней тексты контрактов пыли составлены и каждый из четырех братьев охотно подписал их.

Но как быть с Джерменом? Налицо был конфликт интересов. Его тесть считался врагом, Джозеф понимал, что Берри оказывает сильное влияние на его сына, обещал ему радужное будущее в Motown. Он доверял ему насколько, что отдал в жены свою единственную дочь. И вот теперь Джозефу предстояло убедить сына, что интересы семьи выше интересов I орди. Он выждал 3 дня, прежде чем позвонить ему. Обдумывал свою стратегию, понимая, что уговаривать Джермена отойти от Берри будет непросто, и все-таки надеясь, что этот |дупый парень должен понять, что к чему.

Позже Джермен вспоминал, что отец позвонил ему и попросил приехать домой, но без жены. Он сразу почувствовал что-то неладное. Хейзл была сильной личностью, она непременно стала бы задавать неудобные вопросы. Без нее отец был в состоянии заставить его поступать так, как считал нужным, поэтому Джермен опасался появляться у себя дома. Он просто не знал, что ожидать от своей семьи.

Когда Джермен все-таки приехал, отец увел его в спальню и запер дверь. На комоде заранее были разложены контракты и можно было видеть подписи четырех братьев. Пятый не был

подписан. «Они оставили меня напоследок, потому что знали, что со мной у них будут сложности», - говорил Джермен.

Джозеф предложил подписать контракт. Сын наотрез отказался, демонстративно скрестив руки на груди.

«Подумай о деньгах, - настаивал Джо. - Это настоящие деньги, а не те жалкие крохи, которые мы получали в Mo-lown». - «Мне все равно», - заявил Джермен. «Все равно? Да ты с ума сошел! - кричал отец, потрясая кулаком. - Ты подпишешь этот контракт или ты пожалеешь об этом. Си-би-эс обещала, что Джексоны будут следующими Beatles, и ты прекрасно знаешь, что мы всегда шли к этой цели».

Реакция Джермена была неожиданной.« Я не хочу быть никаким битлом, — кричал он. — Я не подпишу этот чертов контракт, и можешь забыть об этом». Он дал понять отцу, что не заинтересован ни в каких заманчивых предложениях Си-би-эс.

С этими словами он, по его воспоминаниям, выбежал из комнаты, кубарем скатился вниз по лестнице и бросился прочь. Усевшись в свой 450-й «Мерседес», Джермен решил, что должен немедленно сообщить о случившемся тестю. Выйдя из машины, он нашел платный телефон и позвонил Берри. «Братья заключили контракт с Си-би-эс», — выпалил он, как только тот поднял трубку.

«Сначала Горди никак не прореагировал, — говорил позже Джермен. — Он просто молчал в трубку, как будто обдумывая следующий ход. И наконец произнес: «А ты абсолютно уверен в этом?» — «Конечно, я видел подписанные контракты своими глазами!» — «Ну хорошо, а ты подписал его?» — спросил Берри.

Джермен ответил, что братья покидают Motown из-за возникших проблем, он же хочет остаться, чтобы помочь решить их. Сам он не подписал контракт и не собирается этого делать.

Как признавался спустя годы Джермен, Берри стал ему вторым отцом. Он пригласил его приехать к нему домой, где они обсудили ситуацию. «Ты находишься на пути к вершине, — сказал тогда Горди. — Однажды ты станешь главным в Motown». Это было то, чего я желал. Я хотел быть президентом компании, и знал, что мне это по плечу. Во мне была предпринимательская жилка, о которой не догадывался даже мой отец. Берри вселил в меня уверенность в том, что я далеко пойду, если останусь у него. И я поверил ему. Я поверил тогда не своему отцу, а Берри».

Следующие несколько недель были трудными, Джозеф самонадеянно устроил концерт в Вашингтоне. Его организаторы, в основном новички, не позаботились должным образом о безопасности, среди фанатов вспыхнули беспорядки. Группа вынуждена была свернуть выступление и обратиться в бегство.

Из-за этого инцидента следующий концерт в Атлантик-Сити, который должен был состояться 5 июля 1975 года, был отменен по личному распоряжению мэра города Джозефа Брэлвея.

Между тем ожидалось, что это представление соберет 20 тысяч поклонников группы.

«Мой отец был неважным менеджером, — жаловался Джермен. — Хотя он и мог иногда что-то устроить в небольших масштабах».

Для аудитории концерт — обычное событие. Многие даже не подозревают, что скрывается за всем этим. Наряду с такими очевидными проблемами, как свет и звук, возникает множество других трудностей при подготовке мероприятия такого масштаба, как концерт Джексонов: необходимо договориться с промоутерами, которые, как известно, бывают честными и нечестными и которые требуют деньги вперед, а потом и проценты от продажи билетов. Не меньшая сложность — обеспечение безопасности на самом концерте, где артистов приходится оберегать от восторженных поклонников и тех, кто норовит пролезть через забор. И, наконец, отнюдь не легко обеспечить надлежащую рекламу, без которой тоже не может быть успеха.

Работа Джозефа в качестве менеджера группы была сложной и неблагодарной, но — надо отдать ему должное — он всегда трудился в поте лица на благо своих сыновей. Постороннему наблюдателю могло показаться, что отец готов на все ради них. И действительно, сами члены группы порой даже не догадывались, какие тяготы ложились на плечи их отца. Но у него было достаточно мужества, чтобы противостоять вызовам судьбы. Часто ему сопутствовал успех, но иногда он терпел неудачи. И хотя поражения были зачастую унизительны, он оставался непоколебим. «Я делаю все это для моих мальчиков, — с гордостью говорил он, — потому что мы одна семья и я им нужен».

Но время шло, «мальчики» росли. Они выступали вместе уже более 7 лет и каждый раз в случае неудачи тайно винили во всем отца. Джермен был не единственным в группе, кто считал, что Джозеф не подходил на роль их личного менеджера. Однако он был первым и единственным, кто отважился произнести это вслух.

Следующим важным событием в их карьере должна была стать музыкальная ярмарка Westbury Music Fair Вестбери в нью-йоркском районе Лонг-Айленд, где братьям предстояло продемонстрировать гармонию как на сцене, так и вне ее.Майкл пытался быть своего рода посредником между Джер-меном и

Джекки, который беспрестанно доказывал преимущества Си-би-эс перед Motown. Кончилось тем, что все братья, за исключением Майкла, отвернулись от Джермена, по словам которого, они не могли понять, как он мог пойти против всей группы.

Майкл занял более сдержанную позицию. «Я думал, что он в конце концов взглянет на вещи нашими глазами, — говорил он. — Я никогда не сомневался, что все рано или поздно образуется».

Но давление усиливалось, причем с разных сторон. Хейзл, которая почти всегда разъезжала вместе с группой, стала проявлять особую заботу о муже и не спускала с него глаз ни на минуту. Дело доходило до того, что когда братья веселились в гостинице, она запирала дверь, утверждая, что Джермен отдыхает, в то время как все знали, что ему выступать лишь на следующий вечер. Почему ее мужу следовало отдыхать больше, чем другим? Создалось впечатление, что она хотела оторвать его от семьи.

По словам самого Джермена, Берри сказал ему и Хейзл: муж и жена должны прежде всего хранить верность самим себе, а не кому-либо еще. Вам предстоит жить вместе, а все остальные, будь то я, Motown или группа Джексонов, должно отступить на второй план.

Казалось невообразимым, чтобы Джермен смог перейти в другую компанию и в то же время оставаться мужем Хейзл. Действительно ли он любил ее тогда или просто оказался в ее любовной ловушке, трудно сказать. Он настаивал на том, что любит свою жену, добавляя, что любовь, брак и семья в любом случае лучше, чем волочиться за каждой юбкой. Счастливый брак, по его словам, складывается не только из любви, но и из принципов морали и уважения. Если ты не доверяешь кому-то, как ты можешь любить его или ее? Однако, когда он пытался обсудить ситуацию со своей матерью, она гневалась так же, как отец.

Горди послал президента Motown Эверта в Вестбери, чтобы тот в корпоративных интересах осторожно следил за Джозефом и его сыновьями. Главное, чтобы никто из лагеря Джексонов не выносил на суд общественности разногласия с Motown. Однако, прехав в Вестбери, Эбнер сам позаботился о скандале, заявив в интервью репортеру журнала Soul Синти Керк, что Горди согласился лишь на то, чтобы Джозеф продумал идею о другой марке с целью установить истинную рыночную стоимость проекта. «Однако, — посетовал он, — они подписали контракт с Си-би-эс, выбив почву из-под наших ног. При этом Джозеф даже не попытался заново оговорить условия контракта с Горди».

Когда Джексон услышал, что Эбнер представил его в печати в

неприглядном свете, фактически обвинил в двуличии, он позвонил известному голливудскому журналисту Бобу Ма-азе и сказал, что его сыновья совершенно определенно покидают Motown и, больше того, испытывают радость по этому поводу. На следующее утро газета Hollywood Reporter, которую читали тысячи деятелей искусства и представителей шоу-бизнеса, вынесла на первую полосу огромный заголовок: «Пятерка Джексонов» переходит из Motown в Epic.

Статья еще более разгневала и унизила Берри Горди. В то утро ему позвонила Дайана Росс. Один из ассистентов Горди вспоминал, что она, насколько можно было расслышать, кричала в трубку, а он твердил только одно: «Я делаю все, что в моих силах, чтобы удержать их. Чего ты от меня добиваешься? В конце концов, это не твое дело!»

Довольно странно, что Дайана Росс проявила беспокойство по поводу скандала в Motown вокруг Джексонов. Быть может, она восприняла ситуацию как потенциально чреватую неприятностями для себя, поскольку именно она в немалой степени способствовала успеху группы. По некоторым сведениям, она заверяла раньше братьев, что Motown всегда будет для них вторым домом, а Берри будет заботиться о них «как отец».

Первый концерт в Вестбери прошел великолепно. Хотя известность Джексонам принесла преимущественно ритмическая музыка, в последнее время они стали вносить в репертуар стилизованные песни. И хотя некоторым из их поклонников были не по душе такие эксперименты, сами братья были в восторге от них, так как они позволяли каждому из них выступить в концерте с сольным номером.

Совсем другим стал стиль выступлений. Вместо того чтобы танцевать на сцене, они спокойно восседали на высоких стульях, держа в руках микрофоны. Одеты они были в короткие — до пояса — пиджаки поверх белых кружевных рубашек с открытым воротником, чем напоминали мексиканских музыкантов. Однако костюмы их были весьма необычных цветов: оливкового, зеленого, тыквенного, розового, пурпурного и золотого. Брюки-колокол были соответственно светло-оливкового, светло-оранжевого, темно-бордового, лавандового и коричневого цветов. На ногах у них были дорогие белые ботинки с двухдюймовыми каблуками.

Концерт начался выступлением Тито, который пробренчал что-то на гитаре, но не стал петь. Затем Майкл исполнил страстную версию знаменитой песни Роберты Хэк Killing me Softly. На последнем куплете он поворачивается лицом к Джермену, уступая ему микрофон, - тот пел нежную версию песни

Глена Кэмпбелла By The Time I Get To Phoenix.

Майкл и Джермен отлично дополняли друг друга. Казалось, голос срывается с их уст без всякого напряжения и, перекрещиваясь, образует чистый естественный звук. Затем без всякого перерыва возникает мелодия Danny Boys, которую своим восхитительным фальцетом пропел Джекки вместе с Марлоном. Создавалось впечатление, что два голоса поют как один, и это пение чем-то напоминало звук колокола. Номер закончился тем, что все три мелодии как бы перемешались: взаимно дополняя и оттеняя друг друга. Это была прекрасная аранжировка. Казалось, что аудитория чувствовала духовную близость братьев гораздо больше, чем они сами. Зрители встали, звучали бурные овации.

Во время перерыва перед следующим номером в комнате для отдыха, где находились Джексоны, раздался телефонный звонок. Берри хотел переговорить с Джерменом. Все насторожились, но Джермен только внимательно слушал и практически ничего не сказал, кроме «До свидания», и повесил трубку. Сразу после этого он решительно заявил: «Я ухожу!»

Братья всполошились не на шутку. Сейчас, когда всем снова выходить на сцену через полчаса? Они стали кричать, перебивая друг друга, но голос Джозефа был громче всех: «Ты с ума сошел! Ведь мы же твоя семья, а не Горди».

В мире шоу-бизнеса считается непростительным грехом уйти со сцены посреди представления и подвести таким образом своих товарищей, тем более братьев. Так или иначе, это был нелегкий выбор. Поняв, какими последствиями грозит его шаг, Джермен со слезами на глазах выбежал из раздевалки и направился в гостиницу, где тут же упаковал свои чемоданы. У дверей его уже ждал черный длинный лимузин, которые отвез его в аэропорт, откуда он вернулся в Лос-Анджелес, чтобы определить свое будущее уже как член клана Горди.

«Мы были поражены и просто шокированы, — вспоминал Марлон, — но нам предстояло еще выступить в концерте. Мы больше Fie говорили об этом, понимая, что необходимо переступить через эту черту».

Майкл позже скажет, что чувствовал себя обманутым Горди. Ему казалось, что у него установились с ним доверительные отношения, но Берри его обошел на повороте. А ведь он так гордился той встречей и беседой с ним! По словам Майкла, Берри должен был предупредить его заранее о том, что намеревался отлучить Джермена от семьи. В тот вечер в Bel Air Горди обещал ему не предпринимать ничего, что могло бы повредить семье. «Я поверил ему, — говорил Майкл, — я действительно ему поверил». Такого унижения он никогда не смог забыть.

В тот вечер Майкл Джексон и его братья выступали с такой поразительной самоотдачей на круглой сцене Вестбери, что никто в зале не мог предположить о трагедии, разыгравшейся за кулисами. Как всегда, Майкл чувствовал свою ответственность перед зрителями. Ему было только 16 лет, но он уже, казалось, освоил все премудрости ремесла. Во время выступления он уверенно орудовал микрофоном, передвигался по сцене точно робот, прыгал, как волк, и проделывал другие трюки, приводившие публику в восторг, Майкл готов был на все, лишь бы угодить аудитории.

Казалось, он превращает свою неуверенность и личные проблемы в неукротимую энергию, которую с радостью выплескивает на поклонников. Принимая с благодарностью их любовь, Майкл избавлялся от своего внутреннего напряжения. Его улыбка была яркой, как свет прожекторов. Он знал, что выступает перед теми, кому можно безраздельно доверять.

На том концерте хит Джексонов I`ll Be There прозвучал в исполнении Майкла особенно печально. «Я бы хотел, чтобы мы были вместе», — говорилось в песне. Марлон заменил тогда Джермена. Трижды публика вставала со своих мест и устраивала овацию. Успех был невероятный, и никто кроме братьев, казалось, не заметил отсутствия брата.

После выступления за кулисами никто не шутил и не смеялся. Снова было мрачное настроение. «Почему шоу кончается так быстро? — бросил тогда Майкл. — Почему оно не может продолжаться вечно?»

Отец молча сидел в углу, его напряжение выдавали слезы. Главное дело его жизни — семья — разваливалась на глазах, и он ничего не мог с этим поделать. Берри Горди выиграл решающую битву и тем самым посеял рознь между двумя семьями. Джозефу казалось, будто Берри подговорил его собственного сына вонзить нож ему в спину. Что бы ни замышлял Горди, ему удался хитрый ход: он не смог бы придумать ничего лучше, чтобы разобщить братьев и повернуть одного из них против своего же отца.

Майкл подошел к отцу и внимательно посмотрел на него. Джозеф оказался очень ранимым. Он сидел, сгорбившись, безжизненно свесив голову, как бы говоря: «Я этого просто не понимаю. Как, во имя всего святого, это могло произойти? Ведь в жилах Джермена течет моя кровь, а не кровь Берри Горди».

Глава 12

Майкл Джексон, которому в августе 1975 г. исполнилось 17 лет, начал серьезно сомневаться в предпринимательских способностях отца. По его мнению, тот совершает ошибки. Быть может, он и понимал что-то в шоу-бизнесе, но в людях не разбирался совершенно, считал сын. Между тем, если ты хочешь добиться вершин в этом деле, ты должен понимать людей и находить с ними общий язык.

Майкл был убежден, что группа, да и семья, потеряли Джермена из-за полного отсутствия у Джозефа дипломатического таланта. Брата можно было удержать, если бы отец не попытался грубо навязать ему свое решение.

Глава семьи допустил в то время ряд серьезных просчетов. Но все же Майкл, несмотря на свою проницательность, так, кажется, и не понял, что если бы не отец, его карьера могла бы уже закончиться. Своим твердым намерением отлучить сыновей от Motown отец спас Джексонов от незавидной карьеры весьма посредственной и мало известной поп-группы. Большинство музыковедов придерживаются мнения, что их ожидал бы в этой компании творческий застой, что пережили многие другие оставшиеся там группы, в том числе знаменитая некогда Suprems, которая деградировала после ухода из нее Дайаны Росс.

Temptations запрещено сочинять или подыскивать собственные номера, они были вынуждены полагаться на местных композиторов и аранжировщиков. В результате у них не было ни одного первого места в поп-чартах после их хита Poppa Was a Rolling Stone (1972) в течение почти 20 лет. Лишь однажды, в 1973 г., они вошли со своим синглом Masterpiece в десятку лучших. Талантливый коллектив в Motown вынужден был выпускать пластинки, до которых никому фактически не было дела.

Конечно, немного ностальгии — неплохо в концертной деятельности. Например, у группы Four Tops тоже не было хита номер один с 1966 года, но тем не менее они продолжают работать, хотя у Горди им не дают возможности развернуть свой музыкальный талант. Эта группа не раз уходила от Горди и вновь возвращалась. Что бы с ней ни произошло в будущем (например, какое-нибудь виниловое чудо), она навсегда сохранит репутацию ностальгирующей группы. Как знать, быть может, и Джексонам была уготована сходная участь, если бы они остались.

Двадцать лет спустя Майкл и его братья устроят вечер воспоминаний с Temptations и Four Tops, где исполнят старые

добрые хиты. Не исключено, что и в свои 30 лет Майкл пел все те же I Want You Back и «ABC». К счастью, у них к этому времени была полная свобода писать и выпускать свои собственные песни, выбирать продюсеров. Такую свободу им подарил отец, вовремя и дальновидно уведя их из Motown.

Что бы ни говорили разные музыкальные обозреватели о сомнительных способностях Джозефа в качестве личного менеджера, нужно отдать ему должное: в конечном итоге он спас карьеру своих сыновей. Он был, разумеется, далек от совершенства, но всегда был на своем месте и переживал за судьбу семьи.

Но как бы то ни было, в 1975 году Джозеф испытывал унижение от предательства своего сына Джермена и коварства Берри Горди.

Его друзья отмечали, что он не знал, кого винить в свалившихся на него бедах. Его интересовало, как Берри мог буквально выкрасть у него собственного сына и какую роль в этой истории сыграла Хейзл. Происходящее он склонен приравнять к трагедии поистине библейских масштабов, где Джермен играл роль Адама, Хейзл была искушающей его Евой, а Берри не кем иным, как змеем-искусителем. Можно представить себе негодование Джозефа, когда он думал об этом змее, ввергающем сына из райского сада в ад Motown.

В последующие недели компания должна была подготовить к выпуску альбом Джексонов под названием Moving Violation. Хотя он был разрекламирован, в нем не было выдающихся хитов. Лучшей песней был, пожалуй, ремейк Forever Came Today. Альбом был выдержан в танцевальных ритмах диско, впервые прозвучавших в их Dancing Machine. Однако особого успеха альбом не имел, и Джексоны продолжали плестись где-то в хвосте хит-парадов. Непонятно, почему Forever Came Today не понравился публике — ведь в нем было все, что одобрили поклонники в Dancing Machine.

Было очевидно, что Motown не была заинтересована в продвижении этого проекта на вершину чарта. Успех или отсутствие его в компании уже мало интересовали Джозефа, который уже был занят переговорами с представителями Си-би-эс. Он был озабочен будущей судьбой Пятерки и решал для себя важный вопрос, кто станет их первым продюсером уже в новом качестве.

Уход из Motown оказался не таким болезненным, как предполагал Джозеф. Пока Горди не предпринял ничего, чтобы помешать их отъезду, — он был слишком занят своим кинобизнесом. Не желая иметь никаких дел со старшим

Джексоном, он делегировал свои полномочия президенту Motown Эварту Эбнеру, что было воспринято им как знак неуважения.

До этого Берри, считавший уход любого артиста из его компании предательством, никогда не отпускал своих подопечных без борьбы. Вспоминают, как бывший солист Temptations Дэвид Раффин, требовавший досрочного расторжения контракта, получил решительный отказ. В ответ он заявил, что будет оставаться в адвокатской конторе Motown до тех пор, пока Горди не согласится на его требование. Была вызвана полиция, Раффин после небольшой потасовки препровожден в местную тюрьму. На следующий день его брат Джимми, также работавший в Motown, извинился за него и попросил 500 долларов в качестве залога за освобождение Дэвида. Горди великодушно распорядился подписать чек. Выйти из тюрьмы было иногда легче, чем расторгнуть контракт с Горди.

Что касается Джозефа, у Motown против него была козырная карта. Вице-президент Motown Майкл Рошкинд сообщил ему, что компания, а не его семья, является законным владельцем марки группы Jacksons. То есть, если группа пожелает покинуть ее, она должна будет сменить название. Услышав это, Джозеф пришел в неописуемую ярость, назвал Рошкинда «сукиным сыном». В конце концов Джексон — это его собственное имя и никакой Горди не вправе претендовать на него.

«Видите ли, — спокойно объяснил ему Рошкинд, — в мире сорок тысяч Джексонов, пятерых из них мы сделали знаменитыми. Мы способны сделать еще пять тысяч таких звезд». При этом он дал понять, что может взять пять других ребят по имени Джексон и сделать из них еще более ярких звезд, чем нынешние.

Статья 16 договора с Motown, который Джо, не читая, подписал в 1968 г., гласила: «Мы (т.е. компания) обладаем всеми правами на название The Jackson Five». Позже в 1972 году, когда Джексоны выпустили свои первые хиты, Берри Горди обратился в Бюро патентов США с просьбой зарегистрировать имя и логотип группы как исключительную собственность фирмы Motown Records Companion. Как скажут позже Джозеф и его сыновья, тогда они ничего не знали об этом.

7 августа 1973 года Бюро патентов США удовлетворило просьбу Берри Горди, который отныне действительно был единоличным владельцем логотипа и имени группы.

В Motown было принято регистрировать все юридические акты, коль скоро представлялась такая возможность, и если кто-то желал покинуть компанию, его буквально в последнюю минуту информировали о том, что он не сможет легально использовать

впредь имя, которое сделало его знаменитым. Так было с группой Temptations, которая только благодаря содействию Смокки Робинсона смогла перенести свое имя на новый лейбл.

Никто не стал бы заступаться перед Берри за Джексонов. За многие годы Джозеф умудрился испортить отношения со всеми влиятельными лицами Motown. Уход группы поставил всех в затруднительное положение. Майкл говорил, что не мог даже предположить что-то подобное. Если Горди'владеет названием Jackson 5, то почему бы нам не называться впредь просто «Джексоны», спрашивает он отца.

«У нас нет выбора», — отвечает отец. В течение по крайней мере трех следующих лет будет то и дело вспыхивать юридическая борьба вокруг этого названия, и в конце концов Берри одержит победу — ведь он всегда выигрывал в таких делах.

Тем временем, даже в отсутствие Джермена, дела в семье шли своим чередом. Группа появилась в развлекательном шоу Кэрол Бернет на Си-би-эс. Артисты были в джинсовых жилетках с серебряной отделкой, у всех была модная тогда при ческа «афро» под Анджелу Дэвис. На спине у каждого из них красовался автопортрет, но на телеэкране все они выглядели почти одинаково. Отсутствие Джермена не было замечено. Когда пришел черед песни Forever Came Today, Рэнди и Марион пели вместо него, создавалось полное впечатление, что перед вами прежние Джексоны.

В понедельник 30 июня 1975 г. Джозеф назначил пресс-конференцию, на которой собирался объявить о решении семьи впредь сотрудничать с Си-би-эс. До истечения контракта с Motown оставалось более восьми месяцев, но Джексон спешил, и, казалось, его ничего не могло остановить в стремлении во что бы то ни стало создать трудности. Но хотя тот был очень занят своим сотрудничеством с Дайаной Росс и завершающей стадией съемок фильма Mahogany, он нанес ответный удар. В то утро, когда Джозеф намеревался сделать это сообщение, Майкл Рошкинд заявил печати, что ей это не удастся. Разумеется, он имел в виду Джермена.

Конкурирующая компания, по его словам, не получит ни всех участников группы, ни ее название. Еще раньше Горди послал через одного из своих адвокатов телеграмму президенту Си-би-эс Records Артуру Тейлору, в которой не советовал ему устраивать вместе с Джозефом пресс-конференцию по поводу дальнейшей судьбы группы, настаивая на том, что именно у Motown все исключительные права на контакты со средствами массовой информации. Когда это не удалось и Горди узнал, что Тейлор решил проигнорировать его угрозу, он послал ему еще одну

телеграмму, требуя, чтобы на этой пресс-конференции, коль скоро она состоится, ни разу не упоминалось название Jackson 5, поскольку оно принадлежало ему лично.

Пресс-конференция прошла в одном из залов на самой вершине Рокфеллер-центра в Манхэттене. Один за другим вошли одиннадцать членов семейства Джексонов. Он был битком набит репортерами и фотографами. Джозеф попросил Кэтрин, Морин и ее маленькую дочку Стейси Браун, Ла-Тойю, Джанет и Рэнди присоединиться к ним, чтобы продемонстрировать семейную солидарность. Никто не улыбался. Каждый с достоинством занял свое место за длинным узким столом. От имени пятерки было зачитано заявление, в котором говорилось, что все они — разумеется, за исключением Джермена — подписали контракт с Си-би-эс, который должен вступить в силу 10 марта 1976 года в день истечения срока договора с Motown.

Атмосфера была довольно мрачная. Джозеф стоял на сцене в темном костюме в полоску, объявил, что Джексоны подписали контракт с Си-би-эс Records, а затем предоставил слово другим членам семьи.

Джекки объяснил аудитории, что группа подписала контракт с Columbia, потому что она занималась выпуском и продажей альбомов, «именно тем, что может принести нам известность». На вопрос, пытались ли группы провести новые переговоры с Motown, он ответил: «Да, но цифры, которые нам предложили, были крошечны, как Микки-Маус».

Майкл, на котором был черный бархатный пиджак и такого же цвета жилет, не стал долго говорить: «Я думаю, что наша раскрутка здесь будет, вероятно, сильнее». Он чувствовал себя неловко. Это бросалось в глаза и резко контрастировало с поведением братьев. Казалось, что Майкл в тот момент хотел одного: провалиться сквозь землю. Из зала был задан вопрос, как все это повлияет на их отношения с Горди. Сидящие на сцене, как по команде, посмотрели на отца, давая ему возможность ответить. Он лишь пожал плечами и, изобразив на лице некое подобие улыбки, сказал: «Нужно воспринимать все так, как есть».

Следующий вопрос касался непосредственно Джермена. Один из репортеров хотел знать, воссоединится ли он с группой. «Да, — ответил Джозеф, — но для этого понадобится некоторое время». После этого сразу перешел к другому вопросу, даже не пожелав ответить, почему Джермена нет в этом зале.

В тот же день Горди говорил по телефону с известным черным активистом Джесси Джексоном. До этого он не раз направлял своих однофамильцев на различные мероприятия против расовой дискриминации в стране, организованные этим

политиком. Некоторые источники утверждали, что Берри лично попросил его вмешаться и не допустить утечку черных талантов из Motown. И хоть тот, судя по всему, связался с представителями Си-би-эс, результат был нулевым. Разгневанный Джозеф заявил в печати, обращаясь к темнокожему населению США, что Джексоны ушли из Motown не просто так — для этого были веские основания, и незачем при этом разыгрывать так называемую «черную карту». «Мы ушли оттуда, потому что не могли получить того, что хотели, теперь мы попробуем достичь наших целей в другом месте».

Горди подал в суд иск на Джозефа, группу Джексонов и Си-би-эс, добиваясь 5 млн. долларов в качестве компенсации за нанесенный ущерб, поскольку контракт был односторонне расторгнут до истечения срока его действия. Джозеф выдвинул встречный иск, требуя компенсации за невыплаченные гонорары, авансы и особенно расходы, связанные с выступлениями и выпуском пластинок. По контракту группе причитались все деньги, полученные от продажи песен, которые были записаны в Motown, включая те, которые еще не были выпущены.

Нельзя сказать, что компания не эксплуатировала Джексонов. За шесть лет совместной работы — с 1969 по 1975 год — группа выпустила в общей сложности 469 песен, примерно 75 песен ежегодно. Это поразительное достижение, особенно если учесть, что они постоянно репетировали, объехали с гастролями много стран, выступали в телевизионных программах, давали бесчисленные интервью и позировали целой армии фотографов (существуют тысячи фотографий группы, многие из которых не были опубликованы). Кроме всего прочего, они, как и подобает молодым людям, имели полное право на то, что называется личной жизнью.

Из 469 песен, записанных Джексонами, лишь 174 вышли в свет, это 37%. Остальные 295, как решил Гордон, не отвечают стандартам Motown. Таким образом, к разочарованию группы, Джексоны задолжали компании более 500 тыс. долларов, причем трудно было поверить, что цифра эта не завышена.

После пресс-конференции Берри Горди был разгневан и считал всю семью Джексонов предателями. Дошло до того, что некоторые из них стали опасаться за свою жизнь, считая, что он опасный человек, способный на насилие. Конечно, это было не так, Берри лишь казался зловещей личностью, сосредоточившей в своих руках огромную власть. Но легенда эта была столь живучей, что многие артисты действительно боялись переходить ему дорогу.

У многих в памяти еще был инцидент, произошедший в

начале 70-х годов в лос-анджелесском доме Горди, когда во время приема был убит один из его телохранителей. По слухам, это было делом рук мафии, но за отсутствием свидетелей перестрелки не было даже заведено уголовное дело. Этот случай произвел весьма удручающее впечатление на всех артистов, занятых у Берри, некоторые из которых считали, что он несет ответственность за случившееся.

После той злосчастной пресс-конференции Джозеф и Ричард Ароне были, например, уверены, что Берри непременно попытается их убить. Прежде чем сесть в свои автомобили, они тщательно обследовали их, нет ли взрывных устройств. Больше того, они на полном серьезе обсуждали планы, как избежать убийц, подосланных Горди.

Берри был, конечно, зол, но он не был сумасшедшим. Он решил, что дело должно было быть урегулировано исключительно в суде.

31 июля 1975 года председатель Motown Тони Джоунс послал записку Джозефу с просьбой предоставить возможность группе в течение месяца записать новый альбом. Реакция была негодующей: отныне мы не запишем ни единой ноты для этой компании. Если они хотят использовать наши ресурсы, пусть выпустят любую из сотен песен, которые записаны, но так и не поступили в продажу.

Это было ошибкой Джозефа, поскольку группа, в соответствии с контрактом, обязывалась записать для Motown любую песню, какую пожелает компания. Таким образом, он порвал контракт, регулирующий выпуск музыкальной продукции.

Другим братьям было все равно, но Майкл считал, что им все-таки стоило удовлетворить просьбу Motown в соответствии с подписанным ранее контрактом. Джозеф был непреклонным, однако Майкл полагал, что отец не прав и все они об этом еще пожалеют. В результате ребята были фактически исключены из горячей обоймы компании, что могло иметь неблагоприятные последствия в случае вынесения окончательного судебного приговора.

Прошло 8 месяцев, прежде чем Джексоны смогли начать записываться на Си-би-эс. Они вынуждены были дожидаться формального окончания договора с Motown и лишь после этого смогли переступить порог звукозаписывающей студии Columbia. Чтобы заполнить образовавшийся вакуум, Джозеф заключил договор с телевидением Си-би-эс, предусматривающий участие в летнем телешоу, которое запускалось в эфир в июне 1976 года.

В то время в интервью Майкла часто спрашивали о Джермене. Он непременно отвечал: «Бизнес есть бизнес, а семья

есть семья. Он еще вернется к нам. Мы разговариваем с ним. Шоубизнес, конечно, важен, но еще важнее крепкая семья».

Эти слова были не более чем благим пожеланием. Члены семьи, увы, не были близки друг другу, как пытался уверить прессу Майкл. Джермен на самом деле приходил иногда к ним в гости, но только когда не было отца. Он не мог простить его слов, что в его жилах течет кровь Джозефа, а не Берри. Другие братья все еще были в обиде на Джермена за то, что он покинул их. По его словам, он хотел обо всем переговорить с ними, но этому мешала гордость. Он не понимал, как братья могли считать его не членом семьи, а аутсайдером.

Как говорила позже Хейзл Горди Джексон (так отныне звучало ее полное имя), несмотря на все разговоры о том, что ее муж остался в Motown, это никак не отразилось на их отношениях. «Когда мы смотрели друг на друга, мы не делали различий, кто из нас Джексон, а кто Горди, — говорила она. — Мы были одним целым. Я думаю, что брак и должен быть таким, если ему суждено продолжаться долго».

По словам Сузи Джексон, жены барабанщика группы Джонни Джексона, в конечном счете все винили почему-то именно Хейзл в том, что произошло. Но решение принял ее муж, она же хотела угодить ему во всем. Джермен действительно недоставало его братьев, но зато у него была Хейзл.

В то время как они находили утешение в обществе друг друга, остальные члены семьи Джексонов, казалось, избегали людей, погрузившись в изучение текстов Свидетелей Иеговы, не покидая пределов своего имения. Создавалось впечатление, что у ЛаТойи, Марлона, Майкла, Джанет и Рэнди не было никаких других привязанностей, кроме семьи. Это подтвердила ЛаТойя в беседе с репортером одного из изданий. «Я не доверяю людям, — сказала она с предельной откровенностью. — У меня нет друзей вне семьи, и это меня не беспокоит». Она выразила абсолютное нежелание выходить замуж и заводить собственную семью. «Я бы не хотела рожать ребенка в том обществе, в котором мы живем», — заявила она.

Порой казалось, что все отпрыски Джозефа воспитывались в недоверии к окружающим. Доказательством тому был брак Джекки и Энди, который оказался под угрозой в сентябре 1975 г., через девять месяцев после свадьбы. В качестве компенсации Энди потребовала 5 тыс. долларов ежемесячно на свое содержание плюс шикарный «Роллс-Ройс» ценой в 48 тыс. долларов. Адвокат Энид оценил состояние Джекки в

10 млн долларов (что было явно завышено) и потребовал ровно половину в пользу Энид. Поговаривали, что она была

беременна еще до свадьбы, а журнал Soul утверждал, что у нее недавно был выкидыш. По словам самой Энид, все это не соответствовало действительности и она никогда не ждала ребенка.

В ноябре 1975 г. судья постановил, что Энид будет получать 15 тыс. долларов в месяц в качестве временного содержания до окончательного решения дела о разводе. Кончилось тем, что в январе 1976 года пара примирилась. Джекки счел, что ему дешевле обойдется держать ее при себе, цинично заметил один из его друзей. Они оставались мужем и женой еще

11 лет, но вся эта история произвела неблагоприятное впечатление на Майкла. Он был свидетелем того, как его родители противились женитьбе Тито; брак Джермена и Хейзл также скорее был корпоративным соглашением, чем любовью. И вот теперь проблемы с браком Джекки.

В январе уже после его примирения с Энид, 18-летний Марлон заявил, что он 4 месяца тайно обручен. Это потрясло семью. Ни Джозеф, ни кто-либо из его братьев даже не подозревали об этом. Когда группа появилась в Лас-Вегасе в августе 1975 г., Марлон заполнил соответствующую анкету и без особых трудностей женился на своей 18-летней поклоннице из Нового Орлеана Кэрол Паркер. Церемония бракосочетания состоялась 16 августа.

Марлон, по словам одного из друзей, не отважился сказать обо всем братьям, будучи уверенным, что об этом узнает Джозеф. Он не хотел, чтобы отец вмешивался, как это было с Морин, Тито и Джекки. Кроме того, Кэрол не подписала добрачный договор, и Марлон не имел ни малейшего желания испытывать на себе гнев отца.

Джозеф чувствовал себя обманутым, был уязвлен, что прозвучало в одном из интервью, которое он дал в январе 1976 г. «Нынешние дети просто убегают из дома и потом женятся, Марлон не сказал мне ни слова, я узнал о его женитьбе из других источников. Меня даже не пригласили на свадьбу». По словам Сузи Джексон, семье не понравилась Кэрол. «Я лично ею восхищаюсь, но другие полагали, что она слишком заносчивая. По-моему, Кэрол — в отличие от Энид и Ди-Ди — не вмешивалась ни в какие коммерческие дела и интересовалась только своим мужем».

Тем не менее тайный брак Марлона превратился в серьезную проблему. Он не только поставил под сомнение установившееся доверие внутри семьи, но и стал причиной трудностей рекламно-коммерческого характера. Дело в том, что Марлон и его братья — все считались идолами тинейджеров, которые тратили ежегодно

на их поддержку миллионы долларов. Скрыв от своих фанатов столь важную новость, он фактически предал их.

Как говорил отец, если вы предаете своих поклонников, считайте, что вам пришел конец. И действительно, популярный журнал Right On!, ориентирующийся на черную молодежь, опубликовал в апрельском номере за 1976 год письма подростков, которые осуждали своего кумира за скрытность и лживость. Пожалуйста, постарайся быть честным, писала, например, одна девушка из Балтимора.

Майкл был глубоко задет тайным браком Марлона, с которым он был до этого очень близок. «Я не понимаю свою семью, — жаловался он, — и я никогда не женюсь. Брак — это ужасно, я просто никому не могу доверять».

«А что вообще Майкл знал о доверии? — говорил в интервью один из его бывших приятелей. — Он презирал Джозефа. Его братья также не доверяли друг другу. Джермен оставался лояльным по отношению к Берри Горди. И Майкл даже завидовал, что ему удалось вырваться из цепких объятий семьи. Кому вообще еще можно верить в этой ситуации? И вообще, что это за семья?» При этом бывший приятель Майкла судорожно закрыл рот рукой и нервно осмотрелся по сторонам, словно опасаясь, что кто-то услышит его крамолу.

В возрасте, когда он должен был излучать оптимизм и думать о будущем, 17-летний Майкл, казалось, находился на грани отчаяния и в состоянии почти полной безнадежности. «Люди постоянно причиняют боль друг другу, — считал он, — и меня это очень огорчает».

Теперь, когда четверо Джексонов — Джекки, Тито, Джермен и Марлон — были женаты, семейных драм и конфликтов стало много больше. «Даже Тито и Ди-Ди, имевшие маленький домик и маленьких детей, не были застрахованы от семейных неурядиц», — говорила Сузи Джексон. Если кому-то дарили бриллиантовое кольцо, все непременно хотели иметь такое же. Жены братьев оказались на редкость завистливы. Сама Сузи была замужем за барабанщиком группы, который тоже считался членом семьи, хотя и получал намного меньше. Ей казалось, что на нее все смотрели сверху вниз. Ее даже не пригласили на свадьбу Хейзл и Джермена, она не ощущала себя членом семьи.

Как отмечала Джойс Маккрей, которая впоследствии стала сотрудничать с Джозефом, «эта семья не любила, когда о ней говорили. Сами они могли рассуждать о своих проблемах между собой, полагая, что имеют на это право. Но им не нравилось, когда посторонние обсуждали их, а посторонним считался каждый, кто не принадлежал непосредственно к семье, включая

жен братьев. Было время, кода отец даже запрещал Ди-Ди и Энид выезжать на автомобилях за пределы гостиницы, где они остановились, чтобы встретить своих мужей, возвращавшихся с концерта. Он считал, что от невесток лишь одни неприятности».

В начале 1976 года, когда братья давали показания в суде в связи с иском Motown, выяснилось, как мало они в сущности знали о своей музыкальной компании. Майкл не мог даже вспомнить, когда была сделана там их первая запись. Он не знал точно, что было записано в Детройте в 1968 г., как он познакомился с Дайаной Росс, сколько всего песен они записали и как долго продолжались сеансы звукозаписи в студии.

Частично Майкла можно было извинить за это. Дело в том, что сам Берри Гордон не говорил никому, сколько пластинок было продано. Цифра продаж часто бралась с потолка, что относилось и к т.н. «золотым дискам». В сущности, до этого никому не было особого дела.

В своем выступлении на суде Майкл заявил, что не понимает, почему группа не записывала песен в Motown в то время, что оставалось до истечения контракта. Отец сказал им, что их связь с этой компанией является «болыпой ошибкой», но сын всегда выступал зато, чтобы выполнить все обязательства перед Берри, иначе группа проиграет процесс. Однако эти аргументы не возымели действия. Из его слов стало очевидно, что никакого заговора братьев с целью бойкота Motown не было и что не сотрудничать с компанией приказал им Джозеф.

В то время, как продолжались юридические препирательства, появилось сообщение, что Джексоны выступят в собственном серийном телевизионном шоу. Со своей стороны, Motown была также заинтересована в том, чтобы постоянно держать Джермена, который не участвовал в судебных заседаниях, в поле зрения общественности. Пресс-служба компании организовала ряд интервью с ним. В апреле 1976 г., в частности, дал весьма примечательное интервью журналистке Синти Керк в то время, когда его братья были в Маниле.

Беседа состоялась в доме Джермена в Лос-Анджелесе. Пресс-агент Motown Боб Джонсоне встретил ее на пороге с феном в руках и объяснил, что только что вымылся и сушит волосы. Но фен был лишь уловкой: как только Керк начинала задавать смелые или неудобные вопросы, фен включался на полную мощность, почти полностью заглушая голос Джермена и одновременно давая ему понять, чтобы он замолчал.

По мере того как исполнители Motown взрослели, руководству компании становилось все труднее затыкать им рот. Джермену, которому исполнился 21 год, казалось, что теперь

Горди не посмеет контролировать каждое его слово. Однако компания стала прибегать к дешевым трюкам, чтобы проверять его высказывания и изымать из них все лишнее. Как вспоминал впоследствии Керк, использование электрофена в качестве сигнала во время ее интервью и было таким трюком.

Когда Джермен затронул проблему личной жизни и карьеры музыкантов, сказав, что руководство компании считает, что главное — это работа, Джонс запустил на полную катушку свою адскую машину, так что последние его слова потонули в сплошном шуме. «Боб! — не выдержал он, — что ты там делаешь?» Я просто не хотел, чтобы затрагивали эту проблему», — спокойно произнес он,

В ходе интервью кто-то позвонил Джермену, и Джоунс запустил свой злосчастный фен. Не на шутку рассердившись, он обозвал Боба бранным словом, но так, чтобы тот не слышал.

Через 2 месяца Майклу исполнилось 18 лет. «Я достаточно взрослый, чтобы иметь собственное мнение, — заявил он на слушаниях по делу Motown. — Меня беспокоит, что никто не желает понять того, что я говорю».

Действительно, у него был лишь один голос из пяти, которые были необходимы для принятия решений, касающихся группы. Однако и Джо, и другие братья понимали, что Майкл — нечто особенное и фактически стал самым важным членом ансамбля. Тем не менее никто из них не отважился говорить об этом во всеуслышание, опасаясь, что, возгордившись, он отделится от семьи (чего тот, кстати сказать, даже не собирался делать). Майкл понимал, что братья, с одной стороны, боятся потерять его, а с другой, не хотят, чтобы он приобрел слишком большой вес, и сетовал: «Все это просто бесит меня».

Отцу и братьям он дал понять, что не намерен участвовать в «глупом летнем телешоу» и что не следовало бы вообще соглашаться на него. Однако при голосовании, как уж не раз случалось в прошлом, оказался в меньшинстве и вынужден был уступить. Майкл уже тогда понимал, что телевизионные серии убийственны для имиджа исполнителей и негативно отражаются на тираже их пластинок. Подобный опыт был уже у Донни и Мэри Осмонд, Хеллен Редди, Тони Орландо и Доун, Сонни и Шер и многих других певцов. Зрители настолько привыкают к нелепым персонажам телесериалов, что перестают всерьез относиться к ним как к звездам эстрады. Например, Донни Осмонду потребовалось 10 лет, чтобы прийти в себя после морального ущерба, который нанесло ему участие в телесериале Donny and Marie.

Сериал «Джексоны» был рассчитан на 4 недели, каждая серия

продолжалась полчаса. Первый эпизод, вышедший на телеэкраны 16 июня 1976 года, представлял также гостя — Сонни Боно. Маккензи Филипс, Эд Макмахон и Джо Бишоп были гостями в следующих. Как и в лас-вегасском, в сериале принимали участие ЛаТойя, Джанет и Морин.

Майкл выглядел неважно на записи первых четырех программ. У него не было времени, чтобы довести до совершенства каждое свое движение, к чему он всегда стремился. Втайне он надеялся, что шоу не будет возобновлено.

Однако на телеэкране все выглядело достаточно ярко и эффектно. Каждую неделю в одно и то же время ведущий своим бархатным голосом объявлял: позвольте представить семью Джексонов — Майкл (17 лет), Марлон (19), Тито (22), Джекки (25), Рэнди (14). а также их сестры Морин (25), ЛаТойя (20) и Джанет (10). Программа открывалась музыкальным номером, на заднем плане из лампочек загоралось имя «Джексоны», которое было столь ярким, что могло бы осветить целый небольшой город.

Гости, сидящие в зале, начинали аплодировать с самого начала. Кто-то даже пытался дотронуться рукой до одного из братьев, но из этого ничего не получилось. На одном из шоу Пятерка была в серебристых жилетах традиционного покроя, на голове — мексиканские шляпы. Они выглядели элегантно и прекрасно танцевали.

«Мы — Джексоны, — объявил Майкл, — и тем из вас, кто ожидает Осмондов, мы не советуем настраивать звук и изображение ваших телевизоров». В ответ на это публика смеялась и дружно аплодировала.

В другом шоу на них были белые сюртуки и шляпы, в руках серебряные трости; они выходили на сцену, сопровождая своих сестер, которые были в длинных атласных платьях, и все вместе изящно танцевали под ностальгические ритмы. Фактически этот сериал был началом музыкальной карьеры Джанет. Музыкальные номера в нем сменялись небольшими комедийными скетчами и приходилось разучивать не только музыку, но и тексты.

В одной сцене Джанет имитировала неподражаемую Мэй Уэст, которую еще хорошо помнили представители старшего поколения. Ее голос и светлые кудри привели публику в неописуемый восторг. Возможно, в свои 10 лет девочка понимала не все, что ей приходилось произносить, но была очень естественна и забавна. Уже тогда было очевидно, кто станет следующей большой звездой в семье.

Для Джанет телевизионные шоу стали боевым крещением в ее будущей карьере. Ее заметил продюсер Норман Лир, который в

это время подыскивал молодую исполнительницу на роль соблазненной девочки в сериале Good Times. Он пригласил ее принять участие в пробных съемках, и Джанет была вскоре утверждена на эту роль, которую успешно играла в течение двух сезонов (1977-1979). Затем она снялась в фильмах A New Kind Of Family, Diffrend Strokes и Fame.

К явному неудовольствию Майкла, рейтинг их шоу был довольно солидным, и в Си-би-эс приняли решение снять новые эпизоды и запустить их в эфир в январе 1977 г. Уступая нажиму со стороны братьев, он скрепя сердце вынужден был подписать новый контракт. Как вспоминал позже автор сценария сериала Бифф Мейнард, Майкл, и без того всегда державшийся особняком, одиноко бродил по павильонам, и даже когда был вместе с братьями, всегда оставался на заднем плане.

Что касается самого шоу, то оно неожиданно стало терять рейтинг после возобновления в январе 1977 г., что — как ни странно — было серьезным ударом для Майкла, вкладывавшего в него все свои силы. Последний эпизод появился на экранах в апреле 1977 г. Между тем в своей автобиографии Moonwalk он утверждал, что телешоу прекратилось только из-за его отказа выступать в нем.

Следует отметить, что время эстрадных шоу подходило к концу, им на смену шли семейные сериалы наподобие Happy Days или One Day At a Time. Судьбу Джексонов разделяли также аналогичные шоу Сонни и Шер, Тони Орландо и Доун. Они были отнюдь не плохи в музыкальном отношении, но скетчи и комедийные номера оставляли желать лучшего.

«Я не комедиант, — признавался Майкл. — И я не могу заставить людей смеяться, если сам чувствую, что не смешон».

Телешоу «Джексоны» принесло больше неприятностей, чем выгоды его устроителям. Motown ухватилась за эту программу и увеличила размер иска за нанесенный ущерб с 5 до 20 млн долларов. Этому способствовала также невольная ошибка одного из сотрудников Си-би-эс, поместившего в рекламе телешоу старое фото группы Джексонов, на котором они были все вместе с Джерменом. И хотя Си-би-эс извинилась перед Motown и обещала впредь не допускать подобных оплошностей, Горди был неумолим и решил идти до конца.

В результате он не получил ожидаемых миллионов, ему присудили лишь 600 тыс. долларов за понесенный ущерб, а именно — за одностороннее преждевременное расторжение контракта и отказ записывать новые песни по просьбе Motown в июле 1975 года. Это решение суда было в точности предсказано Майклом.

Джозеф пытался доказать в суде, что с ним нечестно обошлись в Motown. При этом он сослался на случай в Детройте 26 июля 1968 т., когда он, сидя рядом с адвокатом Горди, даже не прочитал контракт, прежде чем дать его подписать своим сыновьям. Адвокат Ральф Зельцер формально подтвердил этот факт. Суд счел, что Джексону не следовало давать сыновьям подписывать контракт, не ознакомившись с ним предварительно. На это он ответил, что уровень его образования недостаточен и, кроме того, это был первый когда-либо подписанный им официальный контракт. Просто поставил свою подпись там, где указал Ральф Зельцер.

По постановлению суда Motown, как и следовало ожидать, сохранял за собой все права на название. Что касается самих Джексонов, то они, покидая Motown Records, обладали очень скромным капиталом (если он вообще у них еще остался к этому времени).

* * *

Первый альбом Джексонов, записанный на Си-би-эс, назывался The Jacksons и вышел весной 1977 г. под брэндом Epic. В него были включены одна из первых песен, написанных Майклом, Blues Away, и сочиненная братьями композиция Styll Of Life. Обе продюсировались Джексонами. Для подготовки других исполнительные продюсеры компании Кении Гэмбл и Леон Хафф наняли коллег, состоящих в штате, в том числе Декстера Уэнзела, Джина Макфаддена и Джона Уайтхеда. В общем получилась довольно сильная, хотя и не слишком новаторская коллекция песен. Майкл заметил позже, что многому научился, работая с Гэмбл и Хаффом, в частности, тому, как правильно структурировать мелодию и выстраивать «анатомию песни».

Затем Джексоны выпустили свой первый сингл, ставший хитом — Enjoy Yourself. Этот танцевальный номер стал наиболее удачным для них после Dancing Machine тремя годами ранее. Он занял шестую строчку в списке популярности. Поскольку это был единственный хит в альбоме, сам альбом занял лишь 36-е место в чарте. Публика была в замешательстве, поскольку в это время Горди выпустил свой альбом Джексонов — Joyful 1 Your box Music, составленный из неопубликованных ранее песен группы.

Цель была очевидна — помешать успеху братьев, связавших свою судьбу с конкурирующей компанией. И хотя альбом, выпущенный Горди, не имел успеха, он выполнил свою задачу и отвлек внимание публики от проекта Си-би-эс. И все же первая работа Джермена с Motown была для него более сильным разочарованием, чем не слишком высокие позиции в чартах для остальных членов группы. Его первый альбом, который так и

назывался My Name is Yermaine, занял 164-е место в чарте «Топ-200».

И без Джермена Джексоны продолжали гастролировать. В мае 1977 года они выступили в Мемфисе, штат Теннесси. Майклу пришлось спасаться бегством, когда толпа разгоряченных поклонников готовилась брать штурмом отдел крупного универмага, где он намеревался давать автографы для всех, кто приобрел их альбом.

Майкл был опечален неудачей первого самостоятельного альбома Джермена и по-прежнему считал, что он рано или поздно вернется в группу. Сожалел о провале брата и Мар-лон, и Тито сказал: «Все-таки он наш брат, и я могу пожелать ему только удачи». Лишь Джозеф злорадствовал и считал, что сын получил по заслугам. Братьям, особенно Майклу, это было явно не по душе.

Глава 13

К тому времени, когда Майклу исполнилось 19 лет (август 1977 г.), он уже был не только одним из самых известных исполнителей последних лет, но и кумиром многих девушек и молодых женщин, которые раскупали фото и афиши с его портретами и развешивали их в своих спальнях, мечтая о нем. Его братья, особенно Джекки и Джермен, часто пренебрегали супружеским долгом и заводили короткие бурные романы с представительницами прекрасного пола во время гастролей. Хотя музыка Майкла была в высшей степени чувственной, а его танцевальные номера часто носили довольно откровенный характер, сам он был на редкость несексуальным молодым человеком.

«Забавно, что девушки считают меня сексуальным, — говорил он. — Сам я так про себя не думаю. Все, что я делаю на сиене, это в сущности плод воображения. Мне нравится доставлять моим поклонникам радость и заставлять их думать, что я романтичен. На самом деле я совсем не такой».

В течение многих лет публика оживленно сплетничала по поводу личной жизни Майкла: обычная или необычная у него сексуальная ориентация или вообще — ни то, ни другое? Поразительно, но все, что касалось в этом смысле столь откровенно чувственного исполнителя, оставалось окутанным тайной.

С малых лет он получал противоречивые сведения о сексе. Согласно заповедям Свидетелей Иеговы, сексуальное желание как в мыслях, так и на деле — является грехом, и совратители и насильники не попадут в царство Божие. Секс разрешался только в браке, и то в известных пределах.

Однако от отца, который водил своих сыновей на шоу, Майкл исподволь получал другую информацию. Стриптиз-шоу, по его словам, производили на него «жуткое, омерзительное впечатление». Психиатр из Беверли-Хиллз считает, что 9-летний мальчик вполне мог пережить эмоциональный шок: с одной стороны, праведная мать, с другой — не слишком строгий в моральном отношении отец.

Рассказывают, что в этом возрасте в клубе «Аполлон» Майкл был свидетелем картины, которая его потрясла: хорошо сложенная, опытная «стриптизерша» снимала с себя одну деталь одежды за другой, пока не осталась в нижнем белье. В этот момент «она» эффектно сорвата с головы парик, вынула из бюстгалтера 2 больших апельсина и перед изумленной публикой

предстал мужчина. Отец вовсе не был шокирован, что не требует комментариев.

Вспоминают, как Джозеф заставлял маленького Майкла во время исполнения номера Skinny Legs and AH лазать под столом, поднимать дамские юбки и заглядывать под них. Бедный мальчик закатывал глаза и жалобно улыбался, но публике нравилось это дурачество, и она бросала деньги на сцену. Братья стремглав бросались подбирать мелочь, и, как вспоми нал Майкл, ему тогда было тяжело передвигаться из-за набитых до отказа карманов.

Можно представить, в каком настроении после такого шоу ребята возвращались домой, где Кэтрин неустанно напоминала им о благочестии. Когда Джексоны стали звездным ансамблем и часто подолгу гастролировали, она оставалась дома с маленькими детьми. Отец же, не стесняясь сыновей, назначал свидания с другими женщинами, хвалясь тем, что он — главный в этом семействе. Все братья сознавали, что Джозеф спекулирует на их успехах в собственных корыстных целях. Иногда он приходил в отель с двумя женщинами и, закрывая за собой дверь, громко смеялся в другой комнате, словно желая продемонстрировать сыновьям свою силу и авторитет.

Между тем это был неуверенный в себе человек, которого одолевало множество проблем. Семья, он считал, не оценивает по достоинству все, что он делал для нее, и от этого жизнь его была наполнена бесконечной тоской. Несмотря на популярность сыновей, на все, что делал он для жены и дочерей, он не чувствовал с их стороны должной благодарности и уважения. В доме не ощущалось особой теплоты и любви. Быть может, это объясняется тем, что сам Джозеф был довольно холоден, и семья не знала, с какой стороны к нему подойти. Поэтому он искал утешения и забвения на стороне.

По мнению психолога Кэрол Либерман, остается гадать, были ли внебрачные похождения Джозефа следствием недостаточной сексуальности его жены. Не следует забывать, что она была глубоко религиозной женщиной; может быть, именно поэтому и пришла к Свидетелям Иеговы. Многие уходят в религию именно потому, что боятся своей сексуальности: в ней много различных табу, в том числе сексуальных, и это служит оправданием их страхам. «Я не пытаюсь снять вину с отца, — говорит Кэрол Либерман, — но и на его жене лежит доля ответственности, она тоже по-своему виновата в несложившихся сексуальных отношениях в семье».

Возвращаясь к тем гастролям, когда отец вместе со своими подружками вытворял в соседнем номере гостиницы нечто невообразимое, Майкл говорил, что ему противно вспоминать об

этом. Джозеф думал, что это забавно, но мы были удручены, вторит ему Марлон. Братьям было не по себе от столь циничного проявления супружеской неверности. Им было непонятно, как он может постоянно обманывать Кэтрин и даже не стыдится этого.

Надо отдать должное братьям — никто из них ни разу не вспомнил об этих эскападах Джозефа в присутствии матери. Тем самым они лишь отягощали свои душевные страдания. Как вспоминала Сузи Джексон, у их матери, оставшейся дома во время гастролей, разумеется, никогда не было никакого любовника. Она всегда была верна мужу, за что все дети любили ее еще больше.

По мнению Кэрол Либерман, вся эта нездоровая ситуация в семье наиболее негативно отражалась на самом младшем из братьев — Майкле, который считал, что, скрывая от матери правду, они тем самым предают ее. Ему исполнилось 8 лет, он был на пороге того возраста, когда мальчику особенно необходимы любовь и внимание со стороны матери. Судя по всему, он внутренне хотел быть маминым любимчиком и, видя, как отец обнимает ее, страдал. Тогда Майкл осознал, что ему придется иметь дело в жизни с притворством и лицемерием.

Конечно, он не был пай-мальчиком. Когда братья были на гастролях в Чикаго, вместе с ними по очереди подглядывал в дырочку в женском туалете. Тогда мы узнали все, что нам хотелось знать о женщинах, — не без гордости вспоминал Марлон. А несколько лет спустя, во время гастролей в Лондоне, Майкл, которому было 13, и 14-летний Марлон обнаружили в своей раздевалке отверстие, через которое с вожделением наблюдали за театральной звездой Кэрол Ченнинг. «Посмотри, она голая!» — кричал в восторге Марлон. Майкл стыдливо заглядывал в дырку и отводил глаза в сторону.

По мере того, как росла их популярность, все больше девушек стремилось сблизиться с кем-то из Джексонов. Однажды ЛаТойя застала молодую незнакомку в ванной комнате Майкла, которому это очень не понравилось. Однако старшие братья, особенно 17-летний Джермен, охотно пользовались любой возможностью, чтобы переспать с хорошенькими девушками. Кстати, он обучал Майкла и Марлона нехитрому искусству любви.

Хотя это и маловероятно, но Марлон уверяет, что Майкл был столь же сексуален, как и Джермен. Если верить ему, Майкл совсем не был девственником. Во всяком случае, довольно странно слышать из уст Марлона заявление о мужественности Майкла, в то время как для большинства людей, знающих его, было очевидно, что секс производит на него просто устрашающее воздействие. Возможно, он действительно проявлял некоторое

сексуальное любопытство в подростковом возрасте и даже испытывал сексуальное возбуждение. Но отдаться на произвол чувств было для него равносильно отчуждению от самого дорогого человека на свете — его матери. Сама идея сексуальной активности вызывала у него отвращение.

Один из приятелей, знавший Майкла с 1974 года, вспоминал: «Однажды я разговаривал с Морин, и она как бы невзначай бросила, что у Майкла нет времени на девушек. «Что же это за парень, который не может найти времени на девушек?» — поинтересовался я. Она ответила, что на это есть свои причины. Я был заинтригован и услышал поистине страшную историю. Оказывается, когда Майклу было 15 лет, кто-то из семьи (сестра называла его имя, но я не стану этого делать) решил, что ему пора заняться сексом.

Были приглашены две профессиональные проститутки, которые должны были «обработать» его соответствующим образом. После этого дверь комнаты была заперта, и Майкл остался наедине с этими жрицами любви. Неизвестно, чем они там занимались, но, по ее словам, это нанесло глубокую травму психике подростка.

Если эта история правдива, то после такого шокового урока Майкл уже не мог заниматься сексом. Как говорил бывший пианист группы Джеймс Макфилд, иногда его знакомили с женщинами, но в этом общении не было ничего интимного. Ему нравились милые, чистые девушки, но никак не уличные проститутки. Когда братья уверяли, что якобы приводили к нему в номер во время гастролей секс-девушек, это можно воспринимать с известной долей скептицизма. По словам Сузи Джексон, речь шла о том, чтобы поддержать престиж брата.

Одна из таких поклонниц вспоминала позже о встрече с Майклом после концерта в Нью-Йорке. По ее словам, за кулисами какой-то служащий подошел к ней и прямо спросил, не хочет ли она провести вечер с Майклом. Конечно, был ответ «да». На вопрос, сколько это будет стоить, она не задумываясь сказала, что ничего не возьмет. Ей безумно хотелось быть с Майклом Джексоном. А кто бы этого не захотел? Меня привели в раздевалку, где в одиночестве сидел Майкл. Я вошла он попросил меня закрыть за собой дверь.

«Почему ты проститутка?» - обратился он ко мне. Я обиделась и без обиняков отвечала, что мне не нужны деньги. «Ты хотела бы заняться сексом со мной?» - спросил Майкл. Получив утвердительный ответ, он как будто заинтересовался но когда я начала расстегивать блузку и обнажила груди, он отвернулся и резко сказал: «Прекрати! Я не могу заниматься с тобой сексом».

- «Почему?» - «Потому что я не могу», - повторил он. Мне показалось, отмечала девушка, что он был опечален. Я дала ему свой телефонный номер и просила звонить, если ему захочется заняться сексом. Я ушла. Мне он тогда показался очень одиноким и наивным. Ему, наверное, хотелось немного побыть в женской компании, но он был до смерти напуган. Я гадала, позвонит ли он когда-нибудь, но он так и не позвонил.

«Никто ничего не знает о его сексуальной жизни, — говорит его кузен Тим Уайтхед. - Он - полная противоположность своих братьев и скрывает свою личную жизнь даже от своей семьи. Можно только догадываться об этом, но никто не знает об этом наверняка».

Большинство людей, близко знавших Майкла, когда ему было 19 лет, соглашается с тем, что, вероятнее всего, у него не было до этого никаких серьезных романтических приключений. Он никому не позволял проникнуть сквозь оболочку, которой он окружил себя. Вероятно, его слишком часто обманывали те, кого он любил или кем восхищался: отец, братья, Берри Горди. И все же он понимал, что артисту необходим рекламный имидж. Именно поэтому в печать было запущено сообщение о том, что Майкл испытывает романтические чувства к Татум О'Нил, которой в 1977 г. было 13 лет.

Маленькая Татум, дочь актера Райана О'Нила, успела к тому времени уже получить «Оскара» за главную роль в фильме Paper Moon. Она была не по годам высокой, с красивыми ногами и стройной фигурой. Уже тогда чувствовалось, что это будет замечательная актриса. Детство ее было очень трудным - родители развелись, недолго пробыв вместе. Девочка не любила свою мать и в конце концов осталась жить с отцом. Вспоминая эту историю, Майкл говорил, что никогда не слышал ничего более печального и что его мать просто святая. Ему нравилась Тату^ потому что она преодолела все трудности и вышла из них победительницей.

В отличие от Майкла, которого готовили к исполнительской карьере, Татум стала актрисой случайно. Райан помог ей с ролью только для того, чтобы она была под его постоянным присмотром во время съемок Paper Moon. В сущности он не хотел, чтобы дочь становилась актрисой, поскольку эта профессия связана с постоянным напряжением и разочарованиями. За главную роль в фильме Татум надеялась получить гонорар 60 тыс. долларов и купить На эти деньги ранчо, где можно было бы выращивать лошадей. Но гонорар составил всего 6 тыс. долларов, несмотря на то что она получила за эту работу «Оскар».

Когда Татум стала актриСой, Райан О' Нил распоряжался ее

карьерой так же, как Джозеф Джексон командовал своей семьей. В частности, он решил за нее, что она будет сниматься в фильме International Velvet еще до того, как она прочла сценарий. Ему показалось, что эта роль подойдет его дочери и она с ней справится.

Татум не раз жаловалась на то, как распоряжаются ее жизнью. Майкл сочувствовал ей, говоря, что хорошо понимает ее. Но она могла и настоять на своем. Она наотрез отказалась сниматься в роли девочки-проститутки в фильме Taxi Driver, и эта роль досталась Джоди Фостер. Двенадцатилетняя Татум хотела играть в этой картине только главную роль, считая, очевидно, что все остальные роли — не для лауреата академической премии.

Татум выглядела взр0сЛой не по годам. Она могла ночи напролет танцевать в дискотеках с Бьянкой Джеггер, Марго Хемингуэй и Шер. Майкл считал ее очаровательной. Казалось, ей удавалось все, за что она ни бралась. В 14 лет она уже водила машину отца. Сам Майкл смертельно боялся садиться за руль и говорил, что ей не следует делать этого до 16 лет. В ответ девушка лишь смеялась.

Впервые Майкл встретил Татум в 1975 г. на вечеринке, которую устроил Пол Маккартни на борту Queen Mary в Лонг-Бич, штат Калиф0рния Майклу было 17 лет. Весной 1977 г. увидел ее с отц0м в клубе «Роке» в Лос-Анджелесе: Татум подошла к нему и легко дотронулась до его плеча. Майкл был тронут этим.

На следующий день они пригласили его на прием, который устраивал издатель Playboy Хью Хефнер. На нем были все знаменитости Беверли-Хиллз. Там показывали телевизионный мини-сериал Roots по роману Алекса Хейли, когда Татум это надоело, она пригласила Майкла принять вместе с ней горячую ванну. Но у меня нет купального костюма, смутился Майкл. Кому нужны купальные костюм, недоумевала Татум, но, видя смущение Майкла, все же попросила принести им два купальных костюма.

У Татум были светлые мягкие волосы до самых плеч. Ее кожа была розовой, как у ребенка, но фигура выдавала уже черты молодой девушки, которой скоро будет 14 лет. Лежа в воде, Татум и Майкл болтали, обменивались секретами. По некоторым слухам, они были голые. Эта идея весьма импонировала публике, которая еще долго муссировала ее на все лады, подогреваемая бурным карьерным ростом Татум.

«Мы не стали раздеваться догола, — признавался впоследствии Майкл. — На нас были купальные костюмы и нам просто было хорошо. Почему публике нужно всегда выдумывать какие-то грязные истории?» По словам Татум, Майкл не любил,

когда ему дарили подарки на Рождество или день рождения. Ей это казалось странным, она обожала делать подарки.

В автобиографии Майкл напишет позже, что они влюбились друг в друга и были близки на протяжении некоторого времени. После Дайаны она была его первой любовью. Однако сама Татум настаивала на том, чтобы их отношения оставались чисто платоническими. Характерно, что две женщины, с которыми Майкл якобы имел романтические отношения — Дайана Росс и Брук Шилдс, — категорически отрицают, что они когда-либо были в интимных отношениях.

Актриса Сара Джексон, которая в то время дружила с Татум, приводила ее слова: «Майкл очень милый мальчик, но такой застенчивый, что у девушек вряд ли могут быть какие-либо отношения с ним. Когда мы оставались наедине, он почти ничего не говорил. Я знаю, что он девственник. Необходимо, чтобы кто-нибудь поговорил с ним об этом. Не знаю, боится ли он на самом деле секса, но, во всяком случае, в нем не чувствуется особой заинтересованности в этом».

«Роман» Майкла и Татум продолжался несколько лет и, судя по всему, завершился во время вечеринки, устроенной Родом Стюартом в своем доме в Беверли-Хиллз в 1979 г.Самого хозяина не было. Поговаривали, что будто Татум предложила Майклу заняться сексом с ней и писательницей Кэрол Мэллори. Обе они вознамерились лишить его наконец девственности. Майкл, как и следовало ожидать, отказался за что был публично высмеян и унижен.

Хотя Кэрол Мэллори, автор вышедшей в 1988 г сенсационной книги о необузданных сексуальных фантазиях женщин, вела достаточно раскованный образ жизни, она решительно опровергла впоследствии все слухи о том, что вместе с 1атум якобы хотела совратить Майкла Джексона. «Как вы смеете задавать мне такой вопрос? - возмущалась она в одном из интервью. - Да если кто-либо упомянет мое имя в этой связи, я подам на него в суд». Это не было просто угрозой в конце концов она добилась через своих адвокатов чтобы бульварные газеты The Star и News of The World поместили на своих страницах опровержения.

Что действительно произошло той ночью, до сих пор остается загадкой. Сам Майкл никогда не комментировал это Его еще пару раз видели с Татум на людях, но казалось что он испытывает некоторую неловкость. Обычно говорила Татум он отвечал односложно. Тогда же с быстротой молнии распространился еще один слух, который, очевидно, очень задел самолюбие Майкла: говорили, что он гомосексуалист и -больше того - намеревается

вскоре сделать операцию по изменению пола и жениться на телевизионном актере Клифтоне Дэвисе, выступившем незадолго до этого в сериале Amen Кстати, Дэвис написал в свое время хит «Never Can Say Goodbye» который принес известность группе Джексонов

Куда бы Майкл ни шел, он слышал эту сплетню По его словам, ему было отвратительно, что люди думают, будто он голубой и что он якобы намеревается сменить пол Когда однажды на концерте Дайаны Росс он случайно столкнулся с Клифтоном Дэвисом, его охватил параноидальный страх что кому-то из фоторепортеров придет в голову мысль сделать фотомонтаж, на котором они будут изображены вместе После того как фотографы удалились, Клифтон подошел к Майклу и шутливо сказал: «Если к тебе присмотреться, то окажется, что ты вовсе не девушка, не так ли?»

Клифтон не меньше Майкла был разгневан глупыми пересудами: в конце концов получалось, что не только Майкл но и сам он тоже голубой. Однако более сентиментального Майкла эта история окончательно вывела из равновесия.

В одном из интервью 1978 г. на прямой вопрос журналиста Майкл ответил, что он не гомосексуалист и что все эти нелепые истории распространяются теми, кому больше нечего делать. У меня не будет нервного срыва из-за того, что кто-то утверждает, будто я занимаюсь сексом с мужчинами. Я этим не занимаюсь, и точка. Возможно, у меня есть много голубых поклонников, но у них своя жизнь, а у меня своя. «Почему этот вопрос постоянно возникает? — спросил тогда Майкл, на что репортер смущенно пожал плечами. — Быть может, потому, что у меня высокий голос? Но у нас в семье у всех высокие голоса. Или потому, что у меня не слишком много подруг? Я этого просто не понимаю».

На самом деле он вряд ли когда-либо позволил бы себе вступить в гомосексуальные отношения, даже если бы он и испытывал чувства по отношению к другим мужчинам. Он был слишком пуританином для этого. Не следует сбрасывать со счетов и его религиозное воспитание, приверженность идеям Свидетелей Иеговы. Если он желал спасти свою душу, а не гореть в адском пламени, он должен был вечно следовать строгим догмам, которые исповедовала его мать.

Майкл был достаточно умен, чтобы понимать, что любой сомнительный контакт может быть предан огласке — любителей подзаработать хоть отбавляй. Подобные сообщения неминуемо отразились бы негативно на его карьере и на его отношениях в семье. Интересно, как бы прореагировали братья, узнав, что Майкл голубой? Во всяком случае, Марлон продолжал бы

настаивать, что это не так (иначе он об этом бы знал, не так ли?). Можно предположить, что реакция Джозефа на такое известие была бы весьма жесткой. А мать? «Я чуть с ума не сошла, когда впервые услышала об этих сплетнях, — с горечью говорила Кэтрин, — Майкл был оскорблен этими слухами. Он не голубой. Это противоречит нашей религии».

Майклу было безразлично, любит ли его отец, но любовью матери он очень дорожил и ради этого готов был пойти на все, даже на подавление своих чувств.

Конец 70-х годов был довольно трудным периодом для Майкла. Даже если не принимать во внимание интимные моменты жизни, он оставался весьма впечатлительным и ранимым молодым человеком, каждый шаг которого становился предметом всеобщего интереса. На его лице вдруг появились юношеские угри, он стал стесняться показываться на людях. На сцене это было не так заметно из-за грима и соответствующего освещения, но на улице это бросалось в глаза.

Репортеры обменивались комментариями по этому поводу, поклонники были шокированы его видом. Майклу трудно было пережить такое унижение. Он стал еще более замкнутым и не смотрел на людей, когда с ними разговаривал. Даже во время бесед с матерью низко наклонял голову, чтобы она не могла разглядеть его прыщей. Ему казалось, что он выглядит не слишком привлекательно, что его кожа слишком темная, а нос слишком широкий. И хотя семья знала об этих проблемах, ему не позволяли пройти специальный курс лечения.

19-летний Майкл был, с одной стороны, совсем взрослым, а с другой - поразительно незрелым. Например, он боялся сесть за руль автомобиля, что отличало его от всех сверстников, в том числе его братьев. Лишь намного позже, в 23 года, он получил водительские права, и то лишь по настоянию родителей.

Зимой 1977 года вышел второй альбом Джексонов, записанный на Си-би-эс - Coin Place. (Первый альбом/ выпущенный «Columbia» с большим трудом, но получил золото — сами братья надеялись на платину.) Этому была уготована более суровая участь. Главный трек дошел лишь до 52-го места в списке «Билиборда», а сам альбом смог подняться лишь до 63-й позиции в «Топ-200». И все же это было лучше, чем у Джермена, продолжавшего сотрудничать с Motown' Альбом Feel The Fire, выпущенный тогда, занял лишь 174-ю строчку в списке популярности, что дало повод обозревателям полагать, что Горди махнул рукой на своего подопечного, несмотря на то, что тот был женат на его дочери.

Что касается альбома Coin Places, то в нем была песня

Different Kind Of Lady, которую написал Майкл, она часто исполнялась в клубах и дискотеках. Другая песня Do What You Wanna, сочиненная группой, вышла в сингле. Однако с 1971 г. у Джексонов не было ни одного хита номер один, что угнетало Джозефа. Новые отношения с Си-би-эс не приносили долгожданного успеха, на который все так надеялись.

Глава семьи решил встретиться с Роном Алексенбергом, чтобы убедить его в необходимости для группы сочинять и продюсировать собственный музыкальный материал. Помня об инициативе, проявленной в свое время Майклом с Берри Горди, отец взял его с собой на эту встречу. Сын согласился, поборов в себе неприязнь к нему. Очевидно, братьям это не очень понравилось. Джозеф и Майкл объяснил представителям Си-би-эс, что хотят сами работать со своей музыкой, в противном случае пригрозили покинуть проект во избежание более крупных неудач.

Они тогда еще не знали, что президент Си-би-эс Уолтер Етникофф фактически списал их со счетов, признав, что группа недостаточно успешна в коммерческом отношении. Два первых альбома Джексонов оказались неудачными, выпуск третьего был признан нецелесообразным. Однако расторжение контракта с ними стало бы для них ударом, от которого они вряд ли смогли бы оправиться. В таком случае все шишки неминуемо посыпались бы на Джозефа. Дирекция Си-би-эс пожалела Джексонов и решила предоставить им еще один — на этот раз действительно последний — шанс.

После того как они выступили единым фронтом на этих переговорах, отношения между отцом и сыном не улучшились. Майкл наблюдал за Джозефом, учился у него решительности и проницательности, но никогда не называл его больше «отец», а только «Джозеф».

Глава 14

К 19 годам Майкл Джексон начал серьезно сомневаться в мудрости людей, ответственных за его карьеру. Берри Горди, хотя и был блестящим стратегом в шоу-бизнесе, разочаровал его, когда отказался предоставить группе финансовую и творческую независимость. Разуверился он и в отце, который оказался не слишком способным бизнес-менеджером.

Майкл часто оказывался в меньшинстве, когда речь шла о делах и будущем группы, в которой он считался самым важным участником. Это не могло не повлиять на отчуждение его и от своей семьи, процесс этот был длительным и завершился спустя много лет. Казалось, что и Джозеф, и братья отдавали себе отчет в том, что происходит.

Внешне Майкл оставался таким же мягким и нежным, но, по мнению окружающих, стал постепенно приобретать все больший вес. К нему прислушивались; когда был недоволен, семья проявляла явное беспокойство. Отец и братья старались предоставить ему больше свободы действия. Взрослея, он все больше сам хотел решать вопросы, касающиеся его будущей судьбы. То же самое происходило и с Дайаной Росс, которая начала освобождаться от влияния Берри Горди в 1977 году. Именно она рекомендовала Майкла на роль Страшилы в мюзикле, который собирался снимать знаменитый режиссер Сидней Люмет. Джозефу эта идея не очень понравилась, он вообще ревниво относился к кинокарьере Майкла, стараясь не поощрять индивидуальность своих сыновей и заботясь лишь о благополучии группы в целом.

Отец прекрасно понимал, что без голоса Майкла, без его харизмы «Джексоны» потеряют свой коммерческий успех. Только с ним они могли рассчитывать на контракты со звукозаписывающими фирмами и концерты, что было фактически главным залогом их благосостояния. Однако, если раньше сын не противился групповой психиатрии, то со временем она все больше становилась для него тормозом на творческом пути.

Сняться в фильме было его давнишней мечтой, которую никогда не разделяли его близкие. Но это решение далось ему нелегко. Нужно было не только противостоять отцу, но и постараться не испортить отношения с братьями. Кроме того, ему предстояло выступить в совсем не знакомом ему амплуа. Участия в телешоу было явно недостаточно, чтобы сниматься в художественном фильме. К тому же следует учесть, что Майкл привык все делать с полной отдачей. В конце концов он решил

поступать так, как подсказывала ему интуиция, и объявил отцу, что будет сниматься в фильме, чего бы это ему ни стоило. Джозеф и братья, как и следовало ожидать, восприняли эту весть весьма скептически, мать, ЛаТойя и Джа-нет поддержали его.

Джозеф прямо заявил сыну, что считает принятое им решение «большой ошибкой», один из братьев выразился более откровенно: «Мы полагали, что он откусил больше, чем сможет проглотить, и то, что он сделал, плохо для него самого и для группы». Один из друзей семьи заметил, что такая реакция была вызвана, с одной стороны, ревностью, с другой — тем, что все они, кроме Майкла, были равнодушны к кино. К тому же они явно не хотели поощрять индивидуализм Майкла, полагая, что это может негативно сказаться на группе. И опасались, что в случае провала картины это рикошетом отзовется и на них.

Сам Майкл говорил Робу Коуэну из Motown Production, что должен сняться в этом фильме, чтобы доказать себе, что ему это по плечу. Вероятно, он хотел также немного отдохнуть от своей семьи, излишне опекавшей его. Когда в июле 1977 г. Майкл отправился в Нью-Йорк на предварительные съемки фильма, он пригласил ЛаТойю составить ему компанию. Они поселились в двух разных номерах роскошного манхэттенского отеля Sutton Place и впервые в жизни провели несколько месяцев вдали от семьи.

Как вспоминает Сузи Джексон, ЛаТойя нервничала вдали от дома и успокаивала себя огромным количеством шоколада. Она настолько пристрастилась к нему, что прибавила 20 фунтов в весе. Зато Майкл наслаждался обретенной свободой. «Это был совершенно другой человек, — вспоминает Роб Коуэн. — Он переживал душевный подъем. По вечерам мы допоздна танцевали в дискотеках, Майкл, казалось, стал меньше бояться людей. Он был в восторге от свободы, но днем работал как зверь, в чем его можно сравнить, пожалуй, с Дайаной Росс.

Манхэттен был полон соблазнов для Майкла, — вспоминает Роб Коуэн. — Однажды вечером в Rainbow Grill он встретил Жаклин Онассис и был очарован ею. Он мог говорить о ней днями напролет, восхищался ее блеском и утонченностью, надеялся ближе познакомиться с ней. На теннисном турнире увиделся с детьми покойного президента Кеннеди Каролиной и Джоном. Это было доброе время для него, шаг к людям, что сказалось впоследствии».

В июле съемочная группа начала репетицию музыкальных номеров, которые проходили в St.George Hotel в Бруклине. На одной из репетиций произошла досадная перепалка между Майклом и Дайаной Росс, которые считались до этого

закадычными друзьями. Он был прирожденным танцором, Дайане требовалось много раз повторять одно и то же, чтобы заучить нужные движения. Майкл схватывал все указания хореографа с полуслова, мгновенно повторяя их точно и элегантно. У нее, как всегда, ничего не получалось, она не могла даже повторить самые элементарные движения. Неожиданно она отвела Майкла в сторону и серьезно сказала ему: «Ты меня смущаешь». «Почему? — удивился он. — Ты слишком быстро все схватываешь».

Позже Майкл вспоминал об этом инциденте с улыбкой, но тогда ему было не до смеха. «Я и не думал смущать ее, — говорил он, — и чтобы она могла чувствовать себя спокойно, стал делать вид, что и у меня что-то не получается».

В сентябре 1977 года в Нью-Йорке состоялась пресс-конференция, посвященная работе над фильмом The Wiz. И хотя почти все артисты, включая Майкла, были готовы отвечать на вопросы, взгляды присутствующих были устремлены на одну звезду — Дайану Росс. Она была в полосатом костюме и чем-то напоминала бизнес-леди. Когда Дайана эффектно расстегнула пиджак, все обратили внимание на огромную ослепительную нитку жемчуга. После краткого вступительного слова ведущий открыл неформальную часть общения участников съемок с журналистами.

Медленно прохаживаясь взад-вперед, Росс отвечала на вопросы, в отличие от Майкла она казалась чопорной и недосягаемой. Общительный и разговорчивый, он успел расположить к себе репортеров еще в начале пресс-конференции и сейчас, хоть и не был главным героем фильма, быстро стал звездой пресс-конференции. Или, как сказал Тимоти Уайт из журнала Crawdaddy, «остроумие победило расчет». Говоря в своих воспоминаниях о Дайане Росс и фильме The Wiz, Майкл находит только самые теплые слова.

«Она приходила в мою гримерную каждый день и спрашивала, что может сделать еще, чтобы я чувствовал себя комфортнее, — писал он. — Она была для меня, как мать. Я очень люблю ее».

Дайана и в роли Дороти, главной героини фильма, была как мать для Майкла — Страшилы, особенно когда говорила ему: «Верь в себя, как я верю в тебя». То, что никто в семье не поддержал его, больно ранило Майкла, но он не позволил им помешать ему просто потому, что никто из них не разделял его взгляды на жизнь. Этот Джексон — прирожденный игрок, хотя немногие считали так в то время. Переполненный идеями и мечтами, он хотел испытать фортуну. Но в семье беспокоились, что каждый его шаг подвергнет опасности их жизнь и карьеру. И

делали все возможное, чтобы лишить его веры в свои силы. После окончания работы над фильмом Майкл скажет: «Никто, ни отец, ни братья, не верил, что я справлюсь с ролью».

Первый раз Страшила появляется в фильме с песней You Can't Win. Подвешенный на столбе в нелепой позе в окружении каркающих ворон, Майкл пел о людях, говоривших ему, что все должно измениться, но все оставалось по-прежнему, что бы они ни обещали. Он понимал, насколько это близко к его собственной ситуации.

«Это такое чувство, — вспоминает он, — когда ты знаешь, что есть люди, не желающие в тебя поверить. Они не держат тебя, но и не подталкивают вперед. Таким образом, они угнетают тебя и заставляют еще больше сомневаться в себе, ты сам начинаешь сдерживать себя. У меня было много подобных примеров».

Когда Страшила пел: «Вини самого себя», Майкл мог воспринимать это как личное послание, призыв взять в свои руки ответственность за собственную жизнь, что он и начал делать, снимаясь в фильме. Он стал более четко видеть свои отношения с семьей: он был их «талоном на питание», и они боялись его независимости.

В фильме Железный Дровосек хотел найти сердце — у Майкла оно было. Лев искал смелость — качество, которое юноша продемонстрировал в отношении с Берри Горди. Страшила искал мудрость, а Майкл уже успел осознать недостаточность пролученного образования. Как-то во время репетиции ему надо было прочесть цитату из Сократа, и он безбожно переврал его имя, было неприятно, что все засмеялись.

«Сок-рат, — прошептал кто-то ему на ухо. — Произносится «Сок-рат».

Майкл обернулся и увидел Куинси Джонса, постановщика музыкальной части фильма. Старый человек протянул ему руку: «Куинси Джонс. Если понадобится помощь...» — сказал он, тепло улыбаясь Майклу. Он не забудет об этом.

Съемки фильма с бюджетом в 24 млн долларов — в то время одного из самых дорогих — продолжались с 3 октября по 30 декабря 1977 г. Это была тяжелая работа. Каждый день — при одном выходном в неделю — Майкл должен был просыпаться в 4 часа утра, чтобы в 5.30 ехать на студию. По указанию матери, ЛаТойя готовила брату ранний завтрак, обычно состоявший из апельсинового сока, ветчины, тостов с маслом и овсянки. Гримировался он 5 часов.

«Не хватает слов, чтобы объяснить, как я люблю это, — рассказывает Майкл после окончания работы над картиной. — Я становился Страшилой, как только накладывали грим, и

оставался им, пока грим не снимали — момент, который я ненавидел».

Иногда он так и уезжал ночью домой в гриме.

Грим помогал ему забыть и о множестве прыщей, усыпавших его лицо. Как только накладывали грим, приделывали ему дурацкий нос и облачали его в дерюгу, Майкл мог убежать в Страну Оз — место, куда не могли добраться его отец и братья, сказочный мир, в котором люди своей верой друг в друга помогали каждому достичь цели. Неудивительно, что он не хотел покидать его.

Без костюма своего киногероя он оставался все тем же Майклом. Когда несколько девочек из съемочной группы попросили его спеть им, несмотря на то что он прекрасно чувствовал себя перед многочисленной аудиторией, он ответил: «Хорошо, я спою вам. Но только, если вы закроете глаза».

Когда съемки закончились, началась прежняя жизнь и работа в группе «Джексонов». Но теперь Майкл стал по-другому воспринимать свою семью и относиться к своей карьере. Получив удовлетворение от работы и одобрение людей, которых уважал, он испытал новое для него чувство уверенности в себе как артисте. Он хотел как можно скорее приступать к работе над сольным альбомом, обещанным ему фирмой Epic. Семья хотела заниматься только третьим альбомом «Джексонов». Опять она взяла над ним верх.

Группа отправилась на студию записывать альбом Destiny — первый, который сочинили и над которым работали сами Джексоны. Но хотя они действительно написали все, кроме одной песни, и были сфотографированы для обложки в гордых позах около пульта звукозаписи, исполнительный продюсер Бобби Коломби и Майк Аткинсон сделали почти всю работу по выпуску альбома. Когда возникли разногласия по поводу того, кто будет значиться исполнительным продюсером в выходных данных, Майкл единственный из всех братьев считал, что это должны быть Коломби и Аткинсон. В конце концов им пришлось доказывать свой вклад в реализацию проекта в качестве исполнительных продюсеров, чтобы получить заработанный ими гонорар.

Destiny оказался самым впечатляющим альбомом группы к тому времени, в нем были включены также сделанные в Motown. Впервые группа выпустила альбом с четкой внутренней структурой, он состоял из 8 песен, каждая из которых была достойна стать синглом. Во времена Motown и в первых двух альбомах, выпущенных Epic, всегда было несколько выпадающих из контекстов вещей, которые никогда не выпустили бы в качестве синглов.

Майкл никогда еще не добивался лучшего звучания, чем на этом альбоме. Очевидно, что оно четко выверено и воспроизведено с ювелирной точностью. Он точно знал, как настроиться на суть сюжета песни, чтобы создать правильное настроение.

В результате многих лет, проведенных им в студии и перед публикой, а также благодаря любви к пению он стал блестящим интуитивным стилистом.

Самой впечатляющей была песня Shake Your Body Down to The Ground, написанная Майклом и Рэнди. Выпущенная синглом в феврале 1979 г., она стала главным хитом альбома, заняв в чартах популярности 7-е место. Было продано около 2 млн экземпляров. Пластинка, которая до сих пор считается великолепной танцевальной темой и одним из высших достижений Джексонов.

Братья дали множество интервью, каждый раз подчеркивая, что хотя сочиняются песни много лет, впервые выпускают альбом, в котором доминируют их собственные композиции. Их нельзя было обвинить в неумении сочинять песни — они доказали это альбомом Destiny. Однако бросалось в глаза, насколько они были неинтересными как объекты интервью, не могли поддержать разговор о собственной музыке с минимальной глубиной и компетентностью. Их слова грешили неопределенностью и изобиловали банальностями о том, как прекрасно было сочинять и выпускать альбом, как надеются в будущем продолжить заниматься этим, «всегда и вечно», как выразился Марлон. Воспитанные с детских лет говорить с прессой по подсказке, теперь, получив возможность свободно выражать свои мысли, они не знали, что сказать.

Я был одним из журналистов, с которыми говорили Джексоны, рекламируя альбом Destiny, но я решил воздержаться от каких-либо музыкальных дискуссий, зная по прошлому опыту, что получу от них мало содержательных комментариев. Интервью происходило 2 августа 1978 г., и воспоминание об этом эксцентричном летнем дне в Энсино навсегда останется в памяти.

Когда мыс фотографом Джоном Уайманом подъехали к кованым железным воротам поместья Джексонов, они были открыты. Но Джон все равно нажал на кнопку звонка — мы были наслышаны о злобных псах, охранявших территорию, и не хотели испытывать судьбу. Электронная камера, установленная на высоченном столбе, повернулась к нам. Наше изображение проецировалось, как мы позже узнали, на телеэкран на кухне хозяев.

«Вы можете войти», — произнес мужской голос.

Мы въехали на круговую подъездную дорогу, заставленную «Кадиллаками», «Роллс-Ройсами», «Мерседесами» и лимузинами прочих марок. Три сторожевых пса рвались с привязи, бегая на цепи вдоль забора в конце дороги. Их разъяренный лай контрастировал с хриплыми криками трех больших павлинов — один из них был полностью белый, — сидящих в клетках. Эти звуки напоминали то ли детский плач, то ли кошачье мяуканье. Мы решили подождать в машине.

Оглянувшись, я увидел самодельный указательный знак с надписью «Бульвар «Пятерки Джексонов», прибитый к стволу дерева. Слева от него была баскетбольная площадка. Из четырех окон двухэтажного дома на нас равнодушно уставились четыре лица — Майкл, ЛаТойя, Рэнди и их мать Кэтрин прильнули к оконным стеклам, напоминая группу заключенных.

Пути назад не было, нужно было действовать; мы вышли из машины и направились к парадной двери. Я позвонил. Дверь открыла 22-летняя ЛаТойя в белом теннисном костюме. Когда через несколько секунд показался Майкл, она извинилась, вышла на дорогу, прыгнула в красный спортивный «Мерседес» с откидным верхом и умчалась.

«Рад, что вы все-таки добрались», — сказал Майкл и пожал мне руку.

На нем была желтая футболка с надписью «Челюсти», черные джинсы и шляпа для сафари, из-под которой во все стороны торчала копна жестких кудрявых волос. Он был бос и, как мне показалось, выглядел болезненно худым. Он говорил своим необычным фальцетом, шепотком, который, по-моему, звучат еще тише, чем во время нашей последней беседы. Ровно через неделю ему исполнилось 20 лет.

Майкл провел нас в гостиную. Огромный желто-зеленый попугай восседал на насесте за стеклом и щелкал земляные орехи. Из-за другого стекла на нас с опаской взирал красно-сине-желтый какаду. Когда мы сели, он издал пронзительный крик. Я вдруг почувствовал себя в зоопарке. «Почему ты не угощаешь гостей лимонадом?» — спросила сына Кэтрин, войдя в комнату. Я заметил, что при ходьбе она немного хромала из-за перенесенного в детстве полиомиелита. Иногда это было заметно чуть сильнее.

«О, простите», — пробормотал Майкл. Он побежал на кухню, дав мне возможность поговорить один на один с его 49-летней матерью, пока фотограф устанавливал оборудование.

Дом, в котором они жили с 1971 года, был выкрашен в бледно-желтый, светло-зеленый и белый тона, отражавшие добрую натуру Кэтрин. Казалось, общительная, дружелюбная, она

излучает свет вокруг себя. Сказала, что сама занималась отделкой дома, — женщина дала понять, что относится к людям, которые сами обустраивают свое жилье. Она упомянула, что любимые блюда Майкла — горячий яблочный пирог и пирожки со сладким картофелем.

«Вот только сейчас я никак не могу заставить его съесть хоть что-нибудь, бесполезно, сколько ни пытайся, — пожала она плечами. — Я все еще надеюсь, что он ест хотя бы, когда проголодается, но, кажется, ему вообще не свойственно чувство голода. Видели, какой он худой? Это меня очень беспокоит».

Я оглядел дорогую мебель. «Последние годы у вас все налаживается, не так ли? — спросил я Кэтрин. — Это, наверное, лучшие годы в вашей жизни?» — «Да нет, — ответила она задумчиво. — Лучшие годы были, когда Майклу исполнилось три и мы с ним пели народные песни. Видите ли, я всегда мечтала быть звездой кантри, но разве можно было представить себе такого чернокожего исполнителя в те годы? Все те же расовые предрассудки. В общем, у мальчиков была одна спальня с трехъярусной кроватью.

И перед сном мы все вместе пели. В то время мы были так счастливы. Я бы всю жизнь отдала за то, чтобы вернуться в Гэри хоть на один день; тогда все было намного проще. Когда мы только переехали в Калифорнию, я каждый день говорила себе: «Как бы я хотела, чтобы все было по-прежнему, как в Гэри». Но прошлого не вернуть», — добавила она с грустью.

Майкл вернулся в комнату с двумя стаканами лимонада. Он протянул один мне, другой — фотографу, а сам уселся в кресло, скрестив ноги. Кэтрин попрощалась с нами и ушла.

На протяжении всего интервью, которое длилось 2 часа, Майкл высказывал свое мнение по разным вопросам.

— Я не слишком разбираюсь в политике, — признался он. — Не знаю почти ничего. Кто-то мне недавно сказал, что Джеральд Форд был президентом.

Он рассмеялся своим звонким серебристым смехом; в тот день у него было хорошее настроение, тогда он еще не был той застенчивой суперзвездой, отшельником, каким станет впоследствии. Я рассмеялся вместе с ним, думая, что он шутит. Но он не шутил.

— Помню, он был вице-президентом, — продолжал задумчиво Майкл. — Но вот президентом... — Он беспомощно пожал плечами: — Не знал.

Через несколько лет Майкл станет активно читать газеты и делиться своими мыслями о политике с Джейн Фондой. Но в то время он имел весьма туманное представление о происходящем.

Пораженный тем, что в двадцать лет можно быть настолько отрезанным от внешнего мира, я предпринял еще одну попытку:

— Как ты узнаешь о событиях? Читаешь газеты, смотришь новости?

— Я смотрю мультики, — сказал он. — Я обожаю мульти-ки — Его глаза загорелись. — Я так люблю Диснея. Волшебное Королевство. Диснейленд. Это волшебное место. Уолт Дисней был таким же мечтателем, как и я. И он воплотил свои мечты, как я. Я надеюсь.

— А как насчет происходящего в мире? Майкл рассеянно взглянул на меня:

— Происходящего в мире?

— Ты читаешь газеты? — повторил я. Он отрицательно покачал головой

— Понимаешь, меня интересует шоу-бизнес. Я все время слушаю музыку. Смотрю старые фильмы. Фильмы с Фредом Астером, например. С Джином Келли — очень нравится. И с Сэмми Дэвисом. Я смотрю их целыми днями, 24 часа в сутки. Вот что я люблю больше всего. Шоу-бизнес и все такое.

Мы немного поговорили о старых фильмах и о его участии в фильме The Wiz, в котором он только что снялся в роли Страшилы. Я спросил его, чего он хотел бы достичь в профессиональном плане.

— Того, что ждет от меня Джозеф.

— Джозеф? А кто это? — поинтересовался я.

— Мой отец.

— Ты зовешь отца по имени? Майкл хмыкнул.

— И оправдать ожидания твоего отца — это и есть все твои профессиональные стремления?

Майкл немного подумал:

— Ну да.

— А чего бы ты лично хотел достигнуть?

— Мои личные и профессиональные стремления — одно и то же, — выдавил он. — Я хочу выступать на сцене. Понимаешь, когда я был во втором классе, учитель спросил меня, чего бы я хотел в жизни. Я сказал, что хочу отдельный дом — свой уголок, где можно уединиться, и возможность выступать. Мы можем поговорить о чем-нибудь другом?

— Есть ли у тебя друзья, которым ты мог бы довериться? Майкл заерзал:

— Нет, пожалуй, нет. Я одинок.

— А как же Татум О'Нил? Он пожал плечами:

— Неплохая девочка. Была очень рада за меня, когда я снялся в The Wiz. Она и Райан поддерживали меня, помогали в

работе над текстом роли, я им многим обязан. Думаю, что Татум меня понимает. Она обещала научить меня водить машину. Знакомит меня с известными людьми. Но девушки, которые действительно меня любят, — по ту сторону ограды. Когда у меня есть возможность, я выхожу и раздаю автографы. Им это нравится. Я стою по одну сторону ограды, они — по другую.

— Ты всегда держишь ворота запертыми? — спросил я.

— Нуда, конечно.

— А еще у тебя есть друзья?

— Да, у меня есть один друг, -- сказал он. — Очень близкий друг, которому я могу доверить все свои самые страшные тайны, потому что знаю, она никому о них не расскажет, ни одной живой душе. Ее зовут... — Он сделал многозначительную паузу, — миссис Дайана Росс.

— У тебя есть страшные тайны, Майкл? Он рассмеялся:

— Они есть у всех.

В этот момент к нему присоединились его братья Джек-ки, Тито, Марлон и Рэнди.

Майкл рассказывал об успехе группы с компанией Motown и о последовавшей за ним «финансовой истерии», которую компания окрестила «Джексоманией».

— Однажды у музыкального магазина в Сан-Франциско столпилось более тысячи подростков, — тихо сказал он. — Толпа подалась вперед и разбила витрину. Большой кусок стекла упал на голову одной девочке. И рассек... — он замолчал, чтобы насладиться эффектом, — ей горло.

Майкл резко провел указательным пальцем по шее.

— Майкл, заткнись. Это мерзко, — сказал его младший брат Рэнди.

Пропустив его слова мимо ушей, он продолжал:

— В общем, у нее было перерезано горло, но никто не обращал на нее внимания. Почему? Потому что там был Я, и все они хотели подержаться за меня и получить мой автограф. Майкл вздохнул: «Интересно, что потом стало с этой девочкой.

— Наверное, умерла, — пробормотал Тито. Джекки попытался сдержать смешок.

Фаны — это радость и горе.

— У нас есть три сторожевые собаки. Одну зовут Хэви, вторую — Чернушка, а у третьей нет имени, — сказал Майкл. — Мы вынуждены держать их. Однажды женщина перелезла через ограду, проникла в дом и спряталась в кладовке. Мы пришли домой, она посмотрела на нас и знаете что сказала? — Майкл повернулся за помощью к Марлону. — Что сказала эта тетка?

— Она сказала:

— Я здесь, потому что господь меня послал, — ответил Марлон.

— Ага, господь послал, — повторил Майкл. Джекки снова засмеялся:

— Нуда, бог послал ее сидеть в кладовке «Пятерки Джексонов» и ждать, пока они придут, дадут ей автограф, а потом сфотографируются с ней. У нее божественная миссия. Прикол!

— А потом умудрилась пробраться целая семейка, они лазили по всему дому, — продолжал Майкл. — Перерыли все вещи. Хотели найти самые личные вещи. Джанет затаилась. Мы были напуганы. А иногда фаны задают странные вопросы. Они не верят, что мы настоящие. Как-то раз одна из них спросила меня перед всеми: «А ты моешься в ванной?» Мне было так неудобно.

Ближе к середине интервью радостное возбуждение братьев сменилось откровенным весельем, когда кто-то затронул

тему прозвищ.

— У Майкла есть кликуха, — заметил Джекки. — Довольно прикольная.

Улыбающееся лицо Майкла помрачнело. «Не стоит, Джекки», — пригрозил он и отвернулся.

— Мы зовем его...

— Ну ребята, я же просил! — взмолился Майкл.

— Большой Нос, — сказал Джекки, не обращая внимания на смущение брата.

Все засмеялись, Майкл покраснел.

— Ну да, Большой Нос, - повторил Марлон, ухмыляясь. — Мы зовем его Большой Нос». Марлон шутливо толкнул брата: «Как дела, Большой Нос?

Но Майклу было не до смеха. Он будто свернулся внутрь себя.

Другие не обращали на это внимания и продолжали до тех пор, пока Майкл чуть не расплакался. В тот день он больше почти ничего не сказал.

— Ребята, это не смешно, — заметил Тито.

После интервью мы вышли на улицу, чтобы сделать снимок на фоне теплого калифорнийского заката. Их отец, Джозеф Джексон, здоровяк ростом в шесть футов с родинкой на лице, тонкой полоской усиков и кольцом с розоватым бриллиантом размером с мраморный шарик, с важным видом прошел во

двор.

— Ребята не фотографируются, — сказал он Уайману.

— Но корреспондент из Epic велел нам переодеться для съемки, — возразил Марлон.

— Может, сделать парочку снимков, пока они в этих

костюмах? — попытался схитрить Уайман.

Джозеф подумал. Он набрал полную грудь воздуха и тяжело вздохнул:

— Давайте сделаем несколько снимков, мальчики.

После съемки фотограф с Майклом направился в сторону близлежащих вольеров с множеством больших пестрых птиц. Ко мне подошел Джозеф.

— Видите ли. у меня свой взгляд на воспитание детей, — сказал он вдруг, хотя я его и не спрашивал об этом. — У меня был очень строгий отец. Он был школьным учителем и обращался со мной как с одним из своих учеников, а не как с собственным сыном. Он не применял ко мне никаких особенных методов воспитания. И я ему за это благодарен. В детстве меня строго воспитывали, и благодаря этому я сумел в жизни многого добиться. Мои дети тоже получили строгое воспитание, и посмотрите, чего достигли они. Я думаю, что детям следует больше бояться своих родителей. Им это только на пользу, да и их родителям тоже. Я же сделал для своих детей все, что от меня зависело.

«Были ли вы хоть раз ими разочарованы? — спросил я его.

Джозеф задумайся.

— Много раз, — сказал он. — Ну, взять, к примеру, Джермсна. Он все время ошивается в Motown с Горди, вместо того чтобы быть с нами. Предпочел Берри — мне. Знаете, что я из-за этого чувствую? Мне очень больно. Вот здесь, — он постучал сжатым кулаком по левой стороне груди. — Кроме этого, у меня было много других поводов для расстройства. Но мне кажется, я ни разу не подвел своих ребят. Если бы я это сделал, им было бы не очень здорово. Воспитывая детей, ты делаешь для них все, что можешь. Помогало то, что им всегда было к чему стремиться, — отметил Джозеф. — Мои дети всегда находили чем развлечься, а я всегда был готов им в этом помочь. Они занимались теми видами спорта, которые укрепляют силу воли, такими как футбол или бейсбол. — сказал он с гордостью. — Они не рассказывали вам об этом? Джекки мог бы стать профессиональным бейсболистом, если бы захотел. В Высшей бейсбольной лиге. В «Чикаго Уайт Соке», например. Они все добивались хороших результатов в спорте. Кроме Майкла. Он ни разу не держал биту за всю свою жизнь. — Джо улыбнулся. — Даже не знал, что с ней делать. Мы пытались его поддразнивать, но его это просто не интересует. Он слишком чувствительный.

Да, следует знать о Майкле еще кое-что: с четырехлетнего возраста он хотел выступать на сцене. И всегда хотел быть первым. Именно поэтому он никогда не любил спорт — братья

могут превзойти его в спорте; там он не может быть первым. Но что касается музыки, Майкл знает, что там ему нет равных. Никого, — сказал Джозеф, покачав головой. — Это именно то, чего Майкл добивался: быть первым.

Кстати, о Майкле. Марлон рассказал мне о том, что произошло. Вы собираетесь написать об этой истории с прозвищем, не так ли? — спросил он.

Я ответил, что еще не знаю.

— Майклу не нравится прозвище, которое они ему дали: Жирные Губы.

— Жирные Губы? Они назвали его Большой Нос.

— А, ну да, — отозвался отец. — Он так переживает из-за своего носа. Разве у него с носом что-нибудь не так? Как вы считаете?

— Нет, все в порядке.

— Мне тоже так кажется. Но только и говорит о своем чертовом носе. Грозится, что исправит его. А что он с ним может сделать? — Джо выглядел озадаченным: — Я сказал, что разобью ему лицо, если он когда-нибудь рискнет исправить свой нос. Нельзя ничего исправить, если оно не сломано, — он засмеялся. — У него прекрасный нос. Прямо как у меня.

Спустя некоторое время Майкл вернулся в гостиную, чтобы поделиться еще кое-какими мыслями о своей жизни и карьере. Не обращая внимания на меня и фотографа, закинул ногу на ногу и стал рассеянно грызть ногти.

«Когда я не на сцене, я совсем другой человек, — признался он. — Мне кажется, сцена для меня — это что-то вроде наркотика. Когда я долго не могу выступать, у меня начинается депрессия, я начинаю сходить с ума. Я часто плачу или веду себя очень странно. Я не шучу, так и есть. Тогда я танцую дома». Он словно торопился высказаться: «Как будто что-то во мне утеряно, и я пытаюсь это вернуть, иначе я не буду чувствовать себя единым целым. И для этого мне нужно петь и танцевать, понимаешь? Меня это притягивает, ничего не могу с собой поделать. Сцена — единственное место, где я чувствую себя в своей тарелке.

Мне совсем неуютно в окружении, — он прервался, пытаясь найти нужное слово нормальных людей. — Но когда я на сцене, раскрываюсь и становлюсь самим собой. Что бы ни происходило в моей жизни, там это уже не имеет значения. На сцене я словно сбрасываю оковы и говорю себе: «Вот я и дома. Вот мое место, ибо так захотел Господь». На сцене я безграничен. Я — номер один. Но когда я вне сцены, — он пожал плечами, — я думаю, я, — он снова замолчал в поисках подходящего слова, — совсем несчастлив».

В тот же день, несколькими часами ранее, я брал интервью у Сиднея Люмета, режиссера-постановщика фильма The VViz. «Майкл Джексон — самый талантливый исполнитель со времен Джеймса Дина, — сказал мне Люмет. — Он блестящий актер и танцор, может, даже один из самых уникальных артистов, с которыми я когда-либо работал. У него огромный талант».

Я передал Майклу слова Люмета. Он был смущен: «А кто такой Джеймс Дин?»

Затем завел разговор о своей роли Страшилы в фильме. «Чем мне близок мой персонаж? — сказал он. — Тем, что он, если можно так выразиться, в постоянном смятении. Он знает об этой своей... э-э... проблеме, можно так сказать. Но он абсолютно не знает, что с ней поделать. Он также понимает, что смотрит на вещи совсем по-другому, чем все остальные, но не может дать точный ответ, почему. Он не такой, как другие. Никто его не понимает. Так он и идет по жизни с этим своим... э-э... — он замялся, — смятением».

На мгновение Майкл перестал заниматься своими ногтями. «Все думают, что Страшила особенный, странный, — сказал он задумчиво. — На самом деле он просто грустный. Очень, очень грустный. Понимаешь? — спросил он тоном, не терпящим возражений. — Ты понимаешь, отчего он грустный?»

Как раз в то время Джозеф уволил юриста Ричарда Арон-са, бывшего неофициальным сопродюсером группы. На его место он решил поставить Рона Уайснера и Фредди ДеМанна в качестве официальных сопродюсеров. Сыновья согласились с этим. Оба не первый год работали в шоу-бизнесе: Уайнер — управляющим делами, а ДеМанн занимался раскруткой исполнителей. Позже Джозеф утверждал, что ему была нужна помощь этих двух белых людей, чтобы получить гарантии Си-би-эс, что они будут раскручивать Джексонов так же, как белых исполнителей. Он понимал, что компания все равно смотрит на них исключительно как на черных и потому занимается продвижением группы не в полную силу.

Довольно часто — и вполне оправданно — многие черные артисты, подписавшие контракт со звукозаписывающими компаниями вроде Си-би-эс, жалуются, что белые продюсеры относятся к ним с предубеждением. Многие менеджеры черных исполнителей, в том числе и Джозеф, считают, что белые продюсеры не представляют себе, как вывести черного музыканта «по ту сторону», сделать его популярным не только у черной, но и у белой аудитории. Он не хотел, чтобы Destiny или какой другой альбом Джексонов крутился только на «черных» радиостанциях. Возможно, именно поэтому он нанял Уайснера и ДеМанна.

Однако, поскольку Ароне тоже был продюсером, могло сложиться впечатление, что для этого были и другие причины.

Как бы то ни было, стратегия Джозефа сработала. Количество проданных экземпляров Destiny превысило миллион, альбом занял 11-е место в чарте «Биллборд» — совсем неплохо для группы, которая несколько лет не выпускала альбомов.

Но Майкла это совсем не радовало. Несмотря на то что говорили его братья, он знал, что своему успеху альбом был обязан вовсе не Джексонам. В Epic все только и говорили о том, какие Джексоны прекрасные продюсеры. Майкл не мог смириться с этим враньем. Группа собиралась поехать в гастрольный тур в поддержку альбома, он боялся даже думать об этом. У него больше не было ничего общего с братьями, Майкл чувствовал, что никто из них его не понимает. Кроме того, он знал, что если что-нибудь случится в дороге, никто не спросит его мнения о том, как решить эту проблему. И в довершение всего он отказывается говорить с отцом или вообще быть рядом с ним.

Многие связывали успех Destiny с тем, что Джозеф, по их мнению, становился блестящим продюсером, но Майкл позже признался, что не был в их числе. Он утверждал, что отец действовал по «принципу дробовика». «Если выпустить достаточное количество дроби, одна попадает точно», — объяснял он. Эта тактика иногда срабатывала, как, например, в случае с Джексонами. «Но можно израсходовать кучу боеприпасов и попасть не в ту цель, — сказал Майкл одному из продюсеров Си-би-эс. — Обратите внимание, как Джозеф сторонится Берри и всех остальных из Motown. Другие же на его месте наметят мишень, хорошенько прицелятся и попадут с первого раза. Именно так и нужно действовать», — заявил Майкл. Он и в самом деле неплохо учился на чужих ошибках.

The Wiz, вышедший в октябре 1978 года, разочаровал и потерпел полный кассовый крах. Авторы большинства критических, если не сказать — восторженных, статей очень уважительно отзывались о фильме, особенно об игре Майкла. Но предрешили неудачу не критические статьи, а сплетни вокруг него. Прошел слух, что фильм не удался, в результате чего кассовые сборы падали день ото дня. Картина была настолько незначительным событием, что даже люди, занятые в ее съемках, вскоре забыли о ее существовании. Даже сингл Easy On Down The Road, который Майкл спел в дуэте с Дайа-ной Росс, и обещавший в таком составе быть хитом номер один, не вошел в хит-парад сорока лучших композиций. Берри Горди, не имеющий никакого отношения к фильму, до сих пор не желает его обсуждать.

«Это разбитая мечта. Великолепная идея, из которой ничего

не вышло, — говорит продюсер фильма Роб Коэн. — Мне становится плохо от одной мысли о том, что два года моей жизни, 23 миллиона долларов компании Universal, тысячи часов работы и вся любовь, надежды и мечты тех, кто участвовал в съемках, были вложены в этот фильм, и он себя не оправдал».

Майкл ничем не показал своего разочарования, не делает он этого и по сей день, во всеуслышание отзываясь о The Wiz только хорошо. «Я думаю, что это прекрасное, восхитительное кино, — официально заявил он. — Идеи, заложенные в нашем варианте сказки, значительно глубже, чем в оригинале. Я не думаю, что можно придумать что-нибудь лучше».

С одной стороны, он действительно в это верил. Роль Страшилы стала для него личным достижением. Сопоставляя себя с этим персонажем, он получил возможность заглянуть внутрь себя, найти силу и уверенность в себе. «Благодаря работе в этой картине я понял, что нужно для того, чтобы стать властителем мира, откуда берутся люди огромной силы духа, — сказал он. — Теперь я верю в себя, как никогда».

Он расширил круг своих профессиональных возможностей и заслужил уважение коллег по фильму и критиков. И все же не мог смириться с тем, что лента потерпела кассовый провал. Это приводило его в отчаяние. Никогда впредь он больше не переживал подобного.

— Я допустил какую-то ошибку? — спросил он Роба Коэна. — Может быть, мне не стоило сниматься в фильме? И следовало прислушаться к мнению моей семьи? Как это повлияет на мою дальнейшую карьеру?

— Ты следовал своему внутреннему голосу, — сказал ему Коэн. — Как и все мы. Не изводи себя напрасными мыслями.

Нам нечего стыдиться. Мы сделали лучшее, на что были способны.

-Но…

— Никаких но, — сказал ему Роб. — Твоя жизнь продолжается. Будь звездой. Ведь это только начало.

Глава 15

Майкл никогда не был так разочарован в своей жизни и карьере, как в 1979 году, когда наконец закончил турне Destiny. В дороге он потерял голос. Марлон исполнял за него высокие партии, он просто стоял на сцене, раскрывая рот, как будто пел сам. Это было унизительно, доктора вынудили Джексона отменить последние две недели выступлений из-за проблем с горлом. Он чувствовал себя постоянно усталым и разочарованным, не было того беспредельного запаса энергии, на который всегда можно было полагаться. Несмотря на энтузиазм, с которым его встречал зал, Майкл чувствовал — происходит что-то не то. Ему едва исполнился 21 год, а уже нет профессионального совершенствования.

«Все повторялось вновь и вновь, — вспоминал он в интервью, — один за всех и все за одного. Но я уже начинал думать, не начать ли мне делать что-нибудь самостоятельное».

После его работы в The Wiz поступило несколько предложений сниматься в фильмах.

«Почему я? — спрашивал он, — если я исполню эту роль, люди всегда будут связывать меня с ней. Из-за моего голоса люди и так думают, что я гомосексуалист, хотя на самом деле я не имею к этому никакого отношения. Это просто сплетни».

«Он раздумывал, стоит ли ему все же сыграть роль гомосексуалиста на экране», — отмечал один из его знакомых. «Почему я не могу этого сделать? — сказал он мне однажды. — Если я хороший актер, я должен уметь играть любую роль». Но он, конечно, просто обманывал себя, поскольку подходит к своему имиджу слишком серьезно, чтобы согласиться на подобное предложение.

Майкл решил, что если ничего не получается с фильмом, запишет сольный альбом. День за днем он проводил в своей спальне, размышляя. «Кто знает, о чем, — делился Марлон. — Он такой скрытный». Возможно, думал, что сольный альбом облегчит то переполнявшее его чувство беспокойства, которое возникло у него по окончании турне Destiny.

«Майкл считал, что Джексоны нисколько не продвинулись с тех пор, как они расстались с Motown, — вспоминал один из знакомых. — Несмотря на то что Shake Your Body стал хитом, он оставался в депрессии. Ему очень надоел имидж группы: «Я чувствую, что для меня настало время двигаться вперед. Но как я могу это сделать, чтобы не обидеть мою семью». Он был будто в ловушке».

Братья волновались. «Майкл вел себя странно, — размышлял Тито. — Словно что-то беспокоило его изнутри. Перестал появляться на семейных сборах, а когда мы обсуждали наши планы на будущее, ничего не предлагал. Возможно, решил отделиться? Не знаю. Он никогда много не говорил, и я никогда на самом деле точно не знал, о чем он думает».

Майкл стал раздражительным. Иногда зло срывал на семье. Однажды вышел из своей комнаты и увидел, что Кэтрин, Джанет и ЛаТойя смотрят телевизор. Не сдержавшись, закричал: «Вы не понимаете, что тратите зря свое драгоценное время? Вставайте и делайте что-нибудь. Напишите песню». Позднее каялся: «Я чувствую себя виноватым только от того, что просто сижу рядом с ними, вместо того чтобы что-нибудь делать».

«Вряд ли это было справедливо, что я прекратил записывать сольные альбомы, — признавался Майкл. — Наш контракт с Си-би-эс предусматривал, что я буду записываться самостоятельно. Когда же этого не произошло из-за того, что мы не могли найти подходящую песню, я стал нервничать и очень огорчился».

Джексонов сопровождал успех, но лично Майкла он больше не удовлетворял. Си-би-эс выпустил его сингл You Can't Win из кинофильма The Wiz. Хотя эта песня не была значительным хитом, она прочно завоевала залы дискотек. Возможно, с ней связано начало личного успеха Майкла.

«Ты не можешь выиграть, ты не можешь даже прорваться, ты не можешь выйти из игры». Пластинка заняла только 81-е место в списке поп-песен.

«Меня это абсолютно не волнует. В мыслях у меня уже сложилась идеальная пластинка, — сказал Майкл о неудаче песни. — Может, опять с Куинси, будет видно». Он сообщил отцу, что хочет записать сольный альбом. «Я не возражаю, — ответил Джозеф. — Пожалуйста, делай что хочешь, но только смотри, чтобы это не мешало работе с группой».— Что это значит?» — поинтересовался Майкл.— «Ты хочешь понять, что это значит? Семья — это самое главное на свете», — предостерег его Джозеф.

Он не был в восторге от того, что Майкл записывал сольные альбомы потому, что они никогда не были особо доходными. Его первые два альбома, выпущенные в Motown в 1971 и 1972 годах, расходились тиражом 350 тыс. экземпляров каждый. Это было неплохо, но третий альбом 1973 года, — резкий спад, продано 80 286 экз. Последний сольный альбом, выпущенный в Motown в 1975 г, немного лучше — 99 301 экземпляр.

Альбомы, в которых принимали участие все Джексоны, всегда продавались лучше, чем сольные. Джозеф всегда считал, что в интересах всех выступать вместе. Он ясно дал понять, что не

хочет, чтобы к Майклу было какое-то особое отношение, как тогда, в 1969 году, когда Дайана Росс представила группу как «Майкл Джексон и Пятерка Джексонов».

«Он не звезда, — настаивал Джозеф в разговоре с Берри Горди. — Они все одинаковые звезды». Так что, если Майклу нужно было записать сольный альбом, чтобы «выбросить все это из себя», отец не возражал, в случае, если сын помнил, что прежде всего он несет обязательства перед своей семьей и перед группой, а не перед самим собой.

Когда Майкл начал работу над пластинкой, которая потом получила название Off The Wall, он действительно не представлял, что хотел на самом деле. Знал, чего не хотел. Чтобы этот альбом звучал, как все остальные альбомы Джексонов. С самого начала его профессиональной карьеры всегда кто-то решал, в каком музыкальном направлении он будет работать. Сначала это были представители Motown, потом — Epic. Хотя в семье была предоставлена свобода писать и исполнять свои собственные песни для альбома Destiny, Epic настаивала, чтобы в пластинку вошла и та, авторство которой не принадлежало Джексонам.

Когда готовились остальные 3 альбома, также приходилось идти на множество компромиссов, и Майкл считал, что он практически ничего не решает. Хотя сингл из Destiny, Shake Your Body восстановил место Джексонов на рынке, многие в музыкальном бизнесе считали, что магия братьев осталась в Motown.

Теперь Майкл хотел больше творческой свободы. Он думал о том, чтобы его новый альбом был абсолютно вне его семьи, хотя братья, как только услышали об этом, стали настойчиво пытаться сделать так, чтобы это была работа группы. Но он был тверд: «Я делаю это один. Они должны понять это раз и навсегда».

«Делая самостоятельную работу, он откроет большие перспективы для себя, — говорил Сэмми Дэвис. — Я думаю, об этом Майкл давно мечтал. Он начал свою карьеру в шоу-бизнесе еще ребенком и понимает, что путь артиста от горизонта к горизонту. А вы знаете, что лучший способ достичь вершины — идти одному».

Майкл не знал точно, с чего ему начать, и позвонил Куинси Джонсу, который, как он помнил, предлагал ему свою помощь во время работы над фильмом The Wiz. Майкл попросил его порекомендовать каких-нибудь продюсеров. Тот предложил себя. Казалось, это был не лучший выбор для Майкла. Джонс достиг успеха в мире поп-музыки, своими альбомами, которые фактически были итогом работы под его руководством

музыкальной студии, в которую входили музыканты, авторы и аранжировщики. Куинси удачно сотрудничал с братьями Джонсон, дуэтом из Лос-Анджелеса — выпустил их платиновый альбом. Однако большинство музыкальных обозревателей считали, что Джонс не был слишком силен в музыке, чтобы создать действительно хороший ритм-энд-блюз альбом.

У него была долгая и разнообразная карьера в шоу-бизнесе. Начал в 15 лет, играя на трубе, и работал аранжировщиком в группе Лайонела Хэмптона. С годами перешел больше на студийную работу, занимаясь аранжировками, композиторством и продюсированием для Дины Вашингтон, Дюка Эллингтона, Биг Майбл, Томми Дорси и Каунтиа Бэйси. В начале 60-х был вице-президентом компании Mercury Records — первым черным руководителем большой компании звукозаписи. В 1963 г. начал вторую карьеру в Голливуде, стал первым черным композитором, достигшим высшего ранга. Написал музыку для 38 фильмов, включая The Wiz.

«Я не хотел делать The Wiz, — говорил Куинси. — Считал, что публика никогда не воспримет черную версию «Волшебника Изумрудного города». Постоянно говорил Сиднею Люмету, что не хотел браться за эту работу, но только потому, что он прекрасный режиссер и именно он нанял меня на работу в мой первый фильм в 1965 году, согласился. И тогда в моих ассоциациях возник образ Майкла Джексона». В 1991 году Куинси Джонс был представлен к 76 наградам «Грэмми» и 25 из них выиграл.

Когда Джексон и Джонс встретились в студии звукозаписи в Лос-Анджелесе в 1979 году, артист и продюсер оказались замечательной парой. Студийный метод работы Джонса состоял в том, чтобы окружить артиста прекрасными песнями и замечательными музыкантами, а потом предоставить ему полную свободу творчества. Майкл привык быть постоянно на поводке и был потрясен тем, что Куинси принимал всерьез его музыкальные идеи. Куинси, по его словам, сначала считал Майкла очень замкнутым, стеснительным и неконтактным. «Он совсем не был уверен в том, что сможет завоевать себе известность самостоятельно, и я тоже не был в этом уверен».

С другой стороны, Куинси нечасто приходилось работать с такими восхитительными музыкантами, как Майкл, пожалуй, с тех пор, как он работал со звездами джаза. В этом юноше он наконец нашел то, что искал в таланте, — человека, привыкшего тяжело работать, продумывая каждую деталь песни.

На пресс-конференции Куинси сказал: «Майкл — это квинтэссенция артиста, в нем есть все, чем должен обладать исполнитель. Он очень эмоционален и исключительно

дисциплинирован. Он никогда себя не исчерпает. Я теперь довольно строго отношусь к артистам, с которыми работаю, но с ним в этом нет необходимости».

Если кто-то и может вытрясти душу из артиста, так это Куинси Джонс. Он совсем не церемонится с суперзвездами.

Куинси был поражен разносторонностью Майкла: «За одну сессию он может записать 2 лидирующих вокала и 3 партии подпевок. Он прекрасно выполняет свою работу, репетирует и тяжело работает дома. Большинство певцов хотят сделать все сразу в студии: написать слова и музыку, придумать гармонию, попробовать разные варианты исполнения песни. Меня это просто бесит. Студийное время очень дорогое, поэтому такой артист, как Майкл Джексон, — мечта любого продюсера. Он приходит полностью подготовленным. За одну сессию мы выполняем столько, что я просто поражен. Я думаю, что он будет звездой 80-х и 90-х годов».

Куинси и Майкл не порывали отношений и за пределами студии, на протяжении многих лет Джексон считал его своим приемным отцом. Он настолько прислушивался к нему и следовал его советам, что казалось, это отношения между сыном и отцом. Во всяком случае, публика всегда думала, что у Майкла были такие отношения с его отцом. Но Майклу Куинси Джонс казался антиподом его отца.

«Когда я нахожусь в студии, я думаю, что самое главное — не создать нервозную и негативную атмосферу, — сказал однажды Куинси в интервью с Опрой Уинфри. — Это не приведет ни к чему хорошему. Я всегда создаю атмосферу любви».

Куинси пригласил Майкла на вечеринку в свой дом. Он приехал, но когда увидел множество припаркованных машин, занервничал и повернул обратно. «Вот он такой человек, — сказал Куинси с улыбкой. — Я вполне мог этого от него ожидать». В своем интервью журналу Rolling Stone Куинси говорил: «Он самый чистый продукт в Америке сегодня. На следующий день он стоял на пороге моего дома с моим старым другом Марлоном Брандо. Брандо рассказывал всякие грязные истории, ругался, а Майкл при этом закрывал уши».

От Куинси Джексон научился по-настоящему строго относиться к качеству работы. Продюсер был в постоянном поиске лучших песен и, если находил что-то лучше, использовал вместо выбранных прежде. Это был довольно раздражающий процесс, особенно когда Куинси критиковал собственные композиции Майкла. Но в конце концов он научился ценить этот метод и в своих будущих проектах сам пользовался им.

Наконец после прослушивания сотен песен Майкл и Куинси

остановились на нескольких, которые решили записывать. Среди них было три песни самого Джексона.

Это был альбом Don't Stop, который появился 28 июля 1979 года. Меньше чем за 3 месяца он вышел на первое место. Это был первый сольный альбом Майкла за последние 7 лет. Он также стал его первым сольным видео. По сравнению с теми видео, которые Майкл сделает через 3 года, это довольно примитивно.

В августе 1979 г. вышел альбом Off The Wall. Он привлек к себе внимание как своим содержанием, так и обложкой. На ней был широко улыбающийся Майкл, в изящном фраке, обращали на себя внимание переливающиеся белые носки. «Этот костюм был специально придуман для альбома и обложки Off The Wall», — говорит Рон Вейзнер, в то время менеджер Майкла. — До этого у него был имидж мальчишки, и вдруг он выпускает совершенно другого типа альбом и сам выглядит как денди. Это была наша, менеджеров, идея — этот костюм. Но носки — это была идея Майкла». Поклонники и коллеги из музыкального мира раскрыли рты, увидев, когда был выпущен этот альбом. Инженер Брюс Сведин постарался на славу, голос Майкла и музыка звучали просто идеально.

Фаны заявили, что не слышали, чтобы он пел с таким наслаждением с тех пор, как выходили первые записи «Пятерки Джексонов». Этот альбом представил его как настоящего взрослого исполнителя. Почитатели открыли Майкла, которого раньше не знали. Никто не предполагал, что его голос может звучать так мягко и изысканно, как в знаменитой песне Стива Уандера I Can't Help.

Еще большее впечатление производила She's Out Of My Life. В конце песни Майкл по-настоящему плакал. Песня Rock With You вышла на первое место. Off The Wall и She's Out Of My Life заняли 10-е. Майкл стал первым сольным певцом, у которого 4 песни из одного альбома вошли в десятку лучших синглов.

Это было прекрасное начало. Но тем не менее Off The Wall выиграла только один приз «Грэмми». Майкл был подавлен. «Меня это очень беспокоило, — говорил он. — Я много плакал. Моя семья думала, что я сошел с ума, так сильно я страдал из-за этого».

«Он был так разочарован, — говорила Джанет. — Мне было его так жаль, но наконец он сказал: «Подождите. Следующий альбом я сделаю так, что вы только ахнете. Я вам всем покажу».

29 августа 1979 г. Майклу Джексону исполнился 21 год. Во многих смыслах это стало для него поворотным пунктом. Он часто говорил: «Когда мне исполнится 21 год, многое изменится. Я действительно думаю, что быть настоящим мужчиной — значит

делать в жизни только то, что ты хочешь, делать это успешно и в конце концов достичь своей цели. Я думаю, что главное в жизни — это делать то, что ты хочешь. И если то, что ты делаешь, — хорошо, поделись этим с другими. Для меня Уолт Дисней - настоящий мужчина. Чарли Чаплин настоящий мужчина.

Фред Астер - настоящий мужчина. Билл Робинсон -настоящий мужчина. Они не только достигли своей цели, но принесли людям много радости и многое изменили. Люди стараются быть похожими на них».

После своего дня рождения Майкл серьезно поругался с отцом. Он сказал ему, что хочет сам делать свою карьеру. Джозеф высмеял его: «Да, да, конечно, если ты так хочешь. Ему, вероятно, не верилось, что сын сможет вести самостоятельную жизнь.

Майкл назначил встречу с новым адвокатом, который должен был проверить все его дела и точно узнать, на что тратятся деньги. Это обидело Джозефа, до сих пор он пользовался его адвокатом и бухгалтером. Теперь же, когда захотел иметь своих служащих, похоже, не доверяет ему. Конечно так и было. Майкл к тому времени был миллионером. Его состояние было немногим более миллиона долларов. Но он не любил эту тему. «Говорить о своем богатстве и стоять около роскошной дорогой машины так скучно и утомительно -признавался он. - Давайте просто скажем, что мы долго работали и имеем вполне приличный финансовый достаток». Когда же на него оказывали давление, он добавлял- «Ну хорошо, мы все миллионеры. Но зачем об этом говорить?».

Майкл Месник, который в то время был его бухгалтером а также работал с группой Beach Boys, устроил ему встречу с тремя адвокатами, специализирующимися в шоу-бизнесе. Один из них - Джон Бранка, уроженец Нью-Йорка В 31 год он уже имел опыт работы в музыкальной индустрии с группой Beach Boys с Нейлом Даймондом и Бобом Диланом. Умный, молодой, напористый и Целеустремленный он хотел сделать себе имя в шоу-бизнесе.

Джон Бранка не был знаком с музыкой Майкла. Он быт поклонником рок-н-ролла. Коллеги по шоу-бизнесу сказали ему, что Джексон считается потенциальной суперзвездой. Бранка понял, что это тот самый артист, на котором он может построить свою карьеру адвоката, и не просто адвоката а достичь высот.

Встреча была странной. Лишь в самом начале Майкл на мгновение снял свои темные очки, взглянул на Бранка и спросил: «Разве мы раньше встречались?» Когда выяснилось, что нет, он улыбнулся и снова надел очки. Все вопросы задавал Месник, Майкл слушал. Чувствовал он себя стесненно и неловко. Позднее Бранка, очевидно, понял, что Джексон и Месник тщательно обсудили заранее, как вести беседу.

На встрече Майкл — через Месника — сказал, что хочет быть независимым от своей семьи, особенно от Джозефа. В то время у Джексонов был общий контракт с компанией Epic. Теперь Майкл как сольный исполнитель хотел получить свой собственный контракт, но и сохранить контракт участника группы. Он хотел, чтобы все его дела были пересмотрены и проверены, включая продажи его пластинок.

Познакомившись с Джоном Бранка, Майкл решил: это тот, кто ему нужен. Он отменил встречи с другими двумя адвокатами и нанял его на работу. Вскоре Джексон сказал ему, что у него две цели: стать величайшей звездой в шоу-бизнесе и самым богатым. Он признался, что был вне себя от злости, когда Off The Wall получила только одну награду «Грэмми». «Я продал 5 миллионов экземпляров в Америке, 6 миллионов за границей. Это прекрасная пластинка. То, что произошло, было ужасной несправедливостью, и это никогда не должно повториться».

На Джона Бранка произвело огромное впечатление, насколько Майкл верил в себя. Это излучало такую энергию, что он не мог дождаться, когда же начнет работать с ним. На протяжении следующих почти 11 лет Бранка станет, безусловно, самой значительной фигурой в карьере Джексона. Он будет вести все его деловые переговоры, станет другом и советчиком и будет по-настоящему стараться, чтобы этот талантливый ребенок из Гэри смог достичь того, о чем мечтал. Большинство знакомых Майкла считают, что, безусловно, не будь Бранка рядом с ним, его жизнь могла бы быть совсем иной.

Первое, что сделал Бранка, — изменил условия контракта с Си-би-эс. Майкл стал получать самые высокие дивиденды, которые были возможны тогда в шоу-бизнесе, — 37 процентов от цены оптовой продажи. Такие условия имели только Нейл Даймонд и Боб Дилан. Бранка также договорился с Етникофф и с адвокатом Джексонов — Джоном Мезоном о том, что Майкл может уйти из Пятерки в любое время по его желанию и без уплаты каких-либо штрафов группе. С этого момента Майкл имел юридическое право никогда больше не записываться с братьями, если он этого не хотел.

Братьям совсем не нравился этот новый поворот, хотя они давно привыкли к тому, что Майкл выпускал сольные альбомы. Но они чувствовали бы себя более уверенно, если бы он оставался с ним.

После заключения этой сделки Рэнди Джексон пытался нанять Бранка. Он намеревался начать свою сольную карьеру в компании Epic, но Майкл настоял, чтобы Джон отказал ему. Он не хотел, чтобы его адвокат работал еще на кого-то из семьи

Джексонов. Майкл начинал осваивать собственную территорию.

Джон Бранка последовал указаниям Майкла и не взял Рэнди своим клиентом. В это время Майкл очень хотел, чтобы его снимки чаще появлялись в прессе. Он мечтал' чтобы его фотографию напечатали на обложке журнала Rolling Stone, и обратился к журналисту Норману Винтеру, чтобы тот помог устроить это. «Мы бы очень хотели иметь большую публикацию о Майкле Джексоне, но мы не думаем, что это история для обложки нашего журнала». Такой ответ получил Винтер 27 ноября 1979 года от издателя Дженна Веннера.

Майкл был зол. «Мне говорили тысячу раз, что журналы, на обложках которых черные люди, плохо продаются, — жаловался он. — Ничего. Однажды все эти журналы будут умолять меня об интервью. И, может быть, я соглашусь поговорить с ними. А может быть, и нет».

Глава 16

Многие коллеги Джозефа сходились во мнении, что он похож на человека, который пытается что-то утаить. Зная о его тайных встречах и телефонных разговорах вполголоса, они были уверены, что не знают всего о своем боссе. Такая скрытность всегда была отличительной чертой семьи Джексонов. «Иногда мне кажется, что он ведет двойную жизнь, — сказал однажды Майкл о своем отце. — Он очень замкнутый человек».

В начале 1980 года у одной из сотрудниц Джозефа Джины Спраг сложились весьма доверительные отношения с ним. И хотя многие близкие ему люди не верят ей, утверждает, что у них не было романа. По ее словам, они были большими друзьями, которые могли всегда рассчитывать на взаимное доверие. «Ему нужен был друг, — отметила она. — Он слишком отдалился от своей семьи и был очень одинок, как многие из нас. Иногда ему нужно было выговориться. Я была рядом. Но никаких сексуальных связей не было, поверьте мне. Я знала, что у него репутация обольстителя.

Но наши отношения были совсем другого рода. Он очень красивый, похож на льва. Добрый и щедрый человек. Он подарил мне золотой кулон в виде льва, потому что мы оба львы по гороскопу. Купил мне машину за то, что я помогала ему в работе над первым альбомом ЛаТойи.

Если он верил в тебя, придавал тебе силы, чтобы ты мог рискнуть и достигнуть своей цели, даже если ты сомневаешься, что это возможно. Как только я узнала его, я сразу поняла, почему его дети, особенно Майкл, стали суперзвездами. Джозеф должен гордиться собой. Я всегда ему говорила: «Конечно, о Майкле и обо всех остальных столько говорят, но вспомни-ка, кем они были бы без тебя». Все, что ни делал он, было для семьи. Но он чувствовал, что они его бросили».

Однажды Джина, которую беспокоило настроение Джозефа и его странное поведение, спросила его напрямую: «Что у тебя за тайные встречи? Что с тобой происходит? Если я могу чем-то помочь, ты можешь рассчитывать на меня». — «Пожалуй, я тебе не скажу, — ответил он, поколебавшись. — Лучше поехали со мной, и увидишь все сама». Он повез ее в многоквартирный дом в пригороде Лос-Анджелеса. Они постучали, на пороге появилась красивая мулатка. Джозеф представил ее Джине. В это время из комнаты выбежала маленькая чернокожая девочка лет шести.

«Папа! Папа!» — воскликнула она. «Это моя девушка», — сказал Джозеф, широко улыбнувшись. Он взял ребенка на руки и

крепко обнял.

«Копия отца, — вспоминает Джина. — Было видно, что он очень любит эту очаровательную девочку. Первый раз я увидела его совсем другим. И я сказала себе: «Понятно теперь, что это за встречи». Любовь Джозефа и этой женщины по имени Черил Террелл продолжалась с 1973 года, у них родилась дочь Джо Вонни».

Он хранил это в тайне. В 1980 году Джозеф, по-видимому, решил, что ему следует более серьезно заняться воспитанием дочери. Он любил эту девочку, хотел, чтобы ее тоже считали членом семьи, и намеревался учредить на ее имя корпорацию (23 февраля 1981 года, когда ей было шесть с половиной лет, все формальности были окончательно улажены).

Неизвестно, когда семья узнала о существовании ребенка, но друзья Кэтрин утверждают, что скорее всего это случилось в 1980 году. «Кэтрин была подавлена горем, — сказал один из них, пожелавший остаться неизвестным. — Все годы, проведенные с Джозефом, она боялась, что это произойдет. И это случилось».

Конечно, Джозеф изменял Кэтрин с тех пор, как они поженились. Она изо всех сил старалась закрывать глаза на это. она признавалась друзьям, что ей было трудно изображать перед журналистами семейное благополучие. Понимая, что их брак был обманом, ради детей и собственной репутации продолжала добросовестно притворяться. Неудивительно, что дети преклонялись перед ней.

«Я никогда не встречала более замечательной, заботливой, любящей, понимающей и умной женщины, чем ты, — эти строчки Джанет посвятила матери на обложке альбома Phythm Nation, вышедшего в 1990 году. — Надеюсь когда-нибудь стать такой, как ты».

Джо Вонни родилась 30 августа 1974 года, на следующий день после 16-летия Майкла, в больнице Сентинела Вэлли в графстве Лос-Анджелес. В графе «профессия» — «шоу-менеджер». Отцу было 46 лет, матери — 26.

Черил Террелл приобрела пятиэтажный многоквартирный дом как раз в то время, когда встречалась с Джозефом, за 59 тысяч долларов. Из них сама она заплатила 44 200 долларов. Друзья семьи Джексонов предполагают, что оставшиеся 15 тысяч взял на себя Джозеф. Сейчас здание и прилегающий к нему участок —- в приличном состоянии; ими до сих пор владеет эта женщина. В доме живут представители среднего класса.

Черил с дочерью жили в квартире «А». По словам соседей, Джозеф навещал их довольно часто. «Он подкатывал на черном «Мерседесе» или на белом «Роллс-Ройсе», а однажды приехал на

черном вытянутом лимузине, — вспоминает один из соседей. —- Нечасто здесь встретишь такие машины. Его даже полицейские останавливали и спрашивали, что он здесь делает. Думали, что он сутенер».

Кэтрин очень огорчилась. Но как женщина практичная и исповедующая семейные ценности, согласилась, что муж должен нести ответственность за Джо Вонни и ее мать. «Кто знает, почему она осталась с ним, — говорит Джойс Мак-Крей, одна из его служащих. — Только сама Кэтрин может ответить на этот вопрос. Думаю, она его любила. Других причин не может быть».

25 марта 1981 года Кэтрин и Джозеф купили дом с тремя спальнями в Ван-Найе, пригороде Лос-Анджелеса, за 169 тысяч долларов. При этом Кэтрин подписала документ об отказе от прав на него, таким образом передавая собственность целиком во владение мужа. Как лицо, представляющее интересы своей дочери, он перешел в собственность на ее имя. Кэтрин подписала акт дарения 29 марта 1984 года.

Мать и дочь переехали в дом сразу, как были оформлены все документы. Они живут там по сей день. Перед входной дверью кованые железные ворота. На них табличка: «Осторожно: злая собака». На почтовом ящике нет имени владельца.

Никто из семьи не мог с уверенностью сказать, что думала Кэтрин о ребенке, она отказывалась обсуждать этот вопрос. «Это касается только меня и вашего отца».

«Скажем так, эта тема разговора не входила в число ее любимых, — говорил ее племянник Тим Уайтхед, сын ее сестры Хатти. — Джозеф хотел, чтобы ребенка принимали в семье на равных, но это было невозможно. Для моей тети это было невыносимо. Она переживала трудные, я бы даже сказал, тяжелейшие времена».

По словам Джерома Говарда (который распоряжался финансами Джозефа и Кэтрин в 1988 году), она как-то призналась ему, что ходила в бакалею и наткнулась там на любовницу мужа и ее дочь. «Я остолбенела, Джером, девочка — точная копия Джозефа».

Хотя Кэтрин всегда была разумной, здравомыслящей женщиной, на нее не могло не повлиять известие о ребенке. Впоследствии Майкл отмечал, что почувствовал серьезные перемены в матери. Она редко улыбалась, все чаще и чаще сердилась, стала раздражаться по пустякам.

Несмотря на разлад в семье, братья и сестры старались не ссориться из-за личных неурядиц. На публике они всегда представали как единая семья. Но теперь у Майкла объявилась шестилетняя сестра, которая была копией его отца. Он, как никто

другой в семье, не считая матери, почувствовал себя брошенным. Несмотря на то что Джозеф делал все, чтобы семья простила ему его «ошибку» — так это было принято называть, — Майкл так и не смог оправиться от потрясения.

«Майкл чувствовал, что Кэтрин, единственный человек, которого он любил больше всех в своей жизни, была предана, — отмечал Маркус Филлипс, другу семьи. — Я уверен, он так и не смог простить этого предательства. Он много плакал, говорил, что чувствовал себя бессильным и очень устал от этого. Он ничего не мог с собой поделать, это сводило его с ума. Его сердце было разбито. Честно говоря, он никогда не был таким. Никогда. Его чувства по отношению к матери намного сильней, чем у других людей. Она была для него богиней. Он верил в нее и доверял ей больше, чем кто-либо на земле. Когда страдала она, страдал и Майкл».

Напрашивается вывод, что именно из-за страданий матери у Майкла так и не сложилась личная жизнь, утверждает консультант по вопросам брака и семьи Кэрол Л. Кестер, которая имела практику в Редондо-Бич, Калифорния; это связано исключительно с типичной «зацикленностью на конкретной ситуации». В данном случае речь идет о постоянных изменах Джозефа, о которых стало известно задолго до появления ребенка. Однако привязанность Майкла к матери имеет свою давнюю предысторию.

Термином «эдипов комплекс» Фрейд назвал запретное влечение сына к матери. (Эдип случайно убил отца и женился на собственной матери.) Влечение к родителю противоположного пола — нормальная стадия в развитии ребенка; пятилетние мальчики часто заявляют, что когда вырастут, женятся на своей матери. Однако, когда сыну исполняется шесть лет, его отношение с матерью постепенно входит в должное русло, ребенок начинает в той же степени воспринимать отца. Если мать продолжает стоять на первом месте в отношении с ребенком, а отцу отводится второе, мальчику трудно преодолеть свое влечение к ней.

В случае, если отец стоит с матерью на равных позициях или играет главенствующую роль, мальчик все равно может продолжать тянуться к матери, так как с ней чувствует себя в большей безопасности. Большинство психологов сходятся во мнении, что, если у ребенка не завершается процесс «отделения» от матери и он не начнет воспринимать отца к началу подросткового периода, существует большая вероятность, что у него не сложатся нормальные отношения с женщинами, он будет всегда воспринимать отца как соперника в отношениях с матерью.

Взрослый человек, не преодолевший Эдипов комплекс, может возводить свою мать на такой пьедестал, что ни одна женщина не сможет сравниться с ней. Многие из знакомых Майкла утверждают, что его отношения с Кэтрин носят именно такой характер. Некоторые считают, что он пришел к Свидетелям Иеговы только для того, чтобы порадовать мать. Сын не просто открыто признавался, что любит свою мать; он отождествлял себя с ней и потому испытывал такие мучения, когда она страдала из-за Джозефа.

4 марта 1980 года 18-летний брат Майкла Рэнди попал в автомобильную аварию. «Мерседес-Бенц», за рулем которого он сидел (машина принадлежала его девушке), врезался в фонарный столб. «Шел дождь, а он ехал слишком быстро, — вспоминает Джина Спраг, — и буквально влетел в столб. Чтобы извлечь его из машины, использовали специальные «Челюсти жизни». Это было ужасно. Доктора думали, что может дойти до ампутации обеих ног». Юноша получил права за три месяца до аварии.

Кэтрин и Джозеф в 4 часа утра позвонил один из друзей, находившихся недалеко от места происшествия. Родители, Майкл, Джанет и ЛаТойя была напуганы, стали обзванивать все местные больницы, чтобы узнать, куда положили Рэнди. Наконец отыскали его в медицинском центре Св. Иосифа в Бурбанке и сразу отправились туда. Рэнди был в состоянии шока. Он был накрыт окровавленной простыней, у него были практически раздроблены ноги и трещина в тазу. Он чуть не погиб, когда медсестра по ошибке сделала ему укол метадана, предназначавшегося наркоману в соседней палате.

«На следующее утро после несчастного случая в офисе произошла жуткая сцена, — продолжает Джина. — Журналисты хотели узнать, что случилось, и запланировали пресс-конференцию в больнице Св. Иосифа. Это было слишком, мы и так были серьезно обеспокоены состоянием Рэнди. Он так молод, его жизнь только начиналась. Джозеф опустил голову на стол и заплакал. Первый раз я видела его плачущим. Он не мог общаться с прессой. Все, что он знал, — это то, что пострадал его ребенок».

Врачи отказались от ампутации ног, но поскольку был поврежден нерв, у них были серьезные опасения, что Рэнди не сможет ходить. На лето Джексоны планировали тур по стране, теперь все планы рушились.

Майкл был безутешен. Произошедшее казалось ему бессмысленным, он говорил: «Что за игра судьбы? Сейчас ты здоров, а в следующее мгновение можешь быть парализован», — и не хотел смириться с тем, что трагедии происходят с людьми каждую минуту. «Это послужило еще одним примером того, над

чем Майкл не имел никакой власти, — сказал Маркус Филлипс. — Может показаться странным, но несчастный случай с Рэнди еще больше подорвал веру Майкла в свои силы. Он шел по жизни с чувством, что ни он, ни его семья ни от чего не были защищены. Его выводило из душевного равновесия, что в жизни существует столько вещей, которые не могут быть у него под контролем».

«Кэтрин страдала после аварии, - рассказывал еще один близкий семье человек. — Для нее это был настоящий кошмар. Она не переставала молиться, просила Майкла и Ла-Тойю присоединиться к ее молитвам, и они это делали. Помню, она сказала мне в больнице: «Если мой мальчик снова встанет на ноги, я всю жизнь буду возносить благодарственные молитвы господу». Она сказала так, и я ей поверил».

Семья была рядом с Рэнди, когда врачи сказали, что, возможно, он никогда больше не сможет ходить. Кэтрин заплакала, Майкл и братья тоже всхлипывали. Джозеф сохранял хладнокровие, как всегда, находясь на людях, даже перед своей семьей.

«Уходите все! — закричал на них Рэнди. — Проваливайте, если это все, что вы собираетесь делать. Я буду ходить. Вот увидите».

Кэтрин бросилась к сыну и крепко обняла его: «Я знаю, что у тебя получится. Я верю в это».

После шести месяцев интенсивной, мучительной терапии Рэнди не только ходил, но и танцевал на сцене со своими братьями, как будто ничего не было.

«Произошло чудо, — утверждает подруга его матери. — Кое-кто из ее семьи называет его «чудом Кэтрин». Они верят, что оно произошло благодаря ее беззаветной вере. Все это в голове не укладывается, ведь я видела Рэнди в больнице, его ноги были искалечены, я не могла предположить, что он когда-нибудь сможет ходить. Но он смог».

«Все это время я был уверен, что все будет хорошо, — говорит Рэнди. — Я действительно не принимал всерьез всю эту болтовню о том, что буду парализован. Слишком много людей, которые за меня болели, — моя семья, друзья, фаны».

В это время 21-летний Майкл вписывал свою страницу в историю шоу-бизнеса — альбомом Off The Wall. Но близким людям было трудно оценить его успех из-за всего происходившего в семье. Раздраженная Кэтрин была вне себя. Верующая женщина тщетно пыталась оставаться всепрощающим Свидетелем Иеговы. Ее сын выздоравливал после несчастного случая — она могла благодарить бога за это. Но с тем, что у ее мужа незаконнорожденный ребенок, по словам друзей, смириться не

могла. Трудно было погасить пламя горечи, охватившее ее. «Я очень переживаю за нее, — сказал Майкл одной из сестер. — Мне кажется, с ней происходит что-то ужасное».

Кэтрин никому не говорила о своих чувствах; скрывала ото всех боль, которую причинили ей Джозеф и его ребенок. Гордая женщина не желала говорить о проблемах своей семьи, это было бы просто непорядочно. Нужен был лишь повод, чтобы ее гнев и обида вырвались наружу. Как раз в это время, летом 1980 года, пошли слухи о том, что Джозеф встречался с Джиной Спраг. Одна из подруг Кэтрин говорила, что она была похожа на бомбу с тикающим часовым механизмом, которая вот-вот взорвется.

Джина Спраг познакомилась с Джозефом в 1979 году. В прошлом победительница танцевального конкурса American Bandstand, она только вернулась из турне с группой Джей-фа Куташа. Джозефу она понравилась, и он захотел стать ее менеджером. Однако свою карьеру в Joe Jackson Productions она начала как служащая в приемной. «Если ты начинаешь с самых низов и постепенно поднимаешься вверх, для тебя нет ничего невозможного», — говорил ей хозяин. «Он заметил мою напористость и стал быстро продвигать меня по службе, — отмечала Джина. — Джозеф — начальник с большой буквы. Он знал, что, если попросит меня о чем-нибудь, ему не придется повторять дважды. И то, что ему не приходилось объяснять мне подробно каждый шаг, сыграло мне на руку».

Вскоре она была назначена его личным ассистентом. «Я занималась всем — от планирования турне до раскрутки исполнителей и рекламы. В то время мы работали над первым альбомом ЛаТойи. Кроме того, я, конечно, отвечала на телефонные звонки. Меня сильно удивило, что Майкл, его братья и сестры звонили отцу. Помню, как в первый раз ко мне в офис пришла тринадцатилетняя Джанет. Она вошла и сказала: «Привет, где Джозеф?» Я чуть не упала. Или когда приходил Майкл: «Привет, Джина, Джозеф здесь?» Я отвечала: «У твоего отца сейчас встреча». Если бы не было Джозефа, Майкл не стал бы звездой. Возможно, не мое это дело напоминать им об этом, но я думаю, что все они должны относиться к отцу с большим уважением».

«Помню, я пришла однажды в офис в 1980 году, и Джозеф так сильно рассердился на Майкла, аж побагровел от ярости. Оказалось, сын наклеил бороду, надел старую шляпу, какие-то лохмотья, как уличный бродяга. В таком виде пробрался в один из самых злачных и опасных кварталов Лос-Анджелеса, чтобы пообщаться с его обитателями. Он хотел узнать, каково быть бездомным бродягой, понять таких людей. Вот и все, что он

натворил. Какой это человек? Очень чувствительный, один из тех, кто хочет понимать других людей. Кто действительно думает о людях, считала я».

«Эта выходка — в духе Майкла. У него всегда было это врожденное любопытство, сводившее меня с ума. В один прекрасный день этот ребенок непременно влипнет. Если за ним никто не присмотрит, с ним точно что-нибудь случится», — говорил Джозеф. Он всегда заботился о своих детях, обо всех, но мне кажется, больше всего переживал за него из-за его особой чувствительности.

Рассказ Джины вызывает в памяти еще один случай с Майклом, произошедший годом позже, в 1981 году, в антикварном магазине в Атланте. Хозяин вспоминает, что в магазин зашел чернокожий в лохмотьях и спрятался в старинном шкафу. Он вел себя так, словно был пьян. «Я стал кричать, что мы закрываемся, чтобы он проваливал. Через десять секунд он вылез. Он был такой странный, отказывался уходить. Я позвонил в полицию».

Когда незваный гость сунул руку в карман, владелец магазина подумал, что у него пистолет, и ударил его гго лицу. Тот упал и закричал: «Эй, вы что, не знаете, кто я такой?» Когда он поднялся, хозяин заломил ему руки за голову Майкл, должно быть, испугался. Вызвал полицию. По словам офицера Джеффа Грина, Джексон выглядел как оборванец Я не знал, кто это, и, когда он назвался Майклом Джексоном я ему не поверил.

По словам представителя полицейского управления Атланты, «Майкл был в антикварном магазине, переодетый так чтобы его никто не узнал. Мы хотели оштрафовать обоих' Майкла и Нолана (владельца) за оскорбления, но так и не сделали этого».

Только Майкл знал истинную причину своего поступка - такую роль в своей сценической жизни он играл в тот день, но, как говорит Джина Спраг, «только он мог так себя вести - вот почему его отец так беспокоился за него».

«Я помню, что когда вышел альбом ЛаТойи, он с треском провалился. Никто не отрицает, что она действительно старалась; милая девушка, но поет не очень-то, - рассказывала Джина. - Джозеф это прекрасно знал. Все мы это знали «Ну что я могу с ней поделать? Она не умеет петь, тут уж ничего не попишешь». Я подумала, что ей следует сконцентрироваться на своей внешности, на косметике - она очень красивая В то время ни одна чернокожая девушка не снималась для Max Factor, и мне пришла идея. Если ЛаТойя не может петь пусть будет моделью.

Джозеф и я разработали прекрасный план, людям из компании это понравилось. Они захотели, чтобы ЛаТойя стала их

фотомоделью, но когда мы предложили это ей она отказалась: «Нет. Я буду петь». Джозеф безуспешно пытался ее переубедить. Спустя годы, она, конечено, стала позировать для Playboy, и сделала на этом имя. Но в то время она хотела быть Майклом Джексоном в женском обличье, однако у нее ничего не получилось».

Джина - мексиканка англо-ирландского происхождения. В 1980 году ей было 19 лет. При росте в пять футов и пять дюймов, весе 100 фунтов, с каштановыми волосами до плеч она была - и остается - неотразимой. Спраг, живая, умная и амбициозная женщина, занимается разными проектами в шоу-бизнесе.

Между Джиной и Джозефом возникли весьма специфические отношения. Он считал ее очень интуитивной, понимающей молодой женщиной, которая внутренне была гораздо старше своих лет. С ней он мог говорить о своей дочери Джо Вонни, о том, как он любит ее. Мог обсуждать с ней свои планы, как хотел бы, чтобы его дочь стала манекенщицей или, возможно, актрисой в телевизионных рекламах. Он попросил Джину найти фотографов, которые бы смогли сделать хорошее портфолио для Джо Вонни. Короче, мог делиться с ней своими мыслями и страхами, не опасаясь, что его осудят. «Он очень мягкий человек, — говорила Джина. — Он просто как щенок».

Джозеф переселил ее в другую квартиру, ближе к офису. Часто они ужинали вместе. Джина утверждала, что у них не было интимных отношений. Однако многие считали, что были. Так думала и Черил Террелл, мать внебрачного ребенка Джозефа.

«У него была Черил, его новая дочь, и Кэтрин, — говорила Джина. — У него было слишком много людей, о которых он должен был заботиться. Больше всего на свете ему был нужен человек, с которым он мог бы поделиться. И никогда в жизни такого человека у него не было. Он заглядывал в мою квартиру и не хотел уходить, потому что его не тянуло домой. Я думала, что Джексоны — счастливая и преданная семья. И была в шоке, когда узнала, что это не так. Поскольку я очень любила Кэтрин, однажды спросила Джозефа: «Как же ты мог так поступить с ней? Как ты мог родить этого внебрачного ребенка?»

«Он сказал, что семья обидела его, что пришел к Черил потому, что, когда они достигли определенного положения, почувствовал, что больше им не нужен. Какими бы ни были его отношения с ней, ему, как любому человеку, нужны были любовь и тепло. «Почему моя семья так ненавидит меня? — спрашивал он меня. — Чем я их обидел?» Может быть, он сам сделал так, что теперь ему больно из-за своей семьи, не знаю. Но, безусловно, существовала дистанция между ним и его детьми. Он многим

пожертвовал, чтобы сделать из них то, чем они стали сейчас, а они к нему теперь безразличны. Поэтому его новая дочь была так важна для него».

«Джо Вонни любила его просто за то, что он есть. И, безусловно, никогда его так не любили остальные его дети. Эта девочка была его любимицей. В доме Черил висели фотографии «Пятерки Джексонов», и ЛаТойи, и Джанет, и малышка говорила: «Это мои братья и сестры». Она очень гордилась ими. Тем не менее дети Джексоны не имели никаких отношений с этим ребенком, своей сводной сестрой.

Джозеф обожал эту чудесную девочку, заваливал ее подарками, окружал ее той любовью и отцовским вниманием, с которыми никогда не относился к остальным своим детям. Джойс Маккрей, которая в то время работала у него, делилась своими впечатлениями: «Джозеф был очень противоречивым человеком. Он вел себя, как бульдог, казалось, если ты подойдешь к нему поближе, просто вышибет тебе мозги. Я, конечно, могу ошибаться, но думаю, что под этим слоем злобы билось мягкое сердце».

«Я была счастлива быть рядом с ним, — говорила Джина Спраг. — Я не стыжусь своей дружбы с Джозефом Джексоном. Полагаю, я была ему хорошим другом. Всегда прикрывала его, когда он хотел видеть свою дочь или провести с ней какое-то время. Семья знала о существовании девочки. Но он не хотел это афишировать. Не хочу сказать, что я была нечестной по отношению к семье, но все же в первую очередь я думала о Джозефе. Он был мой начальник. У меня никогда не было проблем с Кэтрин, хотя иногда она посматривала на меня довольно подозрительно».

Как только Джозеф приглашал Джину в свой офис и дверь за ней закрывалась, все вокруг начинали перешептываться об «отношениях». Одна из женщин, работавших там, совершенно очевидно шпионила для Кэтрин. Джина рассказывала, что однажды пригласила ее к себе домой и разрешила остаться на ночь. На следующий день обнаружила, что у нее пропали некоторые вещи. Она рассказала об этом Джозефу. Джина говорит, что с тех пор эта женщина начала дезинформировать Кэтрин, которая и так очень подозревала мужа в дружеских отношениях к женщинам, особенно после шока от рождения внебрачного ребенка.

Однажды зазвонил телефон. Джина подняла трубку: «Добрый день, Джо Джексон Продакшнз. Ты уходишь с работы, ты поняла меня? А если нет, получишь по заслугам». — Это был женский голос.

«Что? Кто это?» — спросила Джина в панике, но трубку

повесили.

Она была очень расстроена, рассказала Джозефу о случившемся, заявив, что не хочет бросать работу. Ей нравилось работать на него и его семью. Как быть? Неужели действительно кто-то собирается что-то с ней сделать?

«Какая чушь, — сказал он. — Никто ничего тебе не сделает, обещаю тебе. С тобой все будет в порядке».

В рапорте отделения предварительного следствия полиции Лос-Анджелеса со слов Джины Спраг было записано, что 16 октября 1980 года (на следующий день после полученной ею угрозы) около трех часов дня она сидела за своим рабочим столом в компании Joe Jackson Production 6255 Сансет-буль-вар, комн. 1001 (в этом же здании находилась компания Motown Records), когда 18-летний Рэнди Джексон вошел в офис. Он попросил двух других сотрудников, находившихся там, выйти и оставить его и Джину наедине. Затем Рэнди вышел и вернулся с сестрой Джанет, которой было 14 лет, и Кэтрин. Начался скандал.

Джанет схватила Джину за правое запястье и начала выкручивать его, в то время как Кэтрин стала таскать ее за волосы: «Стерва, я говорила тебе, что ты получишь!» Джина закричала, Джанет зажала ей рот рукой. Рэнди швырнул ее на пол. Затем Кэтрин выволокла женщину из офиса. Вдруг Кэтрин начала бить Джину кулаком в лицо: «Стерва, предупреждаю тебя, отвяжись от моего мужа» и, выхватив что-то из своей сумочки, несколько раз ударила Джину по спине.

Джим Крейг, сотрудник офиса, услышал крики и поспешил на помощь Джине. Он увидел, как Рэнди прижимал ее к стене, в то время как Кэтрин била ее своей сумкой. Но когда Джина увидела охранника, она сказала: «Мистер, я прошу вас уйти. Это семейные дела».

Рэнди попытался столкнуть Джину с лестницы, но в это время другие сотрудники офиса начали срываться на крик. Кэтрин сорвала с нее золотой медальон: «Стерва, это принадлежит мне, а не тебе». После этого Кэтрин, Рэнди и Джанет покинули здание.

Детали этого инцидента взяты из полицейского рапорта, который Джина Спраг подала 16 октября 1980 года. Когда автор этой книги обратился к Джиму Крегу, упомянутому в полицейском рапорте в качестве свидетеля, он отказался обсуждать увиденное: «Я не хочу говорить о том, что случилось 10 лет назад, не хочу иметь ничего общего с этим». Когда его спросили, не боялся ли он каких-либо преследований со стороны семьи Джексонов, он сказал: «Нет». Позднее всплыли и другие детали. Оказалось, были и другие свидетели инцидента. Один из братьев Дайаны Росс позвонил в это утро Джине и зашел к ней.

Скандал был в разгаре: «Мама, что ты делаешь? — спросил он Кэтрин. — Остановись, ты делаешь ей больно, мама» (многие друзья называли ее «мама»).

«Занимайся своим делом, а это дела семейные», — бросила она ему злобно. Брат Дайаны убежал.

Один из свидетелей рассказывал, что Спраг, которая совершенно очевидно беспокоилась об имидже семьи Джексонов, постоянно говорила Кэтрин: «Уходи отсюда, пока еще возможно, пока никто тебя не узнал».

Когда все это случилось, Джозеф находился у себя в офисе с закрытой дверью — у него была деловая встреча. Вернувшись, Джина притворила дверь в своем кабинете, у нее началась истерика. Вокруг собирались люди, которые хотели знать, что произошло. Джозеф прибежал, когда она пыталась позвонить сестре.

— Боже мой, что с тобой случилось? — спросил он.

Джина не могла говорить. Вскоре прибыла машина «Скорой помощи». Санитары подняли ее, чтобы положить на носилки. Она застонала от боли. Когда ее несли к машине, Джозеф наклонился над ней и прошептал на ухо:

— Скажи, кто это сделал, какие-то сумасшедшие фаны? Кто это был?

Джина ответила сквозь слезы:

— Кэтрин.

Его глаза расширились от ужаса.

— И Джанет.

— О боже мой, не может быть.

— И Рэнди.

— Этого просто не может быть, — воскликнул он. — Я не могу в это поверить.

— Но это так, Джозеф. Ты сказал, они ничего мне не сделают, — плакала Джина. — Ты обещал мне. Ты обещал.

Джина вспоминает, что Джозеф побежал к телефону и позвонил домой. Никто не ответил. Он повернулся к ней и еле слышно сказал: «Пожалуйста, я очень тебя прошу, не причиняй вреда моей семье. Мы зашли слишком далеко, пожалуйста».

Джина посмотрела на него, покачала головой. Она хотела услышать от него одно — что он сожалел о случившемся. Но этого он никогда не сказал. Слезы потекли по ее лицу. Губа кровоточила, сознание покидало ее.

— Мы должны немедленно доставить ее в больницу, у нее травма головы, — сказал санитар.

— Не давайте ей терять сознание, — предупредил другой.

— Джина, проснись, — кто-то слегка похлопал ее по щекам.

Джозеф наклонился над ней:

— Увидимся в больнице.

— Пожалуйста, не уходи, — попросила она. Он отошел от нее.

— Подождите, — сказала Джина, когда санитар открывал дверь офиса. Будучи практически без сознания, она заметила, что в коридоре собралась большая толпа народа.

— Прикройте мне лицо полотенцем, — попросила санитара. — Пожалуйста, я не хочу, чтобы они видели меня, никто не должен знать.

— Да, правильно, — согласился Джозеф. — Никто и никогда не должен узнать об этом.

Джину Спраг отвезли в медицинский центр в Голливуде. У нее было несколько порезов, синяки и травма головы. Он не навестил ее в больнице.

На следующий день ее выписали. Дома соседи стали расспрашивать, что с ней случилось.

— Она попала в автомобильную катастрофу, — ответила ее сестра.

Джина легла. Засыпая, услышала, что за дверью ссорились. Это был голос ее подруги, которая ухаживала за ней, и Джозефа.

— Вали отсюда, мерзавец, чертов негр, — кричала девушка на него. — Как ты смеешь приходить сюда? Как ты мог допустить, чтобы такое случилось?

— Я сам не знаю, — говорил Джо, беспомощно тряся головой. — Не понимаю, как это могло случиться.

Джина подошла к двери.

— Впусти его, — сказала она.

Джозеф вошел в гостиную и сел, Джина устроилась напротив. Подруга, немного поколебавшись, вышла из комнаты.

— Я говорила тебе, что они собираются что-то со мной сделать. Почему ты не поверил мне?

— Я не думал, что она пойдет на это.

— Ты врешь. Ты знал. Почему ты предал меня? — настаивала Джина. — Почему ты не поехал вместе со мной в больницу?

Джозеф заплакал. Джина вспоминает, что он был настолько расстроен, что не мог разговаривать.

— Отвечай мне, -- требовала она и тоже плакала. — Почему ты предал меня?

— Потому что ты собираешься сделать что-то против моей семьи, ты знаешь, как я люблю свою семью. Моя семья — это все для меня, все, понимаешь?

Джина рассказывала, что она посмотрела на Джо, не веря ему:

— Я пыталась выгораживать тебя и поэтому со мной произошло это. Тебе что, совсем наплевать на меня?

— Прежде всего я думаю о своей семье, — настаивал он. — Я знаю, что ты что-то затеяла против нас.

— Я что-то затеяла против твоей семьи, — Джина не верила своим ушам. — Посмотри, что они сделали со мной, и ты даже не хочешь извиниться?

— Ты уже разговаривала с полицией, теперь все об этом узнают, — сказал Джозеф и вытер глаза тыльной стороной руки. У него был такой усталый вид, будто он совсем не спал с тех пор, как это произошло. В отчаянии он вынул из внутреннего кармана пиджака конверт, протянул его Джине. Она открыла его — в конверте лежал чек на большую сумму.

— Возьми, — сказал Джозеф.

Она посмотрела на него в недоумении:

— Мне не нужны твои деньги.

Она начала злиться. Смяла чек и швырнула его в Джозефа:

— Подавись своими деньгами и вон из моего дома. Как ты смеешь? Как ты смеешь?

Захлопнув за ним дверь, она разрыдалась.

Майкл Джексон был потрясен тем, что сделали его мать, сестра и брат. Особенно не мог смириться с тем, что в этом безобразном акте насилия принимала участие его любимая мать, женщина, которую он не раз называл одной из самых добрых среди всех людей, которых знал в своей жизни, и сестра Джанет, с которой у него были наиболее близкие отношения в семье. Он отказывался поверить в это и настаивал, что этого никогда не было.

«Он просто закрыл глаза на это, — говорил Маркус Фил-липс, — он ничего не хотел знать об этом. Настаивал, что этого не могло быть. «То, как рассказывала эта девушка, — просто неправда. Это не может быть правдой, — был убежден он. — Это не Кэтрин. Любой человек, который ее знает, подтвердит, что она никогда в жизни не могла сделать что-нибудь подобное. Тот, кто поверит в эту историю, — просто сумасшедший. Это неправда». Больше он к этой теме никогда не возвращался».

Майкл был не единственным, кто не поверил в это. Джойс Маккрей, которая находилась во время инцидента в своем офисе, а не в коридоре, где все это происходило, также настаивает, что Кэтрин не виновна. «Этот полицейский рапорт — чистая фальшивка. Мне абсолютно все равно, что там написано, но я вас уверяю, что это полная чушь. Да, в офисе действительно произошел скандал, но это было совсем не так, как описывает Джина Спраг». Джойс Маккрей отказалась сообщить свою версию

этой истории.

Вскоре она была уволена. «Между Джозефом, Кэтрин и детьми было слишком много споров из-за того, что случилось с Джиной, и того, что вообще происходило. Я видела, что многое не ладилось, поэтому однажды решила пойти к Джозефу и сказала ему, что в ситуациях, когда семья — это твой бизнес, а твой бизнес — это твоя семья, то — не плюй в колодец...» Ему это не понравилось, и меня уволили», — поделилась она, как это случилось.

По признанию одной из подчиненых Кэтрин, которая начала работать на нее в 1983 году, та сама очень подробно описала ей, что случилось с Джиной Спраг. «Я думаю, что это было чистой правдой. Она рассказала мне, что здесь работала эта женщина по имени Джина, которая крутила роман с Джозефом в офисе. Кэтрин позвонила ей однажды и предупредила, чтобы она ушла с работы. Женщина отказалась, и Кэтрин подтвердила мне, что пошла в офис вместе с Джанет и Рэнди. Вот ее слова: «Я так ее избила, что запомнит на всю жизнь».

«Вообще, я думаю, что Джозеф был влюблен в Джину, — вспоминает Тим Уайтхед, племянник Кэтрин. — Моей тетушке это не нравилось. Она хотела все это прекратить. Потом получила некоторую информацию от Джойс Маккрей и очень расстроилась. Решила пойти в офис, чтобы поговорить с Джиной. Все это случилось только из-за того, что Джойс наговорила моей тетушке. Кэтрин не могла больше терпеть, у каждого есть предел терпения».

«Если Кэтрин действительно сделала то, что говорят, она выступала в роли дикой львицы, защищающей своих детенышей, свою семью, — считает Маркус Филлипс. — Она просто была несчастной, растерявшейся женщиной, которая пыталась сохранить свой брак, свою семью. Но Майкл не верил этому. Если мы начинали обсуждать эту историю в его присутствии, он просто выходил из комнаты».

Джина Спраг подала судебный иск на 21 млн долларов против Джозефа, Кэтрин, Джанет и Рэнди. Ее адвокат говорил ей: «Вы должны понять, этих людей не посадят в тюрьму. Богатых не сажают». Из-за этого судебного иска у Джины начались большие неприятности. Звонили анонимы с угрозами. «Нет, я не заткнусь, — решила она. — Они должны убить меня, чтобы я замолчала». Этот инцидент широко обсуждался в кругах шоу-индустрии. Для Джины возможность работать в этом бизнесе была закрыта.

«Для меня было совершенно очевидно, что моя карьера закончилась, — говорила она. — Я никогда ни о чем не просила Джозефа, а он ни разу не извинился передо мной. Единственное,

чего я хотела, — это защитить свою честь, чтобы я могла остаться в шоу-бизнесе. Но никто не брал меня на работу. Я дошла до предела. И наконец получила работу у одного из директоров в Motown. Все было прекрасно, я успокоилась, я была неплохим служащим почти целую неделю. Потом он вызвал меня в свой офис. Я поняла, в чем дело, и сказала: «Почему же ты так долго тянул?» Он ответил, что моя работа — это «конфликт интересов», несмотря на то что Джексоны больше не работали с Motown. И уволил меня.

Я не могла найти работу. Никому не было дела до моей версии истории. Никто ни разу не пришел ко мне и не расспросил, что же на самом деле случилось. Я хотела одного — просто продолжать свою жизнь и свою работу. Но я была в черном списке. Никто не хотел иметь дело со мной, боясь огорчить этим семью Джексонов».

Прошло 5 лет, прежде чем Джина Спраг, которая постоянно искала работу, наконец вернулась в шоу-бизнес.

«Это было плохой рекламой для нее, — говорила Сузи Джексон, которая дружила в то время с Джиной. — Это могло нанести вред семье, особенно Майклу. Он был зол, и злость его увеличивалась. Это был ужасный скандал, который мог отразиться на нем больше, чем на ком-либо другом, — это была его мать, его семья. Многие люди из кругов шоу-индустрии считали, что это было очень смело со стороны Джины — встать на свою защиту, пойти против семьи. Но несмотря на то что существовало такое мнение, никто не помог ей».

В документах, поданных Джиной Спраг в суд, она утверждала, что для нее было очевидно: этим нападением руководила Кэтрин, чтобы унизить ее и уволить с работы. Она была обижена на Джозефа, по ее словам, он знал, что Кэтрин может быть опасной. У нее уже были подобные инциденты с другими служащими, работающими на него, они также подвергались физической расправе с ее стороны и по тем же причинам, как и Джина. Спраг подчеркивала, что, если бы Джозеф предупредил ее, она могла бы принять какие-то меры предосторожности, возможно, даже уйти с работы. Но он не хотел терять ее, поэтому он не сделал этого».

Спраг пришла в суд со своей подругой Сузи Джексон. Семья была в шоке от того, что Сузи приняла сторону Джины. «Я так нервничала в тот день в суде, — говорила Сузи. — Я давно не виделась с семьей. Обычно это бывало раз в два года. Последний — когда я навестила Рэнди в больнице после автомобильной катастрофы. Мне нравился Джозеф потому, что был единственным из всей семьи, кто хоть как-то проявлял заботу обо

мне, после того, как мы с Джонни развелись в 1979 г. Для всех остальных ни я, ни трое моих детей больше не существовали.

Меня это очень обидело, потому что я знала всех этих ребят, когда они были совсем маленькими, и Майкла и всех остальных. Помню Майкла, сидящего в пижаме перед телевизором, увлеченного мультфильмами. Помню, мальчик очень расстраивался, когда Джонни напивался и бил меня. Он был совсем маленький, но очень впечатлительный. Тем не менее после развода все они отвернулись от меня. Меня больше не существовало. Поэтому я решила поддержать мою подругу Джину и сделала, как решила».

Сузи смело подошла к Кэтрин и приветствовала ее обычным: «Здравствуй, мама». «Джанет и Рэнди уставились на меня, — вспоминала она. — Кэтрин была в шоке».

«Я не могу передать выражение лица Кэтрин, — уточнила Джина. — Как будто она хотела сказать: «Как ты смеешь, предательница? Как смеешь ты быть на стороне врага?» Я испугалась за Сузи, почувствовала, что втравляю ее во что-то опасное, но ей было все равно. Она настаивала на том, чтобы поддерживать меня, потому что верила мне».

Кэтрин, Рэнди и Джанет категорически отрицали, что был такой инцидент. Они заявили в судебных документах, что Спраг никогда не получила бы телесных повреждений, если бы проявила «обычную заботу о себе».

«Рэнди и Джанет сделали бы что угодно для своей матери, - считает Сузи Джексон. - Они преклоняются перед этой женщиной, впрочем, как и все остальные члены семьи Я уверена, что в тот день она не звала их с собой, они сами проявляли инициативу, потому что эта семья будет стоять за свою мать до конца. Они сердились на Джозефа, что он спровоцировал мать на это. Они злились на жертву, но никогда -на мать. Никогда. Она знала, что ее дети всегда будут на ее стороне».

«Я подала в суд не из-за денег, — отмечала Джина. — Это было дело принципа. Такого не должно быть. Просто я считаю, что ни у кого нет права распускать руки. Ни у кого нет права так обращаться со мной, особенно так, как это сделали они. Это было настолько несправедливо. Много лет я чувствовала унижение из-за этого. Это темное пятно на моей жизни, и я до сих пор испытываю чувство стыда».

В суде Джину представляли несколько адвокатов. Все они или бросали дело, не доведя его до конца, или были отведены. Некоторые из них хотели сделать себе имя на этом процессе и поэтому им пришлось оставить дело, другие были запуганы влиянием и известностью Джексонов. Никто на самом деле не

хотел идти наперекор могущественной семье В конце концов Джина и Джозеф заключили частный договор. Его детали Джина не имеет права публично обсуждать. 21 июля 1983 года она забрала свое прошение из суда.

Джина Спраг говорит, что, несмотря на то что, случилось, не держит зла на семью Джексонов: «Конечно, я не ненавижу их, мне жаль их, я любила эту семью. Я знаю, что была той самой последней каплей. Я сказала Кэтрин в суде-«В следующий раз дай пинка ему под зад, а не мне».

Вот на такой ноте осенью 1980 г. Майкл ставил музыкальный видеофильм по песне Джексонов Can You Feel It Эту песню написали Майкл и Рэнди. Она - гимн человеческой любви. В картине братья появляются в виде человекообразных бегемотов. Они перекидывают радугу, и она освещает небеса, посыпают землю звездной пылью, и дети разных народов и цвета кожи начинают благодарно улыбаться Они смотрят вверх, на Майкла и его братьев, и Джексоны улыбаются им в ответ.

У Майкла самая добрая улыбка. «В хорошем мире живет Майкл, - сказал однажды Стивен Спилберг. - Хорошо бы нам всем хоть однажды побывать там».

Тем временем в реальном мире один из директоров CBS Records позвонил Майклу и спросил, что ему делать если журналисты начнут задавать ему вопросы об инциденте касающемся его матери и Джины. Директор записал эту беседу на магнитофон:

— Что бы ты хотел, чтобы мы говорили о случае касающемся твоей матери?

— Что ты имеешь в виду?

— Случай с Джиной Спраг.

— Кто такая Джина Спраг?

— (Пауза.) Эта та женщина, которая была не согласна с твоей матерью, Рэнди и Джанет.

— Скажи прессе, что этого никогда не было

— Но...

— Извините, но я спешу.

И Майкл Джексон повесил телефонную трубку.

Глава 17

К 1981 г. Майкл утратил контроль над собой и над своей жизнью. На сцене он мог перевоплотиться в вожделенный образ из своих снов: сексуальный, раскрепощенный уверенный в себе герой, полностью владеющий собой и залом За кулисами было совсем иначе. Глядя на свое отражение в зеркале, он видел человека, явно ему не симпатичного который позволял собой манипулировать, талант которого хоть и уважали, но не считались с его мнением. И будучи не в силах справиться с этим, Джексон перенес всю мучившую тревогу на свою внешность. Но крайней мере, здесь он владел ситуацией. З

Майкл подумывал об операции по изменению формы носа. Но, прежде чем он решился на это, случилось непредвиденное. Во время концерта на гастролях 1979 г. Майкл упал и сломал нос. Он всегда комплексовал из-за своего носа а братья подлили масла в огонь, наградив его кличкой Большой Нос. Широкие и плоские носы были визитной карточкой семьи Джексонов, доставшейся в наследство от Джозефа Майкл уже много лет грозился сделать пластику носа но на самом деле слишком боялся этого.

Теперь у него не было выбора. Он вернулся в Лос-Анджелес, где весной 1979 г. ему была сделана первая пластическая операция.

«Джозеф рассказывал мне, что все началось с несчастного случая во время выступления, — вспоминает Джина Спраг. — Он сомневался, что Майкл вообще когда-нибудь пошел бы на операцию, если бы обстоятельства не вынудили его к этому. Никто и представить себе не мог, к чему это приведет впоследствии. Когда бинты сняли, парень был приятно поражен».

Первый портрет Майкла после операции — на обложке его альбома Off the Wall. Нос чуть меньше, чем был дан был ему при рождении. Лицо изменилось, и это подтвердило его мнение, что внешность — одна из вещей, находящихся под его полным контролем.

Однако врач, делавший пластику, в чем-то ошибся. Начались проблемы с дыханием. Майклу порекомендовали обратиться к доктору Стивену Хоффлину, который предложил повторную операцию. Через непродолжительное время он провел ее, как и все последующие.

Наступил 1980 год, у Майкла был уже «новый» нос, но теперь его не устраивали другие черты его лица.

Он прочел, что некоторые виды жирной пищи, самой его

любимой, только усугубляли проблему с прыщами. Джермен, пытаясь справиться со своими сальными железами, стал вегетарианцем, и брат решил последовать его примеру. Майкл не был тучным, даже человек с воспаленной фантазией не назвал бы его толстым, однако на талии у него был жирок, как у ребенка, и лицо было круглым. Он хотел быть изящнее, иметь, по его словам, «тело танцора».

Со временем фигура станет изящнее, лицо не будет круглым, прыщи исчезнут. Многие думают, что в 1980 г. щеки Майкла тоже были прооперированы, однако точеные черты лица появились в результате постепенного снижения веса после того, как он стал вегетарианцем, сказалось и естественное возмужание. Но Майкл был по-прежнему несчастен. «Даже дома я чувствую себя одиноким, — жаловался он. — Иногда сижу в своей комнате и плачу. Так трудно подружиться с кем-нибудь. Ведь есть вещи, о которых нельзя говорить с родителями или родственниками. Иногда брожу по окрестностям ночью в надежде найти кого-нибудь, с кем можно поговорить. Но всегда просто возвращаюсь домой».

Майкл Джексон, всемирно известная суперзвезда, бродящий по окрестностям квартала Энсино в поисках собеседника, — картина, действительно потрясающая воображение.

Никто и представить себе не мог глубину его отчаяния и его одиночество.

20 февраля 1981г. Майкл приобрел квартиру с тремя спальнями и тремя ванными комнатами на Линдли-авеню в Энсино за 210 000 долларов, наличными он заплатил 175 000. Остальное внесла Кэтрин, став совладельцем с правом на неделимую часть собственности. Это означает, что свою часть она не должна была делить с Джозефом как совместную собственность. «Семья изменилась, и Майкл, заглядывая в будущее, решил, что некоторым из них понадобится место, где они смогут остановиться.

Эта покупка стала и еще одной попыткой упорядочить собственную жизнь. Рэнди уже переехал в отдельную квартиру, Майкл был поражен мужеством брата. Отпрыски семьи Джексонов никогда не начинали жить отдельно до вступления в брак. Рэнди «проторил дорожку», и Майкл тоже хотел, но так и не смог решиться на это.

«Я чувствую, для меня пока не пришло время жить отдельно, — признавался он. — Сделай я это, я бы умер от одиночества. Большинство людей, которые живут одни, ходят на дискотеки каждый вечер, устраивают вечеринки, приглашают друзей, я не умею этого».

В апреле 1981 г. появились планы гастрольной группы по 39 городам США для рекламной поддержки нового альбома Triumpf. Майкл не хотел ехать. Среди прочего, он не любил связанные с поездками подготовительные хлопоты, да и вообще сложности этого дела. К тому же выступления в турне прошли и забылись в отличие от фонематики видео, которая запечатлевает их надолго.

«В этом самое грустное — что ты не запоминаешь ощущение момента, — говорил он о живых выступлениях. — Только подумайте, как много великих актеров или просто исполнителей потеряны для мира, потому что они выступили один вечер, и все. Сделав фильм, вы запечатлеваете мгновение, фильм показывают по всему миру, он остается навсегда. Спенсер Трэйси навеки останется молодым в «Отважных капитанах» Captains Courageous, и я учусь, вдохновляюсь его игрой.

В живом театре или в водевиле так много теряется. Вы представляете, как многому я мог научиться у всех этих актеров? Это было бы невероятно. Во время концертов мне начинает казаться, что я отдаю все впустую. Я люблю ухватить момент, держать его в руках и делиться им со всем миром».

Но у него не было выбора. Майкл грозился, что это его последнее турне.

«Иногда я чувствую, будто мне 70 лет, — сказал 23-летний певец репортеру Los Angeles Times Роберту Хиллбурну. — Мы дважды объехали весь мир, выступали перед королями, послами. Пора заканчивать».

Но гастроли должны были дать его семье 5 млн долларов, и Майкл чувствовал, что он должен пройти через это. Возможно, считал, что турне объединит семью в сложное для нее время. Он был удручен, подавлен, но заставлял себя видеть положительные стороны гастролей.

«Прекрасно, как люди объединяются во время концерта, — скажет он. — В эти полтора часа мы хотим показать, что в мире еще есть надежда и что-то хорошее. Когда выходишь на улицу после концерта, ты осознаешь безумие мира».

Еще до турне Triumpf Майклу была сделана вторая пластическая операция носа, которую порекомендовал доктор Стивен Хоффлин.

«Он не сообщил семье, что делает ее, — рассказывает их друг Маркус Филлипс. — Просто сделал, и все. Пришел домой забинтованный, под бинтами один большой синяк. Кэтрин воскликнула: «Боже мой, Майкл, что с тобой случилось?» Наверное, решила, что его побили. Когда он сказал, что ему сделали очередную пластику, она была сбита с толку: «Ты опять сломал нос?» Сын объяснил: врач назначил эту операцию, потому

что первая была сделана плохо. Он неделю практически не выходил из спальни: изредка спускаясь на кухню, чтобы съесть немного овощей.

«Что я знаю точно, Майкл был очень доволен, что в результате второй операции он перестал походить на отца, — отмечает Маркус Филлипс. — Если он не мог исключить его из своей жизни, по крайней мере мог избавиться от него в своем отражении в зеркале. И он уже поговаривал о третьей операции».

В это время в семье было столько смятения и суматохи, да еще подготовка к предстоящему турне, что никому, казалось, нет дела до носа Майкла. В основном все считали это одним из проявлений его эксцентричности. Эти операции казались несущественными в контексте остальных драматических коллизий. И хотя Майкл никогда ни с кем не обсуждал их, он взывал о помощи. Образ человека в зеркале становится для него навязчивой идеей, и это начинало выглядеть угрожающе.

Гастроли Triumpf начинались в Мемфисе, штат Теннесси, 9 июля 1981 г. и закончились побившими все рекорды четырьмя выступлениями в «Форуме» Лос-Анджелеса, билеты на которые были распроданы много ранее. График гастролей был изнурительным. Будучи во время турне вместе, братья стали понимать, как отдалился от них Майкл. Общаясь с репортерами, он стал говорить о возможности сольной карьеры.

«Я думаю, в будущем это произойдет само собой, — сказал он Полю Грейн из Billboard. — Мне кажется, этого потребует публика. Это определенно будет».

Совсем не то хотели бы услышать его братья. Им не прибавляло уверенности и спокойствия, что Майкл все больше интересовался деловой, а не творческой стороной гастролей. Однажды на генеральной, в костюмах, репетиции кто-то дал ему копию контракта на перевозку оборудования. Майкл взглянул на него и сказал: «Подождите, я должен проконсультироваться с адвокатом».

«Это может подождать. Репетиция важнее», — возмутился Джекки.

Майкл не обратил на него внимания и ушел со сцены и, найдя телефон, позвонил Джону Бранка.

«Он хотел, чтобы я разъяснил ему параграф о том, что произойдет, если грузовик перевернется, сломается или если дорогу размоет, — вспоминает Бранка. — Потом задал еще пару вопросов, и сказал: «О'кей, я понял».

Майкл вернулся на сцену, подписал контракт и продолжил репетицию.

Гастролировать и быть вынужденным сталкиваться с

поклонниками, в какой бы части света он ни оказался — что случалось нечасто, — тоже было трудно для Майкла. «Иногда сталкиваешься с настоящими уродами, — рассказывал он о своих фанатах. — С такими, которые подваливают к тебе и говорят: «Сядь-ка! Подпиши это для моей беби». Я отвечаю: «У меня нет ручки». — Как, у тебя нет ручки? Ну так найди!»

— Господи! Как они могут быть такими наглыми и жестокими!»

«К тому же просто бывает больно быть в толпе фанатов. Не духовно, а физически, — продолжал Майкл. — Чувствуешь себя как макаронина, которую 10 человек тянут в разные стороны. Они не понимают этого. Они так влюблены в тебя, что просто хотят разорвать тебя на части. Они говорят: «Я заполучу кусок этого парня, будь это его рубашка, его волосы, его лицо — что угодно». Есть фанаты, которые узнают тебя с затылка, по фигуре. Я пытался проскочить через них, опустив голову или отвернувшись, чтобы меня не узнали — все равно останавливают. Это поразительно. Я не представляю, как они узнают».

Главными хитами шоу Джексонов всегда были сольные вещи Майкла из альбома Off the Wall. Там были спецэффекты, поставленные иллюзионистом Дугом Хэннингом: Майкл исчезал в клубах дыма после песни Don't Stop' Till You Get Enough. В реальной жизни он тоже, казалось, исчезал. Почти всегда был один, редко общаясь с братьями, коллегами, просто знакомыми.

«Это мое последнее турне, — сказал Майкл. — Я никогда больше не пойду на это. Никогда».

К сентябрю 1981 г., несмотря на громадные усилия фирмы Си-би-эс сохранить в секрете, что произошло между Кэтрин и Джиной Спраг, большинство музыкальных деятелей прекрасно знали все. Майкл дал ясно понять, что не желает общаться с репортерами, опасаясь просьб прокомментировать ситуацию. Однако их напор не ослабевал.

Я планировал интервью на 3 октября 1981 года. Я был предупрежден, что не следует упоминать имя Джины и спрашивать о том, что фирма называла «инцидентом». Я как раз составлял список вопросов, когда зазвонил телефон. Это был Майкл.

Он сразу перешел к делу.

— Существует условие, при котором я согласен дать интервью.

— Какое?

— Ну, мне понадобится помощь Джанет.

— Помощь в чем?

— Она будет присутствовать при интервью. Вы будете

задавать вопросы ей, а сестра будет передавать их мне. Потом я буду ей отвечать, а она — передавать ответы вам. Только при этом условии я дам интервью. Надеюсь, вы меня понимаете.

Потребовалось несколько секунд, чтобы я смог вникнуть в смысл его инструкций. Он изложил все так логично, я решил, что чего-то недопонимаю. Попросил его повторить, что он и сделал.

— Майкл, я что-то не понимаю, — сказал я. — Вы даете интервью, но не разговариваете со мной? Это что еще за сумасшествие?

— Вам это может казаться сумасшествием, но есть причины для этого. Просто попытайтесь понять.

— Но... — начал я.

—- Если вы согласны на мое условие, я завтра с вами увижусь. До свидания.

Он повесил трубку. Дискуссия закончилась.

На следующий день, точно вовремя, я приехал в его дом в Энсино.

— Рад, что вы смогли, — сказал Майкл после рукопожатия.

На нем была черная майка и черные джинсы, он был бос, как и два года назад, во время нашего последнего интервью. Говорил странным шепотом, его фальцет казался еще тоньше, чем тогда. Теперь ему было 23.

После обмена любезностями в гостиную вошла 15-летняя Джанет. На ней была красная кожаная мини-юбка, черные ботинки и шотландский клетчатый свитер. Она не поздоровалась. Просто села рядом с Майклом. Он представил нас друг другу. Мы пожали руки, но девушка ни разу не посмотрела мне в глаза. Я сидел напротив них.

— Надеюсь, вы проведете интервью так, как вы мне обещали? — спросил он.

— Я ничего не обещал, Майкл, — напомнил я. Он поднялся с кресла:

— Тогда интервью не будет.

— Постойте, — воскликнул я, — ну, хорошо, давайте начнем с альбома Triumph. Что вы о нем думаете?

Взглянув на меня, Майкл кивнул в сторону сестры. Я переадресовал свой вопрос.

— Джанет, пожалуйста, спросите его: что он думает об альбоме?

Джанет «перевела».

— Скажи ему, что я счастлив, — сказал Майкл. — Работать опять с моими братьями было чрезвычайно полезно для меня. Этот опыт трудно переоценить. Это было волшебно. Джанет кивнула и повернулась ко мне:

— Он просил передать вам, что счастлив и что это неоценимо для него.

Последовала пауза.

— Ты забыла сказать, что это было волшебно.

— Волшебно? — повторил я.

— Да, — сказала она, — волшебно.

Майкл и я некоторое время смотрели друг на друга, пока я обдумывал следующий вопрос, который Джанет задала бы своему брату. Все запланированные вдруг показались слишком сложными.

Интервью продолжалось недолго. Вдруг Джанет вставила замечание от себя:

— Помнишь, как расстроилась та девушка, узнав, что ты якобы поменял пол? — спросила она брата. — Ты помнишь, что с ней случилось? Она так расстроилась, что выпрыгнула из окна. По-моему, она умерла.

Взгляд Майкла был устремлен вверх, он не произнес ни слова.

После еще пяти вопросов и пяти ответов через его сестру я сказал, что, пожалуй, не буду продолжать интервью.

— Почему нет? — поинтересовался Майкл. — Джанет рассказала бы вам, что случилось, когда я навестил Кэтрин Хэпберн в прошлом месяце.

— По мне, лучше бы вы рассказали, Майкл, — настаивал я. Джанет вздохнула с облегчением.

— Понимаете, я не могу.

— Послушайте, тогда просто забудьте. Давайте просто забудем обо всем этом.

— Хорошо, если вы так хотите, — сказал он, вставая, улыбнулся, пожал мне руку и исчез. Джанет — вслед за ним.

Что же случилось с Майклом, недоумевал я. Он был раньше таким восхитительным, счастливым пареньком, совершенно не испорченным шоу-бизнесом, или, по крайней мере, казался таким, когда он и братья впервые прославились в 70-х как «Пятерка Джексонов». Однако в день этого интервью он казался несчастным, не верящим никому. Он заявил свой фирме, что больше не имеет прямых контактов с журналистами из опасения вопросов, касающихся Джины Спраг.

Он явно отстранялся от этого. Но когда ведающие его имиджем, в том числе отец, настояли на том, чтобы он продолжал ублажать прессу, он взбунтовался. Уступая им, стал доступен для прессы, но, чтобы доставлять удовольствие себе, отказался от прямых контактов с репортерами. Эта тактика может кому-то показаться нелепой, но отчаявшиеся люди иногда прибегают к

отчаянным мерам, просто чтобы настоять на своем, особенно когда их никто не слушает.

Психиатр из Беверли-Хиллз Кэрол Либерман писала: «В своем воображаемом мире Майкл, без сомнения, считал, что, возникни проблема с этой историей, он сам ничего не ответил бы репортеру, ведь отвечала Джанет. К тому же его действия были способом дистанцироваться от вопроса о том, действительно ли его мать нанесла этой леди оскорбление действием. Такая модель поведения, доведенная, выражаясь математически, до экстремы, характерна для шизофреников».

Уезжая, я столкнулся с Джозефом. Я рассказал ему о том, что случилось. Он улыбнулся, пожал плечами и сказал: «Это Майкл».

Пока я ехал от дома к воротам, во мне боролись два чувства — недовольство и восхищение тем, как Майкл все-таки добился своей цели. Он великолепно выпутался из ситуации и устроил из обещанного мне интервью клоунаду. Этот эпизод так и не попал в прессу. Более того, я отказался и от будущих интервью с ним. Майкл сделал по-своему — я не нашел ничего.

Я был не единственным журналистом, который испытал на себе странный способ давать интервью. С журналисткой Джуди Шпигельман произошло то же самое, и у писателя Стива Дэмореста был примерно подобный опыт. Но хотя его также попросили задавать вопросы через Джанет, ему отвечал непосредственно Майкл.

В интервью для журнала Melody Maker Деморест спросил, не собирается ли он в ближайшем будущем завести детей. Майкл ответил отрицательно. Он хотел бы воспитывать ребенка, но если это произойдет, это будет приемный малыш и в «отдаленном будущем».

— Я не должен иметь потомства, — сказал он со смущением. Потом продолжил: Одно из моих любимых занятий — быть с детьми, разговаривать с ними, играть на траве. Они — одна из главных причин того, что я делаю то, что я делаю. Им известно все, до чего люди пытаются докопаться, они знают так много секретов, но им трудно выразить то, что они знают. Я умею угадывать это и учиться у них этому. Иногда они говорят вещи, которые просто поражают. Они проходят через стадию просветленности, гениальности. Но потом, достигнув определенного возраста... — Майкл остановился, его лицо было грустным, — достигнув определенного возраста, они теряют это».

Он, очевидно, уходил все глубже в мир фантазии, наверное, потому, что реальный мир, в котором жил, был таким беспокойным и полным боли. Джексоны должны были быть положительным примером для миллионов молодых людей,

примером того, чего можно достичь упорным трудом и сплоченностью семьи. Майкл искренне желал, чтобы его семья была таким высоким эталоном: «Каждый человек должен на кого-то равняться. Джексоны дают людям хороший пример для подражания. Люди на нас равняются. Мы ответственны перед ними прожить наши жизни правильно. И мы делаем это».

Глава 18

Майкл, которому в августе 1982-го исполнилось 24 года, безусловно, был соткан из клубка противоречий. Имея решительный характер, что он не раз доказывал, был очень раним и часто вел себя, как смущенный, наивный человек. К этому времени приходит уверенность в успехе личной карьеры, но не хочется окончательно рвать профессиональные связи с семьей.

«Я умер бы, останься один», — говорил он — и не мог вырваться из лона семьи, жить от нее отдельно. Майкл не только не взрослел, но, казалось, впадал в детство, играя в детские игры, покупая игрушки, уходя в мир своих фантазий.

К отцу он испытывал противоречивые чувства — на самом деле начал по-настоящему ненавидеть его, но мать любил очень. Кэтрин, по его мнению, не может быть не права. Она была несчастна многие годы, сын знал об этом. У него разрывалось сердце при виде того, как мать терпит невыносимые условия, в которые была поставлена замужеством.

«Сделай что-нибудь, — говорил он ей. — Не надо терпеть этого».

«Я никогда не думал жениться, — сказал Майкл. — Но особенно я уверен в этом сейчас, видя, что случилось с Кэт (так он часто называл свою мать)».

Большинство других детей были согласны, что Кэтрин должна урегулировать свои проблемы с Джозефом. Особенно Морин не доверяла отцу и считала, что мать должна развестись с ним. Некоторые братья не были уверены, что существует эта проблема. Они могли понять страсть отца к женщинам. Но только не Майкл.

Кэтрин подала на развод 19 августа 1982 г., огласка в музыкальной индустрии в связи с этим была минимальной за последние годы. Пресса также не придала этому большого значения. Кэтрин вела себя очень сдержанно, не желая портить семейный имидж публичным разводом. В заявлении она писала:

«Примерно год назад Джозеф сказал мне, что у нас кончились деньги. Я спрашивала его о бизнесе, он приказал мне не лезь в эти дела. Впоследствии он не раз говорил, что мы теряем деньги. Я интересовалась, не хочет ли он, чтобы я помогала ему с работой в офисе, и опять в ответ — не лезь в дела. Все деньги всегда контролировал Джозеф, мне он давал их лишь время от времени, когда мне было нужно. Мне сообщили, и я верю этому, что за последний год он потратил более 50 000 долларов на молодую женщину и купил для нее земельный участок на деньги из наших

общих средств. Я опасаюсь, что, если суд не остановит его своим определением, Джозеф продолжит растрачивать общие деньги и переводить их из наших совместных сбережений, в нарушение моих прав на совместную собственность».

Хотя Кэтрин не представляла себе точно размеры их совместной собственности, хотела удержать мужа от трат. Собственность, о которой ей было известно, состояла из ее прав на часть дома в Энсино, мебель, обстановку и ее личные вещи, ее права на часть Joe Jackson Productions и различных счетов в банке. В нее входили также «Мерседес-Бенц» 1979 г., темно-синий «Мерседес-Бенц» 1971г., белый «Роллс-Ройс» 1971г., коричневый «Мерседес-Бенц» 1978г., синий «Роллс-Ройс» 1971г., автофургон «Джи-Эм-Си» 1974г., джип «Тойота» 1978г., белый лимузин «Кадиллак» 1980г., микроавтобус «Форд» 1978г. и две моторные лодки с прицепом.

Но была одна загвоздка в декларации независимости Кэтрин. Джером Говард, ставший в 1988 г. бизнес-менеджером Кэтрин, вспоминал: «Она говорила мне, что, подав на развод, ожидала, что Джозеф уедет из их дома. Но он отказался. Что ей оставалось делать? Она не хотела скандала с широкой оглаской, поэтому позволила ему остаться в доме, пока шел процесс развода».

«Мои родители разводятся, а Джозеф все живет в доме, — жаловался Майкл приятелю. — Ты когда-нибудь слышал о таком? У меня такое чувство, будто мать в ловушке. Она никогда не сможет выпутаться из этого брака».

«Я думаю, что Джозефа во многом не понимали, — говорила Энид, жена Джекки. — Не знаю, какие у него проблемы с Кэтрин — это не мое дело. Но он — как котенок, честное слово. Люди считают его крутым, но у него мягкое сердце. Родиться в Гэри, штат Индиана, без всякого опыта в шоу-бизнесе, и быть отцом, к тому же чернокожим? Это было непросто. Он натерпелся, и это наложило отпечаток на него. Всегда было полно людей, которые принижали его достоинство, не ценили того, что он сделал для Джексонов. Были люди, мешавшие его с грязью, выставлявшие его в дурном свете перед детьми. Может, он не всегда принимал мудрые решения в бизнесе, но не нарочно. Это задевало его и, наверное, повлияло на его отношения с женой. Ему было больно, и Кэтрин было больно. Были радости, но были и огорчения».

В то же самое время старший брат Майкла — Марлон — подал на развод с женой Кэрол, с которой прожил 7 лет. У них было трое детей, включая годовалого Марлона-млад-шего. Марлон не так преуспел в финансовом плане, как его братья. Супруги владели только двумя автомобилями: «Роллс-Ройсом» 1980 г. и джипом 1982 г. Кроме дома в Энси-но, у них была

собственность в Новом Орлеане. В судебных документах значится, что Марлон указал свой месячный доход всего в 3 128 долларов, а расходы за месяц составляли 16 664. У них было 5000 долларов на одном счете, 61 000 — на другом, и 10 000 — в акциях.

Семью ошеломило известие о том, что Марлон разводится. Заявление было подано в октябре 1982 г. Он уверял, что, хотя Кэрол и была хорошей матерью, она странно стала вести себя после известия о разводе. По его словам, жена угрожала забрать детей, она якобы сказала им, что отец их не любит и они его никогда не увидят. «Дети очень подавлены, как и я», — говорил Марлон.

После разрыва Кэрол стала сама не своя, но он надеялся, что это временно, жена успокоится. Однако он любил детей и хотел быть уверенным в том, что сможет их видеть. По его словам, у него было мало денег потому, что он жертвовал карьерой и работой ради того, чтобы как можно больше времени проводить с детьми. Он был очень домашним и мог бы временно взять всю «троицу» на свое попечение.

Кэрол заявила, что отчаяно любит Марлона и не хочет развода.

«Грусть и страх потерять мужа сделали меня более беспокойной, чем когда-либо, — признавалась она. — Я сердечно люблю мужа и хочу воскресить счастье и любовь, которые мы имели и помним». Она утверждала, что никогда не угрожала забрать детей от Марлона, а просила, чтобы разрешили ей взять их с собой в Луизиану — навестить бабушку с дедушкой на Рождество. Она была на содержании Марлона и считала это полностью приемлемым для себя.

Хотя они были по-прежнему в разлуке, разумное поведение Кэрол восхитило Майкла: «Она хочет пойти к официальному брачному консультанту. И Марлон согласился. Так и должно быть у супругов. Я думаю, так и должны поступать супруги».

Несмотря на всю эту семейную суматоху, Майкл старался быть, насколько можно, независимым от родственников, хотя иногда это было для него трудно. Певец Микки Фри (в прошлом член группы Shalamar) вспоминает свою первую встречу с ним, зимой 1982 г.: «Я заключал договор с компанией менеджмента Дайаны Росс. Она остановилась в «Бевер-ли-Хиллз Отель» и спросила меня, не хочу ли я спуститься в бунгало и познакомиться с Майклом Джексоном. Кто же не хочет! Итак, мы обедаем с Майклом, Дайаной и Джином (Симоне, тогда — бойфренд Росс). Я дурачился, ведь я давно хотел познакомиться с Джексоном, а он был так мил. Приходит время мне собираться домой. Меня привезла машина Дайаны, и она сказала:

— О'кей, я вызову для вас шофера. Майкл произнес очень мягко:

— Да ничего, я отвезу Микки домой. Дайана и Джин были поражены.

— Ты уверен, что ты хочешь, Майкл? — спросила участли во Дайана. — Я имею в виду: ты справишься? Отвезешь его домой?

— Да, я могу, Дайана, — сказал Майкл уверенно. Микки сел в «Роллс-Ройс» «Силвер Шедоу» Майкла, и

они рванули вниз по дорожке напротив отеля «Беверли-Хиллз».

— Будьте осторожны! — крикнула им вслед Дайана. — Не езди слишком быстро, Майкл.

— Для него это было большим делом, — рассказал Микки, — отвезти меня домой.

Когда они через 15 минут добрались до многоквартирного дома Микки, Майкл несколько раз покрутился вокруг квартала, пока не признался застенчиво:

— Знаешь, что? Я умею водить эту штуку, но я не умею парковать ее. Ты не смог бы сделать это?

— Черт, конечно, могу, — ответил Микки Фри.

— Майкл был так мил. Мы поднялись ко мне, посмотрели картины. Он пробыл около 15 минут, я его проводил обратно к машине. Он ни на кого не наехал и никуда не врезался.

Чем дальше Майкл отдалялся от своей семьи, тем больше он начал общаться с Джейн Фонда и ее семьей.

Он был знаком с Джейн два года, навещал ее во время съемок фильма On Golden Pond в 1980 году, заглядывал в ее личную гримерную.

«Многие считали это очень странным, — рассказывала Сара Холидэй, журналист, которая освещала съемки. — Но Джейн просто считала Майкла очаровательным человеком. Она дала всем понять, что если кто-нибудь будет сплетничать о ней и Майкле, то будет иметь серьезные неприятности. «Он слишком уязвим, чтобы справиться со слухами», — говорила она. Она так давно работала в шоу-бизнесе, что ей было очень приятно пообщаться с человеком, казалось, совсем не искушенным в этом».

«Мы были совсем одни там, на берегу, — вспоминал Майкл о вечере, проведенном с Джейн Фонда. — Мы просто говорили, говорили, говорили обо всем на свете. Это было величайшим уроком для меня: и она училась, и я учился, и мы заводили друг друга. Мы говорили о чем угодно — о политике, философии, расизме, Вьетнаме, театре, кино, обо всем. Это было волшебно».

Майкл поначалу побаивался Генри Фонда, но вскоре между

ними завязалась дружба. Генри наживлял червей на крючки для Майкла, потом отвозил его на мол, где они часами ловили рыбу и говорили о театре.

«Да, он странный, — сказал Генри о Майкле. — Ну и что из этого?»

«Мы просто сидели и говорили очень подолгу, — делился Майкл. — Он был таким мудрым человеком. Он дал мне много советов по актерской игре и о славе. Как он с ней справлялся, и все такое».

Джейн Фонда не удивилась, что ее отец и Майкл сблизились. Она говорила журналисту Rolling Stone Джери Хирши: «Папа тоже был болезненно застенчив и робок в реальной жизни. На самом деле он чувствовал душевный комфорт, лишь надев маску какой-нибудь роли. Он раскрепощался, только когда был кем-то другим. Это очень похоже на Майкла. Он — чрезвычайно хрупкое создание. Я думаю, что просто жить, обегаться с людьми достаточно трудно для него, не говоря уже о мыслях, куда катится мир».

11 августа 1982 г. Генри Фонда умер от сердечного приступа. Джейн отправилась в родной дом, чтобы быть рядом с мачехой Ширли и братом Питером. Майкл позвонил узнать, может ли он приехать.

«В ту ночь, когда Генри умер, я поехал туда и был с его семьей, — вспоминал в беседе с журналистом журнала Interview. — Они разговаривали и смотрели выпуски новостей. Хотя ее отец только что скончался, Джейн могла интересоваться моей карьерой, и я подумал, что это очень мило с ее стороны. За месяцы до смерти Генри она говорила, что это может случиться в любой день. И вот это случилось, и были слезы, и смех иногда, и они немного поели».

На съемках фильма «On Gold Pond» Майкл встретил также Кэтрин Хэпберн. Их первая встреча прошла не очень гладко. Она сочла его эксцентричным, не поняла и отнеслась к нему с подозрением. Она пожала ему руку, кратко сказала, что рада была познакомиться, и быстро ушла. Майкл был подавлен.

«Я ей не понравился, — пожаловался он Джейн. — А она — мой кумир. Это ужасно, когда твой кумир тебя не любит».

«Что с ним такое? — спрашивала Кэтрин кого-то на съемочной площадке. — Во-первых, зачем он здесь? Я не понимаю этого. И почему он разговаривает этим шепотом? Чего он добивается?»

«Она многих не любит, — говорил Майкл о Хэпберн. — Если вы ей не понравились, она вам сразу скажет. Когда мы познакомился, я чувствовал себя неуверенно, потому что был

наслышан о ней. Меня привезла Джейн. Я немного побаивался».

Джейн поговорила с Кэтрин о Майкле, постаралась объяснить актрисе, которая была старше ее, что она знала о нем. В тот день Майкл сидел одиноко в углу и наблюдай за репетицией. Кэтрин подошла к нему сзади и похлопала по плечу.

«Мы с вами ужинаем сегодня вдвоем, молодой человек», — сказала она. «Неужели?» — задохнулся Майкл.

Вечером они поужинали вместе и стали великими друзьями.

«Мы звоним друг другу и пишем друг другу письма, — рассказывал Майкл. — Она просто изумительна. Я был в ее доме в Нью-Йорке, она показала мне любимое кресло Спенсера Трэйси, личные вещи из его уборной, его маленькие безделушки».

В июне 1982 г. Майкл и Куинси Джонс начали озвучивание фильма Стивена Спилберга «Е.Т.»[5]. Майкл исполнял там песню Someone in the Dark, написанную Аланом и Мэрилин Бергман. Он так был захвачен сюжетом картины, что не мог дождаться встречи с внеземным роботом, когда готовилась рекламная фотосъемка. «Он схватил меня и обнял, — рассказывал Майкл. — Перед уходом я поцеловал его, а на следующий день скучал по нему».

В тот же месяц Майкл ездил на студию с Дайаной Росс, где помогал ей в работе над песней Museles, названной так в честь его ручного удава. Майкл был в восторге от того, что стал продюсером той, кем восхищался. Было много людей — и среди поклонников и среди критиков, которые говорили, что он сделал пластическую операцию, чтобы стать похожим на Росс. Но, как отмечал один из близких ему людей: «Если бы Майкл хотел стать похожим на Дайану Росс, поверьте, у него было достаточно денег, чтобы стать ее точной копией. Что никогда не входило в его намерения. Это не значит, что ему не льстило, когда люди находили в нем сходство с Дайаной. Она была божеством для него».

В это время Дайана разорвала контракт с Motown и записала свой второй альбом Silk Electrik на фирме RCA. Альбому грозил провал, и ей требовалось для него что-нибудь особенное. Поэтому она обратилась к Майклу.

«Я возвращался из Англии после работы с Полом Маккартни над его альбомом. Под гул моторов «Конкорда» эта песня буквально ворвалась мне в голову, — вспоминал Майкл. — Я подумал: это то, что нужно Дайане. У меня не было с собой магнитофона или чего-то другого, так что пришлось страдать три часа. Как только я попал домой, сразу записал ее на пленке». По словам Дайаны, Майкл побаивался ее, когда они вместе работали в студии. Он не мог заставить себя приказывать ей, говорить, что и как делать.

«Ты же мужчина, — уговаривала его Росс. — Ты тут хозяин».

Хотя Дайана хотела, чтобы «Майкл продемонстрировал свои мускулы» и руководил записью, это было трудно для него. В конце концов песня как бы возникла сама.

«Я не знаю, считать ли это моей фантазией или фантазией Майкла, — сказала Дайана после выхода песни. — Как бы то ни было, она стала хитом и вошла в десятку».

В августе 1982 г. Майкл и Куинси Джонс начали работать над новым альбомом на студии Westlake в Лос-Анджелесе. Альбом должен был называться Thriller и состоять из 9 песен, которые они вдвоем выбрали из 300 предложенных. Бюджет альбома составлял 750 000 долларов.

1 декабря 1982 г. Thriller вышел на праздничный рынок «сезонных» покупок. Альбом был посвящен матери Майкла — Кэтрин. Куинси Джонс предсказывал, что он станет хитом.

«Я понял это после первого прослушивания в студии, потому что у меня на руках зашевелились волосы, — сказал он в интервью «Плейбою». — Это верный признак, он меня никогда не подводил. В альбоме проявилось все великолепие Майкла, копившееся 24 года внутри него. Я был наэлектризован, как и все работавшие над проектом.

Энергия била через край, мы врубили музыку так громко в студии, что из колонок посыпались искры от перегрузки. За 40 лет в бизнесе я видел что-то подобное впервые».

Должно быть, в студии это и звучало потрясающе, но, когда прослушали запись, она звучала ужасно. Майкл был ошеломлен. Он выскочил в слезах. Как сказал Берри Горди, решить проблему оказалось просто, но не легко. Надо было заново микшировать каждую вещь — выводить уровень записи каждого инструмента и голоса. Требующая времени, кропотливая работа со скоростью 2 вещи в неделю, но в конце концов оправдала себя. Когда Майкл прослушал окончательный вариант, он остался доволен.

Куинси Джонс, Рон Вайснер и Джон Бранка сидели с Майклом в студии, слушая запись альбома. Майкл считал, что звучит великолепно. Он верил в успех и широко улыбался, заново встречаясь с каждой песней.

— Майкл, ты знаешь, музыкальный рынок сейчас на нуле, — сказал Рон под грохот заглавной темы из колонок. Он почти кричал, чтобы его услышали.

— Да, Майкл, — согласился Куинси, — не ожидай, что она пойдет так же хорошо, как Off the Wall.

— Сейчас продать 2 миллиона пластинок — это предел, — добавил Вайснер.

— Да, рынок в упадке. Ни у кого нет хитов, — заметил

Куинси.

— Выключите, — сказал Майкл инженеру. Улыбка исчезла с его лица. — Что с вами, ребята? Как вы можете так говорить? Вы не правы, чертовски не правы.

— Но... — начал Куинси.

— Я не хочу тебя слушать, — сказал Майкл, отвернувшись от него. — Мы делали это вместе с тобой. Я схожу с ума. Никогда не говори мне ничего подобного. Что это за отношение?

Джон Бранка сидел в углу и наблюдал за сценой. Наверное, он знал, что лучше молчать.

— Я ухожу отсюда, — и Майкл выскочил из студии.

На следующий день он позвонил Бранка и сказал, что взбешен прогнозами Вайснера и Джонса, будто Thriller разойдется тиражом «всего» в 2 млн экземпляров.

«Ни в коем случае, — говорил Майкл. — НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ. Этот альбом станет ВЕЛИКИМ».

Он так разошелся, что решил не отдавать альбом в Си-би-эс, попросил Бранка позвонить Уолтеру Етникофф и отменить проект Thriller.

«Если Куинси и Рон не верят в меня, — кипел он, — давайте забудем, я просто не буду выпускать альбом. Thriller навсегда ляжет на полку».

Поговорив с Бранка, Майкл решил сам позвонить Уолтеру Етникофф. Когда он рассказал ему, что случилось в студии, президент постарался успокоить его.

«Да что они, к черту, знают? — сказал он о Джонсе и Вайснере. — Ты суперзвезда, а не они».

Большинство музыкантов в Си-би-эс побаивались президента студии, Майкл — нет.

«Послушайте, Уолтер, этот альбом будет крупнейшим за всю историю. Я чувствую это, — сказал он. — Музыка очень сильная. Он должен иметь успех, и вы должны обеспечить это».

Етникофф слышал подобные переоценки альбомов, наверное, сотни раз, но от представителей музыкантов, от них самих — редко. Удивившись, он сказал Майклу, что проконтролирует, чтобы альбом получил достойную поддержку.

«Надеюсь на это, — ответил Майкл, — если нет, тогда вообще нет смысла выпускать его».

Майкл был удовлетворен заверениями главы. Учитывая роль, которую впоследствии сыграл Thriller в музыкальной индустрии, забавно вспомнить, что, когда выпустили 1-й сингл этого альбома, большинство обозревателей считало, что он станет большим разочарованием. Удачный дуэт Джексона и Маккартни в спокойной вещи The Girl is Mine (написанный в соавторстве во

время совместного просмотра мультфильмов) вызвал больший интерес, чем сама песня, которая была более красивой, чем хорошей, и слабой по содержанию. Многие как в белом, так и в темнокожем сообществе считали, что Майкл с продюсером Куинси Джонсом зашли слишком далеко, сознательно подстраиваясь под вкусы белой поп-аудитории. Считалось, что если этот 1-й сингл как-то характеризует весь альбом, то, наверное, Майкл Джексон в большой беде.

А потом появилась Billie Gean. Неторопливая и мрачноватая музыка, в лучших традициях Куинси Джонса, медленно вкрадывалась, как хищный зверь. Это — тревожная песня про девушку, уверявшую Майкла, что он — отец ее ребенка. Несомненно, внебрачные связи и незаконнорожденный ребенок Джозефа приходили Майклу в голову, когда он писал текст. Но были и другие переживания, вдохновившие его сочинить эту песню.

В 1981 г. некая поклонница написала Майклу письмо, уверяя, что он — отец ее ребенка. Она прилагала свои фотографии — молодая, привлекательная чернокожая девушка лет 18—19, которую он никогда не встречал, и фотографии ребенка. Майкл, который часто получает такие письма, проигнорировал его, как и другие. Эта девушка, однако, оказалась настойчивее прочих. Она клялась, что любит Майкла безумно и хочет быть с ним, писала, что не может не думать о нем, и рисовала радужные картины, как они будут счастливы, вместе воспитывая плод их любви. Казалось, она одержима им. В следующие несколько месяцев Майкл получил десятки писем от нее. В одном из них она уверяла, что у него и у ребенка одни и те же глаза, поражалась, как он может отвергать свою плоть и кровь. Майклу начали сниться кошмары про эту женщину.

«Почему она не остановится? — спрашивал он себя. — Почему она не оставит меня в покое? Она сумасшедшая?»

Он не мог выкинуть ее из головы и постоянно думал, где она, когда появится и что он тогда будет делать. Казалось, что он стал одержим ею, как она — им. Наконец пришла посылка. Майкл нашел в ней еше одну фотографию — она была похожа на школьное выпускное фото. Незнакомка улыбалась с девичьей невинностью. Вместе с фотографией в посылку было вложено некое оружие. В сопроводительной записке поклонница просила его покончить с собой в определенный день и время. Писала, что сделает то же самое, предварительно убив ребенка. Она решила, что, если они трое не могут быть вместе в этой жизни, возможно, будут вместе в следующей.

Майкл был в ужасе от предложенного ему плана

самоубийства. Он вставил фотографию в рамочку и поставил в гостиной на кофейный столик.

«Господи, что, если она появится? — мучился он. — Что я буду делать? Я должен запомнить ее лицо. На всякий случай. Я никогда не смогу его забыть».

Она никогда не появилась. Скорее всего сумасшедшую девушку поместили в больницу. После выхода песни Billie Gean Майкл сказал, что написал ее, думая о ней. Однако он так и не сказал, что за оружие она прислала. Майкл в 1981 г. многим рассказывал эту ужасную историю, но решил не включать ее в книгу воспоминаний Moon Walk из страха, что это может спровоцировать подобные инциденты.

Интересно, что Куинси Джонс не хотел включать Billie Gean в альбом Thriller, считая ее слабой вещью. Майкл был зол и до сих пор не простил ему это.

Отношения между Майклом и Куинси стремительно ухудшались во время записи альбома Thriller, особенно когда тот не давал «добро» Майклу на Billie Gean и песни Beat It. Так как демонстрационные записи двух этих песен — до обработки их Джонсом — звучали абсолютно так же, как и в окончательной редакции, он чувствовал, что заслуживал не только «добро», но и комплименты.

Пристальное изучение альбома в целом выявляет искусную работу, которая шла в разных направлениях. Спокойная и «недалекая» The Girl is Mine — противоположность буйной Beat It. В ней Майкл усилил ритм-энд-блюзовое звучание острыми риффами рок-н-рольной гитары. Некоторые критики считают Beat It беззастенчивым заигрыванием с любителями хард-рока. Для записи был приглашен легендарный рок-гитарист Эдди Ван Хален (группа Van Halen была в расцвете славы). Хотя песня, возможно, и сделана на потребу рынка, она получила признание среди рок-фанов.

Хотя Wanna Be Startin' Somethin' звучит, как отдаленное подражание песням Don't Stop' Till You Get Enough и Working Day and Night, сходство объясняется тем, что Майкл написал эти три вещи в одно время.

Заглавная песня — Thriller — многое говорила об увлечении Майкла сверхъестественным и ужасами. Эта типичная вещь Рода Темпертона была очень мелодична и завораживала виртуозными риффами бас-гитары. Слова песни интригуют и возбуждают воображение, а заканчивалась она рэп-речитативом «мастера ужасов» Винсента Прайса. Трэк Thriller мог претендовать на роль основной вещи концептуального альбома, но не было единой идеи. Да и обложка — нехарактерная для Майкла фотография —

он в белой куртке и брюках в легкомысленной позе — казалась нелепой.

Главное содержание альбома — собрание разных стилей поп-музыки. Майкл и Куинси Джонс мастерски разработали блестящие и достоверные версии поп, соул и фанк, которые привлекают каждого слушателя. Однако никто из знатоков в музыкальной индустрии не ожидал, что этот призыв будет понят слушателями буквально. В какой-то момент Thriller стал продаваться не для досуга, он стал предметом первой необходимости. В пике своей популярности альбом продавался шокирующим тиражом — по полмиллиона экземпляров в неделю.

Чем дальше люди слушали Thriller — а он стал самым популярным альбомом всех времен, звучал на радио, был в личных коллекциях, — тем он больше нравился. Майкл и Куинси попали в точку: для многих слушателей - белых темнокожих, интеллектуалов-металлистов, попсовой молодежи и их родителей - он стал эталоном, а каждая вещь в нем - примером поп-музыки; в каждой аранжировке каждая нота была в нужном месте. Это сделало Джексона не просто героем музыкальная индустрия выдвинула его на новый уровень -почти святости. Феноменальные тиражи в сочетании с его удивительной одаренностью создали прецедент совершенства, воплотившийся в этом альбоме, который Майкл скорее всего будет в глубине души пытаться превзойти до конца своей карьеры.

Глава 19

Джозеф Джексон известен среди друзей и знакомых по бизнесу как человек, расточающий свой капитал из-за ненадежных вложений, выходящих за рамки карьеры его сыновей Некоторые принесли ему доход, например компания по прокату лимузинов, которой он владел, оказалась успешной Часто, однако, он оказывался в минусе. Основанная им компания грамзаписи принесла ему небольшую прибыль Он вложил кучу денег, продюсируя различные группы, вероятно чтобы доказать, что может сделать для других то, что делал для сыновей. Но ни один из этих проектов не был удачным.

К началу 1981 г. у Джозефа возникли столь серьезные финансовые проблемы, что он решил продать поместье в Эн-сино. Был найден отличный покупатель - собственный сын Майкл. Неизвестно, насколько тщательно отец продумал последствия этого шага. Сменив роль владельца на совладельца дома, он должен был отдавать себе отчет в том, что их отношения тоже изменятся.

За редкими исключениями, в большинстве семей глава семьи предоставляет остальным членам семьи кров; когда дети взрослеют, они обзаводятся собственным жильем. Как правило, смена ролей говорит о некоей семейной дисфункции. Джозеф всегда придерживался теории о том, что отец должен контролировать детей - независимо от их возраста желаний и жизненного опыта. Поэтому наверняка побаивался необходимости жить в сыновнем доме, тем более что раньше он принадлежал ему.

Вероятно, он не задумывался о том, что может произойти, так как отчаянно нуждался в деньгах. Ему было не до этого. Джозеф считал, что делает Майклу одолжение, продав половину дома и позволив тем самым сделать «солидное капиталовложение».

«Должен сказать, что мы были среди немногих звезд-счастливчиков, которые перешли из детства в бизнес, имея все материальные атрибуты: деньги, недвижимость и другие капиталовложения. Мой отец обеспечил нас этим, — признавал Майкл. — По сей день я благодарен ему за то, что он не пытался прикарманить наши деньги, как многие родители «звездных детей». Отвратительно красть у своих детей. Мой отец никогда этого не делал».

Майкл заплатил около полумиллиона долларов за половину дома. Кэтрин и Джозеф стали совладельцами второй половины. Со временем отец продаст свою четверть дома тому же сыну,

оставив Кэтрин ее 25%.

Став совладельцем, Майкл полностью перестроил дом. Прежним остался только адрес, новый был домом молодого Джексона, скорее — дворцом. Это заняло 2 года. Во время гастролей в Англии несколько лет назад он был очарован дворцами в стиле Тюдоров и захотел воссоздать подобное в Энсино, потому что, как он полагал, «Кэтрин это понравится больше всего».

Поместье действительно весьма оригинально. Мощеная дорога ведет к дому с белым трехъярусным фонтаном перед ним. Во всех окнах тонированное пуленепробиваемое стекло. Когда Майкл находился в резиденции, «Роллс-Ройс», который помогла ему выбрать Татум О'Нил, всегда стоял припаркованный напротив гаража на 4 машины, построенного в том же стиле, что и дом. Майкл по-прежнему был не в ладах с вождением; и скорее бы сделал крюк, потратив лишний час, чем выехал на лос-анджелесскую автостраду. «Я не могу нормально тронуться с места, — жаловался он. — И не могу нормально остановиться».

Над воротами гаража — приветствие «Добро пожаловать!». В него вмонтированы большие часы с римскими цифрами. На 2-м этаже — галерея из 3 залов с сотнями фотографий Джексонов на стенах и даже на потолке. Над лестницей, ведущей туда, Майкл прикрепил плакат, на котором написано:

Сфотографировать.

Поймать мгновение.

Остановить время.

Сохранить нас, какими мы были,

Какие мы есть.

Один зал посвящен старым памятным фото семьи Джексонов с приложением брачного свидетельства Джозефа и Кэтрин. Другой — истории «Пятерки Джексонов», третий — взрослому Майклу. Среди его фотографий — снимки со знаменитостями, в частности, Жаклин Кеннеди-Онассис и Джейн Фонда.

В пруду плавают грациозные черные и белые лебеди. Пара павлинов (любимая птица Майкла) — Зима и Весна, две ламы — Луис и Лола, пара оленей — Принц и Принцесса, жираф, которого Майкл окрестил Джабаром, и еще животное, которое некоторые считают бараном (хотя другие в этом не уверены), по имени мистер Тиббс — любимцы Майкла. Животные, которых на ночь загоняют в стойло, днем свободно разгуливают по поместью. Когда Майкл жил там, держал отлично оборудованные клетки примерно с дюжиной разных животных и редких дорогих птиц, на полках в кухне в доме для гостей, боялся, что они слишком нежные, чтобы жить на улице. Каждый день навещал их.

Еще у него был 8-метровый удав по имени Мускулы, который, как шутил Майкл, был «натренирован съедать репортеров». Он давал ему раз в неделю большую, откормленную крысу.

Как-то раз Кэтрин обнаружила удава под одним из диванов в гостиной.

«Она так закричала, что слышно было по всему Энси-но!» — рассказывала со смехом Сузи Джексон.

Соседи постоянно жаловались. Адвокат Говард Дэвайн, владение которого примыкало к поместью Джексонов, говорил: «В жаркие летние месяцы мы не можем наслаждаться парком. Эти животные по своей природе выделяют определенные запахи».

Рядом с гаражом Майкл сделал мини-версию Главной улицы США в Диснейленде, включая кондитерскую лавочку. Была и копия механического Авраама Линкольна, который говорил точно, как там. Поездки Майкла в Диснейленд, его любимейшее место на Земле, всегда сопровождались хаосом из-за его поклонников. Он всегда предпочитал, чтобы его проводили через черный ход или через туннели аттракционов. Теперь он строил свой маленький мир Диснея. Появлялись новые механические персонажи. «Они будут, как живые люди, — объяснял Майкл. — Только не будут хватать вас или просить об одолжении. С ними мне хорошо. Они — мои личные друзья».

Причудливо извивающиеся мощеные дорожки с экзотическими цветами и искусно подстриженными кустарниками по краям вели в укромные уголки поместья, куда Майкл часто отправлялся один, подумать. Огромный бассейн будто приглашал искупаться. Вода била из 4 фонтанов, расположенных в бороде Нептуна, который красовался на стене за бассейном.

Главная кухня находилась на 1-м этаже дома, безупречно чистая, с белым кафельным полом, хромированными плитами и прочими кухонными принадлежностями. Рядом с кухней была игровая комната с видеоиграми вроде «Космических захватчиков».

Холл дома освещался огромной, поражающей воображение люстрой, свисающей с потолка, расположенного на уровне 3-го этажа. Дедовские часы с золотой филигранью стояли в углу. Ваза, полная только что срезанных цветов, — на квадратном инкрустированном золотом столе. Бронзовые статуи в античном стиле — по углам. Гостиная всегда была полна цветов.

Еще на 1-м этаже — домашний кинотеатр с 32 красными бархатными креслами, проекторами на 16 и 32 мм и штатным киномехаником. Всегда были наготове фильмы с Фредом Астером и другими знаменитостями. Майкл проводил здесь множество

часов.

Фойе вело в отделанную деревом комнату «трофеев». Стены покрывали заключенные в стекло «золотые» и «платиновые» диски Джексонов. Семейная шутка гласила, что если ЛаТойа когда-нибудь и получит «золотой» диск, то его уже некуда будет повесить. Пока такой проблемы не стояло.

Среди обложек журналов и прочих реликвий была также 6-футовая диорама «Белоснежка и семь гномов». «Однажды мне позвонил Майкл, — рассказывает Стив Ховелл, работавший видеооператором у Джексона. — Приезжай с аппаратурой. Ты ни за что не догадаешься, кто приезжает». — «Кто?» — спрашиваю я. «Белоснежка и семь гномов!»

Видео, сделанное Ховеллом в тот день, запечатлело 26-летнего Майкла, который как ребенок играет с гномами и слушает песни Белоснежки. Кажется, он переживает счастливейший день в своей жизни.

Винтовая лестница белого мрамора вела на 2-й этаж Наверху находились спальни, каждая с отдельной ванной комнатой. В большой спальне Майкла никогда не было порядка. «Я хочу, чтобы это была комната для танцев и моих книг», -сказал Майкл, следя за отделкой спальни. По свидетельству Ховелла, у него не было даже кровати. Он спал рядом с камином прямо на полу, покрытом большим бархатным ковром. Часть стены была затянута тканью, на других висели картины с изображениями Питера Пэна. На окнах -обычно закрытые деревянные жалюзи. Винтовая лестница вела из спальни наверх - на его личный балкон с уличным джакузи. Ванная комната рядом со спальней впечатляла -черный мрамор и золото.

Ховелл вспоминает о странном дополнении к убранству спальни: «Там стояло 5 женских манекенов, изображавших представительниц разных этнических групп. В человеческий рост, прекрасно наряженные, они выглядели как топ-модели в дорогой одежде. Кто-то специально сделал их для Майкла не знаю почему. Зайдя как-то, я заметил их, но сделал вид' что не обратил внимания. Он никогда не рассказывал мне' зачем они ему там нужны».

Майкл говорил, что сначала планировал одну комнату в доме отвести специально для манекенов, но передумал и решил держать своих «пластиковых друзей» в своей. Наверное кэтрин почувствовала облегчение.

«Я хотел бы оживить их, - говорил Майкл. - Я чюбчю представлять себе, как мы с ними разговариваем. Знаете что я думаю? Да, пожалуй, расскажу. Думаю, что я окружен друзьями, которых у меня никогда не было. Может быть была пара друзей.

Будучи звездой, ты просто не догадаешься, кто тебе друг. Поэтому я окружаю себя людьми, которых хотел бы иметь друзьями». Окружив себя манекенами, Майкл создал в каком-то смысле, маленький совершенный мир, в котором он был богом.

Позже в углу спальни появилась детская кроватка в которой спал Баблс, шимпанзе Майкла, который и сам стал знаменитостью. Часть времени он живет с Майклом, а остальное — со своим дрессировщиком.

Спальня Майкла была отделена холлом от спальни Ла-Тойи.

«Слава богу! — сказала она в интервью. — Он производит столько шума. Когда он пытается творить, гремит музыка. Или он смотрит шоу по телевизору и всю ночь хохочет. Вечно горит свет. Майкл без конца читает книги».

Майкл любил подкладывать сестре под простыню жуков и пауков, чтобы, найдя их, она кричала и будила весь дом. Он постоянно врывался в ее спальню, где царили порядок и чистота, с дурацкими вопросами. Его всегда отличало любопытство, ему ничего не стоило зайти к любому в комнату и исследовать содержимое ящиков. Он часто совал свой нос в чужие дела и тем самым «доставал» свою семью, но очень расстраивался, если кто-то лез в его дела.

Дом Майкла, который неофициально называли «Хэйвенхерст», по имени улицы в Энсино, был идеальным убежищем от остального мира. С крыши Майкл наблюдал закат и ночные огни.

Как-то знакомый композитор заехал к нему по музыкальным делам. «Пока я ожидал его в гостиной, — рассказывает он, — у меня было странное ощущение, что Майкл наблюдает за мной. Потом пришел, мы поговорили, и — исчез. Я выглянул в сад и увидел, как он бродит среди кустов и деревьев, возится с животными. Он был как один из них».

Однажды Майкл и Джейн Фонда ехали в машине (Джейн за рулем), она пыталась выяснить, какой жанр киноискусства больше всего подходит Майклу. «Боже, Майкл, я хотела бы стать продюсером какого-нибудь фильма с тобой», — сказала Джейн. Вдруг ее озарило: «Я знаю, что это за фильм! Про Питера Пэна! Точно!»

Слезы полились из глаз Майкла. Он хотел знать — почему. Она сказала, что он и есть Питер Пэн — символ юности, радости и свободы. «Знаешь, у меня в комнате на всех стенах — картинки с Питером Пэном, — сказал Майкл, вытирая глаза. — Я полностью себя с ним отождествляю. Заблудившийся мальчик из «Никогда-Не-Бывалой-Страны». Never Never Land — страна, где сбываются мечты, страна вечного детства, «остров Где-то-там».

Да, все дети стали взрослыми, кроме одного...

12 марта 1983 г. истекал срок действия контракта, который Майкл и его братья заключили с их отцом и фирмой Weisner-DeMann. Ожидалось, что Майкл возобновит его. Однако он не спешил делать этого. «Давайте подождем, посмотрим», — говорил он, когда об этом заходила речь. У 24-летнего Майкла была суперуспешная соло-карьера, и он стал увереннее в своих решениях и не был настроен последовать примеру братьев, которые заявили, что впредь будут работать с отцом. Отныне Джозеф, Вайснер и ДеМанн должны были сотрудничать с ним без контракта.

Конечно, если отец хотел оставаться менеджером Майкла, он не увеличивал свои шансы на это, третируя любимую им мать. За последние годы Майкл был свидетелем множества домашних сцен и не мог отделить человека, который был их причиной, от того, кто несет ответственность за его карьеру. Теперь он стал подумывать о своем праве на выбор. Свет не сошелся клином на Джозефе, размышлял он. Майкл становился все более непредсказуем, особенно после получения двойного «платинового» диска за альбом Thriller. Он начал осознавать свою силу.

В марте 1993 г. первый вышел видеоклип с альбома Thriller — он стал первым музыкальным клипом Майкла.

* * *

Сюзанн де Пасс, старая приятельница Майкла, принимавшая участие в становлении его карьеры в Motown, в марте 1983 г. готовила к показу на национальном телевидении Эн-би-си специальную передачу, посвященную 25-летию компании, — «25 лет Motown: Вчера, Сегодня и Всегда». Де Пасс теперь была президентом Motown Productions, правой рукой Берри Горди. Они хотели, чтобы все звезды, начинавшие у них, собрались на это торжество. Пришло время воздать должное 54-летнему Горди, человеку, положившему начало и давшему шанс прославиться многим молодым талантам.

Все братья Джексоны сочли превосходной идею собраться вместе на этом юбилее, все, кроме Майкла.

Он не хотел появляться на телевидении. Ему нравилось выпускать музыкальное видео, потому что здесь он мог контролировать конечный результат. Любой элемент выступления можно было довести до совершенства, снимая дубли или в процессе монтажа. Выступать «вживую» перед публикой с записью для телевидения было рискованным предложением для него. Он не чувствовал достаточной уверенности, что сможет повторить ювелирную отточенность своей работы на видео.

К тому же появление с братьями на национальном

телевидении было не столь привлекательно для него, как для всей семьи. Много лет он зависел от семьи. Но теперь начал отходить от нее, эмоционально отдалившись от братьев и профессионально — превзойдя их успехом сольной карьеры. Несмотря на то что Майкл не делал заявления о выходе из группы, он не хотел, чтобы его продолжали воспринимать одним из «Пятерки Джексонов».

К тому же Майкл не забыл встречи с Берри Горди в 1975 году, когда тот обещал не делать ничего, что причинило бы вред его семье, а вскоре после этого вывел любимого брата — Джермена — из состава группы. Хотя дело тогда обстояло сложнее, он считал, что Берри предал его. По его убеждению, Горди платил юным Джексонам незаслуженно мало за их хиты и, больше того, не позволял им использовать название группы во время работы на Си-би-эс. Поэтому Майкл не торопился принять участие в чествовании Горди.

Отец Майкла считал идею воссоединения превосходной, и немедленно начал думать о том, как бы выгодно использовать выступление по ТВ для организации общего турне — мысль, заставлявшая Майкла содрогаться. Однако, вопреки распространенному мнению о нем, он не был слабовольным. Не приняв мнение Джозефа во внимание, он посоветовался с другими своими менеджерами — Вайснером и ДеМанном — и решил, что не появится на телевидении.

Вскоре после этого Майкл работал над специальной версией Billie Gean на студии Motown, специально арендованной для этого. Горди нашел его там. Сначала Майкл был обескуражен этим, но быстро взял себя в руки.

Берри прямо спросил, почему он отказался от участия в программе. Майкл объяснил, что с неприязнью относится к съемкам на ТВ. В конце концов Берри стал уговаривать его, вспоминая «старые времена» и как он «раскрутил» Джексонов. Майкл уступил, выдвинув свои условия.

«Если я пойду на это, мне нужен сольный номер», — заявил он. «Отлично, старик! — с готовностью откликнулся Берри. — И я хочу этого».

Конечно, Берри думал о сольных песнях Майкла времен Motown и начал перечислять их.

Майкл покачал головой: «Я хочу спеть Billie Gean.

Берри начал ворочать во рту языком, что всегда делал в глубокой задумчивости. Он мягко попытался объяснить, что программа посвящена его компании и нынешние записи Майкла на Си-би-эс будут не к месту. Но тот предупредил, что, если не сможет спеть эту песню, вообще не будет выступать.

«О'кей, — вздохнул Берри. — Пусть будет Billie Gean. — «Да, еще я хочу запись с окончательной редакцией перед показом по ТВ», — сказал Майкл, словно вспомнив.

Никто из исполнителей никогда не просил об этом, большинство просто не осмелилось бы, так как это вывело бы Берри из себя. Motown всегда решала все сама. Он понял, что Майкл не даст согласия, если его требование не будет удовлетворено.

«О'кей, — сказал Горди и они крепко пожали друг другу руки. — Еще, ты выступишь с Джексонами, да? Джермен так хотел бы этого».

Майкл сделал круглые глаза и вздохнул: «Почему бы и нет?»

Они поднялись со стульев, улыбаясь. Майкл обнял Берри и что-то шепнул ему на ухо. Горди вышел из студии, сияя.

Очевидно, Майкл преследовал особую цель, когда спел Billie Gean. Не считая явной рекламы «Triller», он хотел доказать, что, как бы ни были хороши прежние хиты времен Motown, после ухода из этой компании он смог создать вещи еще более сильные.

Решившись появиться в программе на ТВ, Майкл теперь должен был сделать все, чтобы выступление было блестящим. Репетировал с братьями дома, выступая хореографом, записывая репетиции на видео, чтобы вносить изменения. Он возглавил группу. Никто не возражал. Все были рады работать вместе.

Выступление должно было записываться 25 марта 1983 г. Накануне ночью на кухне своего дома Майкл в одиночестве создал хореографию номера Billie Gean.

В день выступления Майкл сидел в Pasadena Civic Center. Во время репетиции ребята набрасывались друг на друга. Нервы были перенапряжены.

— Джермен, ты не помнишь эти движения, — выговаривал брату Джекки. — Как ты можешь не знать хореографию?

— Сейчас у меня получится. Получится, — говорил Джермен.

— Когда? — настаивал Джекки. — Завтра? Когда будет слишком поздно?

— Не приставай к нему, парень, — защищал Тито Джермена.

Братья повторили номер. На этот раз вышло еще хуже. Майкл покачал головой и улыбнулся. Любой человек усомнился бы, глядя на репетицию, что выступление будет удачным.

Немного позже Марлон спросил Майкла, зачем ему шляпа, тот не ответил. Он хотел, чтобы его выступление стало сюрпризом.

Когда Джексоны выходили на сцену, публика уже успела

увидеть выступления Марвина Гэя, Смокки Робинсона и Мэри Уэллс. Потом показали запись Джексонов в 1978 г. в Motown, частично — несколько прежних выступлений и, наконец, пятеро братьев появились на сцене, танцуя под хит I Want You Back. Джермен был позади Майкла, как прежде, и широко улыбался.

При виде Джексонов снова вместе, зал взорвался аплодисментами. Когда они заиграли The Love You Save и Рэнди выскочил на сцену, присоединившись к группе, публика — мужчины в смокингах, дамы в вечерних туалетах, стоя, пританцовывали под музыку, как толпа тинейджеров-фанов. Кто мог усидеть под такую музыку?

Как Джексоны умудрились выступить так после провальной репетиции — до сих пор загадка для большинства свидетелей этого. Но, словно по волшебству, все получилось.

Потом Джексоны уступили сцену Майклу. Луч прожектора высветил его, его украшенную блестками черную куртку с манжетами, расшитую рубашку серебристого цвета, белые флюоресцирующие носки, выглядывающие из-под узких черных штанин, едва достигающих лодыжек, блестящие черные мокасины. И, конечно, белую перчатку, отделанную сверкающими бусинами, на левой руке.

Майкл поблагодарил публику за аплодисменты. Он стеснялся, говорил запинаясь.

«Конечно, это были славные времена. Люблю эти песни, — сказал он о тех, что прозвучали. — Это были волшебные минуты с братьями, включая Джермена».

Майкл начал расхаживать по сцене, держа одну руку в кармане, будто он один в зале, и просто говорит то, что ему только что пришло в голову. «Но, знаете, я очень люблю эти песни, но особенно люблю, — он был в центре сцены и повернулся лицом к публике, — новые песни».

Публика знала, что он запоет, и начала скандировать: Bil-lie Gean!

При звуках фанковой «фузз» гитары Майкл начал свой танец. Он собирался петь под фонограмму, это было ясно, но никого это не волновало. Майкл надвинул шляпу на глаза и начал ритмично раскачиваться в такт музыке, а когда снял шляпу и запустил в сторону грациозным закручивающим движением, публика взревела. Братья стояли за кулисами, открыв рты. Родители и сестры, сидевшие в зале, лишились дара речи.

«Он затмил всех, — воскликнул Джозеф, обращаясь к жене. — Он затмил всех».

Никто никогда не видел ЭТОГО Майкла Джексона; ни зрители в зале, ни миллионы телезрителей несколько недель

спустя. Последний раз он выступал перед публикой во время турне Thriller, когда еще был обыкновенным парнем с прической «афро». Сегодня он выглядел просто потрясающе. Гибкое, грациозное тело, тонкий нос, химически завитые волосы — как картинка. Хотя он всегда был самоуверенным на сцене, сейчас его глаза светились холодной мстительной яростью. Он блестяще использовал весь свой арсенал поз и движений, и публика, словно обезумев, аплодировала каждому его шагу.

«Просто ни с чем не сравнить новизну, артистичность, выразительность его выступления. Все в зале были очарованы им», — вспоминала Сюзанн де Пасс.

«Я никогда не видел ничего подобного, — отмечал Стив Айвори, редактор журнала Black Beat, — я был ошеломлен. В ту ночь Майкл действительно стал легендой. Впечатление от просмотра записи выступления бледнеет в сравнении с радостным возбуждением, охватившим меня и весь зал при виде живого Майкла в работе».

Майкл поднял руку, отвечая на овации, гремевшие в зале. Позже он утверждал, что сам был разочарован своим выступлением. Он планировал исполнить стойку на носках и застыть на время в этой позе. Он встал на носки, но не удержался так долго, как хотел, репетируя у себя на кухне. Всегда стремящийся к совершенству, он добился бы этого, если бы это была запись в студии, а не перед публикой.

За кулисами братья окружили его, по очереди целуя и обнимая. Это было необычным для них выражением чувств. Как правило, они, следуя примеру Джозефа, были сдержаннее. На мгновенье Майкл поверил, что они действительно им гордятся. Может быть, это и впрямь было хорошее выступление, подумал он. Но через минуту это прошло. Братья стали обсуждать, что его слава для них — возможность групповых гастролей, шанс заработать больше, чем когда-либо.

«Пятерка Джексонов» возвращается, — повторял Джек-ки, и остальные соглашались. — Это будет потрясающе».

Майкл не хотел этого, ни вообще, ни в частности. Он повернулся и пошел от них.

— Эй, Майкл, — позвал какой-то паренек, — подожди. Он остановился.

— Кто тебя научил так танцевать? — мальчишка с обожанием смотрел на своего кумира.

— Думаю, практика, — сказал Майкл.

— Ты был сногсшибателен.

— Спасибо. Я ценю это. Поклонник ушел.

Майкл кивнул самому себе и, идя через холл, начал

улыбаться. Теперь он был доволен.

Хотя Майкл Джексон не осознал сразу, какой эффект произвело его выступление, как он пишет в своей автобиографии Moon Walk, он должен был почувствовать это, когда телохранители вели его через площадь на роскошный банкет, устроенный Motown после записи. Одетый теперь в поношенные джинсы и военную куртку, Майкл не был похож на человека, только что давшего главное в жизни представление. Знакомые звезды, музыкальные функционеры, прочая публика, видевшая все, что может предложить шоу-бизнес, летели на него, словно пчелы на мед. Группа Temptations пробивалась через толпу, чтобы увидеть Майкла. Скоро стало ясно, что в его присутствии на банкете будут перевернуты все столы. Через несколько минут, когда он поблагодарил нескольких ветеранов Motown, его проводили к лимузину.

Это было славное время. 30 апреля 1983 г. песня «Beat It!» стала первой в хит-параде. 16 мая по национальному каналу «NBC» показали программу «25 лет Motown. В мае же вышел сингл Wanna Be Startin' Somethin', и в течение месяца вошел в пятерку лучших хитов.

После показа юбилейной программы отношение публики к Майклу Джексону резко изменилось. Многие успели забыть, насколько динамичен он на концерте, а многие — в общей сложности программу посмотрели более 50 млн человек, абсолютный рекорд для музыкальных передач — видели его выступление впервые.

В доме Джексонов на улице Хэйвенхерст царила праздничная атмосфера. Раздавались телефонные звонки из разных частей страны, люди восторгались Майклом.

«Вам нужно посмотреть это еще раз, — говорил всем приходящим гордый отец, включая видеомагнитофон. — Никогда не видел ничего подобного».

Видеомагнитофоны перегревались по всей стране. Своим выступлением Майкл подтвердил поклонникам, что он тот же удивительно одаренный артист, которым они привыкли гордиться. Благодаря мощи ТВ его увидели миллионы зрителей, никогда прежде не знавших то, что фаны называли его магией. Только два раза до этого — при первых показах по ТВ Элвиса Пресли и Beatles (оба — в шоу Эда Салливана) — телевидение столь наглядно способствовало суперпопулярности поп-исполнителей. Теперь Майкл Джексон показал, без преувеличения, самое чарующее исполнение поп-музыки в истории ТВ.

«Майкл — танцор в душе, — говорил Майкл Питере, его

хореограф для видеоверсий Beat It и Thriller. — Он никогда не учился танцевать. Но у него есть чувство танца. Я могу поставить его среди 30 профессиональных танцоров, посвятивших танцу всю жизнь, и учившихся ему 20 лет — и он сделает все не хуже их».

Даже Фред Астер был поражен. На следующий день после показа по ТВ он позвонил Гермесу Пану, своему соседу по Беверли-Хиллз, «оскароносному» хореографу, учившему Астера и Джинджер Роджерс, и пригласил его к себе, чтобы показать запись выступления Джексона. Астер никогда не был склонен восхищаться другими танцорами-мужчинами.

«Не правда ли, он великолепен?» — спросил он Пана после просмотра записи.

«Мы решили, что немедленно должны позвонить Майклу, — вспоминает Пан. — Как-то Фред узнал его номер и сказал ему, что он чертовски хорошо танцует: «Ты посадил их всех в лужу вчера. Ты агрессивно танцуешь. Как и я».

Потом я взял трубку и тоже сказал, что восхищен его работой. Он был очень благодарен, рад, что мы позвонили ему. В какой-то момент мне показалось, он подумал, что его разыгрывают. Он не мог поверить, что ему позвонил Фред Астер», Позже Майкл скажет, что комплимент Астера значил для него больше, чем все остальные.

Учитель по вокалу Майкла Сет Риггс вспоминал: «Майкл завтракал, когда позвонил Астер, это привело его в такое возбуждение, что он чуть не заболел и не смог есть».

Позднее Майкл и Фред подружились. Фред пригласил ею к себе домой, чтобы Майкл показал ему и Гермесу Пану «лунную походку».

Майкл учился «лунной походке» у 16-летнего танцора Джерома Кандидейта, выступавшего в телепрограмме под псевдонимом Каспер. Через своего менеджера Рона Вайснера Майкл познакомился с ним.

«Я видел кое-что, что вы делали на ТВ, — сказал ему Майкл. — Как будто вы одновременно идете и вперед и назад». «Называется обратное скольжение», — объяснил Каспер. «Потрясающе! — воскликнул Майкл. — Послушай, ты можешь научить меня этому?»

Каспер был потрясен и едва смог произнести «да». На следующий день они встретились в студии для репетиций в Лос-Анджелесе. Каспер продемонстрировал «скользящий шаг», когда зрителям кажется, что танцор идет вперед и назад одновременно. Майкл взвился от радости: «Вот этому я и хочу научиться».

Потом Майкл схватил Каспера за ногу и попытался взглянуть на подошву его туфли: «Что у тебя там на подошвах? Ролики или

что-то такое? Поэтому ты так скользишь?» Каспер объяснил, что специальные подошвы или ролики ни при чем, дело в технике шага. И начал учить Майкла. Первый урок продолжался час. Получалось еще плохо, но более или менее он уловил суть. Через пару дней провели следующее занятие. «У него еще неважно получалось, — вспоминает Каспер. — Я словно шел по воздуху, а у него получалось неуклюже, что очень раздражало его». — «Я не могу делать это перед людьми, пока у меня не получится правильно», — постоянно повторял он.

После этих занятий Майкл отправился на гастроли с братьями. Каспер пошел посмотреть концерт в Лос-Анджелесе. Майкл не исполнил «скольжения». «Я был несколько удивлен, — рассказывает Каспер. — Я пошел за кулисы и спросил его об этом. Он ответил, что пока не чувствует себя готовым. Он не чувствовал этот шаг».

* * *

Каспер смотрел «25 лет Motown» у себя дома, как миллионы других людей, когда он увидел, как Майкл впервые исполняет «скольжение» перед аудиторией. «Я не мог поверить своим глазам. Мое сердце забилось. Я подумал: «Наконец он сделал это, после стольких лет. Это я научил его».

«Лунная дорожка» стала визитной карточкой Майкла. Его выступление было номинировано на премию «Грэмми». А человеку, который научил его этому, было заплачено 1000 долларов. «Столько я попросил. Мне было 16. Для меня это были хорошие деньги, — говорит он, смеясь. — Сказать по правде, надо было брать 3000 долларов. Как я мог знать, что это станет его визитной карточкой?»

Майкл никогда публично не благодарил Каспера за то, что стало его фирменным знаком. «Это шоу-бизнес, — говорит Каспер. — Майкл — замечательный парень. Может быть, самый замечательный из всех, с кем я работал».

Майкл продемонстрировал виртуозное искусство танца в великолепном клипе Beat It. Когда он начинал работать над клипом Billie Gean, он имел смутное представление о том, чего хочет добиться. Но он точно знал, чего хочет, приступая к клипу Beat It. Над тем, что стало самым динамичным и дорогим клипом. Вместе с ним работали бродвейский хореограф Майкл Питере и опытный коммерческий директор Боб Джиральди. Хореографический ансамбль, занятый в этом клипе, часто имитировали и имитируют во всевозможных клипах разных звезд.

По сюжету этого клипа Майкл — «хороший парень» — останавливает две крупные банды подростков, готовых начать войну друг с другом.

Некоторые тинейджеры, посмотрев клип, спрашивали со злостью:

«Что знает Майкл Джексон о бандах? Он что, думает своими танцами решить наши проблемы — стычки, убийства, наркоманию?»

«Дело в том, что никто не обязан быть «крутым», — объяснял Майкл. — Ты можешь уйти от драки и остаться мужчиной. Не нужно умирать, чтобы доказать, что ты мужчина».

Визуально клип очень убедителен. Снимавшийся на улицах «неблагополучных» районов Лос-Анджелеса, он выглядит мрачным. Для достоверности на съемки пригласили 100 членов двух настоящих противоборствующих городских банд в качестве статистов (их кормили и заплатили по 100 долларов каждому за две ночи работы).

Банды были как бы на периферии съемочной площадки, Майклу не нужно было контактировать с ними. Сначала он немного нервничал, как и вся труппа. Потом он вел себя прекрасно с ними. Решающим стал момент, когда банды увидели группу в танце. Наверное, после этого они стали уважать артистов. Майкл дал им автографы и сфотографировался с ними.

Доходы от продажи Thriller стали, используя выражение Майкла, «выше крыши», после его выступления на 25-летии Motown и клипа Beat It. Он вышел, когда Billie Gean продолжал подниматься в чартах популярности. Теперь, имея два клипа одновременно в десятке лучших, Майкл Джексон был ближе всего к своей цели - СТАТЬ НОМЕРОМ ПЕРВЫМ!

* * *

Между записью шоу в марте и показа по ТВ в мае Джер-мен встречался с братьями и даже с Джозефом, но только не с Майклом. Они обсуждали возможности ухода Джермена из Motown и совместных гастролей. Отец считал идею потрясающей. «Успех Майкла только поможет нам. Он идет вверх и, наверное, бросит нам веревку, чтобы мы поднялись», — говорил Тито. Турне дало бы Марлону шанс вырваться из финансовых «тисков». Он и его жена Кэрол помирились, к большому облегчению всей семьи.

«Они на самом деле принадлежат друг другу, — говорил Майкл. — В нашей семье они — пример настоящей любви».

Братья подготовили для Си-би-эс новый альбом — Victory. Майкл сначала не хотел участвовать в проекте, он написал и исполнил для него только две вещи. После записи альбома братья начали обсуждать возможность рекламного турне, но никто не знал, как он на это посмотрит. Считалось что должен согласиться; в конце концов, до этого они всегда договаривались.

Наступил июнь 1983 г. Он не сулил стать удачным для

Джексонов.

Майкл и его братья так и не возобновили свои контракты с отцом, Роном Вайснером и Фреди ДеМанном. Братья ждали, как поступит Майкл. Он разочаровался в двух последних и не торопился принимать решение.

Джозеф с приходом Джона Бранка, которому Майкл доверял безоговорочно, оказался как бы не удел. Он нервничал его положение по отношению к Майклу стало шатким как никогда.

Наконец Майкл решил уволить Вайснера и ДеМанна «Они сказали, что будет продано не более 2 миллионов пластинок Thriller, - объяснял Джексон. - Кому они нужны после этого? Они посоветовали мне не участвовать в праздновании 25-летия Motown. И, посмотрите, какой это был дурной совет».

Джон Бранка напомнил Майклу, что прежде всего он сам не хотел включиться в этот проект, но тот спорил, что не в этом дело, и считал, что Вайснер и ДеМанн соглашались с ним, а должны были убедить его в обратном. «Отошлите им контракт, - сказал он Бранка. - И закончим с этим».

Вайснеру и ДеМанну выдали их документы 22 июня утром этого дня. Вайснер говорил с Майклом. Казалось, проблем не было. Он был в ужасе, получив бумаги после полудня, но не мог дозвониться до Джексона. Конечно, это не было лучшим решением, но ему так было проще. Если кто-то терял его расположение, он исчезал с его горизонта и из его мыслей, как будто никогда не существовал.

* * *

Самый известный артист в мире оказался без менеджера и пресс-агента. После увольнения Вайснера и ДеМанна команда Майкла состояла из адвоката и главного советника Джона Бранка, телохранителя Билла Брэя, бухгалтера Гел-фанда и секретаря.

Когда синглы Beat It! и Billie Gean оказались одновременно в лучшей десятке, Куинси Джонс заказал трехлинейный телефонный разговор, в котором участвовал он, Майкл и Джон Бранка.

— Происходят невероятные вещи, Смелли[6], — сказал Куинси Майклу. — Тебе необходим менеджер. Как ты мог уволить Вайснера с ДеМанном? Что ты теперь собираешься делать?

— Куинси, Бранка держит все в руках. Он великолепен. Я спокоен, почему ты нервничаешь? — Он свернул разговор и повесил трубку.

Позже Куинси перезвонил Бранка:

— Джон, я волнуюсь. Карьера парня под угрозой. Это как самолет без пилота.

— Что? У него две пластинки в лучшей десятке, и его

карьера под угрозой? — смеясь, спросил Бранка.

— Но... — начал Куинси.

— Майкл знает, что делает, — сказал Бранка. — Этот парень — чертов гений. К тому же нас прикрывают Си-би-эс и Етникофф.

— Но... — опять начал Джонс. Бранка перебил его:

— Это наш шанс, и я готов хоть сейчас пойти и кому угодно надрать задницу за него, потому что ему дано ЭТО, Куинси. Я люблю этого парня и хочу просто выполнять его приказы.

Это убедило Куинси, что не имело значения. Джон Бранка знал, о чем говорил.

Глава 20

Нелегко увольнять своего отца, должен был признать Майкл Джексон.

Был июнь 1983 г. Как бы ни был он зол на Джозефа, сделать этот шаг, фактически прекратив профессиональные отношения с ним, ему по-прежнему было трудно.

Майкл, которому через два месяца исполнялось 25 лет, разрывался на части. Он хотел остаться верным отцу и надеялся, что тот какими-то своими поступками поддержит уважение, которое сын все еще испытывал к нему. Однако Джозеф еще не раз разочарует Майкла, и в будущем он уже не будет так хранить ему верность.

Прошло уже 10 месяцев, как Кэтрин подала на развод, она до сих пор добивалась от мужа и его адвоката полного перечня совместно нажитого имущества. В конце концов ее адвокат Джордж Гоффин убедил ее, что Джозеф умышленно пытается отдалить процесс, чтобы довести ее до отчаяния и заставить бросить это дело. Никто, конечно, не может знать, так ли это было.

«Джозеф никогда не отпустит ее. Он сделает все возможное, чтобы удержать маму», — жаловался Майкл одному из друзей.

Так или иначе адвокат Кэтрин получил требование суда, которое обязывало ответчика предоставить ей для изучения все финансовые документы. Он дал лишь некоторые из них и был очень уклончив в отношении большинства их капиталовложений, избегал ответов на простые вопросы, например, заключал ли сделки на бирже за последние 10 лет. Однако, по его словам, около 84 000 долларов все еще не выплачено за дом в Энсино, но теперь за это ответственен сын Майкл, как и за все сделки, связанные с домом. Конечно, это было известно Кэтрин. Муж не дал ей никакой информации, которой бы она не располагала, и, казалось, не был точен в некоторых деталях. Оставались без ответов сотни вопросов, касающихся их капиталовложений.

Кэтрин была доведена бумажной волокитой до предела и не видела выхода. Терпению Майкла пришел конец: «Пора с этим кончать». Если он решил что-нибудь, действовал без колебаний, невзирая на личности.

Вместе с Джоном Бранка был подготовлен официальный документ, извещающий Джозефа, что он более не представляет Майкла. В тот день, когда бумаги должны были отправить ему, сын уехал из дома и не возвращался, пока отец не привык к мысли о том, что все кончено.

С редкостным единством братья поддержали это. Никто из них не возобновил контракта с отцом.

Сначала Джозеф был в ярости, а немного погодя он заплакал. «Не могу поверить, что они бросили меня», — сказал он Кэтрин.

Она признавалась, что, несмотря на оставшуюся неприязнь к мужу из-за измены, ее сердце тоже разрывалось. Джозеф считал, что он создал «Джексонов» и они должны быть вечно обязаны ему за это. «Я был здесь, когда все началось, и я буду здесь, когда все это кончится», — повторял он свое кредо. Этого не разделяли сыновья. Они остались глухи к его словам, что его личные дела не касаются никого из детей и они не должны позволять, чтобы это влияло на их решения в профессиональной сфере.

Бездействовавший до сих пор Джозеф решил взяться за дело, руководствуясь поговоркой «Разделяй и властвуй». Он точно знал, чем можно соблазнить пятерых из шести Джексонов — Джекки, Тито, Марлона, Джермена и Рэнди: пора взяться за осуществления плана совместных гастролей, о которых мечтали братья. Отец, который заботился только об их благополучии, по его словам, «устроит им турне, которое сделает его мальчиков чертовски богатыми». Ребята были воодушевлены, мечтали, как это будет здорово. Но Майклу было достаточно всего, он не собирался заниматься устройством никаких гастролей. «Мы перейдем через мост, но не раньше, чем дойдем до него», — сказал он после знакомства с этим проектом.

Если где-нибудь существовал «мост через бушующие воды», то это был как раз их случай. Майкл Джексон был в этом уверен.

* * *

Летом 1983 г. в доме «Хэйвенхерст» царила напряженная атмосфера. Это ощущали все его обитатели — Майкл, Ла-Тойа, Джанет и их родители. Несмотря на разрыв с женой, Джозеф проводил здесь большую часть свободного времени, ночевал в спальне, расположенной напротив той, которую раньше делил с Кэтрин. Когда он уходил, все вздыхали с облегчением. Обычно он отсутствовал по субботам. В эти дни дом оживал. «Мы приглашаем много друзей и смотрим кинофильмы в домашнем кинотеатре, танцуем, включается машина для попкорна, и даже звери выходят на прогулку», — рассказывал ЛаТойа.

Майкл старался не встречаться с отцом. Когда они сталкивались, начинались громкие объяснения, после которых сын убегал в свою комнату. Кэтрин обычно следовала за ним. Джанет и ЛаТойа сидели у себя в спальнях и ждали, когда «шторм уляжется». Напряжение действовало на всех.

«Что касается прислуги, особенно чернокожей, то Джексоны относились к ним хуже, чем если бы это были члены ку-клукс-

клана, - рассказывала одна из бывших чернокожих служанок, уволившаяся из-за пренебрежительного, по ее словам, отношения к ней Майкла. - Воспринимайте мои слова как хотите, - говорила она, - но я проработала там несколько лет и могу сказать, что к чернокожим работникам относились, как к людям второго сорта. Джанет и ЛаТойа - маленькие избалованные дивы. «Припаркуй мою машину, включи телевизор, принеси мне поесть, покорми птиц», - один приказ следовал за другим».

«Майкл не был исключением, - продолжала она - Однажды он разъярился на охранников из-за того, что ему показалось, будто у них чересчур длинные волосы и они заплетают их в косички. Он заставил их всех постричься. Теперь конечно, и сам носит косичку. Если кто-то из живущих в доме приходил с другом и этот гость начинал разговаривать со слугами, Майкл переживал. Он должен был быть в центре внимания. Прислуга не должна была общаться с гостями» «Если ЛаТойа не в духе, - отмечала служанка, - и на нее не так посмотрел садовник, когда она садилась в свой «Мерседес» он мог распрощаться с работой. Если ей не понравился ваш одеколон, вам приказывают сменить его».

Стив Ховелл, видеооператор Майкла, вспоминает: «Обычно я свободно заходил в дом, когда мне нужно было по работе. Однажды Джозеф подходит ко мне и говорит-«Я больше не хочу видеть тебя здесь». Я попытался объяснить, что пришел по поручению Майкла, но он велел мне убираться и пригрозил: «Я добьюсь, что ты уберешься». Уходя, объяснил ситуацию одному из охранников. «Лучше сделай, как он сказал, - посоветовал тот. - Знаешь, у него есть «узи» (автомат)».

«У Джозефа был целый арсенал в доме, - говорит его бывший бизнес-менеджер Джером Говард. - Он хранил автоматы под кроватью».

Джексоны требовали от персонала полной преданности Стив Ховелл вспоминает случай, когда он уехал в отпуск на озеро Тахое:

«Я отдыхал с моей девушкой и совершил ошибку позвонив в Энсино узнать, все ли в порядке. «Ты должен срочно вернуться, - истерично сказал мне телохранитель Майкла Ьилл Брэи. - Телевизоры не работают, а Майкл хочет смотреть ТВ, и ЛаТойа кипит, и так далее». Мне пришлось отменить отпуск и лететь в Лос-Анджелес, мчаться в Энсино, чтобы выяснить, что отключен шнур антенны. Я врубил его, и все заработало».

Хорошую прислугу было трудно найти. Как-то начали пропадать деньги. Джексоны заподозрили одну из горничных. Они стали оставлять деньги в разных местах, чтобы посмотреть, что будет. Это действительно оказалась она. Ее сразу уволили, но

вместо того, чтобы взять другую, семья попросила человека, ухаживающего за животными, выполнять ее обязанности.

С этих пор всю прислугу начали проверять. Кэтрин не включала сигнализацию в комнате, где хранились ее норки, шиншиллы и другие меха. Она оставляла дверь слегка приоткрытой. Потом следила, кто проявит наибольший интерес. После чего этот человек попадал под подозрение. Пришлым не оказывали гостеприимства в «Хэйвенхерсте», исключая прессу — неизбежное зло в то время, когда один из членов семьи рекламировал новый диск, и знаменитостей, которых всегда встречали с распростертыми объятиями.

Однажды Кэтрин обнаружила, что фанатки Майкла как-то перебираются через ограду поместья и слоняются около пруда, надеясь увидеть его. «Их так много, — говорила она, — и никому не известно, что творится у них в головах. Вот почему моему сыну так трудно выбрать себе жену».

«Я люблю своих поклонниц, но боюсь их, — уверял Майкл. — Некоторые из них готовы на все, чтобы пробиться к тебе. Они не осознают, что их действия вредят тебе, — говорил он об одной из фанаток, проникшей на территорию. — Проснувшись, мы нашли ее около пруда. К счастью, собаки были в клетках. Обычно их выпускают, и они просто растерзали бы ее. Мы привели ее в дом, она очень грубо потребовала, чтобы ее там и оставили. Прошло некоторое время, пока мы нашли кого-то, кто увез бы ее из дома».

Пока Майкл рассказывал все это репортеру, его телохранитель Билл Брэй, бывший офицер полиции, стоял рядом и наблюдал. «О'кэй, пошли», — его любимая фраза. Перед тем как Майкл должен проскочить через ревущую толпу поклонников, Билл делает глубокий вдох и шепчет эти слова ему на ухо с тех пор, как он был еще ребенком.

Сейчас Майкл редко отвечает на вопрос, не взглянув перед этим на Брэя. Не раз Джозеф яростно спорил с охранником, считая, что тот слишком влияет на сына. Несколько раз они чуть не подрались.

Брэй, который почти 20 лет с Майклом, конечно, заслуживает, чтобы с ним считались. Однажды, когда кто-то из слуг пошел забрать почту, в дом просочилась фанатка.

«Я разговаривал с Майклом, когда эта девушка появилась и сказала: «Привет!», — вспоминает Стив Ховелл. — После этого она изо всех сил хлопнула его по плечу. Майкл за ее спиной взмахнул беспомощно руками, как бы говоря: «Кто это?» Я хотел ответить, когда вдруг почувствовал будто порыв ветра. Кто-то со звуком «Ууу-х!» появился со скоростью света. Это был Билл Брэй. Наверное, он увидел, что происходит, по одной из 5 видеокамер.

Ребята, он скрутил эту телку, надел на нее наручники и уволок куда-то. Приехали копы, забрали девушку, и тогда мы видели ее в последний раз. Может, больше никто ее не видел, — он засмеялся. — Она рыдала в истерике, конечно, перепугалась до смерти». Майкл воспринял это все спокойно, мы продолжили разговор, как будто ничего не произошло. Здесь вокруг полно «51-50». «51-50» — полицейское прозвище для неуравновешенных людей».

Были случаи, когда Майкл приглашал поклонниц зайти внутрь поместья. Ховелл вспоминал, что когда однажды снимал интервью с фанатками за воротами — он часто это делал, чтобы хозяин посмотрел потом запись и знал, что там за люди, — заметил Майкла, подающего ему знаки. Оказалось, тот подглядывал. Когда Стив закрыл ворота и вернулся, он сказал ему, что хочет познакомиться с ними. Ховелл притащил их. Не стоит и говорить, как они были счастливы.

«Майкл устроил им экскурсию по всему поместью, — рассказывал Ховелл. — Они уходили, лопоча, как идиотки, с безумными глазами. Майкл делал это время от времени. Если ему нечем было заняться, он иногда выпендривался, почему бы нет?»

* * *

«Я не хочу ехать».

Слова Майкла звучали властно, но его отец не хотел слышать. «Он лев, — говорил сын о Джозефе. — Королю зверей никто не должен переходить дорогу».

Семья обсуждала идею совместных гастролей с Джерме-ном постоянно после концерта на 25-летии Motown, Майкл откладывал окончательное решение со дня на день. Но летом 1983 года должен был дать ответ. Он устал, чувствовал, что это турне принесет беду. К тому же, вероятно, понимал, что его используют, но не говорил об этом. И не мог ехать. Это точно.

Отец уверял, что его братья нуждаются в деньгах.

Марлон и Кэрол помирились, но судебные расходы по разводу были значительны. «Я уведомлен моим бухгалтером и менеджером, что я и Кэрол остались почти без средств и что пока я не смогу сделать новый альбом и поехать на гастроли, доход будет маленьким или нулевым», — писал он в официальных бумагах. Налоги и выплаты по закладным их дома в Энсино стоили им почти 7 000 долларов в месяц. Было ясно, что, если Марлон и начнет работать, им придется продать дом.

Он был зол на жену за то, что та отказалась от миллиона долларов, которые ей подарила мать, недавно получившая огромное наследство, и считал, что она сделала это, чтобы показать на суде, что нуждается в его материальной поддержке.

Майкл знал, что никто из братьев не разбогател так, как он, но был уверен, что, будь они менее расточительны, жили бы неплохо. Марлон, например, мог бы продать свой дом и купить подешевле.

Джозеф обвинял сына в том, что он отвернулся от братьев, став суперзвездой. Но если бы Майкл, который никогда не был глух к бедам семьи, почувствовал действительную нужду, а не жадность, откликнулся бы. Этот человек понимал, когда используется его доброта. Знал он, что его звездный статус на гастролях будет игнорироваться. У него будет только один голос из шести.

И не сдавался. Они встретились с ним еще раз и принесли с собой его фотографию в полный рост. «Если не поедешь с нами, мы поставим этого на сцену вместо тебя», — пошутил один из братьев. Все смеялись, но Майкл не передумал.

«Послушай, ты нам не нужен, — сказал наконец Майклу отец. — Будет даже намного лучше без тебя. Джермен может спеть несколько песен, и Джекки, и Марлон, и Рэнди. И Тито тоже. Черт с тобой».

Этот каверзный ход подействовал: Майкла расстроили его слова. Он встретился с Бранка: «Джон, о чем он говорит? Братья не умеют петь. Только я могу быть главным голосом».

Бранка, наверное, удивился, как отец психологически воздействовал на Майкла. Он знал, как добраться до него, когда надо. Как только сын готов был опять передумать, подтянул тяжелую артиллерию — Кэтрин.

Казалось, что Джозеф доконал Кэтрин своей тактикой — не выезжая из дома, деморализуя всех своим присутствием и крайней скрытностью в денежных вопросах. Она не представляла себе, сколько зарабатывал Джозеф или Джексоны, насколько будет обеспечена в случае развода. Впрочем, Кэтрин явно передумала расходиться с мужем. Вместо этого решила сконцентрировать усилия на предстоящих гастролях сыновей. Следующей насущной проблемой было обеспечить сотрудничество Майкла.

Она встретилась с ним наедине. «Ты должен сделать это для семьи, — говорила мать, плача. — Братьям нужны деньги. Сделай это для меня». Как Майкл мог устоять против этого? Будучи убежденным в противном, он позволил ей манипулировать им и согласился на гастроли, «ради Кэт». Возможно, щедрые подарки, которыми он одаривал мать в течение многих лет, совсем не имеют значения по сравнению с теми жертвами в карьере, на которые он был готов ради нее. Джозефу и братьям было все равно, что сердце Майкла не лежало к этой поездке.

Родители пригласили Дона Кинга стать менеджером турне. Кинг больше всего известен как организатор выступлений боксера Мохаммеда Али в Маниле и как продюсер некоторых блокбастеров. Братья Джексоны встретились с ним и были разочарованы. Он пришел в белой меховой шубе, на руках кольца с бриллиантами, на золотом ожерелье — корона с именем «Дон». Ясно, что это не тот человек, который должен представлять их. Но Дон Кинг предложил им 3000 000 долларов в знак «доброй воли», до получения гонорара за гастроли — по 500 000 каждому члену группы. Братья были в восторге. Джозеф был счастлив, Кэтрин довольна, чего нельзя было сказать про Майкла.

Дон Кинг, которого считают лучшим менеджером в мире бокса, был противоречивым, чрезвычайно вычурным человеком. Он вырос в Кливлендском гетто для черных, у него было криминальное прошлое. В 1966 году получил 4 года тюрьмы за убийство во время уличной перестрелки. Отбыв срок, стал продюсировать призовые поединки. Он также известен своей прической — его седые волосы торчат вверх, словно после электрошока.

«Моя прическа словно нимб, — объясняет он. — Я не ухаживаю за ней, волосы стоят так сами. Я считаю, что это шак моей избранности — тем, кто сидит высоко и смотрит своим оком за судьбой человека».

«Он вызывает во мне дрожь, — говорил Майкл своему другу. — Я не верю этому парню. Он просто хочет кусок пирога».

И не маленький. Было запланировано 40 концертов, которые должны были принести 30 000 000 долларов. За вычетом 6 000 000 на расходы, остается 24 000 000 чистыми: 85% получает группа, 7,5% — Дон Кинг, 7,5% — Джозеф и Кэтрин. Выходит по 3,4 миллиона каждому из братьев — достаточно, чтобы они встали на ноги, на время, по 900 000 — Джозефу и Кэтрин, Дону Кингу — 1,8 миллиона долларов.

Кинг предпринял еще одну попытку. На этот раз он связался с Джеем Коулмэном, промоутером, который специализировался на получении спонсорства суперкорпораций. Тот отвел его в дирекцию Pepsi. Кинг убедил компанию увеличить сумму контракта с Джексонами на 5 000 000 долларов, став спонсором гастролей. Это было нелегко, Rolling Stone получали «всего» 500 000 долларов в свою поддержку. Самым крупным было соглашение между Алланом Алда и фирмой «Атари» — 1 000 000 долларов.

Кинг встретился с Джексонами второй раз.

«Просто распишитесь вот здесь, ребята, — сказал он, улыбаясь. Джекки, Тито, Рэнди, Марлон и Джермен вцепились в

Дона Кинга. Дополнительные 5 000 000 долларов впечатляли. Но для Майкла эти деньги были как «подачка». Если после вычета 15% для Кинга, Джозефа и Кэтрин разделить оставшееся на 5 частей, получится 700 000 долларов — слабый стимул для него. Майкл позволил Кингу стать промоутером турне, но без Pepsi.

«Забудьте. Я не пью Pepsi. Я не верю в Pepsi», — сказал Майкл, фанатик здоровой еды.

Все старались убедить его принять спонсорство Pepsi. Братья считали, что он сумасшедший, если упрямится. Джозеф, Кэтрин и Дон Кинг давили на него.

«Я просто не хочу, — настаивал Майкл. — У меня плохие предчувствия.

Наконец, после двух дней интенсивной обработки его Майкл в 4 часа утра подписал контракт. В специальном приложении было указано, что он не должен пить из банки или держать банку Pepsi на фото.

Во время этих «атак» Майкл утешался дружбой с 12-летним актером Эмми Льюисом, ростом в 3 фута 4 дюйма. Он любил носить его на руках, как младенца. Увидев его по ТВ, Майкл захотел с ним познакомиться. Позвонил его матери и пригласил мальчика в Энсино. Они сразу подружились. Вместе играли с животными, бегали по поместью, играя в ковбоев и индейцев, как маленькие дети, валялись на траве. Казалось, Майкл хочет наверстать упущенное в детстве. Эмми очень привязался к нему. При упоминании его имени глаза мальчика загорались. Все, о чем он говорил и думал, был Майкл.

Семья Джексонов была не очень довольна этой дружбой, их беспокоило, как это выглядит со стороны, особенно после того, как Майкл начал делать мальчику дорогие подарки. Но друзья жили в собственном мире, совсем не замечая, о чем говорят люди вокруг.

Как-то Майкл читал Эмми сказку о Питере Пэне. Потом они начали представлять себя ее персонажами. Не обращая ни на кого внимания, 25-летний Майкл и 12-летний Эмми сидели на полу с закрытыми глазами и летели в мечтах через Никогда-Не-Бывалую-Страну — Never Never Land.

«Поверь в это, и все сбудется, — шептал Майкл. — Ну, ты готов? Поверил?» — «Да, поверил», — говорил Эмми, крепко зажмурив глаза.

Потом они стали разыгрывать диалог из сказки. А потом хохотали и катались по полу, как щенята.

Мать Эмми тревожила эта дружба, особенно с тех пор, как стали происходить довольно странные вещи. Однажды Майкл и Эмми зарегистрировались в шикарном отеле в Лос-Анджелесе,

как отец с сыном. Никому не известно, каким фантазиям они там предавались. Вскоре после этого они перестали видеться.

* * *

В октябре 1983 года Майкл встретился в Энсино с Жаклин Онассис, чтобы обсудить возможность написания им автобиографии с последующей публикацией в издательстве Doubleday. Жаклин работала там редактором. Майкл был представлен ей несколько лет назад в Нью-Йорке. Она уже несколько раз связывалась с ним по поводу книги о его жизни.

Майкл был больше взволнован мыслью о знакомстве и встрече с Жаклин, чем о книге. «Она — один из моих кумиров, — говорил он. — Представляете, как здорово сказать: «Я знаю Жаклин Онассис».

Все в доме были возбуждены в день ее приезда, хотя знали, что в лучшем случае увидят, как она пройдет от лимузина к дому. То и дело слышалось: «Джеки О. приезжает, Джеки О. приезжает!»

Но когда водитель ее машины позвонил и сказал, что они в 30 минутах езды от Энсино, Майкл приказал всем отправиться в свои комнаты.

Позже на вопрос, как он провел день с Джеки О., Майкл ответил:

«Это удивительно, что она была здесь. Я до сих пор не могу в это поверить. Я влюблен в эту женщину».

Джеки хотела обсудить книжные дела, но Майкл спрашивал ее, что она испытывает, когда ее фотографируют на каждом шагу, как справляется со своей известностью. Интересовался ее секретами, как избежать папарацци. Восхищался ею и хотел знать, чем она живет, что дает ей силы.

Майклу было 25 лет, и его смущала мысль о мемуарах. Конечно, многое в его жизни заслуживало внимания, но большинство людей, знавших его, соглашались, что он — не самый беспристрастный человек, поскольку Майкл слишком озабочен своим престижем, репутацией семьи, чтобы написать правдивую историю. У него было много личных проблем, о которых Жаклин Онассис не подозревала, но он сделал бы все, чтобы защитить достоинство и честь своей семьи.

«Я не хочу расстраивать моих поклонников знанием всей правды, — сказал он. — Они будут подавлены».

Майкл знал, что не будет обнажать свою душу в автобиографии, поэтому предложил Жаклин подумать об издании книги, в которой будут собраны фотографии и публикации о нем, его табеле успеваемости, рисунки, стихи. Она постаралась выглядеть заинтересованной. Ей нужна была история всей его жизни на бумаге, но Жаклин согласилась и на эту идею, по

крайней мере, на время.

В Н ью-Йорке, рядом с Центральным парком на 67-й стрит 30 ноября 1983 года была организована пресс-конференция, посвященная совместным гастролям Джексонов, промоутером которых был Дон Кинг. К этому времени у Майкла вышло еще два сингла, ставших хитами: Human Nature и PVT. Ожидалось нашествие фанов, что и случилось. Более 100 офицеров полиции охраняли порядок.

На пресс-конференции доминировали рассуждения Кинга о боге. Он говорил о любви и о том, что «Майкл бороздит высоты неизвестного». Потом сказал: «Это счастье для всех нас и это глубоко символично, что у нас есть такая прекрасная семья, чтобы показать ее всему миру». И так далее, и тому подобное в течение 25 минут, чтобы в конце показать 15-минутный документальный фильм о себе.

Кэтрин, Джозеф, Джанет и ЛаТойа сконфуженно слушали, как Кинг перефразировал слова Мальволио из «Двенадцатой ночи» Шекспира.

«Не бойтесь величия, — его грудь выпятилась от гордости. — Некоторые рождены великими. Некоторые достигают величия».

Джозеф наклонился к Кэтрин и довольно громко спросил: «О ком он говорит? О нас или о себе?»

Наконец появился опоздавший Майкл с телохранителем Биллом Брэем. Двери открылись, и сидевших за столом Джексонов выкатили под аплодисменты на платформе. У братьев были хмурые лица, глаза спрятаны под стеклами темных очков. Никто из них не был доволен тем, как Кинг рисовался перед журналистами.

Майкл казался раздраженным и, после того как представил свою семью — братьев, сестер и жен братьев, — отказался отвечать на вопросы. Это сделали — но совсем немного — Марлон и Джермен.

«Почему Майкл не скажет еще несколько слов?» — спросил кто-то из репортеров. «Ну, — Кинг взглянул на Майкла, — у него проблема с голосом, он много работал, пел все эти песни и записывал эти хиты. Он не сможет говорить. Не так ли, Майкл?»

Майкл промолчал.

Пресс-конференцию назвали «одной из самых отвратительных в истории средств массовой информации». Гастроли Джексонов язвительный обозреватель назвал «нитро-тур», имея в виду, что «в любой момент вся затея может взлететь на воздух».

Майкл распорядился снять все на видео. Посмотрев запись, он позвал к себе братьев. К этому времени у них тоже появились

сомнения относительно Кинга. Майкл показал им пленку.

— Что с вами, ребята? — спрашивал он. — Вы что, не видите, что этот человек использует вас? Это шоу Дона Кинга, а Джексоны только открывают его. Посмотрите, как скверно это выглядит.

— Ты прав, — сказал Джекки. — Он проходимец. Все согласились.

— Ну, ребята, это вы выбрали этого урода. Теперь Бранка и я собираемся выбрать другого координатора, действительно разбирающегося в бизнесе.

Майклу удалось настроить всех против Кинга.

Глава 21

К началу 1984 г. было продано 13 миллионов экземпляров Thriller в США и почти 22 миллиона — во всем мире. Рекорд продаж тогда принадлежал саундтреку к фильму Saturday Night Fever с Би Джис — 25 миллионов копий со времени выхода в 1977 г. Пройдет немного времени, и Майкл побьет его; уже сейчас он превзошел высшие достижения для сольных альбомов — 12 миллионов экземпляров.

К тому же Джексон в одиночку вернул к жизни умирающую музыкальную промышленность. Когда люди шли в магазин за Thriller, они покупали и другие пластинки. В результате этот год стал лучшим для музыкального бизнеса после 1978-го. Его успехи также вызвали рост интереса к «черной» музыке.

В частности, MTV, кабельный круглосуточный канал, который начал работать в 1981 году, редко показывал клипы темнокожих музыкантов. Форматом канала был «только рок-н-ролл», и большинство черных музыкантов были исключены из его списков. Из 750 клипов, показанных за первые 18 месяцев, менее чем в двух дюжинах пели черные. Фил Коллинз мог исполнять песню группы Supremes, но они сами считались неприемлемыми для MTV. Ее отдел маркетинга пришел к выводу, что белые ребята в богатых предместьях не любили черную музыку и боялись черных. Мнение чернокожих музыкальных критиков об MTV сводилось к тому, что каналом управляют «расистские ублюдки, которые отбросили Америку на 400 лет назад». Возможно, руководство канала не было расистским, но оно, безусловно, подстраивалось под вкусы белых предместий.

Когда CBS предложила MTV Billie Gean, канал отверг клип. В ответ последовала угроза отозвать все свои клипы. В конце концов в марте 1983 г.,он был показан на канале, причем в «тяжелой ротации», т. е. очень часто. За ним последовал клип Beat It. В результате прорыва Джексона на MTV канал стал давать в эфир клипы и других черных музыкантов.

Тиражи продаж Thriller достигли беспрецедентной цифры — 38,5 млн во всем мире, альбом 37 недель оставался на 1-м месте в хит-параде «Биллборда». Ни один альбом до этого не имел одновременно 7 хитов в лучшей десятке. Си-би-эс заработала на нем по меньшей мере 60 млн долларов.

Майкл тоже хорошо заработал. Он получал самый большой процент с продаж в музыкальном бизнесе — 42, или 2,10 доллара с каждой проданной в США пластинки, то есть 32 млн от продаж в США плюс 15 млн — в других странах.

В свои 25 лет Джексон был очень богатым молодым человеком. Он прошел большой путь от тех 0,2%, которые ему когда-то предложила Motown.

Несмотря на славу и огромное богатство, Майкл ходил по домам с проповедями от «Свидетелей Иеговы» дважды в неделю по 1—2 часа. Они с матерью также посещали собрания Свидетелей.

С накладной бородой и усами, в шляпе и очках, чтобы не узнали, однажды утром Майкл стоял перед дверью дома в калифорнийском предместье. «Я здесь, чтобы говорить с вами о слове божьем», — сказал он молодой девушке, открывшей ему. Дверь захлопнулась у него перед носом. Он пошел в следующий дом. На этот раз его пригласили войти. Луиза Джил-мор из городка Тысяча Дубов вспоминает день, когда ее навестил Майкл Джексон: «Это было очень странно. Сначала я подумала, что меня кто-то разыгрывает. Молодой чернокожий мужчина стоял у моих дверей, у него были явно накладные усы и борода, на голове — широкополая шляпа. Лицо было слишком нежным для всей этой растительности на лице. Он был похож на мальчика, изображающего взрослого. Тоненький голосочек и вполне безобидная внешность. «Можно поговорить с вами минутку?» — вежливо спросил он.

Достав книги и брошюры, молодой человек произнес небольшую речь о Свидетелях Иеговы, на которую я не обратила внимания, поэтому не могу передать, о чем он говорил. Потом выпил стакан воды, поблагодарил меня и пошел своей дорогой. Единственное, что я подумала в этот момент, было: «Боже, какой вежливый юноша». На следующий день соседка сказала мне: «К вам тоже приходил Майкл Джексон?» Я чуть не упала в обморок. Я сохранила эти брошюры как сувениры. Нет, я не приняла их веру».

Более чем когда-либо Майкл считал теперь себя строгим иеговистом. Он не верил в переливание крови, считал Пасху и Рождество «языческими праздниками», не отмечал и собственный день рождения.

Несмотря на то что он был преданным свидетелем Иеговы и без сомнения жертвовал общине большие деньги, старейшины церкви не скрывали недовольства им, в основном из-за фильма Thriller. Еще до выхода картины на экраны, узнав о ее концепции, они начали «прорабатывать» его на своих собраниях, обсуждая состояние его души. Но Джексон не хотел, чтобы кто-то диктовал ему, что делать. Ни его отец, ни его церковь. «Я знаю, что я не совершенен, — заявил он. — Я не делаю из себя ангела».

Когда же старейшины пригрозили отлучить его от церкви,

Майкл забеспокоился. Он позвонил Джону Бранка и попросил забрать кинопленки Thriller из проявочной лаборатории и уничтожить их. Голос его звучал отчаянно: «Никто никогда не должен увидеть этот фильм». На следующий день Майкл в телефонном разговоре проверил, сделано ли это.

К этому времени Бранка устал играть в игры и хотел знать, что происходит, тем более что Майкл уже потратил на Thriller 1 000 000 долларов MTV и компаний Vestron и Showtime. Как он мог теперь уничтожить пленку?

Когда тот объяснил ему ситуацию, Бранка был поражен. Он пытался убедить его, что нельзя позволять старейшинам вмешиваться в его творчество, но бесполезно.

Бранка тогда читал книгу о Бела Лугози, сыгравшем Дра-кулу в одноименном фильме. Он перезвонил Майклу и спросил, слышал ли он об этом актере. Не слышал. Джон пояснил, что Лугози был религиозным человеком, но играл Дра-кулу и сделал на этом карьеру, его религиозные взгляды не влияли на его творчество. И то, что он играл вампира в кино, не делало его менее религиозным в реальной жизни. Майкл слушал внимательно. Бранка предложил, если он захочет, поместить в начале титров его заявление о том, что фильм не отражает личные или религиозные убеждения Джексона, тот счел это замечательной идеей. Thriller начинался словами Майкла: «Я хочу заявить, что сюжет фильма не отражает мои убеждения. Я хочу подчеркнуть, что этот фильм ни в коей мере не подтверждает веру в оккультизм».

Несмотря на сумятицу, связанную с Thriller, он вдохновил его на еще один фильм — принципиально новую киноверсию «Питера Пэна» с ним самим в главной роли. Майкл начал обсуждать проект со Стивеном Спилбергом (в конце концов Спилберг не смог получить все необходимые права для этой работы). Весьма прибыльным стал документальный фильм The Making of Thriller — одно видео рассказывало о том, как делать другое. Thriller — первый фильм Джексона, выпущенный на кассете для домашнего просмотра, стал первым музыкальным видео, номинированным на золотую и платиновую награды. До сих пор он остается бестселлером номер один среди кассет.

За неделю, предшествующую выходу Thriller на видео, продажи одноименного альбома снизились до 200 000 в неделю. После выхода видео и показа его по MTV продажи опять возросли до 600 000 в неделю, он вернул себе 1-ю позицию в хит-параде «Биллборда».

«Господи, благослови Бранка, — сказал Майкл. — Если бы не он, от Thriller остался бы только пепел и не было бы «The Making

of Thriller».

Шел 1984 г., основным бизнес-проектом была съемка двух коммерческих роликов для Pepsi, о которых договаривался Дон Кинг. Майкл по-прежнему не мог смириться со спонсорством этой компании, особенно после того, как «Quaker Oats Company» предложила Джексонам на 40% больше, чем Pepsi-Cola. Хотя контракт был подписан, Бранка пытался освободить Майкла от его обязательств. Но когда тот упорствовал в желании разорвать контракт с Pepsi, Кэтрин просили «образумить» его. Что она и делала. Документ оставался в силе.

Работа с Pepsi была не по душе Майклу, и тамошние руководители через несколько недель тоже стали испытывать неприязнь к нему. Друзья Майкла Джейн Фонда и Пол Маккартни говорили ему, что он совершил трагическую ошибку, делая ТВ-рекламу, — «слишком засветился». На этот раз он решил, что его лицо должно только один раз появиться в кадре и максимум на одну секунду, и хотел, чтобы в рекламе это был лишь один эпизод, и за это Pepsi должна была заплатить 5 миллионов долларов.

«Есть другие способы представить меня, не тыча камерой мне в лицо, — внушал Майкл трем доведенным до белого каления сотрудникам компании. — Используйте мои символы. Снимите мои туфли, мою перчатку, а потом в конце дайте общий план и лицо».

«Я не думаю, что это будет работать, — сказал один из представителей Pepsi. — Я начинаю серьезно сомневаться насчет этого парня и этих роликов». Он не был одинок.

«Я до сих пор чувствую в глубине души, что неправильно рекламировать то, во что ты не веришь. Я думаю, это дурной знак, — сказал Майкл. И пожав плечами, добавил: — Но я должен сделать из этого конфетку».

И сделал.

Встретившись с президентом компании Роджером Энри-ко, он сказал ему: «Роджер, я собираюсь сделать так, что Coca-Cola захочет стать Pepsi.

Пятница, 27 января 1984 года.

Начинались съемки рекламного ролика для Pepsi. 3 000 человек собрали в одном из залов в Лос-Анджелесе, чтобы они изображали публику на концерте. Джексоны должны были петь You're a Whole New Generation, специально написанный текст на музыку Billie Gean.

Это был долгий день. Почти вся группа приехала к 9 часам утра. Тито дублировал Майкла, занимая его место, когда определялся угол съемки и ставили освещение. Майкл — звезда

шоу — не появлялся в течение многих часов.

Время близилось к 6 вечера. Группа прогоняла свой концертный номер в 6-й раз. Съемка началась в 6.30. Как всегда, Майкл начал спускаться с подиума по лестнице в сверкающем освещении. Его братья играли, выстроившись на сцене в линию. Как было задумано, взорвалась дымовая шашка, сработали другие пиротехнические эффекты, на мгновение скрыв Майкла из поля зрения. Но вот он появился, сначала силуэт, который ни с кем не спутаешь. Все шло по плану. И вдруг взорвалась с громким треском магниевая шашка всего в 2 футах от головы Майкла. Спускаясь по лестнице, он оказался в клубах густого дыма. Чувствовалось что-то неладное.

Он начал танцевать. Один полный оборот. Еще один. И еще. Три оборота и стойка на носках. Майкл был в ударе.

Зал ахнул — его волосы горели. Но он продолжал танцевать. Позже артист вспоминал, что почувствовал жжение, но подумал, что это от жара софитов. И только когда внезапно ощутил жгучую боль, натянул куртку на голову. «Тито, Тито!» — кричал он.

Первым среагировал Мико Брандо, 22 летний сын Мар-лона Брандо, один из группы секьюрити Майкла. «Я подбежал, схватил его и стал руками тушить его волосы», — рассказывал Брандо, он обжег при этом пальцы.

Никто не понимал, что произошло. В зале началось столпотворение.

Джермен потом говорил, что первой мыслью было — покушение.

Вся команда бросилась на сцену, Майкла повалили на пол, набросили на голову одеяло, сбивая огонь. Помогали все братья. Огонь был быстро потушен. Сразу к голове приложили лед, кто-то дал свою майку, чтобы сделать холодный компресс. Майкла унесли со сцены.

Все в зале кричали и куда-то бежали. После того как Майкла унесли и он не возвращался, полиции было трудно успокоить толпу и восстановить порядок. Так как никто из ответственных лиц не мог точно сказать, что случилось, публика выдвигала свои версии. Большинство считало, что это покушение. Все беспокоились, что Майкл мог быть убит.

Власти хотели вынести его через служебный вход. Но он настоял, чтобы из здания вышли через главный вход, сквозь толпу и репортеров. Хотел приветствовать их, чтобы они знали: он в порядке. Никто и пожелать не мог лучшего пиара.

«Не снимайте перчатку, — сказал Майкл санитарам, укладывающим его на носилки. — Здесь пресса». Шоумен брал верх над болью, шоком и истерией.

Майкл Джексон, покидающий зал на носилках, — главная тема всех выпусков новостей в этот вечер. Он лежал с забинтованной головой, укрытый одеялом, из-под которого выглядывала рука в расшитой блестками перчатке. Когда его проносили мимо камер, Майкл поднял руку и бессильно помахал операторам. Он заметил нескольких представителей Pepsi, сгрудившихся в углу с тревожными лицами. Они должны были понимать, что инцидент может вырасти до крупнейшего судебного процесса в истории. Когда дым рассеялся, Джексон уже мог бы владеть всей Pepsi.

Майкла отвезли в Мемориальный госпиталь Бротмана в Калвер-Сити. Когда рана была обработана и бинты наложены, он согласился принять обезболивающее. Из-за отвращения к наркотикам он отказался сделать это вначале.

Вечер пятницы он провел в палате больницы, отдыхая. Очень скоро ему стало скучно, он попросил принести видеоплеер. Ни у кого из персонала не оказалось ключа от комнаты с видеоаппаратурой, сломали замок. Майкл получил видеомагнитофон и 10 кассет. Он выбрал фильм Close Encouters of the Thid Kind, режиссером которого был его друг Стивен Спилберг, и смотрел его, пока не заснул в 1 час ночи, приняв снотворное.

Кэтрин, Джозеф и Билл Брэй собирались ехать домой. Было заметно, что они несколько успокоились после напряженного дня. Джозеф увидел в углу больничного холла сотрудников Pepsi. Проходя мимо них, он спросил: «Что это у вас лица вытянулись? Расслабьтесь, ожог размером всего с полдоллара».

* * *

Майклу повезло. Его лицо не пострадало. У него был ожог 2-й степени на затылке величиной с ладонь. И только маленький пятачок — с четверть доллара — врачи расценивали как ожог 3-й степени. Они сказали, что волосы на месте ожога будут расти нормально.

В субботу, сообщила старшая медсестра больницы, он уже «пел в душевой». Проводил время у телевизора, когда не говорил по телефону. Позвонили Дайана Росс и Лайза Миннелли.

В тот день его выписали. Перед тем как отправиться домой, Майкл в больничной одежде, накинутой на свою, в черной фетровой шляпе поверх бинтов ходил по всем палатам, прощаясь, раздавая автографы и прикасаясь к каждому лежачему больному рукой в своей «волшебной» перчатке.

Майкл снял на одну ночь номер в гостинице «Шератон», чтобы быть подальше от своей семьи. К нему приехал Джон Бранка.

— Майкл, бог хочет тебе что-то сказать по поводу этих рекламных роликов, — сказал Джон Бранка. — Мы не должны делать их.

— Я знаю, Джон.

— Знаешь о чем? Ты должен поблагодарить Дона Кинга за это.

— Слушай, не напоминай мне, — произнес Майкл с отвращением.

В этот вечер Майкл, Бранка, врач Стив Хоффлин и еще несколько человек из окружения смотрели запись происшедшего. Сразу после инцидента Гэри Штиффельман, партнер Бранка, забрал пленки у операторов. У Pepsi не осталось документальных свидетельств. Все было у Майкла.

Просмотрев запись, он был в ярости:

— Я мог погибнуть. Вы видели, что они сделали со мной? Вы видели? Я не могу в это поверить.

Его пытались успокоить, но напрасно.

— Поставьте запись еще раз, — приказал он.

Кто-то поставил кассету, и все просмотрели ее еще раз.

— Так, — сказал Майкл. — Я хочу, чтобы она стала достоянием общественности. Я «похороню» Pepsi. Как только мои поклонники увидят запись, эта компания станет историей.

* * *

В воскресенье слова Майкла стали известны Роджеру Энрико. Он ужаснулся, узнав об этом: «В прессе написано, что у него загорелись волосы. По-моему, выглядело так, будто горит вся голова. Человек-факел. Ни в коем случае никто не должен это увидеть». Президент Pepsi был уверен, что должен заставить Майкла передумать, или ни один фан Джексона никогда не будет пить пепси, увидев, «что компания сделала с мим». Обеспокоенный, как никогда в жизни, Энрико позвонил Джозефу, спросить, что можно сделать «по поводу проблемы».

— Какой проблемы? — спросил Джозеф.

— Майкл хочет показать всем пленку с горящими волосами.

— Почему он хочет это сделать? — Джозеф был сбит с толку.

Энрико не мог ответить на этот вопрос. Он сказал, что после показа пленки Майкл в сознании людей будет ассоциироваться с этим инцидентом, подобно тому, как при упоминании президента Кеннеди все думают о его убийстве.

Майкл собирался мстить. Для начала через «Ассошиэйтед Пресс» была распространена фотография — он сходит с лестницы с горящими волосами. Его голова была как пылающий шар. Фото вышло на первых страницах почти всех газет. После этого Бранка

решил, что Майкл выпустил пар, и сделал попытку уговорить его не показывать публике запись.

— Это, чудовищно, Майкл, — сказал Джон. — Не поступай так со своими поклонниками. Кроме того, нам надо просто договориться с Pepsi и продолжать жить. Зачем раздражать всех?»

— Почему бы и нет? — отозвался Майкл.

— Хватит, Майкл. Будь выше этого. Майкл выдавил из себя улыбку:

— Я веду себя глупо, да? Ты прав. Давай оставим это. Но я хочу, чтобы они заплатили сполна за случившееся.

Хотя Майклу должны были заплатить только 700 000 долларов за рекламные ролики, внимание публики, которое было привлечено к нему из-за несчастного случая, стоило дорогого. Симпатизирующих ему во всем мире стало еще больше.

Больница, куда он был направлен на лечение, была вынуждена нанять шестерых добровольцев, чтобы отвечать на телефонные звонки поклонников и доброжелателей.

Даже Рональд Рейган прислал Майклу сочувственное письмо: «Я был рад узнать, что вы не пострадали серьезно во время инцидента. Я знаю по опыту, что такие вещи могут случиться во время съемок, какие бы меры предосторожности ни предпринимались».

Врач Майкла Стивен Хоффлин сказал на пресс-конференции, что пиротехника во время съемок сработала нормально. Инцидент произошел или потому, что он спускался по лестнице недостаточно быстро, или потому, что шашка была приведена в действие слишком рано.

Вернувшись в Энсино, Майкл первым делом позвонил Стиву Ховеллу и попросил приехать и настроить телевизор в его комнате, чтобы смотреть любимую передачу «Три комика». В этот же день он прокатился по поместью на своем электромобиле — копии электромобиля из аттракциона в Диснейленде. Его поклонники за воротами — а они как всегда там были - могли видеть, как Джексон носился по дорожкам парка, словно маленький мальчик, которому мама позволила покататься. Наигравшись со своей дорогой игрушкой, Майкл шутя перебросил повязку, которую носил в больнице' через ворота. Приз достался 16-летней Дине Сайфер.

По сей день Майкл ощущает некоторую боль в месте ожога.

«Они знали, что я мог засудить их, — писал он про Pepsi в своей книге Moon Walk, - хотя большинство считало, что в инциденте виновата скорее рекламная фирма, а не Pepsi, но я поступил с ними благородно».

Конечно, он был не так благороден. Майкл не упомянул, что

хотел заставить Pepsi заплатить сполна, как он сказал Джону Бранка. Тот потребовал от Pepsi финансовую компенсацию. Компания не возражала, но Майкл хотел получить от них 1,5 млн долларов, что она считала чрезмерным, не будучи виноватой в инциденте.

Под угрозой судебного преследования Pepsi-Cola согласилась выплатить Майклу эту сумму.

Он пожертвовал эти деньги в пользу Ожогового Центра Майкла Джексона, который был создан в его честь в больнице Бротмана после инцидента. Это было благородно.

В октябре 1987 г. Центр был закрыт из-за финансовых трудностей.

Глава 22

Февраль 1984 года — время вручения наград «Грэмми» Несчастный случай с Майклом в Лос-Анджелесе в течение многих недель оставался одной из главных тем выпусков новостей во всем мире. Это только подогревало интерес к готовящимся к выходу рекламным роликам Pepsi, которые должны были быть впервые показаны во время шоу по случаю этой церемонии. Кое-кто говорил об их премьере так, будто они — одно из самых значительных событий века.

Майкл не давал Pepsi передышки до последней минуты. Посмотрев готовые ролики, он с прежней непреклонностью заявил, что клипы недостаточно хороши. По его мнению, просто никуда не годятся. Слишком долго в кадре держится его лицо. При этом он не говорил с людьми из Pepsi сам. То ли капризничал, то ли стеснялся. Никто точно не знал.

Отец Майкла предложил свои услуги в качестве посредника. «Видите ли, это непросто для Майкла. У него потрясающие творческие идеи, но ему иногда трудно выразить их», — сказал он представителю компании.

Роджер Энрико позвонил Джозефу, жалуясь, что им трудно сделать ролики лучше, если Майкл отказывается говорить на эту тему.

Несколько часов спустя Джозеф перезвонил ему: «Роджер, Майкл рядом, я уверен, что вы, ребята, сможете договориться».

После паузы было слышно, как отец шепчет Майклу: «Возьми трубку! Можешь ты поговорить с человеком!»

Майкл подошел к телефону. Жаловался, что его заставили снять темные очки во время съемки, обещали, что будет только один крупный план без очков, а их множество. Сетовал, что его «слишком много» на роликах и лицо показывают дольше 4 секунд. Во втором клипе, где он танцевал с Альфон-со Риберио и который ему понравился, хотел, чтобы в один из моментов раздавался отдаленный колокольный перезвон.

«Колокольный звон?» — поразился Энрико. «Да, колокольный».

Ролики переделали. Майкл просмотрел их и позвонил Энрико, чтобы сообщить свой вердикт. «Здравствуйте, мистер Энрико. Это Майкл Джексон. Помните, тот человек, с которым вы говорили на днях по поводу рекламных роликов».

Энрико помнил.

Майкл сказал, что его по-прежнему очень много в кадре. Он может быть в кадре 5 секунд. Но лучше — 4. Кроме того, он

улыбается во время танца в одной из сцен.

«И что?»

«То, что я никогда не улыбаюсь, танцуя».

* * *

1 февраля Майкл Джексон был занесен в Книгу рекордов 1 иннесса на церемонии в Американском Музее естественной истории в Нью-Йорке. Это случилось, когда тиражи Thriller побили все рекорды, перевалив за 25 млн экземпляров Фирма Си-би-эс решила устроить в честь этого официальный прием. Были приглашены 1500 человек. Среди гостей были Дональд и Ивона Трамп. Усиленную охрану осуществляла сотня копов снаружи и 150 частных охранников внутри здания. F

Место ожога на голове Майкла скрывала накладка из натуральных волос. Он был в джинсах и черной, расшитой блестками гусарской куртке. Во время приема он подошел к знакомому модельеру Келвину Клайну и сказал: «На мне ваши джинсы, мистер Клайн».

Майкл появился в сопровождении актрисы Брук Шилдс «Ее» люди предложили, чтобы они появились на приеме вместе. «Почему бы и нет?» — решил он.

К потолку был подвешен 8-футовый глобус, на котором загорались надписи: «Майкл Джексон - величайший в мире артист» и слова приветственной телеграммы от Рональда и Нэнси Рэиган: «Ваша глубокая вера в бога и приверженность традиционным ценностям являются примером для всех нас На Вашем пути Вы приобрели немало поклонников и мы с Нэнси - в их числе. Так держать, Майкл! Мы счастливы за Вас».

Какими бы захватывающими ни были эти события Майклу пришлось вернуться к реальности, когда он прилетел в Лос-Анджелес и встретился с Джозефом, Кэтрин, братьями и Доном Кингом.

«Я хочу изменить девиз гастролей. Мне не нравится название Victory, - сказал им Майкл, - я хочу назвать их «Последний занавес».

Он явно хотел дать понять, что это - конец. После этих гастролей он больше не будет работать с братьями.

Никому новое название не пришлось по душе. Оно звучало, как похоронный марш.

Майклу было ненавистно название тура, потому что в душе он не чувствовал сейчас себя победителем.

Но он был в меньшинстве.

Рекламные ролики еще не были завершены к концу февраля — времени их премьеры в Государственном театре Нью-Йорка в

Линкольн-центре. Pepsi-Cola решила показать промышленникам то, что пока было, и продолжать работать с Майклом, чтобы уложить все эти крупные планы в доли секунды, как он того хотел. Его появление на сцене после демонстрации клипов было встречено бурной овацией. На нем была широкополая шляпа, кланяясь, он снял ее, чтобы пока-шть место ожога на голове. Оно было прикрыто маленькой нашлепкой. Майкл показал на нее и широко улыбнулся. Он ведь не танцевал сейчас — значит, мог улыбаться. Аплодисменты были оглушительными.

«Как ты думаешь, сколько «Грэмми» я получу?» — спросил как-то Майкл у Куинси Джонса.

Тот пожал плечами.

«Я думаю, кучу», — произнес тогда Майкл с озорством.

История «Грэмми» — награды, учрежденной Национальной академией грамзаписи в конце 50-х как музыкального эквивалента «Оскара», — свидетельствует, что ее лауреаты не всегда выдающиеся исполнители. Например, Элвис Пресли никогда не удостаивался «Грэмми», хотя оказал значительное влияние на поп-культуру последних 40 лет. Чак Берри был также обойден. Beatles получили лишь 4 «Грэмми» — удивительно, учитывая их влияние на поп-музыку и культуру. Харизматический альбом Боба Дилана Highway 61 Revisited не получил «Грэмми» в 1965 году. Знаменитый сборник Дэвида Боуи Ziggy Stardust даже не номинировался на «Грэмми» в 1972-м. Джеймс Браун, Rolling Stone's, Слай Стоун и Дайана Росс никогда не имели этой награды. Вполне естественно, что 6000 известных своей консервативностью людей не в состоянии были вовремя оценить важность и значительность новых явлений в музыке.

Есть и другие объяснения. Долгое время ходят слухи, что как номинация, так и присуждение «Грэмми» находятся под контролем главных компаний грамзаписи, превративших эту процедуру в фарс. К 1983 г. соревнование свелось к борьбе «супертяжеловесов» - группировок Warner Brothers, Elektra-Asylum, Atlantic-Atco Faction, Columbia Epic. В результате музыкантам, записывающимся не в этих компаниях, чрезвычайно трудно получить награду. Музыканты Motown, не считая Стиви Уандера, обычно не попадают даже в номинацию. В 1982 г. Си-би-эс получила 21 из 62 наград.

Майкл не интересовался политикой награждения «Грэм-ми».

«Какая разница? — говорил он. — Все, что я хочу, это столько «Грэмми», сколько я смогу получить».

Ему нечего было волноваться. Джексон был слишком популярен, чтобы Академия могла его проигнорировать. Все признавали его значимость; это был наиболее чествуемый герой

рок-музыки. К тому же музыкантом Си-би-эс. Когда огласили номинации, он получил 12 — больше всего в истории «Грэмми». Главным его конкурентом стал его продюсер и аранжировщик Куинси Джонс — 6 номинаций.

Номинации получили также альбом группы Police, са-ундтрэк к фильму Flashdance, альбомы Билли Джоэла я Дэвида Боуи.

Вторник, 28 февраля 1984 года церемония вручения «Грэмми». В помещении «Shrine Auditorium» в Лос-Анджелесе столпотворение. Лучи гигантских прожекторов разрезают ночное небо. Поклонники за ограждением готовы скандировать имена звезд, которых они увидят.

25-летний Майкл Джексон наконец прибывает на свою коронацию — короля мировой поп-музыки. Он в расшитом мундире с эполетами, перчатка с блестками — на правой руке. С ним опять Брук Шилдс. Майкл не хотел ехать на церемонию с ней. Она неожиданно перед этим приехала в Эн-сино узнать, не согласится ли он взять ее на торжество. Хотя они были друзьями уже два года, неизвестно, чувствовала ли 18-летняя Брук настоящую привязанность к Майклу или просто знала, что появление с ним на «Грэмми» дает ей широчайшую известность.

У Брук Шилдс запоминающаяся внешность, но она не звезда первой величины. Критики не превозносили ее, а фильмы с ее участием поругивали. Знаменитая реклама джинсов с ее участием была уже снята с эфира, а фильм Sahara временно положен на полку. Она умна и училась в то время в Принстоне, в Нью-Джерси, и закончила университет в 1987 г.

Как и Майкл, Брук ненавидит алкоголь, табак, наркотики, живет со своей матерью. Они ценили общество друг друга. Оба знали, что значит быть «звездным ребенком», имея при ном требовательных родителей. Тери - мать и по совместительству менеджер Брук, как говорят, была довольна их дружной. ЛаТойа вспоминала, что, несмотря на свое нежелание, Майкл не смог отказать Брук и не взять ее с собой из боязни оскорбить ее.

«Я взял ее, только чтобы помочь ей, — рассказывал Майкл Стиву Ховеллу, - у нас с ней не было романа. Ничего laKoro. Мы с ней друзья. Все это было только для нее, для паблисити. Она милая. Мне нравится помогать ей, когда я могу. То, что она была со мной, было отличным пиаром для

Майкл и Брук прибыли в белом «Роллс-Ройсе» точно перед началом церемонии. У входа Майкла ждала Татум О'Нил с четырьмя друзьями. Брук и Майкл в сопровождении телохранителей пронеслись мимо. «Майкл, Майкл!» - закричала она, но было поздно. Его уже не было. Она повернулась к своим друзьям:

«Я познакомлю вас с ним потом. Обещаю». Майкл, сильно загримированный, сидел в 1-м ряду партера с Шилдс и Эмми Льюисом, который присоединился к ним. Казалось, Брук чувствовала себя не в своей тарелке из-за того, что ей приходилось делить общество Майкла с его 12-летнимтоварищем. До этого они пережили атаку фоторепортеров. Майкл позировал им, обнимая Эмми одной рукой, а другой Брук. Как будто старался напомнить ей, что присутствие ребенка на их свидании означает, что на самом деле он не относится к ней всерьез. Слышно было, как Брук сказала Майклу: «Уйдем отсюда. Люди над нами потешаются».

Каждый раз, когда лицо Джексона появлялось на мониторах или упоминалось его имя, фаны на галерке и коллеги в оркестровой яме откликались дружным хором голосов. После демонстрации двух роликов Pepsi публика устроила овацию. Было ясно, что Майкл - главный герой дня, еще до того, как он получил хотя бы один приз.

В эту ночь Майкл Джексон внес свой вклад в историю «Грэмми» - ему достались 8 призов из 10 возможных в 12 номинациях (в одной из категорий у него было 3 номинации). Даже во время блестящих побед Стива Уандера в 70-х (он получал по 5 «Грэмми» в 1973 и 1974 годах) публика, пресса и телеиндустрия не были столь единодушны в признании значительности вклада исполнителя в поп-культуру. Такое единство мнений наблюдалось лишь пару раз в истории шоубизнеса, когда речь шла об Элвисе Пресли и Beatles, хотя они не получили «Грэмми», которых заслуживали. В каком-то смысле всеобщее признание Майкла Джексона в 1984 г. означало, что пресса, поклонники и бизнес чествовали нового короля попмузыки.

Получая награду за лучший альбом года (Thriller разошелся к этому времени уже в 27 млн экземпляров и оставался на 1-м месте «Биллборда»), нервничая и стесняясь, Майкл лишь произнес: «Это огромная честь. Я очень счастлив».

При вручении ему 7-й — рекордной — награды он снял темные очки, чтобы поприветствовать (это порекомендовала ему Кэтрин Хэпберн, «мой дорогой друг») девушек на галерке. Хэпберн критиковала Джексона за то, что он носил темные очки на награждении. Говорила, что «он обманывает своих поклонниц, не позволяя им видеть его глаза».

Получая один из призов, Майкл сказал несколько слов, отдав дань памяти недавно ушедшей из жизни легендарной звезды ритм-блюза — Джека Уилсона. Он был одним из его кумиров. После инфаркта, который случился на сцене в Нью-Джерси в 1975

г., Уилсон жил в доме для престарелых, будучи совершенно беспомощным. Джексоны навестили его в 1977 году. Он не мог говорить и моргал один раз, когда надо было сказать «нет», два раза — «да». Все братья стояли вокруг его кровати, стараясь не плакать, пока их по одному представляли ему. Когда очередь дошла до Майкла, Джек улыбнулся и моргнул 2 раза.

Майкл получил также награду за лучший сингл (Beat It), как лучший вокалист в трех разных стилях — поп (Beat It), рок (Thriller) и ритм-блюз (Billie Gean).

Еще ему достался приз за лучший альбом для детей («E.T».), лучшую ритм-блюзовую песню (Billie Gean) и как продюсеру лучшего альбома (он разделил эту награду с Куинси Джонсом). Он уступил лишь 2 приза группе Police, которая получила Грэмми — за альбом Synchronicity и сингл Every Breath You Take. Получив 8 призов, Майкл превзошел рекорд

Поля Саймона, у которого в 1970 г. было 7 призов за альбом Bridge over Troubled Water.

В какой-то момент Майкл пригласил на сцену главу Си-би-эс Уолтера Етникофф. Потом захотел, чтобы к нему присоединились ЛаТойя, Джанет и Морин.

После награждения за кулисами Майкл мало говорил с прессой. До ее сведения уже было доведено, что он не даст интервью и будет лишь позировать фоторепортерам и, возможно, покажется перед телекамерами. Журналисты, лишенные возможности задать Майклу вопросы, были вынуждены спрашивать у других лауреатов, что они думают о победе Джексона.

— За свою жизнь я наблюдал четыре феномена: Фрэнка Синатру, Элвиса Пресли, «Beatles» и Майкла Джексона, — сказал Куинси Джонс.

— Ваша любимая песня? — кто-то выкрикнул вопрос вслед уходящему Майклу.

— Мои любимые вещи — Джулии Эндрюс, — раздалось в ответ.

— Вы смеетесь, не так ли?

— Вовсе нет, — и он запел «Капли дождя на розах, И усы котят... удаляясь в сопровождении четырех телохранителей.

Когда он с Брук Шилдс и Эмми покидал здание, секью-рити расчищали дорогу перед ними от толпы человек в 50, в которой находилась и Татум О'Нил с друзьями. «Я познакомлю вас позже», — обещала она им. Когда «Роллс-Ройс» брал разгон, Майкл высунулся из окна, триумфально подняв обе руки и размахивая «Грэмми». «Олл раит!» — кричал он, словно подгулявший тинейджер в пятницу вечером.

Потом Джексон дал частный прием в эксклюзивном ресторане «Рекс» в Лос-Анджелесе. 200 человек из мира музыки и кино прорывались к нему засвидетельствовать свое почтение, но он почти ни с кем не общался. «Слишком много людей, — слышал кто-то его слова, — я просто не могу вынести общение со всеми ними».

Майкл и Брук правили бал, как королевская чета, улыбаясь, приветствуя и посылая воздушные поцелуи гостям с балкона, наблюдая сверху за толпой, в которой были Боб Дилан, Тони Кертис, Нил Даймонд, Эдди Мерфи, Синди Лаупер (с оранжевыми волосами), Арнольд Шварценеггер, Хулио Иг-лесиас и Татум О'Нил («Я познакомлю вас позже. Обещаю»). Все пировали, закусывая омарами, холодной лососиной, икрой, перепелками, ассорти из экзотических фруктов и запивая все это шампанским «Таттинджер».

— Тебе здесь нравится? — спросил Майкл у Брук.

— Ну-у...

— Может, уйдем? — спросил он, стесняясь.

За полчаса до полуночи Майкл и Брук выскользнули через боковую дверь. Тери, мать Брук, ждала дочь в белом «Роллс-Ройсе» Майкла. Машина отвезла их в отель «Эрмитаж» в Беверли-Хиллз, где остановились женщины.

Майкл вышел из машины, провожая их. Он поцеловал Брук в щечку, пожал руку миссис Шилдс и опять сел в машину.

— Поздравляю, Майкл, — сказала Брук с грустной улыбкой. — Тебе нужно ехать?

— Да, нужно, — и он поднял стекло машины. Шофер Джексона увез его, одинокого, в темноту ночи.

* * *

«У Майкла роман с Брук Шилдс, — сказал в это время Джермен Джексон, давая интервью в Лондоне. — Он постоянно с ней встречается. Когда я заговариваю о ней, он улыбается и кажется очень счастливым».

Хотя Майкл написал в автобиографической книге Moon Walk, что у него и Брук одно время был «серьезный роман», будет честно оставить последнее слово за женщиной. «Мы просто дружили, — признавалась она позже. — У нас не было романа».

После успеха Thriller Джексон стал одной из самых популярных знаменитостей в Голливуде, его приглашали на множество приемов. Часто ему нужна была спутница, и, чувствуя себя неудобно в роли светского льва, он искал кого-нибудь более опытного и взрослого, с кем мог чувствовать себя в безопасности. Лайза Миннелли была одной из его любимых спутниц, отчасти потому, что он всегда восхищался загадочностью ее матери —

Джуди Гарланд, и еще потому, что Лайза выросла в Голливуде, ориентировалась в нем, с ней Майкл мог чувствовать себя комфортно и расслабленно.

Тем не менее Лайза, а не он, получила приглашение на прием 10 апреля, который устраивал знаменитый литературный агент Свифти Лазар. Проходящее ежегодно после вручения наград Академии, это событие стало таким престижным, что даже звезды первой величины считали за честь быть там. Знаменитости просили своих секретарей за несколько месяцев до этого связаться с Лазаром по поводу приглашения.

Хотя в последние годы прием проводится в «литературном» ресторане «Спаго», в 1984-м он еще проходил в своем обычном месте — ресторане «Бистро» в Беверли-Хиллз. Среди гостей были Орсон Уэллс, Кэри Грант, Жаклин Биссет и Линда Эванс. Несмотря на свою популярность, в душе Майкл оставался обыкновенным человеком, восхищающимся звездами. Его успех не умалил его восторга и позволял ему видеть своих кумиров вблизи.

Когда Майкл и Лайза появились на приеме в 1 час ночи, все знаменитости, мешая друг другу, старались не упустить шанс познакомиться с Джексоном - человеком, сделавшим всего один фильм, да и то «так себе». Звезды вели себя так, словно событие посвящалось не кино, а ему. Майкл не отходил от Лайзы Миннелли. Одетый в один из своих мундиров — голубой с блестками, в темных летных очках и с перчаткой на руке, он смотрел по сторонам и не мог не замечать, что все таращатся на него. Лайза гордо стояла рядом с Майклом, словно говоря всем своим видом: «Да, Я с Майклом Джексоном. Что вы думаете об ЭТОМ?»

— Я буду скотч с кока-колой, — сказала она официанту. — И мистеру Джексону то же самое.

— О нет, — запротестовал Майкл, — я буду, — он колебался, — апельсиновый сок, пожалуйста.

— Ах да, конечно, — спохватилась Лайза, — и мне тоже апельсиновый сок. Со скотчем. — И она весело засмеялась.

Официант стал удаляться.

— Мне без скотча, — кротко бросил Майкл ему вслед. Мимо фланировала Джоан Коллинз.

— Майкл, мой милый! Как приятно видеть тебя! — Она тепло обняла его и подмигнула Лайзе. Майкл, казалось, слегка смутился.

— Быстро, встань рядом с ним, — женщина подталкивала своего смущенного мужа к Майклу, — давайте сделаем фото.

— Э-э, это для нашей дочери Наташи, — поспешно стал

объяснять мужчина.

Майкл, слышавший эту фразу, наверно, в тысячный раз, терпеливо кивнул.

— Да, кстати, меня зовут Майкл Крэйн, — представился актер. И они пожали руки, в то время как его жена Шакира делала фото.

Джоан Коллинз повернулась к подруге:

— Я просто должна знать имя его пластического хирурга, — шептала она, — меня восхищает его нос, а тебя?

Джонни Карсон, сидевший со своей девушкой, посмотрев на все это, подошел к Майклу.

— Рад видеть вас, Майкл, — сказал он, крепко пожимая ему руку.

Джексон, казалось, был поражен:

— Я, э-э, да, рад видеть вас снова, мистер Карсон.

— Называй меня Джон.

— Ах да, прекрасно. А вы зовите меня Майкл. Лайза Миннелли схватила Майкла за руку:

— Представь себе, Джонни, он пришел со мной. И она широко улыбнулась Карсону.

— О! Что за отличный парень этот Джонни Карсон, — говорил Майкл, увлекаемый Лайзой куда-то.

— Да, он милашка. Сейчас мы позвоним моему отцу.

— Правда?

Она повела его к телефону в комнате для дам. Майкл без смущения последовал за ней. Набрав номер, она стала пританцовывать и запела:

— Забудь о бедах, Стань счастливым, Давай, отбрось свои заботы...

Майкл засмеялся:

— Знаешь, я обожаю быть рядом с тобой.

— Ш-ш-ш — сказала Лайза. Ее отец поднял трубку. — Папа, послушай, я хочу познакомить тебя с Майклом Джексоном.

— С кем? — очевидно, спросили на том конце провода.

— Как, он замечательный певец и один из моих лучших друзей, — объяснила она. — Поздоровайся с ним, папа, просто поздоровайся, сейчас же!

И она передала трубку Майклу.

— Нет, я не могу, — запротестовал он, прикрывая трубку рукой.

— Да, но ты ДОЛЖЕН, — настаивала Лайза.

— Но он для меня идол! — Майкл всегда восхищался фильмами режиссера Винсента Миннелли.

— Ну вот и поздоровайся с ним, — и Лайза игриво шлепнула

его по руке. — Он не кусается.

Майкл убрал руку от микрофона:

— Здравствуйте, мистер Миннелли, — прошептал он. Он слушал секунд 5, его глаза бешено вращались то вправо, то влево. Хихикнув, он отдал трубку Лайзе. — Господи, он такой чудесный.

Она взяла трубку:

— Значит, так, папа. Надень свой черный бархатный пиджак. Мы будем минут через 20.

Лайза слушала.

— Да, я приведу его в дом. Через некоторое время:

— Не важно, как он одевается. Еще через несколько секунд:

— Да, он носит расшитую перчатку. Ты удовлетворен? Майкл согнулся пополам, истерически смеясь.

— О'кей. Вот и хорошо.

Закончив разговор, Лайза и Майкл протолкались к выходу, сели в ожидавший их лимузин и уехали — менее чем через час после своего появления.

«Вот они, — сказал Джимми Стюарт, — маленькая Дороти и Волшебник».

«Никто и никогда не предпринимал гастроли столь притягательные и влиятельные, — говорил в это же время Дон Кинг. — Они перешагнули земные границы». Хоть исполнители и могут «перешагивать земные границы», импресарио — умные из них — должны заниматься делами вполне земными.

Понимая, что он мало знает об организации музыкальных гастролей — залах, сценах, свете и звуке, Кинг обратился за помощью к Ирвингу Азофф, главе MCA Records. Кинг и Азофф заключили сепаратную сделку, по условиям которой Азофф получал гонорар из 15% Кинга.

Во время гастролей по 40 городам может произойти 40 миллионов непредвиденных случайностей плюс Дон Кинг — корова на минном поле, словом, Майкл понимал, что ему нужен человек, постоянно защищающий его интересы, новый менеджер. Может быть, вспомнил, что сказал своей учительнице в 4-м классе, когда она посоветовала ему подзубрить математику: «Мой менеджер ведет учет моим деньгам».

Майкл встретился с несколькими менеджерами, включая полковника Тома Паркера и Свенгали, менеджера Элвиса Пресли, надеясь найти самого сведущего человека. При выборе он был максимально осторожен. Наводил справки у знакомых, выясняя, кто чего стоит в шоу-бизнесе, говорил с братьями — узнать, какие слухи доходили до них; консультировался со специалистами грамзаписи. Было несколько предложений, в том числе от Дайаны Росс, у которой была собственная фирма.

Ему достаточно было бросить взгляд на карьеру самой Дайаны за последние годы (после перехода в RCA из Motown в 1981 г.), чтобы понять, что она недостаточно удачно продюсировала саму себя. Он решил спустить эту идею «на тормозах». Чтобы не отказывать ей — это было ему, наверное, не под силу, — Майкл просто не отвечал на ее звонки некоторое время, пока ей самой не надоело связываться с ним.

Его выбор удивил многих. 7 месяцев назад, в августе 1983 года, Майкл спросил Фрэнка Дилео, ведущего менеджера Epic Records, как он отнесется к тому, чтобы поработать с ним. Многие, в том числе и сам Дилео, недоумевали, почему предпочтение отдано ему, но Майкл инстинктивно чувствовал, что прав. Хотя Дилео и не имел опыта импресарио, стиль его работы в сфере грамзаписи свидетельствовал в его пользу.

Майкл верил, что Дилео в значительной степени «ответственен» за успех фильма Thriller и огромные сборы от продажи его синглов. Он знал, что нанимает великолепного менеджера грамзаписи, который может стать, или не стать, хорошим импресарио. За время работы в «RCA» он превратил отдел маркетинга этой фирмы в лучший в своей отрасли. В 1977 году, испытывая отвращение к идиотизму диско-музыки и ее продюсированию («я работал всю жизнь не для того, чтобы сюсюкаться с этими задницами»), он стал букмекером и принимал ставки на школьные баскетбольные команды, за что был оштрафован в 1977 и в 1978 гг. Фрэнк вернулся в музыкальную промышленность и в 1979 году стал вице-президентом Epic по маркетингу. Там он завоевал репутацию надежного человека, отвечающего за все, даже то, что не входило в его компетенцию. Группы Meat Loaf, Culture club, а также Cyndi Lauper во многом обязаны своим успехом ему.

Майкл восхищался тем, как Дилео, поставив себе цель, шел к ее достижению. Например, в один прекрасный день он решил, что Майкл должен получить аудиенцию у Папы Римского. 4 месяца спустя они изучали друг друга один на один в Ватикане.

«Я хотел бы быть, как Фрэнк. Он доводит дело до конца», — говорил Майкл.

К марту боевые порядки тура Victory были расставлены. У Майкла теперь был личный менеджер — Фрэнк Дилео, остальные Джексоны должны были иметь своего. Они наняли Джека Нэнса, который был менеджером ранних гастролей группы времен Motown.

Майкл не доверял Дону Кингу и не желал иметь с ним дел. Братья тоже теперь сомневались в нем.

Джозеф делал все возможное, чтобы не лишиться влияния и

не позволить Кингу заслонить его. Таким образом, он продолжал изводить всех и на каждом шагу.

«Я говорил, что история с рекламой Pepsi — дурное предзнаменование, — сказал Майкл другу семьи. — Но я не знал, что оно означает. Теперь я знаю. Поверьте мне, беда близко».

Глава 23

Наступил март 1984 года, Майклу 25 лет. По крайней мере 14 из них с помощью прессы он был вовлечен в создание образа семьи Джексонов, образа в общем, но не полностью, правдивого. Это называлось пиар и стало частью психики Майкла, его второй натурой. Но теперь использовали его самого, причем — собственная семья.

Майкл настроил братьев против Дона Кинга, еще не зная до конца его репутацию. Ему просто не понравилось, как этот человек подходит к бизнесу, он не чувствовал, что Кинг обладает достаточным опытом, чтобы обеспечить успех тура Victory.

Когда Фрэнк Дилео больше рассказал Джексону о Кинге, Майкл был уверен, что этот человек никогда не должен был быть причастен к его карьере. Он узнал, что Кинга осуждали за организацию несостоявшегося чемпионата США по боксу, связанную со многими злоупотреблениями. Фрэнк также сообщил об обвинениях, которые Кинг оспаривал, в том, что он присваивал деньги, устраивая закрытые бои и продавая билеты по 500 долларов без финансовой отчетности. Если Майкл должен участвовать в этих гастролях — а он чувствовал, что должен, для матери, — ему необходимо сделать все, что в его силах, чтобы быть как можно дальше от Кинга.

«Должен сообщить тебе следующее, — сказал он Джону Бранка. — Я не желаю, чтобы этот человек говорил мне, что делать, и чтобы он прикоснулся хоть к одному центу из моих денег».

Или, как сказал позже Дон Кинг, «с Майклом вы каждую минуту будто на суде».

Через Бранка Майкл передал Кингу серию инструкций, которые гласили, что:

1. Кинг не может выступать нигде от лица Джексона без предварительного разрешения.

2. Денежные поступления контролируют представители Джексона, а не Кинг.

3. Кинг не может вступать в контакт с другими промоутерами, спонсорами и третьими лицами от имени Джексона.

4. Кинг не может нанимать персонал и местных подрядчиков, снимать залы или для этой цели делать что-либо без предварительного согласования с Джексоном.

Кинг был поставлен в тупик инструкциями Майкла, однако, не имея выбора, вынужден был придерживаться их. Он считал, что Джексон находится под влиянием своих белых менеджера и

адвоката.

«Я не вижу ни одного черного вокруг него, ни одного», — сказал Кинг кому-то из репортеров.

Наконец Майкл приказал Бранка уволить Кинга.

Бранка попробовал, но Кинг был непреклонен. У него был контракт, и он полагал что Майкл будет придерживаться его. Бранка и Кинг пообедали вместе в Беверли-Хиллз, чтобы попытаться урегулировать разногласия.

«Послушай, Джонни, — сказал Дон Кинг, — нет причины нам с тобой ссориться. Мне нравится Майкл, мне нравишься ты. Давай работать вместе».

Бранка согласился с ним, что надо стараться.

В марте Майклу была сделана 80-минутная хирургическая операция в Мемориальной клинике Бротмана в Калвер-Сити для восстановления обожженной части кожи на затылке во время записи ролика для Pepsi. Он попросил своего служащего Стива Ховелла привезти бета-видеомагнитофон, чтобы смотреть в больнице любимые фильмы про трех комиков.

Ховелл приехал на голубом джипе «Тойота». «Я ненавидел говорить, что работаю на Майкла Джексона. Да кто тебе поверит? Я подошел к дежурному: «Не знаю, как сказать, но...». Он ответил: «Просто сообщите ваше имя». Я назвался, немедленно появился вооруженный охранник, чтобы отвести меня к Майклу. Он был сам себе хозяин. Сиделки были вне себя, потому что здесь был Майкл Джексон. Он прекрасно проводил время. Рассказал, что ходил в родильное отделение, где встречался с будущими мамами. Потом захотел увидеть недоношенных детей. Естественно, его отвели к ним. У меня есть фотография, на которой Майкл с одним из таких детей на руках. Он считал, что дети дают ему вдохновение, что дают ему большую энергию».

В конце марта Фрэнк Дилео и Дон Кинг грелись на солнце, обсуждая планы будущих гастролей, во временном офисе Фрэнка — двойном бунгало в «Беверли-Хиллз Отель». Дилео делал все возможное, чтобы контролировать Дона Кинга, будучи с ним якобы на дружеской ноге. Ясно было, что Дилео не доверяет ему и следит за ним по просьбе Майкла.

Одновременно рок-импресарио с Род-Айлэнда Фрэнк Руссо предложил Джексонам через Джозефа 40 млн долларов, чтобы стать их продюсером вместо Кинга. Джозеф заставил его поверить, что он займет это место.

«Все братья хлопали меня по плечу, открывали шампанское. Я не мог поверить, что это правда», — рассказывал он.

Позже на той же неделе Кинг сидел за рюмкой в ресторане, когда к его столику подошел эмиссар от Руссо и сообщил, что его

уволили. Дон Кинг спокойно пошел в телефонную кабину и позвонил Джозефу. Он напомнил ему, что у него на руках подписанный контракт, и требует, чтобы документ уважали.

Но прогнали самого Руссо. Он подал в суд и потребовал неустойку за нарушение условий контракта. Впоследствии иск был удовлетворен.

Весной 1984 года Майкл договорился с доктором Хоффлином о третьей пластической операции. Он считал, что первые две были сделаны недостаточно хорошо, нос должен был быть тоньше.

«Вы видели, как я выглядел на награждении, стоя рядом с Дайаной? — спрашивал он Хоффлина. — У нее был такой тонкий нос, а у меня такой широкий».

Он не говорил прямо, что хочет такой нос, как у Дайаны Росс, но было очевидно, что такая форма ему нравится больше всего.

«Я видел его сразу после третьей операции, — вспоминал Стив Ховелл. — Майкл не знал, что я нахожусь в доме, мы столкнулись с ним случайно. Он вскрикнул и убежал. Это было, как если вы видите незнакомую женщину в нижнем белье и без макияжа, такова была его реакция. Выглядел он, как парень, который провел боксерский матч, забыв вовремя поднять вверх руки. Лицо было сплошь синим».

Какой бы занятой ни была жизнь Майкла, он всегда находил время, чтобы встретиться с больными детьми. 9 апреля 14-летний Дэвид Смити со своей мамой приехал в Хэйвен-херст, чтобы увидеть своего кумира. У мальчика оставалось немного времени, он умирал от болезни мочевого пузыря. Общество Брасс Ринг, деятельность которого посвящена выполнению желаний смертельно больных детей, связалось с Майклом, чтобы устроить встречу. Он встретил Дэвида в гостиной. Майкл «так стеснялся, что боялся на нас смотреть», рассказывала Карен, мать ребенка. Потом она ушла, Майкл с Дэвидом пошли на кухню позавтракать. Затем Джексон показал своему гостю животных в парке, провел и снял на видеокамеру интервью с мальчиком. Новые друзья играли в видеоигры и посмотрели фильм в домашнем кинотеатре. Майкл подарил Дэвиду красную кожаную куртку, которая была на нем в видео Beat It, и черную расшитую перчатку, которую он носил на награждении премией American Music Awards. Дэвид покидал Хэйвенхерст счастливым. Семь недель спустя он умер.

Вышедший через некоторое время альбом «Victory-победа» был посвящен Кэтрин Джексон, Марвину Гей и Дэвиду Смити.

По иронии судьбы, даже столь добродетельное поведение не могло удовлетворить старейшин Свидетелей Иеговы. Они хотели, чтобы Майкл ограничил и свою исполнительскую деятельность.

Его снова пригласили на собрание старейшин в связи с фильмом Thriller. Они опять грозили ему отлучением. Майкл не хотел этого и покинул собрание расстроенным. Он решил отречься от Thriller, если от него требовали этого. Главная вещь самого успешного альбома в истории никогда не будет исполняться ее автором! В дальнейшем Майкл сделает публичное заявление по поводу своего греха в периодическом издании Свидетелей Иеговы «Проснись!»:

«Я никогда более не сделаю фильм, подобный Thriller. Моим намерением было снять хороший, смешной, короткий фильм, а не специально пугать людей с экрана или принести зло. Я никогда более не сделаю ничего подобного, потому что многие были оскорблены этим. Я заморозил дальнейшее распространение фильма, которое контролируется мной, включая показ его в некоторых других странах. Поступают всевозможные предложения по прокату картины. Но я отвечаю: нет, нет и еще раз нет. Я ничего не буду делать с Thriller».

Это удовлетворило старейшин.

Пока.

В мае 1984 года Майкл, его братья и сестры устроили небольшую вечеринку по случаю дня рождения матери в одном из ресторанов в Беверли-Хиллз.

Среди других подарков Кэтрин получила кольцо с бриллиантами и розовый, с бежевым верхом, «Роллс-Ройс». Вокруг машины был завязан огромный белый бант.

«В прессе говорится, что «Роллс-Ройс» подарил Майкл, — отмечала его невестка Энид. — На самом деле это подарок от всех нас. Как должны себя чувствовать братья, когда мир думает, будто подарок был от Майкла? Но это лишь один пример из всего, к чему им пришлось привыкнуть за многие годы. Такие вещи очень ранят. И если, боже упаси, все они попадут в авиакатастрофу, пресса уделит максимум внимания Майклу, и будет лишь маленькое упоминание о том, что «и братья были там».

Вся семья собралась на торжество Кэтрин. Был и вовсе неожиданный сюрприз — дети примчали из Индианы на самолете ее отца. Кэтрин — иеговистка и, согласно ее религии, не должна отмечать дни рождения и получать подарки. Поэтому некоторые ее друзья сочли странным, что она согласилась устроить этот праздник.

Майкл пригласил своего личного видеооператора Стива Ховелла запечатлеть торжество. Чтобы не ударить в грязь лицом, Джермен вызвал своего видеооператора. Прекрасная видеосъемка Ховелла зафиксировала подоплеку происходящего. Семья не

кажется очень сплоченной, хотя все сердечны, родные обмениваются комплиментами. Когда появляется Джанет со своим кавалером Джеймсом Де Баржем, все смущаются и рассеиваются. Очевидно, что он не нравится никому.

Эмоциональный пик вечера — невысказанные словами самое главное, самое важное, что происходит между Майклом и Кэтрин. Сын в дорогом серебристом с отливом костюме и в галстуке поднимается на сцену. «Это — одна из твоих любимых песен, — обращается он к матери, взволнованный, смущенный. — Я могу спокойно петь перед тысячами людей. Но поставьте меня перед маленькой компанией, и у меня ничего не получается. Я слишком волнуюсь».

Майклу аккомпанирует звезда кантри Флойд Крамер на электрооргане «Фэндер Роде». За ужином он сидит за столом рядом с Кэтрин. Музыкант приглашен на торжество, потому что она его большая поклонница. Под аккомпанемент Крамера и маленького оркестра Майкл поет For the Good Times. Забавно, что он читает текст песни с суфлерских плакатиков. «Это был, наверное, первый день рождения в истории, во время которого они использовались», — сказал Стив Ховелл.

Как только Майкл запел первую строчку: «Забудь печали, поверь, все позади...» — его глаза заблестели от слез.

Любой наблюдатель счел бы, что Кэтрин думает сейчас о своем замужестве (Джозеф сидел не с ними, за общим столом, а отдельно в этой же комнате). Майкл пел своим чистым голосом, с неподдельным чувством, Кэтрин раскачивалась в кресле в такт музыке. Похоже, исполнение сына захватило ее. Она не может отвести глаз от своего мальчика. Вряд ли какая-нибудь мать смотрела на своего сына с большей любовью. И сын отвечал ей полной взаимностью.

Весной 1984 года Джону Бранка позвонила секретарь Комитета транспорта Элизабет Доул и спросила, не согласится ли Майкл на использование его песни Beat It в качестве музыкального сопровождения рекламы против пьяной езды за рулем по ТВ и радио. Бранка сообщил об этом Майклу.

«Это притянуто за уши, — ответил он. — Я не могу пойти на это».

Бранка сказал, что позвонит Доул и передаст, что они не заинтересованы в этом. Майкл размышлял еще минуту. «Знаешь, что? — вдруг сказал он. — Если я получу какую-нибудь награду из Белого дома, тогда я дам им песню. Подумай, как мог бы ты с ними договориться. Я хочу побывать в Белом доме, стоять на сцене рядом с Рональдом Рейганом, его сотрудниками». Похоже, эта идея понравилась Майклу. «Как ты думаешь, ты сможешь

сделать это, Бранка? Договориться с президентом о награде для меня?»

Джон Бранка начал действовать. На следующий день он позвонил Элизабет Доул и сказал, что она может получить песню для своей кампании против пьяной езды, если придумает какую-нибудь гуманитарную награду для Майкла. Она согласилась.

Награждение было назначено на 14 мая 1984 года. Событие сулило стать захватывающим. Пожалуй, в Белом доме не было столько праздничной суматохи с тех пор, как вернулись домой заложники из Ирана.

Для этого случая президент был в синем морском кителе с синим в полоску галстуке и белой рубашке. Нэнси в роскошном белом костюме от Адольфо с золотой оторочкой на карманах и золотыми пуговицами, на шее у нее была массивная золотая цепочка. Но вряд ли имело значение, как она была одета, потому что всех затмил Майкл Джексон. Он появился в ослепительном голубом мундире с золотыми эполетами, золотой перевязью и золотым поясом. И, конечно, в «фирменной» белой перчатке на одной руке, сделанной для него дизайнером Биллом Виттеном.

Сотни сотрудников Белого дома (многие из них вооружились фотоаппаратами) отложили на время работу, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Джексона. Правительственные телефоны не отвечали. Вокруг ограды Белого дома плотной стеной стояли поклонники Майкла, многие — в одной белой перчатке, как у него.

2 000 человек приветствовали Рональда Рейгана с Нэнси и Майкла, вышедших на сцену, оборудованную на южной лужайке Белого дома.

Майкл не пел и не танцевал во время церемонии. После того как президент вручил ему почетный знак, он только произнес или скорее прошептал: «Это очень, очень большая честь. Спасибо большое, господин президент».

Потом ухмыльнулся, словно ему вдруг пришло в голову, что вот он действительно стоит рядом с президентом Соединенных Штатов. «Да, и миссис Рейган», — добавил он, словно вспомнив.

Вашингтонская журналистка Мэри Мак-Грори в своем отчете подчеркнула, что это была самая короткая ответная речь в истории Белого дома.

Рейган отметил, что Майкл Джексон является «свидетельством того, что может достичь человек, ведущий образ жизни, свободный от алкоголя и наркотиков. И молодые, и пожилые люди уважают это. И если американцы последуют его примеру, мы сможем противостоять проблеме «пьяного» вождения и, говоря словами Майкла, побьем ее» (Beat It — ударь).

Майкла на церемонии сопровождали восемь телохранителей, менеджер Фрэнк Дилео, адвокат Джон Бранка и журналист Нормана Винтер, он и написал президентскую речь о Джексоне.

После короткой церемонии — она заняла 9 минут — всей свите Майкла устроили экскурсию по Белому дому. Майклу особенно понравился портрет Эндрю Джексона в военном мундире, очень напоминающем его голубую униформу. После экскурсии должна была состояться встреча с президентом и первой леди.

Дела стали принимать дурной оборот, когда Майкл появился в зале для дипломатических приемов, где он должен был встретиться с Рейганом и Нэнси. Ему сказали, что будут присутствовать лишь несколько детей сотрудников Белого дома. Между тем туда набились около 75 взрослых людей. Майкл переступил порог зала, заглянул внутрь и выскочил. Он мчался через холл и скрылся в ванной комнате рядом с президентской библиотекой. Фрэнк Дилео и остальная свита последовали за ним. Прежде чем его успели догнать, Майкл запер за собой дверь.

— Эй, Майкл, выходи, — позвал его Фрэнк.

— Нет. Они сказали, что там будут дети. А это — не дети.

— Но дети будут. Мы сейчас приведем детей, — пообещал сотрудник Белого дома. Он повернулся к своему помощнику: — Послушайте, если миссис Рейган увидит это, она будет чертовски зла. Ступайте и приведите несколько детей, черт побери. Приведите ребенка Джеймса Бейкера. Она симпатичная (шеф службы Джеймс Бейкер привел свою 6-летнюю дочь). Мне все равно, кого вы приведете, но приведите каких-нибудь детей».

Он опять повернулся к закрытой двери.

— Все в порядке, Майкл. Мы сейчас соберем детей.

У него эыл такой голос, будто он успокаивал плачущего ребенка. Фрэнк стоял рядом, скептически наблюдая за этой

сценой.

— Да, но вам придется также удалить всех этих взрослых, прежде чем я выйду отсюда, — предупредил Майкл.

— Хорошо.

Кто-то побежал в комнату для приемов.

— Так, все выходят!

Старший персонал и члены кабинета очистили зал так быстро, что можно было подумать об угрозе взрыва бомбы.

— Что происходит?

— Где Майкл Джексон?

— Он что, уже уехал?

Все говорили одновременно, быстро удаляясь.

Помощник побежал обратно в сторону ванной комнаты, перед

дверью которой стояла кучка встревоженных людей, решавших, что им делать теперь. Он переговорил с кем-то из свиты Майкла.

— О'кей. Теперь ты можешь выходить, Майкл. Все в порядке, — сказал Норман.

— Вы уверены? — послышался из-за двери тоненький голос.

Фрэнк Дилео ударил в дверь кулаком, громко и один раз.

— Порядок, Майкл. Выходи.

Дверь медленно отворилась. Показался Майкл. Он смотрел по сторонам, слегка смущенный. Фрэнк обнял его за плечо.

— Извините, — сказал Майкл, — но мне говорили, что не будет так много людей.

Его быстро препроводили в зал приемов, где его ожидали всего несколько официальных лиц со своими детьми.

Первой к Джексону подошла Элизабет Доул. Она протянула ему экземпляр Thriller и попросила оставить автограф на обложке альбома.

Потом вошли Рональд и Нэнси. Они пригласили Майкла пройти в рузвельтовский кабинет, чтобы встретиться с другими сотрудниками и их семьями. Нэнси тихо сказала кому-то из свиты Майкла:

«Я слышала, что он хотел бы походить на певицу Дайану Росс. Но глядя на него вблизи, я бы сказала, что он гораздо красивее, чем она. Не правда ли? Я имею в виду, что она не так уж привлекательна, а он очень красив». Нэнси ожидала услышать ответ, но его не последовало. «Только я хотела бы, чтобы он снял свои солнцезащитные очки, - продолжала она. - Скажите, ему делали операцию на глаза?» Помощник пожал плечами. Она внимательно изучала Майкла, пока он разговаривал с ее мужем в другом конце комнаты. «Безусловно, ему изменили нос, - сказала она самой себе. - И не один раз, я бы сказала. Меня интересуют его скулы. Это грим или он их тоже переделывал?» Нэнси вела себя так, словно и не ждет ответа, но помощник опять пожал плечами.

«Это так забавно, в самом деле, — продолжала свои наблюдения Нэнси в то время, как ее муж пожимал Майклу руку. — Мальчик, который выглядит прямо как девочка, шепчет, а не говорит, постоянно носит одну перчатку и солнечные очки. Даже не знаю, что тут можно поделать». И Нэнси в отчаянии покачала головой. Ей не хватало слов.

Наконец человек из свиты Джексона нарушил молчание-«Послушайте, вы не знаете и половины правды», - сказал он Нэнси, выразительно подняв брови. Он улыбнулся, ожидая, что и она тоже рассмеется. Но она не рассмеялась. Нэнси холодно посмотрела на него. «Он - талант, - сказала она покидая

своего собеседника, - и я думаю, что это все, что вы должны знать».

У шестерки фоторепортеров, освещавших это событие, была белая перчатка на одной руке.

Майкл покидал Белый дом в сопровождении экскорта из 9 полицейских мотоциклов, нескольких полицейских фургонов и конной полиции.

Возможно, в мае 1984 года Майкл Джексон и был героем Америки, но в июне события приняли иной оборот. Был оглашен план продажи билетов на тур «Победа», начинающийся концертом в Канзас-Сити 6 июля. Его предложили Джозеф Джексон, Дон Кинг и Чак Салливан. Они решили что все билеты будут стоить по 30 долларов и будут продаваться лотами, сразу 4. Их можно заказать, но это не гарантирует, что вы их получите. Имена заказавших будут заложены в компьютер, который случайным образом назовет имена счастливчиков. При этом имя должно быть написано на купоне, опубликованном в местных газетах. Таким образом, поклонники Джексона должны были выслать почтовый денежный перевод на 120 долларов, по 2 доллара за доставку каждого билета и купон, все это — в «стандартном конверте № 10» по адресу, указанному в рекламном объявлении.

Организаторы ожидали, что 12 млн поклонников вышлют — ни много ни мало — 1,5 млрд долларов почтовыми переводами, но лишь один из десяти заказчиков получит билеты. Чтобы участвовать в лотерее, перевод должен был быть выслан не позже чем за 2 недели до концерта. С отсрочкой возврата денег — от 4 до 6 недель — организаторы гастролей и Джексоны будут распоряжаться этими деньгами в течение 8 недель. Учитывая, что общая стоимость билетов — 144 млн долларов, 1,4 млрд подлежали возврату. Будучи положенными в банк, дающий в среднем 7% прибыли в месяц, эти деньги обеспечивали доход в 8 млн долларов в месяц, или 16 млн — за 2 месяца.

Представитель Джексонов Говард Блум заявил, что все полученные дивиденды пойдут на затраты по пересылке и оплате невыполненных заказов.

Билеты явно стоили слишком дорого даже для подростков из белого среднего класса, если они должны были приобретать их непременно 4. Было почти невозможно себе представить, чтобы наиболее верные поклонники Майкла — подростки из негритянского гетто — смогли позволить себе такую роскошь.

Билеты на концерты Rolling Stones или на Брюса Спрингстина в это время стоили по 16 долларов. Сам Майкл хотел, чтобы билеты стоили по 20 долларов, но, как всегда, он был в

меньшинстве.

Даже если вы попадали в число счастливчиков, вы не знали об этом, а также о том, на какой из концертов вы пойдете, раньше, чем за 2 дня до него. В случае задержки доставки билеты вполне могли дойти до вас уже после концерта.

До оглашения этого плана Майкл и Джон Бранка встретились с братьями, чтобы отговорить их от него.

— Надо заработать как можно больше на билетах. Тут не существует никаких границ, — сказал один из братьев.

— Нет, — возражал ему Майкл. — Так не делается. Все начнет буксовать. Билеты не должны быть дороже 20 долларов. И идея с заказом по почте — ужасная.

Однако братья проголосовали против Майкла, пять голосов против одного.

— Ладно, хорошо, — решил Майкл, встретившись позже с Бранка и Дилео. — Это будут мои последние гастроли с братьями. Поэтому я не хочу, чтобы вы предпринимали что-либо. Я — просто один голос из 6. Пусть делают, что хотят. Это будет их последняя попытка.

— Но почему, Майкл? — допытывался Фрэнк Дилео. — Они все испортят.

— Потому что, если что-то пойдет не так, я ничего не хочу об этом слышать, — объяснил Майкл. — Ни от матери, ни от отца, ни от братьев. Пусть делают, как хотят, мое дело — сторона. Может быть, деньги, которые они на этом заработают, успокоят их.

С тех пор Майкл в личных беседах стал называть своих братьев «гремлинами». Он говорил: «Появляясь, они замечательно к тебе относятся, но, получив, что хотели, превращаются в монстров».

Когда план распространения билетов стал достоянием гласности, поклонники Джексонов, от океана до океана, были возмущены. Был проведен опрос по телефону, на вопрос: «Считаете ли вы, что поклонников Майкла Джексона обманули?» — 90% из 3000 опрошенных ответили «да».

Газеты выходили с редакционными статьями, клеймящими Джексонов: «Трудно не прийти к выводу, что организаторы гастролей, если не сами юные звезды, обманывают и используют своих многочисленных поклонников. Сообщалось, что все братья, включая Майкла, принимали участие в планировании гастролей. Если это так, то им следовало бы проявить больше уважения к своим поклонникам, которые сделали их богатыми и знаменитыми». Другие газеты по всей стране клеймили позором Джексонов, особенно Майкла, за эту возмутительную

демонстрацию жадности. «Гастроли Джексонов посвящены не музыке. Они посвящаются высокомерию и жадности, — писала вашингтонская газета. — Зачем нужен этот имидж — против наркотиков, алкоголя, за гуманное отношение к животным, если сверху жирными буквами написано: «Отдавай свою копилку?»

Несмотря на это негодование, когда в канзасских газетах были напечатаны первые купоны, на рассвете собирались толпы поклонников, чтобы скорее приобрести их. Kansas City Times, чтобы удовлетворить спрос, выпустила дополнительно тираж в 20 тыс. экземпляров. Наготове были почтовые учреждения. Билеты стремительно раскупались.

Газеты продолжали клеймить Джексонов за алчность. Это было смертельно для имиджа Майкла как молодежного героя. Он становился объектом постоянных язвительных насмешек. «Что нашел врач при осмотре Брук Шилдс?» — «Вторую перчатку Майкла Джексона», — гласила популярная тогда шутка.

«Я никогда не хотел этих гастролей, — жаловался Майкл раздраженно. — И посмотрите, что получилось».

Фрэнк Дилео предложил Майклу, если он не хочет нанести урон своей карьере и репутации, занять позицию против алчности.

«Их не беспокоит твое будущее, — сказал Дилео про братьев Майкла. — Все, что их волнует, — это их настоящее. Заработать, сколько смогут, и пока могут. Твоя карьера должна прожить дольше этих гастролей. Их карьера может дольше не прожить».

Потом появилось открытое письмо в Dallas Morning News, которое привело Майкла в чувство. 11-летняя Ладонна Джонс писала, что копила по центу, чтобы увидеть шоу Майкла Джексона, но скорее всего не сможет собрать на 4 билета. Она спрашивала Майкла: «Как мог именно ты из всех людей оказаться таким эгоистичным?» Письмо расстроило его. Эгоизм и жажда наживы действительно были в центре планов этих гастролей, он понимал это. Разве его семья уже не заработала больше денег, чем большинство людей может заработать за всю свою жизнь? Однако потребовалось это грустное детское письмо, чтобы он начал действовать.

До сих пор ему не хотелось принимать никаких решений по поводу этих гастролей, но теперь Майкл осознал, что должен сделать это. «Хватит», — сказал он и созвал Джозефа, Дона Кинга и Чака Салливана.

«Измените политику по ценам на билеты. Это грабеж. Вы это знаете. Я это знаю. Измените ее. Или я не буду выступать», — заявил Майкл.

Они договорились, какой системы им придерживаться. Майкл

похудел до 105 фунтов, таким истощенным он не был никогда. Его нормальный вес — 125 фунтов. Когда он с братьями прибыл в Бирмингем, штат Алабама, 26 июня на неделю для подготовки к гастролям, вид у него был такой, словно он переживал серьезнейший стресс. Зарегистрировавшись в гостинице, он ослабел настолько, что ему пришлось опереться на кого-нибудь из телохранителей. Когда шеф-повар пришел поприветствовать Джексона, телохранитель отпустил Майкла, и он чуть не упал. Казалось, что у него нет сил, даже чтобы ходить. Возможно, частично это можно было объяснить особенностями его диеты. По распоряжению Майкла его повар сикх Мани Сингх Кхалса держал его на диете из орехов кешью и пекан, трав, семян растений и приправ.

«Он совершенно здоровый парень, — говорил кузен Майкла Тим Уайтхед, сопровождавший братьев в поездках. — Люди не знают, что он — вегетарианец не потому, что мясо вредно, а потому, что он не хочет, чтобы животное было убито ради его обеда. Я часто удивляюсь, как он может жить, питаясь так скудно».

«Если бы я не должен был есть, чтобы жить, я бы вообще не ел», — сказал как-то Майкл своей матери.

Вечером того же дня состоялись трудные телефонные переговоры с братьями, поверенными и менеджерами. Когда они закончились, Майкл был вымотан до последней степени. Он зашел в грузовой лифт (он всегда ездил в грузовых лифтах, а не в обыкновенных), прислонился к стене и стал медленно сползать вниз. Кто-то попытался помочь ему, но он не мог стоять на ногах. «Оставьте меня в покое. Дайте отдохнуть пару секунд», — сказал он.

Свидетели подобных сцен стали поговаривать, что Майкл страдает нервным заболеванием, связанным с потерей аппетита, что не соответствовало истине, но со стороны было похоже на правду.

Пришло время объявить новую схему распространения билетов. Майкл провел пресс-конференцию накануне первого концерта. Опровергнув обвинения в алчности, он сообщил, что хочет пожертвовать все деньги, которые заработает во время этих гастролей, на благотворительность. Более того, в каждом городе почти по 2 000 билетов будут распределены бесплатно среди тех поклонников, которые не в состоянии купить себе билет.

«Мы долго работ&ти, чтобы сделать это шоу как можно лучше, — сказал Майкл. — Но мы знаем, что много ребят не могут приобрести билет. На днях я получил письмо от техасской девочки по имени Ладонна Джонс. Она копила деньги,

подрабатывая, но при нынешней системе ей пришлось бы покупать 4 билета, что она не смогла бы сделать. Поэтому я попросил нашего продюсера продумать другую систему, не требующую 120-долларового денежного перевода. Было много разговоров по поводу того, что организаторы прокручивают деньги, полученные за непроданные билеты. Я попросил нашего продюсера как можно быстрее покончить с системой заказов билетов по почте, чтобы никому не приходилось платить, не получая билет сразу». Майкл сказал, что детали повой схемы продажи билетов «деньги — билет» будут сообщены в ближайшее время. Эта схема была введена в третьем по счету городе гастролей — Джэксонвилле.

Майкл не отвечал на вопросы. Его и братьев быстро окружили телохранители, и они словно испарились.

«Почему он решил пожертвовать все свои деньги на благотворительность?» — спросил репортер у Фрэнка Дилео. «Потому что он — отличный парень», — ответил Фрэнк.

Состояние Майкла, это время оценивалось в 75 млн долларов, жертвуя на благотворительность примерно от 3 до 5 млн, которые должен был заработать, он делал щедрый подарок, но не должен был из-за этого изменить свой образ жизни. Его братья, однако, не могли позволить себе столь благородного жеста.

Майкл договорился о 4 бесплатных билетах для Ладонны Джонс, по его просьбе лимузин привез ее на концерт. После шоу он встретился с ней.

«Майкл спросил, хорошие ли у нас были места, — рассказала девочка. — Они были не очень хорошие, но в любом случае это было здорово».

К этому времени Си-би-эс выпустило альбом Victory. Не считая концертного альбома 1981 г., это был первый альбом Джексонов за 4 года, его давно ждали. Одна из песен в нем — State of Shock — исполнялась дуэтом с Миком Джаггером. Это была не столько песня, сколько прославленный гитарный стиль «Rolling Stones». В альбоме были вещи, написанные всеми братьями, и у каждого из них были сольные вокальные партии. Таким образом, это был результат общей работы и прекрасный виниловый почин предстоящих гастролей.

Давно ожидаемый тур Victory стартовал в пятницу 6 июля 1984 года в Канзас-Сити, штат Миссури.

«Любой человек, посмотрев это шоу, станет лучше, — сказал Дон Кинг прессе. — Майкл Джексон перешагнул все земные границы. Люди всех рас, цветов кожи и убеждений ждут это турне. Это могло случиться только в Америке. Как я благодарен

судьбе за то, что я — американец!»

«Кто-нибудь может заставить этого человека заткнуться? — спрашивал Джексон у своего друга. — Разве без него не хватает напряжения?»

Ко всем бедам прибавилась еще одна — из-за травмы ноги Джекки не мог выступать с братьями.

В день первого концерта 43 тысячи фанов начали собираться вокруг стадиона Arrowhead задолго до заката, загорая на одеялах и закусывая сэндвичами с курицей. На самом стадионе в это время 500 человек службы секьюрити и 1000 рабочих сцены готовились к концерту.

Идея шоу принадлежала самому Майклу. Высокотехничная компьютеризированная, в манере Джорджа Лукаса, сцена и система освещения стали визитной карточкой этого представления. Среди прочего, там была гидравлическая система, которая выдвигала сцену, представляя группу. Майкл был в узких брюках с вертикальными черно-белыми полосами «под зебру», расшитой блестками рубашке, белых носках, туфлях-«лодочках» в стиле 50-х и в белой перчатке, — словно появившуюся прямо из-под земли в слепящем свете двух сотен прожекторов.

Братья, видимые сначала только как силуэты, медленно, под барабанную дробь, спускались по лестнице, приближались к микрофонам, снимали свои солнечные очки и стремительно начинали первую песню — сочинение Майкла «Wanna Be Startin' Somethin'. Тут были лазеры, красные и зеленые, малиновые стробоскопы, фиолетовые дымовые шашки — магия, иллюзия и фейерверки. 18 песен программы раздавались из 100 мощнейших уличных колонок.

Странным образом, братья не исполняли ни одного номера из своего нового альбома Victory. Марлон объяснил, что Майкл отказался исполнять их вживую перед публикой.

«Тут есть кто-нибудь из Канзас-Сити?» — спросил Майкл толпу, которая ревом ответила ему.

Джермен исполнил 3 своих вещи, но был, казалось, не в форме и пел вяло. Сольные хиты Майкла приберегли напоследок. Он был в отличном голосе, более, чем когда-либо, настоящий вокалист. К концу шоу аудитория — матери с годовалыми детьми, тинейджеры со своими родителями, вместе черные и белые (белые преобладали) — была доведена до неистовства. Они испытывали чувство подлинного единения с Джексонами, несмотря на то что большинство из 43 тысяч зрителей должны были приноравливаться, чтобы увидеть искаженное изображение Джексонов на экранах, установленных в разных местах гигантского футбольного стадиона.

Было понятно, что эта публика платила неслыханную цену за билеты, чтобы увидеть лишь одного человека — Майкла Джексона. Благодаря его музыке (не говоря о достижениях техники) слава артиста достигла столь мифических размеров, что никто сейчас не мог с ним сравниться. Для его публики ни один из противоречивых слухов, о которых они читали или слышали за последние несколько месяцев, не имел значения по сравнению с тем фактом, что ОН, неоспоримая звезда, вышел сейчас на сцену, чтобы обратиться непосредственно к ним. Все, что сегодня было важно, — это талант Майкла, страсть, с которой он отдавался своей работе, их признание его искусства и то, как он исполнял этот невозможный обратный, скользящий словно по стеклу, шаг через всю сцену. Аудитория выражала свое признание оглушительным ревом, аплодисментами после каждой песни.

После первого же из трех концертов в Канзас-Сити стала очевидна тягостная правда: Майклу не стоило соглашаться на эти гастроли по многим причинам, не считая организационных трудностей. Он был сейчас лидером группы, частью которой он себя больше не ощущал. Как написал один из критиков, «Марлон, Джермен, Рэнди и Тито были похожи на незваных гостей на собственном празднике». Все чувствовали, несмотря на всю энергию его выступления, что Майкла сковывает настоящий страх — боязнь полностью затмить и этим унизить братьев своим электризующим присутствием. И в свете последних событий вас не оставляла мысль, что он не может дождаться конца этого феерического действа. В то же время его братья выступали с такой самоотдачей, словно это — их последний в жизни шанс.

Слова Джермена в его интервью пролили немного света на ту ревность и разлад между братьями, которые расцвели пышным цветом:

«Хотя Майкл очень талантлив, львиная доля его успеха — от удачи и везения. На его месте оказался он, но очень просто мог оказаться и я. Но я сейчас делаю массу вещей. Я — самый энергичный из братьев. И я останусь им, когда они займутся каждый своим делом».

Ни на секунду, казалось, братья не имели общих ценностей и равных достижений с главной звездой их группы. И ни на секунду не могло показаться, что Майкл хочет работать с ними дольше, чем он был вынужден. Стараясь доказать свою лояльность семье, Майкл отдалялся от нес еще дальше. И, может быть, он потерял при этом частичку своей души. Наверняка почувствовал, что потерял что-то, когда Джеймс Браун, один из его кумиров, отклонил его предложение выступить вместе в «Мэдисон сквер гарден» в Нью-Йорке. Всегда бывший для Майкла примером, он

счел, что цены на билеты столь высоки, что на концерт не сможет прийти большинство черных поклонников его группы. Браун отказался выступить в знак протеста.

Это должно было причинить боль Майклу и заставить его задуматься.

Агония тура Victory продолжалась до 9 декабря — то же шоу, те же слова на каждом выступлении. Майкл — не импровизатор. Во время концерта придерживается схемы и редко отходит от нее. Брюс Спрингстин посетил концерт Джексонов в Филадельфии, после шоу они беседовали с Майклом за кулисами.

— Вы разговариваете с людьми во время ваших концертов? — спросил его Джексон. — Я слышал, что вы делаете это.

— Да, я рассказываю им истории, — ответил Брюс. — Я выяснил, что людям это нравится. Им нравится слышать ваш голос не только во время пения. Они сходят с ума от того, что вы просто говорите.

Майкл пожал плечами:

— О, я никогда не мог делать этого. Мне кажется, тогда люди узнают про меня то, чего они не должны знать.

Чем ближе было окончание гастролей, тем с большим нетерпением Майкл ждал этого.

«Мы планировали, что эти гастроли станут величайшими в истории, — сказал позже Джозеф. — Но вмешались посторонние. Скоро братья стали друг для друга как кость в горле».

В начале гастролей была договоренность, что в автобусе Джексонов путешествуют только братья. После одного из концертов Майкл появился с Эмми Льюисом. Братья были недовольны. Еще до начала второй половины гастролей братья уже путешествовали по городам в отдельных автобусах и лимузинах — Джекки (на костылях, присоединившийся к братьям к середине тура, не выступавший с ними), Марлон, Рэнди и Тито в одном автобусе, Джермен и Майкл — порознь. При перелетах все братья пользовались коммерческими авиалиниями, Майкл предпочитал небольшой реактивный самолет, напомнив некоторым обозревателям времена, когда группа Supremes передвигалась на «Кадиллаке», а Дайа-ну Росс возил шофер на лимузине. Пару раз муж Пиа Задоры мультимиллионер Мешулам Риклис, друживший с Джексонами, позволял братьям воспользоваться своим личным самолетом. В Нью-Йорке группа должна была на вертолете добраться до стадиона Giants, условились, что в вертолете не будет посторонних. Майкл появился в обществе сына Джона Леннона — Джулиана. Братья обменялись злобными взглядами.

Гастроли могут быть источником огромного стресса и

ощущения одиночества даже при самых лучших обстоятельствах. Чувствовать себя в изоляции от людей, с которыми ты выходишь на сцену, отгородиться от своей семьи — все это должно было и внутренне опустошить столь ранимого человека, как Майкл. Беду семьи, начавшей распадаться, гастроли только увеличили. В одном из городов Майкл, страдавший истощением и обезвоживанием организма, вынужден был прибегнуть к помощи врача.

Вероятно, из-за напряжения с ним все труднее становилось находить общий язык. Некоторые из его требований казались за рамками разумного. Где-то он грозился не выйти на сцену, если не будет уволен один из журналистов, освещавших гастроли. Некоторые строки его публикаций не понравилось Майклу. Братья угрозу проигнорировали. В самую последнюю минуту перед шоу Фрэнк Дилео объявил, что Майкл не появится, если не будет гарантии отставки этого человека. Он был уволен.

«Он — примадонна, — заметил один из свидетелей закулисных интриг гастролей. — Он еще хуже своей наставницы — Дайаны Росс».

Майкл почти все время был один и развлекал себя днем тем, что делал домашние видео с самим собой в разных ситуациях. В Мичигане отправился в полицейский участок, чтобы сделать видео с 30 офицерами полиции — он любит видеть себя в окружении людей в униформе. Офицер полиции .Аллан Буз вспоминал об этом: «Он сидел в глубине микроавтобуса, словно маленькая испуганная ласка. Я подумал: «Это не может быть человек, сколотивший столько бабок, выступая на сцене». Он выглядел так, словно готов в любой момент расплакаться. Кто-то может сказать, что он смахивает на голубого, но я бы так никогда не сказал. Он выглядел хрупким, почти хилым. Но у него по-настоящему большая рука. Я — здоровый парень, но, когда мы пожимали руки, моя утонула в его пятерне».

Во время гастролей к Джексонам обратился продюсер, который хотел за несколько миллионов получить право снять их шоу и выпустить его на видео после окончания тура. Они решили проголосовать. Все были за видео — и за миллионы, кроме Майкла. Он угрожал, что не будет выступать, если они заключат сделку. Отныне никто не должен был снимать шоу. Предложение было отклонено.

Три дня спустя, выйдя на сцену, братья обнаружили, что кругом установлены камеры. Марлон, танцуя, чуть не столкнул одну из них. Было очевидно, что Майкл сам договорился о видеосъемке шоу.

«Я дам вам копии, не волнуйтесь», — пообещал он, когда все

накинулись на него после концерта. Но они так и не увидели копий.

Братья останавливались в отелях на разных этажах. Они отказывались говорить друг с другом по дороге на стадионы. Каждый раз, когда назначалась встреча по какому-нибудь поводу, ей предшествовали переговоры внутри разных фракций, в которых участвовали два адвоката Майкла, адвокат Джермена и два адвоката, представлявшие остальных братьев.

«Это была катастрофа, — рассказывал давний друг семьи Джойс Маккрэй. — Это было кульминацией самого поразительного опыта, который Майкл пережил со своей семьей. Его невероятный успех воздействовал на всех членов семьи. Некоторые люди завистливы. Было отрицание, была вся гамма человеческих эмоций. Больше всего задет был Джекки, считая, что это он вывел Майкла в звезды. Он еще и самый старший. Есть версия, что это он «создал» Майкла Джексона».

Пятеро братьев Джексонов — Джекки, Тито, Марлон, Джермен и Рэнди — спешили убедиться, что они получат свои 75% с продажи билетов не позже чем через сутки после каждого концерта (Джекки заработал миллионы, хотя не выступал с ними). Майкл проводил гораздо больше времени со своим удавом по имени Мускулы, чем с братьями.

«Фрэнк Дилео до смерти боялся этого проклятого удава, — рассказывал один из приближенных. — Как-то Майкл стал травить его удавом в номере отеля. Фрэнк был так напуган, что достал пистолет и чуть не пристрелил эту чертову штуку. Майкл вскрикнул в ужасе, телохранитель сбил Фрэнка с нот и отобрал у него пистолет. Больше Майкл не пытался проделать что-либо подобное».

Поддержание костюмов Джексонов, созданных Биллом Виттеном и оцененных в полмиллиона долларов, в порядке, чистыми и выглаженными, было всегда сложной задачей, никогда, однако, не беспокоившей братьев. Обычно они покидали концертный зал в костюмах, сшитых из дорогих тканей и украшенных металлом, стеклом, люрексом, спандексом, кожей и бисером. Приехав в отель, они разоблачались и укладывали костюмы в контейнер. Его отправляли к костюмерше Мэри Джейн Вензел, которая смотрела, нет ли пятен, оторвавшихся блесток, и приводила их в порядок. Братьям не приходилось даже заботиться о своем нижнем белье — это было заботой Вензел, своей обуви (черные туфли от Басе Виджанс у Майкла и сапоги — у остальных), ремнях, шляпах, перчатках и носках. Все, о чем им приходилось заботиться, — это выступления и общение друг с другом, что было непростым делом.

Гастроли наконец подходили к концу. Были объявлены даты трех заключительных концертов в Лос-Анджелесе. Билеты на них были быстро распроданы. Полный энтузиазма, Фрэнк Дилео считал, что нужно провести еще три концерта. Превосходный продюсер грамзаписи, в концертной деятельности он был новичком. Майкл не был любителем; ему были известны тонкости и концертного бизнеса, и грамзаписи. Он был таким опытным профессионалом, что к этому времени вполне мог продюсировать самого себя.

«Фрэнк, ты уверен, что эти три концерта будут выкуплены?» — спросил Майкл.

Фрэнк ответил, что уверен.

«Что-то я сомневаюсь в этом. Лучше бы так оно и было, Фрэнк. — предупредил его Майкл. — А то я очень расстроюсь. Я не люблю играть на пустых стадионах».

Майкл считал, что Дилео должен объявлять прессе каждый из дополнительных концертов по одному. Если концерт будет выкуплен, можно объявлять следующий. Но Фрэнк решил анонсировать все три дополнительных концерта одновременно, это больше впечатляло.

В конце концов были полностью выкуплены только пять концертов. На шестое, заключительное шоу тысячи билетов не были распроданы, к большому разочарованию всех в лагере Джексонов.

«Я предчувствовал что-то в этом духе. Я не выйду выступать на полупустой стадион, — пригрозил Майкл. — Кто-нибудь должен что-то придумать, и побыстрее».

Все, кто хоть отдаленно был знаком с Джексонами, получили сотни билетов для распространения среди друзей бесплатно. Билеты раздавались знакомым и дальним родственникам. Фрэнк Дилео вручал билеты представителям компаний грамзаписи и их женам. Ирвинг Азофф дарил их работникам MCA Records и их семьям. Норман Винтер раздавал их всем ученикам частной школы, в которой училась его дочь.

«И Майкл Джексон сел в лужу, чего никто не ожидал, — заметил один из обозревателей. — Он сам не раздал ни одного билета, потому что слишком сходил с ума от разочарования, которое принесла всем эта ситуация. Это было его последним шоу вместе с братьями, они бесплатно раздавали билеты всем желающим. Что за окончание для тура Victory».

«Это унизительно, — сказал Майкл своему знакомому. — И во всем виноват Фрэнк. Ему конец. Он уволен. Так ему и надо».

И хотя на этот раз он его не уволил, не разговаривал с мим много недель.

Еще более усугубили атмосферу в конце гастролей разногласия из-за недоразумения с гастрольными деньгами, связшнными с Чаком Салливаном, что поставило концерты в Лос-Анджелесе под угрозу срыва. Вальяжный Дон Кинг провел пресс-конференцию, чтобы объявить, что Джексоны все-гаки выступят там, и праздновал победу над «алчностью» Салливана. Тот аннулировал обещанный Джексонам аккредитив на 24 млн долларов через 2 недели после начала гастролей. Салливан, потерпев убытки на 4 млн долларов к моменту перемещения тура на Западное побережье, заболел сердечным недомоганием, как он сказал, в результате тура Victory и распрей с Джексонами из-за денег. Даже адвокат Салливана Джим Мюррей признал, что он «довел кое-что до абсолютно пикового положения».

Во время пресс-конференции Дон Кинг продолжал приписывать Джексонам высшие человеческие достоинства и обрушился на прессу за «очернительство» их в последние месяцы. Он назвал «умеренной» 30-долларовую цену билетов. Рассказывал о своих «чудесных взаимоотношениях со всеми братьями, особенно с Майклом». Неделю спустя большое жюри в Нью-Йорке обвинило Кинга в 23 случаях сокрытия доходов.

8 последнюю неделю гастролей Джозеф и Дон Кинг начали строить планы продолжения тура Victory в Европе.

«Мы с Доном Кингом планировали турне по всему миру. Майкл знал об этом», — скажет Джозеф позже. Когда Майкл услышал об этих намерениях, он передал им через Дилео краткое послание: «Забудьте об этом».

9 декабря 1984 г. Майкл со сцены объявил всем: «Это паше последнее шоу и последнее выступление вместе. Мы были вместе долгих 20 лет, и мы любим вас всех». Братья изумленно посмотрели на него, словно это было для них новостью.

После этого представления в Лос-Анджелесе Фрэнк Дилео, отзывавшийся обо всех участниках гастролей как о банде, способной стрелять только в спину», протянул руку Дону Кингу, поздравляя его.

«Приятно было работать с вами, — сказал он, формально пожав ему руку. И добавил саркастически: — Может быть, мы встретимся когда-нибудь в баре».

За кулисами репортер спросил Майкла: «Как долго вы с Фрэнком Дилео?»

Майкл посмотрел на него ледяным взглядом: «вам надо было спросить, как долго он со мной».

«Невозможно себе представить, чтобы такой великий человек, как Майкл Джексон, относился так к своей семье, — разглагольствовал Дон Кинг. — Он считает, что его отец был не

прав по отношению к нему. Может быть, отец и был в чем-то не прав, но он был чертовки прав во многом!»

Последние замечания Дона Кинга вряд ли вернули ему расположение Майкла. Он сказал: «Что Майкл должен понять, так это то, что он ниггер. Неважно, насколько хорошо он умеет петь или танцевать. Все равно, как бы он ни гарцевал. Он — мировая мегазвезда, но все равно он останется ме-газвездой-ниггером. Он должен признать этот факт. Не только понять это, он должен признать и принять это и продемонстрировать, что он хочет быть ниггером. Зачем? Чтобы показать, что ниггер способен на это».

Дон Кинг стал для Майкла Джексона худшим из кошмаров. Майкл пожертвовал все доходы от тура Victory — почти 5 млн долларов — Фонду Мартелла по исследованиям в области онкологии, Единому Фонду негритянских колледжей и Лагерям летнего отдыха Рональда Макдональда. Европейские гастроли Джексонов не состоялись. Когда Майкл писал о туре Victory в своей автобиографии, он не упомянул о Доне Кинге, Джозефе и Кэтрин, Чаке Салливане и других главных действующих лицах по ту сторону кулис.

О своих братьях Майкл писал ностальгически-слащаво: «Это было прекрасное чувство — играть снова с моими братьями. Мы снова были все вместе. Я наслаждался гастролями».

Вот что он поверил бумаге, но, вполне очевидно, на душе у него было иное. Хотел или не хотел он признать это публично, настоящей победой для Майкла стало то, что Джексоны прекратили свое существование как действующая группа.

Их будущее в качестве семьи тоже не обещало ничего хорошего.

Глава 24

Пока в 1984 году Майкл и его братья были на гастролях, нома назревали серьезные проблемы, которые нельзя было игнорировать. У Джекки, которому было 33 года, продолжался роман с подающей большие надежды танцовщицей и хореографом Паолой Абдул. Она была на 12 лет моложе. Джекки пригласил ее в качестве хореографа клипа Джексонов Torture, и котором Майкл не принимал участия. (Впоследствии Паола стала хореографом великолепных, получивших награды, дебютных клипов Джанет на основе ее альбома Control и сама стала звездой.)

Майкл осуждал увлечение брата, будучи ярым противником супружеской неверности. Однажды он увидел знакомого, рассматривающего фотографии в порномагазине, и пригро-шл рассказать об этом его жене. Даже это он считал предосудительным.

Майкл всегда относился к жене Джекки Энид с особой симпатией. Он восхищался ее честностью. «Ты всегда можешь доверять Энид, — говорил он. — Она не из тех людей, что говорят одно, а делают другое. Она никогда не лжет. Я люблю ее за это».

Когда Майкл и Джанет были подростками, Джекки и Энид жили в шести кварталах от Энсино. Брат и сестра приезжали к ним на велосипедах справлять Рождество, потому что дома этот праздник не отмечали.

Теперь Майкл мог лишиться невестки из-за романа Джекки.

«Если у Джекки и были романы до Паолы, я о них ничего не знала, — рассказывала Энид. — У нас многие годы был абонемент на игры баскетбольной команды «Лэйкерс», а она была девушкой из их «группы поддержки». Помню, как они познакомились во время матча. Она тогда была этаким пупсиком и попросила у него автограф. Я не обратила на это внимание. Потом она с двумя подружками стала приезжать к нашему дому, ждать. Скоро они начали встречаться с Джекки, хотя она знала, что у него жена».

«У нас с Джекки ничего не было. Мы были просто друзьями», — заявила как-то Паола журналистам.

«Точно я узнала про их роман, когда она позвонила мне и сама призналась в этом, — вспоминала Энид. — Я никогда не разговаривала с ней до этого, но однажды я подошла к телефону, звонила Паола. Она сказала, что говорит из больницы, ей только что сделали аборт. По ее словам, это был ребенок Джекки. Он сказал, что ничего про это не знает. С одной стороны, надо

доверять мужу, особенно если он занимается шоу-бизнесом. Или вы верите любой девице, позвонившей вам и рассказавшей историю про аборт, или вы верите вашему мужу. Тогда я поверила мужу. Но потом стали происходить странные вещи, Джекки говорил мне, что поехал на студию, а потом звонила Паола и сообщала, что он едет домой от нее. И тут же появлялся муж. Сначала вы не хотите в это верить. Какая жена захочет? Я не знала, кому верить, потому что иногда она звонила мне и начинала молоть всякую чепуху. Я передаю трубку Джекки, и он говорит ей: «Что тебе от меня нужно? Зачем ты пытаешься разрушить мою семью? Я люблю мою жену».

Как-то вечером Энид готовила обед на кухне, муж поцеловал ее и сказал, что едет на студию. Она почувствовала, что не на студию. Села в машину и поехала к Паоле. Там никого не было. Но на углу кучка ребят распевала хит «Пятерки Джексонов». Это был нехороший знак. «Я подумала: «С чего бы им распевать эту песню, если Джекки не здесь?» Энид стала объезжать окрестности и нашла их в открытом кинотеатре. Джекки с Паолой были на заднем сиденье семейного «Rang Rower». Так она в первый раз увидела их вместе. И потребовала объяснений. Джекки, явно перепуганный, молчал. Молчала и Паола, невинными глазами глядя на нее. Энид настаивала на объяснениях. Внезапно Паола перешла в контратаку:

— Что значит — что мы здесь делаем? Ты женщина. Как ты думаешь, что мы здесь делаем? Он не был бы со мной, если бы ты...

Энид, вне себя от ярости, за руку вытащила ее из машины, не дав ей закончить фразу. Паола упала.

— Стой, Энид, остановись, — сказал Джекки, поспешив на помощь Паоле.

— Знаешь что? — ответила ему Энид, разрыдавшись. — Ты добился своего, дорогой. Можешь делать с ней, что хочешь. Можешь даже не возвращаться домой.

Энид бросилась к своей машине и уехала. Джекки с Паолой — за ней. Паола сидела в машине, Джекки поехал домой просить у Энид прощения. Он упрекал ее в том, что она за ним следила. «Как будто в этом было дело. Он сказал мне, что я — ведьма, — добавила она со смехом, — хотя это была обыкновенная женская интуиция. Я знала своего мужа».

Джекки отвез Паолу домой и сказал ей, что любит свою жену и не может больше встречаться с ней. Еще пока он был у нее, Паола позвонила Энид и, рыдая, призналась, что влюблена в ее мужа и не хочет отпускать его от себя.

— Передай ему, пусть остается у тебя, — сказала ей Энид. —

Я не могу больше этого выносить.

«На следующий день все говорили мне, что я избила Паолу Абдул, — отмечала Энид. — Я так хотела бы на самом деле сделать это. Я любила своего мужа. Представляла себе, как я избиваю ту, с кем я его застала, и ведь я была очень близка к этому, но не сделала. Когда Паола рассказывала всем, как я ее избила, я думала только: «Послушайте, если бы я действительно избила ее, она бы сейчас не могла говорить об этом».

«Как мог Джекки поступить так с Энид? — допытывался Майкл. — Это лишено смысла. Они женаты много лет».

Кэтрин напомнила сыну, что этот роман — не его дело.

«Это семейное дело, — сказал Майкл. — И дело всей пашей группы. Ничего хорошего из этого не получится. Это ужасно. Энид этого не заслужила».

Как бы то ни было, семейные проблемы Джекки только подтверждали убеждение Майкла в том, что романы опасны. Он считал, что Паоле Абдул его брат нужен для продвижения в шоу-бизнесе, а Джекки она нужна, чтобы потешить себя. Майкл и не думал, что они любят друг друга, что они делали, было, как он сказал, «изначально неправильно».

«Паола действительно любила Джекки, — сказала ее подруга. — Чувство, связывавшее их, было настоящим и сильным. Паола была молода и неопытна. Она влюбилась в него сильно и бесповоротно. И, конечно, Джекки отвечал ей взаимностью».

Майкл Джексон жил в мире, где мужчины никогда не несли ответственности за измену. Скорее женщинам приходилось из-за этого выяснять между собой отношения. Когда у матери Майкла возникли проблемы из-за романа Джозефа с Джиной Спраг, она обратила свой гнев против нее, а не против мужа. И когда Энид не могла больше терпеть поведение Джекки, она выступила против Паолы. Еще ребенком Майкл видел, как Джекки и Джермен беззастенчиво бывают близки с женщинами и не несут за это никакой ответственности. Он по-прежнему был предан Свидетелем Иеговы, и, с его точки зрения, все это было предосудительно, всегда разбивало чье-то сердце.

И поэтому в свои 26 лет Майкл боялся влюбиться или вступить в сексуальные отношения еще больше, чем в юношестве.

Фотограф Франческо Скавулло вспоминал: «Однажды Майкл спросил меня: «Как ты ведешь себя, когда влюбляешься? Ты не боишься, что она с тобой только из-за того, что ты можешь для нее что-то сделать?» Я ответил: «Майкл, ты не сможешь прожить всю жизнь так. Ты должен попробовать и проверить это».

Но Майкл не хотел пробовать: «Я боюсь из-за того, что я видел. Мужчины в моей семье не умеют обращаться с

женщинами. Я не хочу стать таким, как мои братья».

В своем заявлении о разводе, поданном в суд, Энид потребовала часть доходов Джекки от гастролей Victory. Его месячный доход составлял, по ее словам, 250 тыс. долларов. Детальное перечисление ее ежемесячных расходов приоткрывает завесу над тем, почему братьям Джексонам никогда не хватало денег. Адвокат Энид утверждал, что каждый месяц его клиентка тратила в среднем 5 700 долларов — на дом, 3 тыс. — на одежду, 1,5 тыс. — на развлечения, 2 тыс, — на еду, 1,5 тыс. — на подарки, 1000 — на обстановку дома, Ю00 — на поездки, 500 — на макияж, 300 — на цветы, 500 — на прокат лимузинов, 200 — на уход за своими мехами и 200 — на домашних животных.

Джекки решил, что примирение с женой обойдется дешевле развода. Он и Энид решили попробовать еще раз, Пао-ла Абдул до поры до времени оставалась в тени.

Тем временем самая младшая сестра — Джанет, которой 16 мая 1984 г. исполнилось 18, сбежала из дома, влюбившись в певца Джеймса ДеБаржа. Она знала его с 10 лет. Однако родители не одобряли их знакомство, потому что Джеймс, член вокальной группы, был самоуверен и непредсказуем. Они были убеждены, что он — не пара для девочки невинной и неопытной (хотя Джеймс позже настаивал, что они с Джанет в первый раз занимались любовью, когда ей было 15 и, добавил он, «по-настоящему»). Узнав о том, что ДеБарж употребляет наркотики, дома решили, что роман между ними должен пить прекращен. Однако Джанет была влюблена и решила ни йти замуж вопреки — а может быть, и благодаря — запрету родителей. Она знала о проблеме Джеймса с наркотиками, но не хотела из-за этого отступать. «Всегда надеешься, что сможешь изменить человека, — рассказывала она спустя годы. — А я знала, что он очень хочет измениться. Он пытался измениться, но не имел достаточно упорства».

Джанет позвонила ЛаТойе и сообщила о своем побеге. ЛаТойа сообщила отцу и матери. Потом всем братьям, кроме Майкла. Они были в отчаянии, особенно Джермен. «Он мог убить ее, доберись до нее», — вспоминала ЛаТойа.

Никто в семье не знал, как сообщить эту новость Майклу. Никто не хотел сделать это первым. Он всегда очень заботился о Джанет, говорил, что в семье она ему лучший друг, «как близняшка». Наконец кто-то, кажется, дочь Куинси Джонса, сказала Майклу об этом.

«Это убило меня», — признался он.

Они поженились 7 сентября 1984 г. в Гранд Рэпидс, родном городе ДеБаржа. Месяц жили в Энсино с семьей Джанет. Джеймсу

это было не по душе. Он считал, что им нужно пожить одним, чтобы иметь возможность созреть в своем браке. Но его жена не хотела покидать родной дом. Она была как маленькая девочка, которая не хочет выходить из своей спальни, говорил Джеймс. Их жизнь в Энсино превратилась в кошмар, как для Джеймса, так и для Джозефа.

«Парень приходил домой сам не свой от наркотиков, — вспоминал Стив Ховелл. — Он был настолько одурманен кокаином и алкоголем, что дважды охранники пытались не пустить его в дом. «Если ты войдешь в дом, мистер Джексон убьет тебя», — говорили они ему. Но он был очень воинственным, и ему было все равно. Самое смешное, что трезвый он был милейшим парнем». Кэтрин пыталась помочь ему. Она предложила, чтобы Джеймс прошел курс реабилитации. Он отказался. Примерно через месяц Джеймс и Джанет покинули Энсино.

«Они уехали, потому что Джозеф был готов убить парня, — уверял Ховелл. — Я говорю это совершенно серьезно».

Джанет не хотела иметь ничего общего со своей семьей, если та не принимала ее мужа. На самом деле она стала отдаляться от них уже пару лет назад, начав сниматься в телешоу Fame.

«Мои родители были чересчур строги, когда я росла, — вспоминала Джанет. — Была только наша музыка и работа. Нам было скучно в детстве, хотелось знать, что происходит там, в мире. Это очень плохо, потому что, когда вы в первый раз вырываетесь туда, это вас сразу засасывает. Я узнала множество вещей, о которых никогда не подозревала».

Джанет была несчастна в браке. Она проводила ночи напролет в тревоге за мужа, которого никогда не было дома. «Господи, — думала я, — где он? Что будет? Думала, что я — единственная, кого это беспокоит, и не могла этого больше выносить».

Кто-нибудь из друзей Джеймса звонил ей ночью и говорил, где он. Она вскакивала и ехала в глубь темного гетто искать его. Она знала гетто, наверное, лучше любого из Джексонов. Она любила Джеймса и была готова на все ради него. Вся семья была против этого брака, все близкие по очереди пытались убедить ее в необходимости развода. В конце концов Майкл уговорил ее положить этому конец. Все проблемы, мучившие Джеймса и Джанет, противоречили личным и религиозным убеждениям Майкла. Кроме того, он видел, что этот брак сделал с его сестрой. «Господи, мне казалось, что рушится вся моя жизнь, я видела, что он опускается все ниже, но ничего не могла поделать, — вспоминала Джанет. — Он сказал мне: «Ты не попыталась мне помочь», а я подумала: «Как насчет того, чтобы помогать себе

самому тоже?» Я чувствовала, как тоже опускаюсь с этим человеком, и решила: или я пойду на дно вместе с ним и моя жизнь кончится, или надо решиться и жить самостоятельно».

Стресс привел к нервному срыву. Однажды она упала в обморок, ее пришлось госпитализировать. Это было истощение физическое и эмоциональное.

Она ушла от мужа 7 января 1985 г. и сразу подала заявление о разводе и восстановлении ее девичьей фамилии — Джанет Дамета Джексон. В заявлении указала свой месячный доход — 3000 долларов, мизерные деньги по сравнению с теми миллионами, которыми она владеет сейчас. Она сообщила, что размер доходов ее мужа ей не известен. Официально они были разведены в ноябре.

«Если бы не семья Джанет, мы были бы до сих пор женаты, — сказал Джеймс в марте 1990 г. — Но я до сих пор люблю ее».

Много лет после развода Джанет приходилось бороться со слухами о том, что у нее с Джеймсом был ребенок и он тайно воспитывается в Европе. Из-за стресса она сильно прибавила в весе и действительно выглядела, как беременная.

«Неужели я так поправилась? — спрашивала она репортера. — Но беременность тут ни при чем». Джеймс ДеБарж заявил, что Джанет была беременна еще до их свадьбы, но сделала аборт.

Обитатели Хэйвенхерста переживали непростые времена, учитывая дополнительные огорчения, вызванные замужеством Джанет. Для Майкла это было крайне беспокойное время. Еще во время гастролей с братьями он начал снимать в свободное время небольшой эпизод для диснеевского фильма Captain EO. Во время съемок он придерживался довольно странной тактики. Не работал по понедельникам. Для Майкла, как и для множества других людей, понедельник — худший и самый тяжелый день недели, и если только он не в поездке и лишен выбора, предпочитает начинать рабочую неделю со вторника. Кроме того, требовал, чтобы во время репетиций все шторы в студии были плотно задернуты и свет выключен. На сцене царил полумрак, тем не менее Майкл всегда был в очках, снимал их только на время съемки. Музыка должна была быть включена на максимальную громкость. Всем приходилось затыкать уши ватой.

Во время репетиции он любил неожиданно исчезнуть, вызывая жуткий переполох, когда для съемок требовалось его присутствие. Спрятавшись, наблюдал за тем, как все мечутся, разыскивая его. Потом появлялся, словно ниоткуда, и говорил: «Вот он я. Я все время был здесь». Его поведение было очень странным, будто он играл с людьми в прятки.

Единственным человеком, навещавшим 26-летнего Майкла во

время этих съемок, была Элизабет Тэйлор, которой было 52. Они безумствовали, развлекая себя настоящими гастрономическими дуэлями. Повар Майкла — сикх — каждый вечер не успевал готовить их любимые кушанья. Эти два вегетарианца за неделю нанесли его продуктовым запасам урон на 3 тыс. долларов.

Помимо Тэйлор, Майкл проводил много времени с 15-летним Джонатаном Спенсом. Он был единственным человеком, кроме Лиз, которого свободно пропускали к нему. Он вытирал Майклу пот со лба, они часто возились и обнимали друг друга. Но в этих играх не было ничего сексуального, хотя определенно это была близкая дружба.

Иногда Майкл испытывал необходимость вырваться отсюда. В таких случаях он обычно отправлялся в Диснейленд, «мое любимое место на земле».

Стив Ховелл вспоминал ночь, проведенную с Майклом в отеле Диснейленда. Майкл пригласил его туда, чтобы просмотреть материал, отснятый оператором ранее. «Когда пришло время ужинать, я решил, что надо уважать вегетарианство Майкла, и заказал в номер сэндвич с индейкой вместо гамбургера, который мне действительно хотелось. Майкл не любил говорить людям, что им есть, но еще больше не мог терпеть этого. «Индейка — это так же плохо, как и гамбургер. Попробуй великолепный салат!»

Майкл везде возил с собой двух поваров сикхов в белых тюрбанах, которые готовили для него еду, и телохранителя Билла Брэя. Брэй после ужина отправился спать. Майкл в персиковой шелковой пижаме и белых носках и я провели вечер на полу, как дети, смотрели по ТВ передачу «Три Клоуна», разговаривали и жевали поп-корн до поздней ночи. Майкл чувствовал себя более комфортно, когда был не у себя в поместье», — вспоминал Стив.

— Ты встречаешься с кем-нибудь? — спросил Ховелл у Майкла. — Не подумываешь жениться?

Майкл секунду подумал и ответил:

— Я жду. Жду подходящего момента. Я имею в виду, что я — Майкл Джексон, и у меня этот, э-э, имидж.

— Что ты имеешь в виду? — выпытывал Ховелл.

— Я хочу, чтобы девушка вышла замуж не за мой имидж, а за меня. Я боюсь, что мной воспользуются.

Ховелл вспоминал:

— Он говорил, что у него в жизни будет два особых события. Один — его женитьба, а второй — смерть. Лично я думаю, что он умрет раньше, чем женится.

Брак Джанет, подобно бракам ее родителей и старших братьев, был полон взаимных распрей. Трудно себе представить,

чтобы Майкл воспринимал брак с положительной стороны, видя перед собой столь несчастливые его примеры. Он смолоду научился быть крайне осторожным, если речь шла о вовлечении его в отношения, которые могли стать серьезными. По мере того, как он становился все более знаменитым, циркулировало все больше слухов по поводу его сексуальной ориентации, несмотря на его «роман» с Брук Шилдс. Майкл всегда крайне остро реагировал на это.

К сентябрю 1984 г. по-прежнему не было ответа на вопрос: он гомосексуалист? Или традиционной ориентации? Для людей, считавших, что они хорошо знают Майкла и его религиозные убеждения, ответ был ясен. Свидетели Иеговы, подобно другим христианам-фундаменталистам, запрещают все виды секса вне брака, в том числе гомосексуализм. Как писала Барбара Гризутти в своей книге о иеговистах Visions of Glory, «вам не обязательно вступать в гомосексуальную связь, чтобы быть гомосексуалистом. Если у вас бывают гомосексуальные фантазии, вы — гомосексуалист в душе, а бог видит вашу душу».

Майкл был преданным иеговистом, считавшим секс злом, и потому это крайне сомнительно, что у него были сексуальные отношения с кем-либо, мужчиной или женщиной. В свои 26 лет он был девственником. «Помню, как за ним увивалась Татум О'Нил, и, когда мальчики были в Вегасе в 1975 г., Морин Маккормик вечно находилась в его уборной, — вспоминала Сузи Джексон. — Если у него и были какие-нибудь отношения, то это могло быть с Морин, потому что, казалось, они близки, и его братья посоветовали бы ему заняться сексом с ней. Но я очень сомневаюсь в этом. Майкл испытывал отвращение к сексу. Помимо религиозных убеждений, он был против секса, поскольку видел, что делали его братья и отец».

Непросто быть 26-летним девственником, исповедующим подавляющую все сексуальное религию, и одновременно быть молодежным поп-идолом. Особенно если учесть, что шоу-бизнес требует, чтобы мужчина-знаменитость был обязательно «романтически влюблен» в женщину.

Пока Майкл ждал свою «единственную и неповторимую», языки продолжали молоть. Он особенно расстроился, когда лидер Black Muslim Луис Фаррахан обрушился на него через прессу. Фаррахан призвал чернокожую молодежь отречься от Майкла Джексона: «Его женственное поведение, вид изнеженного маменькиного сынка — все это неприемлемо ни для наших ребят, ни для наших девочек. Конечно, он — замечательный певец, всесильный шоумен. Мы не можем и никогда не станем отнимать должное у нашего брата». Он подчеркивал, что Майкл Джексон

подавал плохой пример черной молодежи, потому что его стиль жизни и поведения «действительно разрушает наших ребят и не дает нашим девушкам настоящего примера мужчины, с которым они могли бы связать свою жизнь». «Это позор. Хотя, конечно, люди, подобные ему, доживают до глубокой старости, потому что они никому не угрожают».

«Кто он такой? — спрашивал Майкл. — Кто такой этот парень? Почему он говорит про меня такие вещи? Я думаю, надо подать на него в суд или придумать еще что-нибудь».

Фрэнк Дилео убедил его, что судебный процесс ни к чему не приведет. Майкл хотел опубликовать опровержение в виде пресс-релиза, но решил лучше дать словам Фаррахана более широкое освещение.

В течение многих лет циркулировал слух, что Джозеф приказал вкалывать своему сыну с детства женские гормоны, чтобы его голос не «ломался», а был по-прежнему высоким и «коммерческим».

«Это неправда, — заявил наставник Майкла по вокалу Сет Риггс. — Я — его учитель, и я знал бы об этом. Он начинал петь высоким голосом, я поставил ему голос еще выше. Это смешно, и я даже не знаю, возможно ли это вообще — принимать женские гормоны, чтобы голос не менялся».

«Правда в том, что у него генетически высокий голос, — настаивала Кэтрин. — Как у Джекки, моего отца и у отца моего мужа».

В перерыве между занятиями Сет Риггс как-то сказал Майклу: «Ты знаешь, все думают, что ты — голубой».

Майкл кивнул и рассказал ему следующую историю.

Высокий красивый блондин как-то подошел к нему и сказал:

— О, Майкл, я думаю, что ты прекрасен. Я с удовольствием переспал бы с тобой.

Майкл посмотрел на него и спросил:

— Когда ты в последний раз читал Библию? Блондин молчал.

— Ты знаешь, тебе стоит ее почитать, потому что в ней содержится правдивая информация по поводу гомосексуализма.

Парень оценивающе посмотрел на Майкла и сказал саркастически:

— Конечно, если бы я был девицей, тогда — другое дело. Тогда бы ты переспал со мной.

— Нет, не переспал бы. В Библии есть конкретные слова по этому поводу тоже, — сказал Майкл.

По-прежнему в прессе появлялись противоречивые репортажи о Майкле. Например, журналистка Денис Уоррел писала статью

для журнала Time. Она хотела взять у Майкла интервью, но безуспешно. Вместо этого ей пришлось говорить с его родителями. Не поставив в известность Майкла, Джозеф решил устроить ей экскурсию по дому. Он постучал в дверь его спальни. Никто не ответил. «Майкл, я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился, — сказал отец, открывая дверь. — Можно пригласить ее в твою комнату?»

Уоррел писала, что в спальне было темно. Майкл и его знакомый примерно 20 лет сидели на стульях и смотрели ТВ. Только свет от экрана освещал спальню. Она заметила очертания манекенов вдоль стены.

Майкл, казалось, испугался появления отца с журналисткой. Он нервно представил своего друга, назвав только имя. Потом пожал журналистке руку (она назвала его рукопожатие «воздушным», он едва с ней поздоровался). Его приятель нервно протянул руку. Денис Уоррел написала, что она была «влажной».

Майкл мгновение смотрел на гостью, потом отвернулся, продолжив смотреть ТВ. Когда они вышли из комнаты Майкла, у Джозефа был вид человека, только что открывшего ящик Пандоры. «У Майкла друг в гостях. Он не будет давать сейчас интервью. Но вы его повидали».

Когда Денис Уоррел вышла из дома, ее бегом догнал охранник. Родители Майкла хотели переговорить с ней. Видимо, Джозеф рассказал Кэтрин о сцене в спальне сына.

«Мы надеемся, что в своем репортаже вы будете правдивы и поставите заслон слухам, — сказала Кэтрин. — Говорят, будто Майкл — гей. Он не гей. Это против его веры. Это противно Богу. Библия против этого».

Последнее слово осталось за Джозефом: «Майкл не гей», —- повторил он.

Майкл мог и не быть геем, но он тяготел к стилю жизни, почти такому же. Один из его друзей вспоминал случай, когда он и Майкл посетили гей-бар на бульваре Санта-Моника в Голливуде. «Майкл записывался на студии, находящейся напротив гей-бара в «голубом» квартале Голливуда. Я предложил ему выпить в этом баре. Он сказал, что не пьет, но мог бы выпить апельсиновый сок. Я предупредил его: «Ты знаешь, это гей-бар». — Правда? — спросил он. — Никогда не был в гей-баре. Что там происходит?»

Я сказал ему, чтобы он пошел и посмотрел сам. Он колебался: «Ты знаешь, я всегда хотел посмотреть. О'кей, пойдем».

Мы зашли в бар. «Почему здесь так темно?» — допытывался Майкл. У меня было впечатление, что он никогда не был вообще в

баре, не говоря о таких. Там было несколько парней, но было еще рано, и их было немного. Майкл глубоко вдохнул, подошел к бармену и заказал апельсиновый сок. Бармен спросил: «Вы не Майкл Джексон?» — «Нет! Просто похож, понимаете?» Он повернулся ко мне и подмигнул. Мы уселись в угол и рассматривали парней. Некоторые узнали, но не трогати его. Никто к нему не подошел.

«Это все, чем они здесь занимаются? — спросил меня Майкл. — Они просто пьют, разговаривают и смотрят видео?» Я спросил его, чем, по его мнению, люди занимаются в барах. Пока мы там сидели, вошли двое и немедленно начали целоваться. Майкл смотрел, как они обнимаются, я чувствовал, что он закипает: «О'кей, я видел достаточно. Пойдем». Мы встали и ушли. По пути Майкл сказал мне: «Я не могу поверить, что эти двое целовали друг друга. Как они могли делать это?» — «Может быть, они нравятся друг другу», — ответил я.

«Ну, если это то, чем они занимаются в гей-барах, не думаю, что я пойду еще раз хоть в один», — решил Майкл».

Тот же друг вспоминал другой раз, как они с Майклом зашли в порноотдел одного из магазинов в Голливуде. В конце зала, за еще одной дверью, желающий мог найти все виды гомосексуальной литературы и фотографий.

— Ну и что там, сзади? — поинтересовался Майкл, как только они вошли внутрь.

— Ты не захочешь об этом знать, — ответил его друг.

— Нет, хочу! — настаивал Майкл и смело вошел туда, где, наверное, не был ни один из Джексонов.

Через 30 секунд он выбежал оттуда, потрясенный, словно увидел привидение.

— Надо уходить, — сказал он нервно.

— Почему?

— Ты не захочешь об этом знать, — ответил Майкл. И они ушли.

«Он не гей. Совершенно уверен в этом, — говорил его кузен Тим Уайтхед, сопровождавший Майкла в гастролях. — Много раз симпатичные девушки проходили рядом, и Майкл спрашивал меня шепотом: «Как тебе она? В ней что-то есть, да?» Его братья более откровенны, общаясь с женщинами, но Майкл более честен. Он — джентльмен. Я знаю, что Майкл интересовался женщиной, знаменитой женщиной, которая тогда была замужем. Я обещал ему никогда не называть ее имени. Конечно, он не ухаживал за ней из-за того, как он относится к браку».

«Однажды он прямо спросил меня, снимал ли я когда-нибудь порнографию, — вспоминает Ховелл. — Я ответил ему, что не

снимал. «Ты уверен?» — настаивал он. Майкл был разочарован. Тогда он начал расспрашивать меня про мою девушку. Как это — жить с девушкой? Он очень интересовался романами других людей. Майкл говорил мне, что ему нравятся женщины азиатского и индейского типа. Ему нравится их кожа, ее оттенок. Но я никогда не видел его с такими женщинами и вообще с женщинами, не считая Брук (Шилдс)».

Майкл интересовался всеми стилями жизни — и традиционным, и гомосексуальным. Одна из причин этого — он чувствовал, как что-то важное и особенное проходит мимо него. Чем загадочнее был для всех Майкл Джексон, тем больше люди обсуждали его и шутили по поводу него. Стив Ховелл спросил Майкла о комедийном скетче, показанном по ТВ, в котором Эдди Мерфи изображал очень женственного Майкла Джексона.

— Как ты относишься к этому, Майк? Этот парень высмеял тебя. Он мог с таким же успехом выйти и сказать, что ты — голубой.

Майкл улыбнулся.

— Я не обращаю на это внимания, — спокойно ответил он. — Чем больше они высмеивают меня, тем больше люди будут интересоваться, кто я на самом деле. Я не обращаю внимания, когда люди называют меня голубым. Никто не знает правды. Никто не знает, кто или что я.

— Тебе все равно, что люди говорят про тебя?

— Они могут говорить все, что угодно, потому под их словами будет жирно написано, что они ничего не знают, и все будут продолжать допытываться, голубой я, зеленый или какой-нибудь еще. Это не трогает меня. И чем больше они будут допытываться, тем более знаменитым я буду.

Может быть, Майкл и думал так иногда, но в интервью журналу Rolling Stone он сказал, что живет всю свою жизнь с крайней осмотрительностью, осторожностью, как «человек, страдающий гемофилией, которому ни в коем случае нельзя оцарапаться».

В августе 1984 г. в «желтой» прессе появилась информация о том, что у Майкла якобы роман с британской поп-звездой Бой Джорджем. Это было неправдой. Майкл разозлился. По какой-то причине эти слухи стали для него последней каплей. Он позвонил журналисту Норману Винтеру и сказал, что хочет дать пресс-конференцию, чтобы публично опровергнуть это. Норман считал это не лучшей идеей. «Зачем придавать слухам видимость достоверности? Может быть, они скоро прекратятся». —Нет, становится все хуже и хуже. Я должен сделать что-нибудь».

5 сентября 1984 года в Голливуде состоялась пресс-

конференция. Майкл решил не появляться на ней, он слишком стеснялся выйти к репортерам и говорить о чем-то очень личном. В тексте, розданном журналистам, говорилось: «Хотя мистера Джексона предупреждали о потенциальном риске такой реакции на беспочвенные слухи, он делает это мужественное заявление, основываясь на твердых убеждениях. В первую очередь он заботится о чувствах своих поклонников, большая часть которых — дети, которые очень впечатлительны, и поэтому восприимчивы к таким слухам.

Опровергая во всеуслышание ложные инсинуации, он выступил с резким предупреждением, что проинструктировал своего адвоката Джона Бранка из адвокатской фирмы «Циф-френ, Бриттенхаум и Гуллен» начинать судебное преследование по всей строгости закона и последовательно преследовать всех виновных в этом».

После того как журналисты ознакомились с сообщением, Фрэнк Дилео — в темных очках и с сигарой во рту — объявил, что уполномочен прочесть заявление на 2 страницах Майкла Джексона, «который, как вы все знаете, достиг вершины успеха в своей области».

В заявлении говорилось:

«Уже некоторое время к этому моменту я спрашивал у своей совести, должен или не должен я публично реагировать па множество измышлений, распространяемых обо мне. Я решил выступить с этим заявлением, борясь с несправедливостью этих инсинуаций и той сильнейшей душевной травмой, которую переживают люди, считающие себя близкими мне по духу.

Я очень счастлив быть отмеченным признанием моих заслуг. Это признание влечет за собой ответственность перед поклонниками во всем мире. Шоумен всегда должен быть дилером, подающим положительный пример молодым людям. Мне грустно от мысли, что многие люди могли оказаться под тействием шквала этих ложных домыслов.

Я прекращаю обсуждать это и имею в виду положить конец следующим слухам:

НЕТ! Я никогда не принимал гормоны для постановки голоса.

НЕТ! Я никогда не пытался переделать мои скулы. НЕТ! Я никогда не делал косметических операций на глазах.

ДА! Когда-нибудь в будущем я собираюсь жениться и обзавестись семьей. Все уверения в противном являются чистым вымыслом.

Как я всегда говорил, я люблю детей. Мы все знаем, что дети очень впечатлительны и поэтому восприимчивы к таким слухам. Я не сомневаюсь, что некоторые из них уже были травмированы

этой ужасной клеветой. Они восхищаются мной, и я хочу сохранить их уважение».

* * *

Прочитав это заявление, Дилео отказался отвечать на вопросы и отошел от микрофона. Он удалился в операторскую, оставив за собой толпу ревущих от разочарования репортеров.

«Фрэнк! Фрэнк! Подождите! — кричали они в исступлении. — Почему Майкл не появился сам? Что происходит, на самом деле?»

Когда Дилео отказался вернуться, они всей толпой набросились на Нормана Винтера. Он сказал, что Майкл расстроен повторяющимися в «желтой» прессе измышлениями о его мнимой гомосексуальности. «Это полнейшая чепуха. Слухи об этом абсолютно смехотворны. Если маленькие девочки мечтают вырасти и выйти замуж за Майкла, значит, они знают, что у них есть такой шанс».

Ни одна знаменитость никогда столь пространно не провозглашала традиционность своей сексуальной ориентации. Но Майкл не нашел в себе мужества прийти и лично заявить об этом, что не придало достоверности его декларации «мужественности». К тому же его заявление изобиловало полуправдами. Может, он не делал «пластику» глаз, как он уверял, но он точно делал «пластику» носа три раза. Как мог Майкл опровергать слухи, касающиеся пластической хирургии, не сказав всю правду об операциях по изменению формы носа? Из-за этого очевидного для всех умолчания все были заинтригованы, о чем еще не сказал Майкл. В конце концов эта пресс-конференция бумерангом ударила по самому Джексону; она вызвала больше вопросов, чем дала ответов.

После этого юмористка Джоан Риверс прибавила к своим шуткам о Джексоне еще несколько. В одной из них говорилось, что Майкл настолько голубой, что по сравнению с ним Бой Джордж похож на «зеленого берета». Конечно, она высмеивала не только его. Она также шутила, что у Барри Манилоу такой большой нос, что им можно закрыть Перу. Что у Мика Джаггера губы «могут рожать детей». А принц Чарлз? «Принц Чарлз — настоящий гей, — шутила она. — Он не может дождаться смерти королевы-матери, чтобы самому быть королевой».

Хотя Джоан Риверс всегда наиболее удачно шутила о знаменитостях, Майкл, казалось, стоял в ее шутках особняком. Он воспринимал ее шутки гораздо болезненнее, чем пародию Эдди Мерфи. Он специально просил своих братьев выведывать, какие шутки рассказывает о нем Риверс. Братья отправляли своих друзей на ее представления. Когда они передавали через братьев ее шутки Майклу, он впадал в ярость.

Майкл напечатал от чужого лица, через своих знакомых, заглавную статью в сентябрьском, 1984 г., выпуске National Enquirer, в которой говорилось, что он серьезно думает начать судебное преследование Риверс. «Майкл Джексон собирается подать в суд на Джоан Риверс, потому что она отпускает соленые шутки по поводу того, что он якобы голубой», -начиналась статья. Это был первый из нескольких случаев, когда Майкл использовал Enquirer для озвучивания нужной ему информации. Он действительно рассматривал возможность подать в суд на Риверс, несмотря на то, что его советники говорили, что подобные действия только сфокусируют еще больше внимания на этом вопросе. Но он надеялся, что ла статья даст ей понять, что он хочет прекращения ее шуток.

Джоан Риверс знает, что делает, и ее не так просто запугать. Однако она разумный и понимающий других человек, и известны случаи, когда она прекращала вышучивать знаменитостей, когда узнавала, что они оскорблены ее шутками. Со временем она перестала насмехаться над Джексоном. Но он по-прежнему злился на нее.

«Как она могла говорить такие вещи обо мне? — жаловался он. - Особенно после того, что я только что провел пресс-конференцию и заявил, что я не гей. Она что, не слышала про пресс-конференцию? Что с ней?» - «Послушай, не стоит винить за это Джоан Риверс, Майкл, - сказал ему один из близких к нему людей. - Может, тебе стоило показаться па этой проклятой пресс-конференции. Может быть, тогда поди поверили бы тебе. Что скажешь?» Майкл не нашелся, что ответить на это.

Глава 25

В то время, как Майкл Джексон в 1984 году участвовал в гастрольном турне Victory, с первых полос газет не сходило сенсационное сообщение о приобретении им фирмы звукозаписи ATV Music Publishing Company за ошеломляющую сумму _47,5 миллиона долларов. Эта покупка, по всеобщему мнению, самая крупная в истории звукозаписи, стала результатом напряженных десятимесячных переговоров. Начало этому было положено несколькими годами ранее, когда Майкл находился в Лондоне на записи суперхита Say, Say, Say с Полом Маккартни на студии Abbey Road Studios. Майкл подружился с Полом и Линдой Маккартни; часто обедал у них в доме в пригороде Лондона. Однажды после обеда Пол показал Майклу большой каталог песен, правами на которые он обладал, среди них было большинство песен Бадди Холли и хиты вроде Stormy Weather, Autumn Leaves, и Sentimental Journey.

«Вот то, на чем можно сделать хорошие деньги, — объяснил он Майклу. — Каждый раз, когда кто-либо записывает одну из этих песен, платят мне. Крутят эти песни по радио — снова платят мне». — «Ты меня разыгрываешь?» — спросил Майкл.

«С чего бы мне тебя разыгрывать?» — возразил Пол, он говорил вполне серьезно. Общеизвестно, что Маккартни зарабатывает 40 миллионов долларов в год на авторских отчислениях, выплачиваемых за исполнение песен и записи.

Майкл был заинтригован. У него были права на его песни — их приобретение стало одной из причин разрыва отношений Джексонов с Motown и Publishing House Берри Горди, — но он считал, что выпуск песен — волокита, связанная со сбором гонораров и лицензированием материала для СМИ. Пол объяснил, что выпуск песен может быть весьма прибыльным делом, во многом благодаря быстрорастущей популярности компакт-дисков, а также частому использованию популярных песен в рекламе, кино и телевидении. Композиторы часто теряют права на свои песни по той или иной причине: иногда чтобы на этом заработать — недальновидное решение, особенно если учесть, сколько денег сосредоточивается в наши дни в сфере звукозаписи, а часто теряют их просто по неведению, как в случае с Beatles, которые продавали права на песни направо и налево, будучи неопытными и не зная, что еще с ними можно делать.

Пол Маккартни и Джон Леннон еще в молодости продали права на свои песни издателю Дику Джеймсу. Он разбогател на песнях Beatles. Позже, в конце 60-х, в то время как они отдыхали в

Ришикеше с Махариши Махаш Йоги, Джеймс продал Northern Songs, компанию, продолжавшую владеть правами на песни Beatles, фирме звукозаписи Lew Grade's ATV Music, Limited, из-за проблем с налогообложением. Затем ATV купил австралийский бизнесмен из Bell Group Роберт Холмс а'Корт. Леннон, Маккартни и компания ATV получали прибыль от владения авторскими правами более чем на 250 песен, написанных в 1964 — 1971 годах, среди них Yesterday, Michelle, Help, и многие другие. ATV также принадлежали права на тысячи других композиций, включая песни «Pointer Sisters», Пата Бенатара и Литтл Ричарда.

В течение следующих двух часов Пол и Майкл обсуждали проблему индустрии звукозаписи, Майкл усваивал все ска-мнное. Однажды Пол пожалеет о той беседе. Когда Майкл сказал: «Когда-нибудь я куплю твои песни». Пол рассмеялся.

«Круто, — сказал он. — Хорошая шутка».

Но Майкл и не думал шутить. «Я дал ему массу советов, — скажет потом Пол. — И что же? Рыбка попалась, едва раскрыв свой рот».

После этой встречи Майкл и Пол формально оставались друзьями, но Майкл сохранял дистанцию. Он не хотел, чтобы Пол воспринимал его как нечто большее, чем просто приятель, возможно, потому, что в голове у него зародился некий план. «Майкл — парень, присваивающий чужие идеи, — считал Пол Маккартни. — Когда мы работали вместе, я даже не жал о его пластических операциях. У меня есть фотографии с ним в нашем доме, там он выглядит совсем по-другому. С тех пор он перенес много пластических операций на лице. А мне сказал, что собирается уйти в религию, —- и я поверил ему. Но когда он оттуда вернулся — у него был новый нос. Все дело в силе молитвы, я так думаю».

Вернувшись в Соединенные Штаты, Майкл в разговоре со своим юристом Джоном Бранка упомянул о каталоге песен Пола и добавил, что собирается купить некоторые авторские права, «как Пол». Чуть позже Бранка предоставил ему список песен, права на которые можно было приобрести. Первой покупкой был Sly Stone Catalogue, включающий всю поп-классику 70-х. Менее чем за миллион долларов Майкл приобрел еще несколько песен, включая два хита Диона, Лена Берри и группы Soul Survivors.

Следующие несколько месяцев Майкл был слишком занят турне Victory, чтобы сосредоточиваться на делах звукозаписи. Но в сентябре 1984 года, когда Джон Бранка прилетел в Филадельфию, чтобы встретиться с ним и Фрэнком Дилео и для решения одной из многочисленных проблем, касающихся этих гастролей, он случайно упомянул о возможности приобретения

одного из каталогов ATV. Майкл не очень представлял, что там за песни.

— Некоторые из них могут представлять для тебя интерес, — намекнул Бранка.

— Например? — поинтересовался Майкл.

— Northern Songs.

Майкл оживился:

— Я не ослышался?

— Нет, Майк, не ослышался, — сказал Бранка. Он больше не мог ни минуты скрывать своего восторга. — Мы говорим о Beatles.

Пол Маккартни попытался купить ATV в 1981 году. Он предложил Йоко Оно приобрести фирму звукозаписи за 20 миллионов долларов, с каждого по 10, но она посчитала, что это слишком дорого, и отказалась. Пол не хотел тратить 20 миллионов долларов, сделка не состоялась.

Майкл был очень рад, но Джон Бранка предупредил его, что за право обладания этими песнями развернется нешуточная финансовая война.

«Мне все равно, — ответил Майкл. — Я хочу иметь эти песни. И ты мне их достанешь во что бы то ни стало».

Бранка пообещал сделать все, что было в его силах. Он позвонил Джону Истману, адвокату и зятю Пола Маккартни, и поинтересовался, не собирается ли Пол приобрести каталог.

«Нет, — сказал Джон. — Слишком дорого».

Несколько дней спустя Джону Бранка позвонила Йоко Оно, и до нее дошли слухи, что Майкл Джексон заинтересован в приобретении ATV. Сорок пять минут она внушала Бранка, что покупка каталога — это кошмарная идея, и пыталась отговорить его от этого. Бранка обсудил этот разговор с Джексоном.

«Да просто она сама хочет его присвоить, — сказал Майкл. — Но не хочет платить «зеленых». Она надеется, что цена на каталог упадет, если я его не куплю. Покупай его, Бранка».

Следующие несколько месяцев прошли в интенсивных и тщетных переговорах. Взвинчивали цену конкуренты — Чарльз Коппельман и Entertainment Company Марти Бандье-ра; Virgin Recorde, финансовый магнат Самуэль Дж. Лефрак и финансист Чарльз Кнапп.

В течение этих восьми месяцев Пол Маккартни еще раз пытался убедить Йоко Оно принять участие в торгах вместе с ним. Когда она повторила, что не заинтересована в этом, Маккартни отказался от участия.

Майкл звонил Бранка каждую неделю: «Есть какие-нибудь новости?» -«Нет, Майк. Еще нет».

Когда Коппельман и Бандьер поставили против 47,5

миллиона долларов Джексона свои 50 миллионов, Майкл был удручен. «Бранка, мы не имеем права упустить свой шанс, -- сказал он. — Ты должен что-нибудь сделать. Я знаю, мы договорились не предлагать более 41 миллиона, но все же я намерен сделать это».

Ставку Коппельмана и Бандьера финансировала компания MCA, и Бранка позвонил главе компании Ирвингу Азоф-фу. «Приятель, ты не дашь денег этим парням на покупку каталога, — сказал Бранка. — Они конкуренты Майкла Джексона. Вспомни, ты же был консультантом в турне Victory».

«Джонни, не волнуйся, — сказал Ирвинг Азофф. — Я об этом позабочусь».

Азофф выбил почву из-под ног Коппельмана и Бандьера, отказавшись финансировать их в этой сделке. Майкл контролировал ситуацию.

Теперь Роберт Холмс а'Корт звонил Джону Бранка, умоляя его прибыть в Лондон и завершить сделку. Бранка сделал вид, что она его не интересует. Тот предложил оплатить перелет, но Бранка вполне мог сделать это сам. Наконец Холмс а'Корт пообещал возместить все дорожные и прочие расходы, при условии что Бранка заключит сделку. Майкл назначил Джона своим поверенным и отправился в Англию. В течение 24 часов все было готово. Майкл никогда не подписывал своих контрактов. За него это делал Бранка.

Итак, Бранка привез Майклу плохие и хорошие новости. Плохие, что он лишился 47,5 миллионов долларов. Хорошие — теперь ему принадлежит ATV. Майкл не мог поверить в свою удачу. Не мог в нее поверить и Маккартни.

Позже он вспоминал: «Кто-то позвонил мне и сказал: «Майкл только что купил твои песни». И я спросил: «Что-о?!!»

«Нечестно так поступать, — пожаловался Пол. — Быть чьим-то другом, а потом выкупить землю у него из-под ног».

Майкл пытался дозвониться до Пола — он вешал трубку. В конце концов Майкл заявил: «У Пола серьезная проблема, п мне надоело строить из себя «хорошего парня». Слишком плох для него. У меня есть права на песни, и этим все сказано».

Роберт Хиллберн, написавший блестящий комментарий по поводу приобретения ATV для Los Angeles Time, объяснил, чем для Майкла обернулась эта сделка в долларах и центах: «Если, например, авторские отчисления от продаж, публичного исполнения и радиотрансляций песни Yesterday за год принесут 100 тысяч долларов (а возможно, и больше), доля Леннона и Маккартни как соавторов составит 50% на двоих, каждому по 25 тысяч долларов. Владелец авторских прав — теперь Майкл

Джексон — получает оставшиеся 50%. Он также распоряжается использованием песен в фильмах, рекламе и сценических постановках. Купить каталог авторских прав по разумной цене и грамотно им распорядиться означает сделать прекрасное капиталовложение. Настолько, что в продаже каталогов практически нет».

Как только Майкл сделал это приобретение, он вместе со своими представителями стал искать способы наиболее выгодного распоряжения им для получения прибыли. Он нанял людей для выпуска антологии и четырех фильмов с использованием музыки Beatles, включая мультфильм Strawberry Fields, «Back in the USSR» — о русских поклонниках рока — и картину на основе Eleanor Rigby и The Fool on the Hill. В планах Майкла было также наладить выпуск музыкальных поздравительных открыток и музыкальных шкатулок.

Когда он позволил фирме Nike использовать песню Revolution в рекламе кед, он заручился согласием Йоко Оно - но не Пола Маккартни. Маккартни — как и многие фаны Beatles - был взбешен, по его мнению, Майкл таким образом опошляет музыку.

В конце концов Маккартни пришлось смириться с решением Майкла. «Я не имею ничего против того, что он владеет авторскими правами, - сказал он. - Продажа авторских прав осуществлялась честно и в открытую». С этих пор за исполнение песен, написанных им с 1964 по 1971 год, он должен был платить Майклу авторские отчисления. Кроме того, компания ATV владела полисом страхования жизни Пола Маккартни, который теперь принадлежит Майклу Джексону. Таким образом, в случае смерти Пола Маккартни Майкл мог бы унаследовать миллионы. (Такой же полис был и у Джона Леннона; возможно, он был присвоен компанией ATV после ею убийства в 1980 году.)

Когда Майкл продал All You Need Is Love компании Panasonic за 240 тысяч долларов, Пол Маккартни связался с ним и сказал, что тот зашел слишком далеко. Но, по мнению Майкла, использование музыки Beatles в рекламе позволит привлечь новое поколение фанов, которые будут покупать их шписи. «Мне не нравится, что Джексон — единственный, кто решает, какие песни Beatles использовать в рекламе, — негодовал Пол. — Он составил их список! Я не понимаю, какое он имеет на это право!»

(Пэт Лукас, директор филиала SB» на Западном побережье, международной звукозаписывающей компании, занимающейся выпуском музыкальной продукции Майкла Джексона, утверждает, что у него есть список примерно ста пятидесяти песен, запрещенных для использования в рекламе. Остальные сто песен могут быть проданы.)

Пол Маккартни надеялся, что All You Need Is Love останется гимном шестидесятых годов, а не станет мотивчиком для «этих чертовых репродукторов». «Я также не хотел бы, чтобы «Good Day Sunshine» превратили в рекламу печенья, — жаловался он, — что, как я понимаю, Майкл и сделал. Я думаю, что это в самом деле убого. Не думаю, чтобы Майкл нуждался в деньгах. Отнюдь. Как и Йоко». Полу принадлежит каталог прав на песни Бадди Холли, и он не раз использовал их в коммерческих целях, потому что, по его словам, «сам Бадди занимался рекламой, и его вдова настоятельно рекомендует нам делать деньги на рекламе. Это ее призыв».

Йоко Оно, кажется, довольна тем, что Майкл делает с песнями Beatles, и считает «благословением» то, что они принадлежат ему. В ноябре 1990 года она заявила, что «бизнесмены, сами не являющиеся артистами, не поймут того, что понимает Майкл. Он любит эти песни. Заботится о них. Слишком много было бы противоречий и разногласий, если бы мы с Полом владели песнями на двоих. Ни Полу, ни мне это не нужно. Если бы песни принадлежали Полу, все говорили бы: «Пол наконец-то «сделал» Джона». Владей ими я, сказали бы: «Эта стерва опять взялась за свое».

В 1990 году Пол и Майкл встретились, чтобы обсудить то, что Пол назвал «эта проблема». Маккартни хорошо помнит тот разговор: «Я сказал так: «Когда мы подписали контракт, ни я, ни Джон не знали, что такое звукозапись и авторские права. Мы думали, что песни рождаются на небесах и принадлежат всем. Сегодня даже дети знают, что это не так. Недавно песня Yesterday превысила в Америке пятимиллионную отметку по количеству выходов в эфир, чем не может похвастаться ни одна из композиций. Даже White Christmas. Но никто не подошел ко мне и не сказал: «Старина, ты заслужил премию. Ты столько сделал для этой компании». Что за чертовщина? Что, я, по-вашему, всю оставшуюся жизнь должен жить по условиям контракта, который подписал, будучи двадцатилетним сопляком? Я сделал слишком много для этой компании».

Майкл вел себя так, будто не понял, что сказал Пол. Маккартни попытался разъяснить ему, в чем дело: «Я хотел, чтобы он понял, насколько велика моя заслуга перед компанией, которой он сейчас владеет».

Майкл ответил, что «не хотел никого обидеть», Пол, по его словам, был счастлив осознавать это. «Он искренний парень, этот Майк», — считал Маккартни. Майкл пообещал что-нибудь для него сделать. На следующий день Джон Ис-тман, адвокат Пола, позвонил Джону Бранка и сообщил, что Пол и Майкл согласны

начать переговоры относительно повышения авторских отчислений за песни Маккартни. Бранка связался с Майклом. «Какого черта, ничего такого я Полу не говорил, — сказал Джексон. — Никакого повышения не будет до тех пор, пока Пол не даст чего-нибудь взамен». Бранка передал решение Майкла адвокату Пола. «Мы подадим на вас в суд», — пригрозил Истман. «Скатертью дорожка», — парировал Бранка.

Один из бывших сотрудников Бранка вспоминает, что когда тот сообщил Майклу, что Пол может подать в суд,' Джексон только усмехнулся: «Что ж, пусть судится. А ты' Бранка, можешь продать еще несколько песен. Давай-ка заработаем немного денег. Обстряпаем все по-деловому».

«На самом деле Майкл, — вспоминает его приятель, — видит это так: у Пола Маккартни было две возможности купить компанию. Оба раза ему было жалко тратить баксы. А ведь он богатейший человек в шоу-бизнесе. Его состояние — около 550 миллионов долларов. Годовые авторские отчисления —около 41 миллиона долларов. Как сказал мне Майк, «если он не захотел заплатить 47,5 миллиона долларов за собственные песни, нечего ему теперь плакаться мне в жилетку». Он бессердечный ублюдок, этот Майкл. Точь-в-точь как его отец. И когда речь заходит о Поле Маккартни, он знать ничего не желает. «Я по-честному приобрел эти песни», — сказал он. Они мои, и никто не может указывать мне, что с ними делать. Даже Пол Маккартни. Ему-то это должно быть известно лучше других.

Купив ATV, Майкл Джексон проявил себя как преуспевающий бизнесмен, обладающий деловой хваткой. Возможно, он — именно тот бизнесмен, которым хотел стать, но не смог, его отец. Там, где Джозеф пригрозит, Майкл войдет в доверие. Где тот выйдет из себя, Майкл терпеливо выслушает. Если Джозеф рвется очертя голову, то Майкл, наоборот, всесторонне анализирует ситуацию, прежде чем принять решение. Он поступил мудро, окружив себя умнейшими людьми и позволив им делать свою работу, не вмешиваясь в нее лично; старший Джексон никогда не сделал бы так. Похоже, будто Майкл, изучив методы отца, действует с точностью до наоборот. Роднит Майкла с ним то, что они никому не доверяют и беспощадны с теми, кого однажды победили. Оба не оставляют им ни единого шанса.

В январе 1985 года турне Victory завершилось, Майкл стал свободным человеком. Для него это было непростым испытанием, но оно принесло свои плоды: Чак Салливан дал Майклу 18 миллионов долларов наличными для запуска линии одежды. Но едва Джексон выбросил на прилавки нескольких магазинов коллекции и еще не успел их продать, как Чак обанкротился.

Таким образом, Майкл присвоил 18 миллионов долларов.

Джексоны заработали немалые деньги во время этих гастролей. Каждый из братьев получил около 7 миллионов долларов, шестую часть чистой прибыли. Майкл пожертвовал свою долю на благотворительные проекты; его братья получили возможность вести роскошный образ жизни и вскоре были вынуждены зарабатывать снова.

После окончания турне Майкл, вернувшись в Энсино, первым делом бросился к черному «Мерседесу-Бенц-450», принадлежавшему ЛаТойе, и умчался без охраны. Как обычно, у парадного входа дежурила группа фанаток в надежде встретить кого-либо похожего на Джексона. Они не могли и мечтать, чтобы хоть одним глазком взглянуть на самого Джексона. Увидев его, девушки решили следовать за ним Майкл попытался оторваться от погони, но безуспешно. Он был уже недалеко от дома Куинси Джонса, когда в его машине кончился бензин. Он, должно быть, проклинал ЛаТойю за то что та не заправила бак. Майкл выскочил из машины посреди дороги и побежал, преследуемый фанами, в сторону жилого микрорайона, добрался до дома Куинси и был спасен Слишком высокая цена, чтобы быть с окружающим миром один на один.

Вспоминает Лайонел Ричи: «Однажды вечером мы с Майклом Джексоном и Элизабет Тэйлор отправились поужинать. Поскольку Элизабет тоже была в детстве звездой она могла найти с Джексоном общий язык. Они говорили об одиночестве и о том. что делать, если никого нет рядом Майкл был рад слышать, что Элизабет частенько выходила из дома без охранников. Мысль о том, что можно спокойно обходиться без них, стала для него откровением»

После турне Victory Майкл принял участие в записи песни We Are the World («Мы - мир»), исторической попытке помочь голодающим в Эфиопии. Гарри Белафонте планировал собрать вместе самых известных артистов в мире шоу-бизнеса, чтобы записать песню, прибыль от которой пошла оы на создание благотворительного фонда «США для Африки». Речь шла не только о направлении в Африку гуманитарной помощи - продуктов, медикаментов, но и о создании нескольких фондов помощи голодающим в Соединенных Штатах. Белафонте связался с шоу-менеджером Кеном Кра-геном, имеющим опыт основания фондов, с просьбой включить в список артистов, принимающих участие в этом проекте, Кении Роджерса и Лайонела Ричи. Те в свою очередь заручились согласием Стива Уандера, пополнив список еще одной звездой. Ричи позвонил Майклу Джексону и спросил не хочет ли он принять участие в

записи песни. Он не только согласился, но и изъявил желание помочь Лайонелу сочинить ее.

Майкл всегда сочувствовал голодающим, бездомным больным, особенно если речь шла о детях. Фрэнк Дилео рассказывает множество трогательных историй о благотворном воздействии Майкла на смертельно больных детей — это часть его натуры, которая не поддается объяснению. Майкл — не чудотворец; он не исцеляет. Но его прикосновение проливает бальзам на сердца тех, кто находится в тяжелейшем положении. Есть люди, чувствующие в себе способность облегчать чужую боль, они ощущают себя настолько сильными, что могут передавать это другим. Майкл считает себя одним из них и верит, что эта способность, как и его голос, есть божий дар, дар, который он осознает и бескорыстно делится им с другими. Это важная, положительная сторона личности Майкла — забота о ближних; черта, которую он сам, возможно, считает лучшей в себе.

Однажды после шоу к Майклу принесли на носилках маленького ребенка, у него была опухоль мозга. Он потянулся к Джексону. Тот взял его ручку и крепко сжал. Малыш улыбнулся. Фрэнк Дилео отвернулся и зарыдал. Майкл обнял его и сказал: «Не грусти. Не плачь. Именно для этого я здесь».

«Он не боится даже самых ужасных страданий и всегда во всем находит что-то хорошее», — говорит Фрэнк Дилео.

Сет Риггз, вокальный педагог, сопровождавший Майкла в гастрольных турне, вспоминает: «Каждый вечер к нему на носилках приносили детей, настолько слабых, что они не могли поднять голову. Майкл вставал на колени перед носилками, чтобы сфотографироваться с ними лицом к лицу, и дарил им фотографии на память. Мне, шестидесятилетнему человеку, трудно было это видеть. Я шел в ванную и плакал. По Майкл принимал их, даже перед выходом на сцену. Дети буквально оживали в его присутствии. И если этой энергии хватало им еще на пару дней, то это была целиком заслуга Майкла. Я уверен, что он — Властелин Мира».

Каждый вечер на протяжении недели Лайонел Ричи приезжал домой к Майклу в Энсино, они уединялись в его ком-пате и работали над текстом и мелодией. Хотели сочинить что-то вроде гимна, песню, простую для исполнения и легко «поминающуюся. Не всегда все шло гладко, но в творческом процессе бывали и комические моменты.

«Видите ли, мы оба предпочитаем сочинять в одиночку, — объясняет Лайонел. — И вот почему: в этот момент мы разговариваем сами с собой. А тут — в голове рождается строчка,

и ты произносишь ее вслух, находясь рядом с другим человеком. Ты позволяешь себе выглядеть глупо перед тем, кого уважаешь, и слышать от него, что вид действительно дурацкий. Бывало, что я произносил какую-нибудь фразу, и Майкл покатывался со смеху. «Что, звучит нелепо?»' — «Угу», — кивал он. Но в такие моменты нужно забыть о своем «я». Иногда обнаруживается, что твой стиль понятен кому-то еще или близок ему. Писать с кем-то, кто тоже пишет стихи, — одно удовольствие, потому что, как только у тебя рождается одна строка, он тут же предлагает другую. Я никогда не говорил Майклу, что собираюсь делать дальше. Он и сам это знал не хуже меня».

Хотя Майкл и Лайонел не заявляли об этом официально, ЛаТойа, видевшая их за работой, утверждает, что сам Лайонел сочинил всего лишь пару строк из этой песни. По ее словам, 99% текста написал ее брат. «Но он никогда бы не счел нужным кому-нибудь об этом сказать», — добавила она. Текст и мелодия были готовы 21 января 1985 года, накануне записи.

Пока Майкл и Лайонел сочиняли песню, Кен Краген собирал исполнителей. Это были Брюс Спрингстин, Тина Тернер, Бетти Мидлер, Билли Джоэл, Рэй Чарльз, Дайана Росс, Дионн Уорвик, группа Pointer Sisters, Стив Уандер, Синди Лаупер, Уилли Нельсон, Смокки Робинсон, Боб Дилан и многие другие, всего сорок пять человек. Участие еще пятидесяти артистов было отклонено, чтобы не перегружать проект. Майкл пригласил ЛаТойю, и та согласилась. Она стояла рядом с Бетти Мидлер. Марлон, Джекки, Тито и Рэнди стояли в том же ряду.

Куинси Джонс отошел на время от продюсирования фильма The Color Purple, чтобы начать работу (вместе с Томом Балером) над совместным проектом Джексона — Ричи на студии A&M в Голливуде. В тот же вечер вручали Американскую Музыкальную Премию, и многие артисты отправились на запись прямо с церемонии награждения. Первое, что они увидели, была надпись у дверей Студии А: «Пожалуйста, оставьте свое «я» за дверью». Поразительно, насколько разные по происхождению и популярности артисты смогли прийти сюда: в студии царила непринужденная атмосфера, абсолютно лишенная какой-либо предвзятости и высокомерия. Дайана Росс не могла скрыть своего волнения и подходила к другим звездам за автографами. Группа Pointer Sisters фотографировала Майкла Джексона. Тина Тернер и 1>етти Мидлер обменивались историями о своих любовных похождениях. «Никогда еще до этого я не испытывала чувства всеобщего единения», — отметила Кении Логгинс.

«Некоторые артисты с самого начала трепетно отнеслись к этому делу, — отмечал Гарри Белафонте. — Многие считали его

историческим, которое стоило того, чтобы в нем участво-иагь. И даже те, кто поначалу был достаточно равнодушен, позже, проникшись этой идеей, активно участвовали в программах помощи голодающим в мире. Те, кто пришел в тот вечер в студию, были, несомненно, вознаграждены, настолько значительной была роль каждого из них в общем действе. Я благодарен им за все, что было сделано».

Около десяти часов вечера началась торжественная часть. Кен Краген заверил, что деньги, вырученные за эту песню, будут «использованы по назначению». Боб Гелдоф, лидер группы Boomtown Rats и основатель музыкального благотворительного общества British Band Aid, выпустившего сингл Do They Know It's Christmas, рассказал о своих поездках в Эфиопию. О бедах своей страны поведали две ее представительницы, присутствию которых в студии содействовал Стив Уандер.

К коллегам обратился Майкл Джексон. Он очень тихо, смущаясь, рассказал, о чем говорилось в песне. «Эта песня о любви призвана привлечь ваше внимание к нуждам далекой от нас страны», — отметил он.

«Было удивительно видеть его таким, — говорит Дайана Росс. — Он был робок и немного застенчив. Если бы он только знал, что для нас значило его присутствие. Среди артистов были и такие, которые ни разу с ним не встречались, они благоговели перед ним. Но Майкл не считает себя чем-то особенным, тем более в окружении стольких знаменитостей».

Музыка к песне была записана в тот же день, оставалось лишь «подчистить» текст — «как лучше: «светлый день» или «лучший день»? — и записать вокальные партии. Майкл разучивал с музыкантами слова и мелодию — многие заранее получили демонстрационные записи, сделанные им, и уже приступили к репетиции. Куинси Джонс попросил Майкла пройти с артистами сочиненные им партии бэк-вокала. Все еще немного стесняясь, Майкл объединил артистов в хор и запел первым, заменяя слова песни бессмысленным «ша-ла-ла». Все знаменитости слушали его и повторяли за ним, как послушные ученики. Затем, обернувшись к Куинси, он спросил: «Все было сделано верно?» (В результате этот рефрен так и не был использован в песне.)

Сколь глубоко Майкл ни проникся всеобщей праздничной атмосферой, он все равно держался особняком. Так было и во время съемок. Шесть камер запечатлели всех знаменитых артистов, исполняющих We Are the World, сольный номер Майкла был снят отдельно и позже вставлен в запись. Он никогда не покидал свой собственный мир. Всегда отличался от других, держался в стороне, словно был окружен невидимой стеной. Злые

языки утверждают, что Майкл не записывался вместе с другими потому, что, несмотря на славу, был потрясен присутствием стольких звезд — взыскательный до мозга костей, он чувствовал, что не может показать лучшее, на что способен, находясь рядом с ними. Некоторые ограничиваются более коротким объяснением: Майклу нравится сознавать, что он не такой, как другие, и чтобы подчеркнуть это, намеренно возводит барьеры между собой и своими фанами, семьей и коллегами. И в самом деле, в клипе We Are the World камера постепенно поднимается от его фирменных туфель, выше по фирменным носкам в блестках и останавливается на тщательно загримированном лине. Это была его идея. «Люди будут узнавать меня, как только увидят мои носки, — гордо заявил Майкл. — Попробуйте снять на кинопленку носки Брюса Спрингстина, и увидите, узнает ли кто-нибудь, кому они принадлежат».

Сессия звукозаписи заняла всю ночь. Кто что будет петь и с кем, за пару дней до записи решили продюсер Куинси Джонс, Лайонел Ричи и аранжировщик Том Балер. Одними из самых интересных вокальных дуэтов оказались Тина Тернер с Билли Джоэлом, Дион Уорвик с Уилли Нельсон и, конечно, Дайана Росс с Майклом Джексоном. Единственное, чего не было в песне, — дуэта Джексона и Принса. Майкл недолюбливает его, но поскольку это был благотворительный проект — согласился спеть вместе с ним. Но Принс не появился. На следующий день в шесть утра он позвонил на студию и спросил, может ли подъехать и записать гитарную партию. Куинси ответил, что в этом нет необходимости. (Впоследствии Принс записал песню для альбома We Are the World, увидевшего свет в апреле 1986 года.)

К половине восьмого утра работа была закончена, артис-i в: качали разъезжаться. «Как и все, Майкл очень устал, — говорит Джеффри Осборн. — Он был немногословен, разве что сказал, что очень счастлив; уверен, он был в восторге». — «Я ожи-i;ij<, что будут столкновения между артистами. Но этого не происходило».

«Я хочу, чтобы эта ночь длилась бесконечно», — сказала Чайана Росс, обняв Тину Тернер.

Все участвовавшие в записи We Are the World испытывали io же чувство. Нежная, возвышенная атмосфера песни, которая впервые прозвучала 7 марта 1985 года, затронула сердца миллионов людей. Видео, в которое каждый из артистов вложил всю душу, не задумываясь о собственном престиже, только подчеркнуло обаяние песни и способствовало росту ее популярности продаж. В первые три дня после выхода пластинки было продано 800 тыс. копий. Всего, как и планировалось, оыло продано три миллиона.

К январю 1986 года от продаж было получено 40 миллионов долларов, но лишь 13,5 миллиона были переданы в Фонд спасения голодающих Эфиопии. Бюрократическая волокита не позволяла направить сразу все собранные деньги, что несказанно расстроило некоторых музыкантов. «Я не могу этого понять, — сказал Рэй Чарльз. — Ни одна бюрократия в мире не может помочь умирающим от голода людям! Нельзя ждать ми минуты».

«Я понятия не имею, сколько они израсходовали де-nei, — сказал Джекки Джексон. — Они помогают нуждающимся, голодающим. По крайней мере, я надеюсь, что деньги расходуются на эти цели».

Марлон Джексон был в совете директоров организации «США для Африки» и поехал в Эфиопию вместе с ее официальными представителями и Гарри Белафогпе, чтобы переправить туда продукты питания, товары и деньги, вырученные благодаря проведенной кампании. «Прежде чем мы передаем туда деньги, мы тщательно проверяем, насколько :аконна деятельность работающей с нами организации, — пояснил Марлон. — Деньги можно переслать в течение недели. Мы устанавливаем, где пострадало наибольшее количество людей, и тогда действуем быстро и эффективно. Но мы сразу не выписываем чек: «Нате, вот вам».

В 1986 году Кен Краген предложил организовать Hands Across America, программу помощи бедному населению в США, которая бы финансировалась фондом «США для Африки». Планировалось выручить 100 миллионов долларов, ожидалось, что присоединятся 10 миллионов американцев от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса к акции, назначенной на 25 мая, и каждый внесет по 10 долларов.

Планировалось, что у проекта будет своя песня — Hands Across America, написанная Марком Блаттом и Джоном Чонси. Ожидалось, что видеоряд к ней будет представлен как часть шоу Super Bowl в январе 1986 года. Краген надеялся, что эта песня соберет для бедных американцев столько же средств, сколько We Are the World — для голодающих Эфиопии.

Когда Майкл Джексон узнал об этом, он был недоволен: «Чем им не нравится песня, которую написали мы с Лайонелом? Она должна оставаться гимном на все времена».

«Майкла совсем не радовало, что его песню заменят на другую, — сказал один из его сотрудников. — Во-первых, было задето его самолюбие. Он расстроился, полагая, что его песня была написана с помощью божественного вдохновения и должна всегда оставаться гимном. Конечно, в некотором роде он вел себя как капризный ребенок. Но у него, я думаю, были добрые

намерения. Он хотел сохранить неприкосновенность своей песни. И не хотел, чтобы в подобных случаях звучала какая-то другая. Майкл имеет большое влияние, и ему не составило большого труда убедить Кена Крагена и остальных, сказав всего три слова: «Я не хочу».

Во время закрытого совещания совета директоров «США для Африки» Майкл высказал свое мнение относительно новой песни. Действуя прямо и самоуверенно, он сумел настроить совет против ее презентации и показа видеоклипа во время шоу Super Bowl. «Большинство членов совета согласились, что We Are the World должна быть официальным гимном «США для Африки», — сказал Кен Краген после совещания. Также совет согласился с Майклом, что, какая бы акция ни предпринималась под эгидой «США для Африки», гимном должна оставаться эта песня.

Hands Across America так и не прозвучала на шоу Super Bowl. Вместо нее Америка еще раз услышала We Are the World.

За последний год Майкл трижды одерживал победу в серьёзных поединках. Методы борьбы во всех случаях были различны, но когда дело доходило до принятия ответственных решений, он действовал, как его отец. Первый раз, приобретая ATV, он отстранил от борьбы всех конкурентов. Вы-1-гупая против решения совета директоров «США для Африки», он использовал все свое влияние, чтобы одержать верх. 11ремию «Грэмми» в 1986 году он получил за свои личные до-сгижения. Песня We Are the World была удостоена наград во всех четырех номинациях на презентации в «Шрайн Аудито-риум» в Лос-Анджелесе. (Менее чем через минуту после того, как песня была объявлена лучшей поп-композицией, представитель отдела по связям с общественностью Национальной Академии Искусства Звукозаписи распространил пресс-релиз о вручении Куинси Джонсу статуэтки «Грэмми». В нем также говорилось, что 44 музыканта, принимавших участие в записи, будут «особо отмечены» Академией.)

Фрэнк Дилео. Джон Бранка, Норман Винтер и Майкл Джексон часто обсуждали поп-кумиров, таких, как Фрэнк Синатра или Beatles, и, в частности, тот факт, что их менеджеры иногда нанимали подростков, чтобы те кричали от восторга при каждом появлении музыкантов на публике. Присутствие перевозбужденных юнцов создавало видимость большей популярности артистов, чем это было на самом деле. Особенно эффектно это смотрелось в выпусках новостей, посвященных поп-звездам: массовая истерия как нельзя лучше подходит для съемок. Майкл всегда считал, что нанимать орущих и рыдающих тинейджеров — великолепный коммерческий ход.

Однажды вечером Майкл и Фрэнк Дилео позвонили Норману Винтеру, чтобы поделиться с ним одной идеей. Майкл решил устроить беспорядки во время торжественного вручения премии «Грэмми», которое будет транслироваться в прямом эфире 25 февраля 1986 года. Было решено, что Куинси Джонс примет эту награду только в том случае, если We Are the World выиграет в номинации «Запись года». Неизвестно, было ли это намерением Майкла, но, судя по всему, он был не прочь вкусить плодов славы Джонса. Его замысел был гаков: когда он будет стоять рядом с Куинси, на сцену из-за кулис выбежит фанатка и будет прыгать вокруг него. Служба охраны Билла Брэя среагирует мгновенно и начнет оттаскивать ее от Майкла, который будет выражать крайнее изумление и усталость. Поскольку церемония вручения «Грэмми» транслируется на весь мир, миллионы людей станут очевидцами этой сумасшедшей сцены. На следующий день во всех мировых новостях будет обсуждаться огромная популярность Майкла и, как ее следствие, скандальный эпизод на церемонии. «Сцена с фанаткой», возможно, даже затмит тот факт, что We Are the World получила «Грэмми» в номинации «Запись года». Ну и, конечно же, благодарственная речь Куинси будет рассматриваться сквозь призму бешеной популярности Майкла.

Фрэнк Дилео и Норман Винтер были против. Если в прессу просочится хоть слово о том, что фанатка Майкла была нанята, это может иметь серьезные последствия для всех вовлеченных в эту историю.

«Но этого никогда не случится! — воскликнул Майкл. — Итак, есть кто-нибудь подходящий? Кого мы наймем?» Дилео и Винтер понятия не имели.

В конце концов журналистка из офиса Нормана нашла девушку, которую считала достаточно надежной для участия в этой мистификации. Ее взяли на роль фанатки.

Все участники аферы смотрели торжественную церемонию, затаив дыхание, когда ведущие Стинг и Фил Коллинз объявили, что We Are the World победила в номинации «Запись года». Майкл, на котором была черная военная куртка, красная рубашка и красная брошь, встал со своего места. Фрэнк Дилео с сигарой во рту, сидевший рядом с ним, широко улыбнулся. Майкл и Лайонел Ричи прошествовали к сцене. Там уже находились Куинси Джонс, Дионн Уорвик, Кении Роджерс и Стив Уандер. Во время благодарственной речи Куинси Майкл нервно вертелся из стороны в сторону. Он то и дело смотрел на кулисы, из-за которых должна была выбежать фанатка, и недоумевал, что же случилось с девушкой, когда она появится. Майклу было невдомек, что она, имея все аккредитации на право находиться за

кулисами, не могла прорваться сквозь толпу людей — техников, продюсеров, журналистов, собравшихся поглазеть на знаменитостей, находящихся на сцене. Ей так и не удалось пробиться. Пока она поняла, что происходит, речь уже закончилась,, и она пропустила волшебный миг. Схема не сработала.

«Ничего, в следующий раз у нас все получится», — сказал Майкл, хитро улыбнувшись.

Месяц спустя, в марте 1986 года, Майкл, Фрэнк Дилео, Джон Бранка и президент Pepsi-Cola Роджер Энрико обсуждали второй спонсорский взнос компании. На этот раз Джексон должен был получить 15 миллионов долларов и не делить их между братьями. (В первый раз, в 1984 году, 7 миллионов долларов причитались всем шестерым братьям.) Это был крупнейший спонсорский взнос в истории (Лайонел Ричи и Уилли Нельсон получили на двоих «всего» 2,5 миллиона, и Pepsi выплатила их по частям, хотя по контракту должна была заплатить все деньги сразу).

Pepsi обязалась спонсировать первое сольное турне Майкла, когда бы оно ни состоялось, взамен он должен был снять две рекламы для них. Майкл получил всю сумму заранее. Ему были нужны средства для уплаты налогов, которые он задолжал при покупке каталога компании звукозаписи ATV.

В то время, как Майкл думал о будущем, его брат Джекки пытался вернуть прошлое. 8 января его жена Энид, ей было 31 год, подала документы на развод. Ему было 34. Они прожили в браке 11 лет, у них было двое детей, восьми и трех лет. «Для меня настали тяжелые времена, — говорит Джекки. — деньги и слава вовсе не гарантируют человеку счастье. Когда у меня были неприятности, Энид всегда поддерживала меня и помогала из них выбраться».

Джекки и Энид много раз расставались за годы супружества, но им всегда удавалось восстановить семью. Как бы то ни было, когда Энид узнала об измене Джекки с 22 летней Паолой Абдул, она стала относиться к Джекки с подозрением. В один прекрасный день, когда оба были готовы снова быть вместе, Энид узнана, что Джекки и Паола все еще встречаются. «Напрасно он хочет вернуться ко мне, все еще бывая с ней, — говорит Энид. — Мы встретились с Джекки, который во время нашего последнего разрыва жил у Рэнди, чтобы поговорить о нас. Когда я уходила, увидела Паолу, которая ехала к Джекки. На следующий день я направилась к нему, и, конечно, она была там». Вместе со своим секретарем она подождала, когда Паола выйдет, а затем стала преследовать ее на машине. В конце концов оскорбленная,

разгневанная жена и ее свидетель настигли Паолу в аллее.

— Я хочу знать, что происходит, и сейчас же, — потребовала Энид.

— А как ты сама думаешь? — ответила Паола вопросом на вопрос. — Я встречаюсь с Джекки. Вот и все. А тебе-то что?

— Я думала, что мы с Джекки снова будем вместе, — сказала Энид. — Но выходит, что нет.

— Думаю, что нет.

— Слушай, ты не понимаешь, что ты творишь, — Энид пыталась вразумить Паолу. — У тебя нет детей. Это касается не только вас с Джекки, есть еще другие люди. Здесь замешаны дети. Семья.

Паола промолчала.

— И кроме того, — продолжала Энид, — для Джекки ты не станешь единственной женщиной. Если он изменил мне, то когда-нибудь изменит и тебе.

После этих слов Паола разрыдалась: «Каждый раз, когда он со мной, он думает о тебе. А когда он с тобой — думает обо мне».

— Ну, не знаю, как насчет последнего, — улыбнулась Энид, чтобы разрядить обстановку.

Паола продолжала плакать. Энид поняла, что под напускной храбростью она была всего лишь испуганной девушкой, оказавшейся в болезненной и унизительной ситуации, была влюблена в женатого мужчину и не знала, что делать.

«Я смотрела, как она плачет, и все поняла, — говорит Энид. — Я была достаточно взрослой, чтобы разобраться в этом. А Джекки — старый ублюдок, который не придумал ничего лучшего, кроме как связаться с неопытным ребенком. Мне стало ее жалко. Она так рыдала, что я боялась сажать ее за руль. Тогда я пригласила ее к себе. Когда мы приехали домой, она все еще была в слезах. «Мне нужно поговорить с мамой», — сказала она. Я позвонила ее матери: «Послушайте, меня очень беспокоит ваша дочь. Я не представляла себе, насколько ей тяжело в этой ситуации, и мне очень неприятно, что с ней это произошло. Мне кажется, ей очень нужно с вами поговорить». — «Послушай-ка, — раздалось в ответ, — мне ясно только одно: это не первая измена твоего мужа. У него было полно женщин все эти годы. Так уж вышло, что именно к моей дочери он хочет от тебя уйти. Что ты на это скажешь?» Я была шокирована: «Я звоню вам, беспокоясь о вашей дочери, а вы имеете наглость заявлять мне такое. Как вы смеете?» Я была очень расстроена этим разговором».

У Джекки и Энид была прекрасная вилла в Энсино, купленная у Роба Рейнера и Пенни Маршалла, — два акра земли, обнесенных стеной, с тремя входами и электронной системой

безопасности. Площадь загородной резиденции с четырьмя спальнями, пятью ванными комнатами, отдельным двухкомнатным домиком для гостей и студией звукозаписи составляет примерно 7,5 тыс. квадратных футов. Также там был бассейн в виде лагуны и домик при нем; теннисный корт и впечатляющих размеров сад со множеством фруктовых деревьев. Энид осталась жить там. Джекки переехал в многоквартирный дом с квартплатой в 2200 долларов. Но вилла, построенная в 1936 году и стоящая почти 2 млн долларов, должна была оыть продана, а деньги разделены пополам между бывшими супругами.

Брак Джекки и Энид завершился сокрушительным раз-иодом с многолетними тяжбами, что окончательно разрушило семью. На карту были поставлены огромные деньги. Джекки получил свои миллионы во время турне Victory и вложил их в магазины и многоквартирные дома. 20 тысяч долларов в месяц чистого дохода с инвестиций позволяли семье жить со всеми удобствами. У них было пять машин. Энид принадлежал белый «Мерседес-Бенц-500», Джекки - «Рэйндж Ровер» 1985 года выпуска. Также у них был «Мерседес-Бенц-6.9» 1977 года, «Блэйзер» 1977 года, «Тойота» 1985 года, «Корд Реплика» 1969 года и «Феррари-4001» 1983 года. Они владели акциями нескольких концертных организаций на 4 миллиона долларов. Среди прочего Энид просила себе «Мерседес», 49 тысяч долларов в месяц в качестве алиментов, а также решения о соопеке над детьми. И еще ей хотелось оставить себе сезонный абонемент на все матчи баскетбольной команды Lakers, а также место с парковкой в «Форуме», где проходят матчи.

«Вы должны понимать, что каждый, кто разводится со знаменитостью, предъявляет большие требования, иначе ему не останется ничего, — заметила она спустя некоторое время. — Для нас даже жить без роскоши означает тысячу в месяц. Такой у нас стиль жизни. Учитывая миллионы, которые мы имели, я не просила слишком многого».

Также она требовала компенсировать ей 8100 долларов — половину стоимости «Тойоты Супра», которую Джекки купил Паоле. Энид утверждает, что машина была куплена без ее ведома. После того как они разошлись, она увидела машину напротив дома Джекки и в грубых выражениях поинтересовалась, чья она. Тогда-то он и признался, что купил ее Паоле на деньги, взятые из семейного бюджета. «Это меня окончательно добило», — вспоминает Энид.

Джекки дарил Паоле много других дорогих вещей в том числе часы «Ролекс», ожерелье и браслет с бриллиантами и

сапфирами и обручальное кольцо с бриллиантом. Кроме того они предпринимали совместные путешествия на «Супер Кубок» в Новый Орлеан и на матч НБА «Все Звезды» в Даллас.

Суд постановил бывшим супругам не подходить друг к другу ближе чем на сто ярдов - в их семье были случаи насилия, решение суда не распространялось на ситуации, когда нужно перевезти детей от одного к другому.

Майкла развод не мог оставить равнодушным. Ему нравилась Энид, ему было тяжело видеть ее подавленной Всегда трепетно относящийся к чувствам детей, он принимал близко к сердцу ситуацию, в которой оказались его племянник и племянница: они были уже достаточно взрослыми, чтобы понимать происходящее, и в то же время слишком маленькими чтобы вмешиваться в баталии рассерженных родителей.

Когда Энид открыто обвинила Джекки в измене, Майклу это, должно быть, напомнило сходную ситуацию, в которой оказалась его мать. Многие годы Кэтрин молча страдала от супружеской неверности. Энид же не только публично заявила о ней, но и утвердилась в решении развестись, оставшись финансово защищенной. Майкл не мог переносить страданий Кэтрин, он мог смело представить своей матери Энид как пример для подражания, чтобы та бросила Джозефа раз и навсегда.

«Майкл морально поддерживал меня и детей, для нас это значило очень многое, - говорит Энид. - Он передавал детям подарки и, вместо того чтобы поручить это кому-то приносил сверток домой и подписывал что-нибудь от себя лично. Я получала от него записки примерно с таким содержанием: «Я знаю, что вы сейчас переживаете. Хочу, чтобы вы знали, что я всегда с вами рядом». В одной из них говорилось-«Ты знаешь, что я чувствую, когда в семье разлад». Он всегда поддерживал меня, я никогда этого не забуду. Он не был обязан сочувствовать мне, но делал это».

В июне 1986 года Майкл Джексон, которому через два месяца исполнялось 28 лет, перенес очередную пластическую операцию, чтобы нос стал еще тоньше. Это была четвертая - и пока последняя — попытка изменить форму носа. (С тех пор было еще две, но они носили скорее косметический характер.) Он также хотел сделать ямку на подбородке и обсуждал эту перспективу со своим пластическим хирургом Стивеном Хоффлином. Трудно сказать, что так не устраивало Майкла в его внешности. Годы спустя он сказал одному из приятелей: «Самая большая радость в моей жизни — выбирать самому, каким быть моему лицу». Друг спросил Майкла, как он решился на эти операции. «Да нет здесь ничего особенного, старина, — сказал Майкл. — После первой

ничего особо не болит. Один раз сделаешь — и от зеркала не будешь отходить, так классно будешь себя чувствовать!»

Некоторые из тех, кто общался с Майклом в 1986 году, замечали, что он стал слишком эксцентричным. Пол Анка вспоминает, как тот однажды пришел к нему домой. «Он проводил целые часы в джакузи и без конца посылал мою жену купить какой-нибудь экзотической еды. Вместо того чтобы спрашивать меня о музыке, он говорил только о пластической хирургии».

Когда Майкл сообщил Кэтрин, что собирается с помощью врачей сделать ямку на подбородке, она расстроилась. «Это уж слишком. Зачем? — спрашивала она. — Я не могу понять». Майкл, сказала она своей подруге, объяснил ей это так: «Я могу себе это позволить, я хочу этого, значит, так тому и быть». Все выглядело так, будто Майкл собирается купить новую машину, а не перенести болезненную пластическую операцию. В то время как другие люди могут только фантазировать: «Новый нос — это, наверное, здорово? А если еще и новый подбородок?» — Майкл может позволить себе воплотить эти мечты в реальность. «Я считаю, что, если бы другие люди могли себе это позволить, они бы сделали то же самое, — говорит его сестра Джанет. — Не вижу в этом ничего плохого».

«Сколько людей делают пластические операции?» — спрашивает себя Энид Джексон и отвечает: «Тысячи совершенно нормальных людей. Так почему же Майклу нельзя? Почему все считают, что у него проблемы, когда у других их нет? Все из-за его славы и природного магнетизма, вот причина. И это нечестно».

«Вообще-то это его личная точка зрения. Это то, что он имеет возможность делать, вот и делает. Так считает и наша семья», — говорит Тим Уайтхед, кузен Майкла.

Один из психологов утверждает, что сделать ямку на подбородке Майкла подтолкнул его нарциссизм. «Его все больше и больше очаровывала собственная внешность, — говорит доктор Раймонд Джонсон. — И он все еще стремится достичь идеальных пропорций лица».

«Я действительно хочу выглядеть безукоризненно, — как-то обмолвился Майкл. — Я смотрюсь в зеркало и понимаю, что хочу быть еще лучше. Я всегда стремлюсь к лучшему и поэтому решился на это. Не знаю, как это объяснить».

По одному из расхожих мнений, Майкл решил изменить себя по образу и подобию Дайаны Росс, которая сделала подобное с подбородком. Эти разговоры во многом обязаны их многолетнему знакомству и некоторым воспоминаниям родных Майкла, по

словам которых, он говорил ЛаТойе и Джанет что-то вроде: «Мне и в голову не придет называть вас красавицами, пока вы не будете похожи на Дайану Росс». С помощью операций и грима Майкл и в самом деле стал напоминать ее, с выщипанными дугообразными бровями, высокими скулами и острым, клиновидным носом (еще более острым, чем у Дайаны). Один приятель как-то сказал Росс, что Майкл пытается быть похожим на нее. Она была поражена: «Неужели я так выгляжу?» На самом деле Майкл вовсе не собирается походить на нее; он восхищается ее внешностью, обаянием и энергией, хочет производить такое же впечатление, что и Дайана, пытаясь на публике копировать ее манеру поведения, но тем самым порождает все новые слухи.

Шофер Майкла Ральф Карикоза, возивший его по Бевер-ли-Хиллз, называл его — так он просил — Мистер «Мисс Росс». Однажды в Лас-Вегасе Дайана застала Майкла, когда тот в гримерной наносил ее макияж. Когда она начала возмущаться, Майкл ответил: «Но, Дайана, твой грим просто волшебный!» — рассказала певица Синди Бердсонг и ее другу Джону Уайману.

Как-то раз, когда Майкл остановился в шикарном отеле «Helmsley Palace» в Манхэттене, он позвонил с телефона консьержу в вестибюле и — при посторонних — решил разыграть дежурного администратора, блестяще имитируя голос и манеры Дайаны Росс: «Мое платье в ужасном состоянии, — сказал он, изображая раздражение. — Как вы смеете подать мне такое платье? А где цветы? И вообще, я, кажется, видела жука, или мышь, или еще бог знает кого, словом, я крайне расстроена. Я даже не могу отсюда уйти». —«Кто это?» — удивился дежурный. — «Как это кто?! Мисс Росс, — сказал Майкл, еле сдерживая смех. — Мисс Дайана Росс. А вы как |умали? Как вы смеете у меня такое спрашивать?» Дежурный просил подождать. Майкл улыбался до ушей. Собеседник вернулся на линию. «Дайана Росс здесь не зарегистрирована», — сообщил он. «В самом деле? — ответил Майкл. — Извините». Он быстро повесил трубку. Майкл, который всегда побил пошутить, хохотал до упаду, вспоминая этот розыгрыш.

Большинство людей, знающих Майкла, сходятся на том, что есть две причины, по которым он делал пластические операции. Желание иметь идеальную внешность. Большую часть жизни Джексон проводит, рассматривая свои фотографии, изучая и критикуя их. Часами танцует перед зеркалом или смотрит свои видеозаписи, пытаясь найти положительные и отрицательные моменты. Кроме того, все братья очень похожи на отца, а, по мнению Майкла, нет ничего хуже этого. И сделал все возможное, чтобы изменить черты, доставшиеся ему в наследство. Конечно,

Майклу присуще много из характера отца, хоть он этого в себе не замечает: беспощадность, деловая хватка, холодный расчет в бизнесе и любовь к своей семье. Внутренне он имеет много сходного с отцом, и это его пугает, внешне ни капли не похож на него.

«Он мне сам сказал, — говорит бывшая девушка Берри Горди, знавшая Джексона многие годы, — что сделает все, что угодно, лишь бы не быть похожим на Джозефа. Поверьте, глядя в зеркало, он меньше всего хотел бы увидеть там своего отца. С каждой операцией он все больше удаляется не только от отца, но и от всей семьи. Боюсь, что это и есть отрицательная сторона всех пластических операций».

«Трагедия в том, — подытожил Джойс Маккрэй, работавший в офисе Майкла в течение многих лет, — что, сколько бы он ни пытался уничтожить в себе сходство с отцом, оно все равно есть».

Как остроумно заметил Джозеф, «для того, чтобы сделать сына, нужен отец».

Пластический хирург, «оперирующий звезд» — так называют доктора Стивена Хоффлина, с которым имел дело Джексон. Среди его пациентов были Ивона Трамп и Джессика Хан, Ларри Майклз, бизнесмен из Беверли-Хиллз, который намеревался сделать пластическую операцию, однажды консультировался с Хоффлином. Он вспоминает: «Я слышал о репутации Хоффлина среди звезд шоу-бизнеса: «ошивается» в особняке Хью Хефнера из Playboy, любит своенравных женщин, предпочитает, чтобы его работа была «на виду». Он мне показался незаурядной личностью, я захотел с ним встретиться, может быть, договориться о том, чтобы он прооперировал мой нос. Я пришел по рекомендации одного из его пациентов.

«Он оказался симпатичным мужчиной лет за сорок, усатый, с темными вьющимися волосами, очень располагающий к себе. В отличие от других хирургов не ссылается на занятость, а показывает заинтересованность в работе с вами. В течение десяти минут задает много личных вопросов, не имеющих никакого отношения к пластической хирургии. После того как он перестал меня спрашивать и делать пометки в тетради, сказал: «Вот что я думаю. Вам действительно следует сделать операцию. Но я не уверен, что вашим доктором буду я». Я был шокирован и не понимал почему. «Я не хотел бы видеть вас моим пациентом», — повторил он медленно. У меня комок застрял в горле: «Но вы должны это сделать, пожалуйста». Он вел со мной какую-то игру, подсаживая меня на крючок. «Ну, я еще не решил окончательно». Я уже просто умолял его согласиться прооперировать меня. Он обещал дать мне знать.

Выходя от него, я был очень расстроен. Мысленно искал кого-нибудь, кто бы мог убедить его. Через пару дней я понял, что он просто манипулировал мною, а потом послал куда подальше. Я написал ему решительное письмо, где сказал, что никогда не буду его пациентом. После этого я расспрашивал многих о нем и узнал, что мой случай — не единственный в своем роде. Стивен Хоффлин просто-напросто торгаш».

После операции Майкла видели в Лос-Анджелесе в хирургической маске и темных очках, что укрепило мнение о нем как весьма эксцентричном типе. Газеты писали, что он панически боялся подцепить инфекцию, что всем напомнило навязчивую идею Говарда Хьюза. Майкл не делал никакого официального заявления. Друзьям сказал, что ему удалили зубы мудрости и поэтому ему пришлось ходить в маске.

«Кто хорошо знаком с Майклом, знает, что происходит, — утверждает Джойс Маккрэй. — Когда я увидел его в маске, я сказал: «Скорее всего он сделал ямочку на подбородке». Все удивлялись: «Что? Да это просто смешно!» Так оно и было».

Фрэнка Дилео никогда не занимали вопросы, связанные с пластическими операциями Майкла, главным образом потому, что он не мог дать этому вразумительного объяснения. Ну да, ну сделал он себе нос, сделал подбородок — о да, круто! Знаете, что я вам скажу? Мне ломали нос пять раз. Дважды я его «ремонтировал». Кого это волнует? Элвис сделал себе нос, Мэрилин Монро — нос и грудь. Делали все, кому не лень».

На этот раз Майкл появился на выставке-продаже памятных вещей, связанных с киноиндустрией, в голубой хирургической маске и черной фетровой шляпе. Сказать, что он бросался в глаза, — значит, не сказать ничего. Майкл намеревался купить что-то от Диснея. Продавцы, увидев, что он приближается, втрое поднимали цену, так как знали, что Джексон питает к этим вещам слабость. Он пришел на выставку с мальчиком и телохранителем Биллом Брэем. Каждый раз, когда видел что-нибудь подходящее, бурчал сквозь маску, чтобы Брэй купил это. Тот доставал пачку стодолларовых банкнот, расплачивался, они шли дальше. От Майкла не ускользнуло, что цены завышались специально для него. «Они видят, что я иду, и думают, что у меня куча денег, вот и наживаются на мне, — сказал он знакомому. — Это ведь нечестно, правда?»

Когда Майкл не носил хирургическую маску, он появлялся на публике в меховой маске гориллы с глазами-бусинками. «Мне нравится, когда люди застывают в испуге, — сказал он. — А еще мне нравится, что люди не знают, что под маской — я. Просто обожаю такие штуки!» Парадоксально, что Майкл, ведущий

публичную жизнь, в той же степени — затворник. Иногда с ним происходят нелепые вещи. Идя по аэропорту в маске гориллы, он однажды споткнулся об урну, «полненную песком, — в маске было плохо видно.

Сняв повязки, Майкл больше, чем когда-либо, стал уделять внимание своей внешности. Он выщипал брови, что сделало его женоподобным. Его кожа, казалось, посветлела, друзья утверждали, что он пользуется препаратом для отбеливания кожи Porcelana. «Я точно знаю, что Майкл и ЛаТойа оба пользовались этим препаратом, чтобы их кожа стала светлее», — говорил один их друг.

Нос Майкла стал еще тоньше и даже чуть-чуть вздернулся. Майкл также сделал ямку на подбородке, но это выглядело несколько странно на его нежном, холеном лице.

Вдобавок ко всему двадцатисемилетний Майкл сидел на строгой вегетарианской диете и изрядно похудел. Его диета состояла из ошпаренных овощей, несоленых орехов, свежих и сушеных фруктов. Ел он раз в день. «Если бы я питался, как он, я бы умер», — сказал Фрэнк Дилео.

Майкл Джексон все больше и больше походил на восковую куклу. Трудно было оторвать от него взгляд, находясь с ним в одной комнате. Эдди Мерфи был недалек от истины, когда сказал: «Люблю я Майкла, но уж слишком он странный».

Глава 26

В 27 лет Майкл с головой погрузился в запись альбома Thriller. Он работал, не зная отдыха. Был очень требователен, особенно к себе. Обсуждая феноменальную популярность четырех синглов с «Off the Wall» (1979), предшественника нового альбома, с писателем Джерри Хирши, он сказал: «Слава богу, никто еще не побил моего рекорда. Hall and Oates (поп-дуэт) пытались, но ничего не вышло». Thriller должен был побить собственный рекорд Майкла, который решил, что, если бы число проданных копий не достигло прежних 38,5 млн, это сочли бы полным провалом.

«Было столько нервного и физического напряжения, — говорит гитарист Дэвид Уильяме. — Мне приходилось играть свою партию в каждой песне по 500 раз. Они пытались «переплюнуть» успех работ, сделанных до сих пор».

«Он (Майкл) говорил, что этот альбом должен стать лучше предыдущего, — вспоминает танцор Каспер. — Он хотел покорить весь мир. «Я должен стремиться к лучшему. Того, что сделано, недостаточно», — повторял он без конца. И так продолжалось все время».

«Ты не должен думать о том, что понравится людям. Ты сходишь с ума, — говорил ему Стив Уандер. — Если он сможет разойтись тиражом в 50 миллионов, пускай будет так. Если нет — это не конец света. Это же всего лишь альбом». Эти слова Стива Уандера, который работает годами над одним альбомом, к явному неудовольствию фирмы звукозаписи Motown, звучат странно.

До того как приступить к записи следующего альбома в августе 1986 года, Куинси Джонс и Майкл должны были выбрать для него песни из шестидесяти двух, написанных Джексоном. «Основная проблема — выбрать песни для записи, — считает Куинси Джонс. — Это делается на уровне инстинкта. Нужно выбирать те, которые тебя самого задевают за живое, от которых у тебя мурашки по коже». Восемь из десяти песен с альбома Bad написаны Майклом.

Он не знает нотной грамоты. Сочиненную песню записывает на пленку, а затем другие музыканты переносят ее на бумагу. Джексон очень музыкален. Ноты, которые рождаются в его воображении, и то, как он соединяет их в песнях, поражают даже профессиональных музыкантов.

На запись альбома Bad потребовалось около двух лет, многие из записанных за это время песен так и не были выпущены. Одна

из них, направленная против наркотиков, которую Майкл записывал совместно с группой «Run DMC». Майкл показался им слишком странным, они не знали, как найти с ним общий язык. Песня была отложена в долгий ящик.

На альбом планировалось также записать дуэт в стиле ритм-энд-блюз I Just Can't Stop Loving You. Майклу не удалось уговорить Барбру Стрейзанд спеть с ним эту песню. «Я даже представить не мог, что она мне откажет, — делился он с приятелем. — Она что, с ума сошла? Не понимает, что это будет величайший альбом в истории?» Майкл настоял, чтобы «его люди» еще раз связались с «ее людьми» и «передали ей, что она совершает большую ошибку».

Барбра сказала, что ценит предложение Майкла, но ей оно не интересно, так как ее беспокоит, что разница в их возрасте будет противоречить самой идее песни; к тому же сама песня ей не понравилась. Фрэнк Дилео был невозмутим: «Я знал, что эта песня — хит, с Барброй или без нее», — сказал он. «Забудем о ней. Как насчет Уитни Хьюстон?» — предложил Майкл.

Но она также осталась равнодушна.

«Веришь, мне от этого ни горячо ни холодно», — отреагировал на это Фрэнк Дилео.

Кто-то предложил пригласить Дайану Росс. «Ни в коем случае. Это плохая идея», - сразу возразил Майкл. Он никому не сказал, что Дайана все еще сердится на него за недавнее недоразумение. Он собирался поужинать с ней в «Ле Дом» — ресторане на Сансет-стрит в Голливуде. Но сразу после этого позвонила Элизабет Тэйлор и сказала, что хотела бы провести с ним вечер. Как он мог отказать? Желая видеть и ту и другую, Майкл предложил Элизабет присоединиться к ним с Дайаной.

«А с ней-то нам там зачем встречаться?» — возразила Лиз.

Майкл не понимал намерений Тэйлор. Он наивно полагал, что она лишь проявляет дружелюбие по отношению к нему.ˆЕдинственное. о чем он думал, — как было бы здорово, если бы за одним столиком в «Ле Дом» сидели обе.

Как только они с Тэйлор пришли в ресторан, Майкл сразу позвонил Дайане. «Представь! — Он был вне себя от возбуждения. — Я здесь с Элизабет Тэйлор!»

Дайану это не обрадовало. Она напомнила об обещанном в тот вечер ужине с ней, но получила предложение приехать в «Ле Дом» и составить компанию им с Лиз.

«Почему это я должна встречаться с Лиз Тэйлор? — возмутилась Дайана. — Знаешь, так не пойдет», — сказала она с укором, как мать ребенку. И добавила, что они могли бы встретиться и поужинать как-нибудь в другой раз, но уж точно не

в тот вечер и не с Элизабет Тэйлор.'

Когда Майкл сочинял заглавную песню для альбома Bad, он решил предложить рок-звезде Принсу спеть ее с ним дуэтом.

Майкл никогда не забудет вечер, на который Куинси Джонс назначил их встречу. Джонс знал, что оба — одаренные личности, им следовало бы узнать друг друга поближе. Как пишет работавший с Куинси Троуп, «это была странная встреча. Они ни в чем не хотели уступать друг другу. Сидели и пытались выпытать все о собеседнике, стараясь при этом рассказать о себе как можно меньше. Это была прямо-таки потрясающая патовая ситуация, в которую попали две мощные фигуры».

При следующей встрече Принс вручил Майклу в подарок маленькую коробочку. В ней лежали несколько пестрых металлических амулетов и перья.

Майкл быстро закрыл ее и взглянул на Куинси, который присутствовал при встрече. Затем Принс ушел.

— Что за чепуха? — удивился Майкл, уставившись на коробочку.

Куинси пожал плечами:

— Не знаю.

— Это причиндалы для вуду, вот что это, — сказал Майкл. — Может, нам следует их сжечь или что-нибудь в этом духе. Принс хочет наслать на меня порчу.

Куинси пришлось согласиться, что подарок непонятный. Майкл расценил его как проявление враждебности Принса к нему.

Он никогда не любил Принса, которого считал вульгарным и агрессивным. «Я бы никогда не вел себя на сцене так, как он. Не хочу. Временами это слишком пошло», — признавался Майкл Байрону Муру, одному из бывших приятелей.

Как-то в июле 1984 года компания Warner Broshers устроила демонстрационный показ фильма Принса Purple Rain для своих сотрудников и некоторых кинокритиков. В Голливуде поговаривали, что эта захватывающая драма с музыкой счелает Принса звездой первой величины. Майкла всегда расстраивало, что его клипы не так удачны, как он хотел. Будучи очень честолюбивым, не мог не посмотреть этот фильм, прежде чем он будет представлен широкой публике. Майкл юговорился, что придет на показ.

Майкл опаздывал в маленький театр, расположенный на юрритории компании, по организаторы презентации заставили всех ждать его. Они не начинали просмотр, пока не пришлет Майкл. Когда в зале погас свет, незаметно вошел Джексон в куртке с блестками и в темных очках. Он выглядел, как перед

выходом на сцену. Никому ничего не сказав, сел в последнем ряду и смотрел фильм, ничем не выдавая своего присутствия. Примерно за десять минут до конца фильма вышел из зала.

Позже один из присутствовавших поинтересовался мнением Майкла о фильме. И услышал в ответ:

«Музыка, кажется, ничего. Но мне не понравился сам Принс. Он злыдень, и мне не нравится, как он обращается с женщинами. Он напомнил мне одного из моих родственников».

«И кроме того, актер из него абсолютно никакой, — добавил Майкл. —- Ничего из себя не представляет». И вздохнул с облегчением.

Хотя Майкл и не оценил талант Принса, он понял, что, если споет с ним дуэтом, публика с большим интересом отнесется не только к синглу, но и ко всему альбому.

Джексон хотел, чтобы за месяц до выпуска сингла Фрэнк Дилео начал подкидывать в бульварные издания истории о том, что Майкл и Принс — злейшие враги и соперники. Люди Майкла станут критиковать Принса, а друзья Принса — те немногие, что будут вовлечены в эту проделку, — поливать грязью Майкла. Затем, чтобы запутать всех окончательно, Майкл попросит Фрэнка Дилео сделать заявление репортеру из журнала Rolling Stone, что никакой вражды между ними нет и что ему, Майклу, отвратительны все эти сплетни, так как они с Принсом большие друзья «и доверяют только тому, что пишут в Enquirer.

В течение месяца слухи о Принсе и Майкле — кто они, друзья или враги? — будут у всех на устах, и в конце концов выяснится, что все-таки враги. А затем, на пике разногласий, выйдет сингл Bad и видео. В этом фильме Майкл и Принс будут соревноваться друг с другом, по очереди представляя вокальные и танцевальные номера — Принс пройдет в стиле Джеймса Брауна, а Майкл исполнит свою фирменную «лунную походку» — с тем, чтобы окончательно решить, кто же из них «плохой». Это был превосходный план.

Когда Майкл позвонил Принсу и предложил ему эту идею, тот не был в восторге. Джексон послал ему демонстрационную запись песни. Прослушав ее, Принс заявил, что это никуда не годится и он не хочет ввязываться в это надувательство.

«Принс считает Майкла занудой, — сказал один из его приятелей. — Он не будет сниматься в видео и говорит, что Майкл глуп».

Отказ Принса от участия в съемках не слишком огорчал Майкла.

«Ну и как ты это расцениваешь?» — поинтересовался Фрэнк Дилео.

«Цифры», — покачал тот головой.

«О господи, ты меня расстраиваешь! — однажды сказала Майклу Джанет. — Я хотела, чтобы Thriller был моим альбомом!» Они посмеялись, но сестра была настроена серьезно.

Пока Майкл завершал работу над Bad, у Джанет был первый большой успех: альбом Control, вышедший на фирме «A&M». В это время она вела упорную борьбу с отцом — за вою карьеру, музыку, за свою жизнь. К глубокому огорчению отца, она стала встречаться с Джоном Макклейном, 31-летним продюсером компании A&M Records, давним другом семьи, которому Джанет во многом обязана своим успехом. Макклейн знал ее еще двухлетней. Изначально это была идея Джозефа, чтобы он взял его дочь под свое крыло. Джон назначил ей диету и комплекс упражнений и отправил в Каньон Ранчо в Аризону на 10 дней, чтобы та вошла в нужную физическую форму. Она начала заниматься с преподавателем вокала, уроки хореографии давала ей Паола Абдул. Короче, Джон помог ей стать звездой. Этим он нажил себе врага в лице Джозефа — Джанет начинала следовать указаниям Мак-клейна, а не отца.

«Нет, он мне не сын, — негодовал Джозеф в интервью с писателем Дж. С. Стивенсоном. - У Макклейна есть другой папаша. Мы — как собаки, отнимающие друг у друга кость, — продолжал он. — Получив эту кость, ты находишься в постоянном напряжении, чтобы ее удержать. Что касается Джанет, я выпускал ее на сцену в Вегасе, когда она была еще маленькой девочкой». Джо убеждал Джанет, что, если она останется с ним и хорошенько поработает, станет «звездой, как Майкл». У Джанет были сомнения на этот счет. «Она же не дура, — отмечал Джойс Маккрэй. - Она знала, почему Майкл и братья ушли от отца, и не доверяла тому, как он вел дела. Она стала «смотреть на сторону».

У Джанет уже были два не очень успешных альбома, вышедших на A&M Records, пока на горизонте не появился Макклейн. Для альбома «Control» он нанял композиторско-продюсерский дуэт Джимми Джема и Терри Льюиса. «Дела Джанет пошли в гору. И каждый, кто хочет, может на этом заработать. Я не собираюсь этого допускать», — сказал Джозеф. Макклейн утверждает, что Джексон не хотел, чтобы Джем и Льюис работали с его дочерью, да и альбом Control ему совсем не понравился, особенно песня What Have You Done for Me Lately? (которая уже становилась суперхитом). Этим альбомом Джанет заявила о своей независимости от отца и семьи; в заглавной песне поется о том, что она отныне сама будет решать свои дела. Девушка все еще не могла простить семье вмешательства в свою личную жизнь. Альбом Control попал в десятку самых

продаваемых альбомов 1986 года, Джанет могла оспорить доводы отца. Макклейн заявил, что был бы «испуган», если бы альбом понравился старшему Джексону, потому что, как он сказал писателю Дж. С. Стивенсону «в мои планы не входило привлекать 50-летних слушателей Я рассчитывал лишь на подростковую аудиторию. И поскольку я гораздо моложе его, я имею более четкое представление о том, как это делать».

Альбом Джанет разошелся тиражом в шесть миллионов копии по всему миру. Майкл испытывал двойственные чувства по поводу сенсационного успеха сестры. Он был ошеломлен оглушительным успехом у публики Control Многие из его знакомых считали, что это, среди прочего, осложнило поиски концепции для его следующего после Thriller альбома

«Майкл привык быть единственной звездой в этой семье, - размышлял один из друзей. - Он не привык чтобы кому-нибудь другому уделялось столько внимания, сколько сейчас - Джанет. Дошло до того, что брат не желал разделять всеобщего восхищения, опасаясь, что сестра украдет его лавры. Вот до чего дошло. Джанет ведь тоже очень честолюбива, хотя и боится это признать. Она не хотела откровенно сказать, что мечтает быть такой же знаменитой, как Майкл Джексон».

«Майкл, может, и не хотел, чтобы она прославилась но не ее вина в том, что она этого хотела», - полагал Макклейн

В сентябре 1986 года прошла презентация короткометражного фильма-истории Майкла Джексона «Capitain EO» сразу в Epcot Center во Флориде и в Диснейленде города Анахайм, в Калифорнии. Это был, пожалуй, самый дорогостоящий и наиболее разрекламированный короткометражный фильм (всего 17 минут) в истории кино, его съемки и выпуск заняли около года. Фильм Capitain EO (изначальный вариант - The Intergalactic Music Man - звучал слишком громоздко) продюсировал Фрэнсис Коппола. Исполнительным продюсером был Джордж Лукас. Предполагаемый бюджет фильма составил 20 миллионов долларов. В обоих парках пришлось построить специальные театры для показа картины, с полами, наклоняющимися в такт происходящему на экране. Это также световое и звуковое шоу с дымом, выплывающим из экрана. Майкл играет в нем космического командира, стоящего во главе компании роботов и пушистых существ воюющих против ужасной королевы (Анжелика Хьютон). Благодаря песням и танцам обитатели планеты становятся миролюбивыми созданиями. Майкл исполнил в фильме две песни.

Для раскрутки ленты требовалась нестандартная идея. Все

относящееся к его выходу держалось в тайне, это исключительный пример того, как знаменитость уровня Джексона, окружив себя крупными специалистами по связям с общественностью, может манипулировать прессой.

Для рекламы картины Майкл решил имитировать несчастный случай во время съемок на Laird Studios в Голливуде По словам приятелей Стивена Хоффлина, он и Майкл работали над аферой, известной в команде доктора как «Джексон Упал и Сильно Ушибся». Друг Майкла Хоффлин одновременно хотел сделать рекламу своей Бротмановской Мемориальной клинике, где находился Ожоговый центр Майкла Джексона.

29 июля 1985 года Майкл действительно упал во время съемок фильма, получив небольшое растяжение запястья. На следующий день он вышел из гримерной, жалуясь на ужасную боль. Его повезли в Мемориальную клинику, где, как оказалось, уже ждали фотографы, предупрежденные людьми Хоффлина. Его сопровождал молодой человек по имени Джонатан Спенс в свитере USA for Africa (в других рекламных целях). Майкла «осмотрел» доктор Хоффлин, он вышел из госпиталя с забинтованной, на перевязи рукой. Пока фотографы и репортеры толпились вокруг него, он делал вид, что совсем не ожидал такого внимания и хотел бы скорее скрыться от глаз назойливой прессы.

На следующий день сообщение о «несчастном случае» появилось во всех газетах страны. В лос-анджелесской Herald Examiner был заголовок: «Майкл Джексон упал и ушибся, повредив свое знаменитое запястье». «Было видно, что ему больно, — сказал один из представителей Майкла. — Он выглядел очень несчастным».

Шутка была безобидной и действительно сыграла свою роль в рекламе Capitain EO, а заодно и Бротмановского госпиталя. Но Майклу нужно было что-то поэффективнее.

В 1984 году, когда он получил ожоги во время съемок ролика для Pepsi, в Бротмановской клинике ему показали так называемую барокамеру. Она используется для лечения лютей, пострадавших от ожогов. Это прямоугольное сооружение, напоминающее по форме гроб с прозрачной пластиковой крышкой. В ней чистый кислород под давлением, в несколько раз превышающем атмосферное. Это способствует насыщению кислородом тканей. Когда гипербарическая терапия проводится опытным персоналом, она совершенно безопасна. В противном случае есть риск кислородной интоксикации, обмороков и возгорания. Когда Стивен Хоффлин поделился с Майклом своей теорией о том, что, если спать в этой камере, можно существенно

продлить жизнь, он увлекся этим и захотел немедленно купить такой аппарат. Он стоил 200 тыс. долларов.

«Как ты думаешь, я мог бы спать в ней у себя дома?» — поинтересовался Майкл. «Я это выясню», — ответил Хоффлин.

В результате было решено, что, хотя Майкл мог легко себе позволить приобрести камеру, он не сделает этого. Фрэнк Дилео отговорил его. «Тогда я хотя бы сфотографируюсь в ней», — сказал Майкл. Такой снимок был сделан.

Тем временем стали распространяться слухи, что Майкл заинтересовался этой новинкой, и, как всегда, они попали на страницы National Enquirer. «Мне позвонили из Лос-Анджелеса и сообщили, что видели, будто Майкл фотографируется в барокамере, — рассказывал корреспондент Чарльз Монтгомери, работавший тогда в Enquirer, а сейчас сотрудничающий с Globe. — Я не знал точно, в чем дело, но оно попахивало сенсацией, и мне хотелось написать о ней первым». Он встретился с Фрэнком Дилео, чтобы узнать подробности. «Тот меня просто отшил, — продолжал Монтгомери. — Он не хотел ничего обсуждать и сказал мне, чтобы я проваливал. Кое-что удалось узнать, позвонив Хеффлину, но не слишком много. Факты упорно замалчивались».

Когда Майклу сообщили, что Enquirer проявляет любопытство, у него «пошел» творческий процесс. Ранее в тот же год он дал Дилео и Джону Бранка книгу о П. Т. Барнуме, его теориях и философской концепции. «Она будет моей Библией, и, надеюсь, вашей тоже, — сказал он им. — Я хочу, чтобы моя карьера стала величайшим шоу на Земле».

Именно Майкл подал идею сочинить для прессы историю о том, что он собирается спать в барокамере, чтобы прожить 150 лет, и планирует взять ее с собой в следующее турне. У него не было уверенности, что люди поверят этой чепухе, но почему не проверить это. Бранка все это считал абсурдом но предпочитал не вмешиваться. «Я хочу, чтобы люди над этим подумали, - сказал Майкл Дилео. - Ваша задача решить, как преподнести эту историю».

Фрэнк Дилео должен был найти способ передать материал в прессу Он позвонил в отделение National Enquirer в Ланканс штат Флорида, чтобы побеседовать с Чарльзом Монтгомери. Дилео сообщил ему подробности, которых он так долго ждал, а заодно пообещал предоставить фотографию Майкла в камере - с условием, что журналист гарантирует публикацию информации. Также он потребовал от Монтгомери не раскрывать ее источник. Редакторы Enquirer согласились поместить материал на первую полосу, особенно если фотография окажется удачной.

«Я не знал, что это «утка», - сетовал Монтгомери. -Майкл

сказал, что это правда. Его собственный менеджер это подтвердил, и его доктор говорил то же самое. Кто же вам еще нужен? К тому же имелась фотография. Она сенсационна, мы были от нее в восторге».

Теперь перед Дилео стояла задача двигать дело дальше, но чтобы никто не догадался о его участии. Помещая информацию в Enquirer, он не рисковал репутацией, так как мог с чегкостью опровергнуть свою причастность. Ему бы поверили больше, чем репортеру этой газеты. С так называемой «серьезной» прессой дело обстояло сложнее. Так как в средствах массовой информации знали, что авторитетный журналист Норман Винтер работает в отделе по связям с общественностью у Джексона, то, опубликуй он эту странную историю, это расценивалось бы как рекламный трюк. Нужно было найти кого-то на стороне.

Случилось так, что офис Фрэнка Дилео на Сансет-стрит находился рядом с офисом ведущего журналиста в области шоу-бизнеса Майкла Левайна. Дилео пригласил его к себе домой в Энсино и рассказал о своих намерениях, но с некоторыми добавлениями. Он пошел дальше Джексона и хотел, чтобы пресса поверила не только в то, что тот собирается спать в барокамере, но и в то, что у них серьезные разногласия относительно безопасности этого устройства и Дилео не хотел бы чтобы Майкл брал камеру с собой в турне.

Фрэнк сказал Левайну, что, если он собирается заняться этим не должен как-либо связываться с Майклом и обязан скрывать свою причастность к этому. Другими словами, задача Левайна заключалась в том, чтобы опубликовать нечто так, чтобы автор оставался неизвестен. Кроме того, его работа не будет оплачиваться. Если все пройдет гладко, сказал Фрэнк, он уговорит Майкла сотрудничать с фирмой Левайна. «Ты мне — я тебе», — ответил ему Фрэнк Дилео.

На следующий день в офис Левайна прислали конверт. Курьеру строго-настрого приказали вручить его лично Левай-ну, и только ему. В конверте был лишь цветной диапозитив: Майкл лежит в барокамере в своей обычной одежде, но без обуви. На конверте не было ни имени получателя, ни обратного адреса.

На той же неделе Майкл Левайн привел известного голливудского фотографа в Бротмановскую Мемориальную клинику, чтобы снять барокамеру для архива, если к каким-то публикациям потребуются дополнительные снимки. Он не сказал фотографу, для чего они предназначаются. Тот делал свою работу и не задавал лишних вопросов. Кто-то попросил администрацию госпиталя разрешить эту съемку. В администрации ничего не знали о целях этого визита, их молчание было оплачено.

Теперь настала очередь Левайна. Один из журналистов вспоминает: «Он позвонил мне и сказал: «Слушай, у меня нет никаких дел с Майклом Джексоном. Я даже его не знаю. Но я был дома у Фрэнка Дилео и случайно подслушал, что именно он — виновник разногласий». Затем он пересказал мне нелепую историю о том, что Майкл спит в кислородной камере, и о том, что Майкл и Дилео ссорятся по этому поводу. Дня через три новость обсуждал весь город».

Примерно через неделю, 16 сентября 1986 года, фотография Майкла в барокамере была напечатана на обложке National Enquirer. Большая часть читателей даже не знала, что это за камера, они и подумать не могли, что это — монтаж, ведь на самом деле пациенты и медицинский персонал, входящие в камеру, должны быть одеты в огнеупорные костюмы, а не в обычную одежду, в которой Майкл был на снимке! Многие люди считают, что «желтая» пресса печатает выдуманные истории о знаменитостях. Но никто не знает, что это делается по инициативе самих же звезд, как это было на этот раз.

«Майклу нравится, когда его изображают абсурдным, эксцентричным, — сказал Чарльз Монтгомери. — За последние годы я опубликовал огромное количество историй про Майкла в Enquirer. До того как начать что-либо делать, я подробно обсуждаю все детали с людьми из его окружения, и почти всегда я встречаю в них поддержку. Майкл Джексон — один из умнейших деятелей шоу-бизнеса. Он знает, как сделать себе имя. Он умеет работать на публику. Он знает, как себя вести. Я считаю его гениальным».

Благодаря Майклу Левайну весть о затее Майкла быстро разнеслась по всему миру. В интервью Associated Press Дилео подтвердил написанное в репортаже: «Я сказал Майклу: «Эта машина чертовски опасна. Вдруг что-нибудь случится с кислородом?» Но он меня не слушал. Мы не можем прийти к согласию по этому вопросу. Джексон действительно полагает, что эта камера очищает его, что она поможет ему достигнуть цели — дожить до 150 лет». Фрэнк заявил журналу Time: «Иногда я просто не могу его (Майкла) понять».

Даже пластический хирург Майкла — Стивен Хоффлин пошел в игру и якобы отговаривал своего пациента от «этой дурацкой затеи». Но тот будто бы игнорировал все предостережения и освободил место для камеры в своей спальне.

Когда Джозеф услышал об этом, он бросился в спальню Майкла, чтобы удостовериться, действительно ли там установлена камера. «Но там ничего не было», — вспоминает он.

«Я бы все равно не позволила ему притащить эту штуку

домой», — добавила Кэтрин. Родители, очевидно, еще ничего не знали о шутке. Отец всегда защищал Майкла от тех, кто утверждал, что его сын ведет себя странно, чудаковато.

«Джозеф всегда был на его стороне, — отмечал давний их друг. — Он говорил: «Майкл не спит ни в какой камере. Не верьте ни единому слову из того, что говорят о нем». Никому не позволялось плохо отзываться о Майкле в его присутствии».

«Я ни разу не спросила его, что значат все эти сплетни насчет камеры, — говорит Джанет. — Я понятия не имею, в чем там дело. Нет в доме никакой камеры, иначе я бы о ней слышала. Но зная Майкла, можно предположить, что он занимается чем-то подобным. Возможно, это как-то связано с его голосом».

Эта проделка Майкла — прекрасно организованный рекламный ход. Историю о барокамере подхватили Associated Press и United Press International. Она появилась на страни-nax,«Time», «Newsweek» и практически во всех главных изданиях страны. О ней рассказывали в теле- и радионовостях. Слово «барокамера» мгновенно было у всех на устах. Люди обсуждали необычный план Джексона дожить до 150 лет и о его менеджере, который не хотел с ним соглашаться.

Сам он был потрясен. В прошлом о нем было написано много выдуманных историй, и всегда они его злили. Теперь он возвращался в средства массовой информации. «Не могу поверить, что люди на это купились, — удивлялся Майкл. — Похоже, что я могу говорить прессе о себе все, что угодно, и они поверят в это. Мы можем реально контролировать прессу. Я думаю, что для нас это важное достижение».

Журналист Майкл Левайн проделал великолепную работу, но Майкл Джексон так и не отблагодарил его, несмотря на данные Фрэнком обещания. Вместо него Майкл назначил своим представителем Ли Солтерса. Дилео поблагодарил Ле-вайна за работу, выразил сожаление в связи с решением Майкла и попросил представить ему счет за его услуги. Но Левайн не сделал этого. История с барокамерой была для Майкла Джексона хорошим рекламным трюком. До сих пор Майкл Левайн держит в секрете свою причастность к этому делу.

А многие до сих пор верят, что Майкл Джексон спит в барокамере.

Глава 27

Весной 1987 года Майкл расстался со Свидетелями Иеговы. Представитель общины прихожан в Вудлэнд-Хиллз, в которой он состоял, сказал, что Джексон «перестал причислять себя к ее членам» и «больше не хочет отождествлять себя со Свидетелями Иеговы. В официальном письме от 18 мая из отделения Свидетелей Иеговы в Бруклине, Нью-Йорк, также сообщалось, что организация «больше не считает Майкла Джексона своим членом». Гари Боттинг, соавтор книги The Orwellian World of Jehoval's Witnesses («Орвеллианский мир Свидетелей Иеговы») и сам «свидетель», сказал, что добровольно уйти из религии «хуже, чем быть лишенным членства в ней или быть изгнанным. Добровольно отвергать единственную организацию, исповедующую настоящую веру в господа - непростительный грех... грех против Святого Духа».

Майкл покинул Свидетелей Иеговы, потому что не мог жить в рамках строгой религиозной морали. «Почти невозможно быть Свидетелем Иеговы и одновременно поп-звездой, - утверждает один из его знакомых. — Некоторые пытались, но это трудно. Майкл устал отвечать на вопросы церковных лидеров, которым была непонятна причина его карьерного взлета. Фрэнк Дилео не мог ничего поделать с решением Майкла, но он определенно не одобрял требований, возложенных организацией на него. Майкл просто потерял к тому интерес».

Выйти из Свидетелей Иеговы, как правило, означает, что остальные члены семьи и друзья, которые состоят в организации, прекращают какие-либо отношения с вероотступником. Ходили слухи, что уход Майкла связан с тем, что ему больше не дозволялось общаться с ЛаТоей и он не смог вынести того. Слухи оказались ложными.

Майкл никогда и ни с кем не обсуждал этот вопрос, и потому решение сына озадачило его мать. Кэтрин утверждает, что ей все еще можно поддерживать отношения с ним, несмотря на строгие запреты религии. «Никто не требовал, чтобы я «порвала» с ним», — говорит она. Но также известна ее склонность нарушать запреты, например, устраивая вечеринки в честь дня рождения (что запрещено верой). Кроме того, строжайше запрещено обсуждать вопросы веры с бывшими членами организации, даже если они близкие родственники. Именно поэтому, по словам Кэтрин, она ни разу не спросила Майкла о том, что произошло, и это, по-видимому, к лучшему. Кэтрин уверяет, что между ней и сыном самые теплые о сношения. «Майкл все еще обращается ко

мне за советом, — говорит она. — А мне он помогает сделать выбор при покупке одежды. Он просит меня накрасить губы, когда приходят друзья, поддерживал меня в моем стремлении сбросить вес. Он сказал: «Элизабет похудела. Если она смогла, то и ты сможешь. А если тебе не понравится результат, ты всегда можешь сделать пластическую операцию». — «Но я не буду этого делать», — тут же добавила Кэтрин.

В мае 1987 года Майкл придумал новый рекламный ход, обещающий «переплюнуть» даже историю с барокамерой. Его всегда восхищал фильм о Джоне Меррике The Elephant Man, вышедший в 1980 году. В главной роли снялся Джон Херт. ЛаТойа рассказывает, что, когда он смотрел этот фильм в домашнем кинотеатре, все время плакал. Для МайклТджон Цирковой уродец викторианского периода - был таким же, как он, аутсайдером, который жаждет любви и понимания. После того как в 1984 году при несчастном случае Майкл пострадал получив ожоги, он заинтересовался медициной и стал читать литературу, в которой говорилось о Меррике Он узнал, что его останки хранятся в стеклянном резервуаре в Медицинском колледже при Лондонском госпитале и решил взглянуть на них во время поездки в Англию. Он должен был достать специальное разрешение, чтобы увидеть хранившийся там 97 лет скелет, который больше не выставлялся после выхода фильма, привлекшего толпы туристов в госпиталь. Во время экскурсии он сказал: «Ну разве не клево у себя дома иметь такие (кости)? Вот Кэтрин порадовалась бы!» - добавил он, смеясь. Еще не остывший после проделки с барокамерой, мозг Майкла снова принялся за работу Он решил заявить о намерении купить эти кости у госпиталя и посмотреть, как на это отреагирует пресса.

Майкл Джексон объяснил Фрэнку Дилео план действий и сам стал работать дальше в том же направлении. Объяснив, что живейший интерес Майкла к останкам Меррика основан на «этической, медецинской и исторической значимости Человека-Слона». Фрэнк сообщил, что за скелет госпиталю предложено полмиллиона долларов. Естественно средства массовой информации сразу клюнули на приманку - человек, спящий в барокамере, теперь хочет купить кости. Это была новость! Association Press и United Press International опубликовали сенсацию; к июню все уже говорили о новой эксцентричной выходке Майкла - Чудака.

Майкл и Фрэнк не учли одного: что пресса проверит информацию, обратившись в Лондонскую клинику Его администрация уверила журналистов, что подобного, предложения не поступало и они узнали об этом только из

английской «желтой» прессы. Даже если бы предложение и поступило заявил официальный представитель госпиталя, «мы бы не продали Человека-Слона, это же очевидно».

«О Фрэнк, как же мы не подумали о том, чтобы обеспечить тыл, - сказал Майкл Фрэнку. - Теперь придется действительно делать предложение. И они, конечно продадут его за эти деньги. Всему своя цена».

На этот раз Майкл всерьез заинтересовался останками, не из-за того, что так любил Джона Меррика, а потому, что у него появилась возможность купить их. Дилео позвонил в госпиталь и в этот раз действительно предложил миллион долларов.

В госпитале к этому отнеслись как к оскорблению. Его представительница заявила прессе, что «если он действительно намерен купить скелет, это будет сделано исключительно в рекламных целях, и я не уверена, что госпиталь согласится продать его ради дешевого рекламного трюка».

«Что он собирается сделать с костями?» — спросил Фрэнка журналист. «Не знаю, — сказал Дилео, — может, выставит в комнате, когда я приду к нему в гости». Кэтрин поняла, что это был розыгрыш, но считала это делом Фрэнка. Она даже представить себе не могла, что трюк придумал Майкл, и отругала Дилео, который, по ее словам, заставляет сына выглядеть идиотом». Фрэнк ответил, что хочет помочь Майклу выглядеть интересней, чем он есть на самом деле. Кэтрин это совсем не понравилось, о чем она прямо заявила Фрэнку. Но он не счел нужным прислушиваться к ее мнению, как, собственно, и сам Майкл.

Через пару месяцев Майкл потерял интерес к Человеку-Слону, «скандал» затих сам собой. Он прошел, но о нем не забыли.

Вторая «рекламная кампания» Майкла снова привлекла внимание прессы, но на этот раз публикации были не в его пользу. Журнал Playboy сделал шутливое заявление, что «по слухам, потомки Человека-Слона предложили 10 тыс. долларов за останки носа Майкла Джексона».

Эпопея Майкла с костями вызвала эффект домино в «желтой» прессе. Некоторые беспринципные журналисты стали выдумывать свои истории с помощью авторитетных источников из его окружения. Если Джексон хочет такой популярности, решили они, с радостью поможем ему в этом, благо эти россказни печатались в журналах с миллионными тиражами. Если верить таким сообщениям, Майкл якобы предложил Элизабет Тэйлор выйти за него замуж. «Я мог быть для нее гораздо интереснее, чем Майк Тодд, более внимательным и благородным, чем Ричард Бартон,

но она все равно отвергла меня», — вроде признался он. Писали также, будто бы он пытался убедить Лиз Тэйлор спать вместе с ним в барокамере; был уверен, что конец света наступит в 1998 году; отказался купаться в какой-либо воде, кроме Evian; и, наконец, видел призрак Джона Леннона, который советовал использовать песню Revolution в рекламе фирмы Nike.

Ни одна из этих сплетен не соответствовала истине, каждая сильно задевала Майкла, который так до конца и не осознал, что сам заварил эту кашу. Поскольку он отказался давать кому-либо интервью, чтобы окружить себя некой таинственностью, подобные истории плодились, и никто их не опровергал.

После всего этого Майкл стал еще более ранимым, теперь даже совсем безобидные публикации задевали его за живое. Например, известный корреспондент из Манхэттена Синди Адаме опубликовала статью о том, что, когда Майкл стрижется во время турне, его волосы собирают в мешок и уничтожают. Это было правдой. Однако это было ритуалом. Он просто не хотел, чтобы парикмахеры продавали его волосы фанам. Но считал, что об этом не должны знать, так как «это звучит более странно, чем есть на самом деле, — сказал он. — Я лишь пытаюсь защитить моих фанов».

Исполнительный продюсер Си-би-эс Бобби Коломби сказал писателю Тодду Голду (он написал книгу о Майкле Джексоне The Man in the Mirror в 1989 году): «Майкл постоянно спрашивал, почему о нем говорят столько гадостей. Он не мог этого понять. Жаловался, что ему очень неприятно читать такое про себя. Я пытался втолковать ему, что проблема—в нем самом. Объяснил ему, что никогда не видел Брюса Спрингстина на обложке National Enquirer, лежащего в барокамере. Даже если и появилась бы такая фотография, никто бы этому не поверил. Я сказал: «А ты, Майкл, уделяешь слишком много времени своей «таинственности», хочешь быть не таким, как все, чтобы люди бросились покупать все, что связано с твоим именем». Он ответил, что вроде понял, о чем речь».

Вместо того чтобы разжигать интерес и любопытство к персоне Майкла, его рекламные фокусы возымели обратный эффект. Теперь еще больше людей пришло к выводу, что он несколько не в себе. Конечно, Джексон эксцентричен, но он далеко не сумасшедший. Со временем он стал сожалеть, что распространял вокруг себя разные небылицы. Та же ерунда, написанная о нем другими — и он не имел к этому отношения, — всякий раз больно задевала его.

«Майкл, очевидно, нашел способ справляться с ударами, наносимыми ему средствами массовой информации, - сказал

Джойс Маккрей. - Но у него уходило слишком много времени на сами переживания. Ты строишь вокруг себя стену и пытаешься сделать все, чтобы быть нечувствительным к боли и при этом сохранить человеческий облик. Остаться человеком — вот что самое сложное».

«Он совсем не счастлив, как многие думают», - утверждают Дэнис Хант, музыкальный критик из Los Angeles Times, знающий Майкла многие годы. Он сказал писателю Куинси Троупу, что «на него очень подействовало отсутствие всякой личной жизни». И люди, знающие его, говорили, что это его вконец достало и он пытается отгородиться всеми способами. Для него нет пути назад: он уже не сможет жить в реальном мире. Считалось, что он это перерастет и снова появится на публике, но оказалось, что это невозможно. Из-за уровня популярности, которого достиг Майкл, он постоянно один».

Однажды Фрэнка Дилео спросили, зачем нужно было стремиться к тому, чтобы Майкл достиг такой популярности, которой не было и нет» ни у кого.

«Не могла ли вся эта шумиха подействовать на и без того слабую психику Майкла?» - задали вопрос журналисты из Rolling Stone Майкл Голдберг и Дэвид Хэндлман.

«В любом случае слишком поздно что-либо изменить, — ответил Дилео. - У него уже не будет нормальной жизни, как бы он ни хотел к ней вернуться».

В августе 1987 года завершился бракоразводный процесс Джекки и Энид Джексон. Решение суда заняло сорок четыре страницы. Несмотря на то что до развода они вели роскошную жизнь, после того как миллионы были разделены между бывшими супругами и были уплачены все судебные издержки и налоги, каждому из них досталось не слишком много.

Энид вспоминает: «Признаюсь, что сначала я думала: Если у Джекки останется хоть цент после нашего развода, он и этого не заслуживает. Ему и Паоле Абдул не хватит денег на автобус до студии». Но потом я решила: «Берите все, что вам нужно, только исчезните из моей жизни и оставьте меня в покое».

Знакомые Джексонов всерьез полагают, что Энид забрала себе все деньги и имущество у мужа. На самом деле это не так «В конце концов я попросила немного, — сказала она. — Я согласилась на его условия, так как, честно говоря, устала от всего этого и хотела поскорее завершить процесс». В результате Энид получила 5 тысяч долларов ежемесячно в качестве алиментов, 3,5 тысячи в месяц на содержание ребенка, 20% от его годового дохода, составляющего свыше 250 тысяч долларов, и половину авторских отчислений за песни, записанные Джекки в

период их замужества.

«Частичка моего сердца всегда будет принадлежать Джекки, — говорит Энид. — Я не желаю ему зла. Но, оглядываясь назад, понимаю, что здесь нет вины Паолы. Конечно, она была не права, отняв у меня Джекки и разбив нашу семью. Но Джекки был старше ее; за ним было последнее слово. Никто его ни к чему не принуждал.

Все только и говорят о том, что все братья Джексон помогли Паоле начать карьеру, но это не так, — продолжает Энид. — Только Джекки. Я думаю, что он действительно любил ее. Он помог ей сделать первые шаги в шоу-бизнесе. Ее карьера пошла в гору, потому что с ней рядом был мой муж. Когда Джексоны снимали клип на песню Torture, у них был свой хореограф. Паола убедила Джекки уволить его и взять ее. Потом она переключилась на Джанет. Но, став знаменитой, отказалась признавать, что Джекки был единственный, кто заботился о ней; сделал звезду издевочки, входившей в группу поддержки спортивной команды, дав толчок ее карьере. Она использовала его, и ему было так тяжело. Очень грустная история».

Через месяц после развода Джекки был арестован за причиненное беспокойство Энид. В своем заявлении она написала, что он пришел в дом, где они раньше жили вместе, ему понадобилась студия, и по решению суда он имел право работать в ней. У Энид были гости, она не хотела его впускать. Тогда Джекки пошел на кухню и разбил ногой стеклянную дверь. Стекло разлетелось повсюду, Энид, давая показания, сказала, что ей было страшно. Он осыпал ее ругательствами, когда узнал, что у нее гости. Она позвонила в полицию, Джекки арестовали по обвинению в нарушении судебного предписания, которое все еще было в силе. На самом деле нарушение закона, насилие было обычным делом в семье Джексонов.

Сейчас Энид Джексон, как она сама выразилась, «наконец-то счастлива и довольна жизнью сполна». Она гордится своей независимостью от Джекки Джексона, которая досталась ей так непросто, работает шоу-менеджером и продюсером и растит детей.

В октябре 1987 года, через два месяца после развода Джекки и Энид, у 34-летней Хэйзл обострились проблемы в семье. У Джермена появилась другая женщина, Маргарет Мальдонадо, которой было чуть больше 20. Она забеременела. Шесть месяцев спустя жена Джермена тоже сообщила, что беременна. Ребенок Маргарет родился в середине декабря 1986 года, На дне рождения Марлона в марте 1987 года Джермен появился с трехмесячным сыном от Маргариты и беременной Хейзл. Она

была поражена, что Джанет и Марлон нянчатся с малышом.

Хотя Майкл был расстроен происшедшим, он не смог устоять перед новорожденным. (Майкл не был на дне рождения, но надарил ребенку кучу подарков, старался проводить с ним как можно больше времени.) «Майкл вел себя так, будто он был отцом ребенка, — сказал Джером Говард, бывший управляющий делами Джозефа. - Дети его просто притягивают, неважно, при каких обстоятельствах они родились».

Хэйзл всегда клялась в вечной любви к Джермену и хотела сохранить семью любой ценой. Была против того, чтобы расстаться с мужем, пусть даже от него родила другая женщина; и предложила усыновить ребенка, но при условии, что Джермен уйдет от Маргарет. Он, по-видимому, не хотел потерять ее.

«Хэйзл смирилась с тем, что едва ли стала бы терпеть любая другая женщина», — сказала одна из ее подруг. Членам семьи эта история подозрительно напоминала ситуацию с Кэтрин и Джозефом и его незаконнорожденным ребенком. Не думаю, что кто-либо из детей обрадовался бы, узнав, что их папаша вытворял в прошлом, — говорит Джером Говард. - Но посмотрим правде в глаза, некоторые из них становятся такими же».

У отца Хэйзл также были дети от других женщин; она видела подобное еще до того, как это случилось с ней самой.

Через две недели после той вечеринки, в марте 1987 года, у Хэйзл родился сын. Со временем она получала 25 тысяч долларов в месяц в качестве алиментов, включая 7,5 тысячи на содержание троих детей десяти, девяти лет и девяти месяцев. Их бракоразводный процесс был таким же тягостным, как у Джекки и Энид. Суд постановил, чтобы бывшие супруги не «общались, не приставали, не нападали, не угрожали, сексуально не домогались или не дрались» друг с другом. Хэйзл утверждала, что после развода она не могла получить денег от Джермена для себя и детей. Принимая во внимание проблемы Джекки и Энид, она сказала, что имеет весьма слабое представление о планах Джермена и его финансовом положении, и будет ли им с детьми обеспечено какое-либо медицинское страхование. И добавила, что не знает управляющего делами ее мужа. Ей с Джерменом принадлежало звукозаписывающее, аудио- и видеооборудование на полмиллиона долларов и «Феррари» стоимостью 250 тысяч долларов; все это она хотела продать.

Хэйзл осталась жить в их доме в Беверли-Хиллз, Джермен и Маргарет переехали к его родителям. Кэтрин была против того, чтобы сын, его подруга и их ребенок жили у нее, особенно пока развод не завершился. Она не считала это правильным, или, как она выразилась, «порядочным». К тому же в свое время подобное

произошло у нее с мужем, и она, очевидно, не хотела об этом вспоминать. Однако, когда Джозеф на этом настоял, новая семья перебралась в дом.

Создавалось впечатление, что, став взрослыми, Джермен и Джекки плохо представляли себе, что такое брак и ответственность. «Нельзя их обвинять, — сказал один из родственников. — Они не знают примеров лучше. Они были так воспитаны. Ни у одного из братьев брак не сложился удачно, кроме Майкла, который вообще не состоял в браке».

Однажды один из братьев поссорился с женой, Майкл огорчился. Он высказал брату свое возмущение. «Отвали, — сказал тот. — Пока сам не женишься, нечего мне здесь давать советы».

Это задело Майкла, он выбежал из комнаты, а позже признался одному из родных: «Зря я стал вмешиваться не в свое дело». —И добавил с детским вызовом: — Когда я женюсь, у меня не будет ничего подобного тому, что происходит в нашей семье. Уж поверьте мне».

В июне 1987 года Майкл не хотел, чтобы альбом Bad вышел в свет. По его мнению, он еще не готов, и Майкл волновался, как примут его слушатели. Один из знакомых Майкла как-то сказал: «Он боится завершить запись альбома. Чем ближе она подходит к концу, тем больше он волновался, что скажет публика».

Фрэнк Дилео переубедил Майкла, сказав: «Поезд тронулся. Альбом должен быть сделан к 30 июня». Он вышел 10 июля 1987 года. «Всегда нужен крайний срок, — сказал Фрэнк журналисту Rolling Stone. — Если его не назначить, Майкл еще год проторчит в студии».

В июле, перед выходом альбома, Майкл устроил обед в своем доме в Энсино для пятидесяти сотрудников Си-би-эс и распространителей музыкальной продукции. Воротилы звукозаписи расхаживали по дому, словно это был музей. Многие нашли его холодным и безжизненным. Гвоздем программы был шимпанзе Майкла по имени Баббл в брюках с подтяжками. Его вела ЛаТойа, одетая точно так же. Они выглядели как близнецы. Угостив прибывших запеченным лососем и телячьей отбивной, которые приготовил его личный повар Вольфганг Пук, Майкл захотел с ними пообщаться. Охранник шел перед Джексоном и объяснял группе, сидящей за каждым столиком, как им сесть, чтобы сфотографироваться с ним. Затем он подходил к столику, фотографировался и направлялся к следующей группе гостей. «Все это было похоже на военные учения», — сказал Стив Беннетт, исполнительный продюсер компании Record Bar.

Если каждый артист планеты завидовал успеху альбома

Thriller, то никто из них не хотел бы оказаться на месте Майкла, пытающегося превзойти его. Bad произвел хорошее впечатление и мог бы считаться первоклассным, если бы не стремился повторить не только Thriller, но и мастерский Off the Wall. «Стремясь выйти из леса», Джексон и Куинси слишком крепко держались за «спасительную нить» альбома Thriller.

На новом альбоме Майкл записал дуэт — легкую песенку в духе The Girl is Mine в Thriller. Это приятная баллада под названием I Lust Can't Stop Loving You, которую спела приглашенная Куинси Джонсом Сайеда Гэррет (вместо Барбры Стрейзанд или Уитни Хьюстон).

По мнению критиков, проблема Bad в том, что в отличие от двух его предшественников в нем слишком мало запоминающихся вещей. Джексон написал большую часть материала сам (возможно, к этому его подтолкнуло новое увлечение - звукозапись и миллионы долларов, вырученные благодаря авторским отчислениям за песни с двух предыдущих альбомов). Род Темпертон, чей талант способствовал появлению выдающихся Off the Wall и Thriller, на этот раз не был взят в соавторы. Самую интригующую композицию — глубоко личную Man in the Mirror — написал не Майкл Джексон, а Сайеда Гэррет и Глен Бэллард. Пригласив на запись альбома звезд госпел — Andral духовного песнопения американских негров — Андрэ Кроуч и группу Winans, Майкл сделал весьма неудачную попытку завоевать успех у «черной» аудитории.

Заглавный трэк с альбома подвергся наибольшей критике со стороны любителей «черной» музыки, им казалось, это самое примитивное из всего, что можно было бы сделать. Майкл — черный, рассуждали критики. Он начал с Motown. Танцует в стиле фанк. Его вокальные корни в какой-то степени прослеживаются в госпелах. Является ли Bad наивысшим результатом, которого он может достичь в фанке, в «черной» музыке? В лучшем случае, «Рэто» — слабая попытка подражать серьезному «черному» стилю.

Режиссером клипа на песню Bad, по предложению Куинси Джонса, был Мартин Скорсезе. Джексон не был знаком с его работами, за исключением фильма «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Для съемок Майкл хотел пригласить Джорджа Лукаса или Стивена Спилберга. Но Фрэнк Дилео хотел, чтобы он отошел от привычного образа Питера Пэна и понимал, что очередная фантазия в стиле Спилберга сведет на нет все его старания. Уличная музыка — а именно рэп и хип-хоп — стала задавать моду в музыке и стиле жизни. Дилео посчитал, что Майклу было бы выгодно «вернуться к корням». Возможно, он полагал, что

образ «уличного кота» сыграет на руку Джексону. Поэтому Дилео посоветовал Майклу работать со Скорсезе.

С самого начала съемок возникли проблемы, когда Майкл вздумал учить Скорсезе, как работать над режиссурой клипа. По словам друга Скорсезе, съемки обернулись «полным кошмаром». Скорсезе сказал, что стоимость клипа выросла «в два или три раза по сравнению с запланированным, достигнув около двух миллионов долларов. Тем не менее Скорсезе не говорил о Джексоне ничего плохого, наоборот, назвал его «симпатичным, мягким и открытым».

Сценарий клипа, написанный Ричардом Прайсом, был навеян историей Эдмунда Перри, чернокожего подростка, которого застрелил в Нью-Йорке полицейский в штатском, утверждавший, что тот пытался его ограбить. То, что было хорошим начинанием — попытка возродить бунтарский дух Beat It, — превратилось в жалкую пародию.

«Майклу нравится мюзикл West Side Story, — говорит танцор Каспер, который снимался в клипе. — Всю ночь в гостиничном номере мы просматривали снова и снова сцены из мюзикла. Он сидел на постели, а мы, танцоры — я, Джефри Дениэл, Грэг Бург и другие, — прыгали вокруг него. Он просил нас просмотреть некоторые сцены, и когда ему что-то нравилось, вскрикивал от восторга: «О-о-о, вы это видели? Как вам, а?» Именно такую атмосферу, как в фильме, он хотел бы передать в клипе. Ему нравилось, как танцевал Джордж Чакирис, актер, игравший роль лидера «Акул». Именно такой персонаж ему был нужен в клипе».

Сюжет клипа — история одинокого, забитого школьника, постоянно страдающего от притеснения сверстников и уличных хулиганов. Подросток превращается в храброго, мстительного парня. Выглядит это, правда, несколько странно, из-за забавного наряда, в который облачен Майкл. Весь затянутый в кожу — черные ботинки с серебряными каблуками и пряжками; черная куртка, сплошь покрытая «молниями»; металлический напульсник и широкий пояс с серебряными заклепками и цепями — Майкл слегка переборщил с внешним видом обитателя гетто.

Реакция критиков на видео была безжалостной. Радиостанции и газеты соревновались, кто угадает, сколько застежек у него на костюме. Редакция Los Angeles Times, например, была завалена письмами примерно в таком духе: «Одну застежку уж точно никто не найдет, она находится у него на затылке, чтобы натягивать кожу поверх все новых и новых перевоплощений Майкла». «Застежки — часть продолжительного лечения, направленного на то, чтобы сделать Майкла похожим на Лиз Тэйлор периода National Velvet». «Шестьдесят шесть застежек

— остатки от его кислородного механизма».

Майкл утверждал, что он — автор дизайна кожаной куртки. На самом деле весь наряд и еще пара штанов были куплены за 334,31 доллара в панковском магазине на бульваре Голливуд 12 ноября 1986 года. По словам Джима О'Коннора, владельца бутика, Майкл в своей хирургической маске приехал на лимузине, вошел в магазин и заплатил за покупку кредитной карточкой. О'Коннор уверяет, что сам «спроектировал и сшил этот костюм». Он говорит: «Я не хочу подавать ни на кого в суд. Я всего лишь хочу, чтобы мой вклад был оценен».

Похоже, само представление Майкла о «плохом парне» сильно искажено и преувеличено. Он кричит, топает ногами, щелкает пальцами, сопровождая все это фривольными жестами. Разве такое Джексон видит из затемненного окна своего лимузина?

Он немного перестарался с внешним видом обитателя городских трущоб, зато актеры и танцоры вокруг него выглядели ему под стать. Трудно себе представить, что можно так быстро подстроиться под кого-либо — черного или белого, — кто выглядит так же женоподобно, как Майкл в этом клипе. Обескураживает и то, как он — с таким количеством грима, какого никогда не было у Джоан Кроуфорд, гордо задрав острый нос и раздвоенный подбородок в стиле Кирка Дугласа, — бросает в лицо членам «черной» банды: «Вы — ничто!» Один из критиков отметил: «Если руководствоваться омерзительной системой ценностей Майкла, то ты или криминальный элемент, или один из Прекрасных Людей».

На фотографии, которую изначально предполагали поместить на обложку Bad, было сильно загримированное лицо Майкла с черной тесемкой. Уолтер Етникофф, президент компании Си-би-эс, якобы позвонил Фрэнку Дилео и сказал по поводу этого женоподобного снимка: «Слушай, да эта обложка — полное дерьмо».

В результате на обложку поместили фото Майкла, стоящего в позе «крутой-парень-сжал-кулаки» в кожаном облачении из клипа Bad — оно было сделано во время 15-минутного перерыва между съемками клипа.

Первый сингл Майкла с альбома Bad «I Just Can't Stop Loving You» вышел 22 июля 1987 года и в сентябре поднялся до первой строчки хит-парада. Потом, однако, песня продержалась в хит-параде всего 14 недель — это был самый короткий «пробег» сингла номер один в хит-параде за двенадцать с лишним лет. Альбом*Майкла дебютировал первым номером в чарте «Биллборд» — удивительный факт, доказывающий, что даже

когда Майкл ошибается, он все равно побеждает.

Альбом Bad получил по большей части довольно вялые отзывы, но это тоже не имело значения. «Мы побеждаем, — сказал Фрэнк Дилео. — Мы продолжаем побеждать». Второй сингл — Bad также занял первое место в «Биллборд», но продержался там всего пять недель. У Майкла были хиты, но не такого масштаба, как с альбома Thriller.

Майклу понравилось заигрывать с прессой и устраивать розыгрыши из серии «барокамера» или «Человек-Слон», но, когда в сентябре 1987 году провалилось его турне в Токио, он понял, что эта стратегия обернулась против него самого. В тот же месяц журнал People опубликовал на первой странице статью под названием: «Он вернулся. Он плохой. Этот парень псих или как?». В статье говорилось, что «он сделал предложение Элизабет Тэйлор, предложил миллион долларов за кости Человека-Слона, принимает женские гормоны, чтобы голос был таким высоким и истребить растительность на лице, изменил глаза, нос и рот хирургическим путем и химически осветлил кожу, стал спать в барокамере, чтобы дожить до 150 лет».

Статья ссылалась на Куинси Джонса, который якобы заявил: «Майкл не отделим от своей творческой натуры. Он самый нормальный человек из всех, кого я знаю».

Тем не менее Джексон разозлился: «Они представили меня как полного идиота. Ни одного слова правды». Так писал Майкл о прессе в своей автобиографии Moon Walk.

«Если нет никакого скандала, о котором можно было бы написать, им приходится приукрашивать факты». Его при-я гель пытался ему объяснить, что не стоит подкидывать преете вранье, а потом ждать, чтобы она отыскивала во всем этом чоть слово правды.

Но Майкл не хотел ничего слышать: «Одно дело, когда я і опорю, правда это или нет, и совсем другое — когда люди пишут откровенную ложь. Это нечестно».

Катлер Дурки, автор той статьи в People, объяснил, что мнения публики о нем резко изменились: от «Он действительно интересный парень» до «Я просто не могу его понять». Он, правда, поспешил добавить, что именно поэтому о нем продолжают писать.

Слухи так досаждали Майклу, что он требовал от тех, кто е ним работает, не обсуждать его без его разрешения. Эта статья о неразглашении» явилась как бы договором о конфиденциальности, который стал распространенным среди знаменитостей в последние годы. Служащие Дайаны Росс тоже подписали такой документ.

Перед самым турне Bad Дилео подлил масла в огонь в интервью Rolhng Stone. «Майкл знает, что я ему говорю только правду, - сказал он Майклу Голдбергу и Дэвиду Хэндлману. - Я не соглашаюсь с чем-либо, если не хочу этого делать. Например (об этом все равно пойдет речь в интервью), с этими сплетнями о барокамере. Я на 100% против. Я не желаю слышать никаких сплетен. Я уже заявлял об этом публично. Некоторые менеджеры не говорят о таком со своими артистами. Они просто боятся. Майкл уважает мое мнение Не всегда, правда, слушает».

Из-за враждебной атмосферы вокруг Майкла турне складывалось не слишком удачно. Он считал, что готов нему, что шоу требует доработки, но у него не было выбора Сроки были назначены. С неохотой в сентябре 1987 года он отправился в эту изматывающую 18-месячную поездку. «Что бы мы ни исполняли, это должно быть обалденно!» - кричали Майкл и его команда перед выходом на сцену.

После успешного начала турне в Токио, где его прозвали «Тайфун Майкл» (общий доход составил 20 миллионов долларов), у него были проблемы в Австралии. Билеты продавались плохо. Иностранные газеты прозвали его «Майкл-Чудак», а австралийцы посчитали что у него не все в порядке с головой. «Он дарит миру себя, свой талант, а за это они распинают его», - сказала бывшая жена его брата Энид. Впервые за долгие годы Майкл дал телеинтервью чтобы поднять свою популярность в Австралии, где все еще очень неохотно покупали билеты на его концерты. Как он объяснил телеведущему Йэну «Молли» Мелдруму, ему приходится маскироваться, иначе фаны разорвут его на куски. Свою любовь к детям он объяснил так: «Они не делают столько плохого сколько взрослые; не лгут и не лицемерят».

«Майкл собирался передать в руки Кэтрин финансовые вопросы связанные с турне, она попросила его об этом, - рассказал Джером Говард. - Она тоже творческий честолюбивый человек. Люди об этом не знают. Но из-за того, что Джозеф привлек к этому людей, с которыми Майкл не хотел сотрудничать, а Кэтрин не могла этому воспротивиться сын дал ей миллион долларов, чтобы она отошла от финансовых дел. Но по сей день, мне кажется, она не получила всей суммы, так как финансовая система Майкла очень запутана.

И все же, — продолжил он, — если этой женщине что-нибудь понадобится, она просит Джанет или Майкла, и они достанут ей все, что угодно».

Когда Майкл был в турне, журнал People опубликовал открытое письмо, в котором он высказал все, что думал по поводу

недавних событий. В странном стиле — без знаков препинания, детским почерком — было написано:

«Как говорит древняя индийская пословица, не осуждай человека, пока не побываИшь(!) в его шкуре. Многие люди не знают ничего обо мне, поэтому они пишут обо мне истории, в кАторых(!) нет ни слова правды. Я часто плачу, потому что мне больно и я беспокоюсь о детях. Мои дети — это дети всего мира, я живу ради них. Если человек не может подтвердить свои слова, пусть не пишет об этом. Животные нападают не потому, что они злы, а потому, что хотят жить, то же можно сказать и о тех, кто критикует, им нужна наша кровь, а не боль. Но я должен. Я должен разобраться во всем этом. Я должен выдержать данную мне силу ради детей. Но сжальтесь надо мной, я так сильно страдаю. М. Дж».

Глава 28

В январе 1988 года Майклу было двадцать девять. Несмотря на всю его славу и удачливость, то, что многие его песни стали бестселлерами, он стал сетовать, что его недостаточно уважают. «Они называют Элвиса королем, — постоянно жаловался он Фрэнку Дилео. — Почему меня так не называют?»

Казалось, достигнув таких успехов, Джексон должен был быть удовлетворен, но это было не так. На самом деле Майкл с детства всегда хотел быть первым. Достижение этой цели, на которую он работал с малых лет, приобрело на пороге тридцатилетия решающее значение. В конце концов, что еще делать певцу после того, как продано записей больше, чем любым другим в истории поп-музыки?

Майкл не мыслит понятиями творческого совершенствования. Просто считает, что каждый новый альбом должен быть лучшим. В отличие от большинства певцов он нуждается в том, чтобы его работа была признана превосходящей все другие, иначе не удовлетворен. Эта навязчивая идея возникла, вероятно, в те времена, когда «Пятерка Джексонов» соревновалась на шоу талантов. Надо было показать, что ты лучше всех. Так учили Майкла, и, когда он стал суперзвездой, стремление осталось тем же: быть победителем.

Майклу не хватает двух существенно важных качеств, которые были у Спрингстина, Дилана, Леннона, Пресли и других поп-звезд: юмора и человечности. Трудно общаться с ним, когда он театрально принимает награды, шепча слова благодарности странным фальцетом, или снимает на мгновение темные очки только потому, что его подруга Кэтрин Хепберн попросила его об этом.

Конечно, публика восхищается его вокальным и танцевальным мастерством: он — квинтэссенция индустрии шоу-бизнеса. Но слушатели чувствуют себя наравне со многими другими артистами, чья человечность и доступность преобладают над их звездным статусом, но не с Майклом с его многочисленными пластическими операциями. Существует ли на свете кто-то похожий на Джексона?

После Thriller он решил, что превзошел Beatles и Элвиса Пресли. «Они называют главным Брюса [Спрингстина], но его переоценивают, — жаловался Майкл. — Он не может ни петь, ни танцевать. И если Элвис король, то какого титула тогда достоин я?»

Дело осложнялось тем, что Майкл черный. В 1984 году во

время тура Victory Дон Кинг посочувствовал Майклу. Он как-то раз сказал: «Ты величайшая звезда, но белые никогда не позволят тебе быть более великим, чем Элвис».

Майкл был задет замечанием Кинга. Среди ночи он позвонил одному из своих партнеров и сказал: «Они никогда не позволят мне стать лучше Элвиса, потому что я черный».

Майклу напомнили, что он уже превзошел Элвиса по уровню продаж. Собеседнику показалось, что Дон Кинг забивает Майклу голову расистскими идеями.

Он еще несколько дней продолжал жаловаться на то, что он черный, пока наконец коллега не отказался с ним говорить. Тогда Джексон стал оставлять ему сообщения на автоответчике, умоляя перезвонить. Тот направил ему письмо, где отметил, что Майкл должен быть выше расистских измышлений Дона Кинга. По его словам, если так будет продолжаться, он не сможет дальше работать с ним. На пару лет Майкл оставил эти переживания, но никогда не забывал слова Кинга.

Теперь же шел 1988 год, и Майкл снова сокрушался, что белая Америка его недооценивает. Никто в его лагере не знал, как решить проблему имиджа артиста. Возможно, было уже поздно что-либо предпринимать. И даже если бы кто-то вроде Нормана Винтера или Майкла Левайна (два прекрасных журналиста, работавшие с Майклом в прошлом) предложил, как представить Джексона доступным, человечным певцом, нацеленным на творчество, а не коммерцию, это все равно не сработало бы, поскольку он не был таким и даже не знал, как таким казаться.

Майкл придумал титул, который, по его мнению, Фрэнк Дилео должен был увековечить: «Король рока и соул». Но Дилео эта идея не понравилась, он проигнорировал его просьбу. Майкл всегда предпочитал черных исполнителей. Было несколько белых, которых он уважал, как равных. Фил Коллинз, по его мнению, имел действительно располагающий, теплый голос. Он восхищался Полом Маккартни как автором песен, но не считал его певцом. Он думает, что Фрэнка Синатру чудовищно переоценивают. «Не понимаю, что люди в нем находят, — сказал он однажды. — Он легенда, но петь-то парень не умеет. У него и хитов больше нет». Ничего хорошего не может сказать и о Мике Джаггере, по его словам, поет он слабо: «Как он мог стать звездой? Я этого не понимаю. Он не продает столько записей, сколько продаю я».

Майкл думает только о коммерции — сколько записей куплено, как долго песня остается первым номером хит-парада, сколько билетов продано. Он не понимает тех, кто не стремится к коммерческому успеху, кто по-другому смотрит на творчество.

Несмотря на постоянные публикации о том, что он хотел бы сделать совместную запись с Мадонной, Майкл огорчен славой, которая ей досталась. «Она не так хороша, — уверял он одного из их сотрудников. — Давай смотреть правде в лицо. Она не может петь. Просто неплохо танцует. Что у нее лучше всего получается, так это подать себя. Вот в чем все дело».

В 1989 году Мадонна во многих газетных и журнальных опросах была названа «Певицей десятилетия». Ее фирма звукозаписи, «Уорнер Бразерс», даже заплатила за рекламу в одной из публикаций, чтобы Мадонну представили как «Певицу десятилетия». Этот титул был как раз из тех, что часто покупаются в рекламных целях, но Майкл был донельзя этим рассержен.

Он позвонил Джону Бранка и Фрэнку Дилео и уверял, что Мадонна не заслужила такой награды. «Это плохо для меня. Я певец десятилетия, разве нет? Разве она превзошла Thriller?» — спросил Майкл. И сам же ответил: «Нет».

Бранка, который принимал участие в решении проблем Майкла, предложил выйти на MTVc идеей присуждения специальной награды. Он придумал титул «Самый продвинутый видеопевец десятилетия». Это звучало впечатляюще, Джексону понравилось. «Я проучу эту телку», — сказал он о Мадонне.

Так в 1989 году на MTV Майклу был присвоен титул «Самого продвинутого видеопевца десятилетия». Питер Гэб-риэл поздравил его с этой честью.

Джон Бранка однажды заметил в разговоре с Фрэнком Дилео, что Элвис часто дарил своим преданным служащим «Кадиллаки», и сказал, что, может быть, пора и Майклу позаботиться о ближайших соратниках. Бранка шутил только наполовину.

— Джонни, это хорошая идея, — серьезно ответил Фрэнк. Позже он поговорил с Майклом.

— Эй, Майкл, ты действительно считаешь, что ты не хуже Элвиса? — спросил он.

— Конечно, — ответил Майкл.

— Ну, видишь ли, Элвис часто дарил своим людям «Кадиллаки», — сказал Фрэнк. — Ты иногда скуповат, Майкл, — добавил он с улыбкой.

— Что ты имеешь в виду? — защищаясь, спросил Майкл.

— Ну, о тебе так говорят.

Они сменили тему, но Фрэнк заронил зерно сомнения.

Несколько месяцев спустя Майкл и Джон Бранка были в Лондоне на переговорах с ATV, и Майкл сказал Джону:

— Бранка, если ты мне достанешь каталог Beatles, я тебе куплю любую машину, какую захочешь, как Элвис.

— Даже «Роллс-Ройс»?

— Ты его получишь.

Джон Бранка блестяще завершил сделку, и Майкл купил ему «Роллс-Ройс». Единственной проблемой было то, что он не купил такой же Фрэнку. Дилео позвонил Джону, как только узнал о подарке:

«Он подарил тебе «Роллс-Ройс»! Не могу поверить. Черт возьми, это была моя идея, а «Роллс» получил ты!» Они посмеялись. Вскоре Фрэнк тоже стал обладателем такой машины.

23 февраля 1988 года Майкл предпринял турне Bad по Соединенным Штатам, начав его с Kemper Arena в Канзас сити Миссури. К этому времени три сингла из альбома Bad - I Just Can't Stop Loving You, Bad и The Way You Make Me Feel уже были хитами. Майкл был в хорошем настроении, особенно после того, как Фрэнк Дилео пообещал ему еще два.

Перед выступлением команда Джексона разгрузила восемь трейлеров, которые везли оборудование, там было семьсот ламп, сотня динамиков, громоздкая сцена, два больших видеоэкрана и восемьдесят пять костюмов. Концерт начался с того, что широкие полосы ослепительно белого света поднялись со сцены и окутали слушателей, а затем появился он: Майкл Джексон замер на просцениуме в череде танцоров. Оцетый в черный костюм тореадора с застежками вдоль швов брюк, он при первых аккордах Wanna Be Startin' Somethin взорвался энергией, как сверхновая звезда.

«Слово «суперзвезда» потеряло смысл по сравнению с льющимися со сцены энергией и грацией», - писал Грегори Сэндоу для Los Angeles Herald Examiner. Были использованы потрясающие грандиозные эффекты: разноцветные лучи лазера, дымовые шашки и взрывы - все это было впечатляющим и громким. Было много трюков: Майкл исчезал на одном краю сцены и появлялся на другом в облаке дыма, раскачивался над слушателями на подъемном кране во время исполнения песни Beat It. При таком уровне режиссуры Майклу и его команде, в которую вошли четыре танцора, занявшие место его братьев, было сложно провалиться.

На этом шоу Майкл позволил себе несколько вольные манеры и выглядел более сексуальным. Семнадцати тысячам поклонников, в большинстве своем белым представителям среднего класса, похоже, это нравилось; слушатели стояли на протяжении всего двухчасового шоу. Каждый раз, когда он исполнял свое, казалось, нереальное скольжение назад - лунный шаг, - аудитория взрывалась, он сиял. Было очевидно, что он наслаждался выступлением. «Его выступления самые сильные и

отточенные из всех, что когда-либо были на свете», -- сказал Смокки Робинсон.

Он сказал журналу Ebony: «Когда я выступаю и вижу поклонников, кричащих и танцующих, вот что я больше всего люблю, правда. Это самое невероятное чувство в мире. Ты там, и ты даешь им энергию и любовь, и они отдают их тебе».

Голос Майкла был в прекрасном состоянии; его учитель вокала Сет Риггс путешествовал вместе с ним большую часть турне. «У него высокий тенор с диапазоном в три с половиной октавы. Он переходит от низкого ми к соль и ля-бемоль через высокое до. Многие считают, что это фальцет, но это не так. Это все связано и получается прекрасно. Во время вокальных упражнений он иногда поднимает руки и начинает крутить ими, одновременно выводя ноту. Я спросил его, зачем он так делает, он ответил, что это может понадобиться на сцене и надо убедиться, что он это сможет. Я никогда ничего подобного не видел. Я думал, что надо остановить его, чтобы он сейчас сконцентрировался на голосе, а на танцах позже. Но подумал, что, если он может делать все одновременно, пусть делает».

Добрая треть шоу состояла из материала, который Майкл с братьями представлял в Канзас-Сити четыре года назад в начале турне «Победа» (Victory) (на этот раз Майкл исполнял Thriller с волчьей маской и в пиджаке, в котором был снят в видеоклипе, — больше он не рассматривал себя как одного из Свидетелей Иеговы). Когда Кэтрин и Джозеф увидели шоу, они встревожились. «Ему нужны братья, — сказал отец. — Зачем устраивать это все без них? Не понимаю. Это хорошее шоу, но с братьями оно было бы лучше».

Так думала и Кэтрин, пытаясь убедить Дилео. Фрэнк рассмеялся ей в лицо, заметив, что она «сошла с ума». Кэтрин обиделась: «Я не сумасшедшая. Шоу было бы лучше с участием братьев,и это правда».

Прямо перед выходом на сцену Майклу вручили экземпляр газеты Star. Обращал на себя внимание заголовок: «Майкл Джексон обезьянничает. Он разговаривает со своим питомцем шимпанзе на обезьяньем языке». В статье отмечалось, что артист одержим идеей научиться разговаривать с шимпанзе.

— Это Фрэнк распустил? — спросил он. — Где они взяли эти фотографии?

Помощник Майкла в ответ пожал плечами.

- Мне это не нравится, - рассерженно сказал Майкл. -Я не хочу это видеть. Не показывай мне такое барахло перед выходом на сцену. Что с тобой случилось?

Один из редакторов Star настаивает, что информация

действительно поступила от Фрэнка Дилео, газете было сказано, что они могут опубликовать это вместе с двумя фотографиями Майкла и Баббл, если репортеры используют в статье слова «причудливый» (оно встречается дважды) и «очень странный».

«Это Фрэнк все затеял, - вспоминал редактор. — Многое из этого - правда, во всяком случае, он говорил, что это правда. По его словам, Баббл однажды спрятался под кроватью когда Майкл нашел его, шимпанзе отказался вылезать. Майкл просил и выманивал его, но тот оставался на месте. Служашие Джексона стали собираться перед его спальней. Внезапно он начал бормотать, как шимпанзе, передразнивая Баббл и шимпанзе вылез из-под кровати и прыгнул ему на руки. Этот случай и подал Фрэнку идею. А та часть статьи, где сказано, что Майкл передает миллион долларов на научные исследования о возможности общения людей с животными, оказалась вымыслом. Не знаю, откуда Фрэнк взял это».

Как и многие опубликованные истории о Майкле, сказка о его привязанности к шимпанзе трех с половиной лет, которого отдали ему в 1985 году из онкологической лаборатории, была фальшивкой. Суперзвезда любил обезьяну, как и всех своих животных, частенько хозяин и питомец даже ели за одним столом. Баббл тоже тогда стал звездой благодаря этим публикациям. Один из коммерсантов в Токио сказал: «Баббл сейчас так известен, что объяви он о намерении дать концерт — и билеты будут раскуплены».

«Баббл живет со мной большую часть времени и редко бывает с Майклом», - говорит ухаживающий за животным Боб Данн. Дилео, очевидно, думал, что эксцентричный имидж Майкла еще больше укрепится, если люди будут думать о его привязанности к обезьяне. Особенно когда Майкл хотел взять Баббла с собой в турне, как поступают многие звезды с кошками и собаками.

Майкл полностью одобрял истории о барокамере и Человеке-Слоне. Все остальные «утки» появлялись без его ведома. Особенно его расстроила история в National Enquirer о том, что у него в доме якобы устроен алтарь в честь Элизабет Тэй-лор, а комната оклеена фотообоями с ее изображением. Предполагалось, что Майкл никого не пускает туда, кроме Лиз. «Это звучит немного странно, но ведь таков Майкл!» — говорилось в статье.

«Как люди могут думать, что я такой странный?» — спрашивал Майкл. Он хотел, чтобы такие бредни больше не появлялись, такая реклама приносила только неприятности.

Как раз в это время, в начале 1988 года, Майкла вызывали в верховный суд Лос-Анджелеса на бракоразводный процесс с

женщиной, на которой он никогда не был женат! Тридцатидевятилетняя женщина, которая называла себя Билли Джин Джексон, утверждала, что они поженились 5 мая 1986 года и разошлись через два дня из-за «несходства характеров». Она настаивала, что Майкл усыновил троих ее детей, Ланей (переименована в Тину Джин) 1976 года рождения и близнецов (Ланелл и Ансар, переименованы в Майкла Джозефа-второго и Майкл Джозефину), рожденных в апреле 1982 года. Она также утверждала, что дважды занималась сексом с Майклом на заднем сиденье его «Роллс-Ройса» («Я этого совсем не ожидала») и оба раза беременела.

Выяснилось, что Билли Джин Джексон зовут Лавон Мухаммед, также она была известна как Лавон Антуанетта, и что она давно подбиралась к Майклу. «Он дал мне имя Билли Джин, — объяснила она. — Настаивал на нем. Я люблю его и всегда любила. Он тоже меня любит. Мне нужны деньги на жизнь. Я хочу иметь то же, что и он. Если он мне этого не даст, я все равно должна это получить». Она требовала 150 миллионов.

«Он до смерти напуган этой дамочкой, — заявил один из его бывших служащих. — И получил для нее судебное предписание три года не приближаться к нему. У него до сих пор ночные кошмары, будто она гонится за ним. Женщина пробиралась в поместье Энсино, проскальзывала внутрь дома и пугала своим появлением всех. Похоже, действительно верит в то, что рассказывает, и ни перед чем не остановится, чтобы достать его. Такое случается: знаменитость, которая ведет себя эксцентрично, притягивает странных людей. Кэтрин была потрясена этой историей».

«Если она когда-нибудь наложит лапу на моего сына, кто знает, что будет», — сокрушалась Кэтрин.

«Как можно жить в постоянном страхе? - говорил Майкл. - Я не знаю, что она еще сделает. Это любовь? Или просто вид безумия?»

Кэтрин месяцами пыталась добиться от Фрэнка Дилео, чтобы он прекратил распространять мнение о Майкле как «Wacko-Jacko», но, как она призналась, ничего не могла с ним поделать.

Отчасти результатом «странного» имиджа Майкла, раздуваемого «желтой» прессой, стало то, что многие поклонники отвернулись от него. Но даже когда в ежегодном опросе Rolling Stone читатели проголосовали за него как за самого плохого певца почти в каждой номинации, Майкл пытался сохранить оптимизм. Он сказал, что предчувствует, - год будет хорошим.

Но март 1988 года начался отнюдь не так хорошо. В Канзас-Сити Майкл сумел перевести слово «суперзвезда» в новое

измерение, но оставался человеком с реальными, людскими проблемами и даже мучился завистью. В частности, был очень обижен, когда его не допустили на церемонию вручения «Грэмми» в Нью-Йорке 2 марта.

Он решил выступить в телепередаче, впервые за пять лет. «Майкл хотел вычеркнуть из памяти людей всю негативную рекламу, которая преследовала его, и заменить ее положительным образом», - сказал Боб Джонс, вице-президент по связям компании MJJ Production. Джексон хотел доказать миру, что он серьезно относится к своей работе, что по своей сущности он - артист, а не сумасшедший чудак. Все, кто видел, как он работает и выступает, должны были с этим согласиться. Майкл Джексон - по натуре победитель, но и реалист когда это нужно. Он чувствовал, что если упустил «Грэмми» то должен хотя бы оставить у слушателей неизгладимое впечатление. «Он никогда не дает тебе забыть, как он на самом деле хорош», - говорит Лайза Миннелли.

Но после вдохновляющих, захватывающих представлений The Way You Make Me Feel и Man in the Mirror Майклу пришлось сидеть в первом ряду Radio City Music Hall, на глазах у миллионов, и терпеть одно унижение за другим. Ни в одной из четырех номинаций - «Альбом года», «Лучший поп-певец», «Лучший певец в стиле «ритм-энд-блюз», «Продюсер года» — он не получил ничего.

«Он не мог бы выглядеть более подавленным, даже если бы кто-нибудь украл его шимпанзе», — пишет Роберт Хил-берн, критик поп-музыки из Los Angeles Times. В последний раз, когда Майкл появлялся на «Грэмми» с хит-альбомом, он получил больше наград (восемь), чем кто-либо еще в истории поп-музыки. На этот раз он не получил ничего. Он участвовал в номинации «Грэмми» на «Лучший альбом» с Bad, но победили U2» с альбомом The Joshua Tree.

«Майкл вернулся в «Хелмсли-Палас», в котором он тогда остановился, и плакал, — говорит один из его друзей. — Он и Фрэнк поклялись, что получат хотя бы «Альбом года». Он думал, что все было очень нечестно. Для него было более чем честно, когда он выиграл в 1984 году, но нечестно, когда он проиграл в 1988. Марлон позвонил, чтобы сказать ему, что он «ограблен».

Майклу было некогда жалеть себя. На следующий день, 3 марта, он должен был давать концерт в Madison Squre Garden. После шоу Майкл и Pepsi-Cola Compani (которая спонсировала турне Bad) вручили чек на 600 000 долларов, доходы от концерта фонду United Negro College Fund. Четырьмя годами ранее Майкл использовал часть поступлений от злосчастного турне «Победа»

(Victory), чтобы учредить программу обучения в этом фонде. К 1988 году семьдесят учащихся школ — членов фонда получили стипендии Майкла Джексона (в некоторых небольших колледжах для черных это были целые классы). Он держался в тени, когда дело доходило до рассказов об этих пожертвованиях. Может быть, если бы его щедрость была более широко известна, его бы меньше критиковали многие афро-американцы за отсутствие «самосознания черного».

«Майкл Джексон дает много денег на разные дела, — говорит актер Джим Браун. — Но сила его денег ничего не значит для черных, потому что самые важные позиции по контролю над деньгами в его организации заняты белыми людьми, которые, естественно, работают в свою пользу».

Майкл не нанимал афро-американцев на ключевые посты. Так же поступали и Эдди Мерфи, и Билл Косби, и Дайана Росс, и Лайонел Ричи, и многие другие черные представители шоу-бизнеса. «Они не считают черных способными управлять бизнесом, — отмечает один из черных обозревателей. — Они не хотят делиться своими деньгами с черными, у которых есть знания и опыт, а таких немало, поверьте мне. Майкл Джексон особенно славится тем, что не хочет иметь общих дел с бизнесом черных. После того как он работал с отцом, у нею предубеждение против работы с черными. Насколько я знаю, он нормально относится только к Биллу Брэю, своему начальнику безопасности, и Бобу Джонсу, своему пресс-секретарю».

«Я не нанимаю людей но цвету кожи», — настаивал Майкл. Он все еще сердится, вспоминая, как отец однажды сказал, что менеджеры Фредди ДеМанн и Рон Вайснер были привлечены к работе только потому, что Джозефу нужна была помощь белых. Майкл говорит: «Я многое делаю для черных. Я делаю свою работу. Почему я должен делать больше?»

В 1984 году, когда Джесси Джексон навестил Майкла в Далласе во время турне «Победа» (Victory), - артист и его советники очень не хотели, чтобы их фотографировали вместе с ним, поскольку это могло быть плохо воспринято публикой. Джесси был ошеломлен этим. «Они боялись публиковать фотографии, где мы сняты вместе», — сказал он позже, качая головой.

Тот факт, что Майкл не хотел фотографироваться с Джесси Джексоном, напомнил некоторым из его сотрудников об инциденте, который они называют «Доннигейт» (по ассоциации с «Уотергейтом»). Когда Осмонд навестил Джексона во время одной из многочисленных остановок турне Victory в 1984 году, Майкл согласился сфотографироваться с ним. Репортер,

работавший тогда в офисе Нормана Винтера, вспоминает, что произошло потом.

«Норман решил послать фото в USA Today, потому что по был отличный снимок, и Майкл вроде не сомневался насчет него. Но когда он вышел, Джексон подпрыгнул до потолка. «Что за черт? Я не хочу, чтобы в газете было мое фото с Донни Осмондом, - сказал он. - Вы знаете, какой у него имидж? Почему меня увидят с ним в USA Today?» Майкл хотел, чтобы все копии были уничтожены. Этим занимались в офисе. Норман до сих пор смеется, вспоминая это».

Донни Осмонд выглядел подростком, его долго не воспринимали серьезно. В 1989 году он разрушил этот стереотип, выпустив запись Soldier of Love. Но до этого - и после «Доннигейта» — он встречался с Майклом и спрашивал его совета, как сменить имидж. Осмонд надеялся, что он напишет для него песню, или запишет его, или даже запишется вместе с ним.

Майкл дал совет Донни: «Для начала смени имя. И никому не говори, что когда-то ты был Донни Осмондом». Осмонд обиделся, их дружеские отношения на этом закончились.

Большинство сопровождавших Майкла в турне Bad вспоминают о его щедрости к детям, которые хотели посмотреть его выступление. На каждой остановке он выделял билеты для детей из необеспеченных семей, которые иначе не смогли бы сходить на его концерт. Все доходы от его хита Man in the Mirror были пожертвованы лагерю Camp Good Times, благотворительному заведению для смертельно больных в Лос-Анджелесе. Благотворительной деятельности Джексона обычно уделялось мало внимания, в основном потому, что он сам не хотел, чтобы это стало широко известно. Лучше всего сказал об этом Фрэнк Дилео, когда в 1984 году его спросили, почему Майкл передал все доходы от турне Victory на благотворительность. «Потому что он — классный парень», — лаконично объяснил Фрэнк.

Хотя его добрые дела остаются незамеченными, остальная его жизнь проходит под неусыпным контролем. Будучи на сцене Madison Square Garden, он получил поцелуй от модели Татьяны Тамбцен, которая снималась в его клипе The Way You Make Me Feel. Через неделю фото появилось в «National Enquirer» с заголовком: «Майкл Джексон и модель очертя голову полюбили друг друга». Рассказывалось, что, когда закончилась интрижка Майкла с гримершей Карен Фэй (у них никогда не было романтических отношений), начался роман Майкла и Татьяны (что было неправдой).

«Мне все это не нравится. Откуда они это берут?» —

негодовал Майкл. Он был вне себя.

Позже в National Enquirer сообщалось, что во время выступления Майкл часто видит бога, появляющегося из облака дыма. Затем Star напечатала, что у него роман с принцессой Дианой и он предлагал ей сняться в главной роли в его следующем клипе. Когда Джексон потребовал указать ему источник этих нелепых слухов, некоторые указали на Фрэнка. Обвинение выглядело безосновательным. К этому времени Дилео уже знал, насколько эти истории расстраивали Майкла, и, конечно, не стал бы их распространять.

Самый популярный из ложных слухов о Майкле и его окружении был опубликован в Enquirer. Утверждалось, что Принс использовал ESP, чтобы свести Баббл з с ума. «На этот раз Принс зашел слишком далеко, — будто бы сказал Майкл. — Какой идиот будет связываться с обезьяной? Это последняя капля!»

«На самом деле Майклу понравилась эта история, — говорит один из служащих. - Никогда не видел, чтобы он так смеялся».

В это время Майкл работал с Motown Productions для капельного телевидения Showtime. Программа Motown в «Шоу-мим»: Майкл Джексон», которую выпустили для показа в США, делалась два года, над ней работали четыре творческих команды, ее бюджет превысил миллион долларов. Самое большое препятствие, с которым столкнулись исполнительный продюсер Сюзанн де Пасс и команда Motown, - отказ Майкла давать интервью для программы. Вместо этого все остальные участники, включая Элизабет Тэйлор, Софи Лорен, Джин Келли и Йоко Оно, давали интервью о нем в качестве «экспертов», хотя ничего не знали о нем, кроме того, что он — «знаменитость».

Дайану Росс попросили вести передачу, но она отказалась, потому что все еще была обижена на Майкла за то, что он не пришел на ее свадьбу с Арне Нэссом и крестины их ребенка. «Я ревновал, потому что всегда любил и буду любить Дайану Росс», — предложил свое объяснение Майкл.

«Да, я бы хотел на ней жениться», — сказал он перед ее свадьбой с Нэссом. И когда кто-то упомянул о разнице в четырнадцать лет, он ответил: «Ну и что? При чем здесь возраст? Если подумать, сколько бы вам было лет, если бы вы не знали своего точного возраста?» Сомнительно, чтобы Майкл был влюблен в Дайану Росс или когда-либо собирался жениться на ней.

Когда Дайана прислала ответ, что не собирается участвовать в съемках, Майкл был просто убит. «Почему она мне отказала? Она мне так нравится. Она единственная, кто бы мог это сделать. Почему она что-то делает для меня только в том случае, если

сначала я для нее что-то делаю?»

Нельзя сказать, что двадцатидевятилетний Джексон не был злопамятным. Когда Дайана отказалась вести программу, он настоял, чтобы о ней как можно меньше там упоминалось. Не хотел, чтобы она получила бесплатную рекламу в этом шоу. Больше того, предлагал, чтобы в записи было прямо сказано, что это не она открыла его талант.

Сначала в программе шел сюжет с Куинси Джонсом, который заметил, что слышал, будто Дайана Росс когда-то первая обратила внимание на Майкла. Это давало повод Сюзанн де Пасс утверждать, что это все неправда, «легенда», которая «казалась в то время хорошей идеей». Потом продюсеры Джексон и де Пасс переходили к клипу Эда Салливана, представляющему Дайану Росс после первого выступления «Пятерки Джексонов» в его шоу. Салливан настоял, чтобы Росс встала и приняла аплодисменты за открытие этой группы, что она радостно и проделала. Дайана была очень горда собой, все вокруг аплодировали, но материал был подан так, что она выглядела лгуньей.

Майкл был сопродюсером с де Пасс и полностью контролировал содержание часовой программы.

«Он придал новое значение термину «профессионал шоу-бизнеса». Встретиться с Майклом Джексоном стало мечтой тысяч, миллионов людей», — говорит в программе рассказчик Джеймс Эрл Джонс.

Знаменитости одна за другой восторгались его личными качествами и сценической деятельностью.

«Когда я встретилась с ним, это была любовь с первого взгляда», — признается Софи Лорен.

«Он — самый лучший человек в мире», — считает Шон Леннон.

«Он являет в своем лице ту невинность, которой мы мечтаем достичь, — подчеркивает Элизабет Тэйлор. — Я люблю тебя, Майкл».

Эти похвалы перемежались кадрами, где люди кричали и аплодировали ему на концертах. Постоянно подчеркивалось, что «Майкл Джексон — величайший в мире». Большинство обозревателей были удивлены программой Motown в «Шоу-тайм»: Майкл Джексон», особенно те, кто знал, как тесно он связан с ее созданием. Это выглядело так, будто он послал гигантскую «валентинку», полную любви, сам себе.

Были и другие документальные фильмы, полные такого же самовозвеличения и самолюбования. Один из них, Around the World with Michael Jackson, хроника его турне Bad, который распространялся по кабельному телевидению, даже вызывал

тревогу. Здесь тоже было много кадров с кричащими истеричными поклонниками, но изобиловали «искренние» интервью с девушками всех рас и цветов, признававшихся в побви до гроба Майклу и повторявших, что он — самый талантливый артист всех времен.

Было похоже, он считает, что видео такого рода поможет ему завоевать признание, подобное тому, что имел «король» Элвис Пресли. Посмотрев такой фильм и увидев имя Джексона в титрах в качестве исполнительного продюсера, публика и, естественно, критики усомнились, что с ним все в порядке. Многие задумались: почему он не находит, что его музыка и артистизм могут говорить сами за себя? Почему ему нужно постоянно напоминать окружающим о своей «гениальности»? Для кого были сделаны эти фильмы, для публики или для него самого?

В марте 1988 года, когда Майкл еще был в турне, он купил новый дом, поместье площадью в две тысячи семьсот акров в Санта-Инес Вэллей под названием «ранчо «Сикомора». Майкл был очарован этим поместьем, когда он останавливался здесь во время совместных с Полом Маккартни съемок видео Say, Say, Say. Маккартни на время съемок снимал ранчо для себя и своей жены Линды.

На ранчо было достаточно места для его животных — что было немаловажно, — и оно было достаточно далеко от Эн-сино, чтобы обеспечить дистанцию между Майклом и его семьей. Дом в тринадцать тысяч квадратных футов принадлежал Уильяму Боуну, который много лет строил его для себя. За ранчо просили 35 миллионов с обстановкой или 32,5 миллиона без нее. Майкл осмотрел поместье, сидя в экипаже, запряженном лошадьми, который ему предоставил Боун.

Джон Бранка предложил 15 миллионов, но ему отказали. Последнее предложение было 17 миллионов, каковая сумма и была уплачена. Майкл также получил всю мебель и антиквариат восемнадцатого-девятнадцатого веков. В сделку входил еще наполненный винный погреб.

Пресса сообщила, что Майкл выложил за поместье 28 миллионов.

Джон Бранка предупреждал Майкла, что с точки зрения коммерции это не лучшее вложение денег. Вряд ли найдется много желающих на огромное ранчо, стоящее 17 миллионов. В письме Джексону Бранка отметил, что, если он действительно хочет купить ранчо, не должен рассчитывать на прибыль. По его мнению, гораздо выгоднее купить дом, который однажды использовался для съемок шоу The Beverly Hillbillies, приобрести все соседние дома, снести их, и тогда у него было бы пять акров

земли, которыми можно было наслаждаться.

Майкл хотел знать, почему у него должно быть только пять акров земли, если он может купить почти три тысячи акров. Он признавался, что, когда встречался с Полом Маккартни, любовался его великолепным поместьем и встречи с Берри Горди происходили в его роскошном дворце, которым он восхищался. «Когда я приглашаю гостей, они рассчитывают увидеть что-то грандиозное», — сказал Майкл.

Переговоры были долгими и трудными, потому что Бранка хотел заключить как можно более выгодную для Майкла сделку. Но Джексон торопился поскорее все уладить. Он звонил Джону по три раза в день, чтобы поторопить его.

Наконец Майкл решил, что Бранка просто не хочет покупать ему это поместье, и пришел в ярость и якобы подговорил одного из партнеров Джона проникнуть в его офис и украсть дело ранчо «Сикомора», а затем завершить сделку.

«Когда Бранка услышал об этом, он был изумлен, — вспоминает его бывший служащий. — Он немедленно позвонил Майклу и спросил, как он мог так непрофессионально поступить».

«Потому что мне кажется, что ты не хочешь позволить мне тратить слишком много денег, — оправдывался Майкл. — Ты не хочешь, чтобы у меня было это ранчо».

«Бранка сказал ему, что это правда, он считал, что ему не стоит совершать такую покупку. Однако собирался исполнить его желание и надеялся, что такой трюк больше никогда не повторится. Он не скрывал, что очень обижен. Майкл понял, что поступил неправильно. Встретившись позже с ним, спросил: «Если бы ты хотел машину, то какую?» Джон ответил, что это был бы либо «Мерседес», либо «Роллс-Ройс». «Вскоре после этого разговора, — заключил служащий, — Бранка завершил сделку по покупке ранчо, а Майкл купил ему «Роллс-Ройс».

В последнюю минуту Уильям Боун начал сомневаться, нужно ли продавать дом. Он не хотел его лишаться окончательно.

Бранка включил в договор пункт, по которому Боун мог проводить на ранчо одну неделю в году в течение последующих трех лет, в зависимости от расписания Майкла. Хозяин был удовлетворен, сделка состоялась.

Первое, что сделал Майкл, — поменял название ранчо на Nevcrland Valley — «Долину страны «Никогда». Если он должен был работать в Лос-Анджелесе, останавливался в доме, который снимал в Вествуде.

Чтобы не было конфликтов с родителями, Майкл ничего не сказал им о том, что переезжает из поместья Энсино. Кэтрин и Джозеф услышали о его новом доме из телепрограммы. Марлон

позвонил брату, чтобы уточнить, правда ли он купил ранчо почти в три тысячи акров за 28 миллионов. Майкл ответил, что нет. Где он услышал такую нелепицу? На следующий день он уединился в своем новом имении. И послал нескольких служащих забрать вещи из Энсино. «Я ждал, что сын придет и сам все расскажет, — сказал Джозеф. — Но он так этого и не сделал».

Майкл отпраздновал новоселье с родными, но не пригласил Кэтрин и Джозефа. Возможно, он и хотел пригласить свою мать, но не знал, как при этом избежать появления отца в качестве гостя. «Это, — признался он позже, — обидело нас обоих».

Имя Майкла не стояло под договором о покупке дома. Его подписали его адвокат Джон Бранка и бухгалтер Маршалл Гелфанд. Джексон сказал им, что не хочет, чтобы кто-нибудь мог просмотреть доступные всем записи о землевладельцах и узнать таким образом, где он живет. Гелфанд предложил образовать трест, где он и Бранка были бы попечителями. Майкл владел бы трестом и мог в любой момент уволить их. Они не могли ничего сделать с поместьем без его разрешения.

Майклу все это показалось хорошей идеей, но ненадолго. Он был слишком подозрителен, чтобы допустить такую ситуацию. Билл Брэй, видимо, поговорил с Майклом, и на следующий день тот пожелал узнать, почему он не владеет собственным домом.

— Но он твой, — попытался объяснить Маршалл Гелфанд. — Образован фонд. Это то, чего ты хотел.

— Ну, мне это не нравится. Мне кажется, это глупо выглядит.

— Хорошо, мы закроем фонд. Его больше нет.

11 апреля 1988 года Майкл заставил Бранка и Гелфанда подписать дарственную, по которой его собственность возвращалась к нему.

Майкл разместил своих животных в удобных помещениях. Однако после переезда в загоне жирафов случился пожар. Хотя все трое были спасены, он запаниковал. «Потому что любит своих животных больше, чем многих людей, — говорит Джером Говард, — и не хочет, чтобы их пугал огонь. На самом деле Майкл боится пожара с того случая с Pepsi. Он построил собственную пожарную станцию в поместье. Думаю, это ему обошлось примерно в триста тысяч долларов».

Говорят, одной из причин, почему Майкл покинул дом родителей, было обвинение его в гомосексуализме, которое однажды предъявил ему отец.

Майкл любил семейные сборища, они давали ему возможность узнавать новости об обожаемых им племянниках и племянницах. По слухам, он появился на одном из семейных

вечеров с незнакомым молодым человеком. Это было странно, потому что на встречи приглашались только самые близкие, друзья и родные. Неписаным правилом было незнакомых не приглашать.

Джозеф подозрительно оглядел гостя. Заметил, что, когда кто-нибудь задавал ему вопрос, казалось, ответ был отрепетирован заранее, будто Майкл учил его, что можно говорить, а что нет.

Майкл играл на траве с младшими племянниками и племянницами, когда, по словам женщины, которая будто бы была очевидцем этого происшествия, отец подошел к нему и сказал: «Я хочу с тобой поговорить».

Майкл последовал за ним в дом.

Через десять минут он вылетел оттуда, Джозеф за ним, захлопнув за собой дверь. Они спорили, Джозеф обвинил сына в том, что он голубой. Не дав ему ответить, он указал на гостя и спросил, кто он и почему Майкл так много времени проводит с ним. «Ты что, мне не веришь? — возмутился тот. — Я не голубой!»

Не сказав ни слова, гость ушел. Майкл вернулся в дом.

Женщина, которая утверждает, что была там и все видела, дала интервью журналисту Star и для этой книги. Она просила сохранить ее имя в тайне. «Бедная Кэтрин. Ее мир рухнул, — вспоминает она. — Она так хорошо проводила время с семьей, с внуками, и вдруг — БАЦ! — это случилось в один миг».

«О, этот рассказ — вымысел, — говорит Энид Джексон. — Это ужасная история. Я была на всех семейных собраниях — даже после развода — и могу сказать, что, если бы что-то такое произошло, я бы знала. Когда я прочитала это, была изумлена. Кто мог такое придумать? Это один из тех слухов, которые писали о Майкле».

Ди-Ди Джексон, жена Тито, подтверждает: «Никогда не случалось ничего подобного. Уж поверьте мне, я бы знала. Майкл — чудесный дядя для наших детей. Он уделяет им на встречах все свое внимание. Даже если он и не должен идти туда, он все равно идет — из-за детей. И просто позор, что публикуют такие россказни. Но меня это не удивляет».

Чарльз Монтгомери, который написал байку про барокамеру для National Enquirer, а также многие другие истории, в юм числе для Globe в сотрудничестве с командой Майкла, говорит: «Я не думаю, что это правда, и вот почему. Если бы вы знали Джозефа Джексона, вы бы понимали, что он никогда не сделает ничего подобного на людях. И я не верю, что Майкл Джексон голубой. Я не знаю точно, но не верю. Мне кажется, что он асексуален, к

такому заключению можно прийти на основании всех историй, рассказанных о нем за последние десять лет».

Этот случай интересен не сам по себе. Он показывает, как появлялись слухи в газетах. Публика, видимо, хотела верить, что Майкл голубой, и любая байка на эту тему хорошо шла. Да и источник казался вполне заслуживающим доверия, из-за близости этой женщины к семье. Похоже, ничего из того, что кто-либо сообщает журналистам о Майкле Джексоне, нельзя принимать на веру.

«Майкл Джексон не гей, — настаивал Фрэнк Дилео, — и если кто-нибудь это и должен знать, так это я. Я был рядом с ним больше, чем все остальные, и я бы знал, если бы это было так».

Майкл предался безмятежной жизни в своем поместье. Дом подарил ему две вещи, в которых он нуждался: покой и место, где можно подумать. Но пока он намеревался отдохнуть после турне Bad, семья замышляла еще одно возрожденное шоу Джексонов. Неудачное турне Victory в 1984 году должно было побледнеть на фоне предполагаемого корейского тура 1988. Но к этому времени Майкл уже вырвался из семейных пут.

Глава 29

Весной 1988 года Джерому Говарду, смекалистому, квалифицированному 35-летнему президенту по вопросам бизнеса многочисленных корпораций, Джозефу и Кэтрин позвонил Кеннет Чой, корейский бизнесмен, который хотел организовать встречу с его боссами. Чой, которого уже выгнали из офисов Майкла и его сотрудников Маршалла Гелфанда и Джона Бранка, сказал Говарду, что принадлежит к богатой семье, которая заинтересована в организации семейного концертного тура Джексонов по Южной Корее. Говард, понимая, что о таком концерте, где братья снова были бы вместе, всегда подумывали родители, немедленно организовал встречу Чоя и старшего Джексона.

«На ней речь шла о миллионах долларов, — вспоминал Джером. — Парень говорил о 10—15 миллионах. Сколько бы ни понадобилось для того, чтобы собрать вместе «Пятерку», и на эти выступления, ровно столько они хотели потратить. Отец был в восторге. Чой пригласил нас приехать в его страну, чтобы решить этот вопрос на месте. Мы не знали, что происходит; все думали, что у парня много денег».

Джозеф и Кэтрин, Говард и Кеннет Чой поехали в Корею весной 1988 г. Во время четырехдневного путешествия, оплаченного Чоем, их кормили и поили и представили нескольким влиятельным бизнесменам, знаменитостям и политикам. Они познакомились также с господином по имени мистер Ли, его назвали братом Чоя, он не говорил по-английски. Им сообщили, что Ли — судовладелец, будет субсидировать концерты Джексонов вместе с корейской газетой Segue Times. Через своего секретаря-переводчика Ли заверил, что, если гастроли будут организованы, он инвестирует 2 миллиона долларов в компанию звукозаписи Джозефа. Тот немедленно заинтересовался этой сделкой.

«Похоже, эти люди знали сильные и слабые стороны семьи, — вспоминал Джером Говард. — Что ее глава заинтересован в деньгах для своей компании (и для себя), что Кэтрин думает только о детях и их благополучии. Эти корейцы понимали, на чем сыграть».

Во время встреч Говард обнаружил, что газетой владеют преподобный Сан Мюнг Мун и Объединенная церковь. Другими словами, за сделкой стояли муновцы.

Объединенная церковь впервые появилась в США в 1959 году, она была завезена из Южной Кореи одним из последователей

преподобного Сан Мюнг Муна, доктором Янг Он Кимом, который приехал учиться в Орегонский университет. Вскоре появилось много маленьких групп по всей стране, независимых друг от друга и ведущих миссионерскую деятельность в пользу той или иной из них.

Американцы впервые обратили внимание на муновцев, как их стали называть, в конце шестидесятых, поскольку лидер группы из Сан-Франциско очень верил в «программу систематических тренировок». Они назвали ее промыванием мозгов, поскольку их дети внезапно отказывались от привычного образа жизни, переезжали в коммуны и начинали продавать цветы и леденцы в аэропортах. Вербовщики меньше всего говорили о религии, они рассуждали о молодежи, образовании и утопии и редко говорили потенциальным последователям, что Объединенная церковь связана с Муном или с Кореей. В 1970-м Мун сам переехал в Нью-Йорк и в следующем году предпринял мировое турне, развернув трехгодичную миссионерскую кампанию, где перемешались культура и религия.

Хотя люди долго шутили из-за надоедливых юных муновцев в аэропортах, последователи Муна на самом деле получили большой доход, который он вложил в различные компании, включая банки, рестораны, рыбные промыслы и средства массовой информации. В 1982 году Мун начал финансировать «Вашингтон тайме». В том же году его осудили за уклонение от уплаты налогов — приговорили к восемнадцати месяцам тюрьмы и штрафу в двадцать пять тысяч долларов, но выпустили досрочно, учитывая хорошее поведение.

Христиане заявляли, что Объединенная церковь не является христианской; либералы обвиняли их в правом радикализме; родители нанимали гипнотизеров, чтобы те похищали их детей из муновских сообществ и возвращали домой. Хотя число ее сторонников быстро уменьшилось, Объединенная церковь все же оставалась очень богатой.

Больше всего на свете Мун хотел, чтобы его церковь была респектабельной. В 1974 году вышел сборник As Others See Us («Как другие видят нас»), где было опубликовано около ста писем правительственных чиновников, религиозных деятелей и простых людей о ней. Это был удачнейший рекламный ход, тем более что одно из писем принадлежало перу Никсона, тогдашнего президента. Последователи Муна так гордились его поддержкой и вниманием, что позже, в том же году, в разгар Уотергейта, сотни этих людей провели трехдневную голодовку на ступенях Капитолия, чтобы продемонстрировать солидарность с ним. Заключение соглашения с Майклом Джексоном (самым

популярным поп-певцом всех времен, чьи пластинки по продаже не имели равных) и его семьей (все еще воспринимаемой как одна из самых крепких в США) Муну было бы очень выгодно. Цена была высокой, но дело того стоило.

Когда Джером известил Джозефа и Кэтрин, что в сделке участвует преподобный Сан Мюнг Мун, глава семьи пришел в восторг. Он слышал о богатстве Муна. Но его жена расстроилась. «Я не хочу иметь никаких общих дел с чем-то религиозным, — сказала она. — Бизнес есть бизнес». Однако не посоветовала Джерому отменить встречи, только просила уточнить детали.

Говард — проницательный делец, который основывает многие свои суждения о людях на инстинкте. Он с самого начала подозрительно относился к работающим на Муна. «Они всегда у тебя за спиной говорят по-корейски, —отмечал он. — Скажут что-нибудь по-английски, потом оборачиваются к своим и говорят по-корейски, и кто знает что? Я чувствовал, что они двуличны, придерживают важную информацию. Я не мог доказать это, но подозревал. Это моя работа — защищать Джексонов как можно лучше».

Ее он часто выполнял отлично. Примерно в это время Джозеф и Кэтрин оплатили дом с шестью спальнями в Лас-Вегасе, Невада, куда собирались со временем переселиться, уйдя на покой. Дом стоил 570 тысяч долларов. Они взяли Джерома с собой в Лас-Вегас, чтобы завершить сделку. По словам друга Говарда, он предупредил их, что нужно снять все драгоценности — где-то на сумму около четверти миллиона долларов — и положить в «бардачок», ящичек для мелких вещей в машине, на которой они приехали. Джером отвел Джексонов в дом на встречу с владельцем. Они вели себя как «обычные люди» и делали это действительно хорошо, так что дом достался им за 292 тысячи долларов.

Двести тысяч из них были из того миллиона, который Майкл дал Кэтрин, чтобы отговорить ее участвовать в финансовых делах турне Bad. Она также взяла заем. По ее словам, ей хотелось, чтобы дом был «простым, обычным» в отличие от поместья в Энсино, но за годы изобилия она изрядно подзабыла, что такое «простой и обычный». За один унитаз она заплатила 750 долларов, цены на другое оборудование для отделки дома были взвинчены примерно так же.

Спустя месяц после первого визита в Корею Джозеф, Кэтрин, Говард и Морин, которая просто хотела походить по магазинам, отправились на очередную встречу. Они виделись с мистером Кваком, президентом Segue Times, которого Кеннет Чой представил как своего отца. Большой портрет преподобного Сан

Мюнг Муна в раме висел в офисе. Кэтрин старалась его не замечать. Квак приказал Говарду свести воедино все предложения, «и как мой сын захочет, так мы и будем делать». «Он всю встречу говорил «мой сын», у нас создалось впечатление, что так и есть, хоть он им и не был», — вспоминает Говард.

Родители затем встретились с Кваком в своем номере, где роскошно позавтракали и обменялись сувенирами; Кэтрин подарила новому знакомому фото семьи с автографами. После этого она и Джозеф отправились по магазинам с гидом, чтобы чем-то занять время. Кеннет Чой заказал у известного корейского дизайнера костюмы для них и купил им дорогие подарки.

Работая с помощником Квака Дэвидом Хоузом, Джером Говард составлял договор в «Амбассадор Отеле». Затем представители Квака взяли текст, который написал Говард, и отправились с ним к своим юристам. «Вернулись они через три с половиной часа с таким диким контрактом, что я поверить не мог своим глазам, — продолжал Говард. — Они хотели, чтобы Майкл начал шоу с корейского национального гимна и затем исполнил три корейских номера в корейском костюме. Я подумал: «Господи, это же нелепо! Джексон не станет учить корейские песни и точно не будет носить корейские костюмы на сцене!» Когда я показал договор Джозефу и Кэтрин, они смеялись до упаду».

«В моей стране Майкл Джексон считается особенным, редким человеком, - сказал Кеннот Чой в интервью в 1991 году. - Мы восхищаемся его духовными качествами. Мы бы не когда не попросили, например, Мадонну выступать у нас. Нам было бы неудобно представлять ее нашему президенту. Но не Майкла. Им бы мы гордились. Есои честно, мы хотели видеть только его, а не его братьев. Но мы знали, что семье больше понравилось бы, что они работают вместе, и мы решили пригласить всех».

В конце концов Джозеф, Кэтрин и Джером сошлись на том, что единственным способом заключить контракт было сделать корейцев-муновцев спонсорами шоу а отца и мать промоутерами, с тем чтобы они образовали компанию названную «Международная компания концертов семьи Джексонов».

Джером Говард договорился об исключительном контракте для них. По его словам, «Джексоны будут выступать четыре вечера по два часа на олимпийском стадионе в Сеуле. Им заплатят семь с половиной миллионов. Предусмотрено полтора миллиона долларов на постановку, то что останется также пойдет им. Все доходы от прав на трансляцию вне Кореи и пятьдесят процентов от прибыли также их. Муновпы получали права на трансляцию и запись на видео в Корее, все доходы от продажи

билетов. Мы вычеркнули пункты о корейсктх песнях и костюмах. Был разговор, что муновцы хотели послать ребяи в Россию и потом заплатить им 15 миллионов долларов за турне в Китай. Джозеф, Квак и я подписали контракт. Кэтрин не сделала этого, она редко подписывала что-то, если это не было обязательно, как на этот раз. Все это было условно, пока братья не согласятся с документом. Но это был следующий шаг».

Проект муновцев сулил семье многие миллионы, а, как обычно, большинство из них нуждалось в деньгах. Джанет и ЛаТойя не были включены в контакт, поскольку родители знали, что будет практически невозможно обеспечить их сотрудничество. Первая записывала новый альбом с A&M, другая начала сомневаться в бизнесе отца, обе искали независимого советника, чтобы разорвать контракт с ним. Но Морин уже согласилась выступать, и братья, конечно, послушались бы. Кроме Майкла, который во время этих переговоров выступал в Европе.

В это время, в апреле 1988, вышла автобиография Майкла Moon Walk («Прогулка по Луне»), опубликованная издательством Doubleday.

Сам Майкл с помощью «писателей-невидимок» написал лишь небольшую часть книги. Одна из тех, кто работал над ней, собирала материал в Энсино, в доме Майкла. По ее словам, «он нередко проходил по коридорам замаскированный - фальшивые зубы, усы, густые бакенбарды, и очень расстраивался, если его узнавали. Надо было делать все самой».

Moon Walk на самом деле была написана талантливым редактором Doublday Шэй Эрхарт, которая тесно сотрудничала с Жаклин Онассис. Если бы не она, книга никогда не была бы опубликована. Шэй уговорила Майкла и практически сама написала ее.

«Это был кошмар, вся эта затея с Джексонами - вспоминает один из бывших служащих издательства. - Иметь дело с Фрэнком Дилео, Джоном Бранка и самим Майклом было невозможно. Любую деталь мы должны были согласовывать с этими людьми, которые ни черта не понимали в нашем деле. Когда мы продали книгу в Англию, там должны были получить одобрение на качество бумаги, на которой она будет печататься. Вот до чего доходило».

В то время, когда шла работа над книгой Майкла, Кэтрин предложила свою. Жаклин Онассис рассказала об этом в издательстве, но там решили, что в ней нет ничего, достойного публикации. «Это было действительно смешно, что ест и чего не ест Майкл и как чудесны все Джексоны», - уточнял бывший сотрудник Doublday.

Moon Walk вышла тиражом триста тысяч экземпляров была посвящена Фреду Астеру, вступление написала на 4 абзаца Жаклин Онассис. В книге Майкл намекал на некоторые трудные моменты его биографии, но по большей части видимость сплоченной семьи сохранялась. Он признавал две пластические операции по изменению формы носа и одну на подбородке, «но это все». Сокрушался, что был «одним из самых одиноких людей в мире», но не сказал почему. Как отмечал Марк Вейс, критик Los Angeles Herald Examiner, «наблюдая за Майклом и слушая его музыку, легко заметить злость в его глазах и движениях, услышать ее в его голосе. Но кроме нескольких нападок на прессу, где это в книге? На что он так зол? Нет даже намека на это. Все, с чем сталкивался Джексон, он описывает как «чудесное». Он что, никогда не работал с кем-то, кто не был «классным» хоть чуть-чуть?»

«Поскольку Майкл не дает интервью, все, что имеет публика, это книга, и я могу вам сказать, что восемьдесят процентов в ней — вранье, — уверял Марлон, брат Майкла. — Почему я говорю это сейчас? Потому что появляются все новые статьи об этой книге, и я просто не могу позволить людям и дальше думать, что это все правда».

ЛаТойя сказал, что книга ее «расстроила. Холодная и безличная. Что он пропустил? Начало, середину и конец».

С апреля по декабрь 1988 года Майкл еще раз побывал за морем с турне Bad. Он объездил Европу: Италию (190 тысяч зрителей), Австрию (50 тысяч), Нидерланды (135 тысяч), Швецию (110 тысяч), Швейцарию (60 тысяч), Западную Германию (у Берлинской стены — 50 тысяч), Францию (134 тысячи) и Англию (360 тысяч). В Лидсе 92 тысячи человек встали и спели «С днем рождения» Happy Birthday — Майклу исполнилось тридцать лет, пока он молча стоял на сцене.

Куда бы Майкл ни поехал, шоу-бизнес следовал за ним. В Швейцарии Элизабет Тэйлор и Софи Лорен поздравили его после шоу. Лорен привела с собой двадцать пять человек на его выступление в Париже. Там же Роб Лоу и Грейс Джонс посетили его концерты. Тина Тернер навестила его в Кельне. В Лондоне его слушали и смотрели Ава Гарднер, Харрисон Форд, Карли Саймон и Донна Саммер. Когда появились принц Чарлз и принцесса Диана, Майкл был в восторге. Он вручил королевской паре и их двоим детям чек на 450 тысяч долларов — доход от концерта в Уэмбли — на восстановление детской больницы. Он также подарил им концертные пиджаки, в которых выступал в этом турне, и кассеты с записью Bad, а принцу Чарльзу предложил давать уроки танцев.

Майкл держался на расстоянии от своей команды и музыкантов. Они никогда не знали, в какой гостинице он остановится, никогда не видели его, кроме как на сцене. Дюжина телохранителей была нанята, чтобы защищать его и его апартаменты. Но это не помогало. «Он всегда находил время, чтобы осмотреть достопримечательности, — говорит Сет Риггс, учитель вокала Майкла. — Помню, у нас была репетиция в Ливерпуле, он остановил ее, чтобы посмотреть на красивые облака, пролетавшие над нами. Таков был Майкл. Лувр в Парижее был закрыт на целый день, чтобы Майкл мог осмотреть его. В Риме Франко Дзефирелли устроил для него большую вечеринку, все сливки общества были там, и вдруг Майкл исчез. Хозяин нашел его в комнате с толпой детей в пижамах, весело играющих.

Он самый естественный и любящий человек из тех, кого я знаю, очень добрый, как бы банально это ни звучало, — продолжает Риггс, который все еще регулярно работает с Майклом. — Если он видит фотографию прелестного ребенка, начинает над ней сюсюкать. Во время турне, в свободные вечера, ходил в магазины игрушек и покупал их десятками, и потом всю ночь вставлял в них батарейки, проверяя, работают ли они, чтобы на следующий день дарить их детям за кулисами. Как будто у него не было других забот!»

На одном из этапов турне Майкл познакомился с Джимми Сэйфчаком, десятилетним мальчиком из Калифорнии. Для него сделали копию сценического костюма Майкла, чтобы они были одинаково одеты. Большинство людей находиило отношения с Джимми странными, особенно когда Майкл ходил с ним в магазин игрушек. Он потратил тысячи долларов на игрушки для него в Лондоне. К тому же Майклу пришлось отменить два концерта из-за простуды, которую он подцепил от Джимми.

Другой юный друг Майкла — не Сэйфчак — сказал: «Я не могу, чтобы мое имя появилось в этой книге, потому что он расстроится. Но могу сказать, что он ведет себя как любой парень. Никогда не говорит о себе, всегда о том, что происходит с другими. Мы никогда не касались шоу-бизнеса. Иногда он надевал грим — парик и усы, когда мы выходили на люди, два-три человека из ста его узнавали. Когда мы были в Диснейленде, всегда ходили по дальним аллеям, к аттракционам и пролезали вперед — он не мог стоять в очередях. Это было чревато беспорядками. Мы быстро проходили по Диснейленду, потому что, если бы люди его узнали, начался бы кошмар.

Он один из лучших людей, каких я знал. Такой умный! Много знает обо всем. Он — ребенок. У него никогда не было детства, и он устроил его себе теперь. Все, что я читал о нем в газетах, —

полная ерунда. Я просто не обращал на это внимания. Пару раз я спрашивал его о подружках и тому подобном, но мы никогда не углублялись в эту тему. Мы не говорили и о пластических операциях, потому что это было не мое дело. Он это не обсуждал и никогда не говорил: «Ну, как тебе мой новый подбородок?» С ним сложно связаться. Я обычно звонил его секретарю, а через пару дней он мне перезванивал».

После того как Майкл подарил родителям Джимми «Роллс-Ройс» за сто тысяч долларов, Фрэнк Дилео сказал ему, что пора прекращать эту дружбу. Ходили слухи, что в ней было что-то извращенное. Майкл был уязвлен. «Это была абсолютно невинная дружба, — считает Джером Говард. — Но некоторым казалось, что Майкл был слишком увлечен ребенком, чтобы это было хорошо для них обоих. Майкл без него был очень одинок».

Намек на одиночество Майкла можно увидеть и в телефонном звонке родителям в сентябре 1988 года из Ливерпуля. Кэтрин сказала друзьям, что ее и мужа это очень удивило. «Я устал, Кейт, — сказал он измученным голосом. — Мне нужен перерыв. Тебе не кажется, что семья распадается?»

Кэтрин согласилась и спросила, чем может помочь. Сын тяжело вздохнул и ответил, что хотел бы поговорить с родителями, когда вернется. Когда трубку взял отец, он извинился перед ним за некоторые обидные слова в книге, но объяснил, что не сам писал ее всю и эти куски были написаны «кем-то еще» (видимо, он имел в виду Шэй Эрхарт).

Джозеф хотел знать, присоединится ли Майкл к братьям после этого турне. «Нет, и пожалуйста, не дави на меня», — услышал в ответ. Джозеф заверил сына, что все слухи о том, что он хотел эксплуатировать его или нажиться на нем, неправда: «Я не хочу участвовать в твоем бизнесе. У меня есть проблемы с деньгами, это так. Но я хочу, однако, чтобы мы опять стали семьей. Ты не хочешь этого?»

Разговор закончился на оптимистической ноте. Отец и мать поверили, что скоро сын вернется к ним.

В декабре 1988 года Фрэнк Дилео объявил, что Майкл Джексон прекращает поездки, чтобы уделять больше времени съемкам. Осуществилось пророчество Фрэнка Дилео о 5 хитах номер один из альбома Bad. Он стал первым в истории поп-музыки, из которого было сделано 5 первоклассных синглов. Мечта исполнилась, Майкл дал понять, что турне Bad будет последним. «Он не хочет больше давать концерты любого формата», — сообщил Фрэнк. К этому времени учтенный доход с продажи билетов во время этих гастролей превысил 108 миллионов долларов.

Джексон, теперь 30-летний, более двух десятков из них был профессиональным артистом. «Это у меня в крови, — отмечал он много раз. — Я не могу представить себе, чтобы я был не на сцене». Большинство его помощников также не могли поверить, что он перестанет выступать.

«У меня сейчас достаточно денег, — сказал Майкл. — Хватит. Я устал». Очень многие не думали, что это серьезно. Однако в его решении уйти были свои резоны, о которых почти никто не знал. Он чувствовал, что его надувают, пока он гастролирует, единственный способ прекратить это — по крайней мере на время — больше быть дома. Его прежний помощник по бизнесу сокрушался: «Когда Майкл работает, у него нет времени проверять бухгалтерию и смотреть, куда идут его деньги. Большая часть его персонала — людей, которым он доверяет, — имеют большие барыши, когда он находится в поездках, обделывая делишки на стороне». «В этом нет ничего необычного. Билл Косби, по его словам, однажды обнаружил, что у кого-то из его персонала есть дом за 9 миллионов долларов — такой же большой, как у него! То же и с Майклом. Он нанимает людей, которым доверяет, платит им много денег, но потом многие из них снимают сливки. Пока тот в поездках, деньги меняли своих хозяев направо и налево. Джексон терял очень много, вот почему он решил прекратить турне. С усталостью ничего не поделаешь; но с грабежом нужно кончать».

«Я хочу вам кое-что сказать, — делился один из бывших помощников Майкла. — До того как заключалась какая-либо сделка от его имени, все его окружение имело свои побочные договоренности, еще до того, как он узнавал что-то о главной. Люди, на которых он полагался, зарабатывали на его имени. Они ничего не придумывали, пока не были уверены, что заработают на стороне, помимо того, что он им платит. Неудивительно, что он никому не доверял. Хотите верьте, хотите нет, но Джозеф предупреждал Майкла об этом. Он часто действительно думал о его интересах».

«Я точно знаю, что менеджеры Майкла не хотели, чтобы я был поблизости. Я не думаю, чтобы он знал о том, что делают его люди. Речь шла о миллионах и миллионах долларов», — считал его отец.

* * *

Майкл Джексон, возможно, и хотел «уйти в отставку», но его семья все еще планировала турне по Корее и надеялась, что он примет в нем участие. Родные нуждались в деньгах больше, чем когда-либо. Финансовые проблемы были у Джозефа. Он потерял более 700 тысяч долларов на пересохших нефтяных скважинах и

более 250 тысяч на JoCola — компании, производящей напитки. Тремя годами ранее, в 1985 г., он заключил соглашение с предпринимателем, занимающимся недвижимостью, Гэри Бервином, чтобы купить комплекс Berwin Entertainment Center на бульваре Сансет в Голливуде за 7,1 млн долларов. Это здание, построенное в 1924 г., было Голливудским атлетическим клубом, где бывали Джон Уэйн и Кларк Гейбл. «За него просили 12 миллионов долларов, но нам удалось снизить цену до 7,1 миллиона, — отмечал Гэри Бервин, которого очень уважают в индустрии развлечений за то, что он помог возродить имидж Голливуда. — Джозеф заявил, что деньги — не проблема. У меня не было причин сомневаться. Майкл как раз в это время купил каталог Beatles за 47 млн долларов, и я считал, что у семьи много свободных денег. Действительно, Джексон-отец смеялся, когда я поднял вопрос о деньгах. «С такой семьей, как моя, деньги не имеют значения», — заявил он».

Сделка была заключена. Бервину отходило 15% недвижимости, Джексону — остальные 85. Они должны были быть равноправными партнерами в студии звукозаписи, ночном клубе и частном клубе в этом здании. «Он обещал, что Майкл приедет и будет часто посещать клуб, одно его присутствие обеспечит успех предприятия, — вспоминал Бервин. — Он мог бы входить через двери охраны, пользоваться частным лифтом, и никто не будет знать об этом, что, как сказал Джозеф, сын сочтет замечательным. Также незамеченным он сможет входить в студию звукозаписи. Отец полагал, что Майклу понравится здание и его архитектура».

«Почему ты так уверен, что Майкл захочет в этом участвовать?» — спросил компаньона Гэри Бервин. «Послушай, если я участвую, то, известное дело, Майкл тоже будет. Ты можешь положиться на это. Если я здесь и Кэтрин, Майкл и все ребята тоже будут здесь», — ответил он.

«В какой-то момент Джозефу требовался заем на покупку дома, потом нет, — продолжал Бервин. — И снова да, и опять нет. Позже он собрался взять в партнеры Дона Кинга, но отказался от этого. Его окружали безнравственные люди, которые или грабили его, или учили, как грабить других».

«Это всего лишь чуть больше миллиона баксов, — говорил отец, умоляя сына вытащить его из этой неприятной ситуации — Пожалуйста, пожалуйста, помоги мне выбраться». Джозеф сказал другу, что Майкл не хочет иметь ничего общего с ним и его проблемами. «Сын потрясающе неблагодарный, - говорил этот человек. - После всего, что он сделал для него, это черт знает что - отказать своему старику, когда тот умоляет о помощи. Знаете,

как трудно для него просить? Я думаю, Майкл целенаправленно пытался разорить отца, из злости. Мне жаль такое говорить, но многие друзья семьи думают так».

Джозеф связался с другими детьми, в том числе Джанет, но они сказали, что пальцем не пошевелят, чтобы помочь ему. Отец был обижен. Возможно, по их мнению, это не очень хорошее вложение денег. Он знал, что дети питали к нему не очень добрые чувства, но не столь неприязненные, чтобы подвергнуть его такому унижению. Ларри Андерсен, который дружил с Джозефом 15 лет, объяснял: «Джермен всегда говорил отцу: бизнес есть бизнес, а семья есть семья. Ты должен разделить их. Но Джозеф смотрит на дело иначе. Он любит своих ребят и надеялся, что те помогут ему. Кажется, что там очень много денег, на самом деле это не так, когда гы думаешь обо всем, что делается в этой семье».

«Вы думаете, что, раз у семьи такой престиж, как у Джексонов, они должны вести себя респектабельно, но вместо этого они все еще шляются по улицам, раздевая людей и дуря им голову, - считает Гэри Бервин. - Думаете, Майкл выше лого, но это не так. Семья не работает совместно. Они работают каждый против каждого и, что хуже всего, против людей, которые имели несчастье делать бизнес с другими членами семьи».

В декабре 1988 г. Джозеф был доведен до отчаяния. Шоу в Корее должны были состояться, иначе он никогда не сможет собрать денег на оплату судебных исков. «Я встретился с Джеромом Говардом, - рассказал Гэри Бервин. - Он хороший парень и нравится мне. Мы начали смотреть, как идут дела у этой чокнутой семейки. И выяснилось, что они были плохи для всех».

В это время Майкл был в Японии с турне Bad, в стране, где это путешествие началось пятнадцать изматывающих месяцев назад. Встреча родителей с остальными братьями была назначена в Энсино в семейном театре.

Для начала Джозеф и Кэтрин поговорили с Тито, Джек-ки, Марлоном, Рэнди, Джерменом и его невестой Маргарет Мальдонадо (он и Хейзл официально развелись в июле 1988 года; новая пара уже собиралась заводить второго ребенка). К братьям был нужен очень осторожный подход, они могли не согласиться поехать в Корею. Отец и мать чувствовали себя так, будто входят в логово льва, настолько братья подозрительно относились к тому, как глава семьи вел дела. Часа через два он вышел из театра довольный и сказал Джерому: «Не говори с ними ни о чем, кроме контрактов. Не упоминай муновцев и всю эту ерунду, потому что они могут не поехать. Просто говори им о деньгах, которые они получат».

Джером Говард вошел в тридцатиместный театр и обнаружил, что братья разделились. Джермен и Маргарет сидели около сцены, Тито был сзади, Рэнди - в одном углу, Мар-лон _ в другом, Джекки в середине зала. Говард встал перед экраном и рассказал о предполагаемых концертах людям, которые подозрительно к нему относились, как к каждому, кто работал с их отцом. Марлон сразу заявил: «Не пойдет. Больше никаких семейных турне. Мне все равно, сколько миллионов там платят, я получил урок еще в прошлый раз. На меня не рассчитывайте». Он больше не хотел выступать в составе группы Джексонов. Когда у него были проблемы с выходом из контракта на запись после турне Victory, Майкл был настолько любезен, что позвонил президенту CBS Records Уолтеру Етникофф и просил освободить его, что и было сделано. Но Марлон все же испытывал двойственное чувство к брату. Перед турне Bad, вместо того чтобы прямо сказать, что братья не будут участвовать, Майкл уклонялся от встречи.

«Я слышал от друзей, что происходит, — жаловался позже в одном из интервью Марлон. - Если он не хотел сказать мне правду, лучше бы вообще ничего не говорил. А он лжет вместо этого. Последний раз я получил прямой ответ от Майкла в 1984 году». Но все же у него сохранились теплые чувства к

брату.

— Я просто не хочу, чтобы что-то разрушило мое отношение к Майку, - сказал он. - Я не думаю, что мы должны

работать вместе.

— Тем хуже для тебя, - ответил Джекки Марлону. - Потому что я участвую.

— Я тоже, — заметил Рэнди.

— И я, — решил Джермен, посоветовавшись с Маргарет.

— Меня тоже посчитайте, — произнес Тито.

— А что с Майклом? — поинтересовался Рэнди. — Что мы собираемся с ним делать?

— Нам он не нужен, - отрезал Джекки. - Мы и без него

справимся.

Кэтрин согласилась.

— Давайте попытаемся не втягивать его в это, — сказала она. — Пожалуйста, неужели без него нельзя обойтись?

Джермен покачал головой. Ему нужно было сказать это аккуратно, олимпийский стадион в Сеуле вмещал шестьдесят тысяч зрителей, и братьям точно нужен был Майкл, чтобы привлечь так много любителей эстрады.

— Слушайте, оставьте его матери и мне, — предложил Джермен. — Мы с ним поговорим.

— Как? — удивился Рэнди.

Джермен повернулся к Кэтрин. Она глубоко вздохнула:

— Я посмотрю, что смогу сделать. Но позвольте вам сказать, что, если мы нажмем на него, можем потерять его навсегда. И что мы тогда будем делать?

Глава 30

«Я счастлив, что у меня большая семья, это так здорово. Очень многие выросли единственным ребенком в семье. Я думаю, что брат и сестра - это дар божий. Действительно так считаю. Я их всех очень люблю», - говорил Майкл о своих близких.

Наконец турне Bad было почти окончено; 4,5 миллиона человек в последние полтора года заплатили за то, чтобы увидеть выступление Джексона. Его последним пунктом за границей в декабре была Япония, где он дал девять концертов, билеты на них были полностью распроданы. У него был месяц отдыха до последнего концерта в Лос-Анджелесе.

«Мы сейчас даем Майклу свободу, — сказал Джермен, пока брат был в пути. — Но когда он закончит гастроли, нападем на него все вместе — с любовью». Однако после возвращения Джексона в Соединенные Штаты никто из семьи не мог найти его. Он был измучен и не разговаривал ни с кем. «Они думают, он осторожничает, ускользает и все такое, — делится наблюдениями его гитарист Дэвид Уильяме. — Нет. Он просто жутко испуган и устал от людей, которые докучают ему».

Семья прослышала, что Марлон Брандо, близкий друг Майкла, приехал к нему в гости. Ему принадлежал остров Тетиароа на Таити, и он пытался убедить Джексона, у которого его сын Мико работал охранником, приобрести такой же. «Я был на всех обедах с Брандо, ничего сотрясающего землю не обсуждалось, — утверждал Фрэнк Дилео. — Они говорили о жизни, о том, как делают кино. Брандо приглашал нас три или четыре раза к себе на остров. Мы намеревались поехать со Скорсезе и Де Ниро, но так и не собрались».

Сейчас Майкл прятался. Он устал и переживал, что два его последних сингла, Another Part of Me и Smooth Criminal не стали хитами номер один. У него было уже пять хитов из альбома Bad, но этого было мало. Джексон хотел, чтобы каждая запись становилась хитом. Было продано 17 миллионов экземпляров Bad, неплохая цифра, но ей было далеко до Thriller: 40 миллионов. Было очевидно, Майкл не побьет свой собственный рекорд продаж, и это угнетало его.

Выйдя первый раз на улицу, он замаскировался — отправился в аптеку в Вествуде в большом африканском парике и темных очках. Менеджер на вопрос, узнал ли он Майкла в таком виде, ответил: «Когда увидел его нос и подбородок». Писателям Джону Николсу и Лэнсу, известным как «дети Голливуда», владелец магазина сказал, что тот купил «ручной электровибратор».

Что же значили эти переодевания Майкла? Часто он выходил без грима, и столпотворения не было. Похоже, гримировался, когда хотел привлечь внимание. Все его наряды такие нелепые, что он добивался требуемого результата. Иногда, однако, все шло не так, как задумывалось. Однажды Джексон отправился в ювелирный магазин в Сими-вэллей, Калифорния, в парике под бейсболкой, с поддельными усами и фальшивыми зубами. Он поправлял усы, смотрясь в зеркало. Охранник попросил подозрительную личность выйти из магазина и потребовал объяснений о фальшивых усах. «Мне приходится... Я в гриме... Я Майкл Джексон», — был ответ. Когда охранник настоял, чтобы грим был снят, он послушался. К этому времени прибыли три патрульных машины, собралась толпа. Все хотели получить автограф, и никто из них не догадывался, что цель достигнута — внимание привлечено.

Однажды такой интерес привел его в тюрьму. Майкл вел свой «Роллс-Ройс», будучи в гриме. Его остановила полиция, которая заподозрила угон машины. Даже сейчас некоторые полицейские офицеры особенно пристрастны, когда за рулем чорогих машин черный. У Джексона с собой не было прав. Хуже того, у него с собой была неоплаченная квитанция за штраф. Полицейский не поверил, что это действительно он, лаже когда тот снял грим. Артист оказался в тюрьме Ван Пайс. Билл Брэй освободил его под залог.

Заставила Майкла перестать прятаться в январе 1989 г. его сестра ЛаТойя. Ему было 30, последние 20 лет он был озабочен тем, как публика воспринимала его и его семью. В тот самый день, когда Берри Горди и Дайана Росс научили его лгать, называя свой возраст, Майкл понял значение паблик рилэйшнз. Он всегда помогал поддерживать образ единой дружной семьи Джексонов и даже участвовал в турне Victory вместе с братьями, хотя на самом деле не хотел этого. Теперь ЛаТойя грозила разрушить заботливо выстроенный образ дружной семьи своим участием в «Плейбое» (Playboy).

Съемки для этого журнала были кульминацией в цепи событий, которые разорвали ее отношения с семьей. ЛаТойя была травмирована, ее альбомы плохо продавались. «Я хочу платиновый альбом», — жаловалась она. Отец понимал, что у нее ограниченные вокальные данные и с этим многого не достигнуть. Он попытался убедить ее стать моделью, но такая работа ей не нравилась, хотя она была красивой девушкой, особенно после пластических операций. Как и у Майкла, у нее было несколько пластических операций — ей тоже не давал покоя собственный нос, хотя она всячески отрицала это. «Не знаю, кого она хочет

одурачить», — смеялся Марлон.

Когда ЛаТойя решила, что Джозеф больше не будет ее менеджером, она последовала примеру Майкла и других братьев. Забросала его письмами от своего поверенного, хотя жила с ним в одном доме. Отец игнорировал их, и тогда она решила вступить с ним в открытую конфронтацию.

Когда ЛаТойя попросила Кэтрин о помощи, мать сказала: «Послушай, я не хочу вмешиваться в это. Это ваше с отцом дело», — повернулась и пошла наверх в спальню.

Надеясь успокоить ЛаТойю и уговорить ее остаться дома, родители наняли человека со стороны, Джека Гордона, чтобы он стал ее менеджером под началом Джозефа. Они надеялись, что так она не будет чувствовать себя как в капкане у отца. Гордон сидел в тюрьме за попытку взяточничества, имел отношение к сделкам в преступном мире и, как утверждают, четыре года держал бордель в Неваде. Он стал для дочери Джексонов чем-то большим, чем помощник по бизнесу. Никто в семье не знал, что происходит, а они вдвоем обдумывали способ, как освободить ЛаТойю от старших Джексонов.

«Гордон угрожал моей жизни, — утверждал Джером Говард, — когда я спросил его о крупных расходах, которые парочка делала за счет Джозефа. Этот человек опасен. Но ЛаТойя считала, ей следует бояться отца. «Ты знаешь его? — спросила она меня однажды. — Нет, ты его не знаешь. Ты не знаешь, какой он, Джером. Ты не знаешь, через что мне пришлось пройти».

В марте 1988 года — через три дня после того, как Майкл выехал из дома в Энсино, — 32-летняя ЛаТойя улетела с Гордоном, которому в это время было около 45. Она взяла только 2 чемодана, оставила свой «Мерседес» на дороге и с тех пор не возвращалась домой.

Семья обвинила Гордона. Джозеф не скрывал, насколько семья презирала его. Чувства были взаимными. «Я люблю его, как яд», — признавался Джек.

Кэтрин, услышав, что дочь планирует сняться обнаженной для журнала Хью Хефнера, не могла в это поверить. Как и все, кто знал ее. «Она всегда была пуританкой, — отмечал давний друг Джойс Маккрей. — Всегда носила длинные платья и свитера с высоким горлом. Никто и никогда не видел ее тела. Она была очень скромной».

«Я обычно всегда скрывала свое тело с головы до пят, — заявила ЛаТойя Playboy. — Я думаю, моя застенчивость возникла от того, в каких условиях я росла — в изоляции, при строгом отце».

Кэтрин позвонила дочери и спросила, правда ли это. «Ты

действительно позируешь для разворота журнала? Пожалуиста скажи мне, что это неправда», - умоляла она. «Мама, - сказала дочь - где ты такое услышала? Конечно, это неправда». Позднее она объяснит, почему солгала. «Мать спросила меня позировала ли я для Playboy, но очень конкретно: «Позировала ли я для разворота?» Я ответила «нет», потому что это и было правдой. Я действительно позировала, но не для разворота».

Кэтрин позвонила Майклу и со вздохом облегчения сказала, что слухи о ЛаТойе и журнале - ложь. Но он уже слышал обратное и решил взять дело в свои руки. Сделав несколько звонков и узнав о встрече в особняке Хью Хефнера, посвященной публикации снимков, брат поехал и под предлогом, что хочет увидеть животных хозяина, решил все выведать В доме он сразу обратил внимание на группу мужчин, сидящих вокруг стола и нервно запихивающих фотографии в свои портфели. Майкл встретился с Хефнером, который пообещал прислать ему снимки с курьером на неделе, «после того как они будут окончательно готовы».

Когда Майкл получил фотографии, он испытал сильнейший в своей жизни шок. «Я не могу поверить, что это моя сестра - сказал он человеку, который до сих пор работает с ним - Это рушит имидж семьи. Все. Ничего не осталось». Сотрудник Майкла вспоминает: «Увидев эти фотографии он беспокоился только о матери и ее гипертонии. «Боюсь, когда она увидит их, у нее будет инфаркт, - сказал он мне - Я не собираюсь даже говорить ей, что у меня они есть. Я надеюсь, они, по крайней мере, заретушируют кое-что».

Майкл позвонил ЛаТойе, надеясь получить от нее копии окончательного варианта журнала. По ее словам, он сказал, будто фотографии восхитительны, что непохоже на правду. Потом попросил выслать ему окончательный вариант однодневной почтой «Федекс». Она отказалась. Через месяц вышел журнал.

Когда в семье впервые увидели 11 снимков, все были изумлены. Неужели это действительно ЛаТойя, позирующая обнаженной с 60-фунтовым удавом боа-констриктором между ног? «Боа не опасны, если они не голодны», - говорилось в сопроводительном тексте.

После шока - стыд и смущение. Кэтрин и Морин заявили, что они унижены; сестра сказала, что страшится выходить из дома, боясь, что кто-нибудь спросит ее об обнаженной сестре. «Все были задеты, даже внуки», — сказала она. Для родителей видеть свою дочь обнаженной в Playboy было сущим мучением. Один из их друзей уверял, что они не покидали дом целый месяц не потому, что боялись расспросов, а из-за сердечных приступов, причиной

которых было сделанное дочерью. Они были уверены, что Джек Гордон убедил ее позировать для журнала, уверяя, что это хороший толчок для карьеры.

Майкл был зол на сестру, но не по тем причинам, которые предполагало большинство окружающих. Конечно, ему не понравились фотографии — он признался одному из друзей, что это смахивало на порнографию, но он достаточно широко мыслил, чтобы порицать право сестры выразить себя, если она считает это нужным для своего будущего. Он-то уж выразил себя достаточно, чтобы знать, что такое шоу-бизнес.

Джина Спраг, бывшая сотрудница Джозефа, как-то сказала: «Майкл знал, что ЛаТойе ничего другого не остается, она не на многое способна. Она не певица, и все члены семьи это знают, но красивая девушка и должна использовать это преимущество. Это была моя идея, которую я ей подала, когда работала с ее отцом».

Причиной ярости Майкла было утверждение сестры, что он одобрил фотографии и был рад, что она их сделала. Это было неправдой. «Услышав, что ЛаТойя заявила по телевидению, что он был единственным из семьи, кто поддержал ее, брат'взорвался, — говорит Стивен Харрис, бывший сотрудник. - Майкл позвонил матери, они долго и мучительно обсуждали это. «Как я могу говорить с ней о чем-то, если она переворачивает мои слова в собственных целях?» — спрашивал он. Было решено, что лучше всего, если Майкл больше не будет разговаривать с ЛаТойей вообще. Так и было. Он сменил номер телефона и не дал ей новый. Не сообщил ей его никто из семьи. Майкл всем объявил, что не хочет разговаривать со своей сестрой».

Стало известно, что ЛаТойя получила больше одного миллиона долларов за работу для Playboy. Но она сказала одному журналисту, что делала это не для денег, а «как возможность показать миру, что женщины не должны стыдиться своего тела».

С журналистом Фрэнком Свертлоу, ведущим раздел о Голливуде, она была более честной: «Это способ дать моей семье понять, что я личность и хочу быть независимой. Очень трулно жить в большой семье, когда тебя контролируют всю жизнь.»

Неожиданно, к досаде семьи Джексонов, большая грудь ЛаТойи привлекла внимание. Было много рассуждении о том, делала ли она имплантацию. На шоу «Арсенио-Холл» Мадонна заявила, что та делала хирургическую операцию. «Я знаю, мне говорили», - сказала она, добавив, что это совершенно очевидно, потому что ее бюст вырос «за неделю».

ЛаТойя вела себя так, будто ее оскорбили. Однако она и Джек Гордон были достаточно осведомлены в делах прессы, чтобы понимать, что трудно было добиться лучшей рекламы, чем

«вражда» с Мадонной.

«Мадонна - одна из тех, кому действительно пришлось челать пластическую операцию, - сказала ЛаТойя. - Это был ее единственный шанс хоть немного напоминать женщину. Я видела ее фото, где она показывает свою новую грудь. Должна вам сказать, что она все равно хуже моей».

Джек Гордон предложил «Арсенио-Холлу» вечер с Ла-Тойей чтобы ведущий ток-шоу мог сам убедиться что ее грудь настоящая. Похоже было, что ЛаТойя и Джек Гордон ни перед чем не остановятся, чтобы их имена продолжали оставаться на слуху.

Майкл проинструктировал своих служащих никогда не упоминать фото ЛаТойи в Playboy в его присутствии. «Я не хочу слышать больше ни одного слова о бюсте моей сестры - сказал он. - Я просто хочу все это забыть».

Заключительные концерты его турне Bad прошли в январе 1989 года в Лос-Анджелесе на Спортивной арене. Дайана Росс Элизабет Тэйлор, Дион Уорвик и многие другие знаменитости посетили концерты, были там Кэтрин и Джанет. Майкл посвятил попурри из его хитов времен Motown Берри Горди сидевшему с Диан Кэрролл и Сюзанн де Пасс.

Майкл дал 123 концерта в пятнадцати странах на четырех континентах во время турне, начавшегося в сентябре 1987 года Еженедельные затраты на шоу составляли от пятисот до шестисот пятидесяти тысяч долларов. К концу турне чистая прибыль в кассе составляла 125 миллионов долларов.

Майкл сказал одному из служащих, что хотел бы быть более эмоциональным во время выступления на Спортивной арене, но так устал, что уже не мог.

«Я не говорю, что он не собирается больше выступать вживую, — говорил Фрэнк Дилео писателю Полу Грейну перед шоу, разъясняя свое предыдущее заявление, что Майкл хочет оставить сцену. — Он может давать концерты тут и там, но я не думаю, что он еще когда-нибудь предпримет турне, подобное этому, с двенадцатью грузовиками и ста тридцатью семью сотрудниками. Это был очень трудный тур. Два часа шоу после восьми часов непрерывной работы. Это очень изматывает. Майкл получил самую большую прибыль и выступал для самого большого количества людей в истории. Что мы можем сделать в следующий раз? Играть два года? Это убьет меня!»

Дилео сказал, что у Майкла «горы и горы сценариев и предложений», которые нужно начинать рассматривать, сейчас основное внимание будет уделяться рассмотрению кинопроектов.

«Сейчас, когда Майкл закончил турне, Кеннет Чой хотел начать тратить деньги на то, чтобы получить его подпись на

контракте с Муном. Я получал отовсюду факсы: «Нам нужен Майкл, мы должны получить Майкла, как мы получим Майкла?» — говорил Джером Говард. — Наконец, в отчаянии, корейцы подали идею вознаграждения».

В феврале 1989 года «за голову» Майкла была объявлена премия в миллион долларов.

«Любой — член семьи, сотрудник, — кто поможет получить подпись Майкла Джексона на контракте, получит миллион баксов, — добавил Джером Говард. — Эти деньги прямиком шли от муновцев. Так что теперь каждый хотел убедить Майкла».

Хотя Майкл не привлекал к себе внимания, он вызывал недовольство Джозефа вещами, не относящимися к сделке с корейцами. Джером Говард вспоминает: «Отец был оскорблен тем, что Майкл послал своих охранников в дом забрать вещи и разные сувениры. Сын выяснил, что его отец собирается создать в Лас-Вегасе музей семьи Джексонов, и не хотел, чтобы хоть одна его вещь эксплуатировалась им. Вместо этого он хотел устроить собственный музей в Лас-Вегасе со Стивом Винном (владельцем «Мираж-отеля»). Он забирал вещи из дома для этого. Джозеф бесился».

По словам Говарда, Кэтрин сказала ему, что застала Майкла дома и позвонила сыну. Когда она пыталась мягко объяснить планы семьи насчет Кореи, муж потерял терпение и вырвал трубку у нее из рук. «Майкл, а теперь послушай, — заявил он. — Ты говорил, что хочешь, чтобы мы опять стали семьей. Сейчас я договорился с этими корейскими богачами, им нужна эта большая сделка, и я хочу, чтобы ты принял в этом участие, Майкл, потому что мы получим много денег, и нам нужны эти деньги, и ты знаешь, что нужны, и...»

«Джозеф, верни трубку маме», — ответил Майкл. Он повторил Кэтрин, что они могут забыть эту идею, потому что он и думать не хочет еще об одной семейной затее, особенно если командует отец. Он напомнил о 1985 годе, когда тот подключил голливудского продюсера, чтобы создать фильм на основе песни Beat It с Майклом в главной роли, а тот ничего об этом не знал. Позже ему пришлось отмежевываться от всего связанного с этим предприятием, что было очень неудобно. «Он всегда старается вовлечь меня в совместные проекты, а я не собираюсь в них участвовать, -сказал Майкл. Он больше не хотел путешествовать с братьями. — Все кончено».

«И я действительно имею это в виду, — заключил он. — Забудь об этом, Кэт (Майкл часто называл мать Кэт). Я не буду этого делать и прошу тебя просто бросить это. Понимаешь?»

«Самое распространенное заблуждение — будто Майкл —

тряпка, мягкий и можно заставить его делать, что угодно. Но это не так, — считает давний друг семьи Джойс Маккрей. — Он делает то, что хочет, и он не слабак. Может быть так настойчив, как это нужно. Некоторые относятся к работе с ним, словно они встретятся с травинкой, на самом деле они сталкиваются с кирпичной стеной».

Мнение Джанет схоже с этим: «То, что ты не ведешь себя громогласно, не означает, что ты не контролируешь свою жизнь. Майк самый стеснительный из нас всех, но не думаю, что когда-либо видела кого-то, кто жестче отвечал за свою жизнь».

В феврале 1989 года Джозеф и Кэтрин объявили Говарду, что не могут позволить себе платить ему жалованье — он получал от трех до четырех с половиной тысяч долларов в месяц, хотя договаривались на десять. Его заинтересованность в выполнении условий сделки с корейцами, чтобы принести доход семье — и себе, возросла, и он решил обратиться к Фрэнку Дилео, который, по его мнению, мог содействовать сотрудничеству с Майклом. К сожалению, никто в семье не знал, как найти Дилео. Родители никогда не стремились встретиться с ним, они боялись, что, вернувшись к Майклу, он исказит сказанное на встрече. Поскольку они предпочитали делать вид, что Фрэнка не существует в жизни их сына, то и не знали, где его можно найти.

Джерому Говарду пришлось заплатить служащему Фрэнка две тысячи долларов, чтобы тот познакомил их. Дилео, как выяснилось, был в Центре для похудания при университете Дьюк в Северной Каролине. Была назначена его встреча с Кеннетом Чоем в номере отеля неподалеку. Он пообещал, учитывая, что любимая мама Майкла была вовлечена в этот план, еще раз поговорить с ним на эту тему. В этот момент Чой открыл кейс, достал два чека на полмиллиона долларов каждый и подал Дилео: «Они ваши — миллион долларов».

Фрэнк рассмеялся: «Я не могу взять миллион баксов от вас. Вы что, сумасшедший? Я не могу гарантировать, что Майкл будет что-нибудь делать для вас. Он умный человек, сам все решает. Никто не говорит ему, делать что-то или не делать. Понимаете?»

Кеннет Чой подтверждает это: «Да, я предложил Фрэнку деньги, но он не взял их. Это мне понравилось. Он сказал, что если Майкл поедет в Корею, тогда, может быть, возьмет немного денег как награду».

«Фрэнк Дилео мог иметь миллион баксов в тот день, но не принял их, — говорит Джером Говард. — Он мог хорошо заработать — не получить подпись Майкла, и потом всю жизнь в суде можно было доказывать, что он должен вернуть деньги, если вообще должен. Но он человек чести. Позже Фрэнк сказал мне,

что ненавязчиво поговорил с Майклом о Корее. Он сказал: «Никогда нельзя прямо просить его о чем-то, как сделал Джозеф по телефону. Нужно убедить, что он сам это решил».

Фрэнк Дилео, очевидно, обсуждал ситуацию с Майклом но телефону. Это был просто бизнес, сказал он, и «все было превосходно».

Через три дня его уволили.

Ли Солтерс опубликовал краткое сообщение, что «Майкл Джексон и Фрэнк Дилео объявили, что расстаются дружески». Джексон сказал: «Я благодарю Фрэнка за его работу в моих интересах за последние несколько лет». У Дилео комментариев не было. Многие журналисты были удивлены такой неожиданной отставкой.

На следующий день после увольнения Фрэнк позвонил Кеннету Чою в Сан-Франциско: «Я просто хотел сказать, что мы с Майклом расстались». - «Как? Что это значит? - спросил Чой. — Я не понимаю». — «Мальчик уволил меня. Со мной покончено. Капут». — «А-а, — сказал Кеннет. — Это я понимаю».

Почему был уволен Фрэнк Дилео? Немедленно прошел слух в лагере Майкла, что Фрэнк, которому был сорок один год, взял вознаграждение в миллион долларов, Джексон узнал об этом и уволил его. На самом деле он не знал о существовании вознаграждения. Другие говорят, что поскольку Майкл тогда был заинтересован в кино, то решил, что Фрэнк, ветеран музыкальной индустрии, не может больше быть ему полезен. Это кажется вероятным, но на самом деле у Дилео были связи в мире кино, новые он мог легко завести как его менеджер.

На самом деле Майкл был обижен на Фрэнка по множеству причин. Он чувствовал, что тот слишком пользуется феноменом Джексона. А сам артист, как Куинси Джонс, устал от людей, которые пользовались тем, что он считал своей судьбой. Дилео давал интервью прессе, расписывая то, что сделал для Майкла, которому неприятно было их читать.

«Фрэнк — не творческий человек, — пояснил он одному из сотрудников. — Давай смотреть правде в лицо. Все идеи подаю я. Его идеи — дурацкие».

Майкл считал также, что Фрэнк стал слишком командовать в последние годы. Например, когда турне Bad было в Питтсбурге, он, будучи уроженцем этого города, устроил сборище, где мог бы представить его своим друзьям и родственникам. «Майкл, я рассчитываю, что ты будешь ровно в восемь, понятно?»

«Кто он такой, чтобы мне так говорить? — удивился Майкл. — Я говорю ему, что делать».

Майкл появился там, но на час позже.

Потом Фрэнк выговаривал ему: «Мне пришлось извиняться за тебя. Что с тобой? Как ты мог так поступить со мной?»

Майкл кипел. Наконец Билл Брэй накричал на Фрэнка, чтобы он оставил его в покое. Это была отвратительная сцена.

Пресса сообщила, что Майкл уволил Фрэнка, потому что тот запорол многомиллионную сделку по выпуску семейного полуторачасового видео Moon walker, компиляцию из разных клипов и музыкальной автобиографии. Одним из важнейших в нем был новаторский видеоклип Майкла «Leave Me Alone», где он пародирует себя, показывая место поклонения Элизабет Тэйлор, газетный заголовок «Майкл поверяет свои секреты шимпанзе» и танцуя со скелетом Человека-Слона. В этом клипе он движется в сюрреалистическом мире плавающих стульев, огромных клацающих зубов и бешено сменяющих друг друга аттракционов. 6 месяцев 25 человек делали этот клип на 4 минуты и 45 секунд.

Проект (включавший 8-минутное Smooth Criminal видео, 32-минутные игровые вставки до и после песни, а также клипы Leave Me Alone и Speed Demon) стоил Джексону примерно 27 миллионов долларов. «Moon walker» вышел в Японии для показов в кинотеатрах, а не в США — из-за некоторых разногласий. Поговаривали, что за решением не выпускать фильм стоял Фрэнк Дилео. Когда было объявлено, что не будет сделки по показу фильма в стране, международные дистрибьюторы, которые купили фильм, были возмущены, многие заграничные кинотеатры прекратили показы или свернули рекламную кампанию. Это стоило Майклу многих миллионов долларов.

В конце концов, по словам Дилео, он вышел с многомиллионным предложением по распространению фильма в США, кто-то из сотрудников Майкла сказал ему об этом. И хотя он мог сердиться на то, как осуществлялось распространение картины, он не был настолько зол на Фрэнка, чтобы уволить его за это.

Большинство помощников Майкла чувствовали, что он должен был возмутиться, что Фрэнк позволил ему потратить 27 млн долларов на Moon walker. Как хороший менеджер, Дилео должен был предотвратить трату такой суммы на фильм, бюджет которого не превышал 5 млн. В конце концов прибыль составила примерно 30 млн долларов благодаря смекалке Джона Бранка и упорству Уолтера Етникофф («Си-би-эс Musical Video Enterprises» распространяли пленку). Ни одно домашнее музыкальное видео даже близко не принесло столько денег исполнителю. Но Майкл говорил, что чувствует себя «бедным» и «долго, долго» не захочет больше тратить деньги на крупные проекты.

Что касается других проблем с Фрэнком, то Майкл начал

испытывать отвращение к своему бульварному образу который полагал он, Дилео продолжал пропагандировать. Конечно истории про барокамеру и кости Человека-Слона были идеями самого Джексона, а не Фрэнка, но когда они стали широко известны, публика начала воспринимать его как Wacko-Jacko (так его называли в Европе).

Одна выдумка - «Майкл Джексон выгоняет 4 парней из турне после того, как они не прошли тест на СПИД», - появившаяся в Star 2 августа 1988 г., особенно обеспокоила его. В статье говорилось, что он уволил сотрудников, у которых оказалась положительная ВИЧ-реакция. «Я действительно боюсь СПИДа, - якобы говорил Майкл. - Я думаю о том, что сидел за ланчем с этими парнями, жал им руки и вообще много времени проводил с ними».

В публикациях также отмечалось, что он повсюду возит с собой свою замороженную кровь, и цитировались будто бы его слова: «Вы не знаете, когда вам может понадобиться кровь, а единственная кровь, в которой я уверен, - это моя собственная».

Майкл расплачивался за идею возвести между собой и публикой плексигласовый щит от микробов во время турне Victory в 1984 г. Теперь он понимал, что идея была абсурдной, и отказался от нее, но она стала широко известна. Эта мысль пришла Майклу после несчастного случая с огнем, когда он увлекся медициной, жадно читал медицинскую литературу, любил читать и слушать про самые опасные заболевания, какое-то время был одержим навязчивым интересом к хирургическим операциям. Даже видел их в Медицинском центре университета Калифорнии. Доктора, друзья друзей, разрешили ему смотреть из специальной кабины, но пациенты не знали об этом.

«Майклу действительно любопытны хирургические операции, — говорил один из его бывших помощников. — Он торчит на них, может смотреть часами. Особенно любит наблюдать за пластическими операциями, точно знаю. Я даже слышал, что он присутствовал при операциях на головном мозге, но не уверен, правда ли это. Не удивлюсь, если это так. Звучит вполне в духе Майкла».

Майкл интересовался медициной, но у него не было навязчивого страха перед СПИДом. «Когда он прочел это сообщение, был очень расстроен, - вспоминал Майкл Такер, друг семьи Джексонов. - К СПИДу он относился особенно болезненно. «Почему они пишут обо мне? - сказал он. - Это вообще не я. Что, если люди поверят в это? Что они подумают обо мне?» Он бушевал и хотел узнать, откуда поступило сообщение. Сейчас его имидж был таков, что он никак не мог бороться с его бульварной

интерпретацией».

Джойс Маккрей говорит: «Сенсационные сообщения о Майкле казались более реальными. Все это рекламировалось и влияло на восприятие его образа. Стало трудно отделить правду от лжи, реальное от фантастического, и не только для публики, но и для него самого».

В бульварной прессе появилась еще одна небылица, якобы Майкл, будучи в Ирландии, отказался поцеловать известного Блэрни Стоуна, боясь, что у него может быть СПИД. Это также было неправдой, но Rolling Stone перепечатал сообщение.

«Если я обнаружу, что кто-то из моих сотрудников подбрасывает газетчикам эти обидные истории, он будет уволен», _ пригрозил Майкл. Конечно, никто бы в этом не признался. Более того, большинство этих басен были просто сфабрикованы журналистами. Неизвестно, уволил ли Майкт Дилео потому, что хотел покончить со своим имиджем «чокнутого» в прессе. (Однако правда, что после увольнения Фрэнка сенсационные истории стали появляться гораздо реже.)

Помимо того что Майкл не считал его творческим человеком главной причиной отказа ему от места было разочарование Джексона в том, что альбом Bad не пользовался таким успехом, как Thriller. К этому времени было продано «только» 20 млн копий по всему миру, 1/5 того, что он планировал. Копий Thriller в США было продано 25 млн; Bad - только 6 млн.

«Майкл был подавлен, - сказал друг Фрэнка Дилео. -он всем сердцем желал второго огромного, гигантского альбома И когда не получил того, что хотел, повел себя, как капризный ребенок, следовали вспышки раздражительности, слезы. Он может быть очень драматичным, когда захочет. Фрэнк никому не говорил этого, но я знаю, что этот ребенок был у него на руках. Ему много приходилось с ним возиться».

«Но мы сделали все возможное, - сказал Фрэнк. - Мы сделали лучший альбом и лучшие видео, на какие были способны. Нам нечего стыдиться».

Может это и так, но люди нашептывали Майклу, что Дилео должен был лучше выполнять свою работу. Сомнения закрадывались постепенно. Он ожидал, что Bad станет самым продаваемым альбомом всех времен, когда этого не случилось, обвинил во всем Фрэнка. Ему нужно было обвинить кого-нибудь.

Рон Вайснер, менеджер Майкла в начале 80-х, отмечал. «Если что-то шло неправильно, менеджер был плохим парнем. Если у артистов проблемы с карьерой, они не могут обвинить публику, они обвиняют вас. Многие исполнители -мечтатели и абсолютно нереалистичны. Тяжело быть рациональным с иррациональными

людьми. Когда артисты приходят в мой офис, я закрываю дверь и говорю: «Вот реальность. Все что происходит снаружи, - это шоу-бизнес».

Поскольку Майкл отказался давать интервью, за него в СМИ говорил Фрэнк Дилео. Многие знаменитости - Майкл не исключение - не любят, когда их представители сами становятся известными. У Джексона очень уязвимое «эго». «Фрэнк становился слишком популярным, на взгляд Майкла, - сказал его бывший помощник. - И он решил, что тот должен уйти Затем стали пропадать деньги, и другие сотрудники начали обвинять Дилео. Это было смехотворно. Он в жизни не взял ни гроша. Но Майкл начал верить в то, что слышал, чтобы найти оправдание увольнению Фрэнка».

Возможно, Майкл считал, что у него есть причины для увольнения Фрэнка Дилео, но он смалодушничал при этом. Он заставил Джона Бранка позвонить ему и сказать: «Джексон больше не хочет с тобой работать».

- О'кей, отлично, - Фрэнк старался говорить беззаботно, хотя, как он признался позднее, его сердце разрывалось. — Только заплатите мне, что положено, и я уйду.

— Ну, ты не сердишься? — давил Бранка.

— Какого черта, нет, — сказал Фрэнк. — Если он не хочет со мной работать, я не желаю быть рядом с ним. Пока. — И повесил трубку. После этого он покинул центр для похудания, «потому что я должен был найти работу. Я стал безработным».

Примерно через год Фрэнк скажет, что «не было никакого предупреждения. Разозлило ли это меня? Да. То, как это было сделано, было оскорбительно для моей семьи. Над моими детьми смеялись в школе. Это привлекло внимание к моей жене. Он подорвал мою веру в людей. Я долго еще был недоверчив».

Майкл Джексон и Дилео были неразлучны 5 лет. «Я был с этим парнем каждый день, — вспоминал Фрэнк. — Иногда мы мило беседовали, а порой он был как на другой планете».

Фрэнку была отведена исключительная роль на обложке альбома Bad, где фото его и Майкла озаглавили «еще одна великая команда». Майкл посвятил целую страницу в богато изданном буклете о концертном турне фотографиям, где он снят с Фрэнком, который часто говорил, что думает о Джексоне как о сыне и «он обращается ко мне, как ко второму папе».

«Я был с ним близок как никто в его жизни», — сказал Дилео. Он даже давал ему советы по поводу его пластических операций и говорил, что в молодости хотел иметь раздвоенный подбородок, как у Кирка Дугласа. «Но хватит, — сказал Фрэнк однажды. — Больше никаких операций».

Он чувствовал, что самое меньшее, что Джексон мог для него сделать, — это уволить его лично. Для него Дилео был просто способным бизнесменом, который исчерпал себя. Действительно, во многих отношениях Майкл стал таким же холодным и расчетливым, как его отец. Может показаться, что у него не было позитивного примера мужского поведения в семье, Джозеф долгие годы был проклятием. В своем стремлении действовать в интересах семьи он никому не позволял ставить под вопрос свой авторитет. Его дети не учились на собственных ошибках, потому что он не позволял им думать самостоятельно о своих интересах. Когда они стали взрослыми, то не имели понятия, как обращаться с деньгами или своей славой.

Хуже всего, что глава семьи был отрицательным примером в вопросах ее единства. Долгие годы он открыто заводил романы, и большинство сыновей пошли по его стопам. В бизнесе его интересовала только возможность быстро получить деньги. Он проповедовал лояльность, но никогда не осуществлял это на практике. Когда хотел чего-нибудь, мог быть безжалостным. Для него цель всегда оправдывала средства. Был подозрителен, потому что считал других такими же непорядочными, как сам. Некоторые его качества унаследовал Майкл.

«Он не доверял никому в мире, — скажет Фрэнк Дилео. — Ни единой душе. Я постоянно говорил ему: «Однажды тебе придется поверить кому-нибудь». Но может быть, у него были причины не доверять. Многие люди причинили ему зло».

Фрэнка Дилео уволили так же, как и предыдущего менеджера Майкла, Рона Вайснера (из Вайснер-ДеМанн) в начале 80-х, без уведомления об увольнении и через других лиц. «Я был очень огорчен и не стыжусь сказать это, — признавался Вайснер. - Я месяц был в растерянности, потому что считал наши с Майклом отношения отличными. Я был удручен». «После того что он сделал с Фрэнком, о Майкле стали плохо говорить в индустрии развлечений, — сказал один ведущий издатель. — Большинство считает, что, если вы работаете с Майклом, он в конце концов выжмет вас. Вместе с Джоном Бранка Фрэнк Дилео дал этому человеку 5 хитов номер один и самое прибыльное в истории шоу-бизнеса кругосветное турне. Он явно был хорошим менеджером. Теперь у Майкла репутация человека, который сближается с вами, а потом заставляет кого-то другого уволить вас. Он большая звезда, поэтому каждый захочет попытать счастья. Но никто из работающих с ним уже не будет чувствовать себя в безопасности. Никто уже не доверяет парню».

Фрэнк Дилео, однако, не собирался просто уйти. Он никогда не считал, что ему честно платят за выполняемые им проекты, и

говорил, что каждый раз, когда просил у Майкла денег, тот «обращался к 7—8 советчикам. Контролеров всегда было полно». После того как Фрэнк пригрозил подать на Майкла в суд, тот должен был в конце концов решить с ним вопрос о 5 миллионах долларов. Через три дня после увольнения Дилео был приглашен Мартином Скорсезе для участия в фильме Good Fellas с Робертом Де Ниро. «Не правда ли, что за ирония? — сказал Фрэнк. — Сейчас Майкл отчаянно хочет делать кино, и я побеждаю его здесь, не иначе как с Де Ниро и Скорсезе. Я твердо верю, что все возвращается на круги своя. Это называется карма. И я надеюсь, Майкл понимает, что это значит. Если не понимает сейчас, поймет когда-нибудь позднее».

После увольнения Фрэнка Дилео кампания Кэтрин по привлечению Майкла к поездке в Корею вместе с братьями продолжилась. Она звонила сыну и просила его поехать в турне, но Майкл не поддавался.

«Наступил момент, когда они решили позаботиться о себе, — сказал Майкл о своей семье. — В конце концов, кто заботится обо мне? Им пора управлять своей жизнью, тем, что от этой жизни осталось, а мне управлять моей и заботиться о себе. Не знаю, что еще я могу для них сделать. Они всячески обижали друг друга и меня столько раз. Это никогда не кончится».

Теперь, когда Фрэнк Дилео сошел со сцены, Джером Говард позвонил Маршаллу Гелфанду и попросить помочь привлечь Майкла к участию в корейском предприятии. «Пожалуйста, — сказал Гелфанд. — Мы все время ищем способы сделать дополнительные деньги для него. Позвоните Джону Бранка, сошлитесь на меня, и он убедит его. Джексон любит работать, поэтому точно поедет».

«В это время корейцы сказали: «А что, если он не поедет?» Они паниковали», — вспоминал Говард. «Отлично, тогда предложи ему 10 миллионов за участие», — сказали они. Это 10 миллионов сверх 7 с половиной миллионов, которые братья получат и поделят между собой. Еще собирались выделить ему самолет корейских авиалиний для путешествия и второй — братьям. Таким образом, он будет видеться с ними только на сцене. Я послал всю эту информацию факсом Джону Бранка, который сразу ответил мне. «Нет, Майкл не хочет ехать». Тогда корейцы передали Джексону его золотой бюст, посылали подарки, но он не передумал, не хотел ехать, однако никто его не слушал.

«Потом корейцы предложили подарок мне — автомобиль, думали, что я пользуюсь влиянием на Майкла, но это было не так, — продолжал Джером Говард. — У меня уже было 3 машины; мне была не нужна еще одна. Но они хотели купить мне «Мерседес» за

70 тыс. долларов. Я сказал об этом Джозефу, и тот ответил: «Они не собираются покупать тебе машину». Но Джексоны мне больше не платили, и я принял «Мерседес». Когда я приехал на нем в их поместье, Кэтрин порадовалась за меня. Я сказал, что собираюсь продать машину и на эти деньги жить, пока семья не сможет опять мне платить. «Нет, им эта машина нужна для бизнеса. Они дали тебе эту машину. Сохрани ее и не вздумай продавать», — сказала Кэтрин. Но Джозеф был раздосадован, что они дали машине мне, а не ему. «Это наши дети, Кэти. Почему у Джерома должна быть машина, а у нас нет?» С этого момента отношение ко мне начало меняться. Я почувствовал, что меня могут выкинуть из сделки».

Корейцы решили, что если кто и может поговорить с Майклом об этом турне, так это его мать. Они пообещали ей в подарок миллион долларов, если она сможет получить подпись сына на контракте в течение двух недель. Джером Говард вручил ей два чека на 500 тыс. долларов каждый.

— Я не хочу этих денег, Джером, — настаивала Кэтрин. — Не давай их мне.

— Если я не дам их тебе, тогда я должен буду дать их Джозефу, — предупредил ее Джером.

Кэтрин взяла деньги.

— Ты сможешь убедить Майкла?

— Я могу только попытаться. У Майкла своя голова на плечах, ты ведь знаешь.

— Если у тебя получится, миллион долларов твой, — напомнил Говард.

Кэтрин вздохнула. Она открыла свою сумочку, положила в нее миллион долларов и прижала ее к себе. «Миллион долларов, — сказала она, еще не веря. — Я думаю, мы прошли длинный путь».

Глава 31

Джозеф никогда не мог себе представить, что у его жены может быть припрятан миллион долларов. Джером Говард, управляющий делами семейной пары, боялся, что, когда он узнает об этом, немедленно обналичит чеки, независимо от того, получат они подпись Майкла или нет. Кэтрин, видимо, тоже так считала, поскольку ничего не сказала мужу о деньгах. Если ей удастся получить подпись Майкла, сказала она, честно отдаст мужу половину вознаграждения.

Кэтрин сама, должно быть, удивлялась повороту событий. «Я бы променяла мою теперешнюю жизнь на ту, прежнюю, в Гэри, — сетовала она. — Когда втягиваешься в шоу-бизнес, твоя жизнь очень сильно меняется».

Для большинства людей миллион долларов — большие деньги. Но только не для Майкла. В последний год он заработал больше 65 миллионов. Согласно журналу Forbes, он был самым высокооплачиваемым артистом планеты. Джексон мог быть щедрым, когда хотел, но проявлял сдержанность, когда дело касалось семьи. Однако сейчас родные нуждались в его помощи и верили, что он пойдет им навстречу.

«Некоторые из братьев были в отчаянии, — говорит один из их друзей. — Ведь то, что они были знамениты, не означало автоматически, что они богаты. Их образ жизни был непохож на жизнь обычных людей. У них были дома, яхты, дорогие машины, им нужно было работать, чтобы сохранить этот имидж. Поскольку их брат заработал 65 миллионов за год, они считали, что ему будет нетрудно дать с ними несколько концертов, которые могли бы принести им миллионы. Они не просили подачек — только помощи. Они считали, что если Майкл помогает больным и нуждающимся детям, то почему бы не помочь собственным братьям? Джанет заработала пять миллионов за этот год, но именно от него ждали помощи семье».

В самом деле братья считали, что Майкл им обязан. «Сейчас он очень популярен, — не скрывал Джермен, — я считаю, что внес в это немалый вклад. Не только я, но и мои братья. Мы все были в «Пятерке Джексонов», которая дала нам шанс».

Был март 1989 года. Джером Говард и Кеннет Чой в поместье Джексонов в Энсино обсуждали с Кэтрин, Джозефом и Джерменом, «как мы можем заставить Майкла дать эти концерты». Это стало навязчивой идеей семьи. «Я думаю, лучший способ — вернуть его в семью, — сказал Джермен. — Когда ты делаешь так много денег, то каждый концерт — это просто еще

один доллар. Тогда начинаешь вспоминать о важных вещах, таких, как семья, любовь и здоровье».

Пока они говорили, зазвонил телефон. Просили Кэтрин. Она взяла трубку наверху, Джозеф пошел за ней.

«Через несколько минут она сбежала вниз по ступенькам:

«Майкл звонит! Майкл звонит! Отец сейчас с ним разговаривает!» — вспоминает Джером Говард. — Она была очень возбуждена».

Джермен подбежал к ней и нервно сказал:

— Мам, пусть Кеннет поговорит с ним. Пусть Кеннет попробует убедить его. В конце концов, он уже убедил тебя и Джозефа. Он должен говорить с Майклом.

Кэтрин была настроена скептически.

— Не знаю, по-моему, не очень хорошая мысль, — сказала она. — Возьми трубку и попробуй. Это не может повредить.

По словам Говарда, Джермен подошел к Кеннету:

— Слушай, ты должен убедить Майкла.

— Как? — беспомощно протянул тот. — Как я это сделаю?

— Я не знаю, — ответил Джермен, нахмурившись и стараясь быстро что-то придумать. — Но ты должен что-то сделать. Плачь в трубку, если нужно, — добавил он шутливо.

Кеннет Чой поднял трубку:

— Майкл, пожалуйста, моя страна хочет, чтобы ты приехал и выступил у нас.

Пауза.

— Ну, пожалуйста, Майкл, я прошу тебя, — он говорил на ломаном английском.

Пауза.

Внезапно Кен начал всхлипывать. Он действительно расстроился:

— Майкл, если ты не приедешь, мне ничего не останется, как покончить с собой, — сказал он театрально. — И это правда.

Кен рыдал. Джермен рассмеялся. Ему пришлось зажать себе рот, чтобы не было слышно на том конце провода. Джером Говард упал на пол, истерически хохоча.

Кеннет не обращал на них внимания.

— Понимаешь, это моя миссия, — продолжал он, слезы текли по его лицу. — Мое задание — привезти великого Майкла Джексона в Корею выступить перед всем корейским народом. Я должен увидеть тебя. Пожалуйста, я прошу тебя.

Наконец Майкл согласился встретиться с Кеннетом.

По словам Говарда, когда Чой положил трубку, его поведение резко изменилось. Он танцевал и распевал: «Боже мой, не могу поверить! Я разговаривал с Майклом Джексоном по телефону! О

боже мой! Я правда разговаривал с ним, с великим Майклом Джексоном!»

Между тем две недели, которые были у Кэтрин, чтобы убедить Майкла подписать контракт, прошли, и она вернула чек. Джозеф разозлился, когда обнаружил, что деньги уже были у них в кармане, а она их отдала обратно.

Вскоре после этого Джером Говард прекратил работать на них. Была договоренность о миллионе долларов мне и миллионе — родителям, — вспоминает Джером. — Джозеф решил: «Зачем Джерому миллион? И двухсот тысяч с него хватит». Но я не был согласен на это, когда все только затевалось. Я сговорился на миллион долларов и подписал контракт на эту сумму. Но он не хотел, чтобы я получил так много, и наконец я решил вообще выйти из сделки».

«Я обнаружил, что Кеннет Чой встречался с Джозефом и Кэтрин за моей спиной. Увидев, что происходит, уволился. Джексоны полагались на поверенных и друзей, чтобы те вели их дела, а потом сталкивали их друг с другом, плохо от этого было всем».

Прошло двадцать лет с тех пор, как Джексоны переехали из Гэри в Лос-Анджелес в поисках славы и богатства. За это время все они отведали вкуса красивой жизни. Не было ничего, о чем они могли бы еще мечтать; у них было все. Но с этой сделкой они утратили чувство реальности. Никто из них не знал, где надо остановиться: они хотели еще и еще. И поскольку корейцы знали, как воспользоваться их жадностью, новая волна ухудшения отношений, как рак, стала разъедать семью.

Муновцы подарили Джозефу «Роллс-Ройс Корниш»; позже он получит больше пятидесяти тысяч долларов за то, что был отцом Майкла Джексона.

Кэтрин — тридцать пять тысяч долларов за то, что была его матерью.

Потом Джермен каким-то образом получил «Рейндж-Ровер», считалось, что он имеет на Майкла самое большое влияние из всех братьев (он отдал автомобиль своей бывшей жене при разводе).

Майкл получил шестьдесят тысяч долларов и дорогие предметы искусства, потому что был главным действующим лицом в этой истории. Этого было, однако, недостаточно, корейцы передали ему белый «Роллс-Ройс Корниш», который Майкл с удовольствием принял.

Другие люди получали тысячи долларов за то, что были знакомы с семьей Майкла Джексона, с семьей, которая двадцать лет назад каждый день ужинала картошкой. Даже начальник

службы безопасности Майкла, Билл Брэй, получил больше полумиллиона долларов лично, и никто не помнит, как и почему он их получил.

Деньги и подарки текли рекой, и все принимающие их вставали на сторону корейцев и были достаточно алчны, чтобы принимать дары до того, как вообще выяснилось, будет ли Майкл давать эти концерты. Если бы кто-нибудь намекнул на вероятность того, что он откажется, подарки бы прекратились. Никто этого не хотел, потому что такая жизнь всех устраивала.

Высшей точкой этого разгула было, когда одна из девушек Билла Брэя пришла к Кеннету Чою и заявила:

— Слушайте. Мой парень контролирует Майкла Джексона, а я контролирую своего парня. Так что, если хотите, чтобы концерты в Корее состоялись, дайте мне что-нибудь.

— Ну, и что вы хотите? — спросил Чой. Женщина минуту подумала:

— Как насчет пятьсот шестидесятого «Мерседеса», который припаркован на вашей стоянке?

Он ваш, — сказал Чой и передал ей ключи.

Девушка уехала на новом «Мерседесе».

«Корейцы покупали подарки всем, кто был вообще знаком с Майклом в надежде, что это будет тот человек, который сможет убедить его поехать, — говорит Джером Говард. — Для муновцев эти расходы нужны были, чтобы ближе подобраться к Майклу».

Наконец Кеннету Чою удалось встретиться с ним. Кэтрин взяла его с собой на церемонию вручения премии Soul Train. Когда она представила его сыну, он упал на колени и поцеловал Майклу руку. «Мой народ нуждается в тебе, — сказал он. — Ты должен выступить в Корее. В конце концов, Япония два раза нападала на мою страну, а ты выступал там два раза. Ты даже держал на руках японского младенца». Майкл был ошеломлен. «Мой народ должен увидеть тебя», — повторил Чой и, достав видеокамеру, начал снимать Джексона. Вскоре эта запись была распространена в Корее по телевидению с обещанием, что он приедет в Корею.

В июне 1989 года, измученный тем, во что его втянула семья, находясь под давлением всех окружающих и, возможно, испытывая чувство вины из-за принятых подарков, Майкл подписал контракт на четыре шоу в Корее в августе. Он должен был петь только четыре песни и попурри с братьями. Остальное шоу — без него.

В автобиографии Майкл написал: «Мне пришлось остерегаться людей, окружающих меня. Мне напомнили старую песню Кларенса Картера Patches, где старшего сына просят

позаботиться о ферме после смерти отца, и мать говорит, что теперь все зависит от него. Ну, мы не были испольщиками, и я не был старшим, но на мои хрупкие плечи взвалили все эти заботы. Мне почему-то всегда было очень трудно отказывать семье и другим людям, которых я любил. Меня просили сделать что-то или позаботиться о чем-то. и я соглашался, даже если мне казалось, что я могу не справиться».

Майкл писал не о корейском эпизоде (это было уже после публикации книги), но эти слова очень подходят.

«Я делаю это ради Кэт», — сказал он о сделке с корейцами.

«Из всех членов семьи Майкл ближе всех к Кэтрин, а она ближе всех к Майклу, — считал Тим Уайтхед, ее племянник. — Так уж повелось. Все в семье знати, что он все сделает для матери, а она — для него».

Семья была в приподнятом настроении. Наконец-то Майкл дал согласие на корейские концерты. Никто, однако, не получил вознаграждения, потому что Майкл сам принял это решение. «Он должен получить миллион долларов, — полагал один из его друзей, — за то, что решился на корейские концерты». До сих пор Майкл не знает, что была обещана награда тому из членов его семьи, кто обеспечит его услуги.

Когда договор был подписан и пришло время передавать обещанные миллионы Майклу, преподобный Мун, который спонсировал всю эту затею, наконец вмешался и решил, что заранее оговоренная сумма слишком велика для него. По словам Джерома Говарда, Мун хотел снизить ее до восьми, потом до семи, пяти, четырех с половиной и, наконец, до двух с половиной миллионов. Сделка полностью распалась.

«Наконец-то получив Майкла, корейцы не вовремя проявили жадность, — отмечал Говард. — Они заявили, что он нарушил условия сделки, по его словам, корейская сторона не выполняет соглашение».

В результате Segye Times Inc., которая финансировалась Муном, подала в суд на Майкла. Мун хотел вернуть себе все деньги и подарки. В деле также фигурировали Джозеф, Кэтрин, Джером Говард, Джермен Джексон и Билл Брэй. Майкл и свою очередь подал иск к Segye Times Inc. на восемь миллионов долларов, говоря, что не вернет подарков и не потребует этого от всех остальных. «Я даже не знал, что происходит, — сказал Майкл. — Все, что я знаю, — я продолжал говорить «нет». Но никто в моей семье не принимал этот ответ. И посмотрите, что произошло».

По словам Майкла, Кеннет Чой сказал ему сначала, что повод для визита Майкла в Корею — вовсе не концерты, а «посещение

детей в больницах и приютах, поездка на Гуманитарный фестиваль и получение высокой награды от президента страны». После того как он согласился на это, Чой стал давить на него, упрашивая еще дать несколько концертов. Майкл также заявил, что не знал о связи Чоя с Объединенной церковью и подарки, которые он получал, были даны ему, чтобы «создать благоприятные условия для переговоров о моих услугах». Чой обещал, что переименует Манхэттенский центр на Пятидесятой улице между Седьмой и Восьмой авеню в Нью-Йорке в «Центр искусств Майкла Джексона». Но оказалось, что Чой и Segue Times даже не были его владельцами.

«Вы должны понять меня, — объяснил Кеннет Чой в январе 1991 года. —- В моей стране отцы, сыновья и братья очень близки между собой. Я думал, Майкл близок со своим отцом и братьями. Я полагал, что веду дело с его отцом и братьями, потому что этого хотел он. Его служащие говорили мне, что «он не имеет дел со своей семьей», но я не верил этому, думал, они ревнуют и стараются помешать мне. Наконец, когда я впервые увиделся с Майклом, он сказал мне: «Да, это правда. Я люблю свою семью, но никогда не веду с ними дел». Я не мог поверить этому! Я вел дела не с тем человеком, он (Джозеф) не имел влияния на Майкла. Но было поздно. Вред был нанесен. Я потерял лицо в своей стране. Я был унижен. Мы все равно любим Майкла Джексона, — заключает Чой. — Он не сделал ничего плохого. Моей миссией остается привезти Майкла в Корею».

Среди участников корейского турне было много разногласий в том, «кто виноват», но большинство обозревателей и служащих Майкла соглашаются в одном: этого бы не случилось, если бы Фрэнк Дилео был его менеджером. Скорее всего он, не будь уволен через три дня после того, как впервые узнал о сделке, положил бы этому конец сразу. Раньше Фрэнк пресекал множество планов с участием семьи до того, как они доходили до Майкла. Он всегда контролировал его сделки, и большинство членов семьи, особенно родители, не любили его за это.

Даже Джон Бранка не смог защитить Майкла от всего случившегося, потому что к тому времени, когда тот обратился к нему за советом, он практически решился подписать договор. Многим обозревателям казалось, что Майкл, еще более подозрительный, чем обычно, начал терять доверие к Бранка.

Джексоны всегда на публике были сторонниками идеи, что нет ничего важнее семьи. Однако в 1989 году возникли проблемы с тем, как Джексоны обращались со старшим поколением близких: отцом Джозефа Сэмюэлем Джексоном и матерью Кэтрин Мартой Бриджес. Им обоим было по восемьдесят два года.

Первый намек появился, когда Star опубликовала статью о Сэмюэле, который жил в доме престарелых в захудалом районе и недавно перенес инсульт. Говорилось, что Майкл не пишет ему и не навещает. Был снимок печального старика в инвалидном кресле, держащего экземпляр альбома Thriller. Он был сфотографирован на фоне плакатов Майкла и Джа-нет. Цитировался бывший служащий дома престарелых, который будто бы сказал: «Каждое воскресенье Сэмюэль наряжался в лучший костюм, потому что надеялся, что внук приедет навестить его, — но он никогда не приезжал». Томас Дики, управляющий дома престарелых, говорит: «Я не думаю, что Майкл представляет себе, сколько радости принес бы дедушке его приезд».

Многие члены семьи — особенно Джозеф и Кэтрин — были оскорблены и возмущены этим. «Они просто обезумели, — сказала Грейс Эванс, администратор дома престарелых, — и угрожали всеми видами судебных исков».

В самом деле Сэмюэль Джексон жил в доме престарелых, расположенном всего в четырех кварталах от района, который полицейские власти называли «самым опасным уголком города». Поскольку списки его бесплатных пациентов закрыты для публики, нет возможности выяснить, действительно ли он был на попечении государства, как утверждает Star. Но отчет 1989 года утверждает, что сорок три из пятидесяти пациентов были на обеспечении округа. По справочнику домов престарелых штата, его комната стоила от пятидесяти двух до шестидесяти двух долларов в сутки. После публикации в Star все сотрудники дома престарелых были предупреждены о запрете говорить о нем с прессой; ему также запретили визиты посетителей, кроме родственников. Грейс Эванс уточняет, что до января 1989 года (то есть в течение двух лет с тех пор, как старик поступил туда) Майкл Джексон не навещал его.

В 1989 году мать Кэтрин Марта Бриджес также находилась в доме престарелых после череды инсультов. Первый она перенесла в 1975 году, после него потеряла речь, пострадала память. Год спустя у нее случился второй инсульт, в течение последующих десяти лет ее состояние ухудшалось. В 1989 году сообщалось, что ее не посещал никто из родных.

Джек Гордон рассказал журналистке Лидии Энсинас из National Enquirer (он регулярно сотрудничал с журналом на тему семьи Джексонов, к большой их досаде), что «миссис Бриджес была оставлена умирать в одиночестве. То, как она жила, разбило сердце ЛаТойи, и она намеревалась поселить бабушку у себя. Но родители запретили ей. Они отказываются разрешить помочь ей».

Первые пять месяцев пребывания Марты Бриджес в доме

престарелых за нее платило государство, потом ее содержание стала оплачивать семья Джексонов.

Кэтрин отрицала, что ее мать была оставлена без присмотра. «Мы хорошо о ней заботимся, — сказала она. — С ней все прекрасно».

Когда Марта Бриджес умерла 29 апреля 1990 года, отмечал Джек Гордон, ЛаТойя была в ярости, что никто ей об этом не сказал и она не была на похоронах. По ее словам, Майкл и Джанет уговорили мать не звать ее. Однако Тим Уайтхед утверждает, что его кузина ЛаТойя не присутствовала потому, что никто из членов семьи не смог ее разыскать. «Я знаю, что моя тетя хотела, чтобы она пришла, тетя любит ее. Но никто не мог ее найти. Она сама нарочно сделала так, чтобы ее невозможно было найти в случае семейных проблем».

Все остальные были на службе и похоронах; говорят, Майкл очень переживал смерть бабушки. «Мне кажется, он любил ее, — говорит Тим Уайтхед. — Но если честно, родственники жаловались, что братья навещали ее не так часто, как могли бы. На похоронах Майкл был, не могу подобрать другого слова, одинок. Он стоял один. Члены семьи просили его позировать для фото с ними, он согласился, но видно было, что не хотел этого. Да и понятно. Кому хочется позировать в день похорон?»

Истории, рассказывающие о том, как семья Джексонов бросила двух стариков — а многие репортажи были жестоки, там цитировались некоторые члены семьи, обвиняющие других родственников в смерти Марты, — мало повредили тщательно поддерживаемому имиджу семьи Джексонов как сплоченной и единой.

В июле 1989 года Майкл начал переговоры с Берри Горди о покупке части Motown, Jobete. Было известно, что Горди заинтересован в продаже этой компании, которой принадлежали права на все хиты Motown. Берри продал Motown MCA в июле 1988 г. за 61 миллион долларов и чувствовал, что продешевил, и хотел сорвать куш на новой сделке.

Майкл и Джон Бранка встретились с Берри в его доме, том самом, куда шестнадцатилетний Джексон пришел когда-то, чтобы узнать, почему Горди не позволяет братьям самим писать и издавать песни.

Горди просил 200 миллионов за компанию, но хотел продать только фонды, а не активы (т. е. авторские права и права на публикацию). Берри хотел сохранить собственность, а покупатель получал бы доход от дивидендов с капитала.

Предложение Берри не казалось Майклу таким уж заманчивым. Бранка понимал, что, если Джексон купит только

фонды, он не получит никаких налоговых льгот с суммы покупки — только покупка активов приносила скидки с налогов (если бы Берри продал за 200 миллионов активы, Бранка планировал так обставить сделку, чтобы в течение десяти лет с Майкла списывалось бы 20 миллионов ежегодно). Больше того, по отчетам Jobete приносила 10 миллионов в год за авторские права более чем на тридцать тысяч названий, в том числе лучшие песни Смокки Робинсона, Лайонела Ричи и Холланд-Дозье-Холланд.

Однако получить Jobete в собственность было бы полезно для душевного состояния Майкла. Это бы не стоило ему дорого, потому что Джон Бранка устроил замечательную сделку - объединенное предприятие с издательством EMI, где оно вносило почти все деньги и потом делило права на владение Jobete пополам с Майклом. Он был восхищен сообразительностью Бранка.

Если бы сделка состоялась, Майкл владел бы всеми песнями, которые записывал с «Пятеркой Джексонов», чего ему очень хотелось. Он бы также получил права на издание песен Дайаны Росс, что тоже было бы удачным ходом.

Но Берри хотел продать только фонды. Майкл предложил 135 миллионов за фонды и 175 миллионов за активы.

Берри стоял на своем — 200 миллионов за фонды, и не более того. Он сказал прессе, что ему предлагают 190 миллионов, но не сказал кто. Майкл и Бранка сочли, что он блефует. В конце концов они отказались от сделки. Берри Горди гак и не нашел покупателя.

Это был странный месяц. Когда Майкл вел переговоры о многомиллионной покупке, никто не думал о мелкой наличности. Он дал несколько сотен долларов своему служащему и велел ему послать работницу в магазин. Когда тот вернулся с кучей пакетов от «К-Март», Майкл был ошеломлен. «К-Март»? Я послал тебя в магазин с сотнями долларов, и ты пошел в «К-Март»? — возмущенно спросил он. — Куда ты дел остальные деньги?»

Выяснилось, что служащий передал женщине, которая делала покупки, не все деньги, полученные от Майкла, лишь небольшую часть и прикарманил остальное. «Я никому не могу верить, даже в мелочах», — сетовал Майкл. Эта история напомнила некоторым, как он спросил у горничной, где фотографии Beatles. Та ответила, что не знает. Потом они обнаружились у нее в гостиной, и Джексон немедленно уволил ее.

Летом 1989 года семья готовилась к новым неприятностям _ ЛаТойя, которой было уже тридцать три года, решила написать книгу, которая должна была рассказать «всю правду о семье», не

такую, как у Майкла.

По словам Марджори Уокер, друга семьи, «Кэтрин позвонила дочери и спросила, правда ли, что планируется такая книга. Та солгала и сказала, что нет. Тем временем она вела переговоры с издательским домом G.P.Putnam's Sons. Мать была расстроена. ЛаТойя никогда раньше не врала. Если бы вы знали ее, вы бы поняли, что с тех пор, как она встретила Джека Гордона, она стала непохожа на себя. Это была девушка, до смерти боявшаяся выходить из дома, считала, что ее семья не может быть не права. Теперь же собиралась написать книгу, в которой хотела показать, как они все были не правы».

ЛаТойя подписала договор с издательством, которое обещало ей больше денег, чем получил Майкл за свою книгу. Ему заплатили 300 тысяч, ЛаТойе — около пятисот тысяч.

«Не так уж все и плохо, — пыталась убедить Кэтрин всех. — Что она может написать?»

Для начала ЛаТойя заявила, что Майкл в детстве подвергался сексуальным домогательствам. Когда это дошло до него, он пришел в негодование. «Ее нужно остановить, Бранка», — сказал он. Джон организовал встречу с Гордоном, чтобы обсудить это и сообщить, что Майкл не хочет, чтобы эта история публиковалась.

«Почему? — поинтересовался Джек. — Это правда». —«Я не знаю, правда это или нет, — ответил Бранка. — Но я знаю, что он подаст на нее в суд. Это я гарантирую».

До сих пор не известно, было ли правдой утверждение ЛаТойи. Слухи об этом много лет ходили в музыкальной среде.

В следующих письмах ЛаТойе и Гордону Бранка многократно повторял, что Майкл не хочет, чтобы его сестра писала о том, что его сексуально использовали, что он всегда готов встретиться с ней и прочитать то, что она написала, чтобы «проверить точность», иначе говоря, он хотел быть цензором ее рукописи.

После того как Бранка отправил письмо, Джек Гордон позвонил менеджеру Кэтрин Джерому Говарду и попросил о встрече. По словам Говарда, он предложил сделку: если родители дадут ей 5 миллионов, дочь откажется от затеи писать мемуары. Если Говард убедит их пойти на это, то получит 500 000 долларов.

— Эй, это называется шантаж, — сказал Говард.

— Нет, это называется бизнес, — ответил Гордон.

— Нет, я не хочу иметь с этим ничего общего, — заявил Говард. — Я сделаю вот что. Я передам это Кэтрин, и пусть она общается с тобой.

— Что? Ты не хочешь получить 500 000 долларов? — удивился Гордон.

Говард покачал головой. «Я позвонил Кэтрин и встретился с ней, — вспоминает он. — Я рассказал, что происходит. Если она хочет пресечь затею с книгой, она должна заплатить дочери 5 миллионов долларов. Она была недовольна, мягко говоря. Я также сказал ей, что не хочу в этом участвовать, что он предложил мне процент, но я не думаю, что это честные деньги. Я посоветовал, чтобы она передала дело своему адвокату».

Потом кто-то пустил слух в прессе, что Майкл предложил сестре 12 миллионов отступных. Один из «писателей-невидимок», нанятых ЛаТойей, говорит, что это неправда. Но чтобы поддержать интерес к своей книге, она заявила, что «предложение» брата было «ужасным, похожим на взятку. Меня ничто не остановит, сколько бы мне ни обещали».

Потом Гордон заявил, что Май ют предложил издателям 84 миллиона, чтобы отменить выпуск книги. Это тоже неправда. Однако выступления Гордона стали причиной публикации небольшой заметки о книге в News Week, так что они принесли желаемый результат.

Один из служащих Майкла говорит, что «на самом деле кто-то представляющий ЛаТойю — не знаю, был ли это Джек Гордон или кто-то другой, — вступили в контакт с его людьми и сказали, что лучше бы ему заплатить большие деньги — миллионы, — если он не хочет, чтобы книга была опубликована. Я был в комнате, когда Майкл принял решение: «Не позволю моей собственной сестре, человеку, которого я любил всю свою жизнь, шантажировать меня. Так и будет». Потом он сказал забавную вещь: «Передайте ЛаТойе, пусть прыгнет в озеро».

«Его не волновала книга ЛаТойи, если бы все написанное там было правдой. Его мать продавала свои воспоминания (в Японии и позже в Америке), но ему было все равно. Просто он не считал, что она будет честной, и это его больше всего расстраивало».

В самом деле, верность ЛаТойи семье была в прошлом. Джек Гордон заявил, что годы, проведенные в родительском доме, который бывший муж Джанет назвал «Домом ужасов», обозлили ее и заставили включить в книгу еще одно страшное обвинение. Он угрожал, что она напишет о том, как Джозеф изнасиловал ее, когда ей было восемь лет.

Кэтрин была в отчаянии.

— Это неправда, — настаивала она. — Это неправда.

— Это правда, — отвечал Джек Гордон.

— Кто тебе это сказал? — требовала Кэтрин. — Это ЛаТойя сказала, что это с ней случилось?

— Нет. Морин рассказала мне об этом.

К этому времени мать поссорилась с этой дочерью, которой

было уже тридцать девять лет. Она отрицала обвинение.

Майкл тоже был возмущен угрозой ЛаТойи. Он всегда старался сохранить видимость Джексонов как большой, дружной семьи, несмотря на все происходившее в действительности.

Он позвонил сестре. «Мы сражались с ним по поводу многих вещей — но главной была книга», — вспоминает она. ЛаТойя сказала, что Майкл хотел узнать, было ли что-то критическое в его адрес, она отказалась отвечать. По ее словам, главная проблема — не в ее книге, а в том, что Майкл «ревнует, когда я привлекаю к себе внимание. Он всегда хотел быть самым популярным».

Майкл якобы возмутился: «Я работаю с пяти лет, а ты пришла из ниоткуда. На чем основывается твоя слава?» ЛаТойя ответила, что больше не хочет с ним разговаривать никогда в жизни, и бросила трубку. Она утверждает, что после этого он позвонил ее агенту по рекламе и посоветовал перестать с ней работать (агент отрицает, что именно это послужило причиной того, что он ушел от ЛаТойи), что каким-то образом вынудил ее промоутеров RCA не рекламировать ее продукцию. «Майкл хочет уничтожить меня», — жаловалась она.

На самом деле, если это правда, у нее, единственной в семье, хватило смелости сделать что-то наперекор брату. «Никто из членов семьи не шел на это, потому что он приносил деньги, — отмечал Джером Говард. — Это часть семейного кредо: не зли Майкла, потому что, когда он тебе понадобится, он откажется. ЛаТойя теперь могла забыть о нем. Он бы больше ничего для нее не делал. Она сожгла все мосты».

«Майкл не мог указывать мне, что писать, а что нет, — сказала ЛаТойя репортеру. — Я делаю то, что хочу».

Издатели отказались от выпуска мемуаров ЛаТойи, она передала рукопись их в Новую американскую библиотеку. На момент написания этой книги они еще не опубликованы.

5 сентября 1989 года ЛаТойя, которой было тридцать три года, и Джек Гордон, которому исполнилось пятьдесят, поженились в Рино, штат Невада. По словам ее нового мужа, через два дня ЛаТойя позвонила матери и сказала: «У меня больше нет семьи. У меня нет матери, отца, братьев и сестер».

Чтобы возбудить интерес к своему браку в прессе, пара превратила его в целое событие. Они утверждали, будто никакой свадьбы не было — несмотря на то что журналисты видели подписанную лицензию на брак за двадцать семь долларов. «Это подделка», — заявила ЛаТойя. Говорят, что Гордон попросил прохожего быть свидетелем церемонии и заплатил ему пачкой стодолларовых банкнот.

Сесилия Кунарс провела церемонию. «Я объявила их мужем и женой. Они не были взволнованы и были настроены очень по-деловому. Они поставили подписи и ушли», — сказала Кунарс.

«Лучше бы этого не случилось, — сказал Джермен. — Она не получила моего одобрения. Я серьезно. Тойя знает, что есть вещи, на которые надо получать одобрение братьев». Он стал говорить, как его отец.

«Она не та ЛаТойя, которую знали я или Майкл, — говорит Марлон в ответ на вопрос о свадьбе. — Она изменилась. Я звонил ей вчера, и прежде чем я успел сказать хоть слово, вмешался Гордон. «Она теперь моя жена, — сказал он. — Я хочу слышать все, что она говорит».

Джексоны считали, что ЛаТойя не любит Джека Гордона и вышла за него, только чтобы расстаться с семьей. Гордон сказал, что у них с женой шесть телохранителей, которые готовы в любое время защитить ее от похищения Джексонами.

«Джек все время говорил мне, что Джозеф пытался выкрасть ЛаТойю, что она напугана до смерти. Из его слов я понял, что отец бил ее в детстве», — вспоминает Гэри Бер-вин, который перестал сотрудничать с главой семьи в 1985 году.

«ЛаТойя не была счастливой. У нее были трудные времена в жизни, она нашла человека, которого полюбила и на которого могла опереться, — Джека Гордона, — продолжил Бервин. — И в конце концов сбежала из семьи. Я спрашивал Джека, почему он женился на ней: потому что действительно любишь ее или просто чтобы убедить, что она защищена от когтей Джозефа? Он ответил: «Нет, я действительно люблю ее». И на мое: «Да ладно, давай честно», повторил: «Нет, я правда ее очень люблю».

Джером Говард не был так уверен в словах Гордона. ЛаТойя позвонила ему сразу после того, как он ушел от родителей. «Я предупреждала тебя о моем отце?» — спросила она. «Потом мы говорили три часа, — сказал Говард. — После этого позвонил Джек. Я знал, что ЛаТойя записывала наш разговор на пленку и показала ему. Он понял, что я спокоен — не злился на ЛаТойю, — и хотел увидеться со мной».

Несмотря на то что Говард опасался Гордона с тех пор, как тот предложил ему взятку во время событий с книгой Ла-Тойи, он согласился на встречу.

По словам Джерома Говарда, Джек Гордон сказал ему: «Ты дурак. Как ты мог уйти от них без единого Джексона? Ты мог получить Джанет. Я, по крайней мере, отхватил себе одного».

Глава 32

Август 1989-го, Майклу 31. Последние годы, безусловно, не были легкими для него. Давление и требования со стороны семьи — это относилось и к его карьере, — казачось, держали Джексона в постоянном напряжении. Несмотря на то что он покинул свой дом, ему не удалось по-настоящему разорвать связь с близкими. Он пытался отсечь всех членов семьи, кроме Кэтрин, но не получалось. Каким-то образом ее проблемы все равно становились его проблемами.

Несмотря на то что ему было уже за 30, многие из его окружения считали, что он так и не повзрослел. В душе все равно оставался юнцом, играющим со своими сверстниками-подростками и развлекающим детей-инвалидов в своем огромном особняке. У него было множество маскирующей одежды, он любил наряжаться в нее. Когда люди на улице все же узнавали его, огорчался, но больше потому, что считал, что эти костюмы смогут надежно спрятать его. В свободное время обожал посещать Диснейленд, Disney World и студии Universal. Фантазии занимали основную часть его жизни.

Было множество дискуссий по поводу того, что должно последовать за альбомом Bad. Так же, как после успеха Thriller, Майкл как бы соревновался с самим собой. Bad (хотя продавался огромными тиражами) все же не мог сравниться в этом с Thriller, и он был разочарован. Поэтому вместе с Джоном Бранка было решено выпустить пластинку с коллекцией лучших хитов под названием Decade. В ней будет также несколько новых песен.

Майкл планировал предложить этот альбом Decade bony Corporation, дочерней компанией которой было Си-би-эс, в августе 1989 г. планировалось, что он выйдет в ноябре, к Рождеству...

Я хочу получить больше денег, чем кто-либо когда-нибудь - сказал Майкл своему адвокату Джону Бранка, когда тот начал переговоры о новом альбоме. Он условился об авансе в 18 миллионов долларов, и это действительно было «больше денег, чем кто-либо когда-нибудь получал».

Доход от продаж с альбомов Майкла Джексона начисляется по 41 пункту, в зависимости от того, в каком формате был издан компакт-диск, аудиокассета, пластину В ™6™ случае за каждый альбом он получает примерно 25 процентов от розничной цены. У Майкла это примерно 2,50 доллара за каждый проданный альбом. Если прибавить еще 3 миллиона долларов, которые он получает по контракту, то процентная цифра поднимается до 29. Чтобы

пояснить ситуацию, скажем'что, например, Мадонна имеет .8% с продажи свои альбомов, все остальные суперзвезды в среднем - 12-Одним словом, Джону Бранка удалось так провести переговоры с компанией Си-би-эс, так, что за альбом Джексон должен был получить 50 миллионов долларов и, кроме того, еще массу дополнительной прибыли. Бранка договорился также, что Майкл совместно с Си-би-эс открывает свою компанию звукозаписи, доходы от которой они будут делить пополам. Ему также должна была принадлежать половина акции этой компании так что в случае ее продажи он бы получил 50% стоимости' Это были очень выгодные условия для него и, конечно, показатель высшего мастерства в умении вести переговоры Джона Бранка.

Джанет Джексон постоянно обращалась к брату за советами и руководством. Бранка решил, что она будет идеальным первым исполнителем, чей альбом выпустит новая компания Майкла.

Всё было готово для записи альбома Decade. Но к январю 1990 г. стало ясно, что Майкл не сможет выпустить его. У него возникли сомнения, в частности, по поводу объема, песен, которые следует включить в него. Сначала в нем планировались четыре песни из альбома Off the Wall, 7 - из Thriller, 6 — из Bad, 3 или 5 новых песен State of Shock (дуэт Майкла с Миком Джаггером)(Heart break Hotel), Someone in the Dark и Come Together, а также 2 старые песни времен Motown в его новом исполнении. Но Майкла постоянно смущало, на чем же остановиться. В конце концов один из близких его друзей Дэвид Геффен отговорил выпускать его. Джексон согласился, лучше он займется созданием нового альбома, из новых песен.

Альбом Decade был не единственной проблемой. Его коммерческий проект с линией обуви L.A.Gear тоже затормозился.

В 1988 г. Майкл сказал своим советникам, что хотел бы вступить в коммерческую сделку с каким-нибудь производителем обуви. Он попросил Джона Бранка выяснить, возможно ли это с фирмами Nike или Reebok. Так как знаменитый артист безусловно запросил бы несколько миллионов за такую сделку, обе отказались от этого предложения. Однако L.A.Gear, обувная компания, расположенная в Лос-Анджелесе, проявила интерес и предложила предварительно 1 миллион долларов.

Эта сумма практически ничего не значила для Майкла, поэтому Бранка попытался продолжить переговоры — нажать на владельцев и посмотреть, не захотят ли они чем-нибудь подсластить пилюлю. В результате компания согласилась выплачивать Джексону определенную сумму с каждой пары обуви, а также предоставить часть своих акций. Также, если ежегодные доходы компании, которые в то время составляли 800

млн долларов, возрастут в связи с тем, что он стал ее совладельцем, ему назначат определенный процент с суммы, превышающей 1 миллиард долларов. Согласие на эти условия было получено, но миллион долларов, предложенный изначально, не устраивал по-прежнему. К примеру, за свой последний договор с компанией Pepsi-Cola Майкл получил более 15 млн долларов. После нескольких месяцев переговоров Бранка удалось выторговать 10 млн аванса.

«Ребята из L.A.Gear просто мечтали заключить сделку с кем-нибудь из звезд такого ранга, как Майкл Джексон», — вспоминал Рэнди Филипс.

Тем не менее Бранка, по рассказам его коллег, все же сомневался, подписывать ли Майклу контракт с этой компанией. Она не была такой престижной, как Nike или Reebok, и не имела такого опыта в рекламе, как, например, Pepsi-Cola. «Ничего, — решил Джексон. — Я научу их, как делать рекламу. Я покажу им правильный путь».

Это была замечательная сделка, но она тем не менее полностью зависела от выпуска альбома Decade. Весной 1990 г. Майкл должен был выпустить рекламный ролик для LA.Gear. В нем он планировал выступать в роли звезды лос-анджелесской баскетбольной команды Карима Абдула Джаббара, который на этот раз становился спикером компании. По договору Джексон должен был разработать линию ботинок и носить их во время съемок трех видеороликов с новыми песнями из альбома.

13 сентября 1989 г. Майкл давал пресс-конференцию в Голливуд Паладиум (Hollywood Palladium), на которой объявил о своей сделке с компанией L.A.Gear. Он был в темных очках, на нем были черные слаксы, черный пиджак и черные кроссовки этой компании за 69 долларов. Он начал нервничать, когда зажглось множество огней, а из какой-то гигантской установки поплыл туман. L.A.Gear потратила более 50 тыс. долларов на это, возможно, это была одна из первых пресс-конференций, где использовались спецэффекты. Зачитав репортерам 10-секундное заявление, Майкл стремглав бросился со сцены. «Спаси меня... Не дай им задавать мне вопросы», — прошептал он одному из менеджеров компании. Потом послал воздушный поцелуй журналистам и скрылся в тумане.

Многие из сотни бывших на пресс-конференции репортеров стали возмущаться, что Майкл не ответил на их вопросы. Рэнди Филипс отмечал: «Да, конечно, может быть, он произнес всего две фразы, но, во всяком случае, здесь он сказал все же больше, чем на той, которую проводила компания Pepsi-Cola, или тогда, когда он был в Белом доме. Во всяком случае, сюда он пришел в лучших

ботинках компании L.A.Gear, а на пресс-конференции Pepsi-Cola вы не видели, чтобы он пробовал их напитки.

Майкл панически боялся контроля прессы над собой, это было в полной мере продемонстрировано на этой пресс-конференции. Все корреспонденты и фотографы были проинструктированы его людьми, как себя вести, какие использовать фотоаппараты, линзы для них и прочее оборудование.

Результат «обувной» сделки без выпуска альбома Decade был катастрофическим для L.A.Gear. Линия, которую Майкл разработал, продавалась очень плохо. Чтобы это коммерческое мероприятие стало успешным, он должен был оказать ему поддержку своими видеоклипами и музыкой, а не только рекламами, которые шли по телевидению. В результате пришлось договориться о других условиях с компанией, которая считала, что он обманул их, не выпустив альбом для поддержки этого проекта. Было решено, что ему выплатят полностью те 10 миллионов, о которых договорился для него Бранка.

Хотя Джексон является единственным директором всех своих компаний, у него есть комитет по инвестициям, который неформально встречается примерно раз в год, чтобы обсудить множество его инвестиций. В начале 90-х комитет состоял из Джона Бранка и его партнера Кеннета Зиффрена, бухгалтера Маршалла Гелфанда, Джона Джонсона из издательской компании Johnson Publishing Company и Дэвида Геффена. Комитет не обладал реальной властью. Майкл мог наложить вето на любое его решение через 5 минут после того, как оно было принято, и любое голосование, которое было проведено по тому или другому вопросу, тут же становилось абсолютно бессмысленным.

Никто из членов комитета не получал никаких денег от инвестиций, сделанных от имени Майкла. Обычно он создавал этот комитет так, чтобы все эти влиятельные люди были хорошо знакомы друг с другом и могли легко прослеживать деятельность каждого в течение года. Таким образом Джексон мог узнавать, не использует ли кто из них его инвестиции в личных целях. Инвестиции Джексона были настолько громадными, а имя столь популярным, что для него не представляло никакого труда создавать для себя такие комитеты. Практически любой человек считал честью входить в тот или иной из них. Хотя не получал от этого никакой личной прибыли.

В последние месяцы усилилось влияние на Майкла Дэвида Геффена, бывшего уже 10 лет членом инвестиционного комитета. Джексон подписал контракт с ним о выпуске фильма. Дэвид должен был предоставить сценарий, который понравился бы ему.

Однако такого найти не удалось, все предложенное было отвергнуто.

Легко понять, почему Майкл Джексон, человек, почитающий власть и богатство, поддался влиянию этого человека: 24 декабря 1990 г. журнал Forbes присвоил 47-летнему Геффену звание «Богатейший человек Голливуда», скорее всего так и было.

Дэвид родился не в богатстве. Он вырос в 3-комнатной квартире в еврейско-итальянском районе Бруклина, спал в одной комнате с родителями, пока его старший брат не освободил гостиную. Отец практически никогда не работал, ответственность за содержание семьи полностью лежала на его очень организованной и целеустремленной жене. У матери Геффена был свой бизнес — она продавала женские корсеты. Сначала это делалось в их квартире («которая всегда была заполнена пышнотелыми женщинами», — вспоминает Геф-фен). Потом — в собственном магазине. Дэвид был хитрым, изворотливым парнем. Сам ставил отметки в дневнике, ходят слухи, что подделал документы, чтобы избежать службы в армии. В 1960 г. с трудом на троечки закончил школу, год проучился в колледже. Когда у него ничего не вышло с учебой, приехал в Лос-Анджелес. К этому времени его брат был обручен с сестрой первой жены легендарного продюсера рок-н-ролла Фила Спектора. Геффен стал одним из его почитателей, «он был моим богом». В 1964 г. поступил на службу в агентство Вильяма Морриса. Позднее признавался, что получил эту должность, соврав, будто закончил театральную школу, и даже сделал себе диплом театрального института.

Благодаря связям в мире индустрии звукозаписи Геффен в конце концов становится протеже Ахмета Эртегуна, главы компании Atlantic Records, который одолжил ему 50 тыс. долларов на создание фирмы. Дэвид блестяще проявил свои способности, распорядившись этими деньгами для невероятно успешного развития своей карьеры в шоу-бизнесе. Сначала стал менеджером Лауры Ниро. Геффен, который говорит, что у него был роман с ней, открыл компанию звукозаписи под названием Tuna Fish для выпуска пластинок с песнями. Себе взял 50% от прибыли этой компании, которая в 1969 г. купила Си-би-эс. Геффен заработал на этой сделке 2 млн долларов. В конце 70-х открыл собственную компанию «Asylum Records». Через год продал ее Warner Communications, оставаясь при этом ее президентом. С этой сделки он получил еще 7 млн долларов. Когда Asylum слилась с Electra Records, Геффен стал президентом этой новой компании, а также держателем наибольшего количества акций Warner Communications. В 1980 г. открыл еще

одну компанию — Geffen Records, продукция которой сначала распространялась компанией Warner Bros. Records. В числе других звезд, записывающихся в этой компании, были Джон Леннон и Йоко Оно. Впоследствии Геффен отошел от Warners. Ею компания быстро становилась одной из наиболее известных в звукозаписи. Она выпустила альбом Guns and Roses — неизвестной в 1987 г. группы, за первые два альбома которой было получено более 14 млн долларов.

С годами Геффен завоевал хорошую репутацию и в мире-кино. Он зарабатывал деньги и театральными постановками, будучи одним из продюсеров бродвейского хита Dreamgirls, а также помогая финансировать мюзикл Cats.

У него репутация ловкого, умною, интуитивного бизнесмена, который всегда точно знает, когда и что купить и, что особенно важно, — продать. Он также известен своим сложным характером, некоторые коллеги считают его бесцеремонным. В апреле 1990 г. он продал свою Geffen Records компании MCA за 10 млн ее акций. Не прошло и года, как японская компания Matsushita Electric Industrial купила акции MCA по 66 долларов за каждую. Геффен получил с этой сделки 660 млн долларов. Он все еще занимается фильмами и бродвейскими операциями, а руководит своей компанией Geffen Records для Matsushita. Он владеет акциями телевизионных компаний на 35 млн долларов. По мнению журнала Forbes, его общий капитал составляет 9000 млн долларов. Дэвид признавался, что его цель — стать первым голливудским миллиардером.

Майкл восхищался деловыми способностями Геффена: Конечно, он знал, что MCA будет продана японцам. Иначе почему, вы думаете, он продал свою компанию MCA? Этот парень просто гений. По словам журналиста Эрика Пули из журнала New Fork, Джексон был поражен «до смерти» сделкой, которую Геффен заключил с MCA. «Майкл любит достижения, достойные Книги рекордов Гиннесса, — говорил один из его друзей. — Эта компания продает больше всего записей и заключает лучшие сделки».

«Майкл говорил мне, что Геффен самый удивительный человек, которого он когда-либо встречал, — сказал другой знакомый Джексона. - Ему кажется, что если он будет прислушиваться к советам Дэвида, станет столь же успешным. Он опирается на каждое его слово, так, как раньше полагался на мнение Джона Бранка. В отличие от Брапка Геффен действительно хорошо относится к Майклу, постоянно делает ему что-то приятное. Он и Дэвид близки во многом. Их связывают не только профессиональные отношения, но и чисто человеческие.

Геффен сказал ему, что проект с Decade был не очень удачным и Майклу не следует терять на него время. Он убедил его выпустить альбом с новыми песнями, и тот согласился».

Майкл решил не приглашать Куинси Джонса для сотрудничества в этом проекте. Он вообще не хотел больше работать с ним потому, что продюсер, по его словам, стал проявлять слишком много власти над ним и его деятельностью, чересчур использовал успех в личных целях. Джексон все еще был зол на него из-за трудностей, возникших с песней Smooth Criminal, Куинси не хотел, чтобы она входила в альбом Bad. Со своей стороны Джонс, наоборот, считал, что Майкл стал слишком требовательным и неуступчивым. При таких отношениях партнерство, которое когда-то приносило миллионы от продажи альбомов, больше не могло существовать. Джонсу не сообщили, что он не будет продюсером нового альбома. Майкл просто начал работать без него.

В конце 1989 г. Дэвид Геффен звонил Джону Бранка и сказал, что хочет, чтобы Майкл написал и записал новую песню для фильма Тома Круза Days of Thunder, она должна была быть записана на Geffen Records. Бранка был уверен, что Майкл не захочет делать это, потому что практически никогда не участвовал в проектах, в которых не был занят лично. Тем не менее он решил спросить об этом у него и оказался прав: «Ни в коем случае».

Бранка просил Майкла подумать, Геффен был другом и советчиком, и, возможно, могло быть достигнуто согласие.

В конце концов Джону Бранка пришла идея «одолжить Геффену» песню Beatles Come Together, которую Майкл записал и исполнил на видео Moon walker, но этот клип не был выпущен на широкий коммерческий экран. Геффену не очень понравилось это, но он решил согласиться.

Адвокаты Геффена позднее пытались получить от Си-би-эс право на использование этой песни в альбомах MCA. Дэвид решил вести переговоры не с Уолтером Етникофф, президентом компании, а с Томми Матола, главой местного отделения компании. Когда Етникофф узнал об этом, гневу его не было предела. Годами существовало правило, что ни одна сделка с Майклом Джексоном не может быть заключена, помимо самого Етникофф. Ему казалось, что Геффен пытался провести сделку за его спиной.

Уолтер Етникофф известен в равной степени своим крутым характером и деловыми качествами. «Какого черта здесь происходит? — кричал он по телефону Бранка. — Что вы задумали?»

Бранка попытался растолковать, но Етникофф не интересовали объяснения. Он был невероятно зол на него, Джексона и Геффена и отказал Геффену в просьбе.

Майкл, узнав о таком решении, был в высшей степени раздражен. Теперь больше, чем когда либо, он хотел, чтобы Come Together была включена в саундтрек Геффена, но был бессилен сделать что-либо без согласия Етникофф. Многие журналисты считают, что Дэвид использовал негативное отношение Майкла к Етникофф, чтобы настроить его против президента Си-би-эс. Если это действительно так, сделать это было совсем не трудно, так как Джексон уже был зол на него.

Франк Дилео и Уолтер Етникофф были большими друзьями. В 1988 г. Етникофф захотел, чтобы CBS Music Video Enterprises стала дистрибьютером Moon walker. Он рассказал об этом Джону Бранка. Тот отсоветовал, полагая, что в интересах самого Уолтера, если дистрибьютером будет компания Vestron. Джексон был угнетен тем, сколько денег потерял на Moon walker. Бранка также считал, что надежды на успех этой картины как домашнего видео были нереальными. Если бы Етникофф совершил какие-либо ошибки в ее популяризации, Майкл, без сомнения, был бы очень зол, и, кто знает, эта неудовлетворенность могла сказаться на его контрактах с Си-би-эс.

Етникофф уверил Бранка, что его компания выполнит свою работу в лучшем виде. Что они и сделали. Было продано более миллиона экземпляров видео, немыслимое количество в продаже видеокассет, тираж большинства музыкальных видеокассет — не более 25 тыс. экземпляров. Мадонна, если повезет, может продать несколько сотен тысяч экземпляров. Последний домашний видеофильм, который мог соперничать по количеству продаж с Moon walker, — The Making of Thriller.

Но Майкл не был удовлетворен.

«Да, конечно, продан миллион экземпляров, — говорил он Дилео. — Но представь себе, сколько бы они могли продать, если бы была нормальная рекламная кампания. Они вообще ничего не сделали. И не говори мне, что они отлично выполнили свою работу. Они этого не сделали. Етникофф практически меня кинул».

После разочарования с Moon walker и конфликта с Come Together Майкл никогда больше не хотел иметь дел с Уолтером Етникофф.

Дэвид Геффен, который каким-то образом имел всю финансовую информацию Майкла (вполне возможно, что тот сам дал ему эти документы), начал обсуждать с ним его отношения с Си-би-эс. Он напомнил ему почти о 40 млн долларов,

истраченных на производство видеофильмов для альбома Bad (включая расходы на Moon walker), и это было невероятно большой суммой для производства видео. Геффен был прав. Однако Бранка удалось вернуть Джексону огромную сумму с продажи этих видео, чистая потеря составляла «только» 10 млн. Практически никто в индустрии звукозаписи не получает 30 миллионов от музыкальных видео. Тем не менее Майкл стал подозревать, что Си-би-эс зарабатывает на нем и его видеофильмах больше, чем он сам. Вскоре он был взвинчен до такой степени, что решил навсегда расстаться с Си-би-эс.

До сих пор Уолтер Етникофф и Майкл были в отличных отношениях. Когда Майклу в 1984 г. вручали премию Грэм-ми, он вышел на сцену вместе с Етникофф. Уолтер был благодарен ему и считал, что это принесло ему в дальнейшем миллионы долларов от продажи продукции. «Никто никогда не выходит на этой церемонии с дирекцией фирм звукозаписи, они никому не интересны, — говорил Етникофф в интервью Rolling Stone в 1988 г. — Я пошел в Си-би-эс и сказал: «Дайте мне за это еще 2 млн долларов».

Уолтер Етникофф был одним из наиболее влиятельных людей в бизнесе звукозаписи на протяжении многих лет. К 1990 г. среди звезд, которые записывались в его компании, были Майкл Джексон, Брюс Спрингстин, Rolling Stone, Боб Дилан. Но его власть пошатнулась за последний год, когда испортились отношения с компанией Sony, чьей дочерней компанией была Си-би-эс. Сказались и неприятности, возникшие с Брюсом Спрингстином и его адвокатом Джоном Ландау. Теперь, потеряв Джексона, его будущее выглядело весьма сумрачно.

Пока Майкл пытался разобраться в нюансах своей карьеры, наступил 1990 год. Он начался невесело для семьи Джексонов. Очередной судебный процесс. На этот раз мать судилась с дочерью. Кэтрин обвиняла ЛаТойю в краже ее акций в их усадьбе в Энсино.

Кэтрин утверждала, что в июле 1987 г., когда Гарри Бер-вин предъявил Джозефу многомиллионный счет, Джек Гордон убедил ЛаТойю объяснить своей матери, что 25% стоимости дома, которые принадлежали ей, были под ударом (Майкл имел остальные 75). Кэтрин поверила и подписала соглашение, в котором передавала ей свою часть дома, ничего не получая взамен. Но сделала она это только тогда, когда дочь пообещала вернуть ее имущество, если она об этом попросит. Кэтрин отмечала в документах, предоставленных в суд, что в то время была в состоянии «сильнейшего стресса». Теперь она хотела вернуть себе свои акции, но ЛаТойя отказывалась сделать это.

По словам Джерома Говарда, бывшего бизнес-менеджера Кэтрин, она сообщила ему, что в связи с судебным процессом Бервина против Джозефа первое, что они сделали, зарегистрировали все машины на имена детей, а также переписали акции Кэтрин на дом в Энсино на имя ЛаТойи для подстраховки. Вскоре после этого дочь уехала, я сказал Кэтрин, что ей следует начать думать о доме, мне казалось, что ЛаТойя не собиралась возвращаться. Но прежде всего мать хотела вернуть ее. Она не думала о доме. А Джозеф волновался о том, что может случиться с домом. Кэтрин следовало бы забрать у ЛаТойи документ о передаче ей акций на дом сразу после подписания договора и не пускать его в ход, пока бы ей это не понадобилось. Если бы ЛаТойя и Джек не намеревались сделать ничего плохого, они согласились бы на это. Но мать доверяла дочери, и теперь она с ней судится».

«Этот суд, который начала моя мать, — самая сумасшедшая вещь, которую человек мог сделать, — говорила ЛаТойя. — Она просто хочет сделать мне больно, и я знаю, что Майкл и Джанет поддерживают ее в этом».

ЛаТойя утверждает, что получила часть дома, принадлежащую Кэтрин, потому, что в 1987 г. у родителей возникли проблемы по оплате налогов и она дала им деньги, чтобы расплатиться с долгами. Мать якобы сказала ей: «Я не хочу, чтобы ты просто так дала нам деньги, а сама осталась ни с чем. Я хочу дать тебе мои 25% от дома как гарантию».

ЛаТойя уверяет, что заплатила за свою часть лома. Теперь она собиралась продать ее за 50 млн долларов японской компании, которая намеревалась создать здесь место туристического паломничества, которому уже было дано название «Земля Джексонов». Непонятно, как она собиралась делить дом, поговорила, что он будет «разделен на части». Первое, что должны были увидеть туристы при выходе из автобуса, говорила ЛаТойя, фигура Майкла в барокамере.

Кэтрин была очень расстроена. Когда ЛаТ ойя рассказала о задуманном Майклу, это вызвало у него отвращение. Но сестра сказала, что не откажется от своего проекта, «и никто из вас, никакие деньги на свете не смогут остановить меня».

«Она просто издевается над ними, — считал один из ее друзей. — Она не собирается делать ничего из того, что сказала. Ей просто доставляет удовольствие раздражать их. Они верят во все, что она говорит, особенно Майкл. Он с ужасом думает, «каким будет ее следующий шаг. Она всю семью сводит с ума». ЛаТойя настаивала, что Джанет послала за ней огромного, «как горилла», мужика, который должен был выкрасть ее

изМанхэттена и вернуть домой. Это происходило в январе 1990 г. «Я уверена, что семья планировала держать меня взаперти, пока я не соглашусь с их волей», — говорила она.

Семья продолжала обвинять во всем Джека Гордона. «Моя прекрасная сестра вышла замуж за таракана, — говорил Джермен с горечью. — Одна из самых ужасных вещей, которые он сделал, — заставил ее поверить, что она может быть хорошей певицей». Брат, по его словам, недавно видел выступление ЛаТойи в ночном клубе, и это было «ужасно», мы знали, как чудовищна она будет в этом амплуа просто потому, что у нее нет тех качеств, которые для этого требуются».

Гордон в ответ заметил, что Джермен — «завистливое животное. Он завидовал любому члену семьи, который добивался успеха». По словам Гордона, ЛаТойя рассказала ему, что, когда вышел альбом Thriller, Джермен, глядя на его обложку, сказал: Майкл «мечтал быть белым, но успеха он не добьется». Грязь полилась рекой. Гордон распространил в прессе измышления о том, что Джермен и Майкл якобы приняли мусульманство и стали последователями Луиса Фарра-кана, которого критиковали за антисемитизм. Гордон, иудей, заявлял, что ЛаТойя передумала делать музей «Земля Джексонов» и собирается продать свою часть дома в Энсино хасидам, чтобы они могли открыть там центр образования. «Он уверен, что вся эта семья антисемиты, — говорил один из его партнеров по бизнесу. — Он знал, что заявление о хасидах взбесит их, и он оказался прав».

«Я слышал, что у Кэтрин поднялось давление, — рассказывал знакомый семьи. — Джозеф готов был убить этого парня. Наконец, по происшествии многих лет, он встретил достойного соперника, и его имя было Джек Гордон. В нем соединились все отрицательные качества, которые были присущи ему самому — характер манипулятора, уличная хитрость и нечистоплотность шоу-бизнеса. Но ЛаТойя теперь самостоятельная женщина, и они должны отпустить ее. Помоги ей бог».

Майкл не хотел участвовать в этих баталиях. Он старался делать все, чтобы не думать о проблемах своей семьи, окружал себя детьми, занимался благотворительностью. Когда мать подала в суд на дочь, устроил праздник для 80 неблагополучных детей на своем ранчо в Санта-Инес. Их привезли два автобуса. Джексон провел их по своим игровым комнатам, устроил им барбекю-ланч. После этого проводил детей в Макларен Холл и фонд «Загадай желание», которые находились в его доме. Он показал детям мультфильм о черепашке Ниндзя. В этот день, когда его знакомый спросил его о ЛаТойе, Майкл гадливо потряс головой. «Я больше о ней не думаю, — сказал он с раздражением.

— Теперь она сама по себе».

(В ноябре 1990 г. ЛаТойя и Джек объявили, что она тайно родила Джека-младшего в Лондоне в июне 1989 г. Однако большинство членов семьи, друзья и знакомые считали, что у нее не было ребенка, что она просто хотела привлечь к себе внимание.)

Младшая сестра Майкла Джанет, которой было тогда 23 года, всегда признавала превосходство сестры. «ЛаТойя красивая. Это факт. Она просто красавица, — сказала однажды Джанет, которая всегда недооценивала себя. — Знаешь, что я вижу, когда смотрюсь в зеркало? Я вижу слишком много лица. Посмотри на эти скулы. Даже при крайней степени истощения мое лицо все равно будет выглядеть большим, потому что я унаследовала эти скулы от бабушки. Кроме того, я никогда не буду такой худой, как ЛаТойя. Я просто пышка, и это единственное, как можно меня описать. У меня толстые ноги, я маленького роста, а люди маленького роста всегда должны следить за весом. Но я очень любл» "~СˆтоГе всегда делает мне замечания, когда я полнею. ЛаТойя тоже всегда говорит мне: «Осторожно, ты немножко поправилась. И отец велит, чтобы я худела».

Майкл прозвал ее осликом. Но это не помогло. «Ты выглядишь как ослик, ты такая же толстая», - дразнил он ее. К 1990 г. Джанет достигла наибольшего успеха в своей карьере Вышли альбомы A&M, Janet Jackson's Rhythm Nation 1814, а также ряд хитов Miss You Much Escapade Rhythm Nat.on. Тогда же У нее было первое большое турне. Очаровательная, талантливая и подвижная, она стала одной из наиболее знай менитых членов семьи Майкла. Не поддерживая отношении ни с кем из родственников, кроме матери, всячески старалась избежать их махинаций и полностью посвятила себя работе Хотя Джозеф не перестал быть ее менеджером, он все еще по лучает деньги от Rhythm Nation.

Джанет сначала намеревалась дать родителям 3,5% от до ходов от Rhythm Nation, но потом сократила до 2,5, чтобы остальную часть получил Марлон, у которого тогда были финансовые трудности (дом, который ему принадлежал, был заложен и по рассказам знакомых Джексонов, Кэтрин убедила Джанет выкупить его). Дочь хотела, чтобы мать лично полупила свою часть денег, и потому она была против того, чтобы Rcto сумму направили в офис отца.

«Яучилась У лучшего - Майкла Джексона, - заявила Джанет в апреле 1990 г. о своем брате, с которым в семье у нее были наиболее близкие отношения. - Я это говорю не потому что он мой брат, а потому, что я действительно ДУмаю ™ он лучше всех.

Я видела, как тяжело он работает, как добивается своих целей. Мне так странно читать то, что о нем пишут Люди совсем не понимают его».

Джанет также призналась однажды: «Майкл говорит, что из всей семьи мы больше всех сходимся в наших мыслях^ Она - единственная из родных, кто записывает на видео его клипы просто для того, чтобы потом смотреть их. И все же олТдолжна согласиться, что между ними существует^некоторая конкуренция. «Он очень амбициозен, - сказала она в но-ябпе 1990 г — Но и я тоже».

Удивительно, однако, что у Майкла нет чувства соперничества по отношению к Джанет, как многие думают Практически всегда он поддерживает ее начинания, когда она его о чем-то спрашивает. Он считал Rhythm Nation гениальной работой и, несмотря на большие тиражи, было огорчался, что продано недостаточно копий. «Почему было продано всего 5 или 6 млн экземпляров? — спрашивал он одного из своих бывших коллег. — И что это значит для меня и для моего следующего альбома?»

Как и Майкл, Джанет прибегала к услугам пластического хирурга. У нее было, по крайней мере, две операции (тоже — нос), некоторые предполагали также, что корректировала форму груди. Но она знает, как использовать пластическую хирургию в свою пользу. Она выглядит великолепно, особенно после того, как стала придерживаться диеты, при которой могла употреблять не более 900 калорий в день. Многие считают, что в технике танца и хореографии Джанет, может быть, даже превосходит Майкла. И хотя она не обладает сильным голосом, стала прекрасной артисткой. Так же, как брат, Джанет очень склонна к изнуряющему труду. Однажды после получасовой видеосъемки для альбома Rhythm Nation она потеряла сознание. Когда пришла в себя, была будто в лихорадке. В больнице выяснилось, что у нее экстремальное переутомление, организм полностью обезвожен.

Джанет заплатила 4 миллиона долларов за свой дом с шестью спальнями, который расположен на 2,5 акрах земли на холме в северной части Сан-Диего. Она собирается жить там со своим другом и помощником, бывшим хореографом Рене Элизондо.

Остальные Джексоны не имели такого успеха в своей музыкальной карьере без Майкла. Что касается прибыли, то сольные альбомы, выпущенные Джекки, Джерменом, Мар-лоном и Рэнди, разочаровали. Не пользовался большой популярностью альбом, который назывался 2300 Jackson Street, который записали вместе Джекки, Джермен, Тито и Рэнди.

Майкла это расстроило, особенно если учесть, что он просил Уолтера Етникофф обратить пристальное внимание на рекламу альбома. Но без участия в нем Майкла Си-би-эс не могла успешно анонсировать его. Нельзя сказать, что у братьев не было таланта, был. После десятилетий работы большинство из них были первоклассными вокалистами и прекрасными эстрадными артистами. Но пытаться продолжить личную карьеру в тени Майкла оказалось нелегким делом. Публика не хотела его братьев, только самого Майкла.

Си-би-эс не возобновила своих отношений с Джексонами после выхода альбома 2300 Jackson Street.

Без Майкла, солирующего в группе, гарантировать успех новых альбомов его братьев никто не мог. У ЛаТойи тоже не было контрактов на новые альбомы, казалось, что она больше не заинтересована продолжать карьеру певицы. Скорее она собиралась стать За За Габор своего времени, то есть быть знаменитой только потому, что ты знаменита. Морин, которая, очевидно, была наиболее талантливой из трех дочерей, по иронии судьбы подписала контракт с Motown Records.

Марлон, который больше не работал с компанией Capitol Records, в мае 1990 г. устроил аукцион памятных вещей и мебели, чтобы заработать денег. Среди выставленного на продажу были чемпионские кольца, принадлежащие Мухаммеду Али и Шугар Рей Леонарду, золотые диски, картины, написанные маслом, мраморные статуэтки и множество других дорогих предметов. Аукцион был очень грустным событием для Марлона и Кэрол Джексон, у которых в то время были большие финансовые трудности.

До сих пор Майкл владеет своим великолепным ранчо Neverland Valley в Санта-Инес. Живет там один. У него дюжина слуг, которые работают на него. Многие его знакомые были удивлены, почему он не хотел, чтобы Билл Брэй жил с ним на ранчо. Это был его друг, которому можно было доверять, его телохранитель с раннего детства. Но Джексон был тверд в своем решении. В последние годы у него возникли сомнения по поводу преданности Брэя.

Этому способствовал, в частности, конфликт во время турне Майкла с песнями из альбома Bad. Брэй убедил Боба Джонса, одного из вице-президентов MJJ Productions, чтобы Майкл подписал документ, который давал бы Биллу право занимать место в компании, превышающее позицию Джексона. На самом деле Брэй просто неправильно сформулировал свою мысль в этом документе — в конце концов, он охранник, а не филолог, — но звучало это именно так. Майкл его подписал. Но потом, обдумав

написанное в контракте, по рассказам друга Боба Джонса, позвонил Бранка среди ночи, чтобы узнать его мнение. Тот был возмущен, что Джексон подписал, не подумав, такое важное соглашение. По словам Бранка, если он решил до конца своей жизни работать на Билла Брэя, то, сделав это, безусловно поступил правильно.

Бранка, Брэй и Джонс немедленно встретились, той же ночью проблема была решена. Билл Брэй получил больше власти в организационных делах, ему повысили зарплату. Но должность, которая ему предназначалась в компании, стала более скромной. После этого Брэй совершил несколько сделок, на которых заработал полмиллиона долларов, его подруга получила новый «Мерседес». Эта череда событий заставила Майкла задуматься. Он хотел бы верить, что Билл, который по возрасту годился ему в отцы и который провел вместе с ним так много лет, должен был бы по-настоящему душою болеть за его интересы. Скорее всего он действительно был привязан к Майклу, что и доказывал в течение 20 лет. И все же, наверное, ему было очень трудно уйти от соблазна получить хоть какую-то выгоду от шоу-бизнеса для себя.

Для Боба Джонса эта попытка помочь Биллу Брэю была первой и последней в его жизни, когда он вмешался в деловую политику Майкла. Он сожалел об этом и объяснял, что просто пытался помочь старому другу Брэю.

Джонс, который работал с Майклом с 1987 г., знал его еше 10-летним мальчиком. Джонс был одним из директоров Motown и много лет работал с братьями Джексонами, пока они не уехали в 1975 г. В следующие 12 лет он практически не имел никакого отношения к карьере Майкла, т. к. продолжал работать в Motown. В конце 1987 г. ушел оттуда и восстановил свои отношения с ним, будто они и не расставались. Очень сомнительно, чтобы Джонс мог намеренно причинить вред ему или кому-то другому из его семьи.

Когда Майкл не жил в Neverland Valley, он проводил много времени в одиночестве в своем доме в Вэствуде. Он называл это место своим «укрытием». Жильцы дома были недовольны таким соседством.

«Это просто какой-то кошмар, — говорил один из них. — Постоянные охранники, все время что-то вынюхивающие, люди, задающие вопросы. Меня допрашивали сто раз, когда я просто входил в подъезд».

Один из фанов Майкла однажды попытался навестить его, но в долю секунды был окружен охранниками, как только постучал в дверь.

Майклу также принадлежат 75% их семейного дома в Эн-

сино, 50% дома на Линдли-авеню в Энсино, есть множество других вложений в недвижимость.

По последним данным, ему было сделано шесть пластических операций, чтобы более четко обрисовать кончик носа, приподнять переносицу и сузить ноздри. «Каждая такая операция стоит от 3 до 10 тыс. долларов, — говорит доктор Роберт Котлер, автор руководства по косметической лицевой хирургии. — Теоретически нет ограничений в количестве операций, если пациент здоров. Все ткани должны нормально заживать и срастаться. Тем не менее мы наблюдаем, что каждая последующая операция бывает более трудной — становится больше шрамов, из-за которых технически труднее работать. Но это не значит, что такие вмешательства не могут или не должны проводиться».

Вопрос о пластических операциях для Майкла — болезненный, он никогда не обсуждает его, даже с ближайшими знакомыми. Однажды Барбара Уолтере вела программу о пластической хирургии на канале ABC. Она упомянула, что Джексон сделал несколько таких операций. Несмотря на то что она не входила в детали, он был взбешен.

«Эта тварь, — кричал он. — Как она посмела, лучше бы рассказала о своих операциях. Посмотрите на эти глаза, на этот нос, на эту грудь».

Когда Джон Бранка позвонил Уолтере и сказал, что Майкл обиделся, она решила сама поговорить с ним. Ей удалось наладить их отношения.

Пластические хирурги, которые не имели отношения к операциям Майкла, пытались предположить, каким образом была сделана та или иная из них, использовались ли кость, пластик или другие материалы. Процесс выздоровления после подобных вмешательств может быть очень болезненным. Нужно было иметь огромное желание изменить свою внешность, зная, что придется пройти через весь этот ужас — после каждой операции нос опять ломали и переделывали форму.

Были предположения, что Майкл приобрел некую зависимость от пластических операций. «Это может быть так же, как, например, зависимость от алкоголя, наркотиков или еды», — считает доктор Альфред Кудли, профессор психиатрии клиники UCLA.

«На самом деле это больше одержимость какой-то идеей, чем зависимость, — возражает доктор Котлер. — Я думаю, просто нужно знать, когда остановиться. Это самое главное, что пластический хирург должен объяснить своему пациенту. Хороший хирург всегда скажет: «Все, стоп, теперь надо остановиться».

Медсестра, которая работала в офисе Стивена Хоффли-на, убеждена, что у Майкла была настоящая зависимость от пластических операций. «У него такая паранойя по поводу своего носа, — говорила она, — доктор просто не знает, что с ним делать. Уже нечего добавить к носу этого пациента». Но почему же тогда он делает все эти операции? «Да все очень просто. Он очень хочет выглядеть белым».

Поговаривали также, что Майкл отбеливает кожу. «Это очевидно, он что-то сделал, — отмечал один из его родственников. -Я не могу утверждать, что он отбеливает кожу, но выглядит он светлее, и я уверен, что это не макияж. Он не посвящает семью в свои фантазии, и мы не можем его понять». Некоторые считают, что изменения в его внешности являются якобы отказом от его черных корней. Говорят, он хочет выглядеть белым, чтобы привлечь к себе больше публики. Но на вопрос, правда это или нет, может ответить только сам Джексон, но он никогда об этом не говорит.

Возможно ли это в принципе для черного человека, осветлить свою кожу? «Да, — говорит пластический хирург Роберт Котлер. — Невозможно сделать кожу белой, но можно осветлить ее. Существуют некоторые отбеливающие элементы, которые, безусловно, могут сделать черную кожу светлее».

Один из сотрудников Майкла вспоминает: «Утром и вечером он втирал какой-то крем в лицо и шею. В его косметичке была масса маленьких тюбиков. Я спросил, что это. «Лекарства», сказал он. Больше я не приставал к нему с этим, А потом заметил, что Майкл, когда выходил на солнце, всегда прикрывал лицо рукой или надевал большую шляпу, будто не хотел, чтобы солнце касалось его лица. Он настолько боялся солнца, словно мог сгореть от единого его луча. Мне все это казалось очень странным, но я никогда его об этом не спрашивал».

Известно, что при употреблении некоторых осветляющих кремов строго рекомендуется избегать малейшего пребывания на солнце.

«Существует также набор классических осветляющих компонентов, которые легко можно приобрести без рецепта; такие, например, как крем Порцелана, — говорит доктор Котлер (некоторые родственники и коллеги Майкла и ЛаТойи говорили, что те интенсивно пользовались им). — Можно также использовать сильно концентрированный раствор кислоты, чтобы смыть пигмент с кожи. Однако нет никакой уверенности в том, что пигмент не вернется обратно, да еще в более интенсивной форме. Это совершенно непредсказуемая процедура, поэтому я бы никогда этого не делал».

Майкл никогда не обсуждает вопросов о своих пластических операциях или осветлении кожи ни с кем, кроме своего доктора. В 1987 г. два близких ему человека были обеспокоены его внешностью и заговорили с ним об этом. «Майкл, хватит, — сказал один из них. — Ты уже достаточно светлый, оставь свою кожу в покое, и нос твой тоже достаточно маленький и такой формы, как ты хотел».

Джексон промолчал, но по его лицу можно было догадаться, что он недоволен. Он взглянул на другого приятеля, но тот понимал, что сейчас не лучший момент высказывать свое мнение.

Майкл использует много грима, косметики, что, безусловно, может частично объяснить цвет его кожи. Он, конечно, не единственный артист, который делает макияж, подводит глаза и красит ресницы. Художник-визажист Джордж Мастере рассказывал, что когда Элвис Пресли вернулся в Голливуд после службы в армии, «он использовал больше туши и другой косметики, чем его девушки».

Майкл признается только в двух операциях по поводу носа и одной на подбородке, но трудно, почти невозможно поверить, что он ничего не делал со щеками, если сравнить его фотографии «до и после». По мнению пластического хирурга доктора Витто Квателa из Нью-Йорка, возможно, у него имплантанты в щеках, недалеко от нижних век. Не исключает этого и доктора Котлер. Изучив фотографии, Квателa предположил, что вокруг глаз сделана татуировка, чтобы они всегда выглядели подведенными, а также уменьшена нижняя губа. «Сказать, что он выглядит хорошо, было бы не совсем верно, — говорит Квателa. — Он перегнул палку и выглядит неестественно. Это не то, что должна делать пластическая хирургия. Можно сказать, что он зашел слишком далеко».

Доктор Роберт Котлер не согласен с этим. «Майкл достиг невероятных результатов. Особенно в том, что касается его носа. Если вы сравните, как он выглядел раньше и сейчас, я как практикующий пластический хирург просто снимаю шляпу перед доктором Хоффлином. Знаю, какие трудности он преодолел. Нос пациента был очень плоский и широкий, аморфный, практически не имел формы. Сделать такой узкий, каким он стал, великое достижение. И совершенно неважно, сколько операций потребовалось, чтобы достичь такого результата. В конце концов, важно единственное — что Джексон сам думает о том, как он выглядит. Если он счастлив, а я думаю, что он должен быть счастлив, все эти операции имели смысл. Я бы хотел вам напомнить, что порой удовлетворение, которое получает пациент, превышает ожидания хирурга».

Психиатр Карл Либерман говорил: «В своей основе пластические операции Джексона являются не чем иным, как недовольством самим собой. Он, вероятно, ощущает, что его никогда по-настоящему не любили за то, каким он был, а любили лишь за то, во что его превратили. Он, очевидно, изначально считал себя несчастливцем плюс чувство нелюбви к самому себе. Возможно, он начал делать все эти операции, чтобы не быть похожим на своего отца, которого, очевидно, ненавидит. Но теперь, я думаю, он продолжает делать это, потому что так невероятно несчастен».

Конечно, только Майкл Джексон и его пластический хирург Стивен Хоффлин знают, сколько операций он перенес, но об этом не говорят. Последнюю точку здесь поставила Донна Бертон, секретарь доктора Хоффлина. Когда ее спросили, может ли она или доктор подтвердить некоторые детали операций Джексона, она сказала: «Мой ответ — нет. Каждый день нам звонит множество людей, которые хотят получить ответ на этот вопрос. Наш ответ на этот вопрос — «нет», и так будет всегда».

Сейчас Майкл выглядит как хрупкая фарфоровая кукла. Черты лица — что-то среднее между мужскими и женскими. Когда он выступал по телевидению в конце 1989 г., большинство зрителей выразили недоумение по поводу его внешности. Он выглядел почти больным.

Доктор Пол Габриэл, психиатр из Университетского Медицинского Центра в Нью-Йорке дал своеобразное объяснение пластическим операциям Майкла и тому факту, что он стал выглядеть столь женоподобно за последние 10 лет. Его поведение, сказал Габриэл писательнице Линде Эглезиас, основано на том, что он не хочет выглядеть взрослым мужчиной, предпочитая оставаться ребенком, или на желании «выглядеть более нейтральным, чтобы избежать дискуссий и конфликтов по сексуальным вопросам. Возможно, Джексон не развился сексуально». Инфантильный вид может быть милым в переходном периоде. Это может казаться интересным, когда 20, но становится странным после 30 лет. И на самом деле, каким будет Майкл Джексон, когда ему будет 40? Будет ли он все еще обладать таким мягким шепчущим голосом? И как будет выглядеть его лицо, когда ему будет 50? Или 60? Мысль об этом и о том, как он будет справляться с проблемой старения, весьма сложная.

В 90-х годах Майкл серьезно занимался реорганизацией своих деловых отношений. Возможно, он получал консультации мультимиллионера Дональда Трампа, который его покорит Первым человеком, который попытался организовать их встречу был Джек Гордон, но Майкл никогда не стал бы ни с кем

встречаться по его рекомендации, даже если это был Дональд Трамп. Наконец в 1988 г. он был представлен ему одним из общих друзей. Трамп был польщен этой встречей. Он говорил многим из своего окружения, что лично знаком с Джексоном и надеется убедить его присутствовать на открытии своего нового отеля «Тадж-Махал» в Атлантик-Сити в апреле 1990 г. Трампу, человеку, обладающему и богатством, и властью было лестно знакомство с такой суперзвездой, как Майкл Джексон. К сожалению, как и большинство людей, он хотел извлечь выгоду для себя из этого.

«Мы так близки с Майклом, что ради меня он готов на все» - хвастался Трамп, хотя был едва знаком с Джексоном. Когда он наконец обратился к нему с просьбой быть на церемонии в «Тадж-Махале» - не как артист, а просто как частное лицо, которое просто привлечет внимание, - Майкл согласился. Трамп, как и все остальные, был поражен.

«Ну, что я говорил? - хвастался он. - Это самый отличный парень в мире. Майкл готов пойти на все ради приятеля».

Хотя они, безусловно, не были «приятелями». Трамп предоставил Джексону в своем отеле номер на 5 этаже, который стоил 10 тыс. долларов в день, и с гордостью представлял Майкла прессе. На удивление, тот был достаточно мягок с журналистами и даже сказал некоторым, что сам решил прийти чтобы побыть с Дональдом. Майкла всегда привлека-ти люди, обладающие большим богатством и властью. Он говорил что «магия», которая сделала их такими удачливыми, распространится и на него, если он будет держаться вблизи них Это звучало так, будто сам он не имел огромного успеха. Трудно представить, однако, о чем могли говорить Джексон и Трамп. Дональд был очень разговорчивым в отличие от Майкла, достаточно скрытного, особенно в вопросах, касающихся его деловых отношений, отмечал бывший партнер Майкла

Майкла.

Один из его сотрудников рассказывает, что слышал, как Дональд Трамп, окруженный толпой фанов и репортеров, выкрикивающих вопросы, сказал Майклу:

— Майк, ты самый великий. Если бы я шел сейчас по этому гостиничному залу с Ми ком Джапером. никто бы даже не обернулся. Но с тобой, оглянись, нас просто атакуют.

Майкл и Дональд улыбнулись и на мгновение замерли, позируя фотокорреспондентам.

— Дон, это лучший гостиничный зал, который я видел в своей жизни, — сказал Майкл после того, как были сделаны несколько снимков. — Ты действительно великолепно

разбираешься во всем этом. Этот отель просто потрясающий.

Потом Майкл повернулся к репортеру, который подошел слишком близко, и сказал:

— Без комментариев.

— Да нет же, — произнес в ответ Дональд. — Самый великий — это ты. Ты действительно лучший. Я думал, что я большая птица, но куда мне до тебя. Посмотри на всех этих людей, они тебя обожают.

Трамп повернулся к представителям прессы и объявил: «Пожалуйста, никаких вопросов».

— Дон, это ты самый великий. — сказал Майкл Трампу. — Это тебя они фотографируют, а не меня. Это ты лучше всех.

Так они продолжали бесконечно. Позднее сотни фанатичных женщин пытались броситься к Майклу, когда он входил из лифт отеля. Увидев, что они приближаются, он отреагировал мгновенно — схватил шляпу и пригнулся к полу, в то время как его охранники окружили его плотным кольцом и стали отодвигать толпу назад. Позднее, когда Майкл и Дональд пошли в ресторан, дирекция отеля была вынуждена запереть все двери, чтобы предотвратить атаку фанов. Однако несколько человек все же пробрались внутрь и не давали Майклу покоя. Через 5 минут, голодный и усталый, он был вынужден покинуть ресторан, скрываясь от преследований публики.

Глава 33

Последние годы были очень утомительны для Майкла. Он испытывал постоянный стресс и невероятную усталость. К 1990 г. давление со стороны семьи, творческие проблемы — все было невыносимо для 32-летнего Джексона.

В июне он вел переговоры с Дисней-студиями (Disney Studios) о возможности использования его имени в их новых работах. Узнав, что Дэвид Геффен, связанный с MCA, хочет, чтобы Джексон присутствовал на открытии Universal Theme Park во Флориде, Майкл Эйзнер, глава Disney — предупредил его, что, если он как-то будет связан с этой компанией, больше никогда не будет работать с ними. Майклу было трудно решить эту проблему. Давление со стороны Эйзнера удручало его. Он очень уважал и хотел сотрудничать с этими людьми, но был намерен и продолжать дружбу с Геффеном. Мучительные размышления об этом, продолжавшиеся несколько недель, привели к тому, что в его воображении эта проблема стала больше, чем была на самом деле. У Майкла случился нервный срыв.

3 июня 1990 г. его госпитализировали в медицинский центр в Сайта-Моника. Говорили, что у него возникла сильная боль в груди во время воскресных занятий танцами. Каждое воскресенье многие годы он делал это до изнеможения. Такие уроки были частью его еженедельного ритуала. В этот день он был на диете. Когда Майкла привезли в клинику в сопровождении его пластического хирурга Стивена Хоффлина, он держался за грудь, выглядел больным, бледным и очень слабым.

Было немедленно сделано множество диагностических тестов, включая тест на СПИД. Результат этого анализа крови был. как и ожидалось, негативным. Большинство журналистов были удивлены, что он вообще согласился на него. Исследования показали, что он страдал от анемии. Вероятно, из-за того, что был на строгой вегетарианской диете.

По чистой случайности его поместили в палату рядом с его другом Элизабет Тэйдор. С пневмонией она была в госпитале уже 7 недель. Пребывание Майкла в госпитале на многие дни стало одной из наиболее обсуждаемых тем в прессе. Президент Буш, Лайза Миннелли и Элтон Джон звонили ему, чтобы пожелать скорейшего выздоровления. Кэтрин и другие члены семьи навешали его. ЛаТойя прислала дюжину черных роз. достаточно странная выходка, но, как она сказала: «Я думаю, они красивые». Фаны ночи напролет дежурили около клиники. Сообщалось, что Лавон Мухаммад, женщина, которая называет себя Билли Джин и

утверждает, что Майкл отец ее троих детей, приехала в госпиталь и пыталась увидеть своего «мужа». Полиция немедленно удалила ее.

Было объявлено, что Майклу поставили диагноз — костохондрит, воспаление в передней части ребер. Чаще всего им болеют юные атлеты, которые перегружают себя на тренировках. Такое состояние связано с чрезмерной утомленностью и стрессом.

«Какая чушь, — говорил один из бывших близких коллег Майкла. — У парня просто психологический срыв, плохо с нервами. Он разрывался от того, что не мог решить, с кем ему остаться — с Disney или Universal, вот причина стресса. Он последнее время очень уязвим, не может выносить никакого давления. Конечно, поскольку его пребывание в госпитале привлекло такое огромное внимание во всем мире, как еще им оставалось объяснить, что у него нервный срыв? Да никогда. Вместо этого они выдумали какую-то сумасшедшую болезнь, о которой ни один человек на всей планете никогда не слышал, и публика должна была принять это».

Тот же бывший коллега настаивал, что история о том, что у Майкла появились боли в груди во время репетиции, была тоже придумана для публики потому, что звучала правдоподобно.

Безусловно, когда Джексон поступил в клинику, были очевидны некоторые симптомы, которые часто ассоциируются с классическим «приступом паники» — он потел, дрожал, задыхался. От психологических проблем иногда страдают люди, подверженные стрессу. По данным доктора Брайена Миллера из Лос-Анджелеса, «35% жителей страны переживают «приступ паники» по крайней мере раз в год. Это необязательно требует лечения. Тем не менее некоторым людям, подверженным таким расстройствам, терапия может помочь. Они могут научиться, как справляться со своими страхами. Например, психотерапия помогает остановить так называемый внутренний диалог, который только раздувает проблему и может привести к паническим приступам. Пациента учат заменять фразы типа «Я не могу это выносить» на более успокаивающие, такие, как «Успокойся, ты нервничаешь из-за полной ерунды». Миллер также отмечает, что «люди, страдающие от панических расстройств, в три раза больше подвержены суицидным состояниям, чем, например, жертвы других психологических проблем».

По мнению Боба Джонса, пресс-секретаря Майкла, заявления о том, будто он находился в состоянии небольшого стресса, явно приуменьшены. Джексон был удручен смертью своего друга, 18-летнего Райяна Байта, который выиграл длинную судебную тяжбу. Он боролся за свое право, а также за права других жертв

СПИДа посещать школу, несмотря на всеобщее предубеждение против зараженных. (После 5 с половиной лет борьбы со смертельной болезнью Байт в апреле 1990 г. проиграл. Это произошло всего через несколько месяцев после того, как он встречал Новый год на ранчо у Майкла. Майкл и Дональд Трамп полетели в Индианаполис вместе на частном самолете, чтобы почтить его память.) Джонс сказал, что Джексон все еще горевал из-за кончины бабушки Марты Бриджес и Сэмми Дэвиса-младшего, оба умерли в мае. Он нервничал из-за того, что работа над новым альбом шла слишком медленно. Но никто не упомянул настоящей проблемы — должен ли Майкл оставаться с Universal или с Disney.

В частной беседе Джексон сказал, что, когда вернулся из турне Bad, хотел уволить всех своих сотрудников. Он не доверял никому.

Как-то один из них встретился с Майклом, чтобы тот подписал документ. Он настаивает, что лично должен подписывать все документы, даже 50-долларовые чеки.

«В чем дело? — спросил его бухгалтер. — Ты не доверяешь мне?» -«Слушай, я вообще никому не доверяю, кроме Кэтрин», — сказал Майкл. — Потом замер на мгновение и добавил: «И даже в случае с ней я задумываюсь».

Выйдя из госпиталя, он решил реорганизовать все свои дела. Фрэнк Дилео был уволен после окончания турне, и Майкл не сожалел об этом. В случае необходимости он находил контакты с ним через знакомых.

Джексон требовал, чтобы все его подчиненные подписывали так называемый контракт о неразглашении. Делалось это, чтобы предотвратить попытки бывших подчиненных выступать с какими-либо публичными заявлениями, которые могли бы повредить ему. Однажды он услышал, что Фрэнк Дилео рассказывал о нем прессе, и настоял, чтобы его бывший менеджер прекратил любые дискуссии о нем.

Узнав о слухах, что он гомосексуалист, Майкл приказал одному из сотрудников позвонить Фрэнку Дилео и узнать, не он ли их источник. Фрэнк, который никогда не думал, что Джексон был геем, обиделся. Он не мог понять, как человек, которого он когда-то считал своим сыном, потерял к нему всякое доверие. Но он должен был знать, что это очень подозрительный человек. За два месяца до того, как уволить Фрэнка, он приобрел в охранной фирме в Нью-Йорке портфель с вмонтированным в него магнитофоном, а также 6 телефонов-глушилок для своего дома. Портфель мог быть использован на встречах для секретной записи разговоров, а глушилки не позволяли записать эти

дискуссии при помощи телефонных линий.

Маршалл Гелфанд, который 7 лет работал бухгалтером у Майкла, тоже получил отставку. Он якобы был слишком консервативным в стратегии инвестиций, Бранка было приказано нанять нового бухгалтера Ричарда Шермана, который также работал на Дэвида Геффена.

К лету 1990 г. у Майкла появились сомнения относительно Джона Бранка. Несмотря на многие профессиональные успехи. Неуверенность в нем усиливалась последние годы. Например, Майкл постоянно беспокоился, с кем еще работает Бранка. Фрэнку Дилео он запретил работать с другими клиентами. Но Бранка практиковал как адвокат до того, как в начале 80-х годов стал сотрудничать с Майклом. К 1990 г., помимо него, он вел дела еще 25 человек.

В 1988 г. Джон Бранка представлял Rolling Stones в их международном турне Steel Wheels. По рассказу одного из его сотрудников, Майкл позвонил ему однажды, чтобы обсудить какой-то вопрос, и тот обронил, что собирается поехать на неделю на Барбадос. Джексон хотел знать цель его поездки, и когда услышал, что деловая поездка, у него возникли подозрения. Он хотел знать, что за дела могли быть там у него. Бранка предпочел не врать и ответил, что ехал на Барбадос, чтобы встретиться с Миком. «С Миком? Ты имеешь в виду Мика Джагтера?» — допытывался Майкл и он был очень расстроен.

Бранка подтвердил, что собирался быть адвокатом Rolling Stones во время их турне. «Ну и что, это большое турне? — спросил Майкл. — Надеюсь, оно не будет таким большим, как мое, или, что еще хуже, больше, чем мое?»

Казалось, не было никакой возможности успокоить его. Он хотел знать, где будут играть Stones. Когда Бранка неохотно сказал, что они думают выступить в концертном зале Колизей в Лос-Анджелесе, Майкл забеспокоился еще больше. «В Колизее! — воскликнул он. — Колизей! Он же больше, чем Спорт-арена (где выступал я). Сколько дней? Я надеюсь, они не играют больше дней, чем я и мои братья в Доджер Стали-ум, а?» — Майкл впадал в истерику.

Когда Джон Бранка стал работать на рок-звезду Герренс Трент Д'Арби, Майкл снова заволновался. Он считал его, как и Принса, своим конкурентом. Когда Майкл попросил Бранка прекратить сотрудничество с ним. тот ответил, что. если он настаивает, сделает это. Позже Майкл позвонил Д'Арби, с которым прежде никогда не разговаривал, чтобы сообщить, что он не имеет никакого контроля над Бранка и, если адвокат решит разорвать с ним отношения как с клиентом, это будет полностью

его решением, «я совершенно не возражаю против того, чтобы Бранка был твоим адвокатом». Майкл старался установить дружеские отношения с Д'Арби на случай, если когда-нибудь в будущем они решат записать совместный дуэт.

Когда Бранка узнал об этом — менеджер Д'Арби немедленно позвонил ему после разговора двух звезд. — он был одновременно разочарован Майклом и зол на него. В конце концов Бранка решил не разрывать своих деловых отношений с Д'Арби (он до сих пор его адвокат). Адвокатская фирма Бранка. к большому огорчению Майкла, в последние годы также стала официальным представителем Принса. Бранка, однако, поступил мудро, поставив дело таким образом, что не имел никакого отношения к ею счетам. Большинство наблюдателей полагали, что работать па Джексона стало, очевидно, гораздо сложнее, чем во времена Джона Бранка. Весной 1490 г.. когда Бранка решил, что ею труд, который занимает у него огромное количество времени, Джексон должен лучше оплачивать. Дэвид Геффен пред дожил, чтобы тот оставил других клиентов и работал эксклюзивно на Майкла. Причины, почему Геффен сделал это предложение, неизвестны. Но учитывая отношения между Бранка и Геффеном в последние годы, вряд ли можно заподозрить, что тот думал только о том, чтобы соблюсти интересы адвоката.

Позднее Бранка и Майкл встретились. Говорят, что Бранка тогда решил, что настало время ему получать определенную прибыль с издательской компании Джексона! Он сказал, что готов посвятить большую часть своего времени ее развитию взамен на 5% от дохода.

Джон Бранка, конечно, мог предполагать, что делать подобное предложение Майклу рискованно. Когда речь заходит об оплате его адвокатов, он становится скуп, считает, что иногда подарить «Роллс-Ройс» или дорогие часы — вполне достаточная компенсация для его советников. Мысль о том, чтобы платить им еще какие-то проценты, вызывает гнев. До сих пор Бранка получал ежемесячную зарплату. Лишь иногда при каких-то экстраординарных сделках мог обсуждаться вопрос о получении им каких-то небольших процентов. Например, после турне Victory и Bad он получил 5% от прибыли (Микки Рубин, который много лет работал на Синатру, получал по 10% от каждого турне).

В это время Майкл был плохо настроен из-за неприятностей с Moon walker. Он сказал Джону, что обдумает его предложение. Потом решил посоветоваться с Дэвидом Геф-феном. Блестящий стратег и бизнесмен, он был известен в Голливуде как человек, который любил вмешаться в карьеру какого-нибудь артиста, с которым не состоял в официальных отношениях. Делал он это

исключительно ради собственного удовольствия, а еще потому, что ему нравилось принимать участие в скандалах. Он обожал затеять какую-нибудь интригу, чтобы испортить чью-нибудь большую сделку.

Его репутация интригана известна с 1973 г. Ему было 29 лет, он принимал участие в карьере 27-летней Шер Боно. Геффен способствовал ее разводу с мужем и партнером Сонни Боно.

Несмотря на почти 10-летний стаж в шоу-бизнесе, Шер была не уверена в себе, уязвима и не особенно умна. Когда Дэвид расспросил ее о делах, ему стало ясно, что она практически ничего не знает о финансовой ситуации и что Сонни с 17 лет манипулировал ею.

Прошло совсем немного времени, как Шер под влиянием Геффена разошлась с Сонни, и не стало дуэта «Сонни и Шер», она настояла также на прекращении показа очень популярного в то время сериала с их участием. В тот вечер, когда Сонни и Шер записали их последнюю совместную программу в феврале 1974 г., Шер устроила сюрприз-парти для Геффена в одном из отелей. На вечеринке были жонглеры, акробаты, метатели ножей. Шер и Боб Дилан пели дуэтом для Геффена. Говорят, что в этот вечер он подарил ей бриллиантовое кольцо за 8 тыс. долларов. Когда Дэвид Геффен внимательно изучил контракты Шер, то выяснил, что она работала на своего мужа, а не с ним. Последние 5 лет — как сотрудник Cher Enterprises. В этой корпорации Сонни принадлежало 950 акций, остальные 50 имели несколько адвокатов. У Шер не было ничего. Ей была назначена небольшая зарплата и 2 недели отпуска в год. Под руководством Геффена Шер подала в суд против мужа, обвиняя его в том, что контракт с ним был «рабство». Затем Шер и Геффен, который не был ее представителем ни по каким вопросам, но говорил, что заботится о ней и ее благосостоянии, пошли в агентство «Вилльям Морис» и оповестили, что Шер отныне является сольной исполнительницей, что отношения между Сонни и Шер закончены и агентству следует подумать о продаже шоу Шер на телевидении. Сонни был разъярен, но беспомощен, потому что Шер теперь находилась под полным влиянием Геффена.

«Он просто жалкий ненавистник, — сказал однажды Сонни Боно. — Он и Шер сговорились уничтожить «Сонни и Шер», а также меня самого. Он влез не в свое дело. Иногда мне хотелось убить его».

Геффен посоветовал Шер потребовать нового раздела будущих гонораров от записей «Сонни и Шер»: 75% — ей и 25% — ему. Он начал переговоры о сольной записи Шер в компании Watners. В июле 1974 г. Шер, Геффен и двое охранников

ворвались в дом, принадлежащий Шер и Сонни, и, как Сонни назвал это, «в бандитской манере» вывезли все принадлежащее ему и внесли вещи Шер и Геффена. Они жили с тех пор открыто в усадьбе Боно», — говорил Сонни.

Это было очень скверное время в жизни Шер, Геффен играл главную роль, можно сказать, был инициатором всего происходящего. Дэвид постоянно находился рядом с ней на протяжении всего отвратительного развода, консультируя ее в каждом вопросе. Он знал о решении суда о ее разводе прежде, чем ей это стало известно. Он позвонил ей в класс, когда она занималась аэробикой, и сказал: «Ты все выиграла, Шер. Ты получила все, Сонни не досталось ничего».

Хотя Геффен в октябре 1974 г. договаривался о телесериале с участием Шер, а также о сольном контракте для нее с компанией Warner Brothers. Records, она рассталась с ним прежде, чем он смог заработать на ней, если, конечно, это то, что он имел в виду (они все еще занимаются бизнесом вместе, но как Шер говорит, «он моя головная боль каждый день моей жизни»). 15 лет назад Шер была практически столь же знаменита, как и сейчас.

Теперь Дэвид Геффен пытается вмешаться в карьеру Майкла Джексона так же, как это было с Шер. Он имеет большое влияние на Майкла. Хотя Геффен официально не занимает никакой должности, кроме советника в инвестиционном комитете Майкла, тот не предпринимает практически ни единого шага, не проконсультировавшись с ним. Геффен совершенно очевидно воздействует на жизнь и карьеру Джексона. Ходят настойчивые слухи, что они находятся в сексуальных отношениях.

Слухи о гомосексуальности Майкла распространялись уже многие годы. Это началось, когда Джексон был еще подростком. Тогда судачили, что у него роман с актером Клифтоном Девисом. Разговоры эти, без сомнения, не прекратятся до тех пор, пока Майкл не женится. Если это вообще когда-то случится. Но даже тогда нет никакой гарантии, что сплетни прекратятся.

Геффен признался Полу Розенфельду в мартовском выпуске журнала Vaniry Fair в 1991 г., что он бисексуал, что после романа с Шер был влюблен в Марло Томаса, а потом в парня из Студии 54. «Я встречаюсь и с мужчинами и с женщинами, у меня нет никаких секретов, все знают мою историю».

Когда Геффена спросили, не беспокоится ли он, что либеральная «голубая» пресса может «открыть» его (термин «открыть» используется голубой прессой, когда сексуальные наклонности того или иного человека оглашаются публично без его согласия), он ответил: «Никто не может испугать меня тем, что «откроет» то, что я не скрывают». Безусловно, откровенные

слова Геффена о его личной жизни совсем не значат, что у него были сексуальные отношения с Майклом.

Только сам Джексон и человек, с которым у него были интимные отношения, если вообще такой существует, знает правду о его сексуальных предпочтениях. Ни один из его друзей или коллег и ни один из его биографов не может знать его настоящую сексуальную ориентацию.

В июне 1990 г., спустя несколько недель после того, как Джон Бранка предложил Майклу платить ему определенный процент со всех публичных сделок, ему позвонил Геффен и предложил связаться с Бертрамом Филдсом — своим адвокатом — и поговорить с ним об условиях семилетнего контракта Джексона с Epic. Бранка отказался, считая, что этот контракт не является делом ни Геффена, ни Филдса.

В это время Геффен пытался убедить Майкла разорвать контракт с Си-би-эс Records. Подписанный в 1983 г., он был приостановлен после альбома Thriller в 1985. Геффен считал, что 7-летний перерыв в работе с Си-би-эс давал ему право на это. Некоторые обозреватели полагали, что Геффен хотел прекратить отношения Майкла с Си-би-эс, возможно, для того, чтобы тот заключил контракт с его собственной фирмой. Джексон, безусловно, мог прекратить отношения с Си-би-эс, но Геффена беспокоило, очевидно, что, хотя контракт закончился, Майкл должен был этой компании 4 альбома. Он был обязан выпустить 7, а сделал только 3. Си-би-эс не могла препятствовать разрыву контракта с ними и предотвратить его работу с другими компаниями, но вполне могла подать на него в суд за урон, который он нанес. Эта сумма была бы подсчитана из сложения доходов от альбомов Off the Wall, Thriller и Bad. Си-би-эс могла бы раздуть огромный судебный процесс против Майкла. Хотя Геффен пытался закрыть глаза на все это, Джон Бранка был настороже. Из анонимного источника из офиса Геффена стало известно, что между ними был жаркий спор по поводу того, правильно ли пытаться прервать контракт с Си-би-эс, но Геффен настаивал на своем. Затем, по сведениям того же источника, он позвонил Майклу и пытался настроить его против Бранка, утверждая, что его позиция связана с хорошими отношениями с президентом компании Си-би-эс Уолтером Етникофф, из-за которого Майкл не получал хороших сделок с компанией. Джексон, очевидно, позволил себе усомниться в правдивости этих слов, поскольку всегда был уверен, что получал лучшие контракты с индустриями звукозаписи и Бранка был одним из тех, кто заключал их для него. Но начал сомневаться в Бранка.

Несколько дней спустя, в соответствии с источником в офисе

Бранка, он и Джексон встретились. В Майкле что-то изменилось Он почти не слушал, что говорил ему Джон, выглядел раздраженным. Завязалась горячая дискуссия о компании Си-би-эс Records. Спор шел о том, обязан ли Майкл продолжать записываться у них, должен ли выпустить с ними новый альбом. Встреча была досадной.

На следующий день Бранка получил доставленное специальным курьером письмо от бухгалтера Джексона Ричарда Шермана, которого сам нанял. В письме сообщалось, что «Майкл Джексон больше не нуждается в услугах Джона Бранка». Он был уволен.

«Мне очень жаль, что тебя уволили, — сказал ему Фрэнк Дилео. — Но удивлен ли я? Нисколько. Это грязный бизнес, не так ли...»

Коллеги Бранка настаивали, чтобы он хоть как-то сотрудничал с Майклом, даже если тот не согласен делиться с ним процентами от своей издательской империи. Самая большая проблема, которая возникала в связи с этим у Джона, была не в том, будет ли Джексон делиться с ним своими доходами, — он был обеспокоен тем, как сможет давать правильные советы Джексону, чтобы его бизнес развивался успешно, как это было в течение последних 10 лет, при Геффене, который обладал теперь таким огромным влиянием.

Многим обозревателям казалось, что с тех пор, как Геф-фен подобрался к Джексону, он мог убедить его практически во всем. Как результат этого — несколько громких скандалов между Бранка и Геффеном в присутствии Джексона.

Поскольку у Бранка и Геффена отношения не сложились, обозреватели считали, что последний теперь использует просьбу Джона о процентах с публикаций против него. Ему удалось выставить Бранка в глазах Майкла как жадного, ненасытного человека. Между тем коллеги Джона убеждены, что, если бы не вмешательство Геффена, он до сих пор был бы представителем Джексона. Работу Бранка с ним, мастерство, с которым он увеличивал его богатство, можно сравнить только с профессионализмом Колонела Тома Паркера, который сотрудничал с Элвисом Пресли. Хотя Бранка не был менеджером Майкла, он, безусловно, оказал такое же влияние на карьеру Джексона, как Паркер на карьеру Пресли.

Спустя годы Майкл, возможно, оглядывался назад, вспоминал о тех временах и понимал, что увольнение Бранка было ошибкой. В 1980 г., когда он стал его представителем, состояние Майкла едва насчитывало миллион долларов. Всего год спустя, в большей степени благодаря способностям Бранка вести переговоры, оно

приближалось к 300 миллионам, включая акции в издательских компаниях, которые оценивались почти в 200 млн долларов. Безусловно, это заслуга Майкла, но это и свидетельство компетентности Джона Бранка.

В 1984 г. Майкл заплатил 47,5 млн долларов за Northern Songs Catalogue. Сейчас, всего 7 лет спустя, его стоимость возросла до 125 млн. Бранка структурировал эту сделку так, что он мог списывать с налогов 5 млн долларов в год в течение 8 лет, что составило в результате 40 млн долларов «Покупка каталога «Beatles» была сильнейшим, лучшим и самым умным шагом, который когда-либо мог сделать артист, — говорил Джон Бранка. — Я должен признаться, что был горд тем, что смог сделать это для Майкла».

Перед этим он приобрел для Джексона Sly Stone Catalogue у издательской компании Warner-Chappell, В то время, когда Бранка был уволен, он вел переговоры с ней о покупке Майклом James Brown Catalogue. Они завершились успешно, но Бранка не успел заключить контракт, поскольку уже не работал у Джексона. За всю историю издательской компании Warner-Chappell лишь дважды они согласились продать «копирайт» и оба раза — Майклу, благодаря стараниям Джона Бранка, — Sly Stone Catalogue и James Brown Catalogue.

Сейчас Майклу Джексону принадлежат права почти на 6 тысяч песен, включая 251 — Beatles и 50 — Литтл Ричарда. Он также владеет некоторыми вещами Сэма Кука, Диона и многими другими. Благодаря новым приобретениям, а также некоторым проектам, предложенным Бранка компании, состояние Майкла в ближайшие пару лет должно удвоиться. На его новый альбом весной 1991 года был потрачен миллион долларов.

В то время, когда Майкл уволил Джона Бранка, тот вел переговоры со Смитсоновским институтом в Вашингтоне, которому принадлежал последний не занятый участок земли рядом с Музеем популярной культуры. Дирекция института согласилась, что, если Джексон выделит дотацию в 5 млн долларов, на свободной земле будет построено новое здание, где разместится «Центр сценического искусства Майкла Джексона».

Бранка обязал Си-би-эс, Time-Warner и другие корпорации внести сумму почти в 5 млн, Майклу оставалось добавить лишь незначительную часть.

Представители шоу-бизнеса расценивали увольнение Майклом Джексоном Джона Бранка (который до сих пор является представителем Rolling Stones, Джима Морисона, Джорджа Майкла и около 40 других артистов) исключительно как ситуацию, в которой он попал меж двух огней в продолжающемся

сражении между Дэвидом Геффеном и директором Си-би-эс Records Уолтером Етникофф. Однако это не так. Предполагалось также, что Джексон был недоволен тем, как Бранка вел переговоры о его альбоме с Си-би-эс, поскольку у него были тесные отношения с ее директором. Это тоже неправда. На самом деле увольнение Бранка не имело ничего общего ни с тем, ни с другим. Все дело было в самом Майкле, в его переменчивой натуре и, возможно, возрастающем влиянии на него Геффена.

Дэвид Геффен отрицает любую свою причастность к решению уволить Джона Бранка. «Майкл сменил адвокатов, потому что он так хотел. Считал, что у Бранка слишком близкие отношения с Уолтером Етникофф», — сказал Геффен. Тем временем, к концу 90-х годов, дни Етникофф на Си-би-эс были сочтены. Между ним и Sony были достаточно сложные отношения, и это не имело ничего общего с Майклом, а лишь с властью, которой обладал Уолтер. «Секс, власть, престиж, деньги, слава — я испробовал все», — говорил он. Его отношения с Брюсом Спрингстином и его менеджером Джоном Ландау были столь же непросты, как и отношения с Майклом Джексоном. Надо сказать, что Етникофф настроил против себя большинство своих сторонников на Sony, так же как многих директоров индустрии звукозаписи, которые были на его стороне в течение 30 лет, что он прослужил на благо Си-би-эс (как адвокат он стал работать в компании в 1961 г.).

С тех пор как стало казаться, что Майкл хочет разорвать контракт, так поговаривали об изменении его условий, и не намерен выпускать альбом, который обешал, Етникофф почувствовал, что лишается расположения Sony. Были слухи, что Джексона к этому подтолкнул Геффен.

«Многие хотят, чтобы я выглядел так, будто был причас-тен ко всему этому больше, чем на самом деле, — сказал Геффен Эрику Пули из журнала «New lork». — Уолтер плохо себя ведет, поэтому он испортил свою карьеру. Когда люди думают, что они слишком могущественны, мир находит путь показать им, что это совсем не так».

Надо сказать, что Етникофф имел массу проблем с Си-би-эс и Sony, которые совсем не касались Майкла. С другой стороны, если бы Джексон, столь известный артист, сотрудничающий с этой компанией, человек, обладающий большим влиянием, поддерживал его, у него, конечно, была бы более сильная позиция в его разногласиях с Sony.

В сентябре 1990 г. Уолтер Етникофф был вынужден уйти в отставку. По воспоминаниям одного из коллег Майкла, он только сказал: «Ну что ж, жаль. Интересно, что это может означать для меня?»

Вероятно, Геффен чувствовал свою власть над Джексоном, он не был его оплачиваемым подчиненным, а лишь советником, как бы добровольно стараясь помочь ему. «Майкл чувствует, что может доверять Дэвиду потому, что в отличие от всех остальных людей в его жизни он не наживается на нем, пока... — отмечал один из обозревателей. — Однако многие из этой индустрии считают, что Геффен использует Майкла в своих целях и однажды предпримет меры, чтобы встать во главе контроля над всей империей Джексона».

Майкл заменил Джона Бранка тремя временными адвокатами, Бертрамом Филдзем, Аланом Грубманом и Ли Филипсом. Все они были близко знакомы с Геффеном.

В 1991 г. Майкл рассматривает возможность перевести его ATV Music Company из компании EMI, которая считается второй по величине издательской компанией в мире и владеет компанией Capitol Records, в компанию «MCA Music Intertain-ment Group», с которой связан Геффен. Эксперты считают, что переход в компанию, меньшую по величине, был бы неправильным решением, она недостаточно оснащена, чтобы выполнить сложные аранжировки Майкла. Это решение могло потребовать миллионных вложений, и снова складывалось впечатление, что Дэвид каким-то образом повлиял на Майкла.

В августе 1990 г. Майклу исполнилось 32 года. В то время закончились его многомесячные мучения по поводу того, кем заменить Фрэнка Дилео. Наконец он объявил, что это место займет Сэнди Таллин из компании Gallin-Morey Associates. Он станет новым менеджером Майкла. Таллин представляет клиентов, занятых в индустрии и кино и музыки. Среди его клиентов — Долли Партон, Эндрю Дайс Клей, Вупи Голдберг и сестры Пойнтер. Большинство наблюдателей были удивлены, что Джексон выбрал Таллина на должность своего менеджера. Хотя он и работал со знаменитостями, его не считают одним из лучших менеджеров в шоу-бизнесе. Кроме того, у него практически нет опыта в этой сфере и тесных связей с руководителями CBS Records. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что, вероятно, одна из веских причин этого — Сенди Таллин был лучшим другом Дэвида Геффена.

В 1988 г., когда Майкл уволил Фрэнка Дилео, Геффен позвонил Джону Бранка и попросил уговорить Джексона встретиться с Сэнди Таллином. Бранка позвонил, чтобы узнать, не проявит ли он интерес к этой встрече, тот не проявил. Майкл сказал, что уже встречался с Таллином раньше и что он не произвел на него впечатления. Бранка, которому нравился

Таллин и который в прошлом работал с ним, все же убедил Майкла, чтобы он назначил с ним хотя бы короткую встречу. Она не принесла ничего хорошего; Майкл отказатся снять свои темные очки. По его поведению было видно, что он совершенно не интересуется Таллином, а через 10 минут заерзал и стал подавать знаки Бранка, что пора кончать встречу.

Не прошло и года, как Майкл нанял Сэнди Таллина на пост своего менеджера.

Влияние Геффена на Джексона было явным, однако он очень раздражался, когда ему говорили об этом. Например, когда Фрэнк Дилео был уволен, Майкл рассчитывал взять к себе менеджером Ирвина Азоффа, бывшего главу MCA Records. Азофф и Геффен не были друзьями. Наоборот, на протяжении многих лет соперничали.

Один из знакомых Майкла вспоминает: «Бранка и Джексон обсуждали возможность приглашения на работу Азоффа на должность менеджера. Вдруг Джон спросил Майкла: «А что подумает Дэвид Геффен, если Азофф станет твоим менеджером?» — «Кому какое дело, что подумает Геффен, — разозлился он. — Твое дело думать только о том, что скажу я, а не что скажет Дэвид». И будто чтобы подтвердить свои слова, подошел к телефону и позвонил Дэвиду: «Это Майк. Я звоню, чтобы сообщить тебе, что решил нанять на должность менеджера твоего хорошего друга Ирвинга. Что ты об этом думаешь?»

Неизвестно, что думал Геффен! Очевидно одно — Майкл Ирвинга Азоффа на пост менеджера не взял.

Один из близких помощников Майкла спросил его об условиях контракта с Сэнди Таллином. «Какого контракта? — спросил Майкл с досадой. — Речь идет только об устном соглашении. Если мы сработаемся — отлично, нет — тоже отлично. Я больше не подписываю никаких контрактов. Таллин получает право говорить людям, что является официальным представителем Джексона. Я думаю, что для него это и так большая честь».

Помощник посмотрел на Майкла испуганно, думая при этом о своем будущем в компании MJJ Productions. «На тебя это не распространяется, — добавил Майкл, — тебе не о чем беспокоиться». Однако его коллегу это совсем не успокоило.

В марте 1991 г. Майклу удалось заключить контракт с Си-би-эс, теперь известной как Sony Corp (Sony купила Си-би-эс в 1988 г.). Контракт был заключен по схеме, разработанной Джоном Бранка. Представители Майкла настаивали, чтобы контракт гарантировал возврат сотен миллионов долларов. В прессе появлялись публикации, что Sony практически дала Майклу

миллиард долларов.

Карьера Майкла Джексона теперь зависела от того, принесут ли ему успех или неудачу его следующие альбомы. Как всегда, когда он готовил к выпуску новый альбом, в прессе появилось множество статей о том, сможет ли Джексон завоевать такую же популярность, как прежде. На самом деле странно было даже задавать такой вопрос, поскольку, что бы ни делал он, с каким бы новым проектом ни появлялся — это всегда был успех, время это доказало. Почитатели Майкла с нетерпением предвкушают выход любого его нового произведения. Превзойдет ли новый альбом его прежние работы, такие как Thriller, 37 миллионов экземпляров которого было продано, или Bad — 27 млн — это был второй вопрос.

Был ли на самом деле Майкл под контролем Дэвида Геффена? Уже 23 года он профессионально занимался своим делом. Поэтому трудно представить, что Джексон не был в состоянии принимать собственные решения. «Успех его — безусловно, не случайность, — говорил один из его коллег. — Может быть, на самом деле это Майкл Джексон контролирует Дэвида Геффена? Никто не знает, что из себя представляют их отношения на самом деле. Во всяком случае, Майкл с ранних лет доказал, что никому не позволит считать себя своей игрушкой, включая собственного отца. Я думаю, у него есть четкий план, который однажды станет нам известен».

Если будет куплено 50 млн копий следующего альбома, т. е. больше, чем Thriller, все его сторонники будут очень рады, а он будет самым счастливым человеком на планете. Если этого не случится, Майкл будет чувствовать себя полностью уничтоженным и, конечно, все его близкие тоже.

Если следующий альбом Майкла не будет таким же успешным, как Thriller, он начнет искать виноватых. Возможно, подумает о том, что напрасно уволил Джона Бранка и заменил его тремя адвокатами Дэвида Геффена. И когда переосмыслит тот факт, что его менеджер Сэнди Таллин является лучшим другом Геффена, а его бухгалтер Ричард Шерман также представитель Дэвида, возможно, спросит себя: «Что же, в конце концов, здесь происходит?»

И вот если все это произойдет, тогда Таллин, вероятно, получит письмо от адвоката Майкла, сообщающего, что в его услугах больше не нуждаются.

Затем и адвокаты тоже получат письма с нарочными, в которых Майкл Джексон будет сообщать им, как он говорит, «что они кончены».

И бухгалтер Майкла тоже получит письмо, написанное кем-то

по поручению Майкла, с той же новостью.

И тогда Майкл Джексон, и в этом нет сомнения, навсегда избавит свою жизнь от Дэвида Геффена.

ЭПИЛОГ

Несмотря на все. чго произошло с Джексонами — внутрисемейные ссоры, обиды, интриги, предательства, разочарования, — Джозеф и Кэтрин все еще муж и жена и скоро будут отмечать сорокалетний юбилей совместной жизни. «Мы любим друг друга, я думаю, чго эта любовь и удерживала нас вместе на протяжении всех этих лет, -- сказал недавно Джозеф. — Несмотря ни на что, мы любили друг друга».

В то время, о котором сейчас идет речь, ему шестьдесят один год. он собирается продолжать карьеру антрепренера в шоу-бизнесе. «Не все получилось, как хотел, ~- поделился о своей семье се глава. - Ссоры... деньги... я мечтал, чтобы нее мы делили плоды славы поровну.-. Мы заработали дикое количество денег, но и потеряли немало».

В 1990 году стало известно, что семья Джексонов собирается выпустить акции, первоначальная сумма которых составляла бы от 50 до 100 миллионов долларов. Джозеф говорил, что у них есть планы открыть кинокомпанию под названием Jackson Films, компанию звукозаписи Jackson Records — парк аттракционов в JJac-Beiace, где будет еще одна студия звукозаписи, сиена и семейный музей, а также монетный двор, чтобы выпускать коллекционные монеты и другие сувениры. Сам он -- председатель Jackson Entertainment Corp., которая была основана в 1989 году. Предполагается снять, сериал обо всех домочадцах, продюсером которого будет Джер-меп. Майкл дал на это согласие при условии, что ему не будет уделяться больше — или меньше -- внимания, чем другим.

Отец, конечно, надеется, что в сериале примут участие все дети, но обозреватели считают, что практически наверняка Майкл, Джанет, ЛаТойя, а возможно, и Марлон не смогут принять участия в этом проекте, так как с утра до ночи заняты своей карьерой. Сомнительно, что эти четверо, которые так старательно выстраивали свою жизнь вдалеке от семьи, захотят поддержать эту затею. «Но Джозеф не теряет надежды - говорит один из его знакомых. — Если в мире когда-либо существовал абсолютный оптимист — это Джексон. Он уверен, что однажды вся семья опять объединится. Это его мечта. Его единственная мечта. Но не правда ли, в старой мечте есть что-то очень печальное"»

Джозеф однажды заметил в интервью: «Когда ты — публичная особа, твоя жизнь проходит под давлением публики. Люди читают о тебе. Пишут о тебе. Делают их собственные выводы. Ко мне относились бы с большим уважением, если бы

они знали всю историю, где и как начинался клан Джексонов и чего достигли теперь. Некоторые пытаются прыгнуть в поезд, когда он уже на полном ходу. Но я-то и есть тот самый поезд».

Однако патриарх-Джексон оказался не единственным неунывающим оптимистом. Кэтрин, которой во время описываемых событий было шестьдесят, однажды сказала: «Я слушаю и учусь. Я смотрю в будущее с улыбкой и молюсь».

Ее воспоминания «Джексоны — моя семья», которые она написала в соавторстве с Ричардом Вансманом, были опубликованы в Соединенных Штатах летом 1990 года в издательстве Martin's Press.

«Я представляю, люди часто думают о нас: «Какой же несчастной семьей стали эти Джексоны, — писала она в предисловии. — Они не смогли совладать с переходом «из грязи в князи». Если бы я получала информацию о моей семье только из прессы, я бы, наверное, тоже пришла к такому выводу. Но вот та история жи ши Джексонов, которую прожила я»

К сожалению, в пей нет ничего о Чепил Террелл или Джоу Вонни Джексон - матери дочери Джозефа и о самой девочке. Даже не упоминается Джина Cnpai, секретарша, работавшая в Motown, которая утверждает, что Кэтрин пыталась ее убить прямо в здании компании. Автор не пишет о неудачных браках ее сыновей или о ее участии в корейском эпизоде. В общем, она решила ничего не писать о многом, что на самом деле было весьма значительным для ее семьи. Больше всего поражает удивительная «скрытность» книги. Безусловно, эти воспоминания — правдивое отражение ее собственной души, теплые, но вместе с тем грустные и противоречивые.

Кэтрин совсем не та женщина, которая может вызвать жалость к себе, личность она весьма примечательная. Пережила долгий и очень сложный брак с такой гордостью и достоинством, которые редко кто мог бы продемонстрировать. «Я уверовала в учение Христа о прощении, — объясняла она. — Почему? Наверное, ради своих девятерых детей и восемнадцати внуков. Я благодарна своим детям, что они любят меня, и единственное, чего хочу, — чтобы они вели благочестивую христианскую жизнь и были счастливы».

Безусловно, дети любят мать, и она любит их и, видимо, будет любить всегда. Но, что случается весьма часто, любовь ее слепа. «Я не думаю, что успех оказал на нас хоть какое-то влияние, — говорит она. — Не думаю, что мои сыновья хоть сколько-нибудь изменились. Тем не менее как мать я могу предположить, что смотрю на все особым взглядом».

Слава, однако, оказала глубоко трагическое воздействие на

семью Джексонов. Не только на сыновей, но и на дочерей. Многие годы публика следила за спектаклем о большой и могущественной семье из Гэри, которая всегда выглядела такой счастливой, позируя для журнальных обложек. Но Джексоны были — и есть — в бизнесе иллюзий, в фантазиях шоу-бизнеса. Трагедия в том, что самая большая иллюзия — не то, что происходит на сцене, а то, что за ней, в том доме в Энсино, где не было никакой защиты от эгоизма, зависти, жадности.

Все в семье испытали кисло-сладкое наслаждение многочисленными успехами и озлобленность от того, что всегда чувствовали себя жертвами манипуляций и эксплуатации. Они страдали от долгих лет предательств, жестоких ссор между близкими людьми. История семьи, стремительно взлетевшей над бедностью и достигшей такого триумфа, могла легко превратиться в трагическую сказку о глубоких разочарованиях.

Наверное, важно отметить, что Майкл был не единственным в семье, кто пытался найти новые перспективы в жизни, изменяя свою внешность. За исключением Джекки, практически все Джексоны, включая родителей, и даже Морин, последовали примеру Майкла и сделали операции по изменению формы носа.

«А что тут странного, — объясняет психиатр Кэрол Либерман. — Я думаю, у них были и другие пластические операции. В конце концов, все они уже много лет назад согласились с тем, что в их семье существует некая «сумасшествин-ка». Например, мать заявляет, что не празднует свои дни рождения по религиозным причинам, однако с удовольствием принимает подарки, но только если они обернуты в простую коричневую бумагу, а не в специальную красивую для этого случая. На ее днях рождения все соглашаются притворяться, что реальность не такая, как на самом деле».

«Безусловно у подобного поведения своя предыстория, — продолжает психиатр. — Отец, лицемерно объясняющий, что имел право иметь на стороне ребенка, потому что в семье его не любили. Мать, делающая вид, что деньги не имели для нее никакого значения, в то время как, очевидно, имели, и не малое. Мальчики, будучи совсем маленькими, врали матери, прикидываясь, будто не знают, что у отца есть любовница. А потом все договорились разыгрывать перед прессой, что они — идеальная семья». «Тот факт, что наиболее удачный из них был первым, кто сделал пластическую операцию, а потом и все остальные последовали его примеру, говорит об одном: они подсознательно просто копировали его, в надежде найти ключ к его успеху. Вызывает, может быть, удивление, что Джекки, старший брат, решил не следовать примеру всех остальных. Ответ

в том, что между братьями с раннего возраста было некое соперничество. Безусловно, то, что 8 из 9 членов семьи переделали свои носы, — яркая иллюстрация того, до какой степени семья была психопатологична».

Большинство братьев и сестер Джексонов рано вступали в браки, которые, как правило, не были простыми. Джермен женился на Хейзл Горди, Джекки — на Энид Спанн, Джанет вышла замуж за Джеймса де Баржа. Все эти браки распались. Замужество ЛаТойи и Джека Гордона также казалось неустойчивым.

Наиболее печальным был, вероятно, развод Тито и Ди-Ди. Они были женаты 18 лет, когда она обнаружила, что муж изменял ей, и весной 1990 г. подала на развод. «Это решено. Я должна продолжать жизнь ради своих троих сыновей, — говорила она. — Плевать мне на то, что случилось. Дети для меня теперь самое главное в жизни. Что касается быть одной из Джексонов, я все равно останусь ею, но моя жизнь не должна закончиться, а о том, что было раньше, постараюсь забыть. Я знала этого человека с 14 лет и, несмотря на то что он сделал, все еще отношусь к нему с уважением. Но эта глава моей жизни закончена».

«Жены Джексонов — сильные люди. Любой, кто знаком с ними и понимает, через что они прошли, удивляются, как им это удалось, — говорит подруга Хейзл Горди Джексон. — Сыновья унаследовали это от Джозефа, я думаю. А жены каким-то образом переняли силу Кэтрин».

Рэнди Джексон в мае 1989 г. женился на Элизе Шаффе. Это печальная история. Для 27-летнего Рэнди, младшего сына в семье, не прошли бесследно примеры старших братьев и родителей. По рассказам его жены, которая в ноябре 1990 г. подала на развод и предъявила мужу уголовные обвинения, он избивал ее на протяжении всей ее беременности. «Это просто зверство, — говорила Элиза Джексон, — бить беременную жену. — Ни одна женщина не должна смиряться с этим, независимо от того, какое положение занимает ее муж».

Элиза вспоминает, как одна из любовниц Рэнди позвонила ей и сообщила, что беременна. Это было, когда и Элиза носила его ребенка. «У всех братьев Джексонов, кроме Майкла, проблема с моногамией. Просто потому, что они видели жизнь своего отца», — заметила Элиза. Она утверждала, что Рэнди вышвырнул ее и их грудную дочь из квартиры, где они вместе жили, не дав даже взять им личные вещи. Адвокат Рэнди отрицает все эти обвинения.

Давний друг семьи Джойс Маккрей считает, что «у всех детей в течение долгих лет развивались психологические проблемы.

Мне жаль всех их. Источник их боли очевиден — это они сами и их родители. Он — в самой семье, в этой очень, очень несчастной семье. Однако несмотря на все, что происходило и происходит в ней, несмотря на все, что они видели, они продолжают благодарить друг друга за то, чем они стали, потому что, по крайней мере, в глазах других людей, в глазах публики производят впечатление дружной и успешной семьи. И это все, что у них есть действительно, потому что у них не осталось никаких ценностей. Не так ли? Если ты знаешь этих детей, если ты видел, как они росли, если они хоть в какой-то степени небезразличны тебе, у тебя начинает першить в горле, когда ты видишь, во что они превратились. «Бедный ребенок», думаю я, когда вижу кого-нибудь из них. «Бедный ты мой, обиженный ребенок».

Но безусловно, никто из семьи не был фигурой столь трагичной и изломанной, как наиболее успешный, знаменитый и блестящий Майкл. Он всего достиг, во всяком случае, так кажется. Но это человек, не имеющий ни друзей, ни семьи. «Я могу пойти к нему и сказать, что у него все-таки есть мы, его семья, — однажды сказал Джозеф. — Я всегда могу пойти и выволочь его оттуда, — добавил он, имея в виду заточение Майкла в Санта-Инес. — Он все равно остается моим сыном, и он это знает. И я всегда могу пойти и приволочь его сюда».

Независимо от места, обстоятельств, времени, отец мальчика всегда будет его отцом. Сейчас Джозеф понимает, что совершал некоторые ошибки, но делал он это во благо, с добрыми намерениями. Однако его сын Майкл Джозеф не желает знать о проблемах отца. У него достаточно своих трудностей.

Самая большая ошибка в восприятии Майкла Джексона — что он отгородил свою жизнь от реального мира, практически ушел из общества. На самом деле, у него было столько экстраординарного опыта, каким вряд ли могут похвастаться люди вдвое старше его. Невероятно одаренный артист, он много раз объездил весь мир, развлекая людей всех цветов кожи, рас и религий. Привык к оглушающим овациям, к тому, что люди встают перед ним, когда он входит в зал. Знает, что такое быть особенным и что такое предъявлять требования, которые точно будут выполнены потому, что они — его. Ему известно, что такое быть невероятно богатым, что значит дать своей матери миллион долларов, чтобы она не должна была работать. Он и шедал чувство удовлетворения от возможности давать, быть милосердным, видеть улыбки на лицах больных детей при его появлении. И если хоть в какой-то степени он прячется от реального мира, то скорее всею потому, что в детстве не был в

достаточно]'] степени затишен от темных сторон жизни. К сожалению, он помнит беюбрашые сиены с ганцами голых женщин, что совсем не предназначалась для глаз маленького мальчика. Это вселило в него чувство неуверенности и дискомфорта. Помнит, как наблюдал выступления трансвеститов в то время, когда у него еще не было никакого представления о том, что такое сексуальность. Складывается впечатление, что страх перед человеческими отношениями парализует Майкла Джексона. Он абсолютно не доверяет людям. У него путаные взгляды и представления о любви и интимности. И это неудивительно. Слишком много он видел в собственной семье. Юношей был вынужден беспомощно наблюдать, как его отец наслаждается внебрачными романами, предавая мать, которую Майкл обожал. 'Знает, какую боль приносит рождение внебрачных детей. Годами наблюдал, как его братья обращаются с женщинами, исключительно как с секс-объектами, а сам выражал свой протест тем, что беседовал с проститутками, вместо того чтобы заниматься с ними сексом. И дома неоднократно был свидетелем грубости и насилия.

Когда Майкл говорит таким мягким, тихим голосом, что его едва можно расслышать, когда он практически не осмеливается посмотреть прямо в глаза собеседнику, опустив свои, когда оживает по-настоящему только на сцене, выгоняя из себя многочисленных демонов, — кажется, будто он кричит о помощи. Но вместо того, чтобы выплеснуть все это наружу, он отступает в свой собственный мир детей, животных, мультфильмов и других развлечений в Neverland Valley в Санта-Инес. Только там он чувствует себя в безопасности, только там, вдали от мира, испытывает простые радости. Невинный ребенок, играющий в мире злых взрослых, — вот какое впечатление производил Майкл многие годы. И именно таким он видит себя сам.

Майкл продолжает изменять свое лицо, чтобы стать другим, идеальным человеком. Возможно, ведущим идеальную жизнь. И потом после каждой операции смотрится в зеркало, пытаясь угадать, достиг ли уже той жизни, но не замечает изменений. Все остается прежним. «Этот человек видел много обид и много горя, от которых страдали и которые причиняли те, кого он нежно и глубоко любил, — отмечает Джойс Мак-Крей. — И он, самый популярный шоумен в мире, как же он может быть по-настоящему весел? Его боль слишком велика, она всепоглощающа. Он построил стену вокруг себя, чтобы защититься от еще большей боли».

Все мы строим стены. Сначала они высотой по колено, так, чтобы просто обозначить границы. Но стены такой высоты можно

легко перешагнуть, вытоптать наши цветы и нарушить наш утренний воскресный сон.

Тогда мы прибавляем еще несколько кирпичей и, возможно, немного битого стекла, а иногда, как Майкл, выстраиваем такие высокие стены, что никто не может проникнуть внутрь. И порой, как он, сами не можем выбраться наружу.

Мы пугаемся и пытаемся залезть на стену. Мы царапаем ее, наши пальцы скребут камни, издавая звуки, подобные шуршанию сухих листьев вдоль парапета.

Иногда нам везет, кто-то вдруг услышит этот слабый отдаленный звук, узнает в нем плач и говорит: «Я могу пробраться к тебе», — и спасает нас своей любовью.

Несмотря на то, что говорилось о его дружбе с Дэвидом Геффеном, Майкл не выглядит таким уж счастливым человеком. Окутанный мифами, он на самом деле человек ранимый, подозрительный. Будучи долгие годы в шоу-бизнесе, осознавая, что его эксплуатировала семья, люди, которым доверял, он стал безжалостным. На сцене Джексон часто выглядит агрессивным, и корни этой агрессии, безусловно, уходят в его личную жизнь. Несмотря на его весьма странное поведение, а может быть, благодаря ему, поклонники боготворят Майкла. Где бы ни появлялся, он немедленно окружен почитателями. Он старается игнорировать это внимание, если разговор идет о большой толпе. Но когда он окружен близкими, ему невыносимо с ними — он им не доверяет. Он считает, что все чего-то хотят от него, и в свои 32 года не желает давать больше того, что уже дал. Он хочет, чтобы его оставили в покое. Узник своего невероятного успеха и паранойи. Многие из его знакомых считают, что он на грани безумия, так же, как Элвис Пресли в свои последние годы.

Безусловно, Майкл Джексон — квинтэссенция шоу-бизнеса, но не мучает ли вас вопрос, какую же жизнь ведет этот человек.

«Люди думают, что знают меня, — сказал однажды Майкл. — Но они ошибаются. На самом деле я один из самых одиноких людей на этом свете. Я плачу иногда, потому что мне больно. И если быть совсем честным, думаю, самое правильное, что можно сказать обо мне, — больно быть мною».

Приложение

Майкл Джексон - 12 лет. 1970 г. (журнал «Soul»)

Тринадцатилетний Майкл позирует в своей спальне с одной из своих многочисленных ручных крыс. Стены спальни всегда были увешаны персонажами из комиксов, газетными и журнальными вырезками фотографий артистов.

Джексоны позируют для семейного фото в июне 1970 г.
Верхний ряд: ЛаТойя - 14 лет, Тито - 16 лет, Джекки - 19 лет
Нижний ряд: Майкл - 11 лет, Рэнди - 7 лет, Кэтрин, Джозеф, Джанет - 4 года и Марлон - 13 лет.

Дайане Росс была приписана честь «открытия» «Пятерки

Джексонов». Кажется, что на этой фотографии она говорит Майклу и Марлону: «Послушайте, что я хочу, чтобы вы сказали...»

«Пятерка Джексонов» выступает в концертном зале «Форум» в Лос-Анджелесе в 1970 году. К этому времени «Джексономания» была в полном расцвете. Майкл в ударе, изображает Джеймса Брауна.

Двенадцатилетний Майкл Джексон изображает Френка Синатру в шоу Дайаны Росс «Дайана». Апрель 1971 г.

Ранняя рекламная фотография «Пятерки Джексонов».
Верхний ряд: Тито - 16 лет, Джеки - 18 лет, Джермен - 15 лет.

Нижний ряд: Марлон - 12 лет и Майкл - 11 лет.

Майкл. 1971 год.

Совсем как любые другие дети: Майкл - 12 лет, Рэнди - 8 лет, Марлон - 14 лет и Джанет - 5 лет в июне 1971 года.

К 1972 году семья достигла огромного успеха.

Верхний ряд: Джекки - 21 год, Кэтрин (с новой прической), Джозеф и Джанет - 6 лет, Джермен - 18 лет, Майкл - 13 лет.

Нижний ряд: Марлон - 15 лет, Рэнди - 10 лет, Тито - 19 лет и ЛаТойя - 16 лет.

Тито женился первым из братьев. Его жену звали Ди-Ди Мартес. Свадьба состоялась 17 июня 1972 года.

Когда Джермен Джексом женился на дочери Берри Голди - Хейзл, это стало мировой сенсацией. Многие обозреватели комментировали это скорее как слияние двух могущественных корпорация, чем как брак по любви.

Джекки женился на Энид Спанн 24 ноября 1974 года. Это был не легкий брак, но Энид держалась до тех пор, пока не обнаружила, что у её мужа роман с танцовщицей, хареографом и певицей Паолой Абдул.

Когда Марлон женился на Кэрол Паркер 16 августа 1975 года,

пара решила держать свой союз в тайне, чтобы не вызвать гнев отца Марлона.

Джозеф и Кэтрин на свадьбе своего сына Джермана 15 декабря 1973 года. Вскоре после того, как была сделана эта фотография, Кэтрин подала на развод, обнаружив что муж изменяет ей. Её действия держались в секрете, чтобы не повредить имиджу Джексонов как крепкой семьи. Вскоре она помирилась с Джозефом, но сказала, что никогда не будет относится к нему как прежде.

Известие о том, что у Джозефа Джексона есть внебрачный ребенок (девочка родилась 30 августа 1974 года) потрясло семью и причинило много боли. Майкл никогда не смог простить отцу измену. Это очень редкая фотография сводной сестры. Она сделана в феврале 1991 года. прелестной Джо Вонни Джексон 16 лет, она надеется вслед за своими знаменитыми братьями и сестрами стать артисткой.

Джанет Джексон доказала, что с раннего возраста обладала удивительным талантом. На этой фотграфии Джанет в восемь лет выступает на сцене в Лас-Вегасе. Она изображает Мэй Уэст, двенадцатилетний Рэнди Джексон - Гручо Маркса. Ноябрь 1974 года, Лас-Вегас.

В 1977 году дочери Джексонов надеялись организовать свою группу. Однако, поскольку ЛаТойя и Морин не могли решить в каком стиле петь, а Джанет хотела быть актрисой, группа так и не была создана.

В октябре 1978 года Майкл в роли Страшилы в фильме «The Wiz». «Может быть, я совершил ошибку? - спрашивал Майкл у продюсера этого фильма. - Может быть, мне не следовало этого делать? Может быть, мне надо было слушать свою семью? Что это будет значить для моей карьеры?»

В августе 1979 года Майклу исполнился 21 год. На этой фотографии он позирует в кепке повстанцев - возможно, это символизирует обретенную свободу. С этих пор Майкл будет сам контролировать свои дела. «Я никому не доверяю, - скажет он, - кроме Кэтрин. Да и в этом я не уверен...»

В июле 1980 года Джозефу Джексону исполнился 51 год. Джина Спраг, его сотрудница и близкий друг, организовала для него праздник.

Слева направо: мать Джозефа Кристел, Джозеф, Джина - 19 лет. Марлон - 23 года, Джанет - 14 лет и Рэнди - 17 лет. Майкл не пришел. Кэтрин, которая подозревала, что у Джозефа был роман с Джиной, сидела за соседним столиком рядом с ЛаТойей. Через три месяца после это дня рождения Джина обвинила Кэтрин, ЛаТойю и Рэнди в том, что они избили её в коридоре здания «Motown».

Джермен Джексон с писателем Рэнди Тараборрелли в 1980 году. В то время когда Джексон сомневался стоит ли ему оставаться в компании «Motown», его братья подписали контракт

с Си-би-эс. Он сказал Тараборрелли: «Я не считаю, что я их бросил. Я думаю, что они бросили меня....здесь в «Motown».

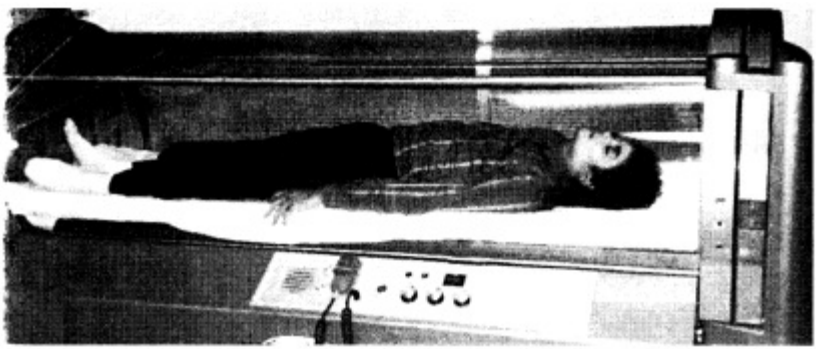
30 ноября 1983 года в «Таверн» в Нью-Йорке прошла пресс-конференция, на которой юыло объявлено, что братья Джексоны объединяются для совместного турне. Майкл не доверял устроителю турне Дону Кингу. «Я не хочу, чтобы он получил хоть цент из моих денег», - сказал он.

Слева направо: Марлон - 26 лет, друг Майкла Эммануэл Льюис - 12 лет, Майкл - 25 лет, Рэнди - 21 год, Тито - 30 лет, Джекки - 32 года и Джермен - 29 лет. Устроитель турне Дон Кинг позирует, показывая символ мира.

7 февраля 1984 года Майкл Джексон был включен в Книгу рекордов Гиннесса за альбом «Thriller» - самую успешную запись в истории музыкальной индустрии. Через два года, 6 мая 1986 года, Майкл опять попал в Книгу рекордов Гиннесса за самую грандиозную сделку с компанией «Pepsi», которая принесла ему 15 миллионов долларов. На этом снимке Майкл со своим менеджером Френком Дилео.

К тому времени когда была сделана эта фотография (7 февраля 1984 года), Майкл Джексон благодаря своему альбому

«Thriller» достиг вершины мировой славы. «Я разрешаю тебе сделать один кадр, - сказал Мйакл фотографу Дэвиду МакГофу, который прождал пять часов, чтобы сделать этот снимок. - Вот так. И если я моргну - твоя проблема». МакГоф сделал свой «один кадр», и результат перед вами. Майкл в шляпе, потому что менее двух недель назад его голова была обожжена при записи рекламного ролика для компании «Pepsi».



Странная барокамера Майкла стала всемирной новостью. До сих пор многие верят, что он так спит. На самом деле это был лишь рекламный трюк, придуманный им самим.

28 февраля 1984 года Майкл Джексон установил новый рекорд в музыкальной индустрии. Он получил беспрецедентное количество наград (8) премии «Грэмми». Большинство из них в течении одного года. Майкл позирует перед фотографами с поднятым вверх большим пальцем, в то время как он бросил свою подругу Брукс Шилдс в её отеле в Лос-Анджелесе сразу после вечеринки, устроенной в честь награждения.

Ко 2 августа 1984 года турне «Viktory», было в полном разгаре. На это фотографии Майкл, которому в этом месяце исполнится 26 лет, выступает в «Мэдисон-Сквер-Гарден».

Март 1988 года. На сцене двадцатилетний Майкл во время турне «Bad».

К 1990 году родители Майкла - Кэтрин 60 лет и Джозеф 61 года - все еще были вместе, несмотря на 41 неблагополучного брака. Когда Майкл уехал из дома в 1988 году, он не сказал об этом родителям. Они услышали обо всем оп телевиденшо.

6 августа 1990 года, Майкл с Дональдом Трампом на открытии «Тадж-Махал» - казино в Атлантик-Сити, принадлежащего ему.

Две фотографии заменят тысячу слов: двенадцатилетний Майкл в 1977 году до пластических операций... и Майкл в 32 года.

8 мая 1990года Майкл получает награду «Би-эм-ай» в Беверли-

Хиллз.

Примечания

1

11 октября 1989 года руководство средней школы на Гарднер-стрит учредило «Класс Майкла Джексона» в его честь. Майкл посетил церемонию. «Это самый счастливый день в моей жизни, — сказал он в своей короткой речи. — Я люблю вас».

2

Отец Джеки Кугана, мудро распоряжавшийся его деньгами, погиб в результате несчастного случая, когда сыну было 20 лет. Когда мать снова вышла замуж, отчим стал жить так роскошно, что наконец в 1938 г. Куган через суд получил право распоряжаться деньгами, которые он заработал в детстве. Выяснилось, что там оставалось совсем немного. Годом позже конгресс принял Билль о детях-актерах, более известный как Акт Куган, который требует, чтобы 25 процентов заработанного ребенком помещалось в траст.

3

Дек Ричардс пояснил, что эта песня первоначально предназначалась для нового приобретения Motown - For Sea Sons. Поскольку лидер группы Фрэнки Валли долго не мог принять участия в записи, ее передали Джексонам.

4

Причиной, по которой Джермен стал петь первые партии, было то, что продюсер группы Дек Ричарде был госпитализирован со смешением позвоночного диска; он не хотел, чтобы его партнеры Фоне Мизелл и Фредди Перрен работали без него с Майклом, поэтому поручил им напи -сать что-нибудь для Джермена. Это была песня I Found That Girl, на обороте The Love You Save.

5

«E.T.» (англ.) — внеземное пространство.

6

Смелли — вонючка (англ. разг.).